

ВЕЛИКАЯ ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ВОЙНА

в истории и памяти народов Юга России: события, участники, символы

Материалы
VI Всероссийской научной конференции
с международным участием,
посвященной 80-летию Победы
в Великой Отечественной войне

г. Ростов-на-Дону
4–7 июня 2025 г.

ФЕДЕРАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ЦЕНТР
ЮЖНЫЙ НАУЧНЫЙ ЦЕНТР РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

ФОНД «ИСТОРИЯ ОТЕЧЕСТВА»

ВЕЛИКАЯ ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ВОЙНА В ИСТОРИИ И ПАМЯТИ НАРОДОВ ЮГА РОССИИ: СОБЫТИЯ, УЧАСТНИКИ, СИМВОЛЫ

Материалы VI Всероссийской научной конференции с международным участием, посвященной 80-летию Победы в Великой Отечественной войне

(г. Ростов-на-Дону, 4–7 июня 2025 г.)

Ростов-на-Дону
Издательство ЮНЦ РАН
2025

УДК 97(47)07/08(470.6)(063)
В27

Издается при финансовой поддержке
фонда «История Отечества»

Редакционная коллегия:
академик РАН *Г.Г. Матишов* (отв. редактор),
д.г.н. *С.В. Бердников*, д.и.н. *Е.Ф. Кринко*,
к.филол.н. *Т.Е. Гревцова*, к.филол.н. *Н.А. Власкина*, *Р.Г. Михалюк*

В27 Великая Отечественная война в истории и памяти народов Юга России: события, участники, символы: материалы VI Всероссийской научной конференции с международным участием, посвященной 80-летию Победы в Великой Отечественной войне (г. Ростов-на-Дону, 4–7 июня 2025 г.) / [отв. ред. акад. Г.Г. Матишов]. – Ростов-на-Дону: Издательство ЮНЦ РАН, 2025. – 608 с. – ISBN 978-5-4358-0271-9.

В сборнике материалов VI Всероссийской научной конференции с международным участием «Великая Отечественная война в истории и памяти народов Юга России: события, участники, символы» представлен широкий спектр тем: от анализа новых источников до реконструкции хода боевых действий на юге страны. Особое внимание уделено социальной мобилизации общества, адаптации экономики и культуры к условиям войны, а также повседневности фронта и тыла. Ряд статей посвящен оккупационному режиму, коллаборационизму и партизанскому движению, а также трансформации исторической памяти через установку памятников, применение цифровых технологий и разработку образовательных методик. Актуализируются дискуссии о сохранении наследия войны в многонациональном пространстве и противодействии случаям фальсификации истории.

Издание предназначено для научных работников, преподавателей, аспирантов, студентов, а также всех заинтересованных читателей.

УДК 97(47)07/08(470.6)(063)

Редколлегия не несет ответственности за достоверность приводимой авторами информации. Ответственность за нарушение интеллектуальных прав третьих лиц несут авторы либо лица, их представляющие.

ISBN 978-5-4358-0271-9 **© ЮНЦ РАН, 2025**

FEDERAL RESEARCH CENTRE
THE SOUTHERN SCIENTIFIC CENTRE OF THE RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES

THE *HISTORY OF MOTHERLAND* FUND

THE GREAT PATRIOTIC WAR IN THE HISTORY AND MEMORY OF THE PEOPLES OF THE SOUTH OF RUSSIA: EVENTS, PARTICIPANTS, AND SYMBOLS

Proceedings of the 6th All-Russian Scientific Conference (With the International Component) Dedicated to the 80th Anniversary of the Victory in the Great Patriotic War

(Rostov-on-Don, 4–7 June 2025)

Rostov-on-Don
SSC RAS Publishers
2025

UDC 97(47)07/08(470.6)(063)
M39

Published with the financial support
from the *History of Motherland* Fund

Editorial Board:
Academician RAS *Matishov, G.G.* (Managing Editor),
Dr (Geography) *Berdnikov, S.V.*, Dr (History) *Krinko, E.F.*,
PhD *Grevtsova, T.E.*, PhD *Vlaskina, N.A.*, and *R.G. Mikhalyuk*

M39 **Matishov, G.G. (Ed.) (2025). The Great Patriotic War in the History and Memory of the Peoples of the South of Russia: Events, Participants, and Symbols.** Proceedings of the 6th All-Russian Scientific Conference (With the International Component) Dedicated to the 80th Anniversary of the Victory in the Great Patriotic War (Rostov-on-Don, 4–7 June 2025). Rostov-on-Don: SSC RAS Publishers. 608 p. (In Russian). ISBN 978-5-4358-0271-9.

The proceedings of the 6th All-Russian Scientific Conference (with the international component) 'The Great Patriotic War in the History and Memory of the Peoples of the South of Russia: Events, Participants, and Symbols' cover a broad range of topics – from the analysis of novel sources to the reconstruction of hostilities in the southern regions of the country. Particular attention is given to the social mobilization, the adaptation of economy and culture to wartime conditions, and the everyday realities at the front and in the rear. Several articles analyse the occupation regime, collaborationism, and the partisan movement, along with the transformation of historical memory through monument erection, the application of digital technologies, and the development of educational methods. Discussions on preserving the legacy and heritage of the war within a multicultural context and countering falsifications of history are also highlighted.

This publication is intended for researchers, teachers, graduate and undergraduate students, as well as all readers interested in the considered issues.

UDC 97(47)07/08(470.6)(063)

The Editorial Board is not liable for the possible inaccuracy of the information provided by the authors. The authors or/and their representatives are responsible for the violation of the third parties intellectual property rights.

ISBN 978-5-4358-0271-9 **© SSC RAS (2025)**

ПРЕДИСЛОВИЕ

В этом году мы отмечаем знаменательную дату – 80-летие Победы в Великой Отечественной войне. Время неумолимо всё больше и больше отдаляет нас от той грозной эпохи. Все меньше остается живых участников и очевидцев самого тяжелого международного конфликта. Наряду с этим мы наблюдаем в мире явное желание пересмотреть его итоги. Именно поэтому сегодня, в условиях новых острых вызовов современности, важнейшее значение приобретает глубокое осмысление уроков войны, имеющих не только научное, но и нравственное значение.

На юге нашей страны, на огромной территории от берегов Чёрного и Азовского морей, от Дона и Донбасса до Волги и Кавказских гор, в годы Великой Отечественной войны разворачивались широкомасштабные и кровопролитные оборонительные и наступательные стратегические операции. Именно здесь враг в итоге был остановлен и был дан старт освобождению нашей земли от немецко-фашистских захватчиков.

Жителям южных регионов пришлось пережить тяжелую нацистскую оккупацию, сопровождавшуюся массовыми военными преступлениями захватчиков и их пособников. Победа была достигнута путем невиданного напряжения сил всех народов нашей страны, мужеством и самопожертвованием миллионов бойцов и командиров Красной армии и Военно-морского флота, партизан и подпольщиков, тружеников тыла.

Совсем недавно мы отмечали 300-летний юбилей Российской академии наук. Советские ученые своими разработками обеспечивали нужды фронта, потребности Вооруженных сил СССР и населения страны в различных сферах. Они создавали новые средства вооружения и военной техники, медикаменты и способы оказания медицинской помощи, осваивали новые месторождения полезных ископаемых, сырья и топлива, всемерно укрепляя обороноспособность страны. Всё это позволило технически превзойти противника и одержать Победу, а затем восстановить экономику страны, понесшей огромные потери.

Мы рады представить сборник материалов VI Всероссийской научной конференции с международным участием «Великая Отечественная война в истории и памяти народов Юга России: события, участники, символы», посвященной 80-летию Победы в Великой Отечественной войне. Наша конференция стала важной площадкой для обсуждения военной проблематики: результаты своих исследований представляют более 180 специалистов из 27 регионов России, а также из Республики Абхазии, Республики Азербайджан, Республики Армении, Республики Беларуси, Республики Казахстан, Республики Кыргызстан, Монголии, Республики Сербии и Республики Узбекистан. Традиционно участие в конференции принимают представители не только разных областей исторической науки, но и других областей знания.

Статьи, вошедшие в сборник, охватывают широкий спектр тем: от анализа конкретных боевых операций на территории Юга России до изучения различных форм сопротивления врагу на оккупированной территории и вопросов коллаборационизма части населения, от исследования судеб отдельных участников войны до анализа механизмов сохранения исторической памяти о Великой Отечественной войне в современных условиях. Особое внимание уделено вкладу различных народов, населяющих Юг России, в общую Победу, а также формированию символического пространства, связанного с событиями войны.

Авторы сборника – историки, архивисты, краеведы, преподаватели вузов, аспиранты и студенты, работники музеев, руководители и члены общественных организаций – представляют различные научные школы и исследовательские подходы. Объединяет их стремление к объективному и всестороннему изучению истории Великой Отечественной войны, к сохранению исторической правды и противодействию попыткам фальсификации событий тех лет.

Проведение данной конференции – это наш долг перед памятью тех, кто отдал свои жизни за свободу и независимость Отечества. Мы надеемся, что материалы сборника станут ценным источником информации для всех, кто интересуется историей Великой Отечественной войны, и помогут сохранить историческую память о подвиге советского народа, отстоявшего свободу и независимость нашей Родины и избавившего мир от нацистского порабощения.

Заместитель президента РАН,
научный руководитель ЮНЦ РАН
академик **Г.Г. Матишов**

Раздел 1. Новые подходы, оценки и источники в изучении Великой Отечественной войны

А.В. Баранов

СОВРЕМЕННАЯ СЕРБСКАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ КАК КАНАЛ ФОРМИРОВАНИЯ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ

Тема статьи актуальна, поскольку современная Сербия остается одной из немногих стран Европы, где сохраняется позитивная историческая память о роли Красной армии в освобождении от нацистской оккупации. В этой связи важно понять, какова повестка дня современной сербской историографии Второй мировой войны, какие нарративы и дискурсы историография поддерживает, а какие остаются маргинальными. И конечно, тема злободневна для выбора приоритетов российской «мягкой силы» на Западных Балканах, что, в частности, отметил советник-посланник Посольства Российской Федерации в Сербии А.Н. Кононыхин на встрече с делегацией Кубанского государственного университета 28 февраля 2025 г.

Цель статьи – определить роль современной сербской историографии Второй мировой войны в формировании исторической памяти.

Для анализа отобраны статьи и рецензии, опубликованные в ведущих сербских исторических журналах («Војноисторијски гласник», "Istorija 20. veka", «Токови историје», «Архив, часопис Архива Југославије» (г. Белград)) за 2015–2024 гг. Выбраны такие аспекты, как дипломатия СССР и Германии в отношении Югославии в 1939 – марте 1941 г., агрессия стран фашистского блока и оккупационный режим, движение Сопротивления, формирование государственности Федеративной Народной Республики Югославии (далее – ФНРЮ) в 1943–1945 гг., освобождение Белграда, послевоенное дипломатическое урегулирование статуса Югославии. Наши подсчеты в рамках указанной выборки показали, что статьи и рецензии по тематике Второй мировой войны составляют от 21 до 27 % работ в тех или иных журналах за каждый из десяти изученных лет. Публикации сербских исследователей сравниваются с синхронными работами российских историков по аналогичной тематике. Учтены также популярные тексты, опубликованные на просветительских сайтах [8; 10].

В статье применены системный подход, социальный конструктивизм, качественный дискурс-анализ. Политика памяти оценивается в качестве

системы принципов, целей, направлений и мер субъектов целенаправленного курса, формирующего отношение граждан страны к истории. В политике памяти особенно важны одобряемые и транслируемые властью оценки важнейших событий прошлого [16: 28–44], одним из которых для Сербии является Вторая мировая война [3: 139–160; 11: 659–674]. Именно модальность оценки событий, выбор исторических героев, дат и мест коммеморации служит важным ресурсом конструирования и воспроизводства национальной идентичности. Мы учитываем и то, что профессиональная историческая наука зависит от стереотипов общественного мнения страны, от текущей политической конъюнктуры [14: 142–156]. Восприятие Второй мировой войны в Сербии многослойно: внимание уделяется не только антинацистскому Сопротивлению, но и ожесточенной гражданской войне между коммунистами и монархистами, этнополитическим конфликтам между народами страны, контактам движения Сопротивления с СССР и Великобританией. Это объясняет, почему событиям 1941–1945 гг. в сербской историографии уделяется меньше внимания, чем Первой мировой войне, в которой сербское общество было консолидированным.

Югославия, наряду с Грецией, одна из немногих стран Европы, оказавших упорное сопротивление нацистской агрессии. Антигерманский переворот в Белграде 27 марта 1941 г. способствовал откладыванию начала нацистской агрессии против СССР. Именно массовое партизанское движение в Югославии стало основным внутрирегиональным фактором на Балканах, облегчившим освободительный поход Красной армии. Осенью 1943 г. партизаны уже освободили половину территории страны, сформировали представительные и исполнительные органы власти, Народно-освободительную армию Югославии численностью до 400 тыс. человек [6: 132]. Человеческие жертвы Югославии за годы войны высоки: 1,7 млн из 15,54 млн жителей страны, в основном – мирного населения [6: 138; 5: 146].

Ряд сербских историков (Драган Бакич, Александар Животич, Милана Живанович) исследуют неизвестные аспекты государственного переворота 27 марта 1941 г. в Югославии и вторжения стран фашистского блока (Апрельской войны). Д. Бакич подчеркивает, что участники переворота против прогерманского правительства Д. Цветковича считали себя носителями демократических традиций сербского народа, ниспровергателями непопулярного и антинародного режима. Коалиция противников пакта с Германией была неоднородной, включая и монархистов, и либералов, и социалистов. Д. Бакич отмечает большие заслуги британской спецслужбы Secret Intelligence Service (далее – SIS), военного и авиационного атташе британского посольства в успехе переворота. За месяц до переворота SIS предоставила югославским генералам план германского

нападения, подталкивая заговорщиков к решительным действиям. Эти факты серьезно корректируют ранее принятые представления о том, что британские спецслужбы начали поддержку заговорщиков лишь в марте 1941 г. [17: 333]. Д. Бакич оценивает качества лидеров переворота – генералов Д. Симовича и Б. Мирковича – скептически: «необоснованные и нереалистичные взгляды на внешнюю политику, наполеоновские амбиции и представления о своей важности, а также авантюрная готовность поставить на карту судьбу всей страны» [2: 77].

А. Животич рассматривает оценки, которые советские дипломаты в Белграде давали причинам военного переворота и лозунгам антинацистских демонстраций, составу нового правительства Д. Симовича и прогнозам его политического курса. По мнению историка, длительный разрыв дипломатических отношений между СССР и Югославией (они были восстановлены незадолго до 1941 г.) привел к отсутствию прочных связей дипломатов в госаппарате страны пребывания, к ограниченному доступу к официальным источникам информации, к непониманию и незнанию особенностей Югославии. Поэтому оценки событий временным поверенным в делах СССР В.З. Лебедевым и военным атташе А.Г. Самохиным были односторонними. А. Животич считает, что В.З. Лебедев преувеличивал единодушную поддержку антифашистского переворота и симпатии демонстрантов к СССР. Донесения Лебедева и Самохина в Москву содержали неточные оценки причин и событий переворота, военного потенциала Югославии. Из этого следовал ошибочный вывод об искреннем желании нового правительства сблизиться с СССР [26: 110–116].

М. Живанович уделила внимание неравенству сил армии Королевства Югославия с вермахтом и его сателлитами в апреле 1941 г. Югославские вооруженные силы насчитывали 31 дивизию, из которых полностью были отмобилизованы только 11; страны «оси» сосредоточили на границах 57 дивизий (30 немецких, 23 итальянские и четыре венгерские). М. Живанович подчеркивает патриотизм русских эмигрантов, среди которых погибло 12 % принявших участие в войне 1941 г. «Апрельская война была воспринята представителями русской диаспоры как нападение на свою вторую Родину» [4: 47–48].

А. Животич анализирует также мнения советских дипломатов, оставшихся в Белграде после его оккупации целый месяц, о последствиях разгрома Югославии в итоге Апрельской войны, оккупационном разделе территории страны, оккупационной системе в апреле – июне 1941 г. и эвакуации дипломатических миссий из Белграда. Советская дипломатическая миссия оценивала политическую ситуацию в Сербии и возможности организации сопротивления оккупантам. Оценивая политику Германии в Сербии, советская дипломатия придерживалась мнения, что одна из ее главных целей – «моральное уничтожение сербского народа» [5: 145].

Сербские историки продолжают активно исследовать партизанское движение Сопротивления. В отличие от историков Социалистической Федеративной Республики Югославии, современные авторы подчеркивают вклад различных политических направлений – не только коммунистического, но и монархического, не только просоветского, но и пробританского – в вооруженную борьбу [23 381–392]. Н. Девич изучил последствия неудачи антинацистского восстания осенью 1941 г. Часть партизан отошла в горные местности Санджака, часть – разоружилась и влилась в коллаборационистские полицейские подразделения. Н. Девич установил, что Коммунистическая партия Югославии использовала эти события для создания своей агентуры внутри органов коллаборационистского правительства. После 1944 г. многие из таких агентов были репрессированы за «сотрудничество» с оккупантами [20: 1–18].

К. Николич и Н. Стамболия рассматривают феномен монархических антинацистских организаций в Сербии на примере «Югославской армии на Родине», созданной Д. Михайловичем. Ее история началась на Равной Горе в западной Сербии 11 мая 1941 г. К концу года численность четников, как их стали называть, достигла 39 тыс. человек. Получая на протяжении всей войны поддержку от Великобритании, до 1943 г. сербские монархисты преобладали среди бойцов Сопротивления, по мнению Николича и Стамболии [21: 9–32]. Но возразим, что численность отрядов коммунистического партизанского движения больше, чем монархистов (150 тыс. человек к концу 1942 г.) [18: 197–201]. В боях с оккупантами четники, как и участники коммунистического движения, несли тяжелые потери. К. Николич и Н. Стамболия не отрицают временных соглашений четников с коллаборационистами, как и с коммунистами. По мнению историков, в период Второй мировой войны в Югославии одновременно развивались три мощных конфликта: между оккупантами и антифашистскими силами, между коммунистами и монархистами, а также между этническими группами [21: 9–32].

В отличие от исследователей социалистического периода, современные сербские историки активно исследуют проявления коллаборационизма и этнократические режимы, установленные оккупантами в Хорватии, Черногории и Боснии. Так, Н. Стамболия детально изучил действия Сербской государственной гвардии – вооруженного формирования, созданного оккупантами для охранных и карательных функций в марте 1942 г. Его активность закончилась интеграцией в ряды четников и изгнанием из страны после победы Народно-освободительной армии ФНРЮ [22: 323–344]. С. Трифкович, Д. Цветкович, Р. Тукович, А. Стоянович посвятили работы анализу преступлений нацистов и их пособников против мирного населения. Р. Тукович доказал ключевую роль нацистской полиции безопасности и службы безопасности в организации геноцида

в Югославии, изучив материалы допросов и показания на суде руководителей данных нацистских структур в Сербии [25: 357–358]. Как установил С. Трифкович, «ключевой чертой движения усташей, Хорватского государства, которое оно создало, и режима, который оно установило, был преднамеренный геноцид – террор против сербов». Всего истреблено 300 тыс. из 1,9 млн сербов в границах Независимого государства Хорватия [24: 218]. А. Стоянович раскрывает военные преступления 1-й казачьей кавалерийской дивизии, сформированной из эмигрантов и «антисоветских элементов», на территории Восточной Хорватии и Боснии в 1943–1944 гг. Исследователь подчеркивает, что формирование получало приказы генерал-полковника А. Йодля по организации убийств, пыток и изнасилований гражданских лиц [13: 113–114]. Д. Цветкович провел подсчеты жертв в самых крупных концлагерях Сербии – Топовске Шупе и Саймиште, где содержались 79,5 % заключенных – евреев мужского пола из числа находившихся в Сербии, 86,5 % из них погибли [19: 92]. 27 февраля 2025 г. в Русском доме (г. Белград) состоялся научный семинар, организованный Международным исследовательским центром Второй мировой войны. Историки из Сербии, Словении, России и Израиля представили новые факты расследований нацистских и усташских преступлений в концлагерях Ясеновац, Донья Градина, Старо Саймиште и Црвен Крст. Особое внимание уделено поиску сведений о советских гражданах, погибших в Югославии. Решаются вопросы сотрудничества архивов Сербии и РФ, создания единой базы данных о жертвах нацизма, совершенствования методов сохранения исторической памяти о движении Сопротивления [15].

Традиционно значительное внимание историки уделяют Белградской освободительной операции РККА. Российский специалист Ф.Л. Синицын акцентирует внимание на масштабах военной и политической помощи СССР антифашистскому движению в Югославии по таким направлениям, как обучение югославских военнослужащих, создание из их числа воинских формирований, комплектование воинских частей и обучение их личного состава, направление военных советников и инструкторов, материально-техническое снабжение Национально-освободительной армии Югославии (далее – НОАЮ) [12: 189–197]. На этой основе стали эффективными совместные действия РККА и НОАЮ по освобождению Белграда в октябре 1944 г. Силы 2-го и 3-го Украинских фронтов, наступавших на столицу Югославии, насчитывали до 300 тыс. человек при поддержке 1-й армейской группы НОАЮ и 150 тыс. военнослужащих болгарской армии. Поддержку освободителям оказали отряды Союза советских патриотов – хорошо организованной структуры русских эмигрантов. В результате штурма города 14–20 октября 1944 г. столица была освобождена. В битве за Белград погибли 2953 югославских и 961 советский воин [1: 146–150; 7; 9; 10].

Таким образом, современная сербская историография Второй мировой войны играет значительную роль в формировании исторической памяти об антифашистском Сопротивлении и освободительной миссии Красной армии. Внимание историков сосредоточено на таких научных направлениях, как дипломатия СССР и Германии в отношении Югославии в 1939 – марте 1941 г., агрессия стран фашистского блока и оккупационный режим, движение Сопротивления, формирование государственности ФНРЮ в 1943–1945 гг., освобождение Белграда и территории страны, послевоенное дипломатическое урегулирование статуса Югославии.

Источники и литература

1. *Азясский Н.Ф.* Борьба за освобождение народов Югославии (Белградская операция) // Вестник МГИМО-Университета. 2015. № 1 (40). С. 144–152.

2. *Бакић Д.* Слепа амбиција или британска субверзија?: Југословенски официри, британске обавештајне службе и државни удар од 27. марта 1941. године // Војноисторијски гласник. 2021. № 2. С. 53–83.

3. *Живановић М.* Политика сећања у Југославији на ослободилачке операције 1944. и улогу Црвене армије // Токови историје. 2020. № 2. С. 139–160.

4. *Живанович М.* «Я почувствовал себя сербом...»: русские эмигранты в апрельской войне 1941 года // Военно-исторический журнал. 2021. № 9 (737). С. 46–55.

5. *Животић А.* Совјетска дипломатија о првим данима окупације Србије (април – јун 1941) // Токови историје. 2020. № 1. С. 135–154.

6. *Касюк А.Я., Криворучко А.А.* Борьба Югославии против фашистской Германии в годы Второй мировой войны // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Общественные науки. 2017. № 4 (788). С. 126–139.

7. *Марковић О.* Међународни научни скуп «Ослобођење Београда 1944. године», Архив Југославије, 20. и 21. октобар 2009 // Архив, часопис Архива Југославије. 2009. № 1–2. С. 172–177.

8. *Опачић Д.* Београд је ослободила Црвена Армија, и то је то! URL: https://srbin.info/pocetna/aktuelno/beograd-je-oslobodila-crvena-armija-i-to-je-to/ (дата обращения: 03.03.2025).

9. Ослобођење Београда 1944: зборник радова / за изд.: М. Митровић, К. Никифоров, М. Милошевић, Л. Решетников. Београд, 2010.

10. Ослобођење Београда, 80 година после: Сећање на шест дана Октобра 1944. URL: https://oko.rts.rs/lektira/5086120/oslobodjenje-beograda-80-godina-posle-secanje-na-sest-dana-oktobra-1944.html (дата обращения: 03.03.2025).

11. *Помигуев И.А., Салахетдинов Э.Р.* Политика памяти о Второй мировой войне в бывших республиках социалистической Югославии: символические и коммеморативные аспекты // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2021. Т. 23. № 4. С. 659–674.

12. *Синицын Ф.Л.* Военная помощь Советского Союза национально-освободительному движению Югославии в годы Второй мировой войны // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2023. Т. 23. № 2. С. 189–197.

13. *Стојановић А.* Злочини Прве козачке дивизије у НДХ 1943. године: перспектива жртава, хрватских војних и цивилних власти // Токови историје. 2024. № 1. С. 91–118.

14. *Тимофеев А.Ю.* Метаморфозы памяти о боевом братстве русских и сербов в годы Второй мировой войны в современной Сербии // Вестник МГИМО-Университета. 2020. Т. 13. № 4. С. 142–156.

15. У Руском дому у Београду евоцирају сећање на нацистичке злочине. URL: https://srbin.info/kultura/u-ruskom-domu-u-beogradu-evociraju-secanje-na-nacisticke-zlocine/ (дата обращения: 03.03.2025).

16. *Фелькер А.В.* Исследования наследия и политики памяти: в поисках общих подходов // Политическая наука. 2018. № 3. С. 28–44.

17. Югославия в XX веке: очерки политической истории / отв. ред. К.В. Никифоров. М., 2011.

18. *Anić N., Joksimović S., Gutić M.* Narodno oslobodilačka vojska Jogoslavije. Pregled Razvoja Oruzanih Snaga Narodnooslobodilnackog pokreta 1941–1945. Beograd, 1982.

19. *Cvetković D.* Logori Topovske Šupe i Sajmište kao centralna mesta holokausta u okupiranoj Srbiji – numeričko određenje i kvantitativna analiza // Istorija 20. veka. 2018. God. 36. № 1. S. 69–92.

20. *Dević N.* Legalizacija partizana u Srbiji 1941–1942 // Istorija 20. veka. 2021. God. 39. № 1. S. 1–18.

21. *Nikolić K., Stambolija N.* Royalist resistance movement in Yugoslavia during the Second World War // Istorija 20. veka. 2018. God. 36. № 2. S. 9–36.

22. *Stambolija N.* Serbian State Guard in Occupied Serbia 1942–1944 // Istorija 20. veka. 2022. God. 40. № 2. S. 323–344.

23. *Torkar B.* Misunderstandings. Regarding the Operation of the British Floydforce Among Yugoslav Partisans // Istorija 20. veka. 2024. God. 42. № 2. S. 381–392.

24. *Trifković S.* Ustaša Crimes, Serbian Victims, Numbers and Politics: toward a Rational Debate // Istorija 20. veka. 2020. God. 38. № 1. S. 203–222.

25. *Tucović R.* Od relativizacije do negiranja ratnih zločina: Analiza saslušanja bivših rukovodilaca nemačke policije bezbednosti u okupiranoj Srbiji 1941–1944 // Istorija 20. veka. 2023. God. 41. № 2. S. 345–360.

26. *Životić A.* Sovjetska diplomatija o događajima 26/27. Marta 1941. u Jugoslaviji // Istorija 20. veka. 2019. God. 37. № 2. S. 105–120.

И.В. Киселёв

КОМПЛЕКС ИСТОЧНИКОВ О РАБОТЕ ПОЛИТИЧЕСКИХ ОРГАНОВ КРАСНОЙ АРМИИ В УСЛОВИЯХ БИТВЫ ЗА КАВКАЗ 1942–1943 гг.

«Дневников на войне я не вел», – с этих слов начинается книга самого известного политработника Красной армии, участвовавшего в Битве за Кавказ [1: 3]. Действительно, Л.И. Брежнев, как и подавляющее большинство советских военнослужащих, не вел дневниковых записей. Тем не менее сложился широкий и разнообразный круг источников, которые позволяют получить представление о партийно-политической работе в Вооруженных силах СССР в период боев на Северном Кавказе в 1942–1943 гг.

Напомним, что советская историография описывала деятельность политических органов во время Великой Отечественной войны в превосходных тонах. Исключения из этого правила встречались редко, касались отдельных малозначительных эпизодов и лишь подчеркивали сложившуюся парадигму «о руководящей роли Коммунистической партии в достижении победы». С падением советского строя сложилась прямо противоположная картина. Образовавшаяся лакуна во многом оказалась заполнена публицистикой, а также материалами личного происхождения, которые формируют преимущественно негативный образ политработника [8: 60–61].

Во многом эти противоречия порождаются тем разнообразием мнений о значении усилий политических органов Вооруженных сил СССР накануне и в годы Великой Отечественной войны, которые существуют в различных исторических источниках. Их анализ предпринимался в диссертациях В.В. Жаркова [3: 12–16] и В.В. Морева [6: 2–3], ряде других научных публикаций, однако применительно к Битве за Кавказ глубоко не проводился. В статье о политической работе среди советских войск в ходе Северо-Кавказской оборонительной операции автор этих строк вынужден был ограничиться обзором источниковой базы [5]. Необходимость заполнить этот пробел определила цель данной публикации – критически осмыслить совокупность источников о деятельности политорганов Красной армии в период Битвы за Кавказ 1942–1943 гг. Этот период оказался переломным для всего хода Великой Отечественной войны и многое изменил в работе политических органов вооруженных сил.

Начало боев на кавказском направлении совпало с выходом приказа И.В. Сталина № 227 от 28 июля 1942 г. Его прямота и категоричность отражали

критическое положение Советского государства, а значит, требовали перестройки агитационной работы в войсках и повышенного внимания к воинской дисциплине. Последующие приказы народного комиссара обороны, приуроченные к основным государственным праздникам СССР, не были столь радикальны по своему содержанию, но всё же вносили коррективы в содержание агитационно-пропагандистской работы. Еще одним фактором, оказавшим заметное влияние на деятельность политических органов, стал национальный вопрос. Его значение подчеркивалось в директиве Главного политического управления (далее – ГлавПУ) РККА № 012 от 17 сентября 1942 г. Сами политические органы переживали реорганизацию. 9 октября 1942 г. в Красной армии был упразднен институт военных комиссаров и вновь было установлено единоначалие. Влияние политорганов частей и соединений на рядовой и особенно командный состав советских войск оказалось под вопросом. В мае 1943 г. были ликвидированы должности заместителей по политической работе в ротном звене, изменениям подверглась структура партийных и комсомольских организаций вооруженных сил.

Ключевое значение для понимания деятельности политических органов Красной армии в условиях Битвы за Кавказ имеют документы ГлавПУ РККА, политических управлений и отделов Северо-Кавказского и Закавказского фронтов, Северной и Черноморской групп войск, а также входивших в их состав армий. Этот корпус источников содержит самый объемный массив информации о партийно-политической работе в период Битвы за Кавказ, но и он не лишен противоречий. Содержание многих политдонесений и отчетов, направляемых вышестоящему руководству, сводится к тезису о том, что «политико-моральное состояние личного состава частей армии здоровое и устойчивое» [10: 620]. Именно так начинается донесение за август 1942 г. начальника политотдела 46-й армии полкового комиссара И.П. Маркова.

В то же время основанные на результатах различных проверок директивы, приказы и обзоры, напротив, содержат сведения о массе недостатков. В этом отношении показательной стала директива ГлавПУ РККА № 01 от 24 января 1943 г. «О недостатках в агитационно-пропагандистской и организационно-партийной работе в Черноморской и Северной группах». В ней подвергнуты критике практически все направления деятельности политорганов Закавказского фронта и подчиненных ему групп войск: воспитательная работа, поддержание воинской дисциплины, решение национальных вопросов, культурное обслуживание и материально-бытовое обеспечение личного состава. Причем эти выводы были сделаны по результатам выборочной проверки ряда частей и соединений [7: 206–207].

Стороннюю оценку деятельности армейских политработников можно встретить в документах органов государственной безопасности

и контрразведки. К сожалению, этот корпус источников остается практически недоступным для исследователей, но даже те немногие документы, что рассекречены, отличаются информативностью и красноречием. Примером тому служит справка особого отдела 4-й воздушной армии в связи с упомянутым выше введением единоначалия. Из нее следует, что отдельные летчики и авиационные техники откровенно злорадствовали: «Политработники повесили носы». Некоторые прежние комиссары устранились от участия в жизни подчиненных и принятия решений, отделываясь фразами: «Видишь ли, я тут ни при чем, сейчас единоначалие» – или: «Я не комиссар, и по всем вопросам обращайтесь к командиру полка». Другие были рады освободиться от ответственности за личный состав или переживали за свою карьеру [12: 139–141].

Однако до начала 1990-х гг. введение всех этих материалов в научный оборот происходило избирательно – бросить тень на деятельность политических органов советских вооруженных сил считалось недопустимым. Даже секретный отчет «Партийно-политическая работа в битве за Кавказ (июль – декабрь 1942 г.)», подготовленный в 1948 г., содержит обзор исключительно положительного опыта. Его критического осмысления так и не произошло [9: 73–74].

Основным источником сведений об участии политработников в Битве за Кавказ оставались мемуары советских военачальников, где достаточно шаблонно излагались усилия по ведению партийно-политической работы в войсках и примеры героизма политруков и комиссаров. О реальном отношении командного состава к политработникам можно догадываться исходя из теплых слов в адрес конкретных должностных лиц или, напротив, замалчивания их присутствия.

По роду своей деятельности тесно общались с политуправлениями фронтов и политотделами армий советские военные журналисты, в частности такие советские писатели, как А.А. Первенцев и К.М. Симонов. Но за время их пребывания на Кавказе в 1943 г. они оставили в своих дневниковых записях очень скупые сведения о взаимодействии с политическими органами. Одной из самых содержательных книг о них стали мемуары начальника политотдела 47-й армии М.Х. Калашника. Автору удалось показать механизм работы политических органов фронтового, армейского и дивизионного уровня, практику реализации директив ГлавПУ РККА и решения текущих задач. Воспоминания М.Х. Калашника изложены в положительном ключе, да и не могло быть иначе в 1970-е гг. Тем не менее бывший полковой комиссар сумел в отдельных эпизодах обрисовать самые проблемные вопросы, стоявшие перед политработниками на Северном Кавказе [4: 19, 71, 89].

Наряду с этим взглядом сверху выделим дневник Н.А. Гендлина, находившегося на должности замполита в одной из батарей артдивизиона

68-й морской стрелковой бригады. На его страницах изложены подробности повседневной службы политработников низового звена в условиях Битвы за Кавказ: разъяснение хода войны сослуживцам и обсуждение их вопросов, проведение партийных собраний и работа с активом. Автор разделял с другими военнослужащими все тяготы жизни на передовой: обстрелы и бомбежки, тяжелые переходы и обустройство позиций, нехватку продовольствия и бытовые проблемы. Однако из записи, сделанной 18 февраля 1943 г., видно, что подходы к политработе вышестоящих органов могли вызвать раздражение и у самого политрука Гендлина: «Вчера какой-то представитель политотдела 46-й армии, капитан, всю ночь преследовал меня, допытываясь, каким образом я осуществляю "политобеспечение боя", какая задача поставлена коммунистам и т.д. и т.п. Этот "представитель", видимо, не выходит из штаба армии, а кроме этого, трус порядочный» [2].

Столь же широкий разброс мнений о роли политических органов во фронтовой жизни встречается в интервью и воспоминаниях, введенных в научный оборот в 1990–2000-е гг. В частности, обзор около 40 интервью участников Битвы за Кавказ на сайте «Я помню» продемонстрировал поляризацию взглядов в отношении политработников – от резко негативных до положительных [13].

Советская печать всячески подчеркивала роль Коммунистической партии в борьбе с захватчиками. А выпуск газет и других периодических изданий в советских вооруженных силах возлагался на политические органы, и этот вид источников прекрасно демонстрирует уровень их работы. Собственные печатные органы существовали во фронтовых объединениях «Боец РККА» Закавказского фронта, «Вперед за Родину!» Северной группы войск, «Вперед к победе!» Северо-Кавказского фронта и Черноморской группы войск. Свою газету выпускала каждая общевойсковая армия. Как раз их содержание вызывало критику со стороны политуправления Черноморской группы войск. В директиве 19 сентября 1942 г., подписанной бригадным комиссаром Л.И. Брежневым, были озвучены многие недостатки, в том числе касавшиеся освещения партийно-политической работы: «Красноармейские газеты фронта в сложной обстановке оборонительных боев, которые вели войска в июле и августе, не вполне справились со своими задачами. Редакционные работники не поняли изменившейся обстановки и продолжали работать так же, как и в период зимних и весенних позиционных боев. <…> Газеты не критикуют таких партийных и политических работников, коммунистов и комсомольцев, которые не ведут наступательной агитационно-разъяснительной работы среди бойцов. На страницах газет совершенно недостаточно материалов о работе парторгов и комсоргов» [11: 33–34]. Приведенная цитата

свидетельствует, что содержанием материалов армейских и фронтовых газет не были удовлетворены даже руководители политических органов.

Наконец, нельзя не сказать о пристальном внимании противника к политическим органам Красной армии. Соответствующая информация содержится в материалах допросов пленных советских солдат и офицеров. На их основе готовились сводки отделов разведки и контрразведки соединений вермахта.

Таким образом, из анализа источников как официального, так и личного происхождения складывается крайне противоречивая картина. Мнения о характере и эффективности политической работы среди советских войск в условиях Битвы за Кавказ 1942–1943 гг. носят диаметрально противоположный характер. Думается, одна из причин кроется в абстрактности критериев оценки этой работы, ведь такие понятия, как «боевой дух», «моральная устойчивость» и «сознательность», практически невозможно отобразить в цифровых показателях, которые применимы к оценке успехов на поле боя или тылового обеспечения. С другой стороны, мнение о качестве политической работы и отдельных политработников во многом зависело от позиции автора документа. Очевидно другое – пресловутая «работа с личным составом», будь она «партийно-политической» или «воспитательной», предполагала наличие высоких профессиональных и нравственных качеств самого политработника.

Источники и литература

1. *Брежнев Л.И.* Малая земля. М., 1978.

2. *Гендлин Н.А.* Дневники. 1941–1945. URL: https://corpus.prozhito.org/notes?date=%221943-02 (дата обращения: 26.02.2025).

3. *Жарков В.В.* Политическая работа в РККА: 1929–1939 гг.: автореф. дис. … канд. ист. наук. Ярославль, 2005.

4. *Калашник М.Х.* Испытание огнем. 3-е изд. М., 1985.

5. *Киселёв И.В.* «…Люди постепенно всё больше проникались сознанием своей силы». Политическая работа в советских войсках в ходе обороны Кавказа 25 июля – 31 декабря 1942 года // Военно-исторический журнал. 2022. № 2. С. 14–21.

6. *Морев В.В.* Воспитательная работа в войсках по охране тыла действующей армии в период Великой Отечественной войны: июнь 1941 – май 1945 гг.: автореф. дис. … канд. ист. наук. М., 2004.

7. Русский архив: Великая Отечественная. Главные политические органы Вооруженных сил СССР в Великой Отечественной войне, 1941–1945 гг.: док. и материалы. Т. 17 (6) / сост. Н.И. Бородин, Н.В. Усенко. М., 1996.

8. *Тажидинова И.Г., Рожков А.Ю.* Политруки vs «другие» в коммуникативном пространстве фронта // Пути к Победе. Человек, общество,

государство в годы Великой Отечественной войны: материалы XIII Международной научной конференции / отв. ред. А.К. Сорокин. М., 2021. С. 55–62.

9. Центральный архив Министерства обороны Российской Федерации (далее – ЦАМО РФ). Ф. 15. Оп. 11600. Д. 1286.

10. ЦАМО РФ. Ф. 47. Оп. 1019. Д. 52.

11. ЦАМО РФ. Ф. 276. Оп. 832. Д. 19.

12. ЦАМО РФ. Ф. 319. Оп. 4818. Д. 22.

13. Я помню. Воспоминания. URL: https://iremember.ru/memoirs/?battle=2141 (дата обращения: 28.02.2025).

А.Е. Епифанов

ИЗ ИСТОРИИ БОЕВОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ МЕДИКО-САНИТАРНОЙ СЛУЖБЫ МЕСТНОЙ ПРОТИВОВОЗДУШНОЙ ОБОРОНЫ НКВД СССР В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

С первого же дня вероломного нападения немецко-фашистских войск на Советский Союз авиация противника обрушила свои удары на мирные города, промышленность, транспорт, сея смерть и разрушения. Начавшиеся боевые действия вражеской авиации определили ее задачи в части нападения на населенные пункты СССР. Они сводились к стремлению подавить волю советских людей к сопротивлению, нарушить коммуникации, нанести удары по опорным пунктам Красной армии, вывести из строя предприятия промышленности.

В ходе своих налетов вражеские самолеты стремились поджечь намеченный к поражению объект, осветить его при бомбардировке в ночное время, бомбить намеченные цели после предварительной тактической разведки [5: 269]. Организованные в населенных пунктах и на железнодорожном транспорте мероприятия местной противовоздушной обороны делали их менее уязвимыми и сводили жертвы от авианалетов к минимуму. Подготовка железнодорожного транспорта к противовоздушной обороне в мирное время проводилась в порядке выполнения специально разработанных планов по приведению в состояние готовности к обороне объектов (узлов, станций) на дорогах зоны, находившейся под угрозой [1: 18].

Основными видами работы при этом являлись: формирование и обучение объектовых отрядов; оснащение дорог угрожаемой зоны средствами противохимической защиты, химической разведки, дегазационными инвентарем и материалами; осуществление инженерно-технических мероприятий по строительству командных пунктов, убежищ, медико-санитарных учреждений, обмывочных и дегазационных обустройств, вышковых наблюдательных пунктов и других сооружений; подготовка

работы железных дорог в условиях светомаскировки; предъявление оборонных требований по обеспечению мероприятий местной противовоздушной обороны (далее – МПВО) при новом железнодорожном строительстве, реконструкции и других работах; разработка наставлений, инструкций и положений, определяющих подготовку железных дорог по мероприятиям МПВО в мирное время и порядок их осуществления в военное время. В том числе было разработано «Положение о медико-санитарной службе местной противовоздушной обороны на железнодорожном транспорте» [4: 269].

Медико-санитарная служба (далее – МСС) МПВО как одна из важнейших служб, организованная на базе органов здравоохранения всех ведомств, предназначалась для медицинского и санитарного обслуживания населения в условиях противовоздушной обороны. Перед ней стояли большие задачи по оказанию медицинской помощи пострадавшим и дальнейшему их лечению.

Состояние сил и средств медико-санитарной службы МПВО к началу войны позволило организованно встретить первые удары врага и справиться с оказанием медицинской помощи пострадавшим в больших масштабах. Однако существовавшая до начала военных действий организационная структура МСС МПВО, базировавшаяся на «Временном положении о медико-санитарной службе МПВО», утвержденном Наркомздравом СССР в 1936 г. [4: 269 об.], с началом военных действий оказалась не в состоянии качественно обеспечить выполнение поставленных перед ней боевых задач.

В довоенной структуре МСС МПВО на первом месте стояли вопросы санитарно-химической защиты, а на организацию травматологической помощи внимание обращалось в недостаточной степени. Предвидя, что подобные организационно-тактические недочеты будут препятствовать эффективной деятельности медицинской службы в условиях боевой обстановки, Главное управление (далее – ГУ) МПВО Народного комиссариата внутренних дел (далее – НКВД) СССР еще до войны разработало ряд новых требований, направленных на ее укрепление. В последующем они были учтены Наркомздравом СССР и нашли свое отражение в вышедшем в 1942 г. «Положении о МСС МПВО городов Союза ССР», разработанном названным наркоматом совместно с ГУ МПВО НКВД СССР [4: 269 об.].

Поставленные перед медицинской службой МПВО задачи и сложившаяся боевая обстановка в значительной степени обусловили перестройку и укрепление этой службы. Этому способствовало и то обстоятельство, что МСС МПВО много внимания уделяли ЦК ВКП(б) и правительство. На дополнительное развертывание лечебной и санитарной сети МПВО были ассигнованы значительные финансовые средства, а также

в большом объеме выделены материальные ценности. В экстраординарных условиях военного времени это позволило советским органам здравоохранения укрепить МСС МПВО и создать благоприятные условия для решения поставленных перед ней задач.

К началу Великой Отечественной войны формированиями МСС МПВО НКВД СССР являлись участковые и объектовые медико-санитарные команды, санитарные посты и санитарные дружины. Вместе с тем с началом войны боевая деятельность системы МПВО вскрыла ряд недостатков организационного построения МСС МПВО. Тем самым была продиктована необходимость создания формирований МСС МПВО новых типов. В частности участковые медико-санитарные команды в городах были реорганизованы в медико-санитарные взводы и роты. В связи с организацией городских частей МПВО в большинстве городов они были военизированы.

Штатная численность санитарных дружин Красного Креста была сокращена вдвое: с 30 человек до 15 [4: 270]. Особую важность представляло выделение сандружин только для использования в целях местной противовоздушной обороны, что позволило в значительной степени их укрепить. Мужской контингент в медсанвзводах и ротах по большей части был заменен на женский, в основном из числа заблаговременно подготовленных в медико-санитарном отношении сандружинниц. Большинство санитарных постов пошло на укомплектование медсанзвеньев, включенных в созданные группы самозащиты. Были организованы так называемые отряды первой медпомощи, состоящие из среднего медперсонала и санитаров с приданным им автотранспортом. Их назначением являлись сортировка раненых, оказание им первой квалифицированной медицинской помощи непосредственно в очагах поражения с последующей эвакуацией.

Названная санитарно-тактическая единица явилась основной в системе МСС МПВО. Именно она разрешила проблему приближения квалифицированной медицинской помощи к очагу поражения, ускорила время оказания медицинской помощи и эвакуации пострадавших. Тем самым было сохранено огромное количество жизней мирных граждан, подвергавшихся нападениям гитлеровцев.

На промышленных объектах, главным образом пищевых, были организованы так называемые смотровые звенья. Также создавалась токсикологическая служба. В крупных городах она включала главных токсикологов и токсикологические бригады. В населенных пунктах поменьше действовали внештатные токсикологи. Для организации, руководства и координирования научно-исследовательской работы в этой области был создан Совет санитарно-химической защиты [4: 270].

В отличие от довоенного периода в годы Великой Отечественной войны совершенно по-новому было организовано управление медико-

санитарной службой МПВО. С этой целью был сформирован специальный аппарат МСС МПВО, включавший соответствующие управления в союзных и республиканских наркоматах, секторы при областных (краевых) здравотделах, а также штабы при горздравотделах. Для налаживания работы медико-санитарной службы в различных ведомствах был разработан ряд руководящих документов [4: 271].

Как известно, на протяжении всей Великой Отечественной войны сохранялась реальная возможность применения гитлеровцами боевых отравляющих веществ. Предположение о том, что в условиях возникновения химической войны могут применены разного рода смеси боевых отравляющих веществ, вызвало необходимость заблаговременной организации соответствующих медицинских бригад и блоков по противодействию им.

Великая Отечественная война поставила перед советскими органами здравоохранения задачу пропаганды среди населения вопросов санитарно-химической защиты. В связи с этим Институт санитарного просвещения Наркомздрава СССР большими тиражами издавал трафареты с лозунгами на эту тему, фотоплакаты, диапозитивы и литературу. Среди прочих методов массовой агитационной работы было использовано кино как мощное средство наглядной пропаганды.

При отсутствии химических отравляющих веществ характер поражения от действий вражеской авиации позволил осуществлять коечное лечение пострадавших в любых больницах, где имелись хирургические койки. Для этого были организованы специальные отделения и палаты для лечения пораженных как стойкими, так и нестойкими боевыми отравляющими веществами. Особое внимание обращалось на строительство, оборудование и приспособление стационарных пунктов медпомощи (далее – СПМ). Большая работа была проделана по увеличению численности пунктов первой помощи (далее – ППМ), организации и оборудованию стационарных обмывочных пунктов (далее – СОП) главным образом на базе коммунальных бань.

Сложность оперативного введения в действие СОПов при необходимости проводить санитарную обработку пораженных стойкими отравляющими веществами в пределах первых 15–20 минут с момента попадания их на кожу заставила искать иные варианты противодействия им. В результате в 1944 г. на основе опыта Ленинграда стали организовываться пункты санитарно-химической обработки. Их назначением являлась обработка необходимыми химическими дегазаторами участков кожи, пораженных стойкими отравляющими веществами.

Для оказания медицинской помощи и осуществления санитарной обработки пострадавшего от отравляющих веществ или перемещавшегося

по зараженным участкам местности и дорогам личного состава были приспособлены существующие медико-санитарные учреждения: больницы, поликлиники, амбулатории, бани, производственные душевые. В ряде случаев стационарные медицинские и обмывочные пункты оборудовались в специально построенных помещениях или подвалах жилых домов, вокзалов и школ. В общей сложности за годы войны было приспособлено 193 СПМ, в том числе 76 – в 1942 г., 65 – в 1943 г., 52 – в 1944 г. СОП было оборудовано 408 единиц, в том числе 177 – в 1942 г., 119 – в 1943 г. и 112 – в 1944 г. [4: 271 об.]. На 1 января 1945 г. количество СПМ в нашей стране достигло 318, СОП – 576 единиц [4: 272]. Строительство и приспособление стационарных пунктов медпомощи и обмывочных на фронтовых дорогах, при строительстве и восстановлении медицинских и санитарных учреждений не прекращалось на протяжении всей войны.

Серьезным недостатком подготовки названных учреждений к работе в условиях химического нападения явилась их полная необеспеченность бельем. Специальные фонды на эти цели не выделялись. Оборудованных в железнодорожных вагонах медпунктов и обмывочных имелось крайне ограниченное количество. На 1 января 1945 г. действовали лишь 50 вагонов медпунктов и 53 вагона обмывочных.

Для своевременного оказания помощи пострадавшим ГУ МПВО были разработаны директивные указания о создании на крупных железнодорожных узлах медицинских летучек с подбором команд и необходимого оснащения, «быстро устанавливаемого» в любом грузовом вагоне. Для обмывки работающего на зараженных участках личного состава был разработан проект съемного обмывочного пункта с обработкой его водой от паровоза. В целом, на железнодорожном транспорте МСС МПВО была проделана исключительно большая работа.

Организованные к началу Великой Отечественной войны стационарные пункты медпомощи и объектовые медико-санитарные команды были дополнены сетью созданных уже с началом военных действий пунктов первой помощи, а объектовые медико-санитарные команды значительно увеличены и переименованы в медсанроты. Таким образом, каждая узловая и распорядительная станция получила в свое распоряжение достаточно четко организованные, оснащенные и укомплектованные квалифицированными кадрами медработников медицинские подразделения МПВО.

На полевых станциях аналогичные подразделения, но только в значительно меньшем количестве имелись в составе унитарных команд. С первых же дней Великой Отечественной войны весь личный состав медико-санитарных формирований МПВО был переведен на казарменное положение. Были организованы усиленные тренировочные занятия по оказанию первой помощи пострадавшим.

В наиболее напряженной обстановке личному составу медико-санитарных подразделений МПВО пришлось работать на Октябрьской, Кировской, Калининской, Западной, Курской, Юго-Западной, Южной, Сталинградской, Юго-Восточной, Одесской, Северо-Донецкой, Сталинской, Северо-Кавказской, Орджоникидзевской, Ковельской и Винницкой железных дорогах, на которые пришлось наибольшее количество пострадавших от налетов вражеской авиации [4: 271].

Личный состав медико-санитарных формирований МПВО стойко и организованно выполнял свои обязанности по оказанию первой помощи раненым как на месте, так и после их эвакуации в лечебные учреждения. Можно привести множество примеров самоотверженности и умелой организации работы названных подразделений в годы войны.

По Ленинградскому узлу Октябрьской железной дороги, например, руководство силами и средствами МСС МПВО было сосредоточено в объединенной поликлинике, которую возглавлял начальник медико-санитарной службы Ленузла доктор И.Р. Галицкий. На каждом объекте в полной готовности находились дежурные наряды медицинского персонала и бойцов, обеспечивавших оказание первой помощи в очагах поражения от авиации и артиллерии противника, а также первую врачебную помощь в ППМ и СОПах.

На каждом объекте было установлено дежурство санитарного автотранспорта, на котором медсанбригады прибывали к месту поражения и производили эвакуацию пострадавших в СПМ или ближайшие больницы. Кроме того, в поликлиниках были организованы хирургические группы усиления, разработаны аварийные планы, подготовлены дублирующие СПМ и СОПы.

Так, в сентябре 1941 г. в один из ночных налетов противника бомба разорвалась в непосредственной близости от СПМа. Взрывной волной были разбиты его входные двери и смертельно ранена дежурный врач Л.М. Павлинова. Носилочная бригада оказалась на месте уже через 15–20 минут и на санитарном автомобиле оперативно доставила пострадавшую в больницу [4: 272 об.]. Разрушенный СПМ выбыл из строя, а его функции стал выполнять другой пункт в объединенной поликлинике.

1 октября 1941 г. в 12 ч дня при артобстреле вражеские снаряды стали падать в непосредственной близости от здания объединенной поликлиники. В это время осуществлялся прием пациентов во всех отделениях. Вместе со служащими и больными в поликлинике находились около 1 тыс. человек. По распоряжению начальника поликлиники доктора И.Р. Галицкого был дан внутренний сигнал сиреной. Через 5–7 минут все больные были размещены в бомбоубежище, а еще через несколько минут в здание поликлиники последовало прямое попадание снаряда, в результате чего строение было разрушено. Однако жертв при этом удалось избежать [4: 273].

На улицах Ленинграда дежурные санпосты районных отделений Красного Креста и санзвенья команд МПВО принимали участие в оказании помощи больным дистрофией, которые самостоятельно уже не могли двигаться. Их транспортировка осуществлялась на носилках и санках, так как автотранспорт невозможно было использовать из-за отсутствия бензина.

В феврале 1942 г. от прямого попадания авиабомбы в здание станции Ленинград-Товарный-Московский, где находилось общежитие стрелковой охраны, многие из стрелков были убиты и ранены. Медсанкоманда ближайшего СПМ незамедлительно прибыла к месту поражения. В помощь им была направлена хирургическая группа усиления. В СПМ были приняты около 20 тяжелораненых и несколько десятков человек с легкими ранениями.

23 июля 1941 г. в 17 ч при попадании авиабомб в жилые дома на станции Москва 3-й Ярославской железной дороги 17 носилочных раненых за 40 минут были перевезены, погружены в санитарные машины эвакопункта и доставлены в больницу им. Семашко. Значительно бóльшим оказался очаг поражения на станции Москва-Товарная Западной железной дороги, образовавшийся в результате налета авиации противника в ночь с 22 на 23 июля 1941 г. Вследствие прямого попадания в размещенные над пакгаузом помещения командного пункта 80 человек были тяжело ранены, свыше 100 – легко ранены и 20 – убиты. В оказании помощи раненым принимали участие медико-санитарные команды в составе 57 человек. В их распоряжении были четыре автомашины (две грузовые, санитарная и легковая). Спасая раненых, самоотверженность и мужество проявили доктор К.И. Агинская, медсестры Л.А. Абрамова и С.В. Левченко. Работа была окончена только в 5 ч утра. Несмотря на недостаток транспортных средств, все раненые были оперативно доставлены в больницы Западной железной дороги и городскую Боткинскую [4: 273 об.].

В ночь на 27 августа 1941 г. на разъезд Холмище Северной железной дороги был произведен двукратный налет авиации противника, в результате которого были убиты и ранены около 200 человек. Несмотря на опасность повторного авианалета и рвущиеся авиабомбы, медсанзвено из пяти медработников незамедлительно организовало оказание первой помощи пострадавшим. В течение нескольких часов самоотверженного труда всем им была произведена обработка ран.

На станции Орша Западной железной дороги 22 июля 1944 г. во время ночного авианалета пострадали 58 человек, 25 из них были тяжело ранены, 14 убиты. Помощь отказывали носилочные отделения в составе трех звеньев. К очагу поражения бригада прибыла в течение 10 минут и самоотверженно работала там несмотря на продолжавшуюся бомбежку [4: 273 об.].

В годы Великой Отечественной войны боевые действия подразделений МСС МПВО нередко сочетались с противоэпидемической работой.

Так, в июле и августе 1942 г. в Сталинграде МСС МПВО и санитарно-противоэпидемическими мероприятиями по борьбе с холерой руководил заместитель начальника Главного санитарного управления Наркомата путей сообщения доктор Н.В. Захарченко [4: 274].

При непрерывных бомбежках, под огнем противника медпомощь пострадавшим оказывалась организованно и быстро. Санитарными автомашинами пострадавшие доставлялись в железнодорожную больницу. На переправе через Волгу был развернут медпункт, разбитый впоследствии авиабомбой. Работавшая там женщина-врач при исполнении служебных обязанностей была убита. Тем не менее госпитализация и лечение холерных больных проводились с большим успехом. Необходимый для этого холерный бактериофаг, медикаменты и перевязочные средства были доставлены из Москвы на самолете лично Н.В. Захарченко. Тем самым было обеспечено своевременное оказание медицинской помощи как раненым, так и холерным больным [2: 171].

В санитарном отношении ликвидацию очагов поражения осуществляли санитарные посты и санитарные звенья групп самозащиты, санитарные дружины, объектовые медсанформирования, отряды первой медпомощи, медико-санитарные роты и взводы, личный состав вагонов – пунктов медпомощи и так называемые санлетучки.

Санитарные звенья групп самозащиты и санитарные посты в случае образования очага поражения по месту их дислокации оказывали местному населению большую помощь, автоматически включались в оказание пострадавшим первой помощи. Однако главным образом они использовались для обслуживания укрывающегося от военных действий населения. В качестве самостоятельных единиц особую роль выполняли санпосты в городах и населенных пунктах, где другие медсанформирования отсутствовали. Медико-санитарные дружины МПВО проделали огромную работу по оказанию пострадавшим медицинской помощи, особенно в тех городах, где они были переведены на казарменное положение [3: 42].

В заключение необходимо отметить, что рассматриваемый вопрос далеко не прост и автор не претендует на исчерпывающее освещение этой темы. Несомненно, что накопленный медико-санитарной службой МПВО в годы Великой Отечественной войны опыт достоин глубокого изучения и использования при аналогичных обстоятельствах в современный период. В этой связи автор приглашает к продолжению дискуссии по этому поводу.

Источники и литература

1. *Епифанов А.Е., Джамбалаев Я.Р.* Институт особого государственно-правового режима в условиях Великой Отечественной войны (историко-правовой аспект) // Закон и право. 2011. № 10. С. 16–20.

2. *Епифанов А.Е., Красноженова Е.Е.* Организация и проведение санитарно-эпидемиологических мероприятий в Сталинграде и отдельных районах Сталинградской области (1942–1943 гг.) // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4: История. Регионоведение. Международные отношения. 2023. Т. 28. № 1. С. 162–174.

3. *Епифанов А.Е., Панченко А.В.* Правовая природа механизма обеспечения личной безопасности граждан // Новая правовая мысль. Научно-аналитический журнал. 2010. № 4 (41). С. 39–46.

4. Российский государственный военный архив. Ф. 37878. Оп. 1. Д. 1876.

5. *Epifanov A.E., Kulik S.V.* The Soviet Commissions for determination and investigation of Nazi atrocities, 1942–1951. Forms and methods of activity // Nuova Rivista Storica. 2019. Vol. 103. No. 1. P. 299–320.

И.А. Лысенко

ЦЕНТР ПО ИЗУЧЕНИЮ СТАЛИНГРАДСКОЙ БИТВЫ: К ДЕСЯТИЛЕТИЮ ОСНОВАНИЯ НАУЧНОЙ ОРГАНИЗАЦИИ

Сохранять историческую память о событиях Великой Отечественной войны необходимо с целью просвещения, воспитания, формирования активной гражданской позиции у молодежи.

Центр по изучению Сталинградской битвы вносит свой вклад в исследование истории Великой Отечественной войны. Центр был создан постановлением губернатора Волгоградской области № 913 от 12 октября 2015 г. Этим же документом утверждено положение о деятельности Центра, определен персональный состав. Осенью 2025 г. исполняется 10 лет со времени начала работы научной организации, в которой объединились исследователи истории Сталинградской битвы. Постоянный состав небольшой – всего девять научных сотрудников – в основном доктора и кандидаты наук, аспиранты. Центр является открытой для взаимодействия организацией, имеет много сподвижников, которые объединяются для реализации совместных проектов в соответствии с научными интересами исследователей и планами работы Центра.

Основная роль в создании научной организации принадлежит почетному гражданину Города-героя Волгограда и Волгоградской области, ветерану Великой Отечественной войны, доктору экономических наук, профессору Максиму Матвеевичу Загорулько. Профессор известен многими успешными начинаниями. В частности, он стоял у истоков создания Волгоградского государственного университета, был его первым ректором. После основания Центра по изучению Сталинградской битвы М.М. Загорулько являлся его научным руководителем с 2015 по 2021 г.

Задачи Центра – научно-исследовательская, поисковая работа по изучению истории Сталинградской битвы, организация взаимодействия с учебными и научными учреждениями, историческими обществами, проведение конференций, семинаров, диспутов по военной истории России, подготовка по результатам исследовательской работы документальных публикаций.

Труды Центра по изучению Сталинградской битвы – энциклопедии, сборники документов и материалов, информационно-статистические и биографические справочники по вопросам истории и экономики военного периода. Отбор материалов производится в соответствии с принципами подготовки документальных публикаций (историзма, необходимости и достаточности и др.). Основными источниками информации являются государственные архивы, в которых аккумулированы большие массивы документов, пока не затронутых исследователями. Совокупность архивных материалов позволяет беспристрастно рассмотреть историю Сталинградской битвы и особенности формирования военной экономики региона во время Великой Отечественной войны.

За время работы Центра его сотрудниками подготовлены и опубликованы научные и справочные издания.

Информационно-статистический справочник «Сталинградская область (1939–1943). Цифры и факты» дает характеристику региона в соответствующий период. Представлена история административно-территориального деления, при этом особое внимание уделено районам, находившимся во временной оккупации. В книге содержатся сведения о транспортной инфраструктуре, составе населения. Даны справки об эвакуированных жителях, о злодеяниях немецко-фашистских захватчиков на территории региона. Справочник состоит из семи разделов, в которых приводятся итоги работы предприятий союзного, республиканского и областного подчинения, охарактеризованы особенности ведения сельского хозяйства по районам области в предвоенный и военный периоды [8].

Энциклопедия «Сталинградская битва. Июль 1942 – февраль 1943» известна далеко за пределами Волгоградской области. Она становилась победителем конкурса «Лучшие книги года». Ввиду сложности и многоаспектности задач, поставленных руководителем авторского коллектива, над книгой работали более 500 авторов из 71 региона России. В энциклопедию включено более 1900 статей, она переведена на английский язык. В настоящее время завершается подготовка девятого издания. Рассекречивание документов, выявление ранее неизвестных сведений дает возможность дополнения книги новыми статьями, картами, фотографиями, таблицами [6].

Сборник документов и материалов «Астраханский городской комитет обороны в годы Великой Отечественной войны» содержит тексты

постановлений чрезвычайного органа с приложениями – всего 392 документа, первый из которых датирован 23 октября 1941 г., последний – 1 декабря 1943 г. [1]. Астраханский городской комитет обороны решал широкий круг проблем, которые можно сгруппировать в несколько важных направлений. Это содействие транспортировке топлива, организация паромных переправ, решение вопросов энергетического обеспечения, безопасности нефтекараванов, прибывающих по Каспийскому морю, оборонное строительство. Астраханский округ до 27 декабря 1943 г. входил в состав Сталинградской области.

Энциклопедический справочник «Волжско-Каспийский бассейн в 1942–1943 гг.» содержит более 800 статей. В них показано значение битвы за Волгу в период Великой Отечественной войны, отражен труд моряков транспортного флота, тружеников портов, представлены сведения о погибших судах. Приведена характеристика особенностей навигаций в 1941–1943 гг. [3].

Вопросы жизнеобеспечения населения и снабжения армии необходимыми продуктами и изделиями, изготовленными потребительскими обществами и артелями, рассматриваются в сборнике документов и материалов «Потребительская и промысловая кооперация Сталинградской области (1942–1943)» [5]. В научный оборот были введены 399 документов и 79 приложений к ним. В издании уделено внимание обеспечению эвакуированных жителей, инвалидов, контингента детских домов. Приведена характеристика отраслей хозяйственной деятельности кооперации – торговой, заготовительной, перерабатывающей, общественного питания, подсобного хозяйства, производства товаров широкого потребления и реализации социальной направленности кооперативной системы.

В сборнике «Сталинградская группа войск. 1943–1944 гг.» отражена деятельность воинских формирований – участников Сталинградского сражения с 2 февраля 1943 г. до включения в последующие боевые действия, показано их значение при решении вопросов возрождения мирной жизни города и области [7].

Экономическим аспектам Великой Отечественной войны посвящен сборник «Восстановление экономики Сталинградской области. Репарационные поставки. 1945–1947». В 136 документах, вошедших в издание, нашли отражение вопросы, определяющие порядок осуществления репарационных поставок, особенности передачи оборудования на различные предприятия Сталинградской области, специфику приемки, учета и хранения, показано значение репараций для восстановления экономики области [4].

Сотрудники Центра по изучению Сталинградской битвы продолжают готовить рукописи сборников документов.

Близится к завершению работа над пятитомным изданием «Органы государственной власти Сталинградской области в 1941–1945 гг.». Оно в значительной степени раскроет основные направления перестройки народнохозяйственного комплекса региона на военный лад, покажет роль государственного регулирования в условиях Великой Отечественной войны, отразит основные направления восстановления экономики после Сталинградской битвы. Всего для пятитомника было отобрано и обработано в соответствии с правилами подготовки архивных материалов к печати более 600 документов. Сборник составлен таким образом, что в каждом томе отражен год работы органов власти в военный период. При этом в первый том вошли распорядительные и информационно-справочные документы, принятые после 22 июня 1941 г. – начала войны, в пятый – датированные до 9 мая 1945 г. Третий том (1943 г.) оказался самым насыщенным по важности решений органов власти. Это обусловлено победой в Сталинградской битве 2 февраля и активно начавшимся восстановлением города, поэтому он будет состоять из двух частей.

Структура каждого тома включает в себя разделы, в которых представлены материалы пленумов Сталинградского обкома ВКП(б), документы «особых папок», протоколы заседаний бюро обкома, решения сессий Сталинградского областного Совета депутатов трудящихся и исполкома облсовета, справочные материалы по вопросам партийно-хозяйственного руководства Сталинградской областью. Внутри разделов произведена систематизация документов по хронологии. Также включена информация о деятельности районных комитетов ВКП(б) и исполкомов районных советов депутатов трудящихся в период войны. Полный перечень документов и материалов находится в составе научно-справочного аппарата. Издание сопровождает аннотированный именной указатель, подготовленный с использованием личных дел членов ВКП(б), хранящихся в Центре документации новейшей истории Волгоградской области. В совокупности публикуемых документов нашли отражение особенности функционирования органов власти Сталинградской области в период Великой Отечественной войны.

Продолжается работа по подготовке сборника документов и материалов «Здравоохранение Сталинградской области в годы Великой Отечественной войны (1941–1945)». В издании планируется отразить изменения, произошедшие в работе лечебных учреждений региона в военные годы, их состояние в связи с военными действиями на территории области. Особое внимание будет уделено работе санитарно-эпидемических учреждений Сталинграда.

Центр ведет работу по публикации документов периода Сталинградской битвы, итогом которой станет издание «Правоохранительная система Сталинградской области в годы Великой Отечественной войны».

Подготовлен первый том – «Сталинградская юстиция в годы Великой Отечественной войны». В нем показаны особенности построения и организации работы судебной системы области в 1941–1945 гг. При подготовке сборника было налажено тесное взаимодействие с архивом Волгоградского областного суда. В настоящее время проводится работа над вторым томом, в котором будет отражена деятельность областной прокуратуры.

Центром по изучению Сталинградской битвы подготовлен биографический справочник «Полководцы Сталинградской битвы – Герои Советского Союза: подвиг и память». В нем представлена информация о командующих фронтами, армиями, командирах корпусов и дивизий – героях Советского Союза. Включено около 100 биографий. Отличает данную рукопись развернутая хронология событий и решений, сопровождаемая картами боевых действий, представленными в хронологическом порядке, – всего 21 карта. Большое внимание уделено увековечению памяти – приведены описания и фотографии мемориальных досок, размещенных на улицах, названных именами героев. В справочнике представлены фотодокументы – наградные листы и указы о награждении почетным званием Героя Советского Союза.

Подготовлено к печати издание «Подвиг Сталинграда в документах и воспоминаниях». Это сборник документальных источников о вкладе жителей города в победу советского народа в Великой Отечественной войне. В данной книге показана жизнь Сталинграда и области до Сталинградской битвы, в период великого сражения и после него. Работа над изданием велась при содействии архивов Волгограда и районов области.

В преддверии празднования 80-летия Победы в Великой Отечественной войне научным руководителем Центра, почетным гражданином г. Волгограда Б.Г. Усиком подготовлена монография «Сталинградский корпус народного ополчения. Формирование, подготовка и участие в боевых действиях. 1941–1943». Создание народного ополчения осуществлялось как в начале войны, так и непосредственно в ходе битвы за город. Инициаторами в нашем городе были рабочие Сталинградского тракторного завода, которые 6 июля 1941 г. обратились к трудящимся области. Их призыв о создании отрядов народного ополчения был опубликован в газете «Сталинградская правда». В сборнике охарактеризованы три этапа формирования народного ополчения, показаны его основные формы, структура и специфика.

Центр по изучению Сталинградской битвы начал работу по написанию энциклопедических справочников, отражающих особенности каждого района города и области. Все они в период Сталинградской битвы имели свои особенности, обусловленные тем, что ряд районов находились во временной оккупации, другие являлись прифронтовыми. Каждый из районов города и области имел свою неповторимую историю.

Начинает серию таких книг энциклопедический справочник «Баррикадный район Сталинграда. Завод "Баррикады" 1941–1945 гг.» [2]. Баррикадный район к началу Великой Отечественной войны обладал развитой инфраструктурой. Его центром было крупнейшее машиностроительное предприятие города – одноименный завод, который в военные годы являлся значимым поставщиком оружия для фронта. Завод имел собственную электростанцию, способную при перебоях в работе Сталинградской районной теплоэлектростанции обеспечить электроэнергией весь район. В справочник включено 326 статей, в них рассказывается о военной истории района, показана деятельность 50 цехов завода, приведена информация о героях – жителях района и работниках оборонного предприятия.

Выявленные документы, новые факты по истории великого сражения на Волге проходят обсуждение на проводимых в Центре по изучению Сталинградской битвы научных диспутах, семинарах, круглых столах. Сотрудники сообщают об итогах поисковой работы на конференциях. По результатам первичной апробации документы и материалы включаются в сборники.

Таким образом, научные документальные публикации, создаваемые Центром по изучению Сталинградской битвы, опираются на подлинные архивные документы и имеют большое значение для противодействия искажению истории Великой Отечественной войны.

Источники и литература

1. Астраханский городской комитет обороны в годы Великой Отечественной войны: документы и материалы / под ред. М.М. Загорулько. Волгоград, 2017.

2. Баррикадный район Сталинграда. Завод «Баррикады» 1941–1945 гг.: энциклопедия / авт.-сост. В.Е. Алабушев. Волгоград, 2020.

3. Волжско-Каспийский бассейн в 1942–1943 годах: энциклопедический справочник. Волгоград, 2022.

4. Восстановление экономики Сталинградской области. Репарационные поставки. 1945–1947: документы и материалы / отв. ред. М.М. Загорулько. Волгоград, 2016.

5. Потребительская и промысловая кооперация Сталинградской области (1942–1943). Документы и материалы / отв. ред. М.М. Загорулько; сост. И.А. Лысенко. Волгоград, 2020.

6. Сталинградская битва. Июль 1942 – февраль 1943: энциклопедия. 8-е изд., доп. Волгоград, 2020.

7. Сталинградская группа войск. 1943–1944 гг.: документы и материалы / под ред. О.А. Гоманенко, М.М. Загорулько. М., 2019.

8. Сталинградская область (1939–1943). Цифры и факты: информ.-статист. справочник / отв. ред., сост. М.М. Загорулько. Волгоград, 2023.

Ю.Ю. Бурлуцкая

ВЕЛИКАЯ ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ВОЙНА В ФОНДАХ И КОЛЛЕКЦИЯХ ДОКУМЕНТОВ АРХИВНОЙ СЛУЖБЫ ЛУГАНСКОЙ НАРОДНОЙ РЕСПУБЛИКИ

Память о прошлом – капитал, доходы с которого получает будущее. Речь идет о нравственных, моральных идейных, человеческих ценностях. Тот, кто не знает прошлого, теряет живые связи с предшественниками, утрачивает способность оценивать величие их подвига, перестает понимать настоящее и не способен разумно созидать будущее.

В Архивной службе Луганской Народной Республики хранятся документы, отражающие события Великой Отечественной войны в регионе. Это обжигающие свидетельства того, что происходило в те дни, недели, годы тяжелейших испытаний для живших тогда людей. Документы 94 фондов освещают положение, в котором оказалось население Ворошиловградской области во время нацистской оккупации. Крайние даты архивных фондов – 1942–1943 гг. Документы поступили на хранение в архив преимущественно в 1943 г., они составлены на украинском, русском и немецком языках. Большой массив документов, отражающих деятельность государственных и общинных хозяйств, машинно-тракторных станций, учреждений управления сельским хозяйством и управ, вошел в следующие объединенные архивные фонды: Р-1302 «Общинные хозяйства Ворошиловградской области периода немецко-фашистской оккупации» (1175 ед. хр.); Р-1307 «Управы Ворошиловградской области оккупационного периода 1942–1943 гг.» (754 ед. хр.); Р-1318 «Государственные хозяйства, машинно-тракторные станции и учреждения управления сельским хозяйством оккупационного периода 1942–1943 гг.» (557 ед. хр.).

Большой массив документов – это распоряжения, приказы по основной деятельности; сведения по учету населения, взысканию налогов, получению продовольственных товаров; отчеты по видам работ, о персональном составе лиц, вывезенных в Германию и привлеченных к выполнению работ, связанных со строительством оборонительных рубежей; документы о начислении заработной платы, паспорта на лошадей и коров, охранные грамоты, чертежи печей для выжигания керамических изделий, схемы молотильного агрегата и чигиря. В архивные коллекции сформированы приказы, распоряжения объявления оккупационных учреждений о работе учебных заведений, сдаче оружия, принудительной отправке граждан на работы в Германию, газеты «Нове життя», «Ранок», атласы боевых действий, географические карты, удостоверения личности и рабочие книжки советских граждан, воспоминания, письма: фонды Р-1717 «Коллекция документальных материалов оккупационных властей

за 1942–1943 гг.» (12 ед. хр.); Р-1755 «Коллекция газет и географических карт, напечатанных в период оккупации Ворошиловградской области» (25 ед. хр.); Р-1763 «Коллекция документальных материалов (удостоверений личности, рабочих книжек), выданных советским гражданам оккупационными учреждениями на территории Ворошиловградской области» (36 ед. хр.); Р-1746 «Коллекция воспоминаний советских граждан о фашистской неволе» (211 ед. хр.); Р-1748 «Коллекция воспоминаний школьников школ Ворошиловградской области о черных днях оккупации области немецко-фашистскими войсками» (49 ед. хр.).

Важным источником информации являются материалы Ворошиловградской областной комиссии по содействию в работе Чрезвычайной государственной комиссии по установлению и расследованию преступлений и убытков, причиненных оккупантами гражданам, учреждениям, организациям (ф. Р-1658, 1089 ед. хр.). В них содержатся статистические данные относительно умерших и казненных, акты, заявления лиц, пострадавших от преследований оккупантов, опросные листы граждан, вернувшихся из Германии, а также сведения о пребывании населения во временных лагерях и гетто на территории области. О реализации разработанных оккупантами еще до начала агрессии планов, согласно которым предполагалось внедрение на захваченных землях нового территориального деления, административного устройства и организации власти, говорится в документах (700 ед. хр.) Новосветловской (Р-1327), Городищенской (Р-1332), Лисичанской (Р-1448), Николаевской (Р-1492), Марковской (Р-1694), Беловодской (Р-1974) районных полиций; Криворожского (Р-1369), Лозово-Павловского (Р-1546), Алмазнянского (Р-2177) старостатов; гарнизонной комендатуры с. Меловое (Р-2243); Ворошиловской (Р-1461), Попаснянской (Р-1472), Сергеевской (Р-1485), Беловодской (Р-1603) районных бирж труда; жилых отделов Ворошиловградской (Р-1306) и Попаснянской (Р-1571) городских управ; паспортных столов Верхне-Тепловской районной (Р-1388), Алчевской (Р-1451) и Ворошиловградской (Р-1654) городских полиций; управлений снабжения предприятий продовольствием продовольственного отдела сельскохозяйственных комендатур г. Ворошиловска (Р-1452) и г. Серго (Р-1489), Старобельского (Р-1706), Белокуракинского (Р-2006) районных административных управлений районных управ; Ворошиловградского областного аптекоуправления городской управы (Р-1310); Ворошиловской районной конторы прибыли и сбыта районной сельскохозяйственной комендатуры (Р-1454); участкового агронома Беловодского районного земельного управления с. Барановка (Р-1587); Меловского районного земельного управления (Р-1702); Ворошиловградского областного путевого управления городской управы (Р-2007).

Это директивы и приказы немецкого командования, донесения полиции о положении на оккупированных территориях, документы, касающиеся борьбы с партизанами, приказы, объявления, постановления комендантов, старост. Документы этих фондов позволяют, в частности, воссоздать количественный состав жителей населенных пунктов области, а также работников органов управления. Представляют интерес инструкция об открытии хозяйственных банков, циркуляры и распоряжения банков, карточки учета взыскания налогов с населения, о реализации сельскохозяйственной продукции, реестры превышения налогов, прейскуранты цен на пошив одежды, обувь и ремонт часов, расходные сметы, требования учреждений на выдачу денег для выплаты заработной платы. Они хранятся, в частности, в фондах (185 ед. хр.) Ровеньковского (Р-1361), Попаснянского (Р-1473), Беловодского (Р-1604), Марковского (Р-1696) финансовых отделов районных управ, Верхне-Тепловского (Р-1386), Новопсковского (Р-1456), Сергеевского (Р-1486), Троицкого (Р-1612), Марковского (Р-1698), Старобельского (Р-1713), Покровского (Р-2024) хозяйственных и Мостковского (Р-1649), Ново-Астраханского (Р-1711) сельскохозяйственных отделений банков. Органы местного управления организовывали поставки продуктов для рейха, удовлетворяли потребности армейских подразделений. С этой целью им была подчинена работа мельниц (Р-1317) сел Новосветловка (Р-1432), Новопсков (Р-1459), Белое (Р-1469), Ивановка (Р-1503), Беловодск (Р-1588), Макеевка (Р-1633) областного управления мукомольной, маслобойной и хлебопекарной промышленности, Ворошиловградский эмалировочный (Р-1308), кожаный № 1 (Р-1311), овчинный (Р-1315), кирпичный (Р-1316), пилонасекательный (Р-1725), горный (Р-2025), Сентяновский (Р-1465) и Сергеевский (Р-1496) молочный, Беловодский масло-сырный (Р-1614) заводы, кроватная фабрика г. Ворошиловграда (Р-1314), Сергеевское шахтоуправление (Р-1541), Новопсковский промышленный комбинат (Р-1542). В указанных фондах отложились описания материалов заводов, сведения о получении хлеба и овощей, выпуске продукции, реализации молочных продуктов и ежедневный их отпуск полиции и комендатуре, отчеты по переработке зерна, помольные квитанции. Привлекают внимание материалы небольших по объему фондов: Р-1330, Р-1349, Р-1360, Р-1410, Р-1441, Р-1444, Р-1480, Р-1481, Р-1490, Р-1543, Р-1632, Р-1651, Р-1653, Р-1665, Р-1707, Р-1708, Р-1992, Р-1993, Р-2011, Р-2032, Р-2070. Это документы лечебных учреждений, потребительских и кооперативных союзов, контор, лесничества, которые действовали в ряде населенных пунктов области.

Население оккупированной территории всячески противостояло «новому порядку». Документы фонда «Партийное подполье и партизанское движение на территории Луганской области в годы Великой

Отечественной войны» (ф. Р-1790, 289 ед. хр.) отражают деятельность партизанских отрядов, подпольной молодежной организации «Молодая гвардия», партизанских групп и отдельных представителей движения Сопротивления. Дела содержат свидетельства о преступлениях нацистов по районам области, о приеме партизан в ряды Коммунистической партии; воспоминания школьников, населения, бывших партизан, работников партийных и комсомольских органов о подпольно-партизанском движении на Луганщине. Среди документов – докладные записки, справки, обзоры партийных, советских и административных органов о политике, которую проводили захватчики на оккупированной территории; приказы, распоряжения, директивы органов управления оккупационной власти.

Изучение документов Архивной службы Луганской Народной Республики дает возможность аргументированно отвечать на вопросы об организации власти и повседневной жизни населения во время немецкой оккупации. Как свидетельствуют документы, территория Ворошиловградской (Луганской) области находилась в зонах сначала военного, а затем гражданского управления. Органы военного управления были самостоятельными отделами и выполняли две задачи: командную и управленческую. К первой относилось «обеспечение спокойствия» в оккупированных районах и охрана тылов, ко второй – создание, руководство и контроль местных органов управления, «мобилизация резервов» для ведения войны.

Согласно административному делению на территории Ворошиловградской области существовало восемь округов: Беловодский, Белокуракинский, Ворошиловградский, Ворошиловский, Сватовский, Свердловский, Старобельский и Троицкий, в которые входил 31 район (Р-1318 «Государственные хозяйства, машинно-тракторные станции и учреждения управления хозяйством оккупационного периода 1942–1943 гг.», объединенный архивный фонд). Было организовано шесть городских, девять районных, четыре поселковых и 50 сельских управ (Р-1307 «Управы Ворошиловградской области оккупационного периода 1942–1943 гг.», объединенный архивный фонд). Их возглавляли начальники, в руках которых находилось общее руководство, которые несли ответственность за все подчиненные им местные заведения, хозяйство и управление, были обязаны обеспечивать «спокойствие и безопасность» на подчиненной территории, бороться с проявлениями саботажа, диверсиями, неповиновением оккупационной власти, организовывать поставки продукции для рейха, удовлетворять потребности армейских подразделений.

Анализ архивных документов дает возможность определить структуру органов власти. Были созданы следующие отделы: общего управления, полицейский, школ и культурных учреждений, здравоохранения, ветеринарный, финансовый, строительного управления, промышленный,

снабжения и обеспечения рабочей силой. Их руководители назначались начальником райгоуправы с согласия полевой или местной комендатуры. Вторым по значению лицом органов местного самоуправления был бургомистр. Для своей территории его задачи отвечали задачам руководителей управ. Таким же был и порядок назначения и увольнения с должностей. Первых бургомистров назначали войска после захвата населенных пунктов. При отстранении от должности они давали обязательства отстаивать интересы немецких властей. Вот как обращался к бургомистрам начальник тыла группы армии «Юг»: «Организуйте охрану продуктов полеводства от порчи и краж, беспокойтесь о сдаче зерна, молока, масла, яиц, овощей, фруктов, птиц, животных и т.п. <...> Осуществляйте поддержку руководителей сельскохозяйственных предприятий по делам обеспечения рабочей силой и лошадьми для уборки урожая и для осенних полевых работ» [2: 517].

Низшим звеном местного управления была сельская управа, во главе которой стоял староста. Его назначал бургомистр. Практически деятельность сельских управ сводилась к бухгалтерской работе, но в большинстве случаев она выходила за рамки предполагаемого объема. Старосты воплощали в жизнь распоряжения немецких административных органов, бургомистра и начальника управы: осуществляли регистрацию прибылей, учет местного населения, сбор налогов и тому подобное. Источниками получения сведений об этом являются распоряжения, объявления, приказы. Согласно им, всем евреям от 14 до 50 лет, проживавшим на территории Алмазной, было предписано в течение 48 ч нашить на левую руку белую повязку с красной шестиконечной звездой и постоянно ее носить [22: 3]; все, кто проживал в населенном пункте более трех суток, были обязаны немедленно регистрироваться [21: 7]: «Лица, не прошедшие регистрацию, до 15 сентября 1942 года будут оштрафованы на 500 рублей каждый» [20: 2]. С 1 по 10 июля 1943 г. планировалось проведение переписи местного населения [5: 57]. Всем жителям г. Ворошиловска и близлежащих населенных пунктов 1927, 1928, 1929 гг. рождения, работающим и безработным, «в целях проверки возможности использования на работе, как учеников», приказывалось «явиться на Биржу труда» [20: 7]. Все домовладельцы и жильцы коммунальных квартир ежедневно должны были расчищать от снега и грязи тротуар и дорогу около своих домовладений шириной не менее 6 м, а также «в течение ближайших 2-х дней привести в надлежащий санитарный порядок свалочные места» [1: 41].

Органы местного управления действовали в условиях полной подконтрольности и зависимости от немецких административных и полицейских оккупационных органов. Об этом свидетельствуют надписи на приказах и распоряжениях местных властей: «на основании приказа»,

«в соответствии с распоряжением командующего немецкой армии» и т.п. «Обеспечение спокойствия» и «мобилизация резервов» в зоне военной администрации, а также «господство», «управление» и «эксплуатация» в гражданской административной зоне означали грабеж и террор местного населения, осуществлявшиеся с помощью карательных органов: гестапо, службы безопасности, тайной полевой полиции, немецкой полевой и румынской жандармерии, полиции и службы порядка, войск СС, подразделений вермахта. Органы управления наряду со специальными и карательными подразделениями были проводниками террористической и грабительской политики. В оккупированных районах вводился комендантский час, ограничивались передвижение населения, возможность свободно сменить место жительства: «Кто при проверке после 8 часов вечера в своем доме не будет встречен, того дом будет сожжен»; «ни одно лицо не должно находиться в селе без повязки» [3: 52].

Оккупационные власти прилагали усилия для введения трудовой повинности на захваченной территории, обеспечивая работу бирж труда, которая была далека от организации свободного найма. Она сводилась к принудительному использованию рабочей силы путем применения штрафов, лишения свободы, конфискации имущества, телесных наказаний и физического уничтожения граждан, объявленных «саботажниками»: «Все жители в возрасте 14–65 лет, которые не работают, должны каждое воскресенье три раза появляться на бирже труда» [20: 7]; «14 июня детский сад должен начать работу. Женщины, имеющие двухлетних детей, обязаны ходить на работу, дети до 12 лет – в школу» [4: 38]; «Рабочее время с восьми часов утра, конец в 16-30, перерыв с 12 до 12-30 по берлинскому времени» [6: 34].

На территории области была создана сеть мест принудительного содержания населения и военнопленных. В Ворошиловграде, Ворошиловске, Рубежном, Кадиевке, Краснодоне, Красном Луче, Попасной, Старобельске и селах Новопскове, Станично-Луганском, Славяносербске действовали тюрьмы; в Ровеньках, Старобельске и сёлах Пески Новопсковского, Нижнее Попаснянского, Старая Кондрашовка Станично-Луганского районов – лагеря для гражданского населения [7: 5; 8: 4; 10: 38, 40; 11: 4; 9: 62–65; 12: 90, 118; 14: 11; 13: 3; 15: 9 об.; 16: 71; 17: 41 об.; 19: 4; 18: 2, 15, 16]. Характерным признаком этих учреждений была высокая смертность из-за голода, издевательства над заключенными и их физическое уничтожение, отсутствие медицинской помощи. Так выглядела ежедневная жизнь населения оккупированных территорий области.

Отдельного внимания заслуживают документы о принудительном вывозе юношей и девушек на работу в Германию, которые дают возможность более детально выяснить обстоятельства их жизни на чужбине. Это письма, дневники, опросные листы, воспоминания, фильтрационные

дела. Эти документы сформированы в архивные коллекции воспоминаний советских граждан о фашистской неволе (ф. Р-1747, оп. 3, 4).

Несомненно, комплекс документов о Великой Отечественной войне, хранящихся в Архивной службе Луганской Народной Республики, имеет научную и историческую ценность. Хотя часть документов уже используется историками, большинство еще ждет своих исследователей.

Источники и литература

1. Архивная служба Луганской Народной Республики (далее – АР ЛНР). Ф. Р-1302. Оп. 2. Д. 23.
2. АР ЛНР. Ф. Р-1307. Оп. 1. Д. 266.
3. АР ЛНР. Ф. Р-1307. Оп. 2. Д. 71.
4. АР ЛНР. Ф. Р-1307. Оп. 2. Д. 74.
5. АР ЛНР. Ф. Р-1307. Оп. 2. Д. 88.
6. АР ЛНР. Ф. Р-1318. Оп. 2. Д. 69.
7. АР ЛНР. Ф. Р-1658. Оп. 1. Д. 82.
8. АР ЛНР. Ф. Р-1658. Оп. 1. Д. 404.
9. АР ЛНР. Ф. Р-1658. Оп. 1. Д. 445.
10. АР ЛНР. Ф. Р-1658. Оп. 1. Д. 490.
11. АР ЛНР. Ф. Р-1658. Оп. 1. Д. 503.
12. АР ЛНР. Ф. Р-1658. Оп. 1. Д. 523.
13. АР ЛНР. Ф. Р-1658. Оп. 1. Д. 740.
14. АР ЛНР. Ф. Р-1658. Оп. 1. Д. 819.
15. АР ЛНР. Ф. Р-1658. Оп. 1. Д. 821.
16. АР ЛНР. Ф. Р-1658. Оп. 1. Д. 830.
17. АР ЛНР. Ф. Р-1658. Оп. 1. Д. 879.
18. АР ЛНР. Ф. Р-1658. Оп. 1. Д. 911.
19. АР ЛНР. Ф. Р-1658. Оп. 1. Д. 939.
20. АР ЛНР. Ф. Р-1717. Оп. 1. Д. 3.
21. АР ЛНР. Ф. Р-1717. Оп. 1. Д. 5.
22. АР ЛНР. Ф. Р-1717. Оп. 1. Д. 7.

И.Е. Татаринов

КАРАТЕЛЬНЫЕ СТРУКТУРЫ, ПОЛЕВЫЕ И МЕСТНЫЕ КОМЕНДАТУРЫ НЕМЕЦКО-ФАШИСТСКИХ ОККУПАЦИОННЫХ ВЛАСТЕЙ НА ТЕРРИТОРИИ ВОРОШИЛОВГРАДСКОЙ ОБЛАСТИ В 1942–1943 гг.

В 2025 г. исполняется 80 лет со дня Великой Победы в Великой Отечественной войне. Десятки тысяч жителей Донбасса (географически

охватывающего территорию Луганской и Донецкой Народных Республик, запада Ростовской области РФ и востока Днепропетровской области Украины), самого восточного региона УССР, внесли свой вклад в победу, с первых дней войны записавшись добровольцами в Красную армию, народное ополчение и истребительные батальоны. Однако и сегодня, по прошествии стольких лет, для научной общественности и всех интересующихся отечественной историей остается немало белых пятен, которые делают наши представления о той страшной войне неполными.

В архивных учреждениях Луганской Народной республики (далее – ЛНР) информация, касающаяся функционирования системы оккупационных органов власти на временно занятой врагом территории Ворошиловградской области (ныне – ЛНР), отложилась в 89 фондах. Большая часть из них (85) содержит данные об органах управления, организациях, учреждениях, предприятиях и формированиях, которые осуществляли оккупационную политику. Внушительный массив документов представлен в фонде Р-1658 «Ворошиловградская областная комиссия содействия Чрезвычайной государственной комиссии по установлению и расследованию преступлений немецко-фашистских захватчиков, г. Ворошиловград». 1089 дел вобрали сведения о злодеяниях нацистов и ущербе, нанесенном захватчиками гражданам, колхозам, учреждениям (акты, сводные ведомости, реестры). Здесь имеются также опросные письма вернувшихся из Германии граждан. Остальные три фонда являются архивными коллекциями. Язык документов в фондах – украинский, русский, немецкий и итальянский, причем значительная часть документов до настоящего времени не введена в научный оборот, а некоторые из них не переведены на русский.

Историография по исследуемому вопросу сегодня представлена рядом примечательных работ известных отечественных ученых. Отметим прежде всего таких авторов, как С.В. Богданов и В.В. Залюбовская [3], Д.А. Жуков [4], О.В. Романько [6] и других [7] исследователей. В то же время, за исключением обобщающих работ, появившихся еще в советский период, вопрос по карательным структурам, полевым и местным комендатурам немецко-фашистских оккупационных властей, действовавших на территории Ворошиловградской области в 1942–1943 гг., освещен крайне бедно и фрагментарно.

Советскому Союзу удалось прийти к триумфу в войне, чередуя горькие поражения и блистательные победы. Уже осенью 1941 г. неудачно складывающаяся боевая обстановка с последующим отступлением советских войск на восток привели к оставлению обширных территорий Советской Украины, которые были немедленно заняты немецко-фашистскими войсками. 21 октября 1941 г. началась оккупация Сталинской области

(ныне – территория Донецкой Народной Республики, Россия), а в ноябре 1941 г. враг вошел также в некоторые местности Ворошиловградской области (ныне – территория ЛНР, Россия). После поражения под Харьковом в мае 1942 г. началось отступление советских войск к Дону и Волге, где линия фронта замерла у Сталинграда. 17 июля был оставлен г. Ворошиловград (Луганск), а 22 июля вся территория Донбасса была полностью оккупирована врагом.

Нацисты были не только хорошо оснащены в военном плане, но и прекрасно подготовлены в нормативно-правовом аспекте. На момент оккупации советских территорий немцы уже имели массу документов, регламентирующих их действия. В памятной записке шефа СС Г. Гиммлера «Об обращении с чужеродными народами на Востоке», подготовленной еще в 1940 г., в отношении местного населения говорится, что оно «будет находиться в нашем распоряжении как народ рабов и ежегодно поставлять Германии рабочих и рабочую силу для особых работ» [5: 357]. В документе германского правительства от 2 мая 1941 г. «Принципы экономической политики на Востоке» говорилось, что, «когда мы заберем всё, что нам необходимо, десятки миллионов людей, несомненно, умрут от голода» [5: 357]. В директиве Г. Геринга об экономическом ограблении намеченной к оккупации территории СССР от 16 июня 1941 г. звучал призыв: «Согласно приказам фюрера, необходимо принять все меры к немедленному и более полному использованию оккупированных областей в интересах Германии» [5: 357]. Важно также процитировать выписку из приказа командующего 6-й армией вермахта В. Рейхенау «О поведении войск на Востоке» от 13 ноября 1941 г., где говорилось, что «снабжение питанием местных жителей и военнопленных является ненужной гуманностью. Страх перед немецкими мерами должен быть сильнее, чем большевистские угрозы» [5: 358–359].

Уже в первые дни оккупации Донбасса захватчики развернули сеть оккупационных органов. Ее характерной особенностью было создание полевых и местных комендатур, находившихся в непосредственном подчинении немецкой военной администрации. Картину оккупации дополняла сеть карательных органов: подразделений тайной полевой полиции, гестапо, Службы безопасности рейхсфюрера СС – Sicherheits Dienst (SD), айнзацгрупп, охранной полиции и полевой жандармерии. Главной целью оккупационной политики врага были учет и планомерное уничтожение местного населения и ограбление природных и материальных ресурсов нашего края.

Комендатуры сосредоточили в своих руках полный контроль над Донбассом. Центральные структуры этой разветвленной системы были ключевыми в установлении и поддержании немецкого «нового порядка»

на оккупированных вермахтом советских территориях. В их задачи входило обеспечение безопасности тыловых районов немецких войск, борьба с антифашистским подпольем, противодействие советской разведывательной деятельности. На территории Ворошиловградской области комендатуры были представлены двумя типами: военные и сельскохозяйственные.

Оккупационный режим в Ворошиловградской области в целом имел такие же признаки, как и в других регионах, попавших в зону контроля немецкого военного командования. Являясь воплощением Генерального плана «Ост», главным инструментом реализации оккупационной политики был геноцид, а сама политика оккупационных властей в экономической сфере носила эксплуататорский, грабительский характер, обусловленный необходимостью бесперебойного обеспечения вермахта всем необходимым. Именно вермахт выступал в области в качестве высшего территориального органа власти, а на местах такими органами были комендатуры нескольких видов: главные полевые, полевые, гарнизонные (местные). Вопросы безопасности и полиции относились к компетенции органов, подчиненных рейхсфюреру СС Генриху Гиммлеру. Как отмечает О.В. Романько, «все комендатуры должны были выполнять две задачи: охранную и управленческую. К первой относилось "обеспечение покоя" в оккупированных районах и охрана тылов действующей армии. Ко второй – создание, руководство и контроль над органами местного управления, а также "мобилизация резервов" для ведения войны» [6: 29].

Немецкий оккупационный аппарат в Ворошиловградской области состоял из трех частей: военно-административной, военно-хозяйственной и карательно-полицейской. Заметим, что, выполняя разные задачи, все указанные в настоящей статье структуры, как правило, координировали свои действия и, безусловно, несут полную ответственность за свои кровавые преступления, совершённые не только на территории области, но и на всей временно оккупированной советской территории.

Весьма важной задачей для оккупантов было создание местных вспомогательных органов власти. Были сформированы городские, районные и сельские управы, являвшиеся неким подобием органов местного самоуправления, куда активно привлекали местных коллаборационистов, антисоветски настроенных граждан и уголовников. В городах управами руководили председатели, а районные и сельские возглавляли старосты. Для охраны правопорядка активно привлекали местных жителей. Особенно это касалось местной полиции. Важное место отводилось украинской вспомогательной полиции, куда активно записывалось местное население северных преимущественно аграрных районов области. Кроме того, в военной оккупационной зоне было введено новое судоустройство

и судопроизводство, однако документов, освещающих деятельность судебных органов Ворошиловградской области, в Архивной службе ЛНР не сохранилось.

Одним из первых мероприятий оккупантов стала перепись населения, в чём активно помогали городские, районные, сельские управы. Эти коллаборационистские структуры стали активными проводниками в установлении нацистами «нового порядка». До наших дней дошли различные распоряжения и приказы по основной деятельности управ; сведения по учету населения, особенно трудоспособных лиц, взыскания налогов, персональному составу лиц, вывезенных в Германию и привлеченных к строительству оборонительных укреплений, инструкции о прописке и выписке, докладные записки шефов районов об открытии школ, списки граждан, нуждавшихся в материальной помощи, и др.

Для отправки жителей Донбасса на каторжные работы в Третий рейх были развернуты так называемые биржи труда. Биржи активно агитировали местное население, организуя трудовые ресурсы на различные работы в регионе. Следственными органами было установлено, что биржа труда подчинялась генеральному уполномоченному по вербовке рабочих в Германию, а на местах контролировалась гестапо. Она являлась «главным помощником Гестапо по проведению насилий и злодеяний по отношению к мирному населению. Через Биржу труда выявлялись активисты и коммунисты. <…> Биржа располагала значительным отрядом полиции, имела свои камеры в тюрьме, свой концлагерь» [1: 9].

Важно отметить, что большая часть населения оккупированной Ворошиловградской области отвечала оккупантам саботажем военных, политических и экономических мероприятий. Враг развернул в ответ террор и масштабные карательные акции. Им способствовала сеть различных структур. Деятельность нацистских органов государственной безопасности на территории Донбасса концентрировалась в руках Службы безопасности со штаб-квартирой в г. Сталино (ныне – Донецк). Эта структура, куда входили специальные подразделения СС и полиции, вела борьбу с многочисленными подпольными организациями и партизанским движением. Именно СД руководила деятельностью айнзацгрупп, занимавшихся «умиротворением тыла», проводя тотальный террор и массовые карательные мероприятия, уничтожая партийно-комсомольских активистов, евреев, цыган и др. [1: 5].

Свою сеть здесь также имела Тайная государственная полиция – Geheime Staatspolizei, известная как гестапо. Базируясь в областных центрах, гестапо развернуло отделения в ряде райцентров, а также сеть временных (выездных) групп. В ряде районов, например, в г. Сватово, оно работало «через Украинскую жандармерию, и располагалась в доме начальника»

жандармерии [1: 5]. При полевых и местных комендатурах в Донбассе действовали структуры Тайной полевой полиции – Geheime Feldpolizei (GFP) [1: 5]. Они работали на установление «нового порядка» и «умиротворяли» местное население, проводя кровавые акции устрашения и карательные операции. С января 1942 г. они напрямую подчинялись 4-му Управлению Главного управления имперской безопасности (РСХА).

Обширный полицейский аппарат, развернутый на оккупированных территориях и обильно укомплектованный уголовниками, завершал картину террора. Работой «полиции руководили представители Гестапо, шефы, которых было при каждом отделении полиции 2–3 человека» [1: 8]. Об их деятельности свидетельствуют малочисленные документы шести фондов Архивной службы ЛНР – Новосветловской (ф. Р-1327, два дела), Городищенской (ф. Р-1332, три дела), Лисичанской (ф. Р-1448, два дела), Беловодской (ф. Р-1974, пять дел) районных полиций, Николаевской (ф. Р-1492, три дела) сельской полиции и управления Марковской районной полиции (ф. Р-1694, два дела). В составе указанных фондов отложились протоколы допросов, заявления граждан в полицию о розыске похищенных вещей, обращения оккупантов к населению о сдаче оружия, списки коммунистов и описания изъятого имущества, списки граждан, вывезенных в Германию, списки владельцев голубей, списки сотрудников полиции и сведения начисление заработной платы полицейским и др.

К сожалению, сведения об этих карательных структурах носят отрывочный характер и представлены в настоящее время в фондах архивных учреждений ЛНР крайне бедно. Так же, как и документы военной администрации, материалы комендатур практически не сохранились, за исключением фонда гарнизонной комендатуры (ф. Р-2243) пос. Меловое Меловского района, представленного всего двумя делами. Значительная часть из них на немецком языке и к настоящему времени не описана должным образом. В них содержатся ежемесячные донесения полевых и гарнизонных комендатур, содержащие различный фактический материал по вопросам управления, финансов, вспомогательных органов, промышленности, сельского хозяйства, культуры, образования, пропаганды и т.д. Кроме этого, там представлены удостоверения граждан, работавших в учреждениях оккупационных властей пос. Меловое.

Поселок Меловое и расположенная рядом станция Чертково (Ростовская область) играли важную роль в обеспечении потребностей вермахта, застрявшего в Сталинграде. Через поселок проходили не только немецкие части, но и некоторые союзнические подразделения, прежде всего, итальянские. Сам пос. Меловое был наводнен оккупационными органами власти, квартировавшими там частями вермахта и союзников настолько, что крайне остро встал вопрос размещения. Так, итальянское

командование запросило меловского ортскоменданта гауптмана Улига о наличии свободных квартир для постоя итальянских офицеров, на что тот ответил: «Меловое перенаселено, свободных квартир нет» [2: 31]. Материалы фонда интересны тем, что содержат также упоминание конкретных немецких воинских частей и подразделений, находившихся непосредственно в Меловом [2: 37].

В материалах фонда гарнизонной комендатуры пос. Меловое сохранились некоторые документы на итальянском языке. В частности, в донесении от 31 августа 1942 г. итальянский 217-й батальон (217 battaglione terr. mobile) сообщал ортскоменданту гауптману Улигу о появлении в районе Меловое – Чертково – Маньково «партизан в немецком обмундировании» [2: 6]. Квартировавшие в соседнем Чертково итальянцы остро нуждались в госпиталях, найдя в этом вопросе понимание у ортскоменданта, который заверил итальянское командование, что «итальянский госпиталь в Меловом может быть создан и укомплектован» [2: 25].

В этом же Меловском районе находился концлагерь, где содержались советские военнопленные, местные активисты и антифашистски настроенные советские граждане. Испытывая дефицит в квалифицированных кадрах, оккупанты выявили в лагере несколько десятков ценных специалистов, а местный ортскомендант гауптман Улиг сделал в Милерово запрос об освобождении 24 из них после того, как ранее «Дулаг освободил 10 заключенных для работы по запросу местного бургомистра». В итоге вопрос был «передан в Дулаг Сталино для дальнейшего рассмотрения» [2: 8, 10].

Кроме того, для централизованного разграбления ресурсов оккупированных областей СССР в интересах вермахта враг развернул сеть уполномоченных хозяйственного командования по использованию материальных ресурсов – «Виртшафскоммандо» (ВИКДО). Например, в Ворошиловградской области действовала команда ВИКДО-9 [1: 6]. В сельской местности оперировали окружные сельскохозяйственные комендатуры. Важно отметить, что эти структуры вели агентурную работу и оказывали содействие карательным органам по выявлению партизан и подпольщиков, а также «следили за настроениями населения, пресекая любые проявления недовольства оккупантами, вели учет коммунистов, комсомольцев и советских активистов, производили обыски и изъятия государственного и частного имущества, организовывали вывод населения на работы» [7: 153].

В завершение заметим, что деятельность различных военно-административных, военно-хозяйственных и карательно-полицейских структур немецко-фашистских оккупантов на территории Ворошиловградской области в период оккупации региона с 16 ноября 1941 по 4 сентября 1943 г. свидетельствует о целенаправленной карательной политике по отношению

к мирным гражданам. Имеющийся в наличии документальный комплекс позволяет считать указанную политику геноцидом, а выявленные преступления оккупантов рассматривать как военные преступления и преступления против человечности, не имеющие сроков давности. В настоящее время в архивных учреждениях ЛНР содержится документальный массив, касающийся функционирования системы оккупационных органов власти на временно занятой врагом территории Ворошиловградской области, а также о преступлениях врага. В то же время по очень многим направлениям сведения носят фрагментарный характер и нуждаются в существенном расширении источниковой базы. Есть все основания полагать, что документы центральных архивных учреждений Российской Федерации смогли бы качественно дополнить исследуемую картину.

Источники и литература

1. Архивная служба ЛНР. Ф. П-1790. Оп. 1. Д. 265.

2. Архивная служба ЛНР. Ф. Р-2243. Оп. 1. Д. 1.

3. *Богданов С.В., Залюбовская В.В.* Полевые и местные комендатуры германских оккупационных властей и их роль в утверждении немецкого «нового порядка» // Власть истории и история власти. 2023. Т. 9. № 6 (48). С. 213–220.

4. *Жуков Д.А.* Германские оккупационные органы на территории СССР: структура и юрисдикция // Эхо войны. 2007. № 1. С. 2–5.

5. Книга скорби Украины, Луганская область: в 2 т. Т. 2 / глав. ред. И.А. Герасимов. Луганск, 2003.

6. *Романько О.В.* Немецкая оккупационная политика на территории Крыма и национальный вопрос (1941–1944). Симферополь, 2009.

7. *Татаринов И.Е.* Оккупационные органы власти на Донбассе в годы Великой Отечественной войны (по материалам архивных учреждений ЛНР) // Россия XXI. 2023. № 1. С. 144–166.

Н.И. Любимова

О ПОДГОТОВКЕ РУКОПИСИ СБОРНИКА ДОКУМЕНТОВ «ТРУД, РАВНЫЙ РАТНОМУ ПОДВИГУ…», ПОСВЯЩЕННОГО 80-й ГОДОВЩИНЕ ПОБЕДЫ В ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ

Есть исторические события, над которыми не властно время. Великая Отечественная война в их ряду занимает особое место. Неоценимым источником объективного прочтения тех трагических событий являются архивные документы.

В связи с этим в рамках мероприятий, посвященных празднованию 80-летия Победы в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг., Государственным архивом новейшей истории Ставропольского края подготовлена рукопись сборника документов «Труд, равный ратному подвигу…», содержащего материалы двух государственных архивов Ставропольского края.

Всестороннее исследование героической деятельности тружеников тыла по созданию надежной материально-технической базы, обеспечившей Красную армию всем необходимым в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг., – важная проблема, на актуальность которой неоднократно обращала внимание научная общественность. Огромный и неослабевающий интерес к событиям прошедшей войны и ее урокам объясняется тем, что они не потеряли своего значения и в настоящее время.

Поведение советских людей в годы Великой Отечественной войны на фронте и в тылу для грядущих поколений навсегда останется замечательным образцом взлета нравственности высшей пробы, проявления массового патриотизма и гражданской ответственности. Единство фронта и тыла, вооруженных сил и населения стали тем фундаментом, который обеспечил победу над врагом. Война была выиграна не только на полях сражений, но и на трудовом фронте. Труженики тыла совершили в годы войны великий подвиг. Они своим самоотверженным трудом выиграли небывалую битву за металл и хлеб, топливо и сырье, за создание могучего советского оружия.

В ранних публикациях архивных документов, посвященных событиям Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.: «Ставрополье в Великой Отечественной войне. 1941–1945 гг.» (1962); «Ставрополье в период немецко-фашистской оккупации (август 1942 г. – январь 1943 г.)» (2000); «Ставрополье: правда военных лет. Великая Отечественная в документах и исследованиях» (2005), тема трудового героизма была представлена отдельными документами [1–3]. Поэтому для нас было важно детально, с максимальной точностью восстановить картину тяжелейшего труда и того неоценимого вклада, который внес тыл в разгром фашистских войск. С помощью документов лозунг «Всё для фронта! Всё для Победы!» приобретает реальное воплощение.

Для сборника были отобраны документы, максимально соответствующие задаче раскрытия темы. Как и в жизни, так и в подготовленном издании положительные примеры чередуются с отрицательными, отображая жизнь края во всем его многообразии. Справки о достижениях включают в себя информацию о недостатках и недоработках, факты трудового героизма соседствуют с фактами дезертирства, указы о награждении – с приказами и постановлениями о привлечении к ответственности.

В настоящем проекте одним из главных принципов отбора было введение в научный оборот не публиковавшихся ранее документов, среди

которых значительную часть составляют архивные документы, переведенные за последние 20 лет на открытое хранение.

Большинство документов публикуется впервые, но для получения целостной картины и воспроизведения точной последовательности фактов и событий приводится ряд документов, опубликованных ранее, с указанием в легенде предшествующего издания.

Документальную часть сборника предваряет исторический очерк с обоснованием выбранной темы. Структура сборника проста и состоит из трех глав, каждая из которых посвящена отдельной отрасли народного хозяйства Ставрополья: промышленность, сельское хозяйство, госпитальная база.

279 документов на бумажной основе, вошедших в сборник, охватывают временной период с июня 1941 г. по май 1945 г. Внутри каждой главы документы размещены в хронологической последовательности, за исключением документов о строительстве оборонительных рубежей, помещенных во второй главе. Такой принцип систематизации позволяет проследить освещаемые события в динамике развития общеисторического процесса, а также дает возможность провести сравнительный анализ состояния экономики края до и после оккупации. В целях более полного освещения темы в сборник включены несколько документов, даты которых выходят за пределы его хронологических рамок. Это постановление об организации выставки о работе госпиталей Северо-Кавказского военного округа в период Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. и документы о награждении орденами и медалями (выборочно), помещенные в конце годовых разделов за 1944–1945 гг. во всех трех главах.

В первую – самую объемную – главу, посвященную промышленности Орджоникидзевского (Ставропольского) края, включены 111 документов. В комплексе все они отражают главную военно-хозяйственную задачу, от быстрого решения которой целиком зависел исход вооруженной борьбы с гитлеровской Германией. Эта задача состояла в создании крепкого и организованного тыла, превращении страны в единый боевой лагерь, подчинении всех отраслей экономики цели разгрома врага.

Из документов видно, что после получения мобилизационных заданий была проведена большая организаторская работа по переводу гражданских предприятий на выпуск военной продукции, по перераспределению всех материальных ресурсов в пользу военной промышленности и действующей армии.

Видовой состав включенных в сборник документов разнообразен: это постановления крайкома, горкомов и райкомов ВКП(б), извлечения из протоколов пленумов, заседаний бюро, совещаний хозяйственного актива, стенограмм, решения крайисполкома о переводе предприятий на

выполнение мобилизационного плана по производству боеприпасов и вооружения; докладные и объяснительные записки, справки, информации и отчеты руководителей заводов и предприятий края; письма, телеграммы о нехватке квалифицированных кадров и определенных видов сырья.

В документах содержатся сведения о промышленных предприятиях, выпускавших продукцию оборонного значения, таких как Георгиевский арматурный завод им. В.И. Ленина, Пятигорский мотороремонтный завод и завод вулканизационного оборудования, ставропольский завод «Красный металлист» и др. Первый документ этой главы датирован 1 июля 1941 г. – докладная записка директора Георгиевского арматурного завода А.М. Плешко о переводе завода на выполнение мобилизационного плана.

Перестройка коснулась и предприятий пищевой промышленности, которые перешли на выпуск консервированных продуктов в стеклянной таре. Минераловодский стекольный завод был перепрофилирован на выпуск бутылок с зажигательной смесью, предназначенных для уничтожения вражеских танков и бронемашин; кожевенный завод им. Трунова, артели и промкомбинаты изготавливали обмундирование, конскую сбрую, ножны и ручки для клинков для кавалерийских частей, сформированных на территории Орджоникидзевского края, и т.д.

Ряд документов посвящен вопросам подготовки кадров рабочих профессий путем призыва молодежи в училища и школы фабрично-заводского обучения, перевода на 11-часовой рабочий день, увеличения суточной выработки, повышения производительности труда, несмотря на фактически полное обновление коллективов заводов, подведению итогов социалистического соревнования.

Практически все документы за 1943 г. содержат сведения об ущербе, нанесенном промышленным предприятиям. В отдельных документах приводятся статистические данные отдельно по предприятиям республиканского, краевого и местного значения. Акты обследования содержат планы мероприятий по восстановлению заводов первой очереди и необходимости наращивания мощностей, списки необходимых для этого материалов.

В документах за 1944–1945 гг. освещаются проблемы, возникшие в ходе осуществления восстановительных работ, уделяется внимание решению кадровых проблем, вопросам разминирования и сбора трофейного оружия, перепрофилированию промышленных предприятий на выпуск запасных частей для сельхозмашин.

Успехи трудящихся промышленных предприятий края государство отмечало правительственными наградами. Об этом красноречиво говорят благодарственные письма, телеграммы, докладные записки о представлении к награждению орденами и медалями, акты вручения медалей.

Вторая глава посвящена нелегкому труду сельскохозяйственных тружеников. В этой главе представлены 103 документа.

Уборочная страда 1941 г. совпала с началом Великой Отечественной войны, и проводить ее пришлось в новых сложных условиях. Ряд документов этой главы освещает проблемы, которые возникли в ходе уборки и хлебозаготовок из-за мобилизации квалифицированных комбайнеров и трактористов, сельскохозяйственной техники, тяглового скота. Уже 24 июня 1941 г. было принято постановление бюро крайкома ВКП(б) о привлечении дополнительной рабочей силы на уборочные работы в колхозы и совхозы края. Но, несмотря на неблагоприятные условия, колхозы края добились в 1941 г. значительных успехов в повышении урожайности сельскохозяйственных культур в сравнении даже с мирным 1940 г.

Блок документов посвящен эвакуации в край скота из прифронтовых областей Украины – вопросам его размещения, отсутствия запасов кормов, борьбы с болезнями скота. Было даже принято решение о привлечении научных сотрудников Ленинградского ветеринарного института, эвакуированного в наш край, для оказания помощи в борьбе с болезнями сельскохозяйственных животных.

Далее ряд документов посвящен строительству оборонительных сооружений, в котором в большей степени было занято сельское население края. В июле 1942 г., когда возникла угроза оккупации края, началась эвакуация скота, машинно-тракторного парка и других материальных ценностей. Проходила она в очень сложных условиях, что подтверждается сведениями из докладных записок в адрес крайкома партии.

Документы за 1943 г. свидетельствуют о тех серьезных экономических задачах, которые пришлось решать в исключительно сложных условиях после освобождения территории края от временной оккупации и нанесенного колхозам, совхозам и машинно-тракторным станциям ущерба. Практически полностью были разрушены 80 % сельскохозяйственных построек, в армию мобилизованы наиболее трудоспособные и квалифицированные труженики села, большое число тракторов, автомашин, лошадей, что значительно ослабило материально-техническую базу сельского хозяйства.

В тяжелейших условиях деревенские труженики, перевыполняя дневные нормы, производили сельскохозяйственную продукцию порой при помощи только лопат, мотыг и подручных инструментов. Движение под девизом «Работать не только за себя, но и за товарища, ушедшего на фронт» приобрело массовый характер не только на предприятиях, но и в сельском хозяйстве. Ряд документов посвящен организации и работе женских тракторных бригад и передовых бригад, укомплектованных из комсомольцев и подростков.

Документы за 1944 г. освещают тяжелое материально-бытовое положение сельского населения, серьезную нехватку продовольствия, особенно в восточных районах края, где наблюдались случаи гибели людей от голода. Но, даже страдая от нехватки продуктов, ставропольцы продолжали самоотверженно трудиться, понимая, что фронт нуждается в продовольствии.

Документы за 1945 г. представлены извлечениями из протоколов заседаний бюро крайкома ВКП(б), на которых рассматривались вопросы о ходе ремонта тракторов и сельхозмашин, подготовке к весеннему севу и использовании крупного рогатого скота в качестве тягловой силы, проведении фронтового декадника по хлебозаготовкам, отчислении сбережений в фонд Победы. Здесь представлены докладные записки с информацией о засыпке семян, оказании взаимопомощи семенами яровых культур между районами края, ремонте техники и подготовке механизаторских кадров к весеннему севу. Один из последних документов этой главы содержит отчет секретаря Нагутского райкома ВКП(б) от 10 мая 1945 г. о праздновании в районе Дня Победы.

Завершают главу документы о награждении тружеников сельского хозяйства медалью «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.».

В третью главу вошли 65 документов на бумажной основе, в которых отражена работа, проделанная краем для создания госпитальной базы. Здесь помещены совместные решения крайкома ВКП(б) и крайисполкома, постановления бюро и докладные записки Ессентукского, Железноводского, Кисловодского и Пятигорского горкомов ВКП(б) за 1941–1942 гг. о переоборудовании санаториев Кавказских Минеральных Вод под госпитали, о выделении помещений под госпитали в других городах и районах края.

В эту главу включены протоколы заседаний бюро партийных органов, справки, докладные записки о создании и работе комитетов помощи по обслуживанию больных и раненых бойцов и командиров Красной армии, информации и отчеты о самоотверженной работе лазарета Красного Креста в период оккупации края, организации научно-исследовательской работы в области восстановительной медицины, постановке лечебного дела, расширении донорского движения в крае.

Также в этом разделе представлены отчеты и акты обследования работы станций переливания крови, документы о функционировании госпиталей и подготовке к зимнему периоду, постановке партийно-массовой, агитационно-пропагандистской, политико-воспитательной работы среди раненых и обслуживающего персонала в госпиталях, культурно-просветительном обслуживании, трудоустройстве и обучении инвалидов войны в крае.

Документы за 1943 г. содержат сведения об ущербе, нанесенном госпитальной базе в период оккупации, акты обследования имеющихся разрушений и планы по восстановлению зданий госпиталей и возобновлению работы по приему раненых.

В отчетах военных отделов горкомов ВКП(б) и эвакогоспиталей, докладных и информационных записках имеются сведения об изготовлении артелями края инвентаря и посуды для нужд госпиталей, оказании госпиталям шефской помощи предприятиями и учреждениями края, пожертвованиях населения.

В эту главу также помещены документы о социалистическом соревновании медработников эвакогоспиталей и их награждении, благодарственные письма врачам за оказанную помощь, телеграммы о сборе средств на танковую колонну.

Содержание ряда документов всех трех глав дополняют резолюции и пометы, которые характеризуют особенности делопроизводства того времени. Часть не вошедших в сборник документов использована при подготовке комментариев, дополняющих сведения по теме документа.

После каждой главы помещен иллюстративный материал, повышающий эмоциональное восприятие событий и фактов военного времени, представленных в документах. Он несет самостоятельную информационную нагрузку и включает в себя фотографии, вырезки из газет, почетные грамоты, копии документов, в том числе наградных, призывы и плакаты.

Между основной частью сборника и научно-справочным аппаратом помещено «Положение о вручении медали "За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг."» и копии удостоверений к медали.

Сборник документов «Труд, равный ратному подвигу…» является достоверным источником информации для изучения истории Великой Отечественной войны, свидетельством стойкости и мужества, патриотизма и самоотверженности тружеников Ставропольского края и адресован широкому кругу читателей.

Издание снабжено научно-справочным аппаратом, который включает перечень использованных фондов, публикуемых документов и иллюстраций, пронумерованных отдельно по каждой главе, список сокращений и аббревиатур, оглавление.

Источники и литература

1. Ставрополье в Великой Отечественной войне. 1941–1945 гг.: сборник документов и материалов / сост. С.П. Бойко и др. Ставрополь, 1962.

2. Ставрополье в период немецко-фашистской оккупации (август 1942 г. – январь 1943 г.): документы и материалы / сост. В.А. Водолажская, М.И. Кривнева, Н.А. Мельник. Ставрополь, 2000.

3. Ставрополье: правда военных лет. Великая Отечественная в документах и исследованиях / сост. В.В. Белоконь и др. Ставрополь, 2005.

М.С. Сивков

ТРУДОВОЙ ФРОНТ И ВОЕННО-ПАТРИОТИЧЕСКИЕ ИНИЦИАТИВЫ КУБАНЦЕВ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ (по материалам Центра документации новейшей истории Краснодарского края)

2025 год в России объявлен Годом защитника Отечества и 80-летия Победы в Великой Отечественной войне. Это посвящение – еще одна попытка потомков отдать дань уважения подвигу тех, кто сражался за Родину на передовой и в тылу во время войны, защищал и продолжает защищать суверенитет и безопасность нашей страны сегодня.

В исторической науке и общественном сознании боевые подвиги солдат и войсковых формирований занимают особое место. Примеры храбрости, самопожертвования, мужества во все времена были и остаются непоколебимым фундаментом патриотического воспитания новых поколений. События Великой Отечественной как одной из самых жестоких, кровопролитных, разрушительных войн породили множество героев, защищавших нашу Родину, навсегда увековеченных в памятниках, книгах и кинофильмах. Меньше внимания уделяется исследованию и популяризации примеров трудового подвига советских граждан, хотя вклад мирного населения в общую Победу огромен и аналогично подвигу боевому сопровождался храбростью, самопожертвованием и мужеством. Эта тема особенно актуальна сегодня, когда бойцы, участвующие в специальной военной операции на Украине, успешно выполняют свои задачи в том числе благодаря активной поддержке гражданского тыла.

Тема Великой Отечественной войны имеет особое значение для Кубани. Краснодарский край побывал прифронтовой зоной и фронтом – рубежом, на котором был остановлен натиск врага. Эта война стала для кубанцев тяжелейшим испытанием, что было обусловлено оккупацией большей части территории, колоссальными разрушениями, большим количеством жертв и материальным ущербом. В период войны обострилась ситуация с трудовыми ресурсами. Из-за массовой мобилизации значительно сократилась численность работников. Ушедших в армию мужчин призывного возраста приходилось заменять подростками, стариками и женщинами. Только за первые полгода войны с Кубани было мобилизовано более 370 тыс. человек – фактически каждый восьмой житель края ушел на фронт [8: 1, 8].

Несмотря на тяжелейшие условия, жители Кубани с огромным патриотическим подъемом помогали Красной армии. Лозунг «Работая за себя, работай и за фронтовика» сопровождал движение двухсотников, которые помогали обеспечить достижение необходимых плановых объемов оборонной продукции. Рабочие-стахановцы трудились в полторы-две смены, а порой и сутками не уходили из цехов, выполняя фронтовые заказы.

Весь период войны люди отдавали в фонд обороны свои сбережения и материальные ценности, перечисляли заработки на строительство танковой колонны, отправляли на фронт продовольствие.

В сентябре 1941 г. в Краснодарском крае началась организованная работа по сбору теплых вещей для Красной армии. Для этого была создана краевая комиссия под председательством секретаря по пропаганде Краснодарского крайкома ВКП(б) Ивана Ивановича Поздняка. В городах и районах создавались инициативные группы женщин, которые из поступавших на приемочные пункты материалов шили теплые вещи, вязали носки и перчатки. Домохозяйки, сдавая теплую одежду, заботливо укладывали в карманы кисеты с махоркой, носовые платки, записки для бойцов с пожеланиями возвращаться домой с победой [6: 1].

Сбор теплых вещей для Красной армии стал не просто временной кампанией, он продолжался все годы войны, и тысячи бойцов сражались с врагом, невзирая на снег и холод, в кубанских валенках и полушубках. Это был еще один коллективный удар по врагу, достигший цели уже зимой 1941 г. Как известно из немецких источников, 20 декабря 1941 г., на 182-й день войны, Гитлер запретил употреблять в своих войсках выражение «русская зима», назвав его «психологически опасным» [3: 300].

2 ноября 1941 г. политуправление 56-й отдельной армии обратилось в Краснодарский крайком ВКП(б) с просьбой о поддержке воинов-фронтовиков письмами и подарками. Данная инициатива встретила большой отклик у населения, работников предприятий и организаций [7: 109].

И.И. Поздняк, выступая 10–11 февраля 1942 г. на X пленуме Краснодарского крайкома ВКП(б), сообщил: «К Новому году в нашем крае организовали и послали свыше 40 000 посылок бойцам и командирам Красной армии. Мы получаем сотни писем от командиров и бойцов с благодарностью за посылки и за проникновенные письма, которые находились в этих посылках. В этом сказывается любовь нашего народа к нашей Красной армии. В этом сказывается исключительно большой патриотизм, и это подтверждает нам единство фронта и тыла» [4: 207].

В июле 1942 г. Гитлер утвердил план операции по захвату Кавказа «Эдельвейс» и поручил группе армий «А» под командованием генерала-фельдмаршала В. Листа нанести рассекающий удар через Ростов-на-Дону в направлении Грозного и Баку. Основная цель гитлеровской армии

заключалась в захвате нефтяных месторождений Кавказа [2: 63]. Стратегическую опасность для советского руководства также представляла угроза вступления в войну против СССР Турции в случае успеха Гитлера на данном направлении. Подчеркивая важность этой задачи, немецкое руководство пошло на беспрецедентный шаг: в сентябре 1942 г. Гитлер объявил себя верховным главнокомандующим группы армий «А» [4: 354].

Масштабным планам Гитлера по выходу к нефтяным месторождениям Северного Кавказа не было суждено сбыться. Единство тыла и фронта позволило остановить наступление превосходящего противника у предгорий Кавказа, а затем обратить захватчиков в бегство.

На освобожденных территориях немедленно приступали к сельскохозяйственным работам. Женщины, старики и дети трудились на полях зачастую круглые сутки, в условиях нехватки необходимой техники, под продолжающимися налетами вражеской авиации. В результате этих огромных усилий к началу мая 1943 г. хозяйства края направили в фонд Красной армии 7504 тыс. пудов зерна и масличных культур [11]. Как и в других регионах страны, на Кубани женщины в количественном отношении значительно преобладали над мужчинами, ушедшими на фронт. Именно представительницы слабого пола «живым тяглом», на волах и коровах, пахали поля, вручную и за штурвалами немногочисленных комбайнов убирали хлеб.

22 августа 1943 г. в Краснодарский крайком ВКП(б) поступила телеграмма с постановлением Совнаркома СССР о переносе начала занятий в 5–10 классах в связи с участием школьников в уборке урожая. В тот же день началось выполнение этой директивы. Дети занимались сбором колосьев и охраной урожая. О том, что без привлечения дополнительной рабочей силы, в том числе детского труда, на полях не обойтись, свидетельствовала статистика оставшегося в крае трудоспособного населения [5: 3].

Несмотря на то, что все урожаи военного времени добывались дорогой ценой, жители края старались оказывать всю возможную помощь фронтовикам. В октябре 1943 г. трудящиеся колхоза им. Кагановича выступили с инициативой сбора сухих фруктов в фонд здоровья защитников Родины в количестве не менее 2 кг с каждого двора. Краснодарский крайком ВКП(б) поручил ответственному редактору краевой газеты «Большевик» Ивану Иосифовичу Юдину освещать ход сдачи фруктов [9: 98]. Репортажи о подобных мероприятиях регулярно публиковались на страницах этого издания. Так, в выпуске от 17 июля 1943 г. сообщалось, что колхозники Павловского района смогли собрать целый вагон продуктовых подарков общим весом в 50 т для воинов Красной армии, сражающихся на Тамани [1].

Уже в 1944 г. сельское хозяйство края получило существенную государственную помощь, недоимки были списаны, а летом выращен и собран хороший урожай. Так, в марте 1944 г. Березанский зерносовхоз ст. Выселки

за высокий урожай, повышение продуктивности скота и, как следствие, победу в социалистическом соревновании во второй раз получил переходящее Красное знамя Государственного комитета обороны [10: 140].

Из-за небывалого напряжения сил и трудового героизма тыл справедливо называют вторым фронтом. Не будет преувеличением сказать, что всё народное хозяйство края работало для нужд армии. В страшные дни войны всё население сплотилось ради одной общей для всех цели – победы над фашизмом. Мужчины, женщины, старики и дети – все вносили свой вклад в разгром неприятеля. В тылу и на фронте ковалась эта победа, мобилизуя все ресурсы края. Во многом благодаря самоотверженному труду жителей Кубани немецкие планы по захвату Кавказа были сорваны.

Источники и литература

1. Большевик. 1943. 17 июля. № 148.
2. *Вернер Х.* Сражения группы армий «Юг». Взгляд офицера вермахта. М., 2006.
3. Кубань в годы Великой Отечественной войны. 1941–1945: рассекреченные документы. Хроника событий: в 3 кн. / сост. А.М. Беляев, И.Ю. Бондарь, 2-е изд. Кн. 1: 1941–1942 гг. Краснодар, 2005.
4. *Мюллер-Гиллебранд Б.* Сухопутная армия Германии. 1933–1945 / пер. с нем. В.А. Дубовика и А.А. Высоковского; под ред. ген.-майора в отставке П.Д. Коркодинова. Т. 3. М., 1976.
5. Центр документации новейшей истории Краснодарского края (далее – ЦДНИКК). Ф. 1072. Оп. 1. Д. 1721.
6. ЦДНИКК. Ф. 1774-А. Оп. 2. Д. 53.
7. ЦДНИКК. Ф. 1774-А. Оп. 2. Д. 478.
8. ЦДНИКК. Ф. 1774-А. Оп. 2. Д. 486.
9. ЦДНИКК. Ф. 1774-А. Оп. 2. Д. 574.
10. ЦДНИКК. Ф. 1774-А. Оп. 2. Д. 956.
11. *Шуваева И.* Из истории Тбилисского района // Официальный сайт Администрации муниципального образования Тбилисский район Краснодарского края. URL: https://www.adm-tbilisskaya.ru/about/archives/istoriya/9676/ (дата обращения: 05.03.2025).

Е.В. Комиссарова

ВОЕННАЯ ПОВСЕДНЕВНОСТЬ СТАЛИНГРАДЦЕВ: ЛИЧНЫЕ ГРАНИ ОБЩЕЙ СУДЬБЫ В ДОКУМЕНТАХ ГОСУДАРСТВЕННОГО И ЛИЧНОГО ПРОИСХОЖДЕНИЯ

Сталинградская битва имеет обширную историографию, отражающую различную проблематику и методологические подходы, но тема подвига

защитников Сталинграда, трагедии и стойкости мирного населения города продолжает волновать потомков и сохраняет научную актуальность в контексте таких направлений гуманитаристики, как история повседневности, социально-культурная антропология. Расширение доступа к фондам архивов, публикация воспоминаний представителей военного поколения способствуют более полному воссозданию картины суровой повседневности, в которой люди не просто боролись за выживание, но и ежедневно выдерживали чрезмерные производственные, мобилизационные, общественные и прочие нагрузки.

Целью данного исследования является рассмотрение судеб студентов Сталинградского медицинского института в контексте истории населения Сталинграда военного времени на основе анализа корпуса документов Сталинградского городского комитета обороны (далее – СГКО), личных дел студентов Сталинградского государственного медицинского института (далее – СГМИ) 1943–1947 гг. и других источников. Вкладу СГМИ в Победу советского народа в Великой Отечественной войне посвящено значительное количество публикаций, однако в связи с полной утратой документов института в результате бомбардировки Сталинграда 25 августа 1942 г. до сих пор не установлены имена всех обучавшихся в СГМИ до 1943 г. Автобиографии студентов, возвращавшихся в возрождаемый в 1943 г. СГМИ, индивидуальны, но они отражают общую историю сталинградцев, выживших в период Сталинградской битвы и восстановивших город.

Условия жизни населения Сталинграда в период военного и осадного положения наглядно характеризуют документы СГКО, решавшего все вопросы жизнеобеспечения города, который с первых дней Великой Отечественной войны начал принимать тысячи раненых и эвакуированных. Уже в первые месяцы войны ухудшилось продовольственное снабжение горожан. В постановлении СГКО о состоянии обеспечения трудящихся Сталинграда продуктами сельского хозяйства от 28 октября 1941 г. сказано, что это состояние резко ухудшилось. Колхозы на рынках Сталинграда, по существу, торговлю прекратили, тем самым дали возможность спекулянтам взвинтить цены на такие продукты, как мясо, «масло животное», молоко, мука, картофель и овощи [11: 65, 67]. Ряд постановлений СГКО был направлен на обеспечение города мукой. В августе 1941 г. ЦК ВКП(б) и СНК СССР приняли постановление «О введении карточек на хлеб, сахар и кондитерские изделия» с 1 сентября 1941 г., в том числе в Сталинграде. С 1 ноября 1941 г. в Сталинграде была введена карточная система на мясо, жиры, крупу и макаронные изделия. 13 января 1942 г. введены карточки и на промышленные товары [11: 186, 187].

Об угрожающей эпидемиологической ситуации сигнализирует записка Главного военно-санитарного управления Красной армии в СГКО от

11 декабря 1941 г. о заболеваемости в Сталинграде сыпным тифом: «Наличие значительной завшивленности среди населения города и области, почти 100 % завшивленность контингента эвакуированного населения, постоянное прохождение через ст. Сталинград воинских эшелонов, двигающихся к фронту, среди которых также часто обнаруживается вшивость, а также ежедневное прибытие в г. Сталинград нескольких военно-санитарных поездов с больраненными, требующих немедленной дезобработки, при необеспеченности бандезустановками создает реальную угрозу значительной вспышки сыпного типа, как в пределах Сталинградской области, так и заноса его на фронт и в глубокий тыл страны» [11: 142–143].

Население привлекалось на строительство оборонительных рубежей. Согласно постановлению бюро обкома ВКП(б) и облисполкома от 19 октября 1941 г. по Сталинграду для обеспечения строительства рубежей мобилизации подлежало 84 тыс. человек [11: 74]. Из докладной записки председателя Тракторозаводского райисполкома Полумордвинова об организации быта и питания трудящихся на строительстве оборонительных рубежей: «Я посетил строительство первого участка оборонительного рубежа 7–8 ноября. 1. Питание очень плохое и несвоевременное, завтраки и обеды запаздывают на 2–5 часов, привозятся холодные и в недостаточном количестве, малокалорийные (40–50 г мяса) с недостаточным количеством приправы. Хлеба 800 г не хватает. Не хватает термосов для развозки, половников и другой посуды, не всем достается пища, 7 ноября 1941 г. не хватило 200 порций... Выдача была в 9–10 часов вечера – это обед. 2. Рабочие не имеют возможности вымыться в бане, появились насекомые. 3. Общежития не отапливались, только 7 ноября начали завозить дрова» [11: 99]. В справке строительного отдела обкома ВКП(б) от 28 января 1942 г. отмечено, что вокруг Сталинграда и Сталинградской области проведены работы по строительству оборонительных рубежей. Из 195 тыс. человек, занятых на строительстве, из местного населения – 96 тыс. человек. «Строительство проходило в исключительно напряженной военной обстановке и неблагоприятных метеорологических условиях осени и зимы 1941–1942 гг. (дождях, метелях и сильных морозах, доходящих до 38° С ниже нуля)» [11: 210–211].

В связи с приближением фронта 12 июля 1942 г. СГКО постановило: «Приступить к строительству линии обороны г. Сталинграда, установить срок окончания строительства 1 августа 1942 г. Строительство линии обороны проводить силами строительных организаций, коллективов заводов, предприятий, учреждений, а также мобилизации всего трудоспособного населения за счет направления на строительство 2/3 аппарата учреждений и предприятий... организовать рабочие колонны из числа населения... Установить минимальный выход на работу из расчета

10–12-часового рабочего дня 5000 человек ежедневно по каждому району... Разработать мероприятия по организации общественного питания для работающих на строительстве рубежа» [11: 371–372]. 18 июля 1942 г. СГКО приняло уточняющее постановление: «1. К установленной трудповинности на строительстве оборонительных рубежей привлекается трудоспособное население в возрасте: мужчины – от 16 до 60 лет и женщины – от 16 до 50 лет. 2. От трудповинности освобождаются женщины, имеющие грудных детей, а также имеющие детей в возрасте до 8 лет, в случае отсутствия других членов семьи, обеспечивающих уход за ними. 3. За уклонение от установленной трудповинности виновные подвергаются в административном порядке тюремному заключению до 6 месяцев или штрафу до 3000 руб. и за злостное уклонение – к уголовной ответственности по ст. 59-6 УК» [11: 380].

Город готовился к уличным боям. Постановление СГКО о сборе мешков, рогожных кулей и т.п. среди населения города от 15 августа 1942 г. обязывало организовать сбор мешков, кулей и другой тары для строительства земляных укреплений, баррикад и ограждения важнейших сооружений и магазинов от воздушной волны при бомбардировках. Каждая семья должна была сдать один-два мешка [11: 427].

В связи с увеличением потребности в консервированной крови для обеспечения нужд фронта постановление СГКО о донорах от 10 августа 1942 г. требовало довести количество доноров до 10 тыс. человек [11: 418].

В июле – августе 1942 г. 1 тыс. студентов СГМИ младших курсов под руководством профессоров С.Н. Касаткина, Г.А. Ионкина, Е.М. Деларю и др. были направлены на строительство противотанковых рвов и других оборонительных сооружений на южных подступах к городу в районе Ивановка – Тундутово. Профессор Э.Р. Могилевский вспоминал: «Жили мы вместе со студентами в палатках. Работали в открытом поле лопатами, ломами, кирками. Над нашими головами ежедневно пролетали фашистские бомбардировщики. Мы хорошо видели, как из самолетов, атаковавших железнодорожную станцию, вылетали бомбы, видели пламя взрывов. Вечером 22 августа всю нашу группу вызвали в институт. Там мы узнали, что решено эвакуировать наиболее ценное оборудование института, преподавателей теоретических кафедр и всех членов их семей. Руководители клинических кафедр оставались в городе для оказания медицинской помощи населению и армии. Эвакуация проходила в обстановке непрекращающейся бомбардировки города. Но нам удалось вырваться из зоны сплошного огня и разрывов и перебраться на другой берег Волги» [12: 23].

После налетов вражеской авиации 23–26 августа СГКО приняло постановление от 30 августа 1942 г. о снабжении населения Сталинграда

продуктами питания: «В связи со скоплением населения металлогорода в Ерманском и Ворошиловском районах, ввиду того, что значительная часть магазинов в Сталинграде разрушена, утвержден перечень пунктов снабжения и питания населения» [11: 455].

В конце августа 1942 г. немцы подошли к Сталинграду, оккупировав 14 сельских районов Сталинградской области и значительную часть районов Сталинграда: Краснооктябрьского, Баррикадного, Дзержинского, Тракторозаводского, Ерманского, Ворошиловского.

После окружения и разгрома немцев в районе Сталинграда в декабре 1942 – январе 1943 г. Сталинградская область была полностью очищена от немецко-фашистских захватчиков. За время пребывания в пределах Сталинградской области гитлеровцами было убито 38 554 мирных жителя, 6072 советских военнопленных, расстреляно 1744 человека, повешено 108, совершены издевательства, насилие и пытки над 1598 гражданами, уведено в немецкое рабство 64 224 человека, погибло от бомбардировок и артиллерийских обстрелов 42 797 человек. При этом нацисты проявили необычайную жестокость и не считались ни с полом, ни с возрастом своих жертв, совершали массовые убийства мирных советских граждан. В Дзержинском районе Сталинграда на площади им. 8 Марта обнаружена могила, в которой оказалось 516 трупов замученных советских людей. Немецко-фашистские захватчики разрушили почти весь Сталинград, за исключением Кировского района, не бывшего в немецкой оккупации, полностью сожгли или причинили серьезные разрушения во многих населенных пунктах области. В Сталинграде почти полностью были разрушены и выведены из строя водопровод, канализационная сеть, трамвайная сеть, телефон и городское электричество [10: 35, 39, 44, 45]. Трагедия мирных жителей отражена в справке о количестве населения г. Сталинграда в июле 1942 г. – феврале 1943 г. от 14 сентября 1943 г.: до осады – 551 500 человек, эвакуировано – 315 234, у немцев – 134 300, 2 февраля 1943 г. – 10 502, погибло 23 августа 1942 г. – 13 366 человек [11: 480].

Восстановление города началось еще до окончательного завершения Сталинградской битвы. Постановление Сталинградского горисполкома о проведении мероприятий по очистке и санитарному содержанию города от 21 марта 1943 г. свидетельствует об ужасающих условиях существования и труда горожан: «Наличие в разрушенном врагом городе за время его осады еще значительного количества вражеских трупов, колоссальное загрязнение нечистотами и мусором всех жилищ, подвалов, землянок, территории дворов, улиц, площадей и развалин бывших зданий, почти полное отсутствие даже примитивных уборных, скученность и завшивленность оставшегося в городе населения, отсутствие нормального и санитарно-благоустроенного питьевого водоснабжения диктуют

необходимость проведения чрезвычайных противоэпидемических мероприятий по городу с использованием сил и средств всех гражданских учреждений, организаций и предприятий г. Сталинграда. Исполком решил: 1. Для очистки всех районов города от оставшихся человеческих трупов, трупов домашних животных, от мусора и нечистот на период с 08.03 до 05.04 объявить мобилизацию всего трудоспособного населения с 18 до 60 лет, а также транспортных средств всех учреждений и ведомств» [11: 485]. Во второй половине марта и в апреле 1943 г. райисполкомы проводили воскресники – выход трудящихся после работы (на два-три часа) на уборку улиц, дворов, площадей и т.д. Всего участвовало в воскресниках и в выходах после работы свыше 20 тыс. человек. Были очищены в основном центральные улицы, магистрали и площади [11: 553]. Было принято постановление СГКО 12 февраля – 2 марта 1943 г. об организации, восстановлении и строительстве пищевых предприятий Сталинграда [11: 497].

Одновременно с завершением Сталинградской битвы началось и возрождение медицинского института: врачи были остро необходимы фронту и тылу. Был объявлен сбор студентов всех курсов, и 1 октября 1943 г. начался учебный год. Во многих личных делах студентов имеется справка о том, что аттестат об окончании средней школы, сданный при поступлении в СГМИ, погиб со всеми документами института 25 августа 1942 г. во время боев за Сталинград. Почти все студенты, кроме тех, кому посчастливилось учиться в эвакуации в других вузах, не успели сдать экзамены летом 1942 г. Дирекция института чутко относилась к каждому студенту, всех принимали с условием сдачи недостающих экзаменов, выполняя свою миссию скорейшей подготовки медицинских кадров. Выпускники 1941–1942 гг. в основном были призваны в РККА. Судьбы тех, кто находился летом 1942 г. в Сталинграде, сложились по-разному: одним удалось эвакуироваться в тыловые регионы страны, другие остались в Сталинграде, работали или оказались на временно оккупированной гитлеровцами территории.

Среди зачисленных на 4-й курс в октябре 1943 г. была Г.В. Андреева, 1923 г.р. В 1940 г. она училась на 3-м курсе до бомбежки и не успела сдать некоторые экзамены. Находилась в эвакуации в г. Кустанае Казахской ССР, откуда была направлена в Куйбышевский мединститут, сдала задолженность и была зачислена на 4-й курс. Из Куйбышевского института была переведена в Сталинград. Отец был в доме инвалидов в Камышине. Мать работала медсестрой в Кустанае [1: 1–2]. На 4-й курс была принята Т.В. Аврамова, 1920 г.р., она до июля 1942 г. не успела сдать три экзамена и один зачет. Во время боев в сентябре она эвакуировалась с родителями в с. Вязовка Черноярского района, где семья прожила всю зиму. В апреле поступила работать в горбольницу, но так как больница еще не приступила к работе, уехала в командировку в Калининский район по борьбе

с эпидемией сыпного тифа, где заболела сыпным тифом. Работала в горбольнице [2: 1–2]. Л.П. Брянцева, 1922 г.р., в августе 1942 г., будучи студенткой 3-го курса, эвакуировалась с семьей в г. Чистополь Татарской АССР, где прожила год, работая медсестрой в эвакогоспитале 4638. В августе 1943 г. вернулась в Сталинград и была зачислена на 4-й курс [7: 1].

И.Д. Буланкина, 1925 г.р., в 1941 г. поступила на 1-й курс СГМИ. В июле 1942 г. ей пришлось эвакуироваться с родителями из ст. Трёхостровской Сиротинского района в Быковский район Сталинградской области. Работала в колхозе при Калиново-Балковском сельсовете, в октябре была мобилизована на оборонительные работы в Пролейский район, там пробыла до 11 января 1943 г. В начале февраля уехала с отцом домой в Трёхостровскую, работала чернорабочей на машинно-тракторной станции, в сельпо. В мае семья переехала в ст. Старогригорьевскую – центр Сиротинского района. И.Д. Буланкину от районного комитета ВЛКСМ послали работать в райсовет Осоавиахима инструктором противовоздушной и противохимической обороны. Она писала: «Хочу учиться дальше на 2 курсе. Зачетной книжки пока у меня нет, я зарывала в землю ее вместе с учебниками в том дворе, где стояла на квартире (бывшая ул. Самарская, 2). Не знаю, цела она или нет, на руках есть только студенческий билет» [9: 5, 19]. В.П. Андреева, 1923 г.р., была зачислена на 2-й курс со сдачей недостающих дисциплин. Отец и мать работали на Сталинградской ГРЭС. В 1942 г. окончила 1-й курс. С 15 июля по 21 августа была вместе со студентами на рубежах под Ивановкой. В дни осады находилась на Сталинградской ГРЭС с отцом П.А. Андреевым, который был оставлен уполномоченным от станции в 64-й армии. Работала инспектором отдела найма и увольнения Сталэнергокомбината. Награждена медалью «За оборону Сталинграда» [3: 5, 23].

На 1-й курс зачислена К.Г. Бульба, 1924 г.р. Семья проживала в Кировском районе Сталинграда (ст. Бекетовка), где дочь окончила среднюю школу в 1942 г. Летом вместе с другими учениками она работала полтора месяца в совхозе «Горная поляна». Летом 1942 г. отец работал в с. Садовом Калмыцкой АССР: «Эта область была оккупирована немецко-фашистскими захватчиками, поэтому о нем ничего не известно. Зимой 1942 г. была призвана служить в ряды РККА и 7 месяцев нахожусь на службе в формировании МПВО Кировского района в качестве бойца медико-санитарного взвода. Имею непреодолимое желание учиться, но сейчас я еще нахожусь на службе в формировании МПВО» [8: 3–4]. М.Х. Агишева, 1924 г.р., в 1942 г. окончила 1 курс СГМИ без сдачи экзаменов по причине бомбежки Сталинграда. По окончании курса студентов мобилизовали на рубежные работы: «Я проработала с 15 июля по 22 августа включительно. С октября 1942 по январь 1943 г.

находилась на временно оккупированной немцами территории. Период оккупации Ворошиловского района переживала до ноября в Сталинграде, в ноябре [немцы] эвакуировали в тыл. В декабре добрались мы до г. Каменска, а в январе освободила нас Красная Армия и мы 5 февраля выехали в Сталинград. Работаю в Сталинградском областном театре им. М. Горького. Зачислена на 2 курс со сдачей экзаменов» [4: 2, 3]. А.М. Агеева, 1920 г.р., в мае 1942 г. при сдаче экзаменов за 4-й семестр не сдала микробиологию, дальше не стала сдавать, работала госпитале четыре месяца. С октября 1942 г. по январь 1943 г. находилась на временно оккупированной немцами территории, где работала медсестрой в больнице обслуживания гражданского населения. С 1 октября 1943 г. приступила к учебе на 2-м курсе [5: 2, 3, 22].

И.В. Бедеркина родилась в 1923 г. в Сталинграде. Отец работал главным инженером аварийно-восстановительного батальона, а 25 августа 1942 г. во время бомбардировки города погиб: «Мать работает инструктором Облкатбюро. В 1941 г. закончила десятилетку. С ноября 1941 г. по февраль 1942 г. работала в техмастерских Сталинградского аэродрома в качестве табельщицы. В феврале 1942 г. поступила учиться в Мединститут, а затем, одновременно, работать в Аварийно-восстановительный батальон МПВО (с 15 августа). Эвакуироваться не имела возможности, т.к. не имела эваклиста, погиб отец и под моим надзором оставались больная мать, раненые дядя и тетя. В Сталинграде я и мать находились до 5 ноября, после которого нас немцы выгнали из города в Калач-на-Дону, который был освобожден 22 ноября героической Красной Армией. На оккупированной территории нигде не работала. После освобождения Калача вела общественные работы от РК ВЛКСМ и райсовета, работала в средней школе старшей пионервожатой с 23 февраля по 23 апреля. Работаю в Областном Управлении Главнефтеснаба при СНК СССР в качестве экономиста планового отдела» [6: 2].

Самоотверженный труд коллектива СГМИ по восстановлению родного института получил высокую оценку в постановлении СГКО о награждении грамотой особо отличившихся профессоров, преподавателей и студентов при восстановлении Сталинградского медицинского института от 31 октября 1943 г. [11: 665]. Грамоту доцента М.А. Свердлина можно увидеть в музее истории Волгоградского государственного медицинского университета. Отпечаток пережитых тягот военного лихолетья явственно виден на исхудавших лицах профессоров на фотографиях 1940-х гг.

Комплексное изучение исторических источников государственного и личного происхождения позволяет глубже осознать человеческое измерение военной истории, степень концентрации усилий советских граждан, объединенных призывом «Всё для фронта, всё для Победы!».

Источники и литература

1. Архив Волгоградского государственного медицинского университета (далее – ВолгГМУ). Ф. 4330. Оп. 4. Д. 6.
2. Архив ВолгГМУ. Ф. 4330. Оп. 4. Д. 8.
3. Архив ВолгГМУ. Ф. 4330. Оп. 4. Д. 10.
4. Архив ВолгГМУ. Ф. 4330. Оп. 4. Д. 11.
5. Архив ВолгГМУ. Ф. 4330. Оп. 4. Д. 17.
6. Архив ВолгГМУ. Ф. 4330. Оп. 4. Д. 20.
7. Архив ВолгГМУ. Ф. 4330. Оп. 4. Д. 21.
8. Архив ВолгГМУ. Ф. 4330. Оп. 4. Д. 22.
9. Архив ВолгГМУ. Ф. 4330. Оп. 4. Д. 24.
10. Сталинградская областная комиссия по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков и их сообщников и причиненного ими ущерба гражданам, колхозам, общественным организациям, государственным предприятиям и учреждениям Сталинградской области: документы / под ред. М.М. Загорулько. Волгоград, 2008.
11. Сталинградский городской комитет обороны в годы Великой Отечественной войны: документы и материалы / под ред. М.М. Загорулько. 2-е изд. Волгоград, 2007.
12. Сталинградский государственный медицинский институт в Сталинградской битве / О.С. Киценко, Р.Н. Киценко, Е.В. Комиссарова, И.А. Петрова; под ред. В.И. Петрова. Волгоград, 2018.

И.Ю. Беляевская

СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ (по материалам архива Зверевского районного совета депутатов трудящихся)

Зверевский район располагается в северо-восточной части Ростовской области. Зверевский районный совет депутатов трудящихся и его исполнительный комитет начал свою деятельность в 1934 г. Он входил в Северо-Донской округ Азово-Черноморского края. 13 сентября 1937 г. постановлением ЦИК СССР Азово-Черноморский край был разделен на Ростовскую область и Краснодарский край, и Зверевский район вошел в Ростовскую область [12: 12]. На востоке он граничил с Белокалитвинским и Каменским районами, на юге – с Красногвардейским районом, на западе – с Украинской ССР.

Площадь района составляла 126,5 тыс. га. Через территорию района проходили железнодорожные магистрали: Ростов-на-Дону – Москва, Лихая – Ворошиловград, Лихая – Сталинград, Ростов – Харьков,

автогужевая дорога Ростов – Воронеж. Район располагал значительными сырьевыми ресурсами: каменным углем, глиной, бутовым камнем, известью [11: 33, 132, 132 об.].

Административно район был разделен на 13 сельских и три поселковых совета, в том числе Гуковский и Зверевский поселковые советы. Штат райисполкома состоял из 61 человека, штат поселковых и сельских советов – из 27 человек.

С июля 1942 по февраль 1943 г. Зверевский район был оккупирован немецко-фашистскими войсками. В связи с этим документы районного совета с 1934 по 1942 г. были утрачены. В данной статье на основе архивных документов фонда № Р-1 «Зверевский районный Совет депутатов трудящихся» Архивного сектора Администрации города Зверево Ростовской области освещается жизнь района после освобождения от немецкой оккупации.

После изгнания захватчиков с территории района в феврале 1943 г. Зверевский районный совет возобновил свою работу, и уже 28 февраля состоялось первое заседание Зверевского райисполкома, на котором рассмотрели вопросы:

– о привлечении рабочей силы в связи с восстановлением железнодорожных узлов в Лихой, Зверево, Гуково и перегонов Лихая – Зверево – Гуково – Черевково;

– о восстановлении радиоузла, разрушенного немецкими оккупантами;

– о восстановлении связи в Зверевском районе;

– о содержании военно-автомобильных дорог в проезжем состоянии;

– о размещении районных организаций;

– о проведении противоэпидемических мероприятий;

– о привлечении поселков Зверево, Лихая, Гуково и сельских советов Комиссаровского, Лиховского, Долотинского, Гуково-Гнилушевского, х. Чуево, Аникинского в порядке трудовой повинности для выполнения неотложных работ по восстановлению железнодорожного транспорта;

– о сдаче трофейного имущества и имущества государственных учреждений и предприятий.

В пункте 1 постановления говорилось о том, что все жители Зверевского района обязаны сдать в течение 24 ч в сельские советы, органы НКВД и милицию всё оставленное противником огнестрельное оружие, боеприпасы и имущество (автотранспорт, повозки, людское и конское снаряжение, обмундирование, продовольствие, фураж), а также имущество, принадлежащее частям Красной армии, советским организациям и частным лицам и присвоенное во время оккупации [1: 1 об.–4].

После освобождения территории района от немецких войск началась кропотливая работа по сбору свидетельских показаний о фактах зверства немецких захватчиков и их приспешников на территории

Зверевского района, по составлению актов ущерба, нанесенного в результате бомбежек, разграбления, разрушения, повреждения предприятиям, учреждениям и организациям, колхозам, а также мирным жителям.

Всего было собрано 1718 листов документов. Составленные на тетрадных обложках, оберточной бумаге, на листах из книг, всевозможных бланках, на клочках бумаги и даже на обороте немецких карт, они являют собой свидетельства того сурового и трагического времени.

В Архивном секторе хранится акт, составленный в х. Лихом, о расстреле в январе 1943 г. после издевательств в сулинской тюрьме сторожа мельницы, красного партизана, депутата Лиховского сельского совета Архипа Андреевича Шевгова.

Поражают описанными зверствами немецких захватчиков акты о пытках, избиении шомполами и плетьми мирных граждан в пос. Чичерино, Комиссаровке, х. Тацине, о расстрелах в пос. Зверево:

– Осипенко Григория, плотника, беспартийного (расстреляли только за то, что попросил еды для детей и жены);

– Головина Леонида Ефимовича, беспартийного, заведующего клубом;

– Муратовой Софьи Михайловны, члена ВКП(б), заведующей магазином в совхозе «Красный партизан»;

– Гончарова Якова Павловича, главного кондуктора;

– Андреева Николая Петровича, помполита Гуковской машинно-тракторной станции;

– Котова Георгия и Ильченко Антона Евстигнеевича, членов ВКП(б), попавших в плен к немцам под Севастополем;

– Зайцева Якова Дорофеевича, дежурного по вокзалу станции Зверево;

– Горбачева Николая Васильевича, секретаря Зверевского поселкового совета;

– Енина Бориса Дмитриевича, работника редакции «Сталинская правда»;

– Лысенко Афанасия Григорьевича, заведующего финансовым отделом райисполкома.

Кровавую расправу учинили немцы в ст. Владимировской, где расстреляли восемь человек и зверски замучили председателя колхоза Михаила Мартыновича Меркулова – его гоняли, избивая, от дома к дому раздетым. Он падал, его поднимали штыками и гнали к следующей усадьбе. И так продолжалось до тех пор, пока немцы не смогли его поднять, так как он был мертв. Тогда они бросили его в бурьян, где его и нашли жители станицы. Расстреляли после пыток инспектора районного отдела НКВД в пос. Гуково Марченко [3: 66, 75, 78, 122, 79, 82, 83]. В х. Аникино 25 июля 1942 г. замучили и расстреляли 22 человека, среди них было пять эвакуированных, четыре летчика и четыре красноармейца [4: 123].

Такие акты составлялись почти во всех населенных пунктах Зверевского района.

Сельские и поселковые советы выявляли лиц, которых немцы насильно угнали с собой. По данным Лиховского сельсовета, таких было 58 человек, Комиссаровского – 45 человек, совхоза «Красный партизан» – 149 человек, Ковалевского сельсовета – 40 человек.

Составлялись списки полицейских, лиц, добровольно ушедших с немцами при отступлении. По данным Комиссаровского сельского совета, добровольно уехали с гитлеровскими войсками 104 человека, Ковалевского сельсовета – 39 человек, Зверевского поселкового совета – 90 человек [7: 1–75].

По приказу Цыгеро, коменданта на территории Зверевского района, и его помощника Кугеля взорвано, увезено и уничтожено только по Гуковской машинотракторной станции, находившейся в пос. Зверево, зданий хозяйственных и жилых домов, оборудования (в том числе нефтебазы), инвентаря на общую сумму 214,8 тыс. руб.

В сентябре 1942 г. было разобрано здание районного народного суда по ул. Советской. Имущество разграблено, ущерб составил 70,3 тыс. руб. [2: 130, 131]. Ущерб, причиненный сельским и поселковым советам по Зверевскому району, составил 8,7 млн руб.

Полностью были разрушены 343 жилых дома, только незначительная часть жилых домов осталась без повреждений. Разрушено было также 23 клуба и красных уголка [3: 83].

Большому разрушению и разграблению были подвергнуты промышленные предприятия. Так, только предприятия треста «Гуковуголь» понесли убытки на сумму 2408 тыс. руб. [4: 40–41].

Большой ущерб был нанесен населению района. Только 119 семей колхоза им. Коминтерна Новоровенецкого сельсовета понесли убытки на сумму 1,4 млн руб. [5: 5]. Поселку Гуково был нанесен ущерб свыше 1 млн руб. [2: 179–182]. Убыток по районному отделу народного образования составил более 2 млн руб. [6: 152 об.].

В х. Зайцевка Зайцевского сельсовета школа вначале была превращена в общежитие для немецких солдат, а затем – в конюшню. Имущество школы и медпункта было сожжено, медикаменты и медицинские инструменты немцы забрали с собой, а то, что еще уцелело, уничтожили затем румынские солдаты [3: 99].

В районе сохранились здания всего нескольких начальных школ, и в 1943/1944 учебном году в них разместились средние школы и несколько неполных средних школ. Остальные школы были размещены в жилых домах. Всего же было открыто 38 школ (средних, неполных средних, начальных), в которых обучалось около 4 тыс. учащихся. В гуковской

средней школе № 33 из 20 выпускников шесть десятиклассников получили аттестаты с отличием.

Ущерб по райздравотделу составил более 2 млн руб., но уже в 1943 г. было восстановлено четыре больницы, семь врачебных амбулаторий, девять фельдшерских пунктов, шесть здравпунктов, четыре аптеки и другие объекты здравоохранения. Медицинские работники создали эпидемиологические отряды и включились в борьбу с инфекционными заболеваниями, привели в порядок колодцы, водоемы. Было открыто 24 бани и дезинфекционные камеры [8: 86].

Районный совет депутатов трудящихся занимался вопросами трудоустройства эвакуированных, обеспечивая их жильем, оказывал материальную помощь семьям военнослужащих. Были выплачены государственные пособия в сумме 295,9 тыс. руб., 140 семей освободили от финансового налога, 2065 семьям подвезли уголь, 128 сирот – детей фронтовиков – были определены в детские дома [8: 10 об.].

На 9-й сессии районного совета депутатов было отмечено, что трудящиеся района достигли значительных успехов в восстановлении разрушенного сельского хозяйства, угольной промышленности, железнодорожного транспорта и т.д. Были восстановлены райпищекомбинат, райпромкомбинат с пятью цехами бытового обслуживания, шахтоуправление с тремя шахтами, три промартели, 259 разрушенных домов, построено девять мостов.

Успешно была проведена в районе реализация 2-го государственного займа – собрано 2554,6 тыс. руб., 3-й денежно-вещевой лотереи – реализовано 592,8 тыс. руб. Было собрано 744,6 тыс. руб. на постройку танковых колонн. На 244 % был выполнен план по местным налогам и сборам.

Доходная часть бюджета была исполнена на 95,4 %, что составило 2869,3 тыс. руб. Не был выполнен план в доходной части по статьям: сельхозналог, военный налог, самообложение. Расходная часть бюджета была исполнена только на 61 %.

Сессия утвердила бюджет на 1944 г. в доходной и расходной частях в размере 4458,7 тыс. руб., была намечена большая программа по благоустройству и строительству в населенных пунктах района.

После окончания Великой Отечественной войны началось возвращение жителей района из неволи. В Зверевский район они прибывали через приемно-распределительный пункт при станции Лихой. С июня 1945 г. по 30 января 1946 г. через него прошел 431 человек, репатриированный из Германии, Италии, Австрии, Польши, Чехословакии. На каждого из них заполнялся «Опросный лист для возвратившихся из германской неволи».

Люди попадали на чужбину по разным причинам: были взяты в плен, угнаны немцами насильно, были и добровольно уехавшие, но условия

для всех были одинаковые: в дороге кормили редко (один-два раза в сутки) и скудно либо вообще не кормили. По прибытии на место их ждала работа по 10–14 ч в сутки, скудное питание (200–300 г хлеба, суп из брюквы, моркови, иногда 20 г маргарина, кофе без сахара), обеспечивали деревянной обувью, старой, поношенной одеждой, почти всех били. Били за то, что не понимали немецкий язык, за то, что не было сил идти на работу, за то, что болели, за неподчинение.

Но и в таких условиях наши земляки не склоняли головы перед своими мучителями. Из опросного листа Анны Семёновны Поповой из колхоза «Большевик», х. Малое Зверево, мы узнаем, что она была угнана насильно 14 октября 1942 г.: «Дважды я арестовывалась и сидела в гестапо по полтора-два месяца. Один раз за проведение митинга в день Красной Армии и за высказывание против Гитлера. <…> В карцере я сидела раз 8» [11: 43–44, 132].

18 июля 1945 г. на заседании райисполкома были утверждены акт об окончательном разминировании территории Зверевского района от взрывных технических средств и вооружений, оставшихся от военных действий 1941–1943 гг., в количестве 7875 штук всех видов боеприпасов и акт контрольной проверки территории района на площади 2497 га [10: 89].

Проведена была перепись населения. Всего в районе было 5406 дворов, в которых проживало 20 316 человек [9: 1].

Жители Зверевского района участвовали в обороне Кавказа, строительстве оборонных сооружений не только на территории района, но и в Белокалитвинском районе, Новочеркасске, Мелитополе. Полностью был выполнен план строительства оборонных сооружений. Железнодорожный транспорт бесперебойно пропускал к линии фронта составы с военными грузами. Большая группа трудящихся была представлена к награждению медалью «За оборону Кавказа».

Источники и литература

1. Архивный сектор администрации города Зверево. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1.
2. Архивный сектор администрации города Зверево. Ф. 1. Оп. 1. Д. 3.
3. Архивный сектор администрации города Зверево. Ф. 1. Оп. 1. Д. 4.
4. Архивный сектор администрации города Зверево. Ф. 1. Оп. 1. Д. 5.
5. Архивный сектор администрации города Зверево. Ф. 1. Оп. 1. Д. 6.
6. Архивный сектор администрации города Зверево. Ф. 1. Оп. 1. Д. 7.
7. Архивный сектор администрации города Зверево. Ф. 1. Оп. 1. Д. 11.
8. Архивный сектор администрации города Зверево. Ф. 1. Оп. 1. Д. 12.
9. Архивный сектор администрации города Зверево. Ф. 1. Оп. 1. Д. 15.
10. Архивный сектор администрации города Зверево. Ф. 1. Оп. 1. Д. 17.

11. Архивный сектор администрации города Зверево. Ф. 1. Оп. 1. Д. 25.
12. Территориальные преобразования и переименования населенных пунктов Ростовской области за 1937–1970 гг.: справочник / сост. В.Е. Гаврилова. Ростов-на-Дону, 1976.

Е.Н. Седакова

ИТАЛЬЯНСКИЕ ИСТОРИЧЕСКИЕ САЙТЫ ПАМЯТИ ОБ УЧАСТИИ ВОЕННЫХ ПОДРАЗДЕЛЕНИЙ ИТАЛИИ В ВОЙНЕ ПРОТИВ СССР В 1941–1943 гг.: АНАЛИЗ И ИНФОРМАЦИОННАЯ ЦЕННОСТЬ

Никогда ты здесь не жил и не был!..
Но разбросано в снежных полях
Итальянское синее небо,
Застекленное в мертвых глазах…
М. Светлов «Итальянец»

Долгое время участие стран-сателлитов нацистской Германии во Второй мировой войне не рассматривалось в научной литературе. В настоящее время наметилась тенденция исправления сложившейся ситуации. Для воссоздания наиболее полной и объективной картины исторических событий нужно обращать внимание на иностранные источники – архивы, научную литературу, средства массовой информации. Для расширения источниковой базы исторических исследований о боевых действиях на Дону во время Великой Отечественной войны могут быть полезны источники на итальянском языке, так как итальянские части участвовали в сражениях на Южном фронте, включая Битву за Донбасс.

В данной статье рассматриваются итальянские сайты, посвященные участию итальянских подразделений в боевых действиях в 1941–1943 гг.: дается их характеристика, анализируется структура, информационная ценность, а также потенциал данных ресурсов в деле сохранения памяти об этих событиях.

Первый сайт, который мы рассмотрим, – ‘Fronte del Don’ («Донской фронт», frontedeldon.it). Он содержит информацию о различных формах участия итальянцев в военных действиях на Дону. В меню сайта представлены следующие разделы: 1) ‘Home’ («Домашняя страница»); 2) ‘Chi siamo’ («Кто мы»); 3) ‘Approfondimenti’ («Углубленное изучение»); 4) ‘Vidioconferenze’ («Видеоконференции»); 5) ‘Guida alla lettura’ («Руководство по литературе»); 6) ‘Contatti’ («Контакты»); 7) ‘Privacy police’ («Политика конфиденциальности»).

В разделе ‘Chi siamo’ («Кто мы») два подраздела: ‘Linea editoriale’ («Редакционная линия») и ‘Gruppo Fronte del Don’ («Команда “Донского фронта”»). В «Редакционной линии» описаны цели и задачи данного ресурса. Команда ‘Fronte del Don’ старается дать обширные сведения об участии итальянских подразделений в сражениях Второй мировой войны, а также критически и объективно их осмыслить, разрушив общепринятые мифы. ‘Fronte del Don’ – это место для поиска информации и взаимодействия всех интересующихся данной темой. В подразделе «Команда “Донского фронта”» перечислены имена лекторов и авторов, работающих для данного сайта, а также даны их краткие биографии.

Раздел ‘Approfondimenti’ («Углубленное изучение») делится на четыре подраздела:

1) ‘Ricerche storiche’ («Исторические исследования»), в котором публикуются статьи по различным аспектам темы. Например, последнее исследование датируется 29 января 2025 г. и анализирует на основе различных источников отношения между итальянцами и немцами после сражений на Дону [13].

2) ‘Caduti e Dispersi’ («Погибшие и пропавшие») содержит истории родственников пропавших в России итальянских солдат, статью Риккардо Булгарелли (идейный вдохновитель и создатель портала) о масштабах потерь итальянской армии и установлении судеб пропавших без вести. Исследование основано на сравнении данных ряда архивных источников и проиллюстрировано фотографиями некоторых документов [5]. Данный подраздел давно не обновлялся.

3) ‘Iniziative e incontri’ («Инициативы и встречи») рассказывает о различных мероприятиях, посвященных памяти итальянской армии в России: встречах с общественностью, презентациях книг. Последнее освещенное в этом подразделе мероприятие – состоявшаяся 15 января 2025 г. презентация книги научного сотрудника университета Перуджи Рафаэля Паначчи «Итальянская оккупация в СССР. Фашистское присутствие между Россией и Украиной 1941–43» [11].

4) ‘Collaborazioni esterne’ («Внешнее сотрудничество») похож на предыдущий подраздел. Здесь публикуется информация о встречах и интервью, в которых принимал участие кто-либо из команды «Донского фронта». Информация обновляется один-два раза в год. Интересна встреча, проходившая в 2021 г., которая была посвящена боевым действиям 52-й Туринской пехотной дивизии [2].

Четвертый раздел ‘Videoconferenze’ публикует информацию о видеоконференциях. Здесь размещены анонсы встреч и их краткое описание. Видеозаписи встреч доступны для просмотра в YouTube-канале портала. Раздел регулярно обновляется. Последняя встреча прошла 28 февраля

2025 г. и была посвящена итальянским морякам, воевавшим на Чёрном море и Ладоге [14]. Интересен семинар 'Neve, sangue e girasoli. La guerra di Russia al cinema' («Снег, кровь и подсолнухи. Война России в кино»), посвященный отражению в кинематографе участия итальянцев в военной кампании против СССР. Ряд картин создавался совместно итальянцами и россиянами [10].

Пятый раздел 'Guida alla lettura' содержит список материалов по теме сайта, рассортированный по видам источников: статьи, монографии, газеты, воспоминания и другие материалы, начиная с 1943 г. Здесь указаны любопытные издания, которые могут быть полезны для изучения событий на Юге России во время Великой Отечественной войны. Например, книги Ческо Томаселли «Сражение на Дону» (1943) и Джусто Толлоя «Советское отступление на Донском фронте (зима 1942–43)» (1944) [8]. Джусто Толлой служил в звании майора в экспедиционном корпусе в России (по-итальянски: Corpo di Spedizione Italiano in Russia (CSIR)), где у него зародилось неприятие фашистской идеологии.

Последние два раздела – 'Contatti' и 'Privacy Policy' – относятся к техническим инструментам сайта. В «Контактах» можно запросить информацию по теме сайта или изменить свои данные, указанные при регистрации, а в «Политике конфиденциальности» содержатся сведения об обработке данных пользователей и технической работе ресурса.

Сайт 'Fronte del Don' интересен возможностью участия в видеоконференциях, а также здесь можно найти дополнительную литературу и информацию.

Еще один итальянский интернет-ресурс, который мы рассмотрим в данной статье, – '156° Divisione Fanteria Vicenza' (divisionevicenza.it). Он посвящен дивизии «Виченца», принимавшей участие в боях на Дону. На домашней странице сайта сразу дается информация о его цели – это сохранение памяти о 156-й дивизии «Виченца». Сайт работает благодаря усилиям Джузеппе Риццо и Мауро Депетрони, которые стараются воссоздать полную историю боевого пути дивизии. Ниже располагается строка «Последние обновления», в которой указано, какой раздел и чем дополнен.

Меню сайта состоит из нескольких разделов: 1) 'Home' («Главная страница»); 2) 'La Divisione Vicenza' («Дивизия "Виченца"»); 3) 'Storie e Monografie' («Истории и монографии»); 4) 'Chi siamo' («Кто мы»); 5) Contatti' («Контакты»). Имеется также строка 'Cerca' («Поиск»).

Раздел 'La Divisione Vicenza' («Дивизия "Виченца"») имеет несколько подразделов:

1) 'La Brigata Vicenza 1917–1918' («Дивизия "Виченца", 1917–1918 гг.»), в котором описывается история дивизии во время Первой мировой войны от ее первого формирования до потерь в войне и списка командиров.

2) 'La Divisione Vicenza 1942–1943' («Дивизия "Виченца", 1942–1943 гг.), где прослеживается история дивизии «Виченца» второго формирования. В этом статусе она прошла короткий боевой путь, просуществовав всего 14 месяцев. Здесь описана ее дислокация, участие в военных действиях по дням. 15 мая 1943 г. остатки дивизии были расформированы. В подразделе размещены фотографии, копии документов.

3) 'Ordine di Battaglia' («Боевой порядок»), который содержит информацию о командирах, подразделениях дивизии, инженерном командовании, а также вспомогательных подразделениях, включая транспортные и санитарные.

4) 'Ufficiali Comandanti e servizi' («Командующие и офицеры»), где поименно приведены старшие офицеры, командующие отделами, руководители подразделений, вплоть до командиров полками и ротами, главные врачи госпиталей. По каждому руководящему лицу есть краткая биография, включающая звание, имя, дату рождения, дальнейшую судьбу (был ли взят в плен, погиб или вернулся на родину).

5) 'I Reggimenti' («Полки») содержит историческую справку о 277-м и 278-м полках, из которых формировалась дивизия «Виченца».

6) 'Le Bandiere di Guerra Reggimentali' («Полковые знамена») содержит сведения о знаменах дивизии. Фотографии знамени 278-го полка нет, так как оно было уничтожено в январе 1943 г., чтобы не досталось противнику.

7) 'Medaglie e decorazioni' («Медали и награды») содержит сведения о порядке и критериях вручения наград. Например, нагрудный знак 'Fronte Russo' 8-й армии Итальянского экспедиционного корпуса в России был утвержден 12 мая 1943 г. Им награждали итальянских и немецких военнослужащих, прикомандированных к корпусу, которые воевали на территории СССР в 1941–1943 гг. Знак состоит из лаврового венка и тернового венца, которые являются символами доблести и страдания. В центре – скрещенные сабли, у основания – надпись 'Fronte Russo' («Русский фронт»).

8) 'Decorati' («Награды») содержит краткие биографии командира дивизии «Виченца» бригадного генерала Этельвадо Поскалини, командующего 277-м полком полковника Джулио Чезаре Сальви и командующего 278-м полком полковника Гаэтано Ромереса.

9) 'Caduti D. f. Vicenza' («Павшие дивизии "Виченца"»), где приведено количество пропавших по всем подразделениям дивизии.

10) 'Reduci D. f. Vicenza' («Ветераны дивизии "Виченца"») содержит данные о ветеранах «Русского фронта». На странице размещена копия архивного документа 'Compagna di Russia. Libro – ricordo del CSIR e del ARMIR' («Русская кампания. Книга памяти Итальянского экспедиционного корпуса в России – 8-й итальянской армии»), в котором перечислены имена ветеранов, у некоторых есть фотографии.

Второй раздел ‘Storie e Monografie’ («Истории и монографии»), как и первый, имеет несколько подразделов:

1) ‘Le Storie’ («Истории») отчасти повторяет информацию из восьмого подраздела предыдущего раздела (Decorati), но здесь биографии более подробные и сопровождаются фотографиями и копиями документов.

2) ‘Le Monografie’ («Монографии») содержит подборки монографий и журналов по теме сайта.

3) ‘I Volti’ («Лица»), в котором собраны фотографии солдат.

4) ‘Fronte Russo oggi’ («Русский фронт сегодня») содержит истории тех, кто приехал в Россию – страну, где погребены тела их родственников.

5) ‘I Monumenti’ («Памятники») содержит информацию о памятниках, посвященных дивизии «Виченца» в целом и ее отдельным военнослужащим в частности.

6) ‘Mostre storiche’ («Исторические выставки»), где размещена информация о выставке, открытой в 2013 г. и приуроченной к 70-летию боя между советскими и итальянскими частями у с. Николаевка Воронежской области. В этом бою в январе 1943 г. части 8-й итальянской армии вместе с немецкими и венгерскими солдатами были разбиты советскими войсками, потеряв огромное количество погибшими и пострадавшими.

7) ‘Bibliografia sulla Div. Vicenza’ («Библиография дивизии “Виченца”») содержит список книг с изображениями обложек, которые связаны с дивизией «Виченца». В списке присутствует несколько книг 2024 г. Интересна книга Итало Кати «Кладбища, братские могилы и лагеря для военнопленных. Воспоминания и данные об эксгумации павших на русском фронте Итальянского экспедиционного корпуса в России – 8-й итальянской армии, 1941–1943 гг.». К каждой книге приведена аннотация [4].

8) ‘Corrispondenza dalla PM 156’ («Переписка 156-й дивизии») содержит фотографии писем и открыток военнослужащих этой дивизии.

Третий раздел ‘Chi siamo’ («Кто мы») состоит из трех подразделов:

1) ‘Link’ («Связь»). Этот подраздел интересен тем, что здесь содержатся ссылки на сторонние ресурсы, на которых можно получить дополнительную информацию. К ним относятся: интернет-портал Министерства обороны Италии, где можно запросить информацию о родственнике, пропавшем в России [9]; рассмотренный выше сайт «Донской фронт»; ресурс ‘U.N.I.R.R. Unione Nazionale Italiana Reduci di Russia’ («Итальянский национальный союз ветеранов России»), где содержится богатое собрание фотографий, а также обширный список литературы [15]; сайт ‘Campagna di Russia’ («Русская кампания») с информацией о расположении лагерей для военнопленных итальянцев (несколько из них находилось и в Ростовской области), диаграммы по каждой дивизии 8-й итальянской армии и др. [6]; сайт ‘Instituto del Nastro Azzuro’ («Институт “Голубая

Лента"»), где содержатся сведения о наградах [7]; ресурс 'XXVI battaglione carabiniere' («26-й батальон карабинеров»), посвященный данному батальону, который являлся частью дивизии «Винченца» [1]; сайт 'Il Postalista' – онлайн-журнал о почте и ее истории, здесь есть раздел, посвященный работе почты в период Второй мировой войны, в котором размещены письма военных разного ранга домой [12]; сайт 'L'Archivio di Cultura Popolare del Novecento Respighi-Palmi' («Архив массовой культуры XX века им. Респиги-Пальми»), который занимается сбором документов и историй о павших и пропавших без вести в СССР [3]. Каждый из этих ресурсов достоин того, чтобы рассмотреть его подробнее.

2) 'Il Comitato' («Комитет»), в котором описаны главные цели сайта – размещение на данном ресурсе любой информации, которая поможет реконструировать события, связанные с 156-й дивизией, и сохранение памяти о ее воинах.

3) 'Ringraziamenti' («Благодарность»), в котором перечислены имена тех, кто помогает существовать данному интернет-ресурсу.

Последний раздел – 'Contatti' («Контакты»). Здесь можно внести свой вклад в обогащение данного ресурса информацией или задать свой вопрос, написав на почту редакции сайта.

Итак, в статье были рассмотрены итальянские исторические интернет-ресурсы, посвященные участию 8-й итальянской армии («Армир») в боевых действиях на Дону, а также сохранению памяти о павших и пропавших без вести военных. Данные сайты располагают информацией и ссылками, которые могут оказаться полезными для обогащения российской историографии о событиях 1941–1943 гг. на Дону. По мнению автора, особенно они могут быть полезны тем, кто изучает повседневную жизнь человека на войне и коллективную память, так как содержат большой массив писем, открыток, фотографий, мемуары участников военных событий, а также данные о воинских захоронениях и других способах сохранения памяти.

Источники и литература

1. XXVI battaglione carabiniere durante la campagna di Russia 1942–1943. URL: https://www.piervittoriobuffa.it/XXVIbattaglioneccrr/ (дата обращения: 02.03.2025).

2. Appunti per la storia della 52ª Divisione di fanteria Torino. Dal 16 dicembre 1942 al fronte del Don. URL: https://www.frontedeldon.it/collaborazioni-esterne/appunti-per-la-storia-della-divisione-di-fanteria-torino-dal-16-dicembre-1942/ (дата обращения: 02.03.2025).

3. L'Archivio di Cultura Popolare del Novecento Respighi-Palmi. URL: https://archivioculturapopolare.it/sample-page/ (дата обращения: 02.03.2025).

4. Bibliografia sulla Div. Vicenza. URL: https://divisionevicenza.it/index.php/storie/bibliografia (дата обращения: 02.03.2025).

5. *Bulgarelli R.* Le “date di dispersione” dei soldati nella campagna di Russia 1941–43. URL: https://www.frontedeldon.it/in-evidenza/le-date-di-dispersione-dei-soldati-nella-campagna-di-russia-1941-43/#_ftn10 (дата обращения: 27.02.2025).

6. Campagna di Russia. URL: https://www.campagnadirussia.info (дата обращения: 02.03.2025).

7. Instituto del Nastro Azzuro. URL: http://www.istitutodelnastroazzurro.org (дата обращения: 03.03.2025).

8. Letteratura pre-1945. URL: https://www.frontedeldon.it/letteratura-pre-1945/ (дата обращения: 26.02.2025).

9. Ministero della Difesa. URL: https://www.difesa.it (дата обращения: 03.03.2025).

10. Neve, sangue e girasoli. La guerra di Russia al cinema. URL: https://www.frontedeldon.it/videoconferenze/neve-sangue-e-girasoli-la-guerra-di-russia-al-cinema/ (дата обращения: 26.02.2025).

11. L’occupazione italiana in URSS. URL: https://www.frontedeldon.it/iniziative-e-incontri/loccupazione-italiana-in-urss/ (дата обращения: 26.02.2025).

12. Il Postalista. URL: https://www.ilpostalista.it (дата обращения: 02.03.2025).

13. Un rapporto complicato: italiani e tedeschi dopo la battaglia sul Don. URL: https://www.frontedeldon.it/in-evidenza/un-rapporto-complicato-italiani-e-tedeschi-dopo-la-battaglia-sul-don/ (дата обращения: 26.02.2025).

14. La Regia Marina nella campagna di Russia. URL: https://www.frontedeldon.it/videoconferenze/la-regia-marina-nella-campagna-di-russia/ (дата обращения: 26.02.2025).

15. UNIRR. URL: https://www.unirr.it/gallerie-immagini/monumenti (дата обращения: 02.03.2025).

В.А. Иванов, В.В. Рогачев

ПЕРЕПИСКА ПЕРВОГО СЕКРЕТАРЯ КЕРЧЕНСКОГО ГОРКОМА ВКП(б) Н.А. СИРОТЫ С УЧАСТНИКАМИ ПАРТИЗАНСКОГО ДВИЖЕНИЯ В АДЖИМУШКАЙСКИХ КАМЕНОЛОМНЯХ КАК ИСТОЧНИК ПО ИСТОРИИ ДВИЖЕНИЯ СОПРОТИВЛЕНИЯ В 1941–1944 гг.

Переписка участников партизанско-подпольного движения в Крыму в настоящее время мало изучена. Этот эпистолярный источник проливает свет на организацию антинацистской борьбы на территории

Керченского полуострова, а именно – в Аджимушкайских каменоломнях, в 1941–1944 гг. Авторы настоящей публикации, используя фонд личного происхождения первого секретаря Керченского городского комитета ВКП(б) Наума Абрамовича Сироты, обнаруженный ими в Государственном архиве Республики Крым (ф. Р-4471, оп. 1, 2, ф. П-156, оп. 1), рассматривают вопросы подготовки, формирования и участия в боевых операциях партизан и подпольщиков Керченского полуострова в годы Великой Отечественной войны.

В настоящей статье авторы анализируют несколько писем из переписки Н.А. Сироты с участниками партизанско-подпольного Сопротивления на Керченском полуострове в 1941–1944 гг. Но прежде чем приступить к анализу переписки Н.А. Сироты с участниками антинацистского движения Сопротивления, следует несколько слов уделить ему самому.

Наум Абрамович Сирота родился 6 апреля 1900 г. в Витебске в семье сапожника. Около трех лет он учился в высшем начальном училище, затем работал «мальчиком» в писчебумажном магазине. В 1919 г. устроился работать на фабрику по изготовлению военных сапог, откуда ушел добровольцем в Красную армию. В том же 1919 г. Н.А. Сирота вступил в ряды ВКП(б) [3: 38]. Участвовал в борьбе с бандитизмом в Витебской губернии, а затем принимал участие в Варшавской операции в августе 1920 г. Всего же в рядах РККА Н.А. Сирота прослужил в общей сложности с 1919 по 1938 г. [5: 1]. Последняя его должность в Красной армии – комиссар 104-го артполка в Ленинградском военном округе. В 1933 г., в связи с созданием политотделов на машинно-тракторных станциях и в совхозах, Н.А. Сироту перевели в резерв Красной армии, ЦК партии направил его начальником политотдела Симферопольского зерносовхоза в Крымской АССР. С этого года и до своей смерти Н.А. Сирота проживал в Крыму [3: 41; 5: 1].

В начале 1935 г. Н.А. Сироту назначили секретарем Ялтинского райкома партии. Помимо назначения на эту партийную должность, причиной переехать в Ялту стало состояние здоровья. Незадолго до этого он перенес тяжелое заболевание и сложную операцию на легком из-за активного туберкулезного процесса – торакопластику [11: 5], вследствие чего ему был врачами рекомендован полезный южнобережный климат [5: 2; 9: 110].

В Ялте Н.А. Сирота проработал сравнительно недолго, до весны 1937 г., после чего был на Феодосийской городской партийной конференции избран первым секретарем горкома ВКП(б) [9: 111]. В ноябре 1937 г. Н.А. Сироту перевели в аппарат Крымского обкома ВКП(б) заместителем заведующего отделом руководящих партийных органов, а вскоре назначили заведующим оргинструкторским отделом обкома ВКП(б), где он проработал до 1940 г. [9: 111]. В самом конце 1939 г. его перевели на работу в Керчь первым секретарем горкома ВКП(б) [9: 112]. В феврале 1940 г.

на Керченской городской партийной конференции Н.А. Сироту избрали первым секретарем горкома партии [3: 43].

В 1941 г. Н.А. Сирота стал председателем городского комитета обороны Керчи (возглавлял Керченский комитет обороны). Он занимался эвакуацией промышленных предприятий и населения, участвовал в организации обороны города. В 1942–1943 гг. Н.А. Сирота – сотрудник аппарата ЦК ВКП(б). С 1943 г. принимал активное участие в восстановлении городского хозяйства. В 1945–1946 гг. был заместителем секретаря Крымского обкома ВКП(б) по пищевой промышленности [2: 45]. В конце 1946 г. был назначен заведующим облторготделом в связи с решением ЦК партии об укреплении торготдела. В 1948 г. он заочно окончил Высшую партийную школу при ЦК ВКП(б), а с 1951 по 1957 г. был директором консервного завода «Новый свет» им. Кирова [5: 2]. С 1957 г. Н.А. Сирота – персональный пенсионер союзного значения.

После выхода на пенсию с 1960 по 1981 г. Н.А. Сирота работал заведующим оргинструкторским отделом Симферопольского горисполкома на общественных началах. Помимо этого, 16 лет избирался депутатом городского Совета народных депутатов [5: 4]. Проживал Н.А. Сирота в Симферополе по адресу: ул. Жуковского, д. 20, кв. 19 [4: 10]. Скончался Н.А. Сирота в 1982 г., по другим данным – в 1985 г. [1; 13].

В издательстве «Таврия» Н.А. Сирота опубликовал свои воспоминания «Так сражалась Керчь», которые издавались три раза: в 1961, 1968 и 1976 гг. [10–12]. Также он являлся составителем сборника «Керчь героическая: воспоминания, очерки, документы», вышедшего в 1974 г. В 1987 г., уже посмертно, была опубликована последняя книга Н.А. Сироты «Дороги мира и войны» [9].

В настоящей публикации авторы рассматривают три письма из личного архива Н.А. Сироты, два из которых он получил от Николая Ивановича Бантыша – начальника штаба Аджимушкайского партизанского отряда им. В.И. Ленина (командир – М.Н. Майоров, комиссар – С.И. Черкез) [14], позднее одного из членов Керченского горкома ВКП(б), и одно – от участника антинацистского Сопротивления в Аджимушкайских каменоломнях Асана Аширова.

23 февраля 1974 г. Н.И. Бантыш отправил Н.А. Сироте очередное письмо, где поздравил его с Днем Советской армии и Военно-морского флота. В первую очередь он рассказывает Н.А. Сироте о своих впечатлениях о втором издании воспоминаний «Так сражалась Керчь». Он указывает, что члены делегации ездили на первый пленум Крымского обкома партии или партактива. На этом собрании обсуждались вопросы организации антинацистского Сопротивления. Делегация, выехав из Керчи, столкнулась с определенными трудностями: через каждые 40–50 км лопались

покрышки. По мнению Н.И. Бантыша, причина состояла в том, что «они не выдерживали нагрузки – были приспособлены и сильно изношены» [7: 13].

Важным элементом письма является краткое описание героической обороны Аджимушкайских каменоломен. Правда, Н.И. Бантыш не уточняет, были это керченские партизаны в ноябре 1941 – январе 1942 г. или бойцы подземного гарнизона под командованием полковника Павла Максимовича Ягунова в мае – октябре 1942 г., отбивавшие атаки гитлеровских захватчиков. Автор письма особо выделяет нацистские преступления: под одной из скал Н.И. Бантыш с товарищами видели, «как рядом лежали на койке скелет взрослого человека и ребенка, как остались присосанные к потолку скалы черепа людей». Именно так доведенные до отчаяния участники обороны Аджимушкайских каменоломен «добывали» воду (так в письме эта деталь подчеркнута Н.И. Бантышем) [7: 13].

К следующему письму Н.И. Сироте Н.И. Бантыш хотел приложить вырезки из газет «Крымский рыбак» и «Керченский рабочий». Для него крайне важным было написать о своем выходе в Чёрное море с рыбаками для лова хамсы. Эта миссия являлась крайне опасной, так как многие суда подрывались на немецких минах. Но в заключении Н.И. Бантыш отмечает: «Не знаю куда они девались» [7: 13].

29 июня 1962 г. Н.А. Сирота получил письмо от бывшего бойца партизанского отряда им. Сталина, действовавшего в Старокарантинских каменоломнях, А. Аширова. Он написал в ответ на получение книги от Н.А. Сироты. А. Аширов в своем письме фиксирует важные данные о своей мобилизации в ряды керченских партизан. Накануне Великой Отечественной войны он работал помощником начальника штаба противовоздушной обороны Камыш-бурунского железорудного комбината. С началом боевых действий его вызвали в райком ВКП(б). Секретарь райкома ВКП(б), по словам А. Аширова, предложил ему остаться в Керчи для участия в партизанской борьбе в 1941–1944 гг. А. Аширов дал свое согласие, и его назначили в отряд камыш-бурунских партизан, командиром которых был Александр Федорович Зябрев [6: 8; 14]. До начала Великой Отечественной войны знакомые, о которых пишет А. Аширов, все вместе работали на производстве, «а в ночное время собирались в шахте, изучали ходы и выходы и запасались боеприпасами и продовольствием», – писал он [6: 8].

А. Аширов отмечает в своем письме, что в партизанском отряде занимал важную должность начальника медпункта отряда. Его назначили туда по личному приказанию А.Ф. Зябрева. Благодаря А. Аширову была оборудована санитарная часть, причем таким образом, чтобы во время перевязки в раненых не попадал песок от ракушечного камня. Вспоминает он о тяжелом ранении А.Ф. Зябрева в бою против гитлеровских захватчиков 13 ноября 1941 г. А. Аширов пытался его спасти, но поскольку «головной мозг был

поврежден входящей пулей, он пролежал два часа без сознания и скончался» [6: 9]. А вот другого раненого, который имел три ранения в спину, по воспоминаниям, удалось спасти. Он пролежал месяц и выздоровел.

В письме А. Аширов обсуждает важные аспекты боев с нацистскими оккупантами и пишет об их военных преступлениях. Он утверждает, что гитлеровцы применяли против керченских партизан химическое оружие – ядовитые газы. Так, в одном бою, который длился двое суток, нацисты отрезали партизан от главного входа. В этом бою погиб партизан Шустов, был тяжело ранен лейтенант Сергеев – у него правую кисть руки оторвало вражеской гранатой. Более месяца Сергеев пролежал в санитарной части, где ему была оказана посильная помощь. После первого освобождения Керчи 30 декабря 1941 г. Сергеева отправили в военный госпиталь, причем без заражения, где его вылечили окончательно [6: 9].

А. Аширов отмечает, что сам он в санитарной части практически никогда не находился. Всё время он ходил по секторам и посещал боевые посты партизан. По его словам, применение немцами ядовитых газов привело к тому, что отравилось 16 партизан. Увидев, каким образом ядовитое вещество воздействует на бойцов, А. Аширов приказал в другом секторе новому командиру (назначенному после гибели А.Ф. Зябрева 13 ноября 1941 г. Семену Михайловичу Лазареву), «чтобы быстрей кипятили воду для оказания помощи». Немедленно был доставлен специальный насос, с помощью которого пострадавших бойцов поили горячей водой. Благодаря этим мерам уже через час отравившиеся ядовитым газом пришли в себя [6: 9].

Интересны воспоминания А. Аширова в письме к Н.А. Сироте о партизане-разведчике В.Н. Дубинине [8]. Оказывается, юный антифашист заболел ангиной. А. Аширов поместил больного в санитарную часть, где перевязал ему шею и дал марганцевый раствор для полоскания горла. Правда, когда начался бой, В.Н. Дубинина уже на койке не было. Когда он услышал выстрелы (а в это время гитлеровцы начали свою атаку против партизан), он тотчас же побежал к остальным партизанам. «Всё время выполнял боевое задание, а лечение принимал на ходу», – так о нем пишет в своем письме к Н.А. Сироте А. Аширов [6: 9 об.].

В конце письма А. Аширов отмечает, что после Керченско-Феодосийской десантной операции 26 декабря 1941 г. – 2 января 1942 г. его назначили начальником районного отдела здравоохранения, где он проработал до второй оккупации Керчи 19 мая 1942 г. Из захваченного города его вывезли в Краснодар. Там его вызвал к себе на прием военный комиссар и направил на учебу в военное училище. А. Аширов окончил его в 1944 г. Далее он служил в частях Красной армии на границе СССР с Ираном. В 1953 г. он вынужден был демобилизоваться по состоянию здоровья.

С этого времени и до отправки письма Н.А. Сироте А. Аширов работал секретарем партии в одной из организаций [6: 8].

Таким образом, в настоящей статье авторы рассмотрели личную переписку первого секретаря Керченского горкома ВКП(б) Н.А. Сироты с участниками партизанского движения в Аджимушкайских каменоломнях в 1941–1944 гг. Н.И. Бантышем и А. Ашировым. В центре писем – повседневная жизнь, мысли и переживания авторов. Н.И. Бантыш, в частности, описывает организацию антинацистского Сопротивления на территории захваченного Керченского полуострова, а также фиксирует преступления гитлеровцев против человечности в Аджимушкайских каменоломнях. Письмо А. Аширова повествует о трех важных темах, связанных с деятельностью движения Сопротивления в Аджимушкайских каменоломнях в 1941–1942 гг.: организации партизанского отряда им. Сталина, действовавшего в Старокарантинских каменоломнях, и его боевых операциях; оказании помощи раненым и больным партизанам в каменоломнях; нацистских преступлениях против человечности, а именно – применении гитлеровцами ядовитых газов и комплексе мероприятий по их нейтрализации, применявшихся А. Ашировым и его товарищами.

Источники и литература

1. *Вигуляров А.* Евреи города Керчи в XIX–XX веках // История евреев – наша история: материалы Третьей региональной молодежной конференции. Одесса, 2003. URL: https://www.rulit.me/books/istoriya-evreev-nasha-istoriya-read-170875-20.html (дата обращения: 25.02.2025).

2. Государственный архив Республики Крым (далее – ГА РК). Ф. П-156. Оп. 1. Д. 1.

3. ГА РК. Ф. Р-4471. Оп. 1. Д. 42.

4. ГА РК. Ф. Р-4471. Оп. 1. Д. 135.

5. ГА РК. Ф. Р-4471. Оп. 1. Д. 141.

6. ГА РК. Ф. Р-4471. Оп. 2. Д. 8.

7. ГА РК. Ф. Р-4471. Оп. 2. Д. 9.

8. Дубинин Владимир Никифорович – партизан-разведчик – Великая Отечественная война 1941–1945 гг. // Наука. Общество. Оборона. URL: https://www.noo-journal.ru/энциклопедия/персоналии/дубинин/ (дата обращения: 25.02.2025).

9. *Сирота Н.А.* Дороги мира и войны: докум. повесть. Симферополь, 1987.

10. *Сирота Н.А.* Так сражалась Керчь. 2-е изд., перераб. и доп. Симферополь, 1968.

11. *Сирота Н.А.* Так сражалась Керчь: воспоминания. Симферополь, 1961.

12. *Сирота Н.А.* Так сражалась Керчь: документальный очерк. Симферополь, 1976.

13. Сирота Наум Абрамович. URL: http://politika-crimea.ru/mestnoe-samoupravlenie/14-razdely/persons/89265-sirota-naum-abramovich (дата обращения: 25.02.2025)

14. *Шеремет О.Н.* Партизанское движение на территории Керчи и Керченского полуострова в период оккупации Крыма в 1941–1944 гг. URL: https://veteranykerch.ru/posts/partizany-kerchi (дата обращения: 25.02.2025).

С.Е. Орехова

ПИСЬМА УГНАННЫХ ГРАЖДАН ДОНБАССА КАК ИСТОЧНИК ИЗУЧЕНИЯ СОБЫТИЙ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

Актуальность исследования обусловлена наличием большого количества малоизвестных аспектов Великой Отечественной войны. Выбор темы обусловлен изучением архивных документов по истории принудительного труда угнанных в Германию жителей Донбасса во время войны. Цель статьи – изучение материалов личного происхождения периода оккупации Донбасса.

Из всего комплекса исторических источников о событиях Великой Отечественной войны в Донбассе автор уделяет особое внимание материалам Государственного архива Донецкой Народной Республики (далее – ГА ДНР), в которых содержатся интереснейшие источники для исследования: почтовые карточки угнанных граждан, газеты оккупационного режима. Данные материалы составляют документальную основу статьи.

Первая группа источников – письменная корреспонденция угнанных граждан Донбасса, а также письма военнопленных, которые хранятся в фондах ГА ДНР (1562 единицы). Вторая группа – периодическая печать (газетный фонд 1941–1943 гг.) – интересна тем, что отображает события и процессы, которые происходили во время оккупации на территории Донецкой области.

В августе 1941 г. гитлеровские войска приблизились к Донецкому бассейну. Немецкое командование планировало использовать промышленность Донбасса для экономического укрепления позиций империи на Востоке. Угольный Донбасс с его топливно-энергетическими и минерально-сырьевыми ресурсами, близостью железорудных месторождений Криворожского бассейна, крупным промышленным комплексом с высокой концентрацией отраслей тяжелой промышленности, а еще и выходом к морю, являлся объектом пристального внимания вермахта.

По решению советского правительства всем предприятиям Донбасса предстояло срочно подготовить ценное оборудование для эвакуации

вглубь страны. Повсеместно начался демонтаж промышленного оборудования. Важное значение имела разветвленная сеть предприятий связи области, принадлежавших Народному комиссариату связи (далее – НКС) СССР. Для эвакуации оборудования и других материально-технических ценностей в тыловые области страны в июле 1941 г. в НКС СССР была сформирована эвакуирующая группа. Вывозу подлежала та часть техники, материальных ценностей и средств связи, которые находились в запасе. Часть документов, материально-технических ценностей, почтового имущества, знаков почтовой оплаты (марки, конверты, открытки; именные вещи: штемпеля, печати, контрольно-гербовые печати и др.) были эвакуированы вместе со Сталинским областным управлением связи, часть была роздана на хранение связистам по домам. Остальная часть материально-технической базы должна была использоваться для обеспечения связи до последнего момента обороны.

К середине октября 1941 г. войска Южного и Юго-Западного фронтов в результате неудачного исхода боев не смогли противостоять наступавшим главным силам немецкой группы армий «Юг». В связи с этими событиями по приказу Ставки Верховного Главнокомандования к 30 октября войска Юго-Западного фронта были отведены за рю Оскол от Касторного до Красного Лимана и организовали здесь оборону. Южному фронту было приказано к этому времени прочно закрепиться на рубеже Красный Лиман – Артёмовск – Горловка – Матвеев Курган – Таганрог [9: 253–255].

26 октября 1941 г. немецко-фашистскими захватчиками был оккупирован г. Сталино (сейчас – Донецк). К началу ноября немецкие войска заняли центральную и юго-восточную часть области и вышли на реки Северский Донец и Миус, где и были остановлены Красной армией.

На захваченной гитлеровцами территории был установлен гражданский оккупационный режим – рейхскомиссариат Украина. Рейхскомиссариат был создан в соответствии с декретом А. Гитлера и имел в составе шесть генеральных округов: Волынь, Житомир, Киев, Николаев, Таврия, Днепропетровск. Возглавил рейхскомиссариат Украина рейхскомиссар Эрих Кох [10: 773–774].

В захваченных городах области были организованы комендатура, биржа труда и городские управы. Приказом коменданта оккупационных войск в Сталино был назначен председателем городской управы Н. Петушков, а весной 1942 г. бургомистром стал А. Эйхман. Город был поделен на районы, управление которыми осуществляли районные управы – Ларинская, Рутченковская, Путиловская и Прохоровская [7: 143].

Немецкое командование установило тотальный контроль над всеми сферами общественной жизни. Учитывая тот факт, что работа органов почтовой связи НКС СССР на оккупированной территории была

прекращена, новые власти организовали работу почты немецкой администрации Dienstpost и центрально-торгового общества «Восток».

Генеральным почтовым комиссаром Украины 5 октября 1941 г. было объявлено разрешение на пользование почтой для гражданского населения. Условия были следующими: «Отправка почты разрешается только в пределах действия немецкой почтовой администрации Украины, письма должны быть адресованы латинскими буквами. Допускаются простые и заказные карточки и письма весом до 250 гр., денежные пакеты до 1000 рейхсмарок; почтовые отправления сдавать только в почтовые учреждения. Ни при каких условиях не разрешается опускать письма в почтовые ящики; не разрешается пересылка писем в адрес евреев и от евреев» [1: 65].

Источником информации для населения оккупированных территорий являлась периодическая печать. Выпуск и распространение газет оккупационные власти осуществляли на протяжении 1941–1943 гг. В Донецкой области выпускалось более 30 наименований газет: «Донецкий вестник» (орган Юзовской городской управы), «Константиновские вести» (официальный орган городской управы), «Бахмутская правда» (орган Бахмутской городской управы), «Мариупольская газета» (орган Мариупольской городской управы), «Чистяковский листок» (орган Чистяковской городской управы), «Земледелец» (орган Волновахской городской управы), «Украинская земля» (орган Макеевской городской управы № 1), а также других управ – Горловской, Славянской, Краматорской, Снежнянской, Константиновской, Енакиевской [8].

В газетах публиковали материалы о рабочих местах, о частной собственности на землю, распоряжения городских властей, приглашения на работу в Германию под заголовками «Домашнее хозяйство в Германии ждет Вас» и др. [2].

Объявления в газетах информировали о правилах работы немецкой почтовой службы. Так, в «Мариупольской газете» от 23 июля 1942 г. под заголовком «Как нужно адресовать письмо домой работникам из Германии» отмечалось: «Работники в Германии пишут на имя солдат, находящихся в городе, а они потом должны их передавать родным и знакомым. Это запрещается. Адрес должен быть “Arbeitsbenhorde Mariupolar (имя, отчество, фамилия)”. Письма работникам в Германию нужно сдавать в Управу труда, комната № 4 и прилагать 2 руб. 50 коп.» [4].

Несмотря на тот факт, что в 1924 г. г. Юзовка был переименован в Сталин, а в 1929 г. – в Сталино, в период оккупации (октябрь 1941 г. – сентябрь 1943 г.) городская управа переименовала город вновь в Юзовку. Этот факт не был широко известен, большинство почтовых карточек было отправлено с указанием названия города «Сталино», и только незначительная

их часть – с указанием «Юзово», «Юзове» [3: № 12815; 128191]. Однако почтовое ведомство Германии продолжало принимать корреспонденцию со «сталинским» почтовым адресом.

Всё гражданское население было обязано зарегистрироваться в городской управе. Особое внимание обращалось на молодежь. Отбирались физически здоровые юноши и девушки, которых отправляли на работы в Германию. Уже 15 февраля 1942 г. в Германию убыл первый эшелон с молодыми людьми в количестве 1 тыс. человек, а к апрелю 1942 г. был отправлен пятидесятый эшелон. За время оккупации Сталинской области немцы угнали в рабство 252 239 человек, всего за период оккупации из УССР было вывезено около 2,4 млн человек [11: 166].

Оторванные от семей люди, не имевшие никакой связи с родными, пытались наладить переписку с ними. Угнанным разрешалось послать на родину одну открытку или письмо с фотографией, причем цензура просматривала все отправления. Всё, что казалось подозрительным, задерживалось. Посылки в Германию можно было посылать весом не более 250 г. Для упорядочения письменного потока немецкий почтовый департамент стал издавать двойные почтовые маркированные карточки, с текстом подсказа (с указанием места расположения адреса получателя и отправителя, а также последовательности адресования – «кому», «куда») на немецком, русском и украинском языках. На одной карточке указывался адрес получателя и помещался текст письма, а на другой – отрывной – было место для написания ответа. Адрес получателя должен был быть указан на немецком языке или латинскими буквами. Отправитель обязан был указывать не только свою фамилию и адрес, но и номер и название лагеря Ostarbeirlager (лагерь восточных рабочих). Администрация лагеря на почтовых карточках в строке «отправитель» самостоятельно проставляла штемпель с текстом адреса и названием лагеря. Те карточки, которые были оформлены с нарушениями, к пересылке не принимались. Вся письменная корреспонденция, адресованная на Украину, проходила цензуру в Берлине. На мешках с письменной корреспонденцией в адресном ярлыке указывалось: “Ukraine” [12: 22].

На страницах газет гражданское население информировали о возможности работать в Германии. Так, в газете «Константиновские вести» от 19 августа 1942 г. в заметке «Переписка рабочих, выехавших на работу в Германию, с их семьями» указывалось: «Порядок переписки таков: каждый работник может послать письмо дважды в месяц. Разрешается посылать только почтовые карточки с обратным ответом. Адрес должен быть написан латинскими буквами. Обратный адрес – проставляется штамп-печать с названием почты лагеря. Все письма идут в Берлин и далее по адресу» [5].

[1] Здесь и далее номера в ссылке обозначают номер почтовой карточки или письма.

Корреспонденция, прошедшая цензуру, обозначалась штемпелем круглой формы с двумя буквами Ab (Absender) – «отправитель» [3: № 2817]. На некоторых почтовых карточках в строке «отправитель» администрация лагеря самостоятельно проставляла штемпель с текстом адреса и название лагеря. Карточки, поступавшие из «гражданского русского лагеря», который находился в Северной Рейн-Вестфалии, отмечались специальным штемпелем с текстом "Zivil Russenlag" [3: № 12823].

Стоимость пересылки почтовой карточки оплачивалась почтовой маркой ценой в 6 пфеннигов. На марке был изображен портрет А. Гитлера, а также указано: "Deutsch Reich" («Германская империя»). Марка была погашена оттиском календарного штемпеля с указанием города отправителя и даты отправления. Кроме оттиска почтового штемпеля черного цвета, проставлялся оттиск штемпеля красного цвета с гербом Германии и надписью "Brietstempel" («почтовый штемпель»), а также отметкой о военной цензуре [3: № 12823].

Для переписки в период церковных праздников издавались красочные иллюстрированные карточки с текстом «Пасхальный привет из Германии» [3: № 13797].

Говорить о соблюдении сроков доставки и прохождения письменной корреспонденции достаточно трудно, потому что штемпель на входящей корреспонденции почтовой немецкой администрацией на оккупированной территории не проставлялся. Вся письменная корреспонденция из Германии поступала в комендатуру города, а оттуда направлялась в администрацию бургомистра на биржу труда, где жители самостоятельно забирали свою почту. О получении письменной корреспонденции из Германии оккупационные власти в газетах печатали объявления. Так, в объявлении бургомистра Мариуполя, помещенном в выпуске «Мариупольской газеты» от 14 июля 1942 г., было указано: «Пришли письма из Германии. Зайдите в управу труда, II этаж, комната 16 по письмам ваших родных». Далее указывались адреса и фамилии получателей [6].

Переписка граждан на стандартных двойных почтовых карточках осуществлялась с конца 1942 г. до освобождения Донбасса, то есть до сентября 1943 г. Что касается пересылки письменной корреспонденции и других видов почтовых отправлений между городами области в период оккупации, то отрицать или утверждать факт деятельности немецкой почтовой администрации практически невозможно, так как отсутствуют подтверждающие документы. Это обусловлено в том числе тем, что в период оккупации активно действовали многочисленные партизанские, подпольные и комсомольско-молодежные отряды, силами которых уничтожались биржи труда, технические средства, документация, а также линии связи. Однако в некоторых коллекциях хранятся письма жителей

Донецкой области, подтверждающие факт переписки внутри области. Возможно, эти письма доставлялись уже советскими почтовиками или пересылались с помощью подпольщиков, среди которых также присутствовали бывшие работники НКС СССР.

Проанализировав тексты переписки, можно отметить, что степень цензуры была высока. Каждое письмо начинается словами приветствия (на русском или украинском языке), далее просьба передать привет родным (маме, дедушке, бабушке, сестре, тетушке, дяде). Очень скупые слова о своей жизни. Главный акцент на слова «я жив(а)», «здоров(а), чего и Вам желаю», и никаких других подробностей. На некоторых карточках есть ряд предложений, густо закрашенных чернилами. Можно предположить, что автором были написаны нежелательные подробности, которые цензура не пропустила. Из некоторых текстов можно сделать вывод, что авторы получали весточки от родных, на которые писали ответ, благодаря за память.

Среди почтовых карточек встречаются и художественные поздравительные открытки. Текст одной такой открытки необычен: «Здравствуй дорогая подруга Катичка дарю тебе на память открытку прошу ее не рвать, она тебе научить как дружбу сохранять...», а далее просьбы передать родным привет и весть о том, что она жива [3: № 13797]. Девушка Лида пишет своей подруге и просит сохранить память о дружбе. Изображение на открытке Германии как цветущего яблоневого сада, по аллеям которого прогуливаются счастливые, улыбающиеся девушки, должно было создать контраст с советской действительностью и могло вызвать отрицательную реакцию получателя. Такой сюжет открытки с напечатанным текстом «Привет из Германии!» был некоторым видом психологического воздействия на тех, кто еще колебался с принятием решения о добровольном выезде на работу в Германию. Анализируя текст автора с привязкой к изображению на почтовой карточке, можно сделать следующее заключение: автор была лишена права выбора почтовой карточки (с изображением или без него), отказаться от возможности отправить весточку домой девушка не могла себе позволить, поскольку в количественном отношении возможность переписки была ограничена. Понимая разницу между картинкой и реальностью пребывания в Германии (о чем нельзя было написать), подразумевая возможную реакцию подруги (разорвать открытку), автор взывает к памяти о ней.

Летом 1943 г. началась битва за освобождение Донбасса, и 7 сентября 1943 г. в Сталино вошли советские войска. Город был сожжен, разрушены почти все здания культурно-бытовых учреждений, в том числе и здание почтамта [11: 150]. Вместе с передовыми частями Красной армии в освобожденные районные входили связисты. Жизнь в населенном пункте

начиналась с объявления: «Почта открыта». Жители освобожденных территорий толпились зачастую у места бывшего здания почты в ожидании газет с новостями с фронта, писем от родных. В города хлынули потоки почты. Десятками тысяч поступали письма с запросами о судьбе близких и родных, письма с фронта с пометкой «Красноармейское письмо. Бесплатно. НКО».

С оккупированных территорий РСФСР, Украинской и Белорусской ССР на принудительные работы нацистами было угнано, по разным данным, от 3 до 5 млн мирных граждан. В Германии остарбайтеров направляли на тяжелые работы на заводы и шахты, реже – на сельскохозяйственные. В 1990-е гг. бывшие остарбайтеры получили статус жертв нацистских преступлений.

Анализируя страницы архивных документов, мы восстанавливаем трагическую летопись тех лет, исследуем историю подневольного труда в Третьем рейхе. Наша миссия – свято хранить память о соотечественниках, сломленных, но не покоренных, и противостоять любым попыткам циничной фальсификации истории Великой Отечественной войны. Ведь сохранение исторической памяти, благоговейное отношение к прошлому, прославление бессмертных подвигов героев-соотечественников – наш священный долг и первостепенная задача, актуальная во все времена.

Источники и литература

1. *Бизина В.Г.* Из истории украинской почты. Киев, 2000.

2. Государственный архив Донецкой Народной Республики (далее – ГА ДНР). Газетный фонд 1941–1943 гг. Ф. 2890. Д. 1.

3. ГА ДНР. Письма угнанных граждан Донбасса. Ф. Р-1988. Д. 1.

4. Как требуется адресовать письма домой работников из Германии // Маріюпільская газета. 1942. 23 июля. С. 3.

5. Переписка рабочих, выехавших на работу в Германию, с их семьями // Костянтинівські вісті. 1942. 19 августа. С. 3.

6. Письма из Германии // Маріюпільская газета. 1942. 14 июля. С. 3.

7. *Стёпкин В.П.* Иллюстрированная история Юзовки – Сталино – Донецка. Донецк, 2007.

8. *Титаренко Д.М.* Преса Східної України періоду німецько-фашистської окупації як історичне джерело (1941–1943 рр.): автореф. дис. … канд. ист. наук. Днепропетровск, 2002.

9. Украинская ССР в Великой Отечественной войне Советского Союза 1941–1945 гг.: в 3 т. Т. 1. Киев, 1975.

10. Украинские националистические организации в годы Второй мировой войны. Документы: в 2 т. Т. 1: 1939–1943 / под ред. А.Н. Артизова. М., 2012.

11. *Щербань А.Н., Рутенко А.А.* Страницы летописи Донецкой. Киев, 1963.
12. *Werbizky G.G.* Ostarbeiter Mail in Wold War II. Documents and Correspondence (*Вербицкий Г.Г.* Почта остарбайтеров Второй Мировой Войны. Документы и переписка). Tenafly (N. J.), 1996.

В.В. Хилькевич

ПИСЬМА ВРАЧА ЛЮДМИЛЫ НАЗАРЕВИЧ КАК ИСТОЧНИК О ХОЛОКОСТЕ В РОСТОВЕ-НА-ДОНУ

В 2023 г. врачу Людмиле Иосифовне Назаревич (1892–1977) было присвоено звание Праведника народов мира (посмертно) при участии научно-просветительского центра «Холокост» и по свидетельствам С.Н. Овчинниковой (Весёлой) [13]. Она стала первой ростовчанкой, удостоенной этого почетного звания. Известно, что она родилась в Ростове-на-Дону 18 октября 1892 г. Работала врачом-гинекологом в Центральной городской больнице [11: 147]. В годы Великой Отечественной войны проживала на втором этаже старинного двухэтажного дома по пр. Чехова, 33. После освобождения города от первой оккупации, в конце 1941 г., принимала участие в работе комиссии по фиксации ущерба, причиненного станции скорой медицинской помощи [5: 13]. Последние годы своей жизни проживала в одной из квартир по ул. Пушкинской, 197. Умерла 18 декабря 1977 г., захоронена на Северном кладбище, какое-либо памятное сооружение на ее могиле не установлено.

Людмила Иосифовна не только пережила обе оккупации Ростова-на-Дону, оставив личные свидетельства об этом историческом периоде, но и совершила в годы суровых испытаний гражданский подвиг: рискуя своей жизнью, она спасла обреченную на смерть еврейскую семью Весёлых из трех человек (мать и двух дочерей), содержавшихся в тюрьме, за которых пошла свидетельствовать якобы об их «нееврейском происхождении». Тему «незаметного героизма» в поступках обыкновенных людей в годы войны поднимали многие известные писатели, среди которых был И.Г. Эренбург. Говоря о таких людях, автор писал: «Мы мало знаем о героизме людей, никак не рожденных для того, чтобы стать героями, о подвигах, которые рождались непроизвольно от простейших и в то же время прекраснейших добродетелей – от верности, от чести, от любви к родине, к соотечественникам, к правде. Подлинные чувства проверяются в дни испытаний». Подчеркивая важность темы героизма советского гражданского населения, И.Г. Эренбург отмечал: «Трудно быть героем один день в бою, еще труднее быть героем два года, среди врагов и предателей» [17]. Ведь оккупанты взывали к самым низменным инстинктам

человека. Но истинные человеческие ценности для настоящего человека всё же оказывались выше всего этого.

Данная статья посвящена анализу писем ростовского врача Людмилы Назаревич двум разным адресатам как исторического источника о судьбах жертв холокоста в годы Великой Отечественной войны. Содержание этих писем вошло в два опубликованных произведения, рассчитанных на широкую читательскую аудиторию. Их авторами были известные писатели: И.Г. Эренбург (статья «Ростов-на-Дону» для «Черной книги») [16: 231–233] и Л.В. Гинзбург (отклик читательницы на отрывок очерка «Человек из-под кровати» из повествования «Бездна») [3: 35–37].

Анализ текста данных писем Л. Назаревич позволяет нам не только взглянуть на окружавшую ростовчан в годы войны повседневную действительность, но и наиболее полно раскрыть информационный потенциал эпистолярного источника как исторического. Писатель и военный корреспондент И.Г. Эренбург особое внимание при работе над «Черной книгой» уделял письмам современников – очевидцев злодеяний на захваченных оккупантами территориях. Письма ростовчан стали для писателя говорящим свидетельством событий, происходивших в городе, повседневности мирного населения и военнопленных. В статье «Ростов-на-Дону» для «Черной книги» [16: 231–233] реалии оккупации этого города показаны И.Г. Эренбургом через истории судеб еврейских жителей и членов их семей в смешанных браках. Эти истории стали неопровержимым свидетельством настоящей человеческой трагедии, самой страшной из которых являются массовые казни в Змиёвской балке 11–12 августа 1942 г.

Изучение происхождения изучаемого письма врача Людмилы Назаревич показало, что оно не содержит даты написания, но временные рамки его создания – 1943 г. Письмо Л. Назаревич о событиях оккупации Ростова-на-Дону было написано по просьбе ее учителя Н.И. Маклерова, который состоял в переписке с писателем И.Г. Эренбургом. В ходе анализа содержания текста писем Н.И. Маклерова стала очевидна тема, которая поднималась в этой переписке. Судя по содержанию писем, Н.И. Маклеров старался дать И.Г. Эренбургу наиболее полную и достоверную информацию о положении населения в период оккупации города (с июля 1942 г. по февраль 1943 г.), уделяя внимание трагичной судьбе евреев.

8 июля 1943 г. Н.И. Маклеров отправил И.Г. Эренбургу письмо [2: 26–27], снабдив его сведениями об авторе: пишет его ученица, врач с 16-летним стажем, Людмила Назаревич. Подлинники ее письма [1: 1–14] и сопроводительного письма Н. Маклерова, написанных в 1943 г. из Ростова-на-Дону, в наши дни хранятся в израильском архиве «Яд Вашем». В конце письма, адресованного на имя «Николая Ивановича» (Н.И. Маклерова), подпись отправителя читается как «Л. Назаревич» [1: 14]. Это позволяет нам

идентифицировать автора письма как ростовского врача Людмилу Иосифовну Назаревич. Однако при подготовке статьи И.Г. Эренбургом для «Черной книги» ее фамилия была указана как «Назаревская».

Рассказ врача «Людмилы Назаревской» (настоящая фамилия – Назаревич), включенный в «Черную книгу», повествует о событиях, происходивших в период оккупации города, затрагивает происшедшее на одном из пунктов сбора евреев Ростова и по «дороге смерти» в Змиёвскую балку. Указаны некоторые имена погибших жертв, а также описаны обстоятельства расправы над красноармейцами и евреями [16]. Отметим, что при подготовке статьи для «Черной книги» И.Г. Эренбург не имел цели полностью воспроизвести письмо Л.И. Назаревич и его содержание полностью не публиковалось.

В исследуемом рукописном письме 1943 г. (без даты) [1: 1–14] ростовчанка Л. Назаревич описывает известные ей свидетельства «из времен страшного периода пребывания немцев в Ростове, о замученных ими гражданах и в особенности о поголовно замученном еврейском народе». Приведем фрагменты письма, которые не полностью вошли в печатную версию «Черной книги», но отражают то тяжелое положение, которое сложилось в городе с приходом оккупантов.

По свидетельству Л.И. Назаревич, в городе «сначала никаких особых реорганизаций гражданского характера не было». Являясь по профессии врачом, в письме она постаралась описать общее состояние городских лечебных учреждений с началом оккупации, выделив заметно осложнившееся положение сотрудников этих учреждений из числа евреев. Она указывает, что 25 июля 1942 г. в Центральную городскую больницу явились два немецких военных врача, которые приказали «продолжать всем работу кроме евреев». Через несколько дней в городском отделе здравоохранения была произведена регистрация врачей, одновременно всем лечебным учреждениям «было предложено самоопределиться». Они должны были «зарегистрировать свою точку и сотрудников», для чего срочно стали составляться «списки своего учреждения», «занимать помещения и собирать разрушенные бомбардировками и расхищенное движимое имущество больниц и амбулаторий».

Характерной чертой политики оккупационных властей в вопросах здравоохранения в Ростове-на-Дону стало введение платы за оказание медицинских услуг населению. Л. Назаревич сообщает, что в ростовской гинекологической больнице «была объявлена платность коек (10 рублей в сутки) и платность операций (от 30 рублей до 200 рублей)». На местах здесь было «приказано оставаться всем, кроме евреев».

По свидетельству Л.И. Назаревич, приблизительно через неделю в город прибыли эсэсовцы, повсеместно «начались доносы и аресты». Среди жертв нацистов были пациенты Ростовской психиатрической больницы,

которые были вывезены и «исчезли бесследно». В письме Л.И. Назаревич сообщает, что еще «до оккупации города главврач доктор Манукян успела вывезти 50 человек псих. больных бойцов». Это были те, кого воинские части не успели своевременно эвакуировать [6: 33–35]. Судьба оставшихся пациентов психиатрической больницы сложилась трагично.

Описывая положение гражданского населения в городе в условиях оккупации, Л. Назаревич отмечает, что с первых дней повсеместно стала проводиться проверка паспортов. Население зачастую подвергалось ограблению со стороны оккупантов: «немцы часто на улице что-нибудь спрашивали, иногда снимали ручные часы, шелковые косынки и пр.».

По мере усиления репрессий со стороны оккупантов в местной газете «Голос Ростова» началась юдофобская агитация, на улицах были расклеены плакаты и карикатурные портреты соответствующей тематики. Л.И Назаревич пишет об их содержании: «по-видимому, немецкое “Jude” переводилось – “жид”, слово “еврей” – не употреблялось вовсе». В начале августа на улицах города «были произведены несколько провокационных выстрелов с убийствами евреев».

Большой фрагмент письма Людмилы Назаревич посвящен событиям в городе, когда была объявлена регистрация евреев (5–8 августа 1942 г.). По ее свидетельству, первый призыв к такой регистрации евреев был объявлен в первую оккупацию Ростова-на-Дону, но в 1941 г. он не был немцами осуществлен, так как они «были выбиты» из города. Описывая отношение местного населения к самому факту проведения в городе подобных регистрационных мероприятий по отношению к евреям, Назаревич пишет: «На улицах города всё как будто было, как обычно. Население не реагировало на какие-то объявления, его не касающиеся». Вместе с тем здесь же в тексте присутствует тональность, отражающая эмоционально-оценочные высказывания автора о переживаниях самих евреев по этому поводу: «Что же делалось в душах матерей, которым предстояло завтра вести своих детей и внуков на пункты и в душах детей, ожидающих на завтра мученическую смерть своих родителей – я свидетельствовать не могу. Могу только указать на известные мне факты, последовавшие за появлением “воззвания”».

Л.И. Назаревич указывает, что «воззвание к регистрации евреев было подписано еврейским старейшиной доктором Лурье. Все зарегистрировались по своим районам». Затем, 10 августа 1942 г., «было расклеено новое воззвание, подписанное также старейшиной доктором Лурье. Воззвание к еврейскому населению гласило, что, ввиду наблюдавшихся в городе эксцессов по отношению к евреям, каковые не могут быть предотвращены, немецкое командование предлагает всем евреям собраться 11 августа 1942 г. по районам регистрации для эвакуации за черту города. Причем им предлагалось взять с собой «одежду, ценности, а ключи от квартир сдать на пункте».

Людмила Назаревич сообщает о судьбе своей еврейской соседки Марии Лазаревны, которая не смогла явиться на пункт из-за растяжения связок ноги, и на второй день «за ней приехала машина», сама «Мария Лазаревна сидела в машине угрюмая, растрепанная, с невидящим взором». В письме автор рассказывает о приятельнице своей семьи – 82-летней еврейке Екатерине Леонтьевне Итиной, которая жила у двух монашек. После отказа прийти на пункт ей пригрозили, что «заберут и монашек за укрывательство», и это побудило ее явиться.

Отметим, что Л.И. Назаревич затронула в письме важную тему судеб не только евреев, но и членов их семей в смешанных браках. Она рассказала о трагичной судьбе научного сотрудника сельскохозяйственного института Ф.Н. Ческиса, русская жена которого в тюрьме «просидела еще два месяца и, после свидетельствования сотрудниками мужа о ее национальности, была затем выпущена из тюрьмы». «Как и все», на смерть пошла «старейшая, опытнейшая врач-туберкулезник доктор Гаркави»; «не желая расставаться», пошел вместе с ней и не вернулся ее муж, русский.

Старушка-армянка рассказала Назаревич историю, как ей чудом удалось спасти свою дочь, у которой от брака с евреем, воевавшим на фронте, было двое детей. О совместных детях соседи говорили, что «дети еврейские и им тоже нужно идти на пункт». Л.И. Назаревич описала переживания матери о судьбе своих детей: она «сидела, опустив руки. Ничего не говорила и ничего не ела, и смотрит и ничего не видит». Тогда ее мать (бабушка детей) побежала на пункт, откуда часовой прогнал ее с криками: «Русь, вег!» Видя состояние своей дочери, переживающей о судьбе детей, ее мать вновь побежала к немцам, доказывая, что по документам она армянка. Когда наконец ее пропустили, «переводчица запросила немца, и старуха получила ответ: пусть сидит дома». После пережитого ее дочь «долго не могла воспринять, что ей говорила мать», которой удалось спасти своих внуков. Резюмируя этот фрагмент в письме, Л. Назаревич пишет: «Так люди переживали возможность “выселения” за черту города».

Большой фрагмент письма Л.И. Назаревич посвящает дальнейшим событиям 11 августа 1942 г., когда она отправилась за город, «желая опередить отбывающие партии людей», для чего, проходя по улице Пушкинской, зашла на пункт сбора евреев, где «на улице стояло несколько машин, на дворе толпились и сидели люди». Здесь она увидела учительницу музыки – старушку Розалию Огуз, которая пришла на пункт сбора и попросила принести ей с сестрой продовольствие; описала встретившихся неизвестных ей слепую мать и глухую дочь, которые шли к этому пункту сбора.

Также в письме Л. Назаревич сообщает о трагической судьбе известного в городе доктора Е.М. Ингал, который «явился в здание школы на Казанском переулке с чемоданчиком. По ее свидетельству, немец ударил

старика, отнял чемодан и втолкнул его в машину». Аналогичное по содержанию свидетельство ростовчанки Л.И. Правдиевой о происходившем на пункте сбора с врачом-терапевтом Ингал было зафиксировано в докладной записке заместителя начальника Управления народного комиссариата государственной безопасности Ростовской области Г.И. Кудрявцева только 21 февраля 1944 г. [7: 3]. Данные об Ингал отражены в списке участкового уполномоченного от 17 июня 1943 г. с пометкой: «изъят 11 августа» [8: 21]. Сведения о нем (под № 63) представлены еще в одном списке с указанием домашнего адреса (ул. Шаумяна, 112) и примечанием: «явился по приказу» [15: 10а]. Достоверным свидетельством о гибели Е.М. Ингал стало письмо матери его племянника – известного поэта Е.М. Долматовского за 1943 г. [9]. Отметим, что в Государственном архиве Российской Федерации хранится «Список лиц, уведенных в немецкое рабство в период оккупации от Андреевского района города Ростова н/Д», где под № 405 значится: «Ингал Евгений Маркович», проживающий по ул. Шаумяна, 112 [10].

В письме 1943 г. Л.И. Назаревич упоминает о судьбе еще одного известного ростовского врача – Р.Ф. Тиктина. Возвращаясь через Рабочий городок, она увидела идущую партию в количестве около 35 человек: «женщин, скромно одетых, вроде учительниц и несколько мужчин». Среди них был зубной врач Рафаил Фабианович Тиктин. В письме сообщается, что именно Тиктин «отказался быть еврейским старейшиной и отказался от предложения немцев призывать евреев к выселению без гарантии их жизни». Л.И. Назаревич описывает в письме, что она пошла за город на некотором расстоянии и стала свидетельницей того, что идущая партия этих людей была ограблена. Только тогда она поняла, что «они обреченные, что путь их – их Голгофа». За городом дорога вела под железнодорожной насыпью, куда она пройти не смогла.

Упоминаемый в письме Л.И. Назаревич ростовский врач Р.Ф. Тиктин присутствует еще в одном источнике – в «Воспоминаниях о Ростове» М.Ф. Гнесина. Композитор называет Тиктина своим другом детства, «страдальчески погибшим в преклонном возрасте от рук фашистских убийц» [4]. Сохранилось несколько адресованных М.Ф. Гнесину послевоенных писем Анны Макаровны Тиктиной (супруги Р.Ф. Тиктина), которая пережила оккупацию. В письме 15 сентября 1945 г. она писала М.Ф. Гнесину: «Дорогой Мишенька, благодарю тебя за портрет, который ты мне послал… Рядом с тобой я видела Филю и всю эту ночь я не сомкнула глаз. Ну что писать… разве есть слова, подходящие для всего случившегося. Одно слово “ужас и ужас” и безысходное горе дальше. Мухи назойливые не дают писать… Жить невыносимо тоскливо…» [12: 3–6 об.]. Вместе с тем в упоминаемом «Списке лиц, уведенных в немецкое рабство в период оккупации…» под № 507 значится: «Тиктин Рафаил Фабианович, 1880 г. р., ул. Книжная,

77» [14]. Отметим, что наряду с этими данными упоминаемые бесспорные свидетельства о гибели старейших ростовских врачей Е.М. Ингал и Р.Ф. Тиктина в период оккупации обращают нас к вопросу о необходимости комплексного подхода при анализе содержания подобных архивных документов в части сведений о еврейском населении города.

Возвращаясь к содержанию письма Л.И. Назаревич, отметим, что она описала встречные машины, в которых везли евреев к месту казни. Она упоминает старушку-акушерку Розалию Соломоновну Фишкинд. Назаревич пишет далее в письме: «Что происходило на этом страшном месте стало скоро общеизвестно», «люди доставлялись на машинах и пешком. Далее им приказывалось раздеваться… вещи складывались на земле, а их вели (минут 6 ходьбы) до Змиевской балки, где расстреливали. И тут же спешно присыпали глиной. Детям и немощным старикам смазывали чем-то губы под носом и безжизненных бросали тоже в балку. Некоторые жители рассказывали, когда подвозили группами евреев, их заставляли ожидать приезда эсэсовцев. Те выходили и через переводчика что-то говорили людям. В ответ те отвечали угрожающей возмущенной жестикуляцией».

Также Л.И. Назаревич удалось найти «свидетельницу немецких зверств, проживающую в одном из выселяемых домиков». Она провела Назаревич по всему этому району и указала ей на «страшную Змиевскую балку с ее засыпанными в виде гребной волны курганчиками». Из рассказов проживающей в районе Змиёвской балки жительницы Назаревич стало известно, что «евреев вели обнаженными от Зоологического сада к балке». Очевидица особенно сожалела «о красивой еврейской женщине, которая шла к месту казни с двумя девочками с бантиками на головках». В конце письма Л.И. Назаревич отмечает: «Не всё еще можно в настоящее время изложить на бумаге, также и фамилии некоторых лиц».

Сведения о враче Л.И. Назаревич содержатся еще в одном опубликованном письме 1960-х гг. Пронзительные строки именно ее письма, пронизанные болью памяти о судьбах погибших, которые не забыты ростовчанами, стали единственным опубликованным откликом читательницы, включенным в повествование «Бездна», где писатель рассказал о судьбе ростовского полицая, приводившего на казнь неповинных людей. Спустя 20 лет после оккупации Л. Назаревич писала: «Двадцать лет скрывался предатель, прячась от страха под кроватью. Была амнистия, его простили. Но пусть не думает, что его современники также простили его. Пусть прошло 20 лет, пусть 1020, Имена Ирода или Иуды не забываются поколениями народов и будут нарицательными до тех пор, пока стоит земля» [3: 35–37]. Если обратиться к тексту этого письма Л.И. Назаревич, нетрудно заметить, что в нем упоминаются сюжеты, эмоционально перекликающиеся с описанным ею в письме 1943 г.

В заключение отметим, что письма переживших оккупацию ростовчан являются важными историческими источниками, которые нуждаются в дальнейшем выявлении и исследовании. Введение подобных писем в научный оборот не только позволяет нам установить имена погибших жертв, сохранив память о них, но также важно в противодействии попыткам отрицания холокоста. Отметим, что личное восприятие трагических событий в период оккупации Ростова-на-Дону по отношению к еврейскому населению не только побудило Л.И. Назаревич спасти семью Весёлых, но и позволило стать одним из хранителей памяти о холокосте.

Источники и литература

1. Архив Яд Вашем. Letter of testimony by L. Nazarevskaya, regarding the murder of Jews in Zmievskaya Balka near Rostov on 11/08/1942.

2. Архив Яд Вашем. Letters to Ilya Ehrenburg by N.I. Maklerov, regarding the Nazi war crimes in Rostov during the German occupation.

3. *Гинзбург Л.В.* Бездна. М., 1966.

4. Гнесин Михаил Фабианович // Донские страницы. URL: http://prodon.dspl.ru/quoteinfo/mihail-gnesin-o-rostove (дата обращения: 24.04.2025).

5. Государственный архив Российской Федерации. Ф. Р-7021. Оп. 8а. Д. 40.

6. Государственный архив Ростовской области (далее – ГАРО). Ф. Р-3613. Оп. 1. Д. 1.

7. ГАРО. Ф. Р-3613. Оп. 1. Д. 2.

8. ГАРО. Ф. Р-3613. Оп. 1. Д. 441.

9. *Долматовский Е.А.* Письма с фронта // *Долматовский Е.А.* Было: записки поэта. М., 1982. С. 78–79.

10. Ингал Евгений Маркович // Списки угнанных. URL: https://ost-west.memo.ru/name/15486 (дата обращения: 24.04.2025).

11. *Мовшович Е.В.* Очерки истории евреев на Дону. Ростов-на-Дону, 2006.

12. Российский государственный архив литературы и искусства. Ф. 2954. Оп. 1. Ед. хр. 711.

13. «Сохрани мои письма…»: сборник писем и дневников евреев периода Великой Отечественной войны. Вып. 7 / сост.: И.А. Альтман, Р.Е. Жигун, Л.А. Тёрушкин. М., 2024.

14. Тиктин Рафаил Фабианович // Списки угнанных. URL: https://ost-west.memo.ru/name/15588 (дата обращения: 24.04.2025).

15. Центр документации новейшей истории Ростовской области. Ф. Р-1886. Оп. 1. Д. 106.

16. Черная книга: в 2 т. Т. 1 / сост. В. Гроссман, И. Эренбург. Запорожье, 1991.

17. *Эренбург И.* Победа человека // Красная звезда. 1944. № 7 (5687). 8 января. С. 3.

Е.В. Камынин

ПРЕСТУПНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ЗАПАДНОУКРАИНСКИХ НАЦИОНАЛИСТОВ В ВОЕННОЕ И ПОСЛЕВОЕННОЕ ВРЕМЯ В ВОСПРИЯТИИ СОВЕТСКОГО ОФИЦЕРА (по материалам дневниковых записей командира огневого взвода Е.В. Бондарева)

Великая Отечественная война по-прежнему остается одним из важнейших событий в исторической памяти жителей России. А противостояние в рамках специальной военной операции с украинскими националистами делает актуальным изучение опыта борьбы советских солдат с бандеровцами в период Великой Отечественной войны и в послевоенное время.

Одним из важнейших направлений в изучении Великой Отечественной войны является история повседневности. Например, в работе Е.Ф. Кринко, Т.Г. Тажидиновой и Т.П. Хлыниной анализируется частная жизнь советских людей в военные годы [2]. Актуальным можно признать изучение эго-документов, раскрывающих определенные психологические аспекты восприятия различных исторических событий и явлений. В настоящей статье основным источником исследования военной повседневности служит дневник командира огневого взвода Евгения Васильевича Бондарева, который прошел Великую Отечественную войну и продолжал военную службу в послевоенный период (хранится в семейном архиве автора статьи). Особенностью дневника как источника является установка на достоверность зафиксированных в нем сведений, ведь дневниковые записи изначально не предполагают огласки. К тому же в дневнике обычно фиксируется более или менее актуальная информация – записи в нем создаются или в тот же день, когда происходит событие, или спустя небольшой промежуток времени. Дневник Е.В. Бондарева является семейной реликвией, что делает содержащуюся в нем информацию уникальной. Отметим, что в цитируемых отрывках мы сохраняем авторскую орфографию и пунктуацию, а также использование прописных и строчных букв.

Впервые западноукраинские националисты упоминаются в дневнике в записях за март 1945 г. В это время Е.В. Бондарев отправился на поезде из Румынии, где располагалась его военная часть, в Польшу, где в тот момент находилась его невеста З.С. Кулева. Путь офицера пролегал через Западную Украину, где «уже в дороге как я выехал из Черновиц я все время слышал разговоры о бендеровцах». И некоторые из историй о зверствах бандеровцев Е.В. Бондарев привел в дневнике: «На одной из жел. дор. веток идущих на Раву-Русскую Бендеровцы остановили санитарный эшелон. Всех раненых как где кто лежал так и постреляли на месте.

Врачей и специалистов забрали с собой над девушками медсестрами издевались. Отрезали им груди вырезали ремни из кожи, звезды вообщем не отстали от немецких извергов. Дальше там же только в другое время спустили под откос товарный эшелон погибло при этом 114 человек. Сволочи ходили и добивали раненых, пока не подошел наш бронепоезд. Ударил из орудий на траншею спустили 3 броневика и уничтожили человек 300 этих мерзавцев. Советскому бойцу и офицеру нельзя уйти в сторону от железной дороги на 3 км иначе его убьют, днем ли это ночью все равно. Долго у меня в памяти будет Львовщина».

Приведенные в дневнике сведения соотносятся с данными, зафиксированными органами государственной безопасности СССР в тот же период: «в пограничных районах… Украинской ССР участились случаи совершения бандитами террористических актов против сотрудников НКВД – НКГБ, советского и партийного актива и местных жителей, лояльно настроенных к Советской власти» [3: 240]; «Бандеровцы готовят восстание против СССР» [3: 435]. Е.В. Бондарев называет бандитов «сволочами» и «мерзавцами» и отмечает, что советским солдатам уходить в сторону от железной дороги, в глубинку, смертельно опасно. Львовщина остается мрачным местом в памяти нашего героя.

Однако спустя несколько лет Е.В. Бондареву суждено было вернуться в эти места. В 1947 г. он оказался в с. Глинки Станиславской (ныне – Ивано-Франковской) области в составе военно-строительного отряда. Отметим, что г. Станислав в послевоенное время оставался одним из главных центров вооруженной борьбы подпольных отрядов Украинской повстанческой армии и Организации украинских националистов (организации, деятельность которых запрещена на территории Российской Федерации) против советской власти на Западной Украине [1]. И хотя Е.В. Бондарев не описал в дневнике непосредственной встречи с бандеровцами, однако он слышал об их преступлениях и справедливо опасался свою жизнь. Офицер отмечал, что постоянно приходится носить с собой оружие: «итти не совсем безопасно, всю дорогу держали пистолеты в руках и наготове» (запись от 27 ноября 1947 г.); «Домой возвращался уже было темно, да так что глаза коли не увидиш. Жутко мне стало пришлось взять в руки пистолет и почувствовав холодную сталь оружия немного успокоился» (запись от 2 декабря 1947 г.); «пришлось идти, взял пистолет под левую мышку чтобы удобно было выхватить и пошел» (запись от 8 декабря 1947 г.). Е.В. Бондарев фиксирует неприятную особенность жизни в такой обстановке – нападение может произойти внезапно и с любой стороны: «лучше быть на фронте чем здесь незная из какого угла полетит в тебя пуля» (запись от 27 ноября 1947 г.); «лезут в голову совсем глупые мысли, подстрелили бы из-за угла так было бы лучше, нет

из за угла уж больно подло лучше встретиться лицом к лицу» (запись от 2 декабря 1947 г.).

О злодеяниях бандеровцев постоянно напоминают то следы преступлений, то рассказы о них: «Совсем недавно ребята нашли на нашем участке человеческий череп и когда пошли глубже в лес наткнулись на кости скелета. Это конечно одна из жертв бендеровцев» (запись от 27 ноября 1947 г.); «Бухгалтер еще рассказывал что совсем недавно группа бандитов остановила грузовую автомашину на которой ехало до десятка бойцов и с ними офицеров войск МВД и увила их в лес конечно не за грибами а просто по моему уничтожить» (запись от 6 декабря 1947 г.); «Вспомнилось мне что когда ходили в баню мне парнишка показывал колодец в который бендеровцы бросили мальчика лет двенадцати и девушку. Я как заглянул в него так мне сделалось жутко» (запись от 8 декабря 1947 г.).

Кроме того, националисты подбрасывали в населенные пункты пропагандистские материалы: «Утром прибегает наш десятник и показывает мне листовку, напичатаную партией Степана Бандеры. Уже они там такое пишут что и уму не постежимо <…> возвращаясь домой я нашел опять такое воззвание к украинской молодежи» (запись от 4 декабря 1947 г.). Неудивительно, что в такой обстановке любые непривычные события объясняются кознями бандеровцев. Так, 6 декабря 1947 г. наш герой отмечает: «Сегодня с утра по селу идет разговор что якобы будут другие деньги. А в Подворном на базаре цены поднялись жутко, одно яйцо стало стоить 8–9 рублей. Все это конечно дело рук Бендеровцев» (впрочем, в тот же день офицер выяснил, что речь шла о денежной реформе 1947 г.).

Опасность представляло и то, что на момент пребывания на Западной Украине Е.В. Бондарев был комсомольцем. Он писал: «Всех партийных работников бьют безпощадно» (запись от 4 декабря 1947 г.). Поэтому старались лишний раз не упоминать о своей принадлежности к тем или иным партийным структурам, а нарушение этого негласного запрета грозило неприятными последствиями: «По дороге мне встретился подполковник… он как раскричался на всю улицу и главное что этот старый идиот кричал что я мол член ВЛКСМ и что он со мной расчитается когда придет в Ростов. Старый дурак он не подумал своей головой что мне прийдется работать здесь ни день и ни два, а он кричал на улице так что вышел народ и слышал все. Я не знаю что мне теперь и делать, это хорошо что не слышали люди которые связаны с бендеровцами а если да то мне выходит конец» (запись от 9 декабря 1947 г.). К счастью, негативных последствий эта история не имела, хотя могла бы, ведь автор дневника был уверен, «что в этом силе половина и добрая сочувствует “Бандеровцам”» (запись от 4 декабря 1947 г.).

Свои мысли и переживания по поводу постоянно угрожающей опасности со стороны украинских националистов Е.В. Бондарев выразил в стихотворении, написанном им 8 декабря 1947 г.:

Пиши о том что я нахожусь
в том краю
Где раньше владели им паны.
Где темные люди еще и к тому же,
Не все, но подвластью «Бендеры».
Если у них появился «Совит»,
Так они нас называют,
Смотрят за ним
может он комунист,
И сейчас же его убирают.
Много таких «Иванов» простых,
Попалось в лапы бандитам,
И никогда теперь уже нет,
Не вернутся обратно.

По мнению Е.В. Бондарева, попадание местных жителей под влияние бандеровцев было связано с отсталостью и малообразованностью крестьян, а также с их прежней жизнью под властью Польского государства.

Но, несмотря на все тревожные события, запугать советского офицера бандеровцам не удалось: «Устрашить меня они не устрашили да и любого нашего человека а просто делается смешно, что себя они называют революционерами а нас бандитами» (запись от 4 декабря 1947 г.). Да и советские органы внутренних дел не сидели сложа руки – в середине декабря наш герой с товарищами поехал в Станислав, где «к нам на станции привязалась милиция приняв нас за бендеров, да и не мудрено принять так как мы имели затрапезный вид. Там чуть не подрались. <…> Но все обошлось благополучно проверили документы и выгнали нас на улицу в морозную ночь».

Таким образом, информация из дневниковых записей советского офицера Е.В. Бондарева позволяет проанализировать его восприятие деятельности западноукраинских националистов в период Великой Отечественной войны и в послевоенное время. Автор отмечает, что активность бандеровцев заставляла советских офицеров и партийных деятелей находиться в постоянном напряжении, носить с собой оружие и скрывать информацию о своей партийной принадлежности. Для Е.В. Бондарева это не было привычным противостоянием, когда противник находился перед тобой, а воспринималось как война, в которой враг мог возникнуть незаметно. Впрочем, советская милиция также предпринимала действия по поимке националистов. Бандеровцы в дневнике обозначаются как «сволочи», «мерзавцы», «бандиты», что неудивительно – зафиксированные автором дневника истории и свидетельства о деятельности западноукраинских националистов как в конце войны, так и после нее об убийствах невинных мужчин, женщин и детей показывают истинную сущность мнимых революционеров, которые в действительности являлись преступниками и убийцами. Однако советский офицер, хотя и опасался за свою жизнь, присутствия духа не терял и был готов в случае чего дать отпор врагу.

Источники и литература

1. Ивано-Франковск // Большая российская энциклопедия. URL: https://old.bigenc.ru/geography/text/5732191 (дата обращения: 04.03.2025).
2. *Кринко Е.Ф., Тажидинова Т.Г., Хлынина Т.П.* Частная жизнь советского человека в условиях военного времени: пространство, границы и механизмы реализации (1941–1945). Ростов-на-Дону, 2013.
3. Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне: сборник документов. Т. 6: Победа (1 января – 9 мая 1945 г.) / под ред. В.П. Ямпольского. М., 2014.

В.Н. Очир-Горяева

ПРОБЛЕМЫ РЕКОНСТРУКЦИИ ВОЕННЫХ БИОГРАФИЙ ВОЕННОСЛУЖАЩИХ 110-й КАЛМЫЦКОЙ КАВДИВИЗИИ НА ПРИМЕРЕ КОМАНДЫ № 7 ПРИЗВАННЫХ МАЛОДЕРБЕТОВСКИМ РАЙОННЫМ ВОЕНКОМАТОМ[1]

Великая Отечественная война 1941–1945 гг. оставила после себя обширный массив документальных источников, которые позволяют не только погрузиться в атмосферу того времени, но и детально реконструировать события тех лет. Однако значительная часть документов была утрачена, особенно в период оккупации. В этих условиях сохранившиеся источники приобретают особую историческую ценность, становясь ключевыми для восстановления недостающих сведений.

Одной из проблем, с которой сталкиваются исследователи, является неполнота данных о личном составе воинских формирований. Ярким примером этого является ситуация со 110-й кавалерийской дивизией (далее – кд). Информация о значительной части воинов этой дивизии, погибших или пропавших без вести, оказалась не отражена в книгах памяти [6: 158–159]. У многих бойцов отсутствуют сведения о месте гибели, пленения или обстоятельствах их убытия из воинских частей.

Для восполнения этих пробелов мы обратились к дополнительным источникам, в том числе к документам военкоматов и воинских частей, доступных благодаря обобщенному банку данных «Память народа». В качестве примера приведем анализ команды призывников № 7 Малодербетовского районного военного комиссариата (далее – РВК), направленной в декабре 1941 г. в 311-й кавалерийский полк (далее – кп). Этот список из книги военкомата содержит информацию о 88 призывниках,

[1] Исследование проведено в рамках государственной субсидии – проект «Юго-восточный пояс России: исследование политической и культурной истории социальных общностей и групп» (номер гос. регистрации: 122022700134-6).

мобилизованных 5–6 декабря 1941 г. [4]. В списке указаны год рождения, место жительства на момент призыва, дата и место мобилизации, воинское звание и должность, место направления для дальнейшей службы, а также сведения о партийности, образовании и национальности призывников.

Для более глубокого анализа судеб этих воинов были привлечены дополнительные источники, включая материалы личного происхождения, аннотированные списки бойцов 110-й кд [10], калмыков-военнослужащих, направленных в Широковский исправительно-трудовой лагерь НКВД СССР (далее – Широклаг) [11], и другие источники. Комплексное использование этих данных позволило не только восстановить пробелы в учете личного состава, но и пролить свет на неизвестные судьбы многих бойцов.

311-й кп появился благодаря постановлению Государственного комитета обороны № 894сс от 13 ноября 1941 г. о формировании 20 национальных кавалерийских дивизий и 15 стрелковых бригад на территории союзных и автономных республик Средней Азии, Северного Кавказа, Нижнего Поволжья и Приуралья [9: 85–85 об.]. В рамках этого постановления были созданы 110-я и 111-я Калмыцкие кд. 2 декабря 1941 г. бюро обкома ВКП(б) и Совнаркома Калмыцкой АССР приняло постановление [5: 91], в котором были определены места дислокации для этих дивизий: 110-й кд – в с. Малые Дербеты (Малодербетовский улус), 111-й кд – в с. Нем-Хагинка (Яшалтинский улус). 110-я Калмыцкая кд состояла из трех кавалерийских полков: 273-го Сарпинского, 292-го Малодербетовского и 311-го Приволжского, последний из которых формировался в с. Тундутово. В структуру полка входили: четыре сабельных эскадрона (в каждом из которых было четыре сабельных взвода, минометный взвод и взвод противотанковых ружей), пулеметный эскадрон, артиллерийская и минометная батареи, взвод противовоздушной обороны, саперно-подрывной и хозяйственный взводы, а также пункт медицинской помощи и ветеринарный лазарет [7: 116].

В марте 1942 г. 111-я кд была расформирована, и значительная часть ее личного состава была передана в 110-ю кд. Благодаря этому 311-й кп получил существенное пополнение. При этом значительная часть воинов, ранее входивших в 311-й кп, была отчислена в пехоту. До мая 1942 г. полком командовал майор М.С. Шарапов, после чего его сменил капитан М.П. Василенко. Военным комиссаром полка в этот период был батальонный комиссар С.Н. Гаряев [1: 17–18]. В июне 1942 г. заместителем командира 311-го кп был назначен капитан А.К. Темиров.

В мае 1942 г. 110-я кд была включена в состав действующей армии и направлена на оборону Дона, где ей был поручен участок шириной 58 км. С 19 по 26 июля 110-я кд вела ожесточенные бои с моторизованной дивизией «Великая Германия», усиленной другими частями 3-го танкового корпуса. В ходе сражения управление 311-го кп во главе с командиром полка

М.П. Василенко, 1-й и 2-й сабельные эскадроны, артиллерийская и минометная батареи оказались отрезаны от основных сил 110-й кд. Этот отряд неоднократно пытался прорваться к основным силам, но в ходе ожесточенных боев понес значительные потери. После почти полного исчерпания боеприпасов Василенко отвел полк к отдельному кавалерийскому корпусу генерала Б.А. Погребова, поскольку знал о том, что есть приказ о возвращении 110-й кд в состав этого соединения. Однако 29 июля корпус Погребова попал под удар панцерваффе и был разгромлен. Личный состав отряда Василенко после этого оказался рассеян и выходил к частям Сталинградского фронта на широком пространстве от Сталинграда до Пятигорска.

3-й и 4-й сабельные эскадроны под руководством капитана Темирова блокировали плацдарм «великогерманцев» у ст. Мелиховской [8: 137]. Затем они сумели организованно отступить за Маныч, а затем в направлении Майкопа, где впоследствии вошли в состав 11-й гвардейской Донской кд [2: 137].

Новый 311-й кп в 110-й кд был восстановлен лишь в октябре 1942 г., но почти никто из бойцов полка первого формирования туда уже не попал.

В ходе реконструкции военных биографий призывников команды № 7 Малодербетовского РВК было установлено, что среди военнослужащих, направленных в распоряжение командира 311-го кп, 11 человек оказались переведены в 292-й Малодербетовский кп 110-й кд. Дело в том, что в Малых Дербетах находилось, как уже упоминалось выше, управление дивизии и распределение большинства призванных по частям происходило именно здесь. При этом политработники 292-го кп Б.М. Манджиев и М.М. Андраев, которые работали в дивизионном распределительном пункте, старались отбирать для своей части лучших бойцов. Однако большинство призванных (77 из 88) попали, как и планировалось, в 311-й кп.

Один из членов команды (выпускник педтехникума А.П. Чивеев) почти сразу был направлен в Новочеркасское кавалерийское училище, на национальный курс, созданный специально для доукомплектования младшего офицерского состава 110, 111, 114, 115-й кд. В сентябре 1942 г. младший лейтенант Чивеев вернулся в 110-ю кд командиром минометного взвода 292-го кп. Следует заметить, что в этой команде только два человека имели среднее специальное образование, пять – среднее образование, два – образование 7 классов, два – 6 классов, пять – 5 классов, 34 – 4 класса, четыре – 3 класса, два – 2 класса, 25 были малограмотными, пять – неграмотными, о двоих данных нет. Таким образом, в команде № 7 преобладали призывники с 4 классами образования и малограмотные.

Поиск сведений в иных базах данных не выявил никаких сведений у 34 персоналий. Их нет в картотеках погибших, умерших от ран или болезней, пропавших без вести, раненых; в наградных документах;

в сохранившихся карточках узников концлагерей и Широклага; в списках репатриированных из плена или освобожденных из концлагерей; в списках награжденных юбилейными медалями и орденами и т.д. Это подтверждает сделанный ранее автором вывод о том, что значительная часть потерь воинов 110-й кд оказалась вовсе нигде не учтена [6: 158–159].

Среди 54 персоналий, о которых есть какие-то сведения, мы можем выделить четырех военнослужащих 226-й стрелковой дивизии (далее – сд) 21-й армии Юго-Западного фронта. Это калмыки, которые были отчислены в пехоту в марте 1942 г. после прибытия пополнения из расформированной 111-й кд. Эта группа военнослужащих, большая часть которых была направлена в 160-ю и 226-ю сд, попала на фронт раньше, чем 110-я кд. Характерно, что все военнослужащие из исследуемой команды оказались направлены только в 226-ю сд. В начальной фазе операции «Блау» 226-я сд оказалась на направлении главного удара 6-й армии Ф. Паулюса, после чего попала в окружение и понесла большие потери.

Еще девять военнослужащих 292-го и 311-го кп погибли, пропали без вести или попали в плен летом 1942 г., причем некоторые из них на Дону или в Ростовской области. Очевидно, что это стало следствием тяжелых боев по обороне 58-километрового участка по берегу Дона.

Анализ военных биографий показал, что из оставшихся персоналий значительная часть после боев на Дону продолжила службу в соединениях, воевавших рядом со 110-й кд. Например, трое военнослужащих (включая А.П. Чивеева, в боях на Дону не участвовавшего) продолжили службу в 30-й кд, которая в конце сентября 1942 г. была доукомплектована за счет 110-й кд [8: 43].

Часть военнослужащих попала в состав 51-й армии, в которую входил корпус Погребова, и продолжили службу в ее частях: трое военнослужащих попали в 126-ю сд, еще трое – в 194-й армейский запасной стрелковый полк (далее – сп) этой же армии, один – в 4-й гвардейский механизированный корпус. У некоторых воинов 110-й кд, сражавшихся на этом направлении, путь отхода был более сложным. Например, Б.М. Мангаев отстал от своей части и вернулся в родное село, откуда призвался повторно. Его направили в 1679-й артиллерийско-минометный полк 32-й кд 3-го гвардейского кавалерийского корпуса, в котором Бора Меджиевич закончил войну кавалером ордена Славы и медали «За отвагу», избежав ссылки в Широклаг. Это свидетельствует о том, что указанные военнослужащие входили в состав отряда Василенко, отступившего к корпусу Погребова.

С другой стороны, в книге военкомата присутствует информация о Д.А. Котиеве, погибшем 31 марта 1943 г. возле х. Свистельниково Краснодарского края. В результате анализа удалось выяснить, что он служил в составе 274-го сп Сухумской дивизии внутренних войск НКВД.

Это соединение было сформировано в критический момент войны, когда немецкие войска продвинулись к горам Кавказа и начали штурм перевалов. Для защиты стратегически важных высот не хватало регулярных частей, поэтому было принято решение бросить в бой внутренние войска и пограничников. С 31 марта 1943 г. в районе х. Свистельниково шли ожесточенные бои с противником, в ходе которых Сухумская дивизия понесла значительные потери [3: 94–95]. Судьба погибшего военнослужащего, вероятно, связана с отступлением группы Темирова. По какой-то причине Котиев отстал от основных сил и с фильтрационного пункта был направлен в 274-й сп НКВД. Однако этот случай следует признать единичным.

Анализ данных военнослужащих по причине убытия показал, что среди них были погибшие в боях, попавшие в плен, пропавшие без вести и выбывшие из воинских частей. Кроме того, были обнаружены сведения о двух осужденных военнослужащих, один из которых был приговорен к высшей мере наказания. Наибольшее количество случаев убытия военнослужащих связано с категорией «выбывших из части». В большинстве таких случаев присутствует информация об отправке военнослужащих в Сибирь, а именно в Широклаг, что связано с депортацией калмыцкого народа в Сибирь. Если рассмотреть временной период, то больше всего выбывших приходится на первое полугодие 1944 г. (42 %) – период массовой депортации калмыцкого народа, которая была осуществлена на основании указа Президиума Верховного Совета СССР от 27 декабря 1943 г. Данный указ стал правовой основой для массового выселения калмыков, в том числе военнослужащих калмыцкой национальности. В некоторых случаях командиры соединений пытались помочь воинам-калмыкам избежать ссылки, оставляя их на фронте. И всё же после окончания войны и демобилизации они были отправлены в Сибирь.

Если рассматривать места, куда были демобилизованы военнослужащие, то в имеющихся данных фигурируют только два региона: Алтайский и Красноярский края. При этом в Алтайский край было направлено более 70 % призванных из команды № 7, у которых сохранились сведения о месте демобилизации. Это указывает на то, что Алтайский край, по всей видимости, являлся основным регионом для расселения уроженцев Малодербетовского улуса.

Кроме того, значительную часть составляют погибшие, на долю которых приходится 17 % от общего числа убывших. Места гибели военнослужащих распределены неравномерно, что затрудняет возможность сделать обобщенные выводы о географической концентрации потерь.

Анализ по возрасту показал, что в команде № 7 были призывники 1902–1923 гг. рождения. Примечательно, что среди них наибольшая доля (26,1 %) приходилась на молодых людей, родившихся в 1922 г.

Если рассматривать национальный состав призывников, то из 88 призывников 65 человек были калмыками (74 %), что было вполне ожидаемо, так как 110-я кд была национальной и комплектовалась преимущественно из калмыков.

Следующий этап исследования был посвящен изучению наград, полученных военнослужащими за участие в Великой Отечественной войне. У значительной части бойцов (79 %) не было обнаружено сведений о наградах, либо найти такую информацию не удалось. В связи с этим анализ проводился только на основе данных о 18 военнослужащих (21 %), получивших 27 наград.

Из табл. 1 видно, что среди награжденных преобладают кавалеры орденов Отечественной войны II степени и Красной Звезды. Это закономерно, так как в иерархии орденов они занимали более низкие ступени и вручались чаще других. Однако интересно отметить, что ордена Отечественной войны I и II степени, которые считаются более высокими по статусу, встречаются в данных даже чаще, чем ордена Красной Звезды. Это связано с тем, что при анализе были учтены награды, врученные в 1985 г. в честь 40-летия Победы. В тот год орденами Отечественной войны I и II степени были награждены все ветераны войны, дожившие до этой даты.

Таблица 1

Количество наград, полученных военнослужащими команды № 7, призванными Малодербетовским РВК Калмыцкой АССР

Награды	Количество
Орден Отечественной войны I степени	3
Орден Отечественной войны II степени	5
Орден Красной Звезды	6
Орден Славы III степени	2
Медаль «За отвагу»	4
Медаль «За боевые заслуги»	5
Медаль «За оборону Сталинграда»	1
Медаль «За оборону Кавказа»	1
Всего	**27**

Подводя итоги исследования, мы приходим к выводу, что значительная часть воинов 311-го кп 110-й кд, участвовавших в боях, отсутствует в современных базах данных. Скорее всего, многие из них погибли или пропали без вести в 1942 г., однако из-за недостаточного учета данных по 110-й кд их имена и судьбы до сих пор остаются неизвестными.

Такая ситуация подчеркивает серьезную проблему недоучета и фрагментарности информации о воинах Красной армии, особенно в условиях тяжелых боев, отступлений и котлов 1941–1942 гг. Отсутствие точных

данных о судьбах бойцов 110-й кд, включая 311-й кп, затрудняет восстановление полной картины их участия в войне и увековечение их памяти. Это делает необходимым продолжение исследований и активный поиск материалов, которые могли бы пролить свет на судьбы этих воинов. Только благодаря кропотливой работе с документами и расширению базы данных можно восстановить историческую справедливость и отдать долг памяти тем, кто остался в тени истории.

Источники и литература

1. В боях за Дон: воспоминания воинов 110-й Отдельной Калмыцкой кавалерийской дивизии / сост. и науч. ред. М.Л. Кичиков. Элиста, 1969.

2. В годы суровых испытаний: боевой путь 110-й Отдельной Калмыцкой кавалерийской дивизии / авт.: А.И. Заднепрук, А.С. Заярный, М.И. Гучинов, Н.У. Илишкин, М.Т. Бимбаев. 3-е изд., испр. и доп. Элиста, 2003.

3. *Гонта С.Н.* Формирование, боевой путь и характеристика 41-й отдельной стрелковой (Сухумской) дивизии внутренних войск НКВД СССР (сентябрь 1942 – апрель 1943) // Военный сборник. 2024. Т. 12. № 2. С. 91–104.

4. Мединцев Петр Самойлович // Обобщенный банк данных «Память народа». URL: https://pamyat-naroda.ru/heroes/rvk-chelovek_voenkomat43693108/ (дата обращения: 12.01.2025).

5. Национальный архив Республики Калмыкия. Ф. П-1. Оп. 9. Д. 1.

6. *Очир-Горяева В.Н.* Безвозвратные потери участников Великой Отечественной войны 1941–1945 гг., призванных из Калмыцкой АССР, по данным Книг памяти: историко-статистическое исследование: дис. … канд. ист. наук. Элиста, 2024.

7. *Очиров У.Б., Заярный С.А.* Значение письма А.И. Надточего как исторического источника в поиске «пропавшего» 311-го кавалерийского полка // Бюллетень Калмыцкого научного центра РАН. 2023. № 3. С. 111–134.

8. *Очиров У.Б., Заярный С.А., Бадышева Л.П.* Ваш подвиг в сердце мы храним… Элиста, 2023.

9. Российский государственный архив социально-политической истории. Ф. 644. Оп. 1. Д. 14.

10. Солдаты Победы. Т. II. Поименный список воинов 110-й Отдельной Калмыцкой кавалерийской дивизии. Изд. 2-е, перераб. и доп. Элиста, 2015.

11. Широклаг. Широкстрой: списки калмыков-военнослужащих рядового и сержантского состава, отозванных с фронтов в 1944–1945 гг. Т. III. Кн. 1 / сост. А.Б. Баирова, Т.Ч. Бембеева, С.Э. Лиджи-Горяева, Р.В. Неяченко. Элиста, 2000.

Раздел 2. Боевые действия на южном фланге советско-германского противостояния

Е.Ф. Кринко

НА ПУТИ К ОБЩЕЙ ПОБЕДЕ: КРАСНАЯ АРМИЯ И НАСЕЛЕНИЕ НИЖНЕГО ДОНА И ДОНБАССА[1]

Вопросам оказания помощи населением СССР действующей армии как одному из главных факторов Победы в Великой Отечественной войне всегда уделялось значительное внимание [1; 2; 7; 8; 13; 14; 17 и др.]. Однако на материалах Нижнего Дона и Донбасса, исторические судьбы которых оказались тесно связаны в военное время, они были представлены в основном в обобщающих работах [3; 11 и др.]. К тому же на содержащихся в них оценках и выводах в советское время сказывалось воздействие идеологии. Вышедшие в последние годы публикации нередко характеризуют отдельные аспекты или периоды взаимодействия населения Нижнего Дона и Донбасса с Красной армией [6; 9; 16 и др.], что не позволяет считать данную тему в полной мере изученной.

Динамика взаимодействия населения Нижнего Дона и Донбасса с действующей армией в годы Великой Отечественной войны позволяет выделить ряд этапов, форм и практик. В значительной степени они определялись условиями и соответствующими возможностями населения в тыловых, прифронтовых и оккупированных регионах.

1. С началом войны в Ростовской, Ворошиловградской (в настоящее время – Луганская Народная Республика) и Сталинской (в настоящее время – Донецкая Народная Республика) областях, относившихся летом 1941 г. к тыловым регионам, началась мобилизация на фронт. Только в Сталинской области в первые недели войны было призвано 236 тыс. человек. Помимо этого, фронт получил из народного хозяйства области 3 тыс. автомашин, 500 гусеничных тракторов, 9 тыс. лошадей и 5 тыс. повозок [3: 17]. Через военкоматы Ростовской области в первый период войны было мобилизовано свыше 520 тыс. человек [4: 532].

Многие жители Нижнего Дона и Донбасса добровольно написали заявления, в которых просили зачислить их в ряды Красной армии. На добровольной основе создавались части народного ополчения,

[1] Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 24-28-01642, https://rscf.ru/project/24-28-01642/.

истребительные батальоны, другие военные и военизированные формирования из лиц, не подлежавших призыву и мобилизации. В Ростовской области в ополчение записалось около 100 тыс. человек, в 69 истребительных батальонах и значительном количестве групп содействия состояло свыше 14 тыс. человек [9: 577, 578]. В Сталинской области 220 тыс. человек записались в ополчение, в 86 истребительных батальонах и группах содействия насчитывалось 16,4 тыс. человек [5: 6]. Численность народного ополчения в Ворошиловградской области составила 148 тыс. человек, истребительных батальонов и групп содействия – 6,4 тыс. человек [10: 46, 48].

Предприятия Нижнего Дона и Донбасса перешли на выпуск военной продукции. На базе медицинских учреждений, школ, объектов социальной и культурной инфраструктуры открылись госпитали для больных и раненых советских военнослужащих. Начался сбор средств в фонд обороны, подарков и теплой одежды для бойцов и командиров Красной армии. При этом милитаризация различных сфер жизни сопровождалась для населения неизбежными ограничениями в трудовой деятельности, передвижении, проведении досуга и других вопросах.

2. В ходе боевых действий осенью 1941 г. противнику удалось захватить юго-западную часть Донбасса и западные районы Ростовской области [12: 39–61]. Превращение территорий Ростовской и Ворошиловградской областей в прифронтовые регионы привело к интенсификации и расширению форм взаимодействия населения с действующей армией. Южный и Юго-Западный фронты получили пополнение из числа местных жителей. Молодые женщины и девушки, преимущественно по комсомольской мобилизации и добровольно, пришли служить в войска связи и противовоздушной обороны, военно-медицинские части, военно-воздушные силы. В состав действующей армии вошли созданные на добровольческой основе Ростовский стрелковый полк народного ополчения и 116-я Донская казачья кавалерийская дивизия. Немало добровольцев насчитывалось в составе сформированных в Донбассе 383, 393 и 395-й стрелковых дивизий, 38-го комсомольского добровольческого инженерного полка и других частей. Истребительные батальоны оказывали содействие Красной армии в прифронтовом тылу, а затем приняли участие в боевых действиях [1; 2; 13].

Сотни тысяч жителей Нижнего Дона и Донбасса копали противотанковые рвы, эскарпы, окопы, строили новые взлетные полосы и аэродромы, поддерживали в необходимом состоянии дороги армейского и фронтового назначения и выполняли другие необходимые работы в интересах частей и соединений Южного и Юго-Западного фронтов. Еще одной формой содействия Красной армии в прифронтовых районах стала помощь раненым бойцам и командирам: их спасение непосредственно на передовой

и уход за ними в госпиталях, которых только в Ростовской области к лету 1942 г. насчитывалось 80 [9: 579].

Промышленные предприятия, колхозы и совхозы Сталинской, Ворошиловградской и Ростовской областей производили для действующей армии различные виды вооружений, от бронепоездов (на Ворошиловградском заводе им. Октябрьской революции) и минометов до стрелкового и холодного оружия, боеприпасы, военное обмундирование и обувь, воинскую амуницию и конскую упряжь, поставляли продовольствие и фураж, осуществляли ремонт танков, броне- и автомашин, выполняли другие военные заказы. Жители оказывали военнослужащим и другую помощь, размещая их в своих домах, снабжая продуктами, стирая и ремонтируя обмундирование и т.д.

Однако реализация взаимодействия с армией в условиях прифронтовых территорий сопровождалась возросшими рисками для жизни и имущества населения, в первую очередь, вследствие действий авиации и артиллерии противника. Согласно данным областных комиссий, созданных после освобождения советских территорий от оккупантов, в Ростовской области погибли от бомб 7737 человек, в Ворошиловградской области – 3517 человек [9: 581]. Подсчитать точно утраченное вследствие бомбардировок и обстрелов в прифронтовых районах имущество не представляется возможным, поскольку эта работа велась в рамках установления материального ущерба от оккупации в целом. Чтобы избежать потерь, обеспечить порядок и воинскую дисциплину на позициях и в местах дислокации воинских частей, а также не допустить возможных действий вражеских разведчиков и диверсантов, применялось отселение жителей из зоны боевых действий.

Порой ущерб населению могли наносить и действия отдельных командиров и военнослужащих Красной армии. Встречались и проявления панических, а также антисоветских настроений у части жителей, что порождало дезертирство и уклонение от мобилизации, негативное отношение к Красной армии, неверие в победу СССР в войне. Кроме того, в условиях ухудшения системы снабжения отдельные граждане использовали криминальные практики для личного обогащения.

3. Летом 1942 г. вермахту удалось захватить территории Донбасса и Нижнего Дона [12: 92–103]. В период нацистской оккупации взаимодействие населения с Красной армией полностью не прекратилось, но его возможности существенно сузились, масштаб и количество форм сократились, а реализация происходила в условиях прямых угроз для жизни участников. Наиболее распространенными формами помощи Красной армии в этот период стали, во-первых, оказание содействия отступавшим советским частям и участие в сопротивлении оккупантам,

во-вторых, спасение жителями советских военнослужащих, отставших от своих частей или попавших в плен (в том числе с указанием их в качестве своих родственников, предоставлением гражданской одежды, условий для проживания и т.д.). В то же время часть жителей по разным мотивам перешла на сторону противника, вступив в ряды антисоветских вооруженных формирований, действовавших на стороне вермахта, участвовала в выдаче оккупантам и прямом уничтожении бойцов и командиров Красной армии.

4. Зимой 1943 г. Красная армия начала освобождение территорий Донбасса и Нижнего Дона, полностью завершившееся в сентябре того же года [12: 126–163]. В условиях советского наступления призванные непосредственно воинскими частями и полевыми военкоматами жители районов и городов Ростовской, Ворошиловградской и Сталинской областей пополнили понесшие значительные потери в предыдущих боях соединения Южного и Юго-Западного фронтов и приняли непосредственное участие в освобождении своих территорий. Всего, по имеющимся данным, только в Ростовской области в феврале 1943 г. на фронт были призваны около 80 тыс. человек. Летом 1943 г. в Сталинской области передовыми частями было призвано и мобилизовано 12 860 человек. В сентябре 1943 г. из Донбасса в соединения Южного фронта влилось 120 тыс. человек [4: 537].

Непосредственную поддержку советским войскам оказывали участники сопротивления противнику на оккупированных территориях. Только в Сталинской области в августе 1943 г. действовало 75 партизанских отрядов, организаций и групп коммунистического подполья [5: 9]. Партизаны и подпольщики собирали и передавали командованию Красной армии разведывательную информацию, а с переходом советских войск в наступление участвовали в боях за освобождение населенных пунктов.

В освобожденных от оккупантов районах население вновь, как и в первый год войны, приняло массовое участие в оборонительном строительстве, создании и поддержании в необходимом состоянии других военных и военно-транспортных объектов, оказании помощи раненым и больным советским военнослужащим. Новыми формами взаимодействия с частями и соединениями Красной армии стали сбор трофейного имущества, наведение общего порядка на освобожденной территории, захоронение останков советских военнослужащих, уборка трупов вражеских солдат и животных. Несмотря на понесенные в период оккупации значительные материальные потери, население Нижнего Дона и Донбасса практически сразу после освобождения начало сбор средств на приобретение военной техники и подарков для Красной армии. Следует указать и различные неформальные практики помощи жителей красноармейцам и командирам, выражавшиеся в первую очередь в предоставлении им продуктов питания, ночлега, решении бытовых задач.

Но взаимодействие с Красной армией в условиях наступательных операций 1943 г. на Нижнем Дону и в Донбассе не всегда было позитивным для жителей прифронтовых территорий, сопровождалось для них не только потерями от бомбежек и артиллерийских обстрелов, но и многочисленными ограничениями. Встречались и случаи недоброжелательного отношения со стороны отдельных советских командиров и бойцов к жителям освобожденных районов, порой огульно воспринимавшимся как ненадежный элемент, изменники Родины вследствие их пребывания на оккупированной территории. В свою очередь, у части населения существовали антисоветские настроения, в том числе из-за широкого распространения нацистской пропаганды и различных форм сотрудничества с противником в условиях оккупации, а некоторые стремились избежать призыва в Красную армию.

5. На завершающем этапе войны, в 1944–1945 гг., из жителей Нижнего Дона и Донбасса продолжалось пополнение частей действующей армии, но количество призванных в этот период сократилось уже вследствие уменьшения численности подготовленных к военной службе контингентов. Население продолжало оказывать помощь подшефным частям, в том числе 5-му гвардейскому Донскому казачьему корпусу, в состав которого входила 12-я гвардейская (ранее 116-я) Донская казачья кавалерийская дивизия, сформированная в Ростовской области, направляло посылки и письма на фронт не только своим родным и близким, но и другим, в том числе и незнакомым, советским военнослужащим.

Таким образом, на протяжении всей Великой Отечественной войны население Нижнего Дона и Донбасса оказывало помощь Красной армии в достижении победы над врагом, при этом формы и масштаб этой помощи менялись в зависимости от конкретных условий. Основой для взаимодействия с армией выступали патриотическая мотивация большинства населения и использование различных мобилизационных механизмов органами власти и общественными организациями. В большинстве своем выделяемые формы взаимодействия регламентировались государственными, партийными и комсомольскими органами и организациями. Однако в процессе взаимодействия вырабатывались и его неформальные практики, возникавшие по инициативе самих жителей.

Главная роль Красной армии для населения выражалась в его защите от вражеской агрессии, угрожавшей самому существованию советского общества и государства, сопровождавшейся гибелью людей и массовыми разрушениями. Наряду с этим, отдельные военнослужащие и воинские части оказывали жителям и конкретное содействие: предоставляли продовольствие, помогали в эвакуации людей и их имущества (вопреки действовавшим нормам, не предполагавшим перевозки гражданского населения и грузов на военном транспорте), в решении отдельных

хозяйственно-бытовых вопросов, что приобретало актуальность в условиях нехватки мужчин. Не менее важной, чем материальная помощь, была и психологическая поддержка, выражавшаяся как в личном общении, так и в переписке, ставшей важнейшим средством коммуникации. При освобождении советских территорий военнослужащие Красной армии участвовали в расследовании военных преступлений оккупантов и их пособников, способствовали восстановлению органов советской власти.

С завершением событий Великой Отечественной войны взаимодействие населения с армией переместилось в мемориальную сферу. После освобождения территорий Нижнего Дона и Донбасса на братских и одиночных могилах советских военнослужащих, погибших здесь в оборонительных и наступательных боях в 1941–1943 гг., появились первые памятники, в создании которых участвовали местные власти и сами жители. Именно население и представители ветеранского сообщества оказались в числе главных хранителей памяти о боях на Нижнем Дону и Донбассе во время войны. В конце 1960-х –1980-х гг. в Ростовской, Донецкой и Луганской областях были созданы посвященные данным событиям и их участникам мемориалы «Саур-могила» (1967), «Самбекские высоты» (1980), «Воинам-освободителям г. Ростова-на-Дону от немецко-фашистских захватчиков» (1983), «Воинам-освободителям Луганска» (1991) и другие крупные мемориальные объекты, ставшие общими местами памяти для многих местных жителей. В рамках рассматриваемой темы представляет особый интерес главная скульптурная композиция мемориала «Твоим освободителям, Донбасс» (1984), изображающая шахтера и солдата, которые вместе держат меч, символизируя единство фронта и тыла.

Изменения в политике памяти в последние годы сопровождаются открытием новых памятников и музеев (среди них Народный военно-исторический музей Великой Отечественной войны «Самбекские высоты» (2020)), реставрацией и наполнением новыми смыслами созданных ранее мемориальных объектов («Саур-могила» (2022)), появлением новых коммеморативных практик в связи с широким распространением поискового движения, массовым проведением военно-исторических реконструкций, активизацией в данных вопросах роли Русской православной церкви и т.д.) [15]. Коллизии в формальных и неформальных практиках взаимодействия населения Нижнего Дона и Донбасса в вопросах сохранения памяти о Великой Отечественной войне с другими мемориальными акторами требуют специального изучения.

Источники и литература

1. *Безугольный А.Ю.* Добровольцы и ополченцы в военной организации Советского государства. 1917–1945 гг. М., 2024.

2. *Биленко С.В.* На охране тыла страны: истребительные батальоны и полки в Великой Отечественной войне, 1941–1945. М., 1988.

3. *Буцко Н.А., Мартышевский М.А.* Подвиг Донбасса: Трудовой и боевой героизм трудящихся Донбасса в первый период Великой Отечественной войны. Киев, 1975.

4. Войны и население Юга России в XVIII – начале XXI в.: демографические процессы и последствия. М., 2019.

5. Донецкая область в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.): сборник документов и материалов / отв. сост. В.И. Лебедев; отв. ред. Е.Д. Клерфон и др. Донецк, 1982.

6. *Елдинов О.А.* Мотивация добровольцев в период Великой Отечественной войны (на примере Ростовской области) // Научный диалог. 2024. Т. 13. № 3. С. 365–383.

7. *Кирсанов Н.А.* По зову Родины: добровольческие формирования Красной Армии в период Великой Отечественной войны. М., 1974.

8. *Колесник А.Д.* Ополченские формирования Российской Федерации в годы Великой Отечественной войны. М., 1988.

9. *Кринко Е.Ф.* Красная армия и население в боевых операциях начального периода Великой Отечественной войны в Донбассе и на Нижнем Дону: основные формы и практики взаимодействия // Новейшая история России. 2024. Т. 14. № 3. С. 572–588.

10. Луганщина в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.: сборник материалов и документов. Донецк, 1969.

11. *Маркусенко И.С.* Дон в Великой Отечественной войне. Ростов-на-Дону, 1977.

12. *Матишов Г.Г., Афанасенко В.И., Кринко Е.Ф.* Миус-фронт в Великой Отечественной войне, 1941/1942 гг., 1943 г. Ростов-на-Дону, 2010.

13. *Медведев Т.Д.* Истребительные батальоны НКВД в период Великой Отечественной войны. Организация, управление, применение. 1941–1945. М., 2025.

14. Народное ополчение защищает Родину / П.В. Добров, А.Д. Колесник, Г.А. Куманев, Я.Е. Пашко; отв. ред. Д.М. Проэктор. М., 1990.

15. Народы СССР на фронтах Великой Отечественной войны: статистическое и военно-антропологическое исследование. Ростов-на-Дону, 2022.

16. *Селюнин В.А., Селюнина Н.В.* Истребительные отряды на Юге России в 1941–1944 гг. // Научная мысль Кавказа. 2006. № 2. С. 47–55.

17. *Синицын А.М.* Всенародная помощь фронту: о патриотических движениях советского народа в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. 2-е изд. М., 1985.

А.И. Лойко

НАЧАЛЬНЫЙ ЭТАП ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ: ОБОРОНИТЕЛЬНЫЕ БОИ КРАСНОЙ АРМИИ НА ТЕРРИТОРИИ БЕЛАРУСИ

22 июня 1941 г. войска гитлеровской Германии начали вторжение в пределы Союза Советских Социалистических Республик. На пути ударной немецкой группировки армии «Центр» находились Белосток, Брест и Гродно. Наибольшее сопротивление немецким войскам оказал военный гарнизон Брестской крепости. Гарнизон держался в полном окружении на протяжении нескольких месяцев. О героической обороне Брестской крепости написал С.С. Смирнов [4]. Его книга сыграла важную роль в осмыслении подвига защитников крепости. В послевоенное советское время крепости было присвоено почетное звание «крепость-герой».

В создании инженерных укреплений крепости важную роль сыграл Д.М. Карбышев [1]. Он в октябре 1912 г. находился в Брест-Литовске и руководил созданием фортов Брестской крепости. В 1940 г. он получил звание генерал-лейтенанта инженерных войск. В июне 1941 г. Д.М. Карбышев контролировал ход создания укрепрайона в окрестностях Гродно. Вместе с частями Красной армии он оказался в окружении, в составе одного из подразделений продвигался с боями в восточном направлении. У р. Днепр в Могилёвской области был контужен и попал в плен. Карбышев провел в немецких концентрационных лагерях четыре года и был замучен 18 февраля 1945 г. в концентрационном лагере в Маутхаузене. За мужество Д.М. Карбышеву было присвоено звание Героя Советского Союза.

Ведение боевых действий Красной армией против немецких захватчиков осложняло незавершенное к 1941 г. сооружение инженерных укреплений вдоль новой линии государственной границы, которая была утверждена пактом Молотова-Риббентропа в 1939 г. До 17 сентября 1939 г. государственная граница с Польшей проходила недалеко от Минска [6]. Она была создана решением Рижского мирного договора в 1921 г. Вдоль этой границы была создана система инженерных укреплений. Она получила название «Линия Сталина». На этой линии инженерных укреплений государственной границы Советского Союза были размещены пограничные отряды [2].

Так, в 1922 г. 164-й стрелковый полк стал именоваться вторым пограничным полком. Полк дислоцировался в Слуцке, Копыле, Лешно и Вызне. Из структуры полка был выделен 8-й пограничный батальон. В 1923 г. он был переименован в 14-й пограничный батальон. Штаб батальона был переведен в Тимковичи.

В 1924 г. батальон был доукомплектован в 14-й пограничный отряд. С 1925 г. он стал называться 17-м Тимковичским пограничным отрядом. Он охранял до 1939 г. государственную границу протяженностью 154 км от пограничного столба № 832 до пограничного столба № 1063. В структуре отряда было 19 застав и 4 комендатуры. В 1936 г. ЦИК СССР в ознаменование 15-летней годовщины пограничной охраны НКВД СССР наградил Тимковичский пограничный отряд орденом Красного Знамени.

В Тимковичском пограничном отряде с 1932 г. нес службу А.М. Кижеватов, служил на Куковицкой заставе, в 1940 г. был назначен начальником 9-й заставы 17-го Краснознаменного Тимковичского пограничного отряда.

В сентябре 1939 г. государственная граница СССР сместилась на запад [3]. 17-й Краснознаменный Тимковичский пограничный отряд стал основой для формирования 5 октября 1939 г. 89-го Брестского пограничного отряда Управления пограничных войск НКВД Белорусского округа. Он принял под охрану участок государственной границы по р. Западный Буг длиною в 182 км.

В составе пограничного отряда на новое место дислокации прибыла застава А.М. Кижеватова. В июле 1940 г. он был назначен начальником 9-й погранзаставы 17-го Брестского пограничного отряда. Застава располагалась на территории Брестской крепости. 22 июня 1941 г. А.М. Кижеватов организовал оборону одного из участков Брестской крепости. 22 июня пограничники отбили шесть атак немцев. 23 июня пограничники переместились в подвальное помещение. В их задачу входила оборона западного сектора центрального острова крепости. А.М. Кижеватов погиб в начале июля. На стене каземата, где сражались пограничники 9-й заставы, осталась надпись: «Я умираю, но не сдаюсь! Прощай, Родина! 20.07.41 г.». Осенью 1942 г. в окрестностях Великориты фашисты расстреляли семью А.М. Кижеватова – его мать, жену и троих детей.

Постановлением Совета Министров СССР от 30 мая 1958 г. имя А.М. Кижеватова присвоено пограничной заставе «Брест» Краснознаменного пограничного отряда им. Ф.Э. Дзержинского. Указом Президиума Верховного Совета СССР от 6 мая 1965 г. за выполнение боевых заданий командования в годы Великой Отечественной войны и проявленные при этом отвагу и героизм лейтенанту А.М. Кижеватову присвоено звание Героя Советского Союза.

Тяжелые оборонительные бои летом 1941 г. Красная армия вела в районе Могилёва. В окрестностях города на поле в районе д. Буйничи произошло важное событие, которое показало, что Красная армия способна остановить крупные танковые подразделения немецкой армии. Эти события вдохновили К. Симонова, использовавшего героический сюжет этих событий в романе «Живые и мертвые». Писателю удалось показать сложные

характеры и рождение оптимизма советских бойцов. Красная армия продолжала отступать, но это уже было другое отступление. Оно не было неуправляемым. Командование Красной армии готовило оборонительные рубежи, но не имело достаточных резервов для закрепления на них. Тем не менее план молниеносной войны Гитлера был сорван.

В районе Москвы были размещены новые дивизии Красной армии, которые прибыли из восточных регионов СССР. Это был последний оборонительный рубеж, который СССР смог отстоять. Советские войска перешли в контрнаступление. В боях под Москвой отличился кавалерийский корпус уроженца Витебской губернии генерал-майора Л.М. Доватора [5].

Освобождение территории Беларуси произошло в ходе операции «Багратион». Она позволила разгромить ударную силу немецкой армии и провести по центру Москвы свыше 200 тыс. пленных немецких солдат и офицеров. Они были взяты в плен в Минском котле в июле 1944 г. На месте этого котла возвышается Курган Славы, который символизирует уважение и благодарность советским солдатам.

Источники и литература

1. *Карбышев Д.М.* Тезисы лекции комдива Карбышева. Использование инженерных средств в современном бою. М., 1939.

2. *Кузьмич В.Н.* Белорусский участок советско-польской границы: становление и функционирование в 1921–1939 гг.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Минск, 2011.

3. *Лукашевич А.М.* Пограничные войска НКВД Белорусского округа: формирование, комплектование, выход на новые участки границы (сентябрь – ноябрь 1939 г.) // Граница и пограничье. 2022. № 1. С. 19–31.

4. *Смирнов С.С.* Брестская крепость. М., 2000.

5. *Федоров П.И.* Генерал Доватор: роман / предисл. А.П. Белобородова М., 1988.

7. *Шанец Л.И.* Организация пограничного контроля на территории Беларуси в 1920–1930-е гг. // Граница и пограничье. 2022. № 1. С. 7–18.

М.Р. Лысенко

ОБОРОНА ДОНБАССА В 1941 г.: ПРИЧИНЫ ОТСТУПЛЕНИЯ И БОИ В ГЛУБИНЕ ПРОМЗОНЫ[1]

Содержание некоторых боевых операций Великой Отечественной войны, особенно в первой ее половине и в 1941 г., по ряду причин

[1] Исследование выполнено в рамках реализации ГЗ ЮНЦ РАН, № гр. проекта 125011200146-5.

не отражает в полной мере значимость происходивших боев для стратегической обстановки того периода. Одной из таких операций следует считать Донбасско-Ростовскую оборонительную операцию 1941 г., в которой основное внимание исследователей традиционно сосредоточено на боях в Приазовье и на ростовском направлении. В то же время сражение за «всесоюзную кочегарку» – Донбасс – зачастую освещается недостаточно. С одной стороны, это объясняется стремлением сосредоточить внимание на основной канве событий операции. Однако абстрагирование от сопутствующих боев на близлежащих территориях грозит рассмотрением исследуемого процесса «в вакууме», без учета общей обстановки на направлении. Поскольку значение Донбасса в рамках Великой Отечественной войны трудно переоценить во всех аспектах, даже с учетом эвакуированной промышленности, бои на этих территориях требуют подробного освещения с целью выявления их роли в рамках всего южного стратегического направления. Исследование проведено на основе документов Центрального архива Министерства обороны Российской Федерации (далее – ЦАМО РФ) и Национального управления архивов и документации США (National Archives and Records Administration, далее – NARA).

Историография вопроса представляется довольно скудной по вышеуказанным причинам. На данный момент не существует специально посвященного ему исследования, хотя некоторые труды частично освещали события Донбасско-Ростовской оборонительной операции 1941 г. на территории Донбасса [3: 33; 4: 685; 7: 313–314]. В других работах, где так или иначе рассматривалась указанная операция, исследуемые бои лишь изредка упоминаются [1: 208; 2: 236–237; 5: 220–221]. В зарубежной историографии также можно отметить практически полное отсутствие внимания к теме и редкое упоминание этих сражений, за исключением мемуаров командира итальянского экспедиционного корпуса маршала Италии Дж. Мессе [6: 134–136; 13: 255–256; 14: 152–153; 15: 144].

В осенней кампании 1941 г. Донбасс оказался между двух огней, и его положение в планах противоборствующих сторон нельзя назвать однозначным. В октябре юго-западное стратегическое направление потрясло сразу несколько крупных поражений, которые определили дальнейшее отступление войск РККА. На участке Южного фронта в результате прорыва немецких танков под Павлоградом 1 октября 1941 г. были окружены 9-я и 18-я армии, а 12-я армия понесла большие потери и была отведена на восток. В то же время в районе Краснограда не выдержала удара 6-я армия Юго-Западного фронта и начала отступать к Северскому Донцу. Эти крупные поражения побудили Ставку Верховного Главнокомандования издать директиву № 003010, согласно которой войскам

Юго-Западного и Южного фронтов предписывалось отступить к 30 октября 1941 г. к рекам Оскол, Бахмутка и Миус [10: 1–2]. Нетрудно заметить, что расстояние отступления было колоссальным: оставлялись пространства в 100–150 км, а также крупные промышленные города: Славянск, Краматорск, Сталино (в настоящее время – Донецк) и др. Поскольку отступление проводилось поэтапно, за некоторые города велись непродолжительные арьергардные бои; в целом же непосредственного соприкосновения между РККА и противником, как правило, не происходило. Наибольший рубеж обороны Донбасса отводился 12-й армии, состояние которой в результате отступления оставляло желать лучшего. За время длительного марша от одного промежуточного рубежа к другому войска армии истощились и, что хуже всего, отмечались случаи массового дезертирства. В октябре из состава 12-й армии пропало без вести 6082 человека (в это число входят также потери при обороне Павлограда), в ноябре – 1824 человека [10: 36, 106]. Так как дивизии формировались из призывного контингента в Донбассе и на близлежащих территориях, солдаты и офицеры, не желая бросать родной край, оставляли свои подразделения и возвращались домой.

К 28 октября 1941 г. 12-я армия получила приказ закрепиться на восточном берегу р. Бахмутки, в районах Артёмовска и Горловки, преградив путь к промышленным городам Лисичанску, Имени Л.М. Кагановича (в настоящее время – Попасная), Серго (Стаханову), Ворошиловграду (Луганску) и Дебальцево [9: 136]. Непосредственно на линии фронта занимали позиции 230, 15 и 74-я стрелковые дивизии с приданным последней 130-м мотострелковым батальоном, которые занимали соответственно условные сектора обороны: Лисичанский, Артёмовский и Горловский. На переформировании в Ворошиловграде располагалась 261-я стрелковая дивизия, а по железным дорогам периодически курсировали бронепоезда № 11 и № 3. Другими силами армия не располагала, так как они были выведены в резерв фронта и отправлены на другие участки. Средняя численность дивизии на артёмовском и горловском направлениях колебалась в пределах 6–7 тыс. человек. На Бахмутке, у Ямы (Северска) и Драновки 230-я дивизия насчитывала всего 3733 человека. Помимо нехватки личного состава, войска испытывали недостаток огневых средств. В составе 12-й армии было всего 16 тяжелых орудий и 51 легкое орудие на 80 км фронта [8: 24].

Красная армия находилась в катастрофическом положении, но при этом и объединенные войска стран «оси» – Германии, Венгрии и Италии – также испытывали немалые трудности. Согласно приказу штаба 17-й армии № 42, войска 4-го армейского корпуса (именуемого группой Шведлера) совместно с подвижным венгерским корпусом должны были

занять промышленный район Донбасса, дойдя до Северского Донца [17: 8306831]. Задача осложнялась малочисленностью их соединений и растянутостью коммуникаций, что вызвало острые проблемы со снабжением. Железные дороги еще не были восстановлены, а собственные запасы были на исходе. Заниматься разграблением близлежащих территорий было проблематично, так как земли Донбасса, в отличие от плодородных полей Украины, не изобиловали продуктами. В связи с этим интенданты 17-й армии неоднократно жаловались на однообразную еду, нехватку мяса, жиров и других продуктов [19: 354]. Еще в октябре командующий 17-й армией Г. Гот в определенной степени предрекал неудачи своей армии: «17-я армия развернута веером в трех направлениях: на промзону, на Изюм и на Харьков почти в 200 км. Такое положение дел не позволяет добиться успеха нигде. Нам понадобится много времени, чтобы собрать силы и начать новое наступление. Учитывая сезон и плохое снабжение, которое ухудшилось со входом в промышленные районы, мы вряд ли добьемся решающих результатов, достигнув лишь ограниченного преимущества на местности» [18: 8302501]. В подобных условиях войска группы Шведлера и итальянского экспедиционного корпуса вышли на позиции 12-й армии только к концу октября 1941 г.

В качестве выгодного плацдарма и удобного узла дорог немцы планировали силами пехотных дивизий захватить Артёмовск и развивать наступление венгерским подвижным корпусом, для чего он был снят с изюмского направления [17: 8306542]. Из-за плохих дорог венгры не смогли прийти на помощь, и 97-я легкопехотная дивизия 31 октября 1941 г. перешла в наступление в одиночку, вступив в бой с 15-й стрелковой дивизией за Артёмовск. В результате несогласованности приказов войска 15-й стрелковой дивизии отошли из западной части Артёмовска. 2 ноября, подтянув основные силы, немцы возобновили наступление, переправились через Бахмутку и начали преследовать беспорядочно отступающие полки 15-й стрелковой дивизии. Ситуацию удалось стабилизировать только 6 ноября 1941 г. с прибытием гвардейского минометного полка и бронепоездов [12: 44]. В результате захвата Артёмовска противник получил плацдарм шириной 6–7 км, где начал активно накапливать силы для возобновления наступления. Для немцев не осталось незамеченным общее плачевное состояние войск Красной армии в Донбассе. В частности, противник отметил фактическое отсутствие артиллерии и попытку заменить ее минометами и обилием автоматического оружия [20: 766].

Одновременно с началом наступления на Артёмовск итальянцы силами 9-й дивизии «Пасубио» нанесли удар по Горловке, где вступили в бой с мобильными подразделениями 130-й мотострелковой дивизии. Основная линия обороны располагалась восточнее, в районе поселков

Никитовка и Калинино, которые прикрывала 74-я стрелковая дивизия. Задержав итальянцев на три дня, мотострелки отступили на основную линию обороны. После переброски 3-й подвижной дивизии «Челере» противник возобновил наступление, вклинившись в оборону советских войск в районе железнодорожного узла Никитовка и террикона горловских шахт. За эти пункты шли ожесточенные бои вплоть до 14 ноября 1941 г., когда итальянцы были выбиты совместной атакой 74-й стрелковой дивизии и 130-й мотострелковой дивизии. Командующий итальянским экспедиционным корпусом Дж. Мессе в своих мемуарах достаточно подробно описал детали боев в районе Горловки [6: 135]. Неудачи итальянцев объясняются как их общей слабой подготовкой и малой огневой мощью, так и выбором направления удара, поскольку 74-я стрелковая дивизия была не только самым многочисленным соединением в 12-й армии, но и единственным, у которого были крупнокалиберные орудия (семь гаубиц 152 мм) [8: 24]. Под Горловкой противник потерпел крупное поражение, понеся большие потери – около 1700 человек. Итальянцы на долгое время отказались возобновлять атаки и поддерживать своих союзников [12: 45].

Пока велись бои за плацдармы и локальные атаки, противник сделал вывод, что уничтожение русских войск, не обладающих артиллерией, не составит труда. Однако неудачи итальянцев, задержка венгерского корпуса и нерешенные проблемы с логистикой оттягивали масштабное наступление в глубину промышленной зоны Донбасса. Для нового наступления командование группы Шведлера потребовало 250 т боеприпасов и отдых до 1 декабря 1941 г. [16: 8302588]. Запрос на боеприпасы был удовлетворен, на отдых – нет, и новое наступление было назначено на 15 ноября 1941 г. с плацдарма у Артёмовска. Новый удар силами всех трех дивизий группы Шведлера пришелся по стыку малочисленной 230-й и измотанной предыдущими боями 15-й стрелковых дивизий. В результате противник прорвался на 25 км, занял г. Имени Л.М. Кагановича и оказался на подступах к Лисичанску и родному городу А.Г. Стаханова – Ирмино. Для сдерживания противника с переформирования были брошены на фронт 261-я стрелковая дивизия и 131-й мотострелковый батальон [11: 251]. В результате прорыва немцы развернули свои боевые порядки веером и получили как минимум два изолированных друг от друга направления. На ввод свежих сил противник также не рассчитывал. Еще одной проблемой для немецких войск стал образовавшийся выступ в районе Горловки, который итальянцам не удалось взять в начале ноября, а атаковать его с тыла было уже поздно, так как отступившая 15-я стрелковая дивизия заняла выгодные позиции на хребтах цепи холмов.

Группа Шведлера в результате наступления должна была освободить фланг 1-й танковой армии и в перспективе облегчить ее продвижение

на ростовском направлении. Однако она оказалось скована, и для возобновления ее продвижения корпусу направили оставшиеся резервы 17-й армии: 111-ю и 125-ю пехотные дивизии [16: 8302620]. Предполагая уязвимость группы Шведлера и необходимость поддержать общее наступление Южного фронта в тыл прорывавшейся 1-й танковой армии, в состав 12-й армии придали кавалерийский корпус Бычковского (26, 28 и 49-я кавалерийские дивизии), 218-я стрелковая дивизия, пять бронепоездов и минометная группа БМ-13 [12: 48]. 21 ноября 1941 г. совместным ударом кавалерийской группы с лисичанского плацдарма и остальных частей 12-й армии с основного фронта противник был отброшен на несколько километров. Это заставило немцев отказаться от наступления на Ворошиловград вдоль Северского Донца и окончательно перейти к обороне.

Таким образом, в результате крупных потерь и отступлений на всем юго-западном стратегическом направлении осенью 1941 г. Красная армия была вынуждена оставить западную часть Донбасса. Несмотря на малочисленность и недостаток тяжелого вооружения, советские войска сдержали наступление итальянцев со стороны Горловки, что в дальнейшем поставило немцев в невыгодное оперативное положение. Из-за этого они не смогли продвинуться вглубь промышленной зоны Ворошиловградской области и сильно растянули свои боевые порядки. Вытянув на себя противника, Красная армия начала наносить ему чувствительные удары, которые в конечном счете сковали немцев и вынудили их перебрасывать дополнительные силы. Оборона Донбасса продемонстрировала умение бороться с противником при меньших возможностях в живой силе и огневой мощи, прибегая к нестандартным средствам: бронепоездам, кавалерии и компенсации нехватки артиллерии минометами. Стоит также отметить непосредственное взаимовлияние боев на донбасском и ростовском направлениях. Сдерживая войска противника, 12-я армия не позволила группе Шведлера прорваться к Северскому Донцу и прикрыть фланг сильно растянутой 1-й танковой армии, что в дальнейшем негативно сказалось на ее устойчивости к атакам 37-й армии. Во время Ростовской наступательной операции действия 12-й армии под Лисичанском способствовали успешному освобождению Ростова-на-Дону, так как отвлекли на себя пехотные дивизии, которые изначально предназначались для предотвращения отступления 1-й танковой армии.

Источники и литература

1. Великая Отечественная война 1941–1945 годов: в 12 т. Т. 3. Битвы и сражения, изменившие ход войны. М., 2012.

2. Великая Отечественная война. 1941–1945. Военно-исторические очерки: в 4 кн. Кн. 1. Суровые испытания. М., 1998.

3. *Жирохов М.А.* Битва за Донбасс. Миус-фронт, 1941–1943. М., 2011.
4. *Исаев А.В.* От Дубно до Ростова. М., 2004.
5. История Великой Отечественной войны Советского Союза 1941–1945: в 6 т. Т. 2. Отражение советским народом вероломного нападения фашистской Германии на СССР. Создание условий для коренного перелома в войне (июнь 1941 г. – ноябрь 1942 г.). М., 1961.
6. *Мессе Дж.* Война на Русском фронте. Итальянский экспедиционный корпус в России (К.С.И.Р.) / пер. П.П. Васюков, А.А. Тихомиров. М., 2009.
7. Операции советских вооруженных сил в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.: в 4 т. Т. 1. Операции Советских Вооруженных сил в период отражения нападения фашистской Германии на СССР (22 июня 1941 г. – 18 ноября 1942 г.). М., 1958.
8. ЦАМО РФ. Ф. 228. Оп. 701. Д. 51.
9. ЦАМО РФ. Ф. 228. Оп. 701. Д. 234.
10. ЦАМО РФ. Ф. 229. Оп. 646. Д. 485.
11. ЦАМО РФ. Ф. 467. Оп. 6005. Д. 1.
12. ЦАМО РФ. Ф. 467. Оп. 6005. Д. 56.
13. *Erickson J.* The road to Stalingrad. London, 2003.
14. *Glantz. D.* Before Stalingrad: Barbarossa – Hitler's invasion of Russia 1941. Stroud, 2003.
15. *Reinhardt K.* Die wende vor Moskau. Das scheitern der strategie Hitlers in winter 1941/1942. Stuttgart, 1972.
16. NARA. T. 312. R. 668.
17. NARA. T. 312. R. 672.
18. NARA. T. 312. R. 675.
19. NARA. T. 314. R. 228.
20. NARA. T. 314. R. 229.

А.А. Милютин

БОИ В РАЙОНЕ СПАС-ДЕМЕНСКА 4–6 ОКТЯБРЯ 1941 г.

Предлагаемая читателю статья ставит своей целью детальное описание и визуализацию событий, которые развернулись в окрестностях г. Спас-Деменска Западной (с 1944 г. – Калужской) области 4–6 октября 1941 г., в ходе Вяземской военной операции. Автор исследовал обширный корпус материалов: немецкие архивные документы изучались вплоть до материалов отдельных подразделений дивизий (при наличии), включая рукописные донесения с поля боя. Из советских анализировались документы Западного и Резервного фронтов, 43-й и 33-й армий, сохранившиеся документы дивизий, в том числе карты с оперативной обстановкой

(ввиду ограниченного объема статьи ссылки в тексте даются только на отдельные важные для понимания документы).

Первая часть задачи немецких войск в операции «Тайфун» (начало октября 1941 г.) заключалась в том, чтобы обеспечить окружение и уничтожение войск Резервного и Западного фронтов с замыканием кольца у Вязьмы. 4-я танковая группа Гёпнера прорывалась до Вязьмы из района Рославля. Одна часть группы двигалась по маршруту Рославль – Юхнов – Вязьма, а другая – сначала к Спас-Деменску с дальнейшим движением вдоль железной дороги Киров – Вязьма. Именно эта часть группы должна была перерезать пути снабжения и отхода 24-й и 43-й армий Резервного фронта, обеспечив их оперативное окружение. Первой целью наступления были Варшавское шоссе и железная дорога у Спас-Деменска, а второй – переправы через р. Угру у населенных пунктов Всходы и Жули. По плану наступления вторую цель необходимо было достигнуть уже к исходу 4 октября.

Расположение сил 4-й армии и 4-й танковой группы на утро 2 октября 1941 г. [5: 7689235, 7689236] показано на рис. 1. Дивизии со штриховкой – резерв армии. 267-я пехотная дивизия (далее – пд) 7-го армейского корпуса (далее – ак) была задействована уже 2 октября 1941 г. Танковые дивизии 40-го и 46-го корпусов находились во втором эшелоне и были введены в бой только после прорыва первой линии обороны по р. Десне.

43-я армия занимала рубеж обороны, который был эшелонирован в глубину [3; 5: 7689235, 7689236].

Рубежи обороны Резервного фронта на Варшавском шоссе (Спас-Деменский укрепрайон). Резервный фронт занимал несколько рубежей обороны, всего по глубине около 45 км. На первом рубеже находились 24-я армия на стыке справа с 20-й армией Западного фронта и 43-я армия на стыке слева с 50-й армией Брянского фронта. Во втором эшелоне находилась 33-я армия Резервного фронта, рубеж которой не был сплошным [3; 4: 6–8].

Первая линия обороны 43-й армии проходила по течению р. Десны, пересекая Варшавское шоссе в 35 км северо-восточнее Рославля. Ее занимала 53-я сд, седлая Варшавское шоссе. Ширина фронта обороны дивизии около 22 км. Правый сосед – 211-я сд, левый сосед – 217-я сд 50-й армии.

Вторая линия обороны 43-й армии южнее шоссе имела глубину около 18 км и состояла из противотанкового рубежа, который занимала малочисленная 149-я сд юго-западнее р. Шуицы. На ее северо-восточном берегу был оборудован рубеж обороны, который до 27 сентября, седлая шоссе, занимал 1316-й стрелковый полк (далее сп) 17-й сд с правым флангом у пос. Шуя и левым флангом у д. Париж (в 5,5 км юго-восточнее Шуи).

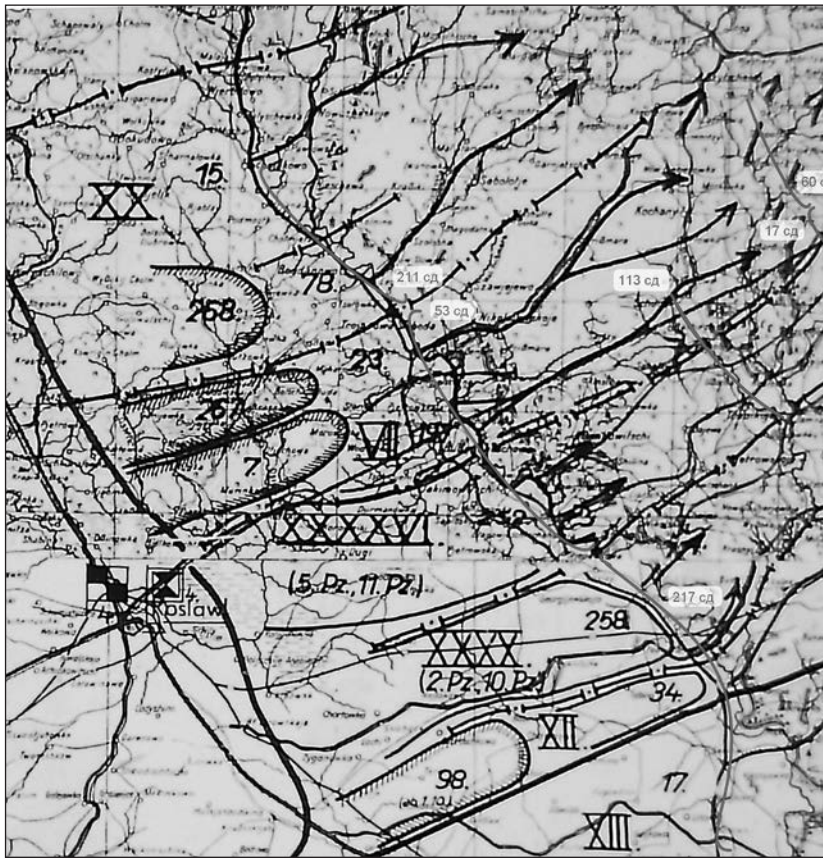

Рис. 1. Фрагмент карты позиций 4-й армии на утро 2 октября 1941 г. (красным цветом в электронном варианте карты обозначены некоторые позиции войск 43-й и 33-й армий) [13][1]

27 сентября 1941 г. Резервный фронт передал 113-ю сд из 33-й в 43-ю армию. К 30 сентября произошла рокировка: 1316-й полк 17-й сд занял рубеж обороны всей 113-й сд по р. Десенке до д. Латыши, имея правым соседом 1314-й сп своей же дивизии, при этом плотность обороны 1316-го сп, по сравнению со 113-й сд, уменьшилась в три раза.

113-я сд заняла линию обороны 1316-го полка по р. Шуице, но уже до Ясной Поляны. На этом рубеже были пулеметные долговременные

[1] Для удобства читателя авторские карты в статье сопровождаются ссылкой на электронный вариант карты большего размера.

огневые точки и несколько орудийных дерево-земляных огневых точек помимо обычных полевых позиций.

Второй рубеж обороны Резервного фронта занимала 33-я армия на удалении около 77 км северо-восточнее г. Рославля. Правым соседом 17-й сд была 60-я сд (бывшая 1-я дивизия народного ополчения (далее – дно)), чья линия обороны уходила на север от д. Синьгаево до д. Мышково с изгибом на запад. На левом фланге между 17-й и 173-й сд (бывшая 21-я дно) был разрыв шириной около 12 км, который прикрывался отдельными постами (на рис. 1 второй рубеж обороны 173-й сд не показан).

Правым соседом 60-й сд была 139 сд (бывшая 9-я дно), которая 27 сентября была передана из 33-й в 24-ю армию. Построенные ею полевые позиции оказались незанятыми нашими войсками и впоследствии были использованы немцами для отражения попыток прорыва.

30 сентября 18-я сд (бывшая 18-я дно) также убыла из 33-й в 32-ю армию северо-западнее Вязьмы, и к 1 октября в 33-й армии остались три дивизии: 60, 17 и 173-я.

В этих условиях целесообразнее было бы передать 60-ю и 17-ю сд в состав 43-й армии, чей штаб находился в с. Любуни, на стыке 60-й и 17-й сд, а 173-ю сд – в состав 50-й армии, поскольку она занимала рубеж обороны непосредственно за 217-й сд 50-й армии. Однако этого сделано не было. Более того, разделительная линия между Резервным и Брянским фронтами, проходившая в августе в северо-восточном направлении почти параллельно Варшавскому шоссе, была изменена и проходила на восток, что приводило к открытию фронта при отходе 217-й сд вдоль своей разделительной линии.

Было очевидно, что для наступления осенью противник выберет направления вдоль Минского и Варшавского шоссе, так как в условиях распутицы атакующие части можно было снабжать только по этим двум магистралям.

Боевые действия 43-й армии на р. Десне. Схема расположения войск перед началом наступления показана на рис. 1. Пехотные дивизии, входившие в состав 40-го и 46-го ак, прорвали первый рубеж обороны 43-й армии уже в первые часы наступления 2 октября 1941 г. В образовавшиеся прорывы были введены четыре танковые дивизии указанных корпусов. Причем 2-я и 10-я танковые дивизии 40-го корпуса сразу вышли на оперативный простор, устремившись в разрыв между 173-й и 113-й сд, а затем и между 173-й и 17-й сд. Быстрое движение этих танковых дивизий привело к тому, что у командования 173-й сд создалось впечатление, что дивизия уже отрезана от армии. И когда на позиции 173-й сд вышла 34-я пд 12-го ак (правый сосед 10-й тд), то дивизия начала отход не на северо-восток, вдоль Варшавского шоссе, а на восток, то есть вдоль фронта

наступающего противника. В результате у командования 173-й сд создалось ложное впечатление о силах противника.

Бои 17-й сд с танковыми дивизиями 4-й танковой группы. Схема боевых действий 17-й сд 3–4 октября показана на рис. 2. Схема построена согласно архивным документам: расположение дивизии до боев – по документам Резервного фронта, а маршруты движения немецких войск и отметки времени – согласно документам немецких частей.

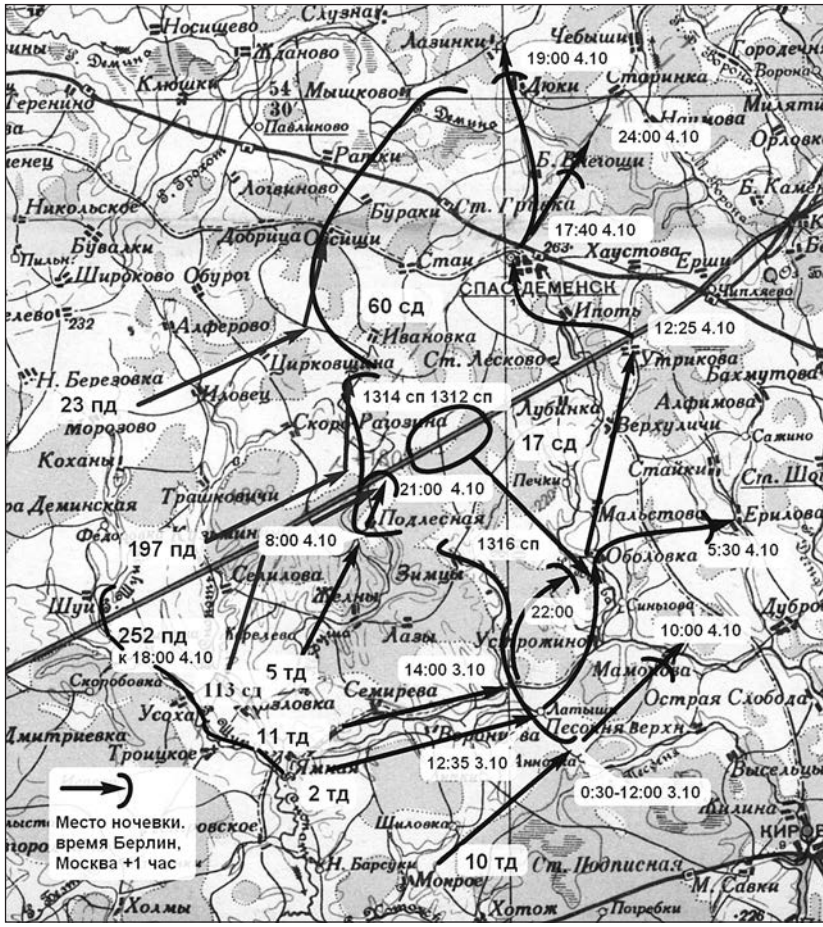

Рис. 2. Схема боев 17-й сд 3–4 октября 1941 г. с четырьмя танковыми и двумя пехотными дивизиями противника [14]

Первой на левый фланг 17-й сд вышла 10-я тд сразу после полуночи с 2 на 3 октября. Эта дивизия хотя и прорвала оборону 17-й сд, но была задержана примерно на 34 ч, так как смогла продолжить движение с рубежа р. Болвы только в 10:00 4 октября, вследствие того что одна рота 17-й сд, пропустив танковый полк, заблокировала единственную маршевую дорогу. А так как у танкового полка кончилось топливо, то он не помог пехоте разблокировать маршевую дорогу.

2-я тд вышла непосредственно на левый фланг 1316-го сп в д. Латыши в 12:35 (13:35 мск) 3 октября. Прорвав оборону уже ослабленного боем с 10-й тд полка, 2-я тд столкнулась с двумя батальонами 1312-го сп, выброшенными из резерва на левый фланг дивизии. 2-я тд также смогла продолжить движение только в 5:30 4 октября.

11-я тд с поддержкой одного полка 252-й пд к 14:00 (15:00 по московскому времени, далее – мск) вышла на позиции 1316-го сп чуть более 1 км западнее маршевой дороги 2-й тд.

Обескровленный боями левый фланг полка был свернут 11-й тд вдоль фронта до Новосельского Хутора, после чего 11-я тд повернула на северо-восток к Оболовке, завершая разгром двух батальонов 1312-го сп. На ночевку 11-я тд остановилась в Оболовке, запросив на утро поддержку авиации для атаки на Понизовье, где находилась артиллерия усиления 17-й сд.

Таким образом, 3 октября три танковые дивизии противника вели бои с частями 17-й сд, и все они остались в непосредственной близости от прорванного рубежа, так как 4 октября оставшиеся в живых воины, согласно немецким документам, нападали на тыловые части.

4 октября в 7:00–7:30 последовала атака немецкой штурмовой авиации на позиции артиллерии в Понизовье, после чего остатки батарей начали отход в направлении Крисилино на Варшавском шоссе, а 11-я тд двинулась в обход через Свиридово – Верхуличи на Утриково, где и перерезала Варшавское шоссе в 10:38 (11:38 мск). После восстановления разрушенных мостов в 15:35 была занята Ипоть и далее в 17:40 (18:40 мск) – Спас-Деменск.

По плану танковой группы 5-я и 11-я тд должны были двигаться параллельными маршрутами от Спас-Деменска на север, отрезая пути к отступлению частям Резервного и Западного фронтов. Однако к этому времени 5-я тд еще не смогла выйти даже на Варшавское шоссе, и поэтому 11-я тд разделилась на две боевые группы, которые двигались параллельными маршрутами. Левая группа в составе усиленного мотопехотного полка и танкового батальона к 19:00 (20:00 мск) 4 октября достигла с. Лазинки (в 14 км севернее Спас-Деменска), а правая (в таком же составе) – д. Прудищи.

Таким образом, уже к вечеру 4 октября 17-я и 60-я сд оказались в оперативном окружении (ситуация, когда невозможно снабжение дивизии и эвакуация раненых).

5-я тд после форсирования р. Снопоти в 8:15 (9:15 мск) 4 октября вышла на левый фланг 1314-го сп 17-й сд у д. Подлесной. По единственной дороге в полосе ее наступления дивизия вынуждена была атаковать в лоб позиции, расположенные на небольших высотах. Несмотря на поддержку авиации, продвижение шло медленно, и только к 16:00 (17:00 мск) дивизия продвинулась до Лесковки, которую не смогла взять с хода, и остановилась, рассчитывая продолжить атаку утром 5 октября. Однако к 19:00 (20:00) в этот район по шоссе вышла 252-я пд, командир которой приказал взять Лесковку немедленно и предоставил дополнительную пехотную поддержку.

Совместная атака принесла успех, и в 21:00 (22:00 мск) танковый полк вышел на автомагистраль, где и остался на ночевку.

Далее рассмотрим действия дивизий 7-го корпуса, левого соседа 46-го корпуса. 197-я пд, чья полоса наступления также находилась в полосе обороны 17-й сд, наносила основной удар севернее автомагистрали, единственной строкой упомянув о действиях 17-й сд в своем журнале: «Перед фронтом дивизии и 46-го танкового корпуса противник оказывал до вечера 4.10 упорное сопротивление» [11: 0419].

23-я пд вышла на фронт обороны 60-й сд к вечеру 4 октября и, сбив выдвинутые вперед посты, остановилась, так как командование 7-го корпуса запланировало другую тактику продолжения наступления. В район с. Любуни в ночь с 4 на 5 октября вышел передовой отряд корпуса, который должен был утром 5 октября атаковать по тыловому району 60-й сд в направлении переправ на р. Угре для прикрытия левого фланга 46-го корпуса от атак отходящих войск 24-й и 43-й армий.

Передовой отряд корпуса был сформирован еще 27 сентября «для однократной особой задачи» [6: 0691]. Его командиром был подполковник Матэй из 267-й пд. В этот отряд входили следующие подразделения дивизий 7-го ак и корпусные части: штаб полка и один взвод связи; батальон самокатчиков: четыре роты и одна тяжелая рота; дивизион противотанковой обороны (36 пушек 37 мм по штату); батарея в составе четырех самоходных пушек 10 см из корпусного 709-го артдивизиона; батарея штурмовых орудий корпусного 203-го дивизиона (семь Stug-III по штату); саперная рота; взвод легкой противовоздушной обороны (четыре пушки 20 мм) и одно орудие 88 мм; части снабжения.

Таким образом, к исходу 4 октября над левым флангом 60-й сд нависла группировка противника из двух пехотных и одной танковой дивизий, а в тыловой район уже прорвалась еще одна танковая дивизия.

В условиях оперативного окружения 17-й и 60-й сд и отсутствия приказов командования 33-й армии, командир 60-й сд, вероятно, принял решение оставить рубеж обороны без боя, присоединить остатки 17-й сд,

отойти на север и всеми располагаемыми силами ударить во фланг прорвавшейся танковой дивизии противника. Одновременно решалась задача выхода из окружения, так как боекомплект дивизии не позволял вести бои более одних суток без снабжения, которое уже было невозможно. Забегая вперед, можно констатировать, что, благодаря этим действиям, выдвижение 11-й тд через Угру к Вязьме было заблокировано до вечера 6 октября, то есть на полтора дня. Справедливости ради, укажем, что в атаках на 11-ю тд участвовали не только 60-я и 17-я сд, но и дивизии 24-й и 43-й армий. Кроме того, 5-я тд не смогла зачистить районы своего движения из-за недостатка времени, в результате чего в лесах осталось много воинов, не попавших в плен и ставших базой для партизанского движения.

Прикрывать отход остатков 17-й сд остался Люблинский батальон, входивший в состав 1314-го сп. Маршевую дорогу левой колонны 11-й тд удалось перейти в районе д. Малые Внегощи, что известно из рапорта полковника Козлова [4: 6–8].

60-я сд, согласно мемуарам полковника Б.Н. Попова, при попытке удара утром 5 октября в районе д. Лазинки (вероятно Новые и Старые Лазинки) наткнулась на голову левой колонны и в результате разделилась на две части. Правая часть (около двух стрелковых полков) под управлением командира дивизии продолжала атаку до тех пор, пока не прорвалась, а левая (около полка) сменила направление и двинулась на северо-восток направлении с. Всходы. Однако в районе д. Большой вновь натолкнулась на передовые части левой колонны 11-й тд и после боя начала отход в направлении населенных пунктов Асовня – Холмишки (северные) – Баскаково, намереваясь через Глотовку и Оселье выйти к Починку, где планировала переправиться через Угру. Разведка, посланная Поповым (начальник разведки дивизии) в ночь с 5 на 6 октября в Глотовку, натолкнулась на немцев и понесла потери. Попов вспоминал, что «от посланной в разведку роты осталось в живых 8 человек» [1]. Здесь необходимо уточнить, что дивизии народного ополчения были переформированы в конце августа 1941 г по штату сокращенной стрелковой дивизии и содержали не батальон, а роту разведки [2: 164], то есть в стрелковом полку мог быть только взвод разведки. С учетом этого замечания можно оценить потери взвода разведки в 25–30 человек. После чего полк, не заходя в Глотовку, обошел ее и Оселье лесами и просеками и достиг Починка, где и переправился через Угру. Отход к Угре был зафиксирован немецкой разведкой, и утром 6 октября 267-я пд организовала преследование, которое не было успешным.

Перейдем к тому, что касается немецких документов относительно событий, описанных в предыдущем абзаце. Бой у д. Большой подтвержден

11-й тд на 9:30 (мск) 5 октября – колонна наших войск была рассеяна [10: 0067]. Попытку разведки д. Глотовки с юго-восточного направления в ночь с 5 на 6 октября подтвердил передовой отряд корпуса донесением в 267-ю пд, но упомянув только время 22:15 (23:15 мск) 5 октября 1941 г. [7: 0660].

Основные атаки наших войск на Глотовку с запада и юго-запада начались в 2:15 (3:15 мск) 6 октября, и это была не разведка и не группа Попова, а отходящие части 24-й и 43-й армий (в основном 303-я сд, получившая приказ на переброску в другой район действий), которые выбили немцев из Глотовки и удерживали ее до 7:00 (мск) 6 октября. В результате была уничтожена батарея 100-мм орудий, нанесены значительные потери в живой силе и технике передового отряда корпуса. В этом бою был ранен командир этого отряда подполковник Матэй. Затем наши части оставили Глотовку и двинулись дальше к Всходам, однако пробиться туда не удалось, так как 11-я тд прочно удерживала линию обороны Жули – Вититново – Большая – Станы, а попавшие в окружение части в течение всего светлого времени 6 октября подвергались непрерывным бомбардировкам немецкой авиации и к вечеру прекратили сопротивление. После 7:00 6 октября никакие наши части Глотовку не занимали, никакие обозы в Глотовку не заходили и раненых там не оставляли. Раненых могли оставить только те части 24-й и 43-й армий, которые в течение нескольких часов ночи с 5 на 6 октября занимали Глотовку.

На рис. 3 приведен фрагмент карты 11-й тд, показаны атаки в течение 5 и 6 октября на линию обороны 11-й тд по линии Жули – Вититново – Большая и дана оценка сил противника [12: 1594]. На эту же карту мною нанесен примерный маршрут группы Попова в ночь с 5 на 6 октября от д. Большой до Починка на Угре. Показана и разведка на Глотовку.

На рис. 4 показан фрагмент карты позиций 7-го корпуса на 24:00 5 октября 1941 г. [8: 0322]. Показана атака на Глотовку с юго-востока, и немцами сделано предположение, что это атаковали части из района Жули – Вититново. Однако это была разведка группы Попова, показанная на рис. 3. Положение группы советских войск в районе Починка на Угре показано по факту.

Группа войск, атаковавшая на фронте Жули – Вититново, к исходу 5 октября 1941 г. уже оказалась в окружении. К ним присоединились части, занимавшие ночью Глотовку. К исходу 6 октября сопротивление окруженной группировки было сломлено и началась сдача в плен. Интересно, что на картах 7-го ак временная потеря Глотовки не нашла отражения, так как карты фиксировали положение своих войск на 24:00 5 и 6 октября, а потеря Глотовки была кратковременной и попала в промежуток между этими отметками времени.

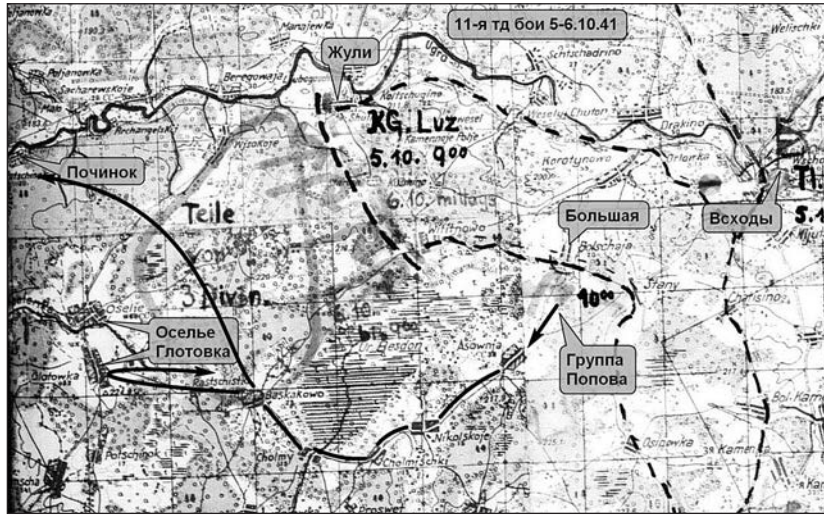

Рис. 3. Фрагмент карты позиций 11-й тд за 5–6 октября 1941 г. с нанесенным маршрутом группы Попова[1] [15]

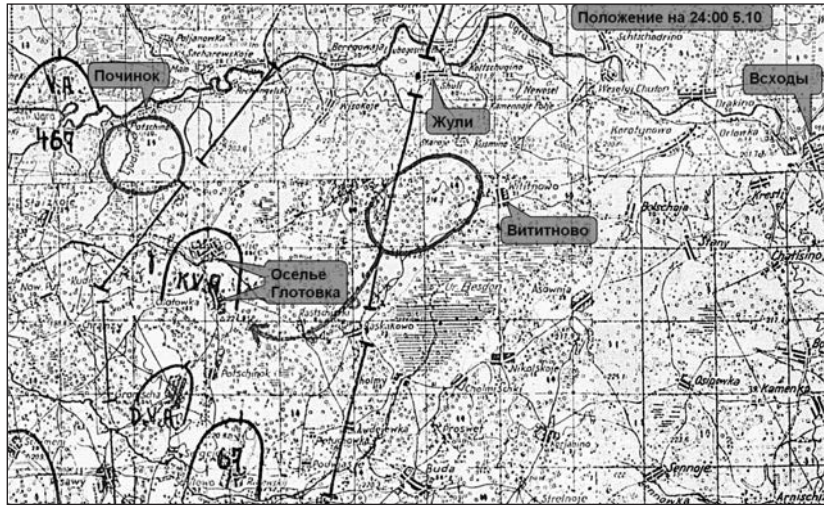

Рис. 4. Фрагмент карты позиций 7-го армейского корпуса на 24:00 5 октября 1941 г. [16]

[1] Здесь и на рис. 5 названия отдельных населенных пунктов автор дублировал на русском языке.

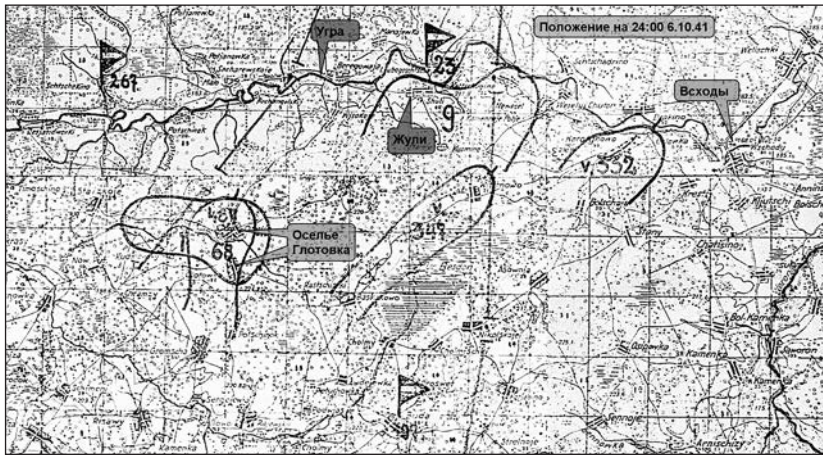

Рис. 5. Фрагмент карты позиций 7-го ак по состоянию на 24:00 6 октября 1941 г. [17]

На рис. 5 приведен фрагмент карты позиций 7-го ак, где показано расположение дивизий корпуса на 24:00 6 октября [8: 0321]. Видно, что штабы 267-й и 23-й пд находятся уже на р. Угре (передовые полки 5–10 км севернее Угры не показаны на этом фрагменте), а наши войска уже не показаны южнее Угры.

К вопросу о достоверности мемуаров, записанных комиссией И.И. Минца, которые находятся на хранении в научном архиве Института российской истории Российской академии наук. Согласно немецким документам, с момента занятия Всходов правой боевой группой 11-й тд в 11:40 (12:40 мск) 5 октября 1941 г. никакие наши части через Всходы не проходили и к Всходам не прорывались. Более того, во Всходах находился батальон танкового полка 11-й тд, а с вечера он был усилен мотоциклетным батальоном 11-й тд. Также во Всходах располагался штаб 11-й тд с вечера 5 до утра 7 октября (см. рис. 3), а 6 октября во Всходы приезжал командующий 4-й армией Г. фон Клюге [9: 0605], что было бы невозможно, если бы вокруг Всходов шли бои.

Прорыв из окружения 60-й и остатков 17-й сд. Рассмотрим далее действия основных сил 60-й сд и остатков 17-й сд, как это представляется, исходя из немецких документов. Так как обе дивизии днем 5 октября находились между двумя маршевыми дорогами 11-й тд, то атаки шли по правой боевой группе и подтягивавшейся за ней во второй половине дня 5-й танковой дивизии. Атаки начались с 13:30 (14:30 мск) в районе д. Чебыши и безуспешно продолжались до 17:00 (18:00) 5 октября. Затем после

затишья, уже в темное время суток, атаки возобновились в двух пунктах: Чебыши и Шибихино (4 км севернее Чебыши). Обе атаки привели к прорыву в 21:30 (22:30) и 22:30 (23:30) соответственно. Однако в атаке на Чебыши остатки 17-й сд уже не участвовали, так как полковник С.П. Козлов принял решение сменить направление атаки и увел остатки дивизии южнее, где они сначала пересекли маршевую дорогу 11-й тд между Парфеново и Прудищи, а затем атаковали в направлении Ртинки. Основная сложность этого ночного прорыва была в том, что южнее и севернее Ртинки выстроенные позиции 173-й сд (бывшей 21-й дно) по восточному берегу р. Малая Ворона занял 452-й пп 252-й пд. Но через Ртинку был выход на брод через эту реку. Бой был кровопролитный, но прорыв удался. После чего, согласно докладу Козлова, пришлось бросить всю технику из-за отсутствия горючего, раздать продовольствие и выходить небольшими группами, так как большие группы войск интенсивно бомбила авиация противника.

Таким образом, комплексный анализ картографических источников военного времени и документов российских и зарубежных архивов позволил детализировать картину боев в районе г. Спас-Деменска в начале октября 1941 г. и полнее представить себе картину военных событий, разворачивавшихся к юго-западу от Москвы в этот тяжелый период.

Источники и литература

1. Научный архив Института российской истории Российской академии наук. Ф. 2. Раздел 1. Оп. 69. Д. 32.

2. Центральный архив Министерства обороны (далее – ЦАМО). Ф. 219. Оп. 679. Д. 26.

3. ЦАМО. Ф. 219. Оп. 679. Д. 28.

4. ЦАМО. Ф. 388. Оп. 8712. Д. 4.

5. National Archives and Records Administration (далее – NARA). T. 312. R. 150.

6. NARA. T. 314. R. 347.

7. NARA. T. 314. R. 350.

8. NARA. T. 314. R. 351.

9. NARA. T. 315. R. 263.

10. NARA. T. 315. R. 587-0074.

11. NARA. T. 315. R. 1561.

12. NARA. T. 315. R. 2321.

13. Личная страница А.А. Милютина. URL: https://ic.pics.livejournal.com/aldr_m/66110376/152732/152732_original.jpg (дата обращения: 13.05.2025).

14. Личная страница А.А. Милютина.URL: https://ic.pics.livejournal.com/aldr_m/66110376/152844/152844_original.jpg (дата обращения: 13.05.2025).

15. Личная страница А.А. Милютина. URL: https://ic.pics.livejournal.com/aldr_m/66110376/153270/153270_original.jpg (дата обращения: 13.05.2025).
16. Личная страница А.А. Милютина. URL: https://ic.pics.livejournal.com/aldr_m/66110376/153431/153431_original.jpg (дата обращения: 13.05.2025).
17. Личная страница А.А. Милютина. URL: https://ic.pics.livejournal.com/aldr_m/66110376/153759/153759_original.jpg (дата обращения: 13.05.2025).

И.А. Заболотский

НА ЗАЩИТЕ ДОНСКОГО НЕБА. ОСЕНЬ 1941 г.

Осенью 1941 г. под Ростовом-на-Дону вермахт потерпел первое серьезное поражение в Великой Отечественной войне. К этому привела цепочка взаимосвязанных событий, в первую очередь, стойкая оборона по рекам Миус, Самбек, Тузлов и контратаки советских частей и соединений, подчас разрозненные, в октябре – ноябре 1941 г. Общий ход сражения за Ростов-на-Дону, события, происходившие тогда на Дону, исследованы уже достаточно полно. Например, работы донских историков Г.Г. Матишова, Е.Ф. Кринко, В.И. Афанасенко, М.В. Медведева охватывают общий ход боевых действий на ростовском направлении, мобилизационные мероприятия в Ростовской области 1941 г., действия стрелковых, артиллерийских, танковых частей и соединений. Но действия авиации на этом участке фронта до сих пор оставались на втором плане при исследовании сражения за Ростов-на-Дону 1941 г.

Автор статьи совместно с А.Н. Заблотским на основе боевых документов советской стороны в звене авиаполк – Военно-воздушные силы (далее – ВВС) армии (фронта), наградных листов летчиков 56-й отдельной и 9-й армий, воспоминаний участников войны, опубликованных в России документов вермахта и люфтваффе воссоздали хронику боевых действий в воздухе на ростовском направлении, вспомнили наиболее яркие эпизоды воздушных боев на Дону и героев-летчиков, отстоявших донское небо в 1941 г. Собранный материал вошел в книгу «Ростовское небо. Осень 1941-го...» [1]. Данная статья резюмирует изложенный в книге материал.

Боевые действия ВВС обеих сторон на самом южном участке советско-германского фронта осенью 1941 г. имели ряд характерных особенностей. Прежде всего, нужно указать на необычно низкую плотность авиации для столь важного для обеих сторон направления. В первые две-три недели боев (вторая-третья декады октября) авиация Красной армии была представлена на ростовском направлении ВВС 9-й армии (20-я смешанная авиационная дивизия (далее – САД)) и 56-й отдельной армии (73-я САД и Тихорецкая бомбардировочная авиационная дивизия (далее – БАД)).

Для решения оперативных и даже тактических задач на этом участке Южного фронта иногда привлекались и самолеты 50-й дальней бомбардировочной авиационной дивизии. Смешанные авиационные дивизии осени 1941 г. по численности были очень далеки от довоенных штатов. На 13 октября 1941 г. ВВС Северо-Кавказского военного округа смогли собрать для поддержки Таганрогской оперативной группы войск 29 СБ, 18 ЛаГГ-3 (из них пять неисправных), 12 И-16 (из них четыре неисправных), 13 И-15, шесть Р-5 и один неисправный И-153 [3: 2] – всего 79 машин на направлении удара 1-й танковой армии вермахта – а это 20-я САД, Тихорецкая БАД и части усиления. Отступающие с боями от Молдавии части ВВС 9-й армии (20-я САД) понесли серьезные потери. В боях за Таганрог каждый из ее четырех истребительных авиаполков не мог поднять в воздух больше одного-трех звеньев [4]. Но и основные силы люфтваффе осенью 1941 г. были стянуты на московском направлении и под Севастополем. В октябре с 1-й танковой армией, нацеленной на Ростов-на-Дону, взаимодействовали только 2-я группа 77-й истребительной эскадры (II/JG77) и 1-я (истребительная) группа 2-й учебной эскадры (I(J)/LG2). Их общая численность на 11 октября составляла менее 50 боеготовых истребителей мессершмитт-109 [9]. Количество боеготовых истребителей у противоборствующих сторон было примерно равным. Немецкие двухмоторные бомбардировщики Не-111 и Ju-88 появлялись на этом участке фронта эпизодически – в одиночных рейдах или небольшими группами. И, что особенно выделяет ростовское направление, в небе отсутствовали немецкие пикирующие бомбардировщики Ju-87.

Вооружение советских авиационных частей было представлено преимущественно старыми образцами авиатехники. Хотя уже в заметных количествах на фронте действовали ЛаГГ-3 (в Таганроге до середины октября работал один из производителей этих самолетов – авиазавод № 31) и МиГ-3. К сожалению, на этом участке фронта не имелось современных фронтовых ударных машин – Ил-2 и Пе-2. Днем штурмовку производили истребители И15-бис, И-16, выполнявшие роль легких штурмовиков, бомбовые удары по крупным целям наносили два полка СБ. А по ночам на бомбежку вылетали бипланы Р-5 и дальние ДБ-3Ф.

Обе истребительные группы люфтваффе на тот момент были вооружены начавшим устаревать Bf-109E. 2 ноября в Таганрог перебазировалась одна из самых результативных немецких авиагрупп – III/JG52 (около 20 современных Bf-109F) – с небольшим довеском в виде 15-й (хорватской) эскадрильи на четырех Bf-109E. Но и советская воздушная группировка получила подкрепление – свежие 248-й истребительный авиационный полк (далее – ИАП) (по эскадрилье И-16 и Як-1) и 273-й ИАП (на ЛаГГ-3). В качестве усиления малочисленных частей армейской авиации

в конкретных операциях иногда привлекалось несколько эскадрилий ПВО, базировавшихся в районе Ростова-на-Дону.

Уровень подготовки летного состава полков ВВС Красной армии, воевавших на ростовском направлении осенью 1941 г., значительно различался. Все полки 20-й САД 9-й армии имели боевой опыт Великой Отечественной войны. 55, 88 и 131-й ИАП воевали с июня-июля, а 170-й ИАП – с сентября. Оба полка Тихорецкой БАД (она же «группа полковника Гуляченко», она же 74-я БАД) активно участвовали в Советско-финляндской войне 1939–1940 гг. А 41-й ближнебомбардировочный авиационный полк (далее – ББАП) еще и оказывал интернациональную помощь китайскому народу в борьбе с японскими захватчиками. Оба полка обеспечивали с воздуха ввод советских войск в Иран. Конечно, к осени 1941 г. многие участники боевых действий ушли из полков с повышением, им на смену пришли выпускники авиационных школ 1940–1941 гг., но на должностях командиров и штурманов звеньев, эскадрилий находились отлично подготовленные авиаторы с боевым опытом. Умения поддержать место в строю и произвести сброс бомб по команде опытного ведущего для успешного выполнения типовых задач хватало.

Показательным стал вылет 41-го ББАП ранним утром 20 ноября 1941 г. для удара по передовым моторизованным частям немцев, сконцентрировавшимся в районе совхоза Овощной (около 4 км севернее Ростова-на-Дону). Штаб Южного фронта так описывает погоду днем 20 ноября 1941 г.: «облачность 10 баллов, высота 200 метров, местами туман» [2: 132]. В 07:35 с аэродрома 41-го ББАП в г. Кропоткине вылетели 12 СБ. В тумане и низкой облачности группа распалась. Пять машин потерпели крушение, экипажи погибли. Но пара бомбардировщиков к цели все-таки прорвалась. На бреющем полете прошли больше 200 км до Ростова-на-Дону, обнаружили цель, отбомбились в 8:35 и благополучно вернулись на свой аэродром экипажи командира эскадрильи старшего лейтенанта М.К. Родионова и командира звена старшего лейтенанта И.С. Новикова. Результатов удара они не наблюдали, так как сброс бомб производился с высоты 50 м и с задержкой взрывателя на 28 секунд [7: 12].

Гибель пяти экипажей вряд ли можно объяснить только низкой подготовкой летного состава, так как среди погибших были командир 1-й эскадрильи капитан А.Н. Шевченко и штурман эскадрильи лейтенант Е.К. Сурков – оба участники Советско-финляндской войны 1939–1940 гг. Совершить вылет практически в нелетную погоду заставила критическая ситуация на фронте (немцы, судя по их заявкам на победы, предпочли до полудня сидеть на земле). Скорее, нужно говорить о высочайшем мастерстве и героизме кадровых экипажей довоенной подготовки старших лейтенантов Родионова и Новикова.

Несколько авиаполков к началу боев за Таганрог и Ростов-на-Дону только завершили формирование. Базой для них стали инструкторы авиационных школ и курсанты – выпускники 1941 г. (248-й ИАП – Сталинградская военная авиационная школа пилотов (далее – ВАШП), 273-й ИАП – Батайская, 658-й ИАП – Зерноградская). Приведем показательный боевой эпизод. 3 ноября 1941 г. 248-й ИАП впервые вступил в бой. В 14:20 три Як-1 перехватили у Таганрога бомбардировщик Не-111. Сержант Н.С. Штукин таранным ударом отбил у самолета противника руль поворота и киль. «После тарана летчик сержант Штукин благополучно произвел посадку на свой аэродром. При осмотре самолета оказалось: винт погнут и порван, самолет и мотор имеют 51 пулевую пробоину. Самолет требует замены винта» [6: 2]. Н.С. Штукин в 1941 г. окончил Сталинградскую ВАШП. Оставлен в ней летчиком-инструктором. 3 ноября был его первый бой. У пилота не хватило опыта воздушной стрельбы, но мастерства пилотирования Яка и самообладания ему хватило, чтобы прорваться через плотный огонь бортовых стрелков хейнкеля, снести вражескому бомбардировщику вертикальное оперение и даже удачно посадить собственный поврежденный самолет на своем аэродроме.

Основную массу боевых вылетов на ростовском направлении советские авиаполки выполняли для разведки и нанесения ударов по наземным целям. В условиях глубоких прорывов немецких соединений для командования южным направлением авиация оставалась одним из немногих источников сравнительно достоверной и свежей информации о положении на фронте. В сложной, быстро меняющейся оперативной обстановке авиаполки самостоятельно обеспечивали себя разведывательными данными для постановки задач на предстоящий день. Специализацией МиГ-3 55-го ИАП на том этапе войны вообще стало ведение разведки. 590-й и 131-й ИАП, работавшие преимущественно по наземным целям, иногда в первом утреннем вылете отправляли два-три И-16 для разведки целей. Хотя чаще (особенно при стабилизации фронта) первый же вылет происходил для бомбо-штурмового удара по целям, выявленным накануне. Интересен опыт 88-го ИАП, часто совмещавшего разведку со штурмовкой. В район предполагаемого выдвижения колонн противника высылалась эскадрилья И-16, сразу же наносившая штурмовой удар по обнаруженным целям.

73-я САД 56-й отдельной армии, формировавшаяся на базе ВВС Северо-Кавказского военного округа, для поражения наземных целей применяла бортовое стрелково-пушечное вооружение и авиабомбы – сначала легкие осколочные АО-10 и АО-25, затем всё чаще фугасные ФАБ-50 (более эффективные по бронированным целям). Атака обычно начиналась пикированием из-под нижней кромки облаков (600–800 м). На высоте 300–500 м производился сброс бомб и вывод из пикирования. Далее следовали несколько заходов с применением бортовых пулеметов.

20-я САД, отступавшая вместе с 9-й армией от границы, использовала новое на тот момент вооружение – неуправляемые ракеты РС-82. Реактивные снаряды доказали свою эффективность на поле боя, и их применение становилось всё более массовым. С середины ноября РС начал применять и 590-й ИАП ВВС 56-й армии. К завершению Ростовской наступательной операции полком было израсходовано уже 150 РС [5: 44].

С перебазированием в Таганрог немецких истребителей пришлось переходить к регулярному сопровождению ударных самолетов истребителями. Положительным моментом этого периода стал опыт регулярного взаимодействия полков на старой авиатехнике, специализирующихся на штурмовых действиях, с соседними истребительными полками, оснащенными современными истребителями. Так, И-16 131-го ИАП прикрывались ЛаГГ-3 170-го ИАП, а И-15-бис 590-го ИАП сопровождали к цели и обратно ЛаГГи 271-го ИАП. В случае отсутствия в воздухе истребителей противника группа прикрытия присоединялась к штурмовым действиям.

Воздушные бои в тот период боевых действий на Миусе и Нижнем Дону происходили чаще всего при попытках немцев сорвать атаки советской авиации на их наземные части. Перехвату способствовало отсутствие гибкости при выборе целей штурмовки советской стороной: несколько авиаполков часто наносили удары по одной и той же цели в течение всего дня. В качестве типичного примера успешных действий советских истребителей можно привести прикрытие 2 ноября 1941 г. семеркой ЛаГГ-3 271-го ИАП ударной группы из 10 самолетов 590-го ИАП. Летчики ЛаГГов вступили в тяжелый 20-минутный бой против восьмерки мессершмиттов. Немцы пытались предотвратить штурмовой удар по своим войскам в районе с. Синявка, но ЛаГГи связали их на высоте 2000–2500 м, дав штурмовой группе возможность работать без помех [5: 40].

Максимальными единовременными боевыми потерями советской стороны стала гибель в полном составе группы 41-го ББАП 27 ноября 1941 г. В боях за освобождение Ростова-на-Дону полк получил задачу нанести удар шестью СБ по танкам противника в районе Сельмаша. Одновременно по целям в районе Орджоникидзе работала группа из 12 СБ 366-го ББАП. Несмотря на зенитный огонь, все цели были поражены. Бомбардировщики под прикрытием 12 И-16 развернулись на обратный курс. К сожалению, не завершив задачу сопровождения, истребители прикрытия отвлеклись на вражеские Не-111 и сами попали под неожиданный удар мессершмиттов. Оставшись без истребительного прикрытия, группа 41-го ББАП подверглась избиению подошедшими эскадрильями истребителей противника. Судя по заявкам немцев на победы, шесть СБ попали под удары трех эскадрилий мессершмиттов: 8 JG52, 4 и 5 JG77 [9]. Пять экипажей погибли. Старший лейтенант М.К. Родионов смог посадить горящую машину и спасти свой экипаж.

Отдельной страницей воздушного сражения за Ростов-на-Дону 1941 г. стали многочисленные налеты советской авиации на занятые немцами аэродромы в Таганроге. Первые самолеты люфтваффе перебазировались в Таганрог спустя всего два дня после оккупации города, 19 октября 1941 г. А уже вечером 22 октября на таганрогский аэроузел советские истребители произвели первый налет. На следующее утро он был повторен. Штурмовки продолжались с достаточным постоянством во время всего сражения за Ростов-на-Дону. Дневные налеты чередовались с регулярными ночными визитами дальних бомбардировщиков. Мнения у сторон о результатах этих налетов сложились диаметрально противоположные. Если советские документы говорят о десятках уничтоженных на земле или при попытке взлета вражеских самолетах, то немецкие источники подтверждают только единичные потери. Как бы то ни было, советские авиаторы добились главного: люфтваффе были вынуждены оттянуть основные силы из прифронтового Таганрога в более спокойный Мариуполь, увеличив плечо вылета на 100 км и, соответственно, сократив время патрулирования на фронте. Регулярные налеты на таганрогские аэродромы свидетельствуют об активном характере боевых действий советских авиационных соединений и нацеленности на завоевание господства в воздухе, несмотря на все проблемы начального периода войны в воздухе.

В боях на Дону 131, 590, 88-й ИАП совершали 3–5 вылетов на штурмовку за короткие осенние дни. Между посадкой и взлетом проходил один час или даже меньше. Например, в критический момент после взятия немцами Таганрога 17 октября 1941 г. пять И-16 и семь И-15 590-го ИАП провели штурмовку пехоты и танков противника у Самбека. Группа вернулась на свой аэродром «Нахичевань» в 13:50. А уже в 14:40 тем же составом 590-й ИАП ушел на повторение штурмовки. За 50 минут были подвешены 28 бомб АО-25 и пополнены 3 тыс. патронов к бортовым пулеметам [8: 5].

Наземный персонал обеспечивал перебазирование авиационных частей на новые аэродромы с минимальными потерями поврежденной техники. А в непродолжительные периоды затишья велась огромная работа по возвращению в строй поврежденной техники и оснащению самолетов пусковыми установками для РС-82. Например, с 7 октября по 9 декабря 1941 г. дивизионными передвижными авиаремонтными мастерскими только 73-й САД возвращен в строй 181 самолет [5: 44].

Итак, несмотря на существенные потери в личном составе и технике, ряд системных проблем технического и организационного характера, ВВС Красной армии осенью 1941 г. не только доказали всему миру, что они не погибли, но и продолжали мужественно и умело сражаться. Подготовленный в предвоенные годы резерв личного состава и огромный запас военной техники помогли ВВС Красной армии устоять

в тяжелые осенние месяцы 1941 г. И, напротив, уже осенью 1941 г. под Ростовом-на-Дону стали проявляться врожденные пороки отлаженной воздушной авиационной машины Третьего рейха. У люфтваффе не хватало сил для тотальной войны на столь протяженных театрах боевых действий. Через два года это перерастет для немцев в полную утерю инициативы в воздухе и переходу к глухой обороне.

На Дону и в Приазовье немцы наносили ощутимые потери советской авиации, но не могли предотвратить десятки ударов, ежедневно сыпавшихся с воздуха на их наземные боевые части и колонны снабжения. Советские летчики настойчиво, вылет за вылетом выбивали личный состав и технику подвижных соединений противника, ограничивали их снабжение и, соответственно, мобильность. В этом, на наш взгляд, состоял важный, существенный вклад ВВС в первую победу Красной армии в Великой Отечественной войне, одержанную под Ростовом-на-Дону в конце ноября 1941 г.

Источники и литература

1. *Заболотский И.А., Заблотский А.Н.* Ростовское небо. Осень 1941-го. Хроника войны в воздухе. Таганрог, 2024. URL: https://самбек.рф/page/rostovskoe-nebo (дата обращения: 05.03.2025).

2. Центральный архив Министерства обороны Российской Федерации (далее – ЦАМО РФ). Ф. 228. Оп. 701. Д. 235.

3. ЦАМО РФ. Ф. 412. Оп. 0010301. Д. 0011.

4. ЦАМО РФ. Ф. 20076. Оп. 1. Д. 6.

5. ЦАМО РФ. Ф. 20135. Оп. 1. Д. 8.

6. ЦАМО РФ. Ф. 20138. Оп. 1. Д. 2.

7. ЦАМО РФ. Ф. 22096. Оп. 0184895. Д. 0001.

8. ЦАМО РФ. Ф. 22103. Оп. 0226009. Д. 0001.

9. *Prien J., Rodeike P., Stemmer G., Bock W.* Die Jagdfliegerverbände der Deutschen Luftwaffe 1934 bis 1945. Teil 6 / II. Eutin, 2003.

К.С. Инюшев

ИСТРЕБИТЕЛЬНЫЕ БАТАЛЬОНЫ РОСТОВСКОЙ ОБЛАСТИ В НАЧАЛЬНЫЙ ПЕРИОД ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ: ОСОБЕННОСТИ ОРГАНИЗАЦИИ И НАПРАВЛЕНИЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ[1]

История истребительных батальонов в Донском регионе по сей день остается практически не изученной и представляет серьезный исследовательский интерес. В настоящее время в работах Г.Д. Пилишвили [6]

[1] Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 24-28-01642, https://rscf.ru/project/24-28-01642/.

и В.В. Шолина детальному изучению были подвергнуты лишь создание и боевой путь истребительных батальонов в центральных областях СССР [7]. История истребительных батальонов на Северном Кавказе проработана Е.В. Никулиной [5]. Но подобный опыт комплексного изучения истории истребительных батальонов в Ростовской области пока отсутствует. Кроме того, в рамках общих вопросов, характеризующих деятельность ведомства, по-прежнему остаются упущенными из исследовательского фокуса ряд важных положений, затрагивающих устройство его системы управления, а также порядок взаимодействия с советским обществом, силовыми структурами и военным руководством. Исходя из вышесказанного, цель данной работы заключается в выяснении особенностей организации и основных направлений деятельности службы истребительных батальонов в территориальных границах Ростовской области в ходе оборонительных сражений на Дону в 1941–1942 гг.

В качестве источников для разработки поставленного вопроса привлечены не вводившиеся ранее в научный оборот материалы фонда штаба истребительных батальонов при региональном управлении НКВД, хранящиеся в Государственном архиве Ростовской области. Исследовательский интерес, в первую очередь, представляет документация учредительного характера, в группу которой вошли приказы и инструкции управления службы, а также делопроизводственные материалы, затрагивающие подробности структурной организации и работы местных истребительных батальонов.

Начало деятельности истребительных батальонов в Ростовской области следует соотнести с изданием постановления Совета народных комиссаров СССР от 24 июня 1941 г., в соответствии с которым региональным органам внутренних дел была поручена задача борьбы с парашютными десантами и с другими видами диверсионно-подрывной активности противника, бандитизмом и контрреволюционным элементом путем привлечения к данной деятельности сил гражданской самоорганизации [3: 49]. Уже 25 июня в регионе была оперативно создана уполномоченная группа при главном управлении НКВД Ростовской области, составившая ядро местного штаба истребительных батальонов. Затем в кратчайшие сроки, не превышающие суток, районным отделениям органов госбезопасности поручалось организовать подразделения службы на местах и приступать при взаимодействии с партийными отделениями к комплектации истребительных отрядов путем подбора наиболее инициативных граждан из рядов советских активистов [1: 2].

Одновременно возникла необходимость подготовки и вспомогательных групп гражданского содействия для координации действий истребительных отрядов с администрациями, населением и правоохранительными

органами на местах. Исходя из этой задачи, логика применения рассматриваемой структуры заключалась в расширении служебных возможностей истребительных батальонов путем разработки слаженного механизма их своевременного информирования о положении дел в зоне за пределами развертывания основных подразделений ведомства [1: 33]. На группы инициативных граждан также возлагалась ответственность и за принятие первичных мер для предотвращения угрозы диверсионных операций противника при непосредственном содействии агентурно-осведомительного аппарата НКВД [1: 34–35]. Кроме того, в целях поддержания контроля над тылом актив истребительных батальонов был уполномочен привлекать отдельных граждан к наблюдательной и караульной службе в районах, прилегающих к инфраструктурным объектам стратегической важности, при условии постановки их под организационный контроль [1: 4]. Тем временем действия батальонов, направленные на непосредственную борьбу с парашютным десантом противника, не могли не предприниматься в тандеме с подразделениями воздушного наблюдения, оповещения и связи и местной противовоздушной обороны [3: 110]. А при проведении самих контрдиверсионных операций руководство отрядов находилось в прямом взаимодействии с подразделениями Красной армии, дислоцировавшимися в близлежащих районах, что существенно расширяло их боевые возможности [1: 5].

Оперативность реагирования на ситуации, предполагающие развитие сценариев непосредственно боевого применения отрядов, достигалась и особенностями самой внутриведомственной организации структуры. Во-первых, служебные единицы, в целях упрощения формирования подразделений и их лучшего ориентирования на местах, делились на основании учета проживания бойцов: улица, квартал, общежитие [1: 30]. Территориальное распределение отрядов также не допускало их рассредоточения по всем населенным пунктам региона, что было продиктовано необходимостью предотвращения распыления личного состава и организационного ресурса службы, а также возможных осложнений в поддержании единой боевой выучки, поэтому их деятельность привязывалась преимущественно к основным административным центрам области. Контроль за периферией был возложен на силы рассмотренных выше групп гражданского содействия и местных правоохранительных органов [1: 67]. Во-вторых, особое значение для обеспечения эффективности работы контрдиверсионного аппарата возымела необходимость поддержания должного уровня штабной работы, в соответствии с которым донесение оперативной информации и постановка боевых задач должны были осуществляться строго и бесперебойно до каждого подразделения и вплоть до отдельно взятого бойца. Реализовать это предполагалось

путем налаживания качественной связи между истребительными отрядами и смежными с ними ведомствами в ходе исполнения служебных задач [3: 63]. Для этого особым распоряжением по территории всей Ростовской области учреждались круглосуточные посты связи, дежурные в которых обязывались получить соответствующий инструктаж [1: 80].

В течение первых месяцев Великой Отечественной войны на территории региона за счет достижения качественного уровня внутриведомственной субординации и координации службы с внешними по ее отношению структурами и гражданским населением на местах силами местных истребительных батальонов была налажена система оперативного реагирования на диверсионные мероприятия врага и обеспечен постоянный и повсеместный контроль за обстановкой в тыловой зоне. Но далее к сентябрю 1941 г. функционал местных истребительных отрядов расширился. Помимо несения караульно-постовой службы, в компетенцию истребительных батальонов постепенно вошло осуществление заградительной и диверсионной деятельности, а также организация массового обучения гражданского населения азам боевой подготовки, что было вызвано условиями обострения стратегической обстановки на направлении. Так, при содействии административного ресурса районных отделений ВКП(б), командный состав подразделений привлекался к проведению осведомительных и практических занятий для населения Дона по сокращенной военно-тактической программе [1: 187].

Параллельно отдельные группы бойцов с октября 1941 г. стали отправляться на прохождение специальных курсов в целях подготовки диверсионно-подрывных операций на оккупированных противником территориях региона. Особым распоряжением фиксируется необходимость организации совместных сборов с прибывшими в Ростов-на-Дону инструкторами в области подготовки партизанского движения [1: 189], а в период с 20 сентября по 20 октября на западных территориях области утверждалось проведение сборов командиров истребительных и партизанских отрядов уже для разработки планов совместных действий в условиях развертывания боев в пределах их районов [1: 194].

Задачи организации заградительной службы впервые фигурируют в августовском распоряжении главного управления НКВД, отмечающем нарастание неконтролируемого потока беженцев и скрывающихся в их среде покинувших фронт бойцов и офицеров Красной армии [1: 134]. На фоне нехватки необходимого ресурса регулярной армии и местных служб безопасности для обеспечения постоянного наблюдения за движением гражданского населения и фильтрации подозрительных лиц истребительным батальонам была поручена подготовка системы контрольно-пропускных пунктов по всему региону, работающей строго при постоянном

курировании органами НКВД и при взаимодействии с подразделениями РККА [1: 135–136].

Выше были рассмотрены наиболее традиционные направления деятельности истребительных отрядов, но опыт первых боев на территории Ростовской области также продемонстрировал и их непосредственное участие в ходе местных оборонительных сражений в 1941–1942 гг. Смена направленности службы на удовлетворение первостепенных нужд приближающегося фронта окончательно утвердилась специальным приказом штаба главного управления НКВД, согласно которому весь состав батальонов был переведен с 10 октября 1941 г. на казарменное положение [1: 193]. Но на фоне известного сценария событий первого оборонительного сражения на Дону данные подразделения в основном отступали вместе с партийным активом и регулярными частями армии, переориентировавшись на организацию упорядоченной эвакуации населения и местного имущества, а также на предотвращение мародерства и грабежа на государственных предприятиях [2: 39]. И формат фронтового присутствия местных истребительных отрядов оставался, за исключением отдельных случаев, преимущественно ограниченным. Но необходимо отметить применение структурой и ряда других эффективных практик косвенной помощи соединениям Красной армии, предотвращающих рассеивание сил. Примером может служить поддержание порядка в зоне, примыкающей к передовой, заградительная деятельность и участие в фортификационных работах или в войсковой разведке [4: 62–65].

Таким образом, уже в первые месяцы Великой Отечественной войны в пределах Ростовской области удалось создать качественную систему контроля за обстановкой в тылу, компенсировавшую нехватку административного ресурса местных властей и правоохранительных структур. Рассмотренные институциональные особенности и директивные принципы, определившие формат действий истребительных отрядов, продемонстрировали их неразрывную связь с рядом других вспомогательных служб, ориентированных на решение смежных задач, что свидетельствует о необходимости восприятия системы организации порядка в тылу в годы Великой Отечественной войны как единого механизма, связывающего силы общественной самоорганизации и деятельность органов государственной безопасности. Кроме того, диапазон служебных задач местных истребительных батальонов не ограничился изначально задуманной контрдиверсионной направленностью. В ходе оборонительных сражений на южном направлении в 1941–1942 гг. структура перешла в принципиально новый формат работы, переориентированный на реализацию актуальных потребностей Красной армии, что свидетельствует о гибком служебном потенциале ведомства, обеспеченном широкими организационными возможностями.

Источники и литература

1. Государственный архив Ростовской области (далее – ГАРО). Ф. 3656. Оп. 1. Д. 3.
2. ГАРО. Ф. Р-3656. Оп. 1. Д. 32.
3. ГАРО. Ф. Р-3656. Оп. 1. Д. 49.
4. ГАРО. Ф. Р-3656. Оп. 1. Д. 69.
5. *Никулина Е.В.* Истребительные батальоны Ставрополья и Кубани в годы Великой Отечественной войны: 1941–1945 гг.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Пятигорск, 2005.
6. *Пилишвили Г.Д.* Добровольческие военизированные формирования в годы Великой Отечественной войны (на примере народного ополчения и истребительных батальонов Курской области): дис. ... канд. ист. наук. Курск, 2005.
7. *Шолин В.В.* Истребительные батальоны НКВД в период битвы за Ленинград и Карелию: 1941–1944 гг.: дис. ... канд. ист. наук. СПб., 2006.

В.В. Симонов

ЕЩЕ РАЗ О ЧИСЛЕННОСТИ ГАРНИЗОНА ЦЕНТРАЛЬНЫХ АДЖИМУШКАЙСКИХ КАМЕНОЛОМЕН

Вопрос о количестве защитников Центральных Аджимушкайских каменоломен до сих пор остается одним из самых спорных, поскольку известные на настоящий момент и введенные в научный оборот документы крайне противоречивы, а воспоминания очевидцев в данном случае (за исключением отдельных лиц, имеющих отношение к руководству гарнизона) не могут компенсировать недостающую информацию. При этом в отношении численности гарнизона Малых каменоломен исследователи сходятся во мнениях [3: 153]. В связи с этим попытки назвать даже приблизительные числа представляются недостаточно убедительными, а все рассуждения на эту тему носят гипотетический характер. Предложим и мы свои соображения до данному вопросу.

Рассмотрим прежде всего сформировавшиеся в отечественной историографии представления о количестве защитников каменоломен. В изданиях можно встретить сведения о 10–15 тыс. человек, якобы составлявших численность гарнизона Центральных каменоломен на начало обороны. Понятно, на чем эти утверждения основаны. По свидетельству В.В. Абрамова, уже после войны начальник продовольственного отдела гарнизона А.И. Пирогов[1] в своей объяснительной записке указывал

[1] Пирогов Андрей Иоанникиевич – интендант 2-го ранга, 1898 г. рождения, уроженец г. Кировограда, на Крымском фронте – начальник продовольственного снабжения

количество «10 тысяч человек с лишним»[1] [1: 130], а в дневнике Сарикова-Трофименко[2] в записи за 26 мая 1942 г. говорится: «Полк обороны Аджимушкайских каменоломен… сформирован наскоро, сначала насчитывал до 15 тыс. людей» [6: 72]. Других данных, даже предположительно называющих количество воинов-аджимушкайцев, оставшихся в Центральных каменоломнях, в нашем распоряжении нет. Поэтому такие числа – 10–15 тыс. человек – вошли практически во все научные, научно-популярные и публицистические работы об обороне каменоломен (см., например: [2: 14; 3: 152; 21: 18] и др.). Хотя сам В.В. Абрамов в последней работе пошел дальше, утверждая, что «в самом начале обороны каменоломен число людей, окруженных в районе поселка Аджимушкай, фашисты определяли в 20 и даже 30 тысяч. Эти данные называли немецкие солдаты и офицеры 46-й пехотной дивизии, окружавшей каменоломни, доходили они через врагов и до местных жителей, а также фигурировали на севастопольском процессе в 1947 году. Думается, что фашисты не сильно преувеличивали. Так что число 20 тысяч вполне реальное» [1: 131]. Далее мы вернемся к тому, сколько именно бойцов и командиров Крымского фронта было окружено в районе Аджимушкая (хотя это вполне может быть задачей отдельного исследования), а пока отметим, что сообщаемые В.В. Абрамовым сведения не совсем точны. В протоколах допросов немецких военнослужащих из 88-го саперного батальона, обвиняемых на Севастопольском процессе 1947 г., подобные числа (15–20 тыс. человек), действительно, приводятся со ссылкой на слова гражданских лиц, вышедших из каменоломен. При этом в разговорах офицеров батальона, о чем также сообщили допрашиваемые, фигурировали совсем другие, гораздо меньшие числа – от 2 до 5 тыс. человек [17: 5]. Интересно, что еще в начале 1960-х гг. в научный оборот были введены и другие данные, противоречащие советским источникам. Уже в первом выпуске сборника документов и воспоминаний «В катакомбах Аджимушкая» заведующий

51-й армии, в каменоломнях – начальник продснабжения гарнизона, под землей находился до 3 сентября 1942 г., попал в плен, остался жив, после войны проживал в Одессе, автор известной книги «Крепость солдатских сердец» [10].

[1] В своей книге А.И. Пирогов, правда, со ссылкой на слова подполковника Г.М. Бурмина называет немного другие числа: 8–10 тыс. человек с оговоркой, что точное число на момент создания гарнизона неизвестно [10: 37].

[2] Дневник Сарикова-Трофименко – один из двух дневников, найденных в каменоломнях после освобождения пос. Аджимушкай, один из основных источников по истории обороны каменоломен. Автор дневника – Трофименко Александр Иванович, лейтенант (младший лейтенант), 1908 г. рождения, уроженец с. Ахтырское Краснодарского края, на Крымском фронте находился в резерве командно-политического состава фронта, в каменоломнях (по неподтвержденным данным) – рядовой, затем политрук 1-го батальона, считается, что участвовал в обороне каменоломен до июля 1942 г., дальнейшая судьба неизвестна.

Партийным архивом Крымской области (ныне – Государственный архив Республики Крым) И.П. Кондранов опубликовал краткий пересказ немецкого «Обобщающего донесения о советском движении сопротивления в каменоломнях Аджим-Ушкай (Крым)», где прямо указывалось общее количество защитников каменоломен – 7550 человек [9: 134]. Это число по какой-то причине не пользовалось популярностью у исследователей и авторов разнообразных публикаций и, если в дальнейшем и упоминалось, то никак не комментировалось и не объяснялось. Таким образом, долгие десятилетия количество защитников каменоломен – 10–15 тыс. человек – не подвергалось каким-либо сомнениям (еще раз повторим, несмотря на другие данные), а исследователи не старались критически оценить его достоверность.

В последние годы появились новые источники и работы, позволяющие вновь вернуться к вопросу о численности гарнизона Центральных каменоломен в начале обороны. Это «Донесение о бандитизме в Крыму» [7: 459–461], составленное в начале ноября 1942 г. и называющее еще меньшую цифру защитников каменоломен – 5 тыс. человек, отчет 46-го саперного батальона, проводившего в мае 1942 г. операцию по ликвидации сопротивления в Аджимушкае, фрагменты отчета 46-й пехотной дивизии и выписки из журнала боевых действий 42-го армейского корпуса [4: 365–386], а также обобщенные результаты полевых исследований, дающие возможность подойти к оценке потерь гарнизона, а следовательно, сделать выводы о его возможной численности [11; 12]. Прежде чем переходить к сути вопроса, постараемся определить, что именно считать началом обороны, поскольку в данном случае это имеет принципиальное значение.

Традиционно началом обороны считается день, когда отряд полковника П.М. Ягунова[1] вступил в бой: 14 мая 1942 г. (В.В. Абрамов считает началом обороны 15 мая, когда начались бои непосредственно на подступах к пос. Аджимушкай [3: 128]). По некоторым данным, численность данного отряда в этот день составила около 4 тыс. человек [14: 210]. Тем не менее, на наш взгляд, в этот день так же, как и в несколько последующих, тоже ставших своеобразными хронологическими маркерами (16 мая, когда части, сражавшиеся в районе Аджимушкая, потеряли связь с командованием фронта, оказавшись в полуокружении, и 18 мая, когда наши войска были полностью окружены в этом районе), говорить о подземном

[1] Ягунов Павел Максимович – полковник, 1900 г. рождения, уроженец с. Чеберчина Дубовского района Мордовии, на Крымском фронте – командир 138-й горнострелковой дивизии, начальник отдела боевой подготовки штаба Крымского фронта, заместитель начальника штаба фронта, в каменоломнях – командир подземного гарнизона, погиб под землей 8(9) июля 1942 г., в марте 1987 г. его останки были обнаружены в ходе строительно-реставрационных работ и перезахоронены в братской могиле на ул. Коммунаров (Аджимушкай).

гарнизоне не корректно, поскольку такой единицы (структуры) еще не существовало. Днем создания оборонительного участка Аджимушкайских каменоломен считается 21 мая 1942 г., когда, по воспоминаниям аджимушкайцев, под землей было объявлено о создании гарнизона. Видимо, эту дату и следует считать исходной точкой для расчетов.

При этом, говоря о численности гарнизона, следует иметь в виду не только дату его создания, но и четко разграничивать, идет ли речь о группировке советских войск, оказавшихся в окружении в районе Аджимушкая, или собственно о личном составе сформированной под землей части. Как нам представляется, ранее в этом вопросе не было достаточной ясности, и по этой причине количество тех, кто оказывал сопротивление в районе Аджимушкая в первые дни окружения, приравнивалось к численности гарнизона, что неправильно. В этом, на наш взгляд, и кроется причина столь значительного расхождения в оценке количества защитников каменоломен в различных источниках.

Возникает вопрос: можно ли допустить, что численность окруженных в районе Аджимушкая советских войск составляла 10–15 тыс. человек или даже более? Как видим, В.В. Абрамов считает это вполне возможным. На наш взгляд, учитывая реальную обстановку, динамику боевых действий и то, что значительная часть отступающих советских войск отходила не через Аджимушкай, а севернее – вдоль берега Азовского моря к Юргакову Куту[1] [19: 5; 20: 1], вряд ли стоит быть столь категоричными при ответе на этот вопрос. Хотя есть свидетельства, подтверждающие и подобные числа. Так, младший лейтенант Е.И. Нестеренко[2], видимо, попавший в плен 24 мая 1942 г., рассказал, что до 19 мая в каменоломнях находилось от 12 до 15 тыс. солдат Красной армии в основном из рассеянных частей войск [4: 376]. Среди них был весь резерв командно-политического состава Крымского фронта, а также командный состав 1-го фронтового запасного полка. Но даже допуская соответствие подобных предположений реальной картине, нужно понимать, что это не гарнизон каменоломен.

С момента полного окружения района Аджимушкая (18 мая) до объявления о создании гарнизона прошло еще несколько дней, и эти дни характеризовались ожесточенными боями с противником. Так, 19 мая 1942 г. в журнале боевых действий 42-го армейского корпуса отмечаются ожесточенное сопротивление советских войск в районе каменоломен и уничтожение группы численностью до 400 человек, пытавшейся прорваться

[1] Юргаков Кут (ныне – Юркино) – населенный пункт на берегу Азовского моря примерно в 6 км северо-восточнее Аджимушкая.

[2] Нестеренко Евстафий Иванович – младший лейтенант, 1911 г. рождения, уроженец с. Столипка Брацлавского района Винницкой области, призван Александровским РВК Орджоникидзевского края, убит 24 октября 1944 г., захоронен в Польше (Варшавское воеводство, пов. Пултуский, гм. Сероцкая, Воля-Смоляна, севернее на 500 м).

к переправе, причем это была не единственная попытка в тот день. Такие же попытки были отражены контрударами в ночь на 20 и 21 мая. Только 46-й саперный батальон за эти дни (18–20 мая) отрапортовал о 335 пленных [4: 366, 385].

21 мая 1942 г. немецкие части начали операцию по ликвидации подземных очагов сопротивления в Аджимушкае. И в первый же день 46-й саперный батальон, выполнявший основные задачи «антипартизанской операции», отчитывается о взятии в плен 3347 человек. В последующие дни количество пленных неуклонно снижается, и некоторые данные противоречивы, хотя есть и еще одно похожее число: как отмечалось в журнале боевых действий 42-го армейского корпуса, 24 мая 1942 г. были взяты в плен 3177 человек. Учитывая дату, вполне можно допустить, что это был результат первой газовой атаки. В документах противника есть и обобщенные данные о количестве пленных, захваченных в период с 21 по 30 мая 1942 г., хотя в разных документах они отличаются. В журнале боевых действий 42-го армейского корпуса отмечается, что всего в плен взято 4213 человек (из них 58 гражданских), в отчете 46-го саперного батальона фигурируют 5112 пленных. В одном из документов упоминаются 88 командиров и 7409 красноармейцев, но не совсем понятно, число ли это взятых в плен за период с 21 по 30 мая или находившихся в этот период в каменоломнях [4: 368, 369, 383, 385]. Но несколько раз упоминается о том, что до 24 мая (то есть до газовых атак) в каменоломнях оставалось 5–6 тыс. человек [4: 373, 374, 377, 379], количество которых к последним числам мая сократилось до 1,5–2 тыс. человек. Последнее число заметно меньше, чем в дневнике Сарикова-Трофименко, который отмечает, что к 3 июня 1942 г. под землей осталось не более 3 тыс. человек [6: 77]. Поскольку немецкие данные основаны на оценках показаний пленных, а данные в дневнике Сарикова-Трофименко, вероятнее всего, на разговорах среди участников обороны каменоломен, подобные расхождения понятны и объяснимы.

На наш взгляд, это количество – 5–6 тыс. человек – и отражает реальную численность гарнизона в начальный период обороны. При этом, учитывая ряд обстоятельств, вполне можно допустить, что это количество соответствовало численности некоего ядра, сформировавшегося в первые дни сопротивления вокруг резерва командно-политического состава фронта, державшегося в каком-то смысле обособленно и составившего спустя несколько дней гарнизон Центральных каменоломен [5: 44 об.–45]. Разницу между этим числом и общим количеством войск, окруженных в районе Аджимушкая (как представляется, скорее 10–12, чем 15 тыс. человек), составляют погибшие в попытках прорыва к переправам (возможно, до 1 тыс. человек) и захваченные или сдавшиеся в плен в период 18–21 мая 1942 г. (с учетом первого дня немецкой операции

в Аджимушкае – не менее 4 тыс. человек). А принимая во внимание, что в это же общее количество окруженных входят и те, кто оказался в Малых Аджимушкайских каменоломнях (как известно, 2–2,2 тыс. человек), представляется вполне вероятным, что при численности окруженной в районе каменоломен группировки советских войск в 10–12 тыс. человек, возможно, даже чуть более, в гарнизон каменоломен вошли 5–6 тыс. бойцов и командиров.

Есть и другие, косвенные подтверждения верности определения численности группы, составившей впоследствии гарнизон Центральных каменоломен, в 5–6 тыс. человек. Например, участник обороны С.С. Шайдуров[1] вспоминал, что всем бойцам и командирам выдавались специальные пропуска с номерами, соответствующими номеру в общем списке личного состава (составлявшемся в алфавитном порядке). Такие пропуска выдавались дважды – до первой газовой атаки и после нее. Их существование подтверждается и результатами полевых исследований [15: 161–162]. С.С. Шайдуров хорошо запомнил номера своих пропусков – 1631 и 1359 (соответственно). Зная, что в любых списках из случайных фамилий, количество персоналий с фамилиями, начинающимися с буквы Ш, составляет не более 10 % от общего числа, легко представить численность батальона, к которому был приписан С.С. Шайдуров, а следовательно, и примерную численность всех трех батальонов, вряд ли намного превышавшую до первой газовой атаки 5 тыс. человек.

Еще одним доказательством могут служить, к примеру, данные из ведомостей на выдачу продовольствия подразделениям под землей, из которых следует, что 18–19 мая 1942 г. 1-й батальон насчитывал 1116 человек [16: 102–103]. Вполне можно допустить, что батальоны формировались примерно одинакового состава, их было три, следовательно, около 4 тыс. человек насчитывали сформированные батальоны. Опять-таки с учетом штаба, политотдела и отдельных подразделений (службы связи, тыла, химотдела, взвода разведки, комендантского взвода, нескольких госпиталей, особого отдела, военной прокуратуры и пр.) мы выходим на общее число защитников Центральных каменоломен в 5 тыс. человек или чуть более.

Допуская справедливость подобных расчетов, вполне можно согласиться с данными «Обобщающего донесения...», определяющими число защитников каменоломен в 7550 человек и, следовательно, численность гарнизона Центральных каменоломен в 5–5,3 тыс. человек.

[1] Шайдуров Сергей Сергеевич – младший лейтенант, 1914 г. рождения, уроженец Ленинграда, призван Кисловодским РВК в 1941 г., учился в Грозненском пехотном училище, откуда направлен на Крымский фронт в резерв командно-политического состава фронта, в каменоломнях находился до августа 1942 г., попал в плен, бежал, в 1943 г. участвовал в партизанском движении на территории Житомирской области, после войны проживал в Северо-Осетинской АССР, умер в 1987 г.

Если взять эту цифру за основу, то противоречия в известных нам документах исчезают. Такое число – 5000 – указывается в разведсводке, ставшей основанием для директивы, подписанной главкомом северокавказского направления Маршалом Советского Союза С.М. Будённым 29 мая 1942 г. [18: 67, 68; 8: 26], столько же называет «Донесение о бандитизме в Крыму» (где речь вполне может идти только о гарнизоне Центральных каменоломен). Можно допустить, что при прочтении и перепечатке дневника Сарикова-Трофименко, который известен нам только в копиях, из-за особенностей почерка или невнимательности к числу 5000 была приписана единица. Подобные примеры ошибок или опечаток при записи чисел и дат нам известны как в дневнике Сарикова-Трофименко, так и в дневнике А.И. Клабукова[1]. Численность гарнизона в 5 тыс. человек сразу объясняет и явное несоответствие записи за 2–3 июня 1942 г., где отмечается, что гарнизон насчитывает до 3 тыс. человек [6: 77] и, следовательно, 12 тыс. он потерял в ходе первых газовых атак, в то время как противник (вряд ли склонный к преуменьшению своих успехов) зафиксировал сдачу в плен из Центральных каменоломен лишь 1 тыс. человек [7: 457].

Конечно, в «Обобщающем донесении…» нет упоминания о смерти защитников каменоломен от газовых атак, но разницу между численностью гарнизона, количеством сдавшихся в плен и оставшихся в живых и составляют потери погибшими от газов (от 1 до 1,5 тыс. человек), что не противоречит нашим прежним расчетам [13: 77–78].

Большую правдоподобность определения численности гарнизона Центральных каменоломен в 5 тыс. (или чуть более) человек, чем общепринятых 10–15 тыс., подтверждают и результаты анализа воинских захоронений и останков, найденных в каменоломнях в ходе поисковых работ [11; 12]. Эти результаты также коррелируют с данными, приводимыми в немецких источниках.

Таким образом, приведенные выше соображения дают достаточные основания для определения численности гарнизона Центральных каменоломен в первые дни после его создания в 5–5,5 тыс. человек и для учета этих данных при проведении дальнейших исследований.

Источники и литература

1. *Абрамов В.В.* Аджимушкай 1942. Симферополь, 2016.

2. *Абрамов В.В.* Героическая оборона Аджимушкайских каменоломен. М., 1983.

[1] Клабуков Александр Иванович – капитан, 1901 г. рождения, уроженец г. Вятки, участник обороны Малых Аджимушкайских каменоломен, автор известного дневника, найденного в каменоломнях, по некоторым данным, погиб 20 августа 1942 г. при попытке выбраться из каменоломен.

3. *Абрамов В.В.* Керченская катастрофа 1942. М., 2006.

4. Аджимушкай. 1942, май (перевод – И.В. Скляренко, подготовка текста, предисловие и комментарии – В.В. Симонов) // Военно-исторические чтения. Вып. 5. Символ памяти – Аджимушкай. Сборник научных статей и материалов / ред.-сост. В.В. Симонов. Симферополь, 2017. С. 362–386.

5. Воспоминания Зубарева И.Ф. // Научный архив Восточно-Крымского историко-культурного музея-заповедника. Оп. 4. Ед. хр. 69.

6. Дневник, найденный в катакомбах // В катакомбах Аджимушкая. Документы, воспоминания, статьи / сост. Б.Е. Серман. Изд. 4-е, перераб. и доп. Симферополь, 1982. С. 53–77.

7. Керчь. 1942 г. Немецкие документы свидетельствуют (подготовка документов к публикации Н.Я. Геец, В.В. Симонов, предисловие и комментарии В.В. Симонова) // Научный сборник Керченского заповедника. Вып. 3. Симферополь, 2011. С. 434–463.

8. *Князев Г.Н., Проценко И.С.* Доблесть бессмертна. О подвиге защитников Аджимушкая. М., 1986.

9. *Кондранов И.* Признания врага // В катакомбах Аджимушкая. Документы, воспоминания, статьи. Симферополь, 1966. С. 131–134.

10. *Пирогов А.И.* Крепость солдатских сердец. М., 1974.

11. *Симонов В.В.* Братские могилы в каменоломнях: легенды или реальность? // VIII Таврические научные чтения: сборник материалов. Ч. 2. Симферополь, 2007. С. 87–99.

12. *Симонов В.В.* Воинский некрополь Аджимушкая (к постановке проблемы подсчетов захоронений и останков, найденных в каменоломнях) // Боспорские исследования. Вып. XLVII. Керчь, 2023. С. 149–177.

13. *Симонов В.В.* К вопросу о численности, структуре, боевой активности и потерях гарнизона Центральных Аджимушкайских каменоломен по материалам военно-поисковой экспедиции «Аджимушкай» второй половины 80-х – 1990-е гг. // Военно-исторические чтения. Вып. 1. Крымфронт-Аджимушкай: сборник научных статей. Керчь, 2003. С. 69–87.

14. *Симонов В.В.* Оборона Аджимушкайских каменоломен подземными гарнизонами в мае – октябре 1942 г. // Керчь военная: сборник статей. Керчь, 2004. С. 208–237.

15. *Симонов В.В.* Штаб 2-го батальона: конец легенды? (по материалам исследований на завале «штаба 2-го батальона») // Военно-исторические чтения. Вып. 3. О войне, без купюр: сборник научных статей и материалов / ред.-сост. В.В. Симонов. Симферополь, 2014. С. 141–175.

16. *Симонов В.В., Демиденко О.И.* Находка документов продовольственного отдела гарнизона Центральных Аджимушкайских каменоломен (предварительное сообщение) // XIII Таврические научные чтения (г. Симферополь, 25 мая 2012 г.): сб. статей. Ч. 2. Симферополь. 2013. С. 93–107.

17. *Симонов В.В., Цунаева Е.М.* Новые рассекреченные документы об обороне каменоломен // История и поиск: традиции, новации, перспективы: сборник материалов научно-практических конференций, проведенных в рамках грантового проекта «Стойкость, ставшая камнем: 80 лет подвигу легендарного подземного гарнизона». Керчь, 27–29 октября 2022 г., Симферополь, 26 января 2023 г. Симферополь, 2023. С. 3–8.

18. Центральный архив Министерства обороны Российской Федерации (далее – ЦАМО РФ). Ф. 224. Оп. 760. Д. 50.

19. ЦАМО РФ. Ф. 1205. Оп. 1. Д. 1.

20. ЦАМО РФ. Ф. 1206. Оп. 1. Д. 14.

21. *Щербак С.М.* Легендарный Аджимушкай: путеводитель. Симферополь, 1989.

В.К. Щербанов

ЛОКАЛИЗАЦИЯ ОКРУЖЕНИЙ ЧАСТЕЙ КРАСНОЙ АРМИИ НА ЮЖНОМ ФАСЕ СОВЕТСКО-ГЕРМАНСКОГО ФРОНТА В 1942 г. (на материалах Ростовской области)

Историки, работающие над темой Великой Отечественной войны, немало сделали для оценки общего хода ее событий и характеристики основных персоналий. С другой стороны, мы всё еще недостаточно хорошо представляем картину происходившего, включая и вопросы окружений частей Красной армии летом 1942 г. на юге страны. В имеющихся исследованиях чаще всего рассматриваются общие цифры потерь по фронтам и гораздо реже делается привязка к местам конкретных локальных окружений. Так, к примеру, в исследовании событий на Крымском фронте военный историк В.В. Абрамов определяет количество попавших в плен советских солдат и командиров за период с января по май 1942 г. – около 100 тыс. человек [1]. Но для понимания тех событий нам важно знать, в какие конкретно дни и в каком конкретно месте больше всего было пленено военнослужащих РККА из состава Крымского фронта. Такие сведения и по другим окружениям войск РККА помогли бы лучше понять детали и общее напряжение тех трагических событий военного времени. Но подобных данных практически нет, за исключением нескольких военных операций – например, обороны Брестской крепости и частично Севастополя, которые сами по себе являются местами окружений.

По боевым действиям в Ростовской области летом 1942 г. отсутствуют даже общие данные о количестве советских военнослужащих, попавших в плен к врагу. Поэтому в 2014 г., работая над словарем-справочником «Ростовская область в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.», мы

вынуждены были признать, что «долгое время в официальной истории Великой Отечественной войны даже не упоминались окружения советских войск на территории Ростовской области. Лишь несколько лет назад появились первые ссылки на документальные источники, подтверждающие факты нескольких окружений в средней излучине и низовьях Дона. Первые два наиболее известных на сегодняшний день окружения, связанных с нашей территорией, относятся к лету 1942 г. Это самое крупное – Миллеровское, когда в "котле" оказалось, по некоторым данным, до 60 тыс. человек. Второе окружение произошло между Шахтами и Новочеркасском, в нем оказалось до 10 тыс. человек. Найдены первые документы, прямо и косвенно подтверждающие еще несколько "небольших окружений"» [3: 241].

В 2024 г. на V Всероссийской научной конференции «Великая Отечественная война в истории и памяти народов Юга России: события, участники, символы» в ЮНЦ РАН мы впервые представили доклад с некоторыми результатами исследования архивных документов на плененных советских военнослужащих на южном фасе советско-германского фронта с февраля по ноябрь 1942 г. Хотя даже предварительный анализ давал интересную информацию по локализации отдельных районов окружений (по датировке и количеству попавших в плен, по местам расположения лагерей для военнопленных и прочим вопросам), мы пока будем говорить только об уровне цифр пленных на нескольких территориях, где действовали войска Южного фронта, и по локализации районов окружений.

В первую очередь мы исследовали документы из архива Управления Федеральной службы безопасности (далее – ФСБ) по Ростовской области, размещенные в открытом доступе на сайте «Память народа» [2], на 2658 человек. Мы анализировали данные по местам пленения (см. табл. 1). Уже тогда первые результаты оказались несколько неожиданными для нас по количеству пленных на некоторых территориях и другим параметрам. В документах мы встретили многократные упоминания не только Миллеровского и Сальского окружений, о которых уже было известно из послевоенной мемуарной и научно-исследовательской литературы. Неоднократно в различных документах встречались «Новочеркасское окружение» и «Шахтинское окружение» как отдельные и практически ничем не связанные друг с другом, кроме как территориальной близостью (расстояние в 35–38 км). Встречались упоминания и о других окружениях советских войск в Ростовской области, о которых нигде и никогда не упоминалось ранее. При этом мы учитывали, что исследованные нами документы ФСБ касаются только тех граждан Советского Союза, кто родился, призывался на фронт из нашей области, или тех, кто в послевоенные годы проживал у нас. А значит, в этих документах могут быть нюансы, особенности, отражающие своеобразие территории или ментальности жителей области, но не отражающие общих тенденций.

Таблица 1

Распределение военнопленных, попавших в плен на юге страны весной – летом 1942 г., сведения о которых выявлены в документах архива Управления ФСБ по Ростовской области

Документы	Кол-во чел. в документах	Керчь	Крым	Севастополь	Сталинград	Ростов-на-Дону	Миллерово	Харьков
1	117	4	0	3	2	7	1	10
2	106	3	0	1	4	2	2	10
3	352	12	5	4	7	16 + 1 Сальск	4	48
4	323	14	9	5	6	14	2	47
5	1317	37	22	28	21	80	19	156
6	443	22	7	14	6	39 + 2 Сальск	8	89
Итого:	2658	92	43	55	46	161	36	360

Поэтому следующим нашим шагом стало погружение в документы фильтрационного лагеря № 239, который существовал при 3-й ударной армии, для бывших советских военнослужащих, находившихся немецком плену или в окружении противника. В этот лагерь попадала часть бывших советских военнопленных, освобожденных из немецких лагерей частями наступавшей Красной армии в период с марта по начало июля 1945 г. В пяти блоках архивных документов мы распределили информацию на 20 549 человек.

Цифры по территориям пленения и в этих блоках документов не совсем соответствовали тем, которые могли сложиться у нас ранее на основе существовавшей официальной информации по истории Великой Отечественной войны. Но даже анализ этих документов хотя и давал некоторую информацию, не позволял считать ее окончательной и полной по причине незначительного объема изученных материалов и установленного количества фамилий советских военнослужащих, побывавших в немецком плену.

Поэтому мы стали анализировать места пленения в различных блоках архивных документов, выявленных на тот момент в Центральном архиве Министерства обороны РФ (далее – ЦАМО РФ) и частично найденных нами среди многочисленных документов, выложенных на сайте «Память народа» и в ОБД «Мемориал» (Ф. 58. Оп. 18002. Д. 1616; оп. 18003. Д. 1405, 1412, 1414, 1446, 1447, 1504, 1507, 1589; оп. 97754. Д. 1031; оп. 977528. Д. 139), картотеке фронтовых и армейских запасных полков

на 7348 человек и др. Это трофейные списки советских военнопленных по отдельным немецким, румынским, норвежским и польским лагерям, списки сборно-пересыльных пунктов (далее – СПП) для поступивших освобожденных советских военнослужащих из фашистских лагерей, списки советских боевых частей, получивших пополнение из числа бывших военнослужащих РККА, прошедших проверки советских специальных органов и направленных для дальнейшего прохождения службы в действующей армии. В табл. 2 представлены результаты, полученные при анализе этих документов, с данными на 48 529 советских военнослужащих, прошедших немецкий плен.

По количеству военнослужащих РККА, оказавшихся в немецком плену весной – летом 1942 г., на втором месте после Харьковского окружения идет не Крымский фронт, не Севастополь и не Сталинград, а с большим отрывом Ростовская область! Ранее этот факт не был известен или не озвучивался.

Конечно, анализ даже 60 тыс. записей о бойцах и командирах Красной армии, прошедших фашистские лагеря военнопленных, может дать некоторую дополнительную и даже новую информацию к размышлению и дальнейшим исследованиям, но еще не может считаться генеральной совокупностью для корректного социологического исследования. Поэтому за прошедший год мы не только увеличили объем исследуемых архивных документов, но и применили при их изучении методику случайной выборки. При этом мы расширили и диапазон изучаемых документов: от отдельных архивных документов или фондов – до всех документов на военнопленных РККА вне зависимости от территорий призыва военнослужащих, мест их пленения, лагерей их пребывания, воинских частей, сведений о том, кем и где они были освобождены, и вне зависимости от дат освобождений из плена. Мы стали исследовать все документы подряд на военнопленных, которые только могли найти в открытом доступе на электронных ресурсах «ОБД «Мемориал» и «Память народа» и которые успели проанализировать (в том числе Архив ФСБ г. Ростов-на-Дону. Д. 10, 14, 22_11_а, 901–1200, 6222-9859-9864, 6301-6600, Ростов 003, Ростов-005; ЦАМО. Ф. 58. Оп. 977528. Д. 139; оп. 18002. Д. 1229, 1603, 1604, 1605, 1609, 1613, 1616, 1619; оп. 18003. Д. 1387, 1395, 1398, 1402, 1405, 1406, 1410, 1412, 1414, 1425, 1431, 1446, 1447, 1468, 1470, 1474, 1476, 1508, 1581, 1589, 1596; оп. 97754. Д. 1031 и др.).

В результате мы не только более чем в три раза увеличили количество выявленных персоналий, доведя общее число до 215 213 фамилий (167 590 человек с указанием дат и мест пленения и 47 623 человек без дат и мест пленения). Само количество блоков архивных документов возросло до 67.

Таблица 2

Распределение военнопленных, попавших в плен на юге страны весной – летом 1942 г. и выявленных по документам ЦАМО РФ

Документы	Кол-во чел. в документе	Место пленения							
		Керчь	Крым	Севасто-поль	Сталин-град	Ростов-на-Дону	Милле-рово	Шахты	Харьков
Списки офлага XII D	1026	29	9	37	68	53	20	1	79
Списки 6 армейских СПП	10 472	14	5	15	44	33	14	12	56
Списки СПП № 20	7340	157	96	110	112	231	49	6	454
Списки 67 А	2146	15	10	23	36	9	0	0	28
Списки 3 гв А	7736	107	42	74	108	131 + 10 Сальск	38	8	309
Списки 43 А	1594	9	10	30	30	28	4	0	51
Списки 46 А	998	26	15	22	28	23	11	1	43
Списки 57 А	3447	32	12	41	160	241 + 16 Сальск	152	11	187
Списки 60 А	1058	21	11	17	19	29	5	1	87
Списки 6 А	4362	71	23	39	54	132	25	2	169
Списки 69 А	842	21	8	22	30	22 + 2 Сальск	6	0	59
Списки штаба МВО от 04.08.1945	4709	62	16	51	105	76	28	1	245
Картотека ФЗСП и АЗСП	2210	94	21	98	91	83	28	4	248
Картотека военнопленных офицеров	589	16	7	31	43	21 + 3 Сальск	18	4	64
Итого:	**48 529**	**674**	**285**	**610**	**928**	**1143**	**398**	**51**	**2079**

Сокращения: А – армия, армейский; гв – гвардейская; ЗСП – запасной стрелковый полк; МВО – Московский военный округ; офлаг – лагерь для военнопленных офицеров; Ф – фронтовой

Параллельно с этим мы вели поименную выборку по местам пленения в Ростовской области. И если первоначально она касалась только четырех локаций пленения (Миллерово, Сальск, Шахты и Ростовская область в целом), то теперь делаем анализ еще по девяти местам массовых пленений военнослужащих РККА на данной территории. Такая

выборка диктовалась результатами ранее выполненного исследования. К первым четырем районам пленения у нас добавились районы окружений: Новочеркасского, Новошахтинского, Ростовского (с. Чалтырь – г. Ростов-на-Дону – ст. Аксайская); у г. Каменска-Шахтинского (ст. Глубокая – г. Каменск-Шахтинский – ст. Лихая); у г. Батайска (ст. Ольгинская – г. Батайск – г. Азов); между ст. Целина и ст. Егорлыкской; Морозовского (ст. Тацинская – г. Морозовск); у Маныча и у ст. Чертково. Результат можно видеть на рис. 1, где визуализированы данные об общем количестве плененных по местам окружения в Ростовской области.

Кроме этого, проведенный анализ документов дает некоторую информацию по детальной локализации границ всех этих окружений на донской земле, а также другие интересные и неожиданные сведения.

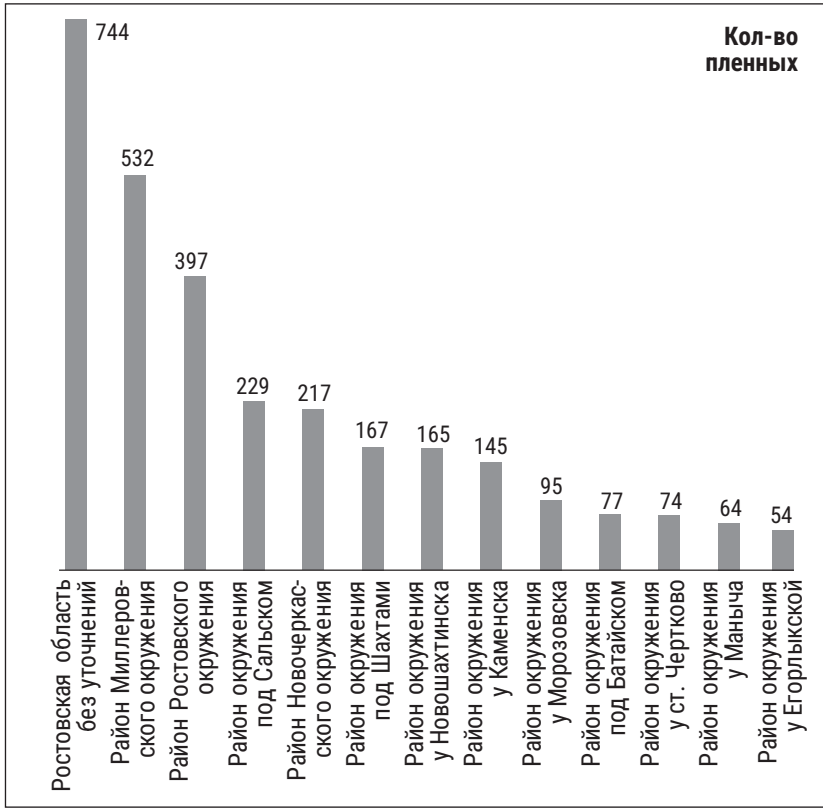

Рис. 1. Количество плененных в Ростовской области летом 1942 г. по районам окружений

Источники и литература

1. *Абрамов В.В.* Керченская катастрофа 1942. М., 2006.
2. Память народа. URL: https://pamyat-naroda.ru/ (дата обращения: 21.04.2025).
3. Ростовская область в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.: словарь-справочник / авт.-сост. В.К. Щербанов. Ростов-на-Дону, 2014.

Д. Лазаревич

ПОПЫТКА ГИТЛЕРА УКРАСТЬ КАВКАЗСКУЮ НЕФТЬ (1942–1943 гг.): НАПАДЕНИЕ НА КАВКАЗ И СТАЛИНГРАД

В данной работе применяется междисциплинарный подход к изучению нацистского наступления на Сталинград (в настоящее время – Волгоград) и Кавказ во время Второй мировой войны с целью захвата нефтяных месторождений. Исследование включает: анализ исторических источников, сравнительный анализ (Сталинградской битвы и Битвы за Кавказ) и геополитический анализ энергетической безопасности во время Второй мировой войны и в наши дни.

План Гитлера по захвату советских нефтяных месторождений на Кавказе был одним из ключевых моментов военной стратегии нацистской Германии. Нефть была жизненно необходима захватчикам, поскольку вся военная техника зависела от этого ресурса. Нацистская Германия испытывала нехватку энергоресурсов, а Кавказ был известен своими нефтяными богатствами, что стало причиной проведения операции «Эдельвейс», целью которой был захват месторождений кавказской нефти. Одновременно со стремлением овладеть Кавказом был организован штурм Сталинграда – одна из самых тяжелых и кровопролитных битв Второй мировой войны [3: 2].

Сталинградская битва стала судьбоносной как для СССР, так и для хода войны в целом. Овладение нефтяными ресурсами означало возможность переломить войну в свою пользу или, в случае Советского Союза, сохранить контроль над энергоресурсами. Для кавказской и сталинградской операций было мобилизовано большое количество немецких солдат (человеческие потери составили около миллиона человек среди немцев и их союзников), но операция «Эдельвейс» в итоге провалилась [2: 500].

В настоящей статье подробно рассматривается исторический контекст нацистского похода на Кавказ, анализируются причины и последствия боев, развернувшихся на Кавказе и в Сталинграде. Понимание этих исторических событий поможет осмыслению современной борьбы за энергоресурсы и глобальной энергетической безопасности.

Исторический контекст. Народы России сохраняют память о попытке Гитлера захватить нефтяные месторождения на Кавказе и о наступлении на Сталинград. В отличие от своих южнославянских братьев, русские уделяют большое внимание сохранению исторической и культурной памяти, особенно касающейся Второй мировой войны, и не допускают искажения истории. Изучение прошлого крайне важно для правильного понимания причинно-следственных связей между историческими событиями, настоящим и прогнозами на будущее.

Нефтяные месторождения Кавказа, по некоторым данным, были известны еще в VII в., когда древние народы – персы и арабы – использовали нефть в медицинских целях. С развитием технологий и индустрии с XIX в. началась промышленная добыча нефти (первый промышленный участок был разработан в 1811 г.), бурение и переработка: в Анапе в 1866 г., затем в Майкопе в 1909 г. К началу Первой мировой войны существовало 15 нефтяных маршрутов с Кавказа, а основными инвесторами в добычу и переработку нефти были британско-норвежская компания Royal Dutch Shell, шведская компания «Братья Нобель» (Branobel) и Российская генеральная нефтяная корпорация «Ойл» [4: 91–92].

Октябрьская революция временно приостановила развитие нефтяной промышленности и снизила ее производственные мощности, а в 1920 г. отрасль была национализирована [12: 149]. После этого советская нефтяная индустрия пережила новый подъем: началась подготовка квалифицированных специалистов, модернизация оборудования и технологическое обновление [12]. Однако этот рост был прерван Второй мировой войной, когда нацисты пытались захватить кавказские нефтяные месторождения.

Поход Гитлера на Кавказ был частью военной операции «Эдельвейс», развернувшейся в середине 1942 г. [10]. План предусматривал захват крупнейших советских нефтяных месторождений в Майкопе, Грозном и Баку для снабжения немецкой армии и подрыва мощи Советского Союза [7]. О значении данных месторождений свидетельствуют статистические данные: кавказская нефть составляла 50 % мирового нефтяного производства [4].

В следующих разделах данной работы будут рассмотрены ход немецкой военной операции «Эдельвейс» и жертвы, принесенные Советским Союзом ради сохранения контроля над нефтяными месторождениями.

Борьба за кавказскую нефть. Амбиции Гитлера, направленные на завоевание Советского Союза, сегодня можно назвать результатом ошибочной оценки и незнания советской военно-стратегической культуры и менталитета. Кроме того, они были следствием неосведомленности о географических и климатических условиях советских территорий,

которые в своем роде работали против захватчиков. Уже к середине 1942 г. Гитлер считал, что советские силы близки к краху, что способствовало его плану наступления на Сталинград и Кавказ с целью установления контроля над нефтяными месторождениями в Грозном и Баку. Задачу взятия Сталинграда Гитлер поручил генералу Фридриху Паулюсу, который после захвата города должен был продвинуться на юг к Астрахани и Каспийскому морю. Группа армий «А» под командованием фельдмаршала Вильгельма Листа должна была занять восточное побережье Чёрного моря и Кавказ. Некоторые военные группировки были переброшены на другие направления, так как Гитлер считал, что оставленных сил достаточно для захвата Кавказа [7].

Первоначальное наступление гитлеровских войск оказалось успешным: к концу июля 1942 г. немцы заняли Азов, затем Манычский канал, Сальск, а в августе – Ставрополь, Армавир, Майкоп и Краснодар. Перед этим отступавшие советские войска разрушили свои города, чтобы они не достались немцам. Части Красной армии восстанавливались и готовились к обороне Кавказа от нацистов [1].

Из-за нехватки топлива и личного состава, а также в условиях проблем с коммуникациями нацисты продвигались медленно по направлению к Чёрному морю. В этот период произошла реорганизация Красной армии, активизация народного партизанского движения, противнику было оказано ожесточенное сопротивление. Были защищены многие стратегически важные точки (реки Терек и Баксан, а также города Грозный и Орджоникидзе (ныне – Владикавказ)), но нацистам удалось прорвать оборону до Новороссийска и захватить Таманский полуостров.

Зима 1942/1943 г. принесла поражение нацистской армии в Сталинграде, что изменило ход боев и за Кавказ. После Сталинградской битвы Красная армия очистила кавказские территории, захваченные немцами, и сохранила контроль над нефтяными месторождениями. Нефть оказалась ключом к успеху или поражению армии – тот, кто удерживал ее под своим контролем, сохранял господство и побеждал.

В целом Битва за Кавказ длилась с 25 июля 1942 г. по 9 октября 1943 г. Только безвозвратные потери советских войск составили свыше 340 тыс. человек, санитарные – около 500 тыс. человек [6: 287, 293, 310, 356].

Битва за Сталинград. Сталинградская битва длилась с 17 июля 1942 г. по 2 февраля 1943 г. и стала одним из крупнейших и самых кровопролитных сражений на территории Советского Союза. Поскольку целью операции «Эдельвейс» был захват нефтяных месторождений на Кавказе, нападение на Сталинград имело стратегическое значение. Нацисты верили, что с падением Сталинграда падет и Советский Союз и что это уже близко, так как русские были истощены [11: 2].

В июле 1942 г. группа армий «Юг» начала наступление на Сталинград с целью захвата промышленного и транспортного центра. В августе немцы достигли города и начались ожесточенные бои. Несмотря на сильное сопротивление Красной армии, немцы смогли захватить большую часть города, а самые ожесточенные бои шли за заводы «Красный Октябрь», «Баррикады» и Мамаев курган. Советская армия начала операцию «Уран» (19–23 ноября 1942 г.), благодаря которой окружила и разгромила 6-ю армию генерала Паулюса. После «Урана» немцы не смогли добиться значительных успехов в кампании за Сталинград [8].

Окончательная капитуляция немецкой армии в Сталинграде произошла 2 февраля 1943 г., после того как несколькими днями ранее (31 января) ставший фельдмаршалом Паулюс сдался. Разгром 6-й немецкой армии поднял моральный дух советских войск и коренным образом изменил ход войны. Однако какую цену заплатил Сталинград?

Во время Сталинградской битвы было уничтожено 90 % жилых зданий, все крупные заводы, железные дороги и мосты. Общий ущерб оценивался в 9 млрд руб. в денежном эквиваленте того времени. Красная армия понесла еще большие потери – почти 480 тыс. убитыми и пропавшими без вести солдат, а также почти 650 тыс. ранеными [6: 285, 290].

Борьба за нефть в мирное время. Оборона нефтяных месторождений на Кавказе во Второй мировой войне имела стратегическое значение для Советского Союза. Однако после Второй мировой войны Советский Союз ориентируется на нефтедобычу в Сибири и на Каспийском море. Кавказский регион утрачивает ключевую роль в этой сфере. Современная азербайджанская нефтедобыча на Кавказе остается значимой, а Баку считается одним из крупнейших мировых центров нефтяной промышленности.

Современная Германия не обладает достаточными энергоресурсами и вынуждена импортировать их из других стран. Энергетический кризис 2020-х гг. особенно отразился на внешней политике и экономике Германии, возникнув в первую очередь из-за отказа от российского природного газа. Несмотря на заявления немецких властей о преодолении трудностей, нехватка энергоресурсов по-прежнему ощущается, а также наблюдается возвращение к использованию каменного угля для отопления, что противоречит экологическим нормам Европейского союза.

Кавказ и Черноморский регион по-прежнему играют важную роль в обеспечении глобальной энергетической безопасности. Энергоресурсы с Кавказа через черноморские порты (чаще всего российские) транспортируются в страны Европейского союза. Азербайджанская и казахстанская нефть проходит через российские порты, в основном Новороссийск, откуда затем танкерами доставляется в Европу [5].

С другой стороны, российский природный газ транспортируется по трубе под Чёрным морем в Европу. Сегодня функционирует только один такой газопровод – «Турецкий поток» (Россия – Турция – под Чёрным морем – Болгария – Сербия – Венгрия и далее в страны ЕС) [9]. Кавказ и Черноморский регион исторически играли большую роль в сфере энергетической безопасности и продолжают оставаться важнейшими стратегическими территориями. Сегодня борьба за энергоресурсы уже не принимает форму сражений за Кавказ и Сталинградской битвы периода Второй мировой войны, но всё же существует – в виде милитаризации региона и конкуренции великих держав за влияние и монополию на рынке.

Заключение. Борьба за энергоресурсы – это не только проблема современности, что наглядно подтверждает нацистское наступление на Кавказ и Сталинград с целью захвата нефтяных месторождений. Изначально нацистская операция «Эдельвейс» была успешной, но из-за нехватки нефти, недостаточного знания менталитета русского народа, географических и климатических условий, а также проблем коммуникации внутри армейских групп она потерпела неудачу. Победа в Сталинграде означала остановку немецкого наступления вглубь Советского Союза и сохранение контроля над кавказской нефтью.

Энергетическая безопасность Кавказа и Черноморского региона имеет не только локальное, но и глобальное значение – так было с середины XIX в., с начала промышленной добычи кавказской нефти, и так остается по сей день. Успешная советская оборона Кавказа и Сталинграда изменила ход Второй мировой войны и заложила основу для современной геополитики в сфере энергетики. Без понимания исторического контекста этого региона невозможно осознать его сегодняшнее положение, политико-экономические вызовы, через которые он проходит, и его значение для мирового энергоснабжения.

Источники и литература

1. *Гречко А.А.* Битва за Кавказ. 2-е изд., доп. М., 1973.

2. *Дашичев В.И.* Банкротство стратегии германского фашизма: исторические очерки, документы и материалы: в 2 т. Т. 2. М., 1973.

3. *Иринчеев Б.К.* Медаль «За оборону Кавказа». Выборг, 2022.

4. *Касьянова Н.А.* Становление и развитие нефтяной промышленности Северного Кавказа (к 130-летию грозненской нефтяной промышленности) // Proceedings of Higher Educational Establishments: Geology and Exploration. 2023. № 6. С. 91–105.

5. *Лебедько А.Г., Кулындышева Н.В.* Ресурсы нефти и газа Северо-Кавказской нефтегазоносной провинции // Экономический вестник Ростовского государственного университета. 2007. Т. 5. № 3. Ч. 3. С. 144–148.

6. Россия и СССР в войнах XX века. Потери вооруженных сил: статистическое исследование / под общ. ред. Г.Ф. Кривошеева. М., 2001.

7. *Самсонов А.* Как вермахт проиграл битву за нефть. URL: https://topwar.ru/207823-kak-vermaht-proigral-bitvu-za-neft.html (дата обращения: 15.02.2025).

8. *Самсонов А.М.* Сталинградская битва. 4-е изд. М., 1989.

9. *Саркисян С.* Газопровод «Турецкий поток» как инструмент формирования новой реальности в Черноморско-Каспийском регионе // Геоэкономика энергетики. 2018. № 1. С. 112–123.

10. Сильнее смерти: сборник / ред.-сост. И.В. Иваненко. Майкоп, 1993.

11. Сталинградская битва. Наша победа. 1942–1943 / сост. и ред. И.А. Маневич. М., 2012.

12. *Степанов В.Л.* Нефтяная промышленность Северного Кавказа в правительственной политике конца XIX – начала XX в. // Российская история. 2019. № 6. С. 127–147.

А.Г. Попов

СТАЛИНГРАДСКАЯ БИТВА. ПЯТЬ ЗАБЫТЫХ ДНЕЙ

Сталинградская битва – эти два слова наполнены глубоким символизмом для всех граждан России. Это важнейшее сражение стало переломным моментом в ходе не только Великой Отечественной, но и всей Второй мировой войны. 2 февраля 1943 г. в России отмечается День воинской славы – День разгрома советскими войсками немецко-фашистских войск в Сталинградской битве. Практически в каждой телевизионной передаче, на радио, в прессе и интернет-источниках при освещении темы Сталинградской битвы можно встретить информацию о том, что она началась 17 июля 1942 г. и длилась 200 дней. Лишь среди узкого круга специалистов звучат пока робкие попытки опровергнуть устоявшуюся точку зрения о начале этого сражения 17 июля.

Известный военный историк Алексей Исаев пишет о том, что принятая в исторической науке дата начала Сталинградской битвы не совсем верна, поскольку первый бой этой битвы произошел днем ранее. По его мнению, два скоротечных столкновения наших танкистов с противником вечером 16 июля 1942 г. в районе х. Золотого и Морозова следует считать началом Сталинградской битвы [3: 12]. Согласно общепринятой точке зрения, 17 июля 1942 г. авангарды 6-й полевой армии вермахта, выйдя на рубежи р. Чир, вступили в бой с войсками советской 62-й армии в окрестностях х. Пронина Серафимовичского района Сталинградской области. С этого дня принято отсчитывать оборонительный этап Сталинградской битвы.

В данной статье на основании архивных документов поднимается вопрос о необходимости пересмотра даты начала оборонительного этапа Сталинградской битвы и его переноса на пять дней – с 17 июля на 12 июля 1942 г. Для исследования были использованы следующие документы, освещающие события второй декады июля 1942 г.: директивы Ставки Верховного Главнокомандования, журнал боевых действий Сталинградского фронта, документы 63-й армии и 8-й воздушной армии, книги учета потерь личного состава, а также ряд других источников. Орфография и пунктуация документов при цитировании сохранена.

Документы свидетельствуют, что ночью 12 июля 1942 г. состоялись переговоры по прямому проводу Верховного главнокомандующего И.В. Сталина и начальника Генерального штаба А.М. Василевского с командующим Южным фронтом Р.Я. Малиновским. В начале разговора Малиновский сообщил о сложившейся обстановке на Южном фронте: «Сегодня в 11 часов 30 минут танки противника заняли Чертково, с ними вел бой наш дивизион бронепоездов, отходя по линии на Миллерово. Данных о положении частей 9-й и 38-й армий не имею. Связи с этими армиями со вчерашнего вечера не имею». Далее следуют предложения от Малиновского по принятию необходимых решений.

После доклада Малиновского трубку взял Сталин: «В нынешней обстановке немцы имеют главную задачу выйти на Сталинград, перерезать единственную оставшуюся железнодорожную линию Сталинград – Тихорецкая, связывающую север с югом, разрезать, таким образом, весь советский фронт надвое и прервать связь между севером и тремя южными фронтами, а именно: Юго-Западным, Южным и Северо-Кавказским. Это теперь самая большая опасность».

После этого А.М. Василевский попросил принять А.И. Антонова директиву Ставки с пометкой «Особо важная» по прямому проводу. Согласно этой директиве, был образован Сталинградский фронт в составе 21, 62, 63 и 64-й армий. Отдельно в директиве было отмечена задача для войск 63-й армии: «Силами 63-й армии оборонять восточный берег реки Дон на занимаемом ею участке и ни при каких условиях не допустить форсирования противником Дона» [7: 146–150].

Еще одна директива Ставки № 994110 от 12 июля 1942 г. дает нам представление о скорости принятия решений в этот судьбоносный для страны момент. В 4:40 командующему 63-й армией сообщалось о вхождении армии в состав образованного Сталинградского фронта с 6:00 12 июля 1942 г. в составе 1, 153, 197, 127, 203-й стрелковых дивизий (далее – сд), 14-й гвардейской сд. Эта же директива предписывала всеми частями оборонять занимаемый рубеж по р. Дон, поступив в подчинение командующего Сталинградским фронтом с 6 ч утра 12 июля [6: 8].

Из этих документов становится ясно, что с 6 ч утра 12 июля 1942 г. войска 63-й армии вели боевые действия в составе Сталинградского фронта с поставленной командованием задачей оборонять восточный берег Дона на занимаемом ею участке и ни при каких условиях не допустить форсирования противником реки.

При изучении документов Сталинградского фронта, относящихся к периоду с 12 по 17 июля 1942 г., становится понятно, что чем дальше находился источник, отправлявший информацию с мест проведения боевых действий, тем в меньшей степени она отразилась в документах вышестоящих штабов. В тот момент на это имелись вполне объективные причины. Во-первых, это были первые пять дней с момента образования Сталинградского фронта, во-вторых, большинство армейских штабов находились в состоянии переездов и налаживание связи по этой причине было крайне затруднено. Кроме того, как следует из документов, проводная связь периодически нарушалась авиацией противника.

До 20 июля 1942 г. в журнале боевых действий Сталинградского фронта очень незначительный объем занимают сведения о боевых действиях, и только с 20 июля в журнале находят отражение боевые столкновения передовых отрядов 62-й армии с передовыми отрядами противника. Можно ли на этом основании считать, что войска фронта в этот период не вели сколько-нибудь значимых боевых действий? Конечно, нет, и на это нам прямо указывают документы трех стрелковых дивизий 63-й армии – 1, 153 и 197-й, которые приняли первые удары со стороны наступающего противника. На основании оперативных сводок и боевых донесений мы можем проследить события на вверенном 63-й армии участке фронта.

Ниже приведены выдержки из оперативных сводок 197-й сд за период 14–16 июля 1942 г.: 14 июля «перед передним краем обороны действовала из направления Нижне-Кривской разведка противника, и происходила перестрелка с нашим боевым охранением»; 15 июля «между 18.00 – 20.00 3 батальон 828 сп (стрелкового полка. – *А. П.*) был обстрелян минометным огнем из района кургана (9494). Имеем потери: Выведено из строя одна 45-мм пушка, 2 раненых»; 16 июля «в 7.00 два средних танка и тридцать-сорок человек пехоты из оврага (9692) пытались вклиниться в район обороны 3/828 сп, но огнем были остановлены. Отошли в направлении Фролов. В 20.00 в овраге (9692) обнаружено 4 танка противника» [12: 21–21 об., 22, 24].

В этот же период из оперативной сводки № 003 к 18:00 15 июля 1942 г. штаба 63-й армии мы можем узнать о боевых действиях 1-й сд: «1 сд занимает прежнее положение: 3 батальон 412 сп, оборонявший Богучарский тэт-де-пон, под давлением противника силой до 2-х пехотных

батальонов усиленных танками, понеся значительные потери, оставил ГРУШЕВКА, ГАЛИЕВКА и к исходу 14.7. на левом берегу р. Дон. 4 стрелковая рота 415 сп, оттеснив противника на выс. 146, к исх. 14.7 вновь заняла высоту 190.0. Потери противника и трофеи уточняются» [10: 18].

Значительно больше подробностей о тех днях нам позволяют узнать записи в журнале боевых действий 153-й сд: «12.7.42. В 19:00 противник начал артобстрел боевого охранения 563 сп на рубеже Сухой Донец, выс. 147.6, яр Большой Лог. На выс. 180.4, 12.7 завязался ожесточенный бой наших частей с противником. Атака противника была отбита». Спустя двое суток попытки немцев прощупать оборону 153-й сд на правобережье возобновились с новой силой: «15.7.42. Утром противник вышел на правый берег р. Дон на участках: Пасека, 2-я Белая горка, выс. 208.7 67 пп (пехотный полк. – *А. П.*) немцев; Тихая, Калиновский, Затонский до полка мотомехчастей пехоты с 10–15 танками, 10–20 бронемашинами. 1 батальон 563 сп, 3 батальон 557 сп. вели бой с отдельными группами пехоты и танков противника. Атака противника была отбита. 20.30. Противник с рубежа выс. 163.3, выс. 196.9 силою до 2-х батальонов пехоты и мотоциклистов с 13–15 танками и бронемашинами перешел в наступление в направлении Казанская». События в полосе обороны 153-й сд достигли своего апогея 16 июля: «Противник продолжал атаки за овладение Казанским тет-де-поном с фронта и флангов и к исходу дня овладел Демидов, Затубянский, Гормиловский, отрезая пути отхода 3/557 сп на левый берег р. Дон. На Мигулинский тет-де-пон противник повел наступление силою до 30 мотоциклистов, 3 танков, до роты пехоты. Между противником и прикрывающей тет-де-пон 9 ротой 556 сп, завязался ожесточенный бой. Бой продолжался до 17.7.42». Своеобразную итоговую черту событиям последних двух дней подводят командиры 153-й сд в этом же журнале: «В результате боя с 15.7 по 17.7.42 включительно подбито и уничтожено в районах тет-де-понов и на других участках: танков 12, минометов 6, орудий 1, автомашин до 40, повозок 16, тракторов 2, прицепов с горючим и боеприпасами 4, убито и ранено до 300 фашистов. В боях с фашистами многие бойцы и командиры показали образцы мужества, стойкости, храбрости и геройства» [11: 20].

Изучение наградных документов 153-й сд за указанный период в полной мере подтверждают события, отмеченные в журнале боевых действий [4]. Безвозвратные потери по 1-й и 153-й сд за период с 14 по 17 июля 1942 г. были следующими: по 153-й сд погибли 25 человек, пропали без вести – 464, попали в плен – 30 [2]; по 1-й сд погибли 58 человек, пропали без вести – 11, были эвакуированы по ранению – 79 [1]. Таким образом, за эти пять дней боевые потери только по двум дивизиям 63-й армии составили несколько сотен человек.

Ниже приведена выдержка из приказа по 197-й сд № 1 от 16 июля 1942 г.: «Всем частям дивизии ценою жизни удерживать за собою левый берег р. Дон. Всеми имеющимися огневыми средствами уничтожать живую силу и технику противника на противоположном берегу. При попытке фашистской сволочи переправляться на наш берег – уничтожать его на реке. КОМАНДИР 197 СТР. ДИВИЗИИ Комбриг Запорожченко» [9: 35]. Этот приказ в целом повторяет директиву главнокомандования о недопущении форсирования р. Дон на заданном участке фронта. С поставленной задачей солдаты и командиры 63-й армии успешно справлялись как в июле 1942 г., так и позднее.

Спустя месяц, 20 августа 1942 г., войсками 63-й армии Дон был форсирован на широком участке фронта, что не только способствовало оттягиванию резервов противника от Сталинграда, но и привело к образованию важнейшего плацдарма на правобережье. Этот плацдарм позволил к 19 ноября 1942 г. сконцентрировать значительные резервы советских войск, которые в рамках операции «Уран» нанесли мощный и сокрушительный удар по врагу. Это дало возможность в короткие сроки окружить армию вермахта под Сталинградом.

Если считать началом Сталинградской битвы 17 июля 1942 г., то возникает вопрос: к каким событиям следует отнести боевые действия еще одной армии Сталинградского фронта – 8-й воздушной за период с 12 по 17 июля? Информация о них отражена в оперативных сводках:

1) Оперативная сводка № 0300 8-й воздушной армии 14 июля 1942 г. к 23.00: «В течение дня 14.7.42 части 8 ВА (воздушная армия. – *А.П.*) штурмовыми и бомбардировочными действиями уничтожали мотомехвойска противника, препятствуя их продвижению на юг и юго-восток по дорогам – БОКОВСКАЯ, ЧЕРНЫШЕВСКАЯ, ОСИНОВСКИЙ. Дежурством в воздухе прикрывали переправы через р. Дон на участке КАЗАНСКАЯ, ВЁШЕНСКАЯ и пункт КАЛАЧ. В результате боевых действий частей выведено из строя 6 танков, 25 автомашин с пехотой противника. Произведен 1 воздушный бой, в результате которого сбит 1 – Хе-111. Свои потери – 5 ИЛ-2 не вернулись с боевого задания на свой аэродром» [8: 28–28 об.].

2) Оперативная сводка № 0302 8-й воздушной армии 15 июля 1942 г. к 23.00: «110 самолетами произведено 158 самолетовылетов, из них – на атаку – 113, на разведку – 20, на сопровождение – 14, на прикрытие – 11. В результате боевых действий уничтожено и повреждено – 18 танков, 137 автомашин, с пехотой и грузами, 33 п. установки, 1 бензоцистерна, 2 Хе-111 и 8 одномоторных самолетов на аэродроме МОРОЗОВСКИЙ, 250 чел. солдат и офицеров» [8: 30].

3) Оперативная сводка № 0304 8-й воздушной армии 16 июля 1942 г. к 23.00: «В результате боевых действий частей выведено из строя

до 25 танков, 73 автомашины. В течение дня проведено 5 воздушных боев, в результате которых сбиты 1 Ю-52, 5 Ме-109, сожжены на земле 30 Ю-52 и 7 Ме-109. Всего потери ВВС противника – 39 самолетов, из них – 31 Ю-52, 8 Ме-109. Свои потери 8 самолетов из них – 6 ПЕ-2 сбиты в воздушном бою; 2 ИЛ-2 не вернулись с боевого задания» [8: 33].

Подразделениями 8-й воздушной армии в период с утра 12 июля и до 23:00 16 июля 1942 г. было совершено 877 самолетовылетов, на противника было сброшено 3906 авиабомб различного типа, уничтожено 70 самолетов, 49 танков и 262 машин неприятеля. Наши воздушные силы собрали большой массив важной разведывательной информации о продвижении войск вермахта на сталинградском направлении. Прикрытие ключевых переправ через Дон в эти дни позволило огромному количеству наших войск и техники уйти на спасительный левый берег.

Подразделения противовоздушной обороны все эти дни отражали массированные налеты как на войска Сталинградского фронта, переправы, важные транспортные узлы, так и на сам город Сталинград. Последний, но, вне всякого сомнения, один из самых важных аргументов в пользу необходимости пересмотра датировки Сталинградской битвы был дан Секретариатом Верховного Совета СССР 25 апреля 1943 г. в разъяснении о порядке вручения медали «За оборону Сталинграда». Согласно этому документу, участниками обороны Сталинграда считались граждане, принимавшие участие в защите города в период с 12 июля по 19 ноября 1942 г. [5]. В силу отсутствия государственных нормативных документов, отменяющих либо как-то корректирующих данное разъяснение, мы считаем, что датой начала Сталинградской битвы необходимо считать 12 июля 1942 г.

Источники и литература

1. Донесение о безвозвратных потерях по форме БП-2 1 сд с 10.07.1942 по 20.07.1942 г. // ОБД «Мемориал». URL: https://obd-memorial.ru/html/info.htm?id=51171622&p=1 (дата обращения: 05.03.2025).

2. Донесение о безвозвратных потерях по форме БП-2 153 сд с 10.07.1942 по 20.07.1942 г. // ОБД «Мемориал». URL: https://obd-memorial.ru/html/info.htm?id=51171653&p=1 (дата обращения: 05.03.2025).

3. *Исаев А.В.* Сталинградская битва. Самая полная иллюстрированная энциклопедия. М., 2024.

4. Малафеев Степан Федорович 1921 г.р. // Подвиг народа. URL: https://podvignaroda.ru/?#id=1505736245&tab=navDetailManCard (дата обращения: 05.03.2025).

5. *Материкин А.В.* Медаль «За оборону Сталинграда»: история учреждения и награждения. Волгоград, 2008.

6. Центральный архив Министерства обороны Российской Федерации (далее – ЦАМО РФ). Ф. 48-А. Оп. 1640. Д. 180.
7. ЦАМО РФ. Ф. 96а. Оп. 2011. Д. 26.
8. ЦАМО РФ. Ф. 220. Оп. 220. Д. 75.
9. ЦАМО РФ. Ф. 312. Оп. 4245. Д. 13.
10. ЦАМО РФ. Ф. 312. Оп. 4245. Д. 28.
11. ЦАМО РФ. Ф. 312. Оп. 4245. Д. 56.
12. ЦАМО РФ. Ф. 1180. Оп. 1. Д. 4.

У.Б. Очиров

К ВОПРОСУ О ПОТЕРЯХ 110-й КАЛМЫЦКОЙ КАВАЛЕРИЙСКОЙ ДИВИЗИИ В БОЯХ НА ДОНУ В ИЮЛЕ 1942 г.[1]

110-я Калмыцкая кавалерийская дивизия (далее – кд) являлась одним из национальных соединений, сформированным согласно постановлению Государственного комитета обороны № 894сс от 13 ноября 1941 г. в Калмыцкой АССР. Она была фактически олицетворением республики и калмыцкого народа, их вклада в борьбу с агрессором, поэтому многие жители региона, в том числе чиновники и ценные специалисты, имеющие бронь от призыва, добровольно вступали на службу, чтобы попасть в ее ряды. В мае 1942 г.110-я кд была направлена на Северо-Кавказский фронт, в июне включена в 51-ю армию. Ввиду нехватки войск 110-й кд временно была поручена оборона 58-километрового участка берега Дона в междуречье Маныча и Сала, на котором работали три переправы: мост в Багаевской, паромы в Мелиховской и Раздорской.

В составе соединения находились: управление – 80 человек (согласно штатам на начало июля 1942 г.); 273, 292, 311-й кавалерийские полки (далее – кп) – по 1160; 99-й конноартиллерийский дивизион – 496; зенитная батарея – 80; 99-й артиллерийский парк – 143; 81-й полуэскадрон связи – 53; 110-й эскадрон химзащиты – 64; 94-й медико-санитарный эскадрон – 50; 374-й ветеринарный лазарет – 25; 82-й продовольственный транспорт – 48; военная прокуратура – 4; особый отдел НКВД с взводом – 54; редакция газеты – 7; полевая почтовая станция 1925 – 5; 1028-я полевая касса Госбанка – 3 [12: 6].

На 10 июля в составе 110-й кд числилось 4579 человек [3: 89], то есть соединение было почти полностью укомплектовано личным составом. Воины получили почти всё вооружение, за исключением зенитных орудий и крупнокалиберных пулеметов, самозарядных винтовок и т.д.

[1] Исследование проведено в рамках государственной субсидии – проект «Юго-восточный пояс России: исследование политической и культурной истории социальных общностей и групп» (номер гос. регистрации: 122022700134-6).

Люфтваффе начало интенсивно бомбить переправы, но конники огнем станковых пулеметов и противотанковых ружей (далее – ПТР) отогнали их со сверхмалых высот. Через указанные переправы, работавшие вплоть до подхода панцерваффе, вышли управления Южного фронта и 4-й воздушной армии, бóльшая часть 37, 24 и 9-й армий, более 425 тыс. человек, 215 танков, 1,3 тыс. орудий, более 8 тыс. тракторов и машин, 10 тыс. повозок и т.д. [12: 269–271].

19 июля к переправам подошла моторизованная дивизия (далее – мд) "Großdeutschland" («Великая Германия»), превосходившая 110-ю кд по количеству людей более чем в четыре раза, по количеству пулеметов – в 12 раз, по количеству орудий – в 9,5 раз (а с учетом разницы калибров и веса снарядов еще больше) [12: 201], а по танкам и самоходным артиллерийским установкам – и сравнивать не с чем. 110-ю кд планировали заменить на пехоту, чтобы вернуть в кавкорпус Б.А. Погребова [16: 80]. Однако стрелковые дивизии (далее – сд), предполагавшиеся на замену, понесли заметные потери: в них оставалось по 900 бойцов с незначительным количеством пушек и пулеметов [12: 284]. На их фоне 110-я кд выглядела более боеспособной, поэтому ее оставили на этом рубеже.

В своем первом сражении 110-я Калмыцкая кд (с 23 июля переданная в 37-ю армию) восемь дней отражала вражеские атаки, показав стойкость и хорошую подготовку. Конники отразили атаки на мост в Багаевской, блокировали плацдармы у Пухляковского и Мелиховской, а в ночь с 24 на 25 июля ликвидировали плацдарм у Пухляковского. «Великая Германия» была усилена 16-й мд, артиллерийскими и саперными частями резерва главного командования. У Раздорской был захвачен новый плацдарм, к которому навели мост. 25 июля «Великая Германия» (а вслед за нею и 16-я мд) прорвалась в тыл 110-й кд, отрезав часть 311-го кп. 110-я кд стала готовиться к боям с перевернутым фронтом. 26 июля «Великая Германия» атаковала позиции штаба и артдивизиона 110-й кд в х. Ажинове и позиции 292-го кп в х. Карповка. Лишь в середине дня пришел приказ об отводе соединения [12: 387].

Немцы так оценили действия 110-й кд: «В борьбе с пехотной дивизией "Великая Германия" по меньшей мере в течение 60 часов она показала внушительную боевую мощь, о чем свидетельствуют большие кровавые потери… калмыки сражались азартно и часто очень жестко» [24: 169, 172–173]. В период с 18 по 26 июля, когда «Великая Германия» сражалась в основном со 110-й кд, средняя численность шести батальонов 1-го и 2-го полков и разведывательного батальона просела на четверть (с 88 до 66 %), а батальонов 1-го полка – до 55 % [24: 741, 811, 848].

В последующем 110-я кд сражалась на Маныче, отступила с боями к Тереку, затем прибыла в Калмыкию и обороняла магистраль Кизляр –

Астрахань. Однако осенью 1942 г. штаб 51-й армии начал распускать о ней ложные слухи: «Полковник Хомутников с личным составом около 2000 человек ушел в неизвестное направление в банду» [7: 132]. Появление соединения во главе с Хомутниковым в Калмыкии в сентябре 1942 г. этот слух опровергло, но органы НКВД развили его еще сильнее: «110 калмыцкая национальная кавалерийская дивизия проявила неустойчивость. В частях дивизии началось массовое дезертирство. Дезертиры группами, в некоторых случаях со своими командирами, возвращались домой… из дезертиров 110-й дивизии они создали крупные банды… немецкое командование сформировало из бандитско-дезертирского элемента калмыцкий кавалерийский легион, состоящий из 14 эскадронов» [8: 525]. Заместитель наркома НКВД И.А. Серов, объявляя руководству Калмыкии о ликвидации республики и депортации калмыков, не стал повторять причины, изложенные в указе, а сослался на 110-ю кд: «Ваша дивизия целиком разбежалась и ушла к немцам» [14: 19].

Анализ потерь 110-й кд в этих боях с распределением по категориям поможет ответить на вопрос, действительно ли калмыцкое соединение разбежалось в первых боях и ушло то ли в банды, то ли к немцам.

К сожалению, значительная часть штабных документов 110-й кд в ходе боев была уничтожена. Соответствующие сведения в документах 51-й и 37-й армий также сохранились фрагментарно.

Заместитель командира 110-й кд В.А. Хомутников, возглавивший ее при отступлении к Тереку, в письмах осенью 1942 г. оценил потери в этих боях так: 600 человек убитыми, 700 – ранеными, около 200 – пропавшими без вести [21: 122]. Иногда встречается вариант, где вместо 200 пропавших без вести указаны около 100 пленных и около 100 утонувших при переправе. Заместитель начальника политотдела 110-й кд батальонный комиссар Н.Л. Иванов (после гибели комиссара и тяжелого ранения начальника политотдела оказавшийся самым старшим политработником) в мемуарах оценил потери в этих боях в 2,5 тыс. человек: более 1 тыс. убитых, 1,4 тыс. раненых, 100 пленных [6: 8–10]. Сведения о 100 пленных подтверждаются документами 1-й танковой армии вермахта: «Дивизия “Великая Германия” преодолела упорное сопротивление противника и с танками захватила населенные пункты Ажинов, Кудинов и Карповка… Захвачено около 100 пленных, и один артиллерийский дивизион уничтожен в ближнем бою» [24: 524].

Первые сведения о численности 110-й кд после этих боев имеются в справке «Об укомплектованности боевых частей Донской оперативной группы СКФ на 1 августа 1942 года»: 2979 человек, 9 – 76-мм и 5 – 45-мм орудий [17: 739–740]. Вроде бы справка подтверждает оценку Хомутникова.

Однако частичная реконструкция раскладки потерь 110-й кд по частям дает другие цифры. Первоначально наиболее интенсивные удары

люфтваффе наносились по мосту в Багаевской, через который шел наибольший поток отступающих. Наибольшие потери нес 1-й эскадрон 292-го кп, охранявший мост: 18 июля там было семь убитых и пять раненых (всего в полку было убито и ранено около 40 человек), 20 июля только убитых было 50 человек. Уже 21 июля от 1-го эскадрона осталась половина, а 22 июля «1-й сабельный эскадрон в сущности уже не существовал» и был объединен с 3-м эскадроном [12: 230].

23 июля, когда начались бои за мост, 292-й кп потерял до 150 человек убитыми и ранеными, два орудия, миномет и два станковых пулемета. 24 июля, когда мост был взорван, 292-й кп потерял до 70 человек убитыми и ранеными, одно орудие, пять пулеметов, два ПТР [12: 316–317]. В этот день 4-й эскадрон 292-го кп был переброшен на усиление 273-го кп и назад уже не вернулся. 25 июля 292-й кп перешел от Багаевской к р. Сусат и потерял в боях 85 человек убитыми и ранеными, 11 пулеметов. Конно-артиллерийский дивизион потерял 70 человек убитыми и ранеными, два 120-мм миномета, три (из четырех) 76-мм пушки [12: 361]. 26 июля 292-й кп (без 4-го эскадрона) оборонял х. Карповка до 14:00 и понес значительные потери. Пулеметный эскадрон 292-го кп, оставленный для прикрытия отхода, погиб полностью. По воспоминаниям старожилов Карповки, после боя было собрано около 200 тел убитых бойцов [12: 394].

К вечеру 26 июля в 292-м кп, согласно мемуарам командира полка майора С.И. Ориночко, осталось примерно 300 человек, два орудия (одно 76-мм и одно 45-мм), два станковых пулемета, один ПТР [1: 92]. В 4-м эскадроне, оставшемся с 273-м кп, имелось не более 100 человек. Некоторые подразделения 292-го кп также оказались в 273-м кп, например, взвод связи. Таким образом, потери 292-го кп в боях на Дону составили примерно 700 человек.

311-й кп находился в резерве, но в ходе боев оказался разделен на две группы. Управление полка (командир полка капитан М.П. Василенко), 1-й и 2-й эскадроны, полковая и минометная батареи были выдвинуты за правый фланг 110-й кд, к переправе через р. Сал, после того как немцы создали плацдарм у Константиновской. 25 июля «Великая Германия», прорвавшись в тыл 110-й кд, отрезала группу Василенко, пытавшуюся пробиться к основным силам соединения, но успеха не имела и понесла значительные потери. После исчерпания боеприпасов Василенко отвел группу в район Батлаевской, где присоединился к кавкорпусу Погребова. Видимо, он знал о планах возвращения 110-й кд в состав этого соединения. Но 29 июля корпус Погребова был разгромлен. Остатки группы Василенко выходили к своим на широком фронте от Сталинграда до Пятигорска [11: 124].

3-й и 4-й эскадроны под руководством заместителя командира 311-го кп капитана А.К. Темирова выдвинули в центр позиций 110-й кд

для блокирования плацдарма у Мелиховской вплоть до 26 июля. Ее численность, по оценке современников, составляла 250–300 человек [2: 42]. Таким образом, потери (в которые включаем группу Василенко, так как в справке от 1 августа она не учитывалась) 311-го кп в этих боях составили 850–900 человек.

Таким образом, только потери двух полков уже превышают цифру 1,5 тыс. человек. О потерях 273-го кп точных данных нет, но он понес заметный урон от ударов люфтваффе по переправе в Раздорской, а 25 июля имел наибольшие потери в 110-й кд. 26 июля заметные потери были у конноартиллерийского дивизиона (более 200 человек) и управления соединения в бою у х. Ажинова. Таким образом, потери соединения в боях на Дону следует оценивать примерно в 2,5 тыс. человек.

Несоответствие (примерно в 1 тыс. человек) между оценкой потерь и численностью калмыцкого соединения на 1 августа объясняется, на наш взгляд, тем, что в его состав влились подразделения и одиночные бойцы из других дивизий и бригад. В наградном листе Н.Л. Иванова было указано, что с 25 по 30 июля он в тылах дивизии собрал 542 человека, три пушки, восемь минометов, 12 пулеметов «и вывел в полном порядке с поля боя» [10]. Следует заметить, что тылы 110-й кд вечером 25 июля были отрезаны панцерваффе от основных сил соединения, и их путь известен, за исключением заградотряда. Косвенно это подтверждают воспоминания командира 4-го эскадрона 292-го кп Б.Ц. Арбакова о том, что ему подчинили стрелковую роту [6: 3]. Однако в последующие дни упоминаний о стрелковых ротах и взводах уже нет. Видимо, их вернули в свои части, либо они отстали во время отхода.

Первоначально 110-я кд должна была отходить в район Майкопа. 29 июля начдив В.П. Панин со взводом охраны (17 человек) выехал в штаб 37-й армии [18: 161–162]. Однако в это время пришел приказ о немедленном отходе в восточном направлении. Заместитель командира 110-й кд В.А. Хомутников был вынужден принять командование соединением и выступить по указанному маршруту. Однако довести этот приказ до групп 292-го кп (командир полка майор С.И. Ориночко) и 311-го кп (заместитель командира полка капитан А.К. Темиров) не удалось: 13-я танковая дивизия и мд СС «Викинг» прорвались в тыл 37-й армии и отрезали ее от основных сил Северо-Кавказского фронта. В результате этого группы Ориночко и Темирова отошли по старому маршруту и затем влились в состав 10-й гвардейской Кубанской и 11-й гвардейской Донской кд соответственно [3: 137].

При отходе основного ядра 110-й кд от него отделился 4-й эскадрон 292-го кп Б.Ц. Арбакова, получивший задачу по прикрытию переправы. 30 июля 3-я танковая дивизия в районе х. Красный Маныч натолкнулась на кавалерию, которую позже идентифицировали как 292-й кп [23: 306–307].

После этого эскадрон Арбакова вдоль Маныча отступил в Калмыкию, а затем прикрывал дорогу Элиста – Астрахань до прибытия 34-й гвардейской сд и даже совершил ночной налет в районе Элисты [19: 26].

Ядро 110-й кд под командованием В.А. Хомутникова в ночь с 1 на 2 августа вырвалось из окружения в районе Сальска. Штаб 37-й армии поручил ему вести арьергардные бои, прикрывая отход по направлению к Ворошиловску (сейчас – Ставрополь). Вечером 2 августа вновь сформированный в составе ядра 110-й кд 292-й кп (120 человек) вступил в районе х. Эммануэлевского в бой, за который новый командир полка старший лейтенант А.М. Монахов был награжден орденом Красного Знамени [10]. 3 августа на позициях в районе с. Донского в бой вступила уже вся 110-я кд, включая офицеров штаба. После отхода на этих позициях была оставлена группа прикрытия 273-го кп (120 человек) под руководством командира пулеметного эскадрона М.Г. Джунгурова и комиссара полка старшего политрука Д.И. Евграшева. Группа выполнила приказ, но после этого догнать ядро 110-й кд не смогла. В районе Русского Баксана ее задержал заградотряд и направил в другую часть [5].

После боя у с. Донского тылы 110-й кд (продтранспорт, взвод особого отдела и др.) под руководством комиссара штаба И.И. Белкина через Буденновск и Арзгир вышли к Лагани. Позже Белкину подчинили другие подразделения и одиночных бойцов 110-й кд, вышедших в расположение 28-й армии (4-й эскадрон 292-го кп Б.Ц. Арбакова, группа 311-го кп М.П. Василенко и др.). Общая численность группы Белкина на 8 сентября В.А. Хомутниковым оценивалась в 500 человек [22: 16].

Боевые части 110-й кд под руководством Хомутникова продолжили отход на юг и 12 августа вышли к частям Северной группы войск Закавказского фронта в районе ст. Вознесенской. Несколькими днями ранее сюда вышла группа начдива В.П. Панина, который со взводом охраны отходил самостоятельно, собирая вокруг себя отступающих бойцов из разных частей (всего 196 человек) [20: 21]. Численность боевого ядра под руководством Хомутникова оценивалась в 400 человек [15: 144]. Командование влило пополнения (общей численностью 1 тыс. человек) в состав 110-й кд: группу Панина, 348 человек из 15-го запасного кп, несколько сот бойцов из запасного кп Южного фронта (правда, часть из них дезертировала). После прибытия в Калмыкию в составе 110-й кд числилось 1254 человек [22: 16].

Кроме того, ряд командиров и бойцов отстали от своих частей, особенно безлошадные. Среди них были даже высокопоставленные чины командно-политического состава, например, дивизионный инженер С.Г. Плоткин, помощник начальника штаба 311-го кп М.М. Старцев, литсотрудник дивизионной газеты «Красный кавалерист» С.И. Липкин,

написавший об этих днях хаоса и отступления самиздатовскую поэму «Техник-интендант», над трагическими строками которой плакала даже Анна Ахматова. Кому-то удалось вернуться в части 110-й кд. Например, Плоткин и Старцев в Майкопе влились в состав 292-го кп. Сержант Л.Г. Лагаев после войны вспоминал, что В.А. Хомутников во время этого отхода ездил на машине в арьергарде, подбирая отстающих бойцов под носом у немцев [4: 188]. Кому-то пришлось влиться в состав других частей, даже пехотных. Например, сержант Г.М. Ковалев из взвода связи 292-го кп попал в 564-й минометный дивизион 275-й сд и погиб в Карачаево-Черкессии [9].

Некоторые бойцы, отставшие от части и не знавшие маршрута отхода, вернулись домой. Их судьба складывалась по-разному. Например, Б.М. Мангаев после возвращения в родной хотон, не попавший в зону оккупации, призвался повторно и попал в 3-й гвардейский кавкорпус, с которым провоевал до Победы, был награжден орденом Славы III степени, медалями «За отвагу» и «За оборону Сталинграда» [10]. Его собрат по несчастью, которого назовем Чака Д., вернулся в село, оказавшееся в оккупации. После освобождения села он явился в военкомат, но был арестован как дезертир. При конвоировании в Астрахань Чака выпрыгнул из грузовика и сбежал в «камыши», где собрал группу из таких же дезертиров. Сотрудники НКВД, используя его родственников как заложников, уговорили Д. с группой сдаться в обмен на амнистию. В октябре 1943 г. он пытался вновь призваться в Красную армию. Во время депортации калмыков в декабре 1943 г. Чака был вновь арестован и в мае 1944 г. – расстрелян. Этот дезертир не служил немцам, пытался вернуться в Красную армию, но ему не повезло.

Конечно, были и те, кто пошел на сотрудничество с оккупантами и вступил в коллаборационистский Kalmücken Verband (с 1944 г. – бригада, с 1945 г. – полк 15-го казачьего корпуса СС). Большинство личного состава состояло из угнанного оккупантами населения, вынужденного пойти на эту службу. Примерно пятую часть составляли бывшие военнослужащие Красной армии, которые, как наиболее подготовленные к военной службе, занимали командные посты. Были среди них и бывшие воины 110-й кд: например, лейтенант С.А. Коноков и старшина Д.Ц. Арбаков, занимавшие по очереди пост начальника штаба «фербанда», но таких людей было мало. При этом Коноков и Арбаков не дезертировали из 110-й кд в Калмыкию, где якобы организовали банды, а попали в плен в боях на Дону и Манычe, согласились стать предателями и только после этого прибыли на территорию Калмыкии. При этом известны переходы калмыков-коллаборационистов на сторону Красной армии: например, эскадрон И.С. Манцынова в августе 1944 г. в Польше присоединился к партизанскому отряду «Победа» [13: 179].

Таким образом, мы можем реконструировать численность 110-й кд после боев на Дону следующим образом. В группе 292-го кп майора С.И. Ориночко было 300 человек, в группе 311-го кп капитана А.К. Темирова – 250–300 человек, в группе 273-го кп старшего лейтенанта М.Г. Джунгурова – 120 человек, в группе батальонного комиссара И.И. Белкина (включая эскадрон Б.Ц, Арбакова и группу М.П. Василенко) – около 500 человек, в группе полковника В.А. Хомутникова – 400 человек. Всего примерно 1570–1620 человек из 2 тыс. бойцов, уцелевших после боев на Дону. В оставшиеся 480–530 человек входят: воины, погибшие или раненные в арьергардных боях; воины, отставшие и влившиеся в состав других частей; воины, добравшиеся до дома и вновь вступившие в ряды Красной армии. Конечно, были и те, кто вступил в банды дезертиров или пошел на сотрудничество с врагом. Однако, как видно, их численность была незначительной.

Источники и литература

1. В боях за Дон: воспоминания воинов 110-й Отдельной Калмыцкой кавалерийской дивизии. Элиста, 1969.

2. В боях за Северный Кавказ: воспоминания воинов 110-й Отдельной Калмыцкой кавалерийской дивизии. Элиста, 1973.

3. В годы суровых испытаний: боевой путь 110-й Отдельной Калмыцкой кавалерийской дивизии / авт.: А.И. Заднепрук, А.С. Заярный, М.И. Гучинов, Н.У. Илишкин, М.Т. Бимбаев. 3-е изд., испр. и доп. Элиста, 2003.

4. *Илишкин Н.У., Оглаев Ю.О.* Родина помнит. Элиста, 1988.

5. Научный архив КалмНЦ РАН. Ф. 4. Оп. 4. Д. 66

6. Научный архив КалмНЦ РАН. Ф. 4. Оп. 4. Д. 94.

7. Национальный архив Республики Калмыкия. Ф. Р-131. Оп. 3. Д. 86.

8. НКВД–МВД СССР в борьбе с бандитизмом и вооруженным националистическим подпольем на Западной Украине, в Западной Белоруссии и Прибалтике. Сборник документов / сост. Н.И. Владимирцев, А.И. Кокурин. М., 2008.

9. Обобщенный банк данных «Мемориал». URL: https://memorial.ru (дата обращения: 05.03.2025).

10. Обобщенный банк данных «Подвиг народа в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.» URL: https://podvignaroda.ru/?#tab=navHome (дата обращения: 05.03.2025).

11. *Очиров У.Б., Заярный С.А.* Значение письма А.И. Надточего как исторического источника в поиске «пропавшего» 311-го кавалерийского полка // Бюллетень Калмыцкого научного центра РАН. 2023. № 3. С. 111–134.

12. *Очиров У.Б., Заярный С.А.* Клятве остались верны: история формирования и боевой путь 110-й Калмыцкой кавалерийской дивизии. Т. II. Элиста, 2018.

13. Русский архив: Великая Отечественная. Т. 14 (3-1). СССР и Польша. М., 1994.
14. *Убушаев В.Б.* Калмыки: выселение и возвращение. 1943–1959 гг. Элиста, 1991.
15. Центральный архив Министерства обороны Российской Федерации (далее – ЦАМО РФ). Ф. 47. Оп. 1063. Д. 192.
16. ЦАМО РФ. Ф. 224. Оп. 760. Д. 5.
17. ЦАМО РФ. Ф. 224. Оп. 760. Д. 9.
18. ЦАМО РФ. Ф. 228. Оп. 701. Д. 1025.
19. ЦАМО РФ. Ф. 442. Оп. 8465. Д. 2а.
20. ЦАМО РФ. Ф. 464. Оп. 5689. Д. 93.
21. ЦАМО РФ. Ф. 3620. Оп. 13380. Д. 55.
22. ЦАМО РФ. Ф. 3631. Оп. 1. Д. 1.
23. Geschichte der 3. Panzer-Division, Berlin-Brandenburg 1935–1945. Berlin, 1967.
24. National Archives and Records Administration (USA). T. 315. R. 2282.

Т.Х. Матиев

ОСОБЕННОСТИ НАСТУПАТЕЛЬНЫХ ДЕЙСТВИЙ ВЕРМАХТА НА НАЧАЛЬНОМ ЭТАПЕ МАЛГОБЕКСКОЙ ОБОРОНИТЕЛЬНОЙ ОПЕРАЦИИ: ОПЕРАТИВНО-ТАКТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Бои на малгобекском направлении в сентябре – октябре 1942 г. не только стали одним из важнейших эпизодов Битвы за Кавказ и, без преувеличения, всей летне-осенней кампании 1942 г. (с учетом тех целей, которые обе стороны поставили перед собой, и того, какую роль в их реализации играло малгобекское направление), но и явились важной вехой в отработке старых и опробовании новых тактических приемов сторон в ходе их наступательных и оборонительных действий.

Особый интерес в этом смысле вызывает выстраивание наступательных действий со стороны противника. Войска вермахта, развернувшие вместе со своими союзниками генеральное наступление летней кампании на южном крыле советско-германского фронта в конце июня 1942 г., к исходу августа уже контролировали огромные пространства Юга России, заняв значительную часть территории Северного Кавказа и прорвавшись к кавказским перевалам и Тереку. 25 августа противник с ходу овладел Моздоком. Уже спустя неделю после перегруппировки и пополнения его дивизии приступили к форсированию Терека, что и явилось началом продолжавшейся более полутора месяцев Малгобекской оборонительной операции.

Терек представлял собой из-за бурного течения и внушительной ширины (местами до 500 м) одну из серьезных водных преград, тем более с учетом того, что на тот момент противник не захватил с ходу какие-либо крупные мосты через реку и вынужден был проводить форсирование войсковыми средствами преодоления водных преград. В первую очередь речь идет о моторных, штурмовых и надувных лодках. При этом характерно что, к примеру, в полосе 370-й пехотной дивизии, форсировавшей реку в районе Кизляра, не было заготовлено надувных лодок, и в результате, когда по причине мощного огневого противодействия советской стороны к вечеру были потеряны почти все штурмовые и моторные лодки, находившиеся на южном берегу подразделения остались без связи с основными силами. Данный факт с неудовольствием отмечали составители немецких штабных документов, ставя в вину дивизии то, что она не озаботилась своевременным созданием запаса надувных лодок на участке формирования [5: 122–123]. Возможно, такие замечания стали одной из причин того, что в благодарности, направленной командующим 1-й танковой армии в штаб 52-го армейского корпуса по итогам операции по форсированию Терека, хотя и говорилось «о храбрых дивизиях», но особо отмечены были, с поименным указанием командиров и номеров, только части 111-й пехотной дивизии, более успешно осуществившей переправу на главном участке в районе Предмостного [5: 81–82].

Тем не менее, несмотря на яростные контратаки советских войск и большие потери, частям обеих пехотных дивизий 52-го армейского корпуса удалось зацепиться за кромку берега и создать там плацдармы. Сразу после этого началось лихорадочное возведение военных понтонных мостов. Для переправы частей 13-й танковой дивизии было определено два моста – 8-тонный на кизлярском плацдарме и 16-тонный – на плацдарме в Предмостном [5: 39]. Эти переправы подвергались непрерывным налетам советской авиации, которая, несмотря на потери, сумела уже вечером 5 сентября полностью разрушить мост в Кизляре и серьезно повредить переправу в Предмостном [5: 113]. При этом затонула большая часть находившихся на ней транспортных средств [5: 321].

Овладение плацдармом стало прелюдией к развертыванию наступления на малгобекском направлении. Оно предсказуемо началось по кратчайшему пути, на самом удобном для танково-моторизованных соединений участке через Вознесенскую на Малгобек. С этой целью в составе 52-го армейского корпуса была сформирована боевая группа полковника Херфурта, по имени командира 117-го пехотного полка 111-й пехотной дивизии, которому было поручено командование этим временным соединением.

Тактика действий боевыми группами, в которые собирались обычно наиболее боеспособные подразделения с приданными ими частями

усиления, была типичной для вермахта при всех его наступательных операциях первого этапа Второй мировой войны. Особенное развитие она приобрела с начала войны против СССР.

В группу Херфурта, к примеру, 5 сентября, помимо частей самого 117-го полка, был включен также танковый батальон из 4-го танкового полка 13-й танковой дивизии и артиллерийский дивизион 13-го артиллерийского полка [5: 46]. Последние были сведены в еще одну боевую группу под командованием майора Гомилле, командира танкового батальона 4-го танкового полка 13-й танковой дивизии. Более того, к вечеру 5 сентября артиллерийское усиление наступательных операций группы Херфурта составило 21 полевую гаубицу и батарею шестиствольных минометов [5: 12].

Первая атака с плацдарма была предпринята немцами уже 4 сентября. Но она не получила развития. 5 сентября стороны перегруппировывались. С утра 6 сентября группа Херфурта возобновила наступление на Малгобек с севера, прорываясь вдоль дороги Моздок – Вознесенская в районе Красной Горки. Советские источники говорят не менее чем о 100 танках, брошенных немцами в атаку [3: 57]. Данная цифра не подтверждается немецкими документами, но в любом случае не вызывает сомнения, что это была одна из самых массированных танковых атак в ходе сражений в районе Малгобека. Однако за предшествующие дни командование противостоявшего группе Херфурта 11-го гвардейского стрелкового корпуса РККА сумело подготовить хорошо продуманную и эффективную оборону, опиравшуюся на благоприятный рельеф местности, канализировавшую немецкие атаки в предсказуемые маршруты и помогавшую встретить их должным образом.

В итоге начавшееся немецкое наступление быстро увязло в боевых порядках 176-й стрелковой дивизии и 62-й морской стрелковой бригады. Последним оказывала эффективную поддержку тяжелая артиллерия 98-й и 68-го тяжелых артиллерийских полков и противотанковые пушки 47-го истребительно-противотанкового дивизиона. В ходе боев 6 сентября передовые цепи противника прорвались на позиции советских подразделений, а танки оказались в гуще разгоревшейся в советских окопах схватки между немецкими автоматчиками и советскими стрелками. В источниках приводятся достаточно нетипичные примеры участия немецких танкистов в этой борьбе. Так, И.П. Рослый в своих мемуарах пишет, что из открывающихся в башнях немецких танков люков летели ручные гранаты, которыми экипажи пытались помочь своей пехоте сопровождения в прорыве советских позиций [3: 55]. Этот факт свидетельствует как о жестокости и напряжении боев, так и о диверсификации приемов ведения военных действий в зависимости от задач, вытекающих из конкретной боевой ситуации. Разумеется, для выработки и применения таких приемов требовалось наличие хорошей военной подготовки и высокой мотивации

личного состава. При этом не следует забывать, что действующие на малгобекском направлении немецкие соединения (в том числе и танковые) относились к одним из самых опытных, а если говорить о 3-й танковой дивизии или дивизии СС «Викинг» (которая, правда, была переброшена под Малгобек уже в конце сентября и не может по этой причине быть рассмотрена в рамках настоящей статьи) – даже элитных. Соответственно, у личного состава этих дивизий даже на четвертом году мировой войны всё еще не было особых проблем ни с подготовкой, ни с мотивацией.

Несмотря на то, что во второй половине дня отдельным танкам группы Гомилле удалось вырваться к окраинам Вознесенской, закрепиться там немцы не смогли. К вечеру в дело вмешались советские реактивные минометы 50-го гвардейского минометного полка. Умелое взаимодействие родов войск под грамотным и компетентным командованием в сочетании с упорством и стойкостью войск в обороне обеспечили успех советских оборонительных действий в этот во многом решающий день битвы за Малгобек. Итогом стал срыв немецкой атаки на Вознесенскую и более того – переход советской стороны к контрнаступательным действиям, приведший к сумеркам 6 сентября к оттеснению, а затем и оперативному окружению группы Херфурта, откуда ей удалось выйти только на следующий день. О продолжении наступления на Вознесенскую в таких условиях не могло идти и речи.

Окрыленное успехом обороны у Красной Горки, советское командование в тот же день приняло решение об использовании достигнутого преимущества для перехода в наступление и разгрома всей группировки противника на правом берегу Терека. Для этой цели командование Северной группы войск отрядило, помимо сил, применявшихся накануне для отражения атаки противника на Красную горку, также переброшенную к линии фронта и недавно сформованную в Тбилиси 52-ю отдельную танковую бригаду. Однако противник в этих условиях продемонстрировал умение хорошо держать удар и быстро и эффективно переходить от наступательных действий к обороне. Так, предпринятый советской стороной на следующий день 7 сентября контрудар, в котором приняла участие свежая 52-я отдельная танковая бригада, фактически захлебнулся, встреченный сосредоточенным огнем артиллерии, танков и пехотных средств. Это говорит о том, что, несмотря на тяжелые потери предыдущего дня и вынужденную спешную смену характера действий боевой группы Херфурта с наступательных на оборонительные, ее командование сумело успешно организовать такую смену и было готово к ней.

Как следствие, 52-я танковая бригада – основная боевая сила советского контрудара – уже в ходе своего боевого дебюта понесла очень тяжелые потери. Цифры в десятки уничтоженных танков, заявлявшиеся в немецких сводках по итогам боев 7 сентября, не находят подтверждения

в аналогичных советских документах, но даже если судить по ним, потери бригады были весьма серьезными. При этом особенно болезненным был тот факт, что потери были понесены в танках наиболее совершенных типов, которых в соединении и так было немного. Так, в десятичасовом бою 52-я танковая бригада лишилась двух тяжелых танков КВ из 10 и 14 танков Т-34 из 17. Потери в личном составе достигли 120 человек убитыми, ранеными и пропавшими без вести [2: 93]. Тяжелый урон понес офицерский состав – потеряно 25 человек. Самим немцам также недешево дался их успех в обороне: согласно советским данным, 15 немецких танков было подбито и сожжено, враг также лишился 10 артбатарей разных калибров и двух минометных батарей, а также до батальона солдат и офицеров [1].

Характерной особенностью развития боевой ситуации были активные действия советской авиации, в первую очередь штурмовой. По свидетельству командира 11-го гвардейского корпуса генерала И.П. Рослого, советские штурмовики на малых высотах бомбили и расстреливали боевые порядки наступающих немецких войск, нанося большой урон неприятельским танкам и мотопехоте. За день 6 сентября было совершено более 460 боевых вылетов [3: 55]. Это тем более было важно и значимо для хода военных событий на земле, что немецкая авиация в этот период проявила однозначно меньшую активность, что отмечается в том числе и немецкими источниками [5: 312–313]. Плотная поддержка наземных сил при наступлении авиацией люфтваффе (прежде всего штурмовой) всегда была залогом успеха кампаний блицкрига. Под Малгобеком же в результате активности советской 4-й воздушной армии возникла ситуация если не преимущества, то как минимум паритета военно-воздушных сил сторон. Это устраивало советскую сторону, имевшую преимущество обороны, и никак не могло устроить наступающих немцев, которым остро не хватало поддержки с воздуха для подавления окопавшихся и хорошо мотивированных советских сил, в первую очередь артиллерии.

Хотя и контрудар советских войск 7–8 сентября потерпел неудачу, но в свете провала попытки прорыва к Малгобеку напрямую через Вознесенскую немецкому командованию пришлось диверсифицировать свои действия на плацдарме. В качестве альтернативы вновь был выбран довольно шаблонный ход – изменение направления главного удара. Теперь оно было смещено несколько западнее и пролегало в обход наиболее укрепленного вознесенского рубежа советской обороны через Нижний и Верхний Курп и Старый Малгобек. Но в то же время этот прием был несколько обогащен определенным оперативным изыском – натиск 13-й танковой дивизии на Курп был дополнен еще одним, направленным диаметрально противоположно, а именно на юго-восток, ударом для расширения плацдарма в восточном направлении. С этой целью на плацдарм у Предмостного

8 сентября была переброшена из-под Ищерской боевая группа фон Либенштейна. Основой ее стал 6-й танковый полк из состава 3-й танковой дивизии (именем командира которого и была названа боевая группа). В состав группы включались также части уже воевавшей южнее Терека 23-й танковой дивизии (а именно – один батальон 201-го танкового полка), а также 3-й мотопехотный полк [4: 188–189]. Как результат, к исходу первой недели боев на вознесенском направлении в немецком наступлении участвовали уже силы всех трех танковых дивизий 1-й танковой армии – 3, 13 и 23-й.

Параллельно с этим были развернуты похожие наступательные действия на западном фасе плацдарма. Тут немцы вновь ввели в сражение понесшие серьезные потери в первые дни операции части боевой группы Гомилле. Ими оказывалась поддержка частям 111-й пехотной дивизии, и это привело в итоге к расширению немецкого плацдарма на южном берегу Терека в западном направлении [4: 189]. С одной стороны, такой прием приводил к рассеиванию советских сил вокруг плацдарма, но с другой – распылялись в не меньшей степени и силы самих немцев, что не позволяло должным образом усилить ударные группировки ни на одном из фасов их затеречного плацдарма

Удар, нанесенный противником 11 сентября в этом районе, оказался в значительной мере неожиданным для советского командования, а также для оборонявшихся здесь частей РККА. К вечеру 11 сентября части 13-й танковой дивизии немцев, преодолев за день советскую оборону по рубежу Раздольное – Гнаденбург – Сухотский, вышли к северной окраине Малгобека (Западного) и закрепились там [5: 450]. В 10 ч утра 12 сентября в штаб 52-го армейского корпуса пришла радиограмма из 13-й танковой дивизии: «В 8.30 после упорного боя части дивизии ворвались в Малгобек (имеется в виду Малгобек (Западный). – *Т.М.*). В результате ожесточенных уличных боев населенный пункт захвачен» [5: 426].

Как итог, на 12-й день операции немецкие войска добились вклинивания в советскую оборону западнее Малгобека. В результате трехдневных боев немцам удалось также овладеть Нижним и Верхним Курпом.

Хотя номинально в наступательные действия на малгобекском направлении к середине сентября были втянуты уже практически все силы 1-й танковой армии вермахта, частные успехи в виде захвата Малгобека (Западного), Нижнего Курпа и Верхнего Курпа 12–13 сентября не могли существенно изменить общей картины, поскольку полноценный прорыв достигнут всё еще не был. Относительные успехи немцев в наступательных боях 12–13 сентября не решали главной задачи – выхода на широком фронте в Алханчуртскую долину и последующего быстрого броска на Грозный.

Итак, на начальном этапе Малгобекской оборонительной операции в наступательных действиях германских войск на малгобекском

направлении они в основном продемонстрировали ставшие шаблонными за предыдущие три года Второй мировой войны оперативно-тактические приемы. В этих боях вермахт в полной мере показал как свои сильные стороны, так и слабости. К первым относились сохранившийся высокий боевой дух, прекрасная выучка личного состава, умение импровизировать в критических ситуациях и быстро переходить от наступления к обороне и наоборот. Несомненным достижением командования и войск противника стало быстрое и в целом успешное форсирование такой непростой водной преграды, как Терек, в условиях ожесточенного противодействия со стороны советских войск. В использовании своих танковых соединений на этом этапе противник по-прежнему отдавал предпочтение массированному применению танков на направлении главного удара, однако даже их массирование на узком участке прорыва, как в атаках у Красной Горки 4–6 сентября 1942 г., при наличии подготовленной и занятой мотивированными и грамотно управляемыми войсками продуманной противотанковой обороны не гарантировало успеха подобных действий. К тому же действия немецких войск в наступлении были практически лишены на сей раз такой важнейшей составляющей их прежнего успеха, как плотная поддержка с воздуха, которая оказывалась недостаточно и не всегда.

Одним из случаев отхода от шаблонов немецкой военной школы можно считать попытку в ходе наступления 11–13 сентября разделить танковые силы на затеречном плацдарме (группа Гомилле и группа Либенштейна) и атаковать в расходящихся направлениях. С одной стороны, это помогало распылить советские силы обороны и в какой-то мере достичь частного успеха в виде занятия Верхнего и Нижнего Курпа. Но в то же время такое раздергивание собственных подвижных сил по расходящимся направлениям не позволило добиться решающего успеха ни на одном из участков, приведя только к механическому расширению плацдарма без решающего прорыва. Самонадеянность германского командования, авантюризм планирования и недооценка упорного и грамотного сопротивления советской стороны привели к срыву плана молниеносного прорыва к нефтяным богатствам Грозного и Баку.

Источники и литература

1. Боевые действия 52-й ТБр с 1 по 10 сентября 1942 года. URL: http://52tbr.ucoz.ru/index/boevye_dejstvija_s_1_po_10_sentjabrja/0-13 (дата обращения: 01.03.2025).

2. *Мощанский И.Б.* Оборона Кавказа. Великое отступление 25 июля – 31 декабря 1942 года. М., 2009.

3. *Рослый И.П.* Выстоять и победить: документальная повесть. М., 1977.

4. *Тике В.* Марш на Кавказ. Битва за нефть. М., 2005.
5. National Archives and Records Administration. T. 314. R. 1290.

А.Н. Заблотский, Р.И. Ларинцев

ВОЙСКОВАЯ РАЗВЕДКА КРАСНОЙ АРМИИ В БИТВЕ ЗА КАВКАЗ

Во все времена разведка была важной составляющей успеха в подготовке и проведении любой военной операции. В отечественной военной науке военная разведка определяется как совокупность мероприятий военного командования всех уровней по добыванию и изучению сведений о противнике. В зависимости от масштаба и назначения поставленных задач разведку подразделяют на стратегическую, оперативную и тактическую.

Тактическая разведка, в свою очередь, подразделяется на агентурную и войсковую. Именно войсковая разведка является основным видом разведки, которая постоянно ведется всеми подразделениями и соединениями, от армии до взвода включительно, всех родов войск. Ее главная задача – получение исчерпывающих данных о противнике, необходимых командирам всех уровней для организации эффективного использования своих войск в бою.

Прежде чем перейти к освещению действий войсковой разведки в ходе Битвы за Кавказ, сделаем небольшое отступление и посвятим несколько строк периоду, предшествовавшему началу наступления вермахта на Юге. Нас интересует вопрос, насколько войсковой разведке удалось информировать советских командиров о планах противника в мае – июне 1942 г.

Если опираться на те данные, которые удалось добыть советской войсковой разведке, прежде всего, из допросов пленных и перебежчиков, то следует признать, что сигналов о подготовке немецкого «похода за нефтью» поступало не так уж и мало. Так, 18 мая был захвачен пленный из 111-й пехотной дивизии, который сообщил о готовящемся немецком наступлении с примерным указанием районов планируемых ударов [4: 54].

Однако сведения о готовящемся наступлении, при этом довольно многочисленные, поступали от пленных рядовых или младших офицеров, которым они, в свою очередь, были известны не из документов и отданных приказов, а только на уровне слухов. Вряд ли такая информация без должного всестороннего анализа могла служить надежной основой для выявления фактических замыслов противника на летнюю кампанию.

В этом плане стоит только пожалеть, что советской войсковой разведке не удалось в полной мере воспользоваться выпавшей ей уникальным шансом сохранить жизнь ценнейшему «языку», командиру 6-й строительной

бригады Люфтваффе генерал-майору Хелингу. 12 мая 1942 г. генерал оказался в потерявшем ориентировку и сбитом нашими зенитчиками в районе Волчанска транспортном самолете Ju-52 [2: 36]. Судя по имеющимся советским документам, Хелинг пережил аварийную посадку юнкерса и был пленен [6: 72]. Однако дальше его судьба не прослеживается, и, судя по всему, находился он в плену очень недолго и так и не был допрошен.

Согласно «Наставлению по войсковой разведке» [8: 299], важной составляющей боевой деятельности разведывательных частей и подразделений Красной армии была организация поисков, засад и налетов в тылу противника. 6 сентября 1942 г. в засаду, устроенную разведывательно-диверсионной группой, состоявшей из военнослужащих разведывательной и минометной рот 723-го стрелкового полка, на дороге из станицы Ключевой в ст. Саратовскую, попал автомобиль командира немецкой 198-й пехотной дивизии генерал-лейтенанта Бука. В результате скоротечного ближнего боя, комдив и начальник штаба дивизии майор Буль были убиты. Этот эпизод по-своему уникален для начального периода войны. Впервые удалось уничтожить командование немецкой дивизии в тылу противника в ходе разведывательного поиска. До этого потери немецкого генералитета были связаны с боевыми действиями [1: 53].

Надо отметить, что вышеописанный эпизод был не единственным примером успешных действий советских разведывательных групп в немецких тылах. Так, 1 ноября 1942 г. на дороге Лабинская – Майкоп подвергся нападению легковой автомобиль командира 17-го железнодорожного инженерного полка. При обстреле были ранены сам командир, полковой врач и шофер [16: 297].

Показания пленных и сведения из документов считались одними из важнейших источников информации о противнике. Поэтому значимым успехом советской войсковой разведки в период Битвы за Кавказ был захват в плен подполковника Шульца, командира саперного батальона 370-й пехотной дивизии. Утром 31 августа 1942 г. группа офицеров дивизии в составе командира 668-го пехотного полка подполковника Шульце-Ярхова, командиров саперного батальона, 3-го дивизиона 370-го артполка и 3-й саперной роты выехала на рекогносцировку в район севернее Кизляра [15: 509–510]. Там они попали в засаду, организованную разведчиками 9-й гвардейской стрелковой бригады 11-го гвардейского стрелкового корпуса на западной окраине станицы Луковской [7: 5–6]. Организовал засаду командир отдельной разведроты бригады И.И. Трухачев. В ходе операции погиб только один боец, Е.А. Емельяненко, ценой своей жизни спасший командира.

По имеющимся у авторов данным, Шульц стал самым высокопоставленным офицером вермахта, захваченным войсковой разведкой Красной

армии в летнюю кампанию 1942 г. Упомянутый выше генерал Хелинг всё-таки попал в наш плен случайно.

Насколько успешными были действия советской войсковой разведки по взятию «языков», можно проследить на примере 339-й стрелковой дивизии, прикрывавшей стык между 47-й и 56-й армиями [9]. Наименее удачным для разведчиков дивизии выдался октябрь, когда только один раз удалось изъять личные документы у убитого солдата противника. В сентябре полковой разведке 1135-го и 1137-го стрелковых полков удалось захватить в плен по одному немцу из 9-й и 73-й пехотных дивизий. В ходе боя 13 сентября в плен попали два румынских солдата.

В ноябре один румынский военнослужащий был захвачен в бою, один пленен разведгруппой. Еще восемь румын попали в плен во время разведки боем 26–27 ноября. Кстати, для этого эпизода характерны типичные недостатки таких действий со стороны Красной армии. 26 ноября, пользуясь внезапностью, наши бойцы взяли в плен семь солдат противника. Потери 1133-го стрелкового полка составили шесть человек убитыми и 19 ранеными. Но затем, в ходе взаимных контратак, наши потери достигли 52 убитых и 83 раненых, а число пленных увеличилось только на одного человека [10: 32].

В декабре разведчиками 339-й дивизии было пленено восемь румынских военнослужащих, в том числе четверо в ходе проведения силовой разведки 5 декабря.

Следует отметить, что для этих четырех месяцев нередки были случаи исчезновения в тылу противника разведгрупп в полном составе, а число пропавших без вести разведчиков значительно превысило количество взятых в плен солдат противника. Поэтому, к сожалению, общий баланс потерь был не в нашу пользу.

Характерной чертой действий советской войсковой разведки в период Битвы за Кавказ было тесное взаимодействие с партизанскими отрядами, что было обусловлено специфическими условиями местности. Так, 31 октября разведчики 1137-го стрелкового полка 339-й стрелковой дивизии совместно с партизанами совершили удачное нападение на гарнизон противника в ст. Новоалексеевской [10: 2].

Достаточно полезные сведения давало изучение трофейных документов. Так, документы, изъятые из подбитых танков на поле боя в районе с. Сагопшина 29 и 30 сентября 1942 г., позволили установить наличие в составе 5-й моторизованной дивизии СС «Викинг» танкового батальона [3: 48].

К числу несомненных достижений следует отнести то, что всеми видами разведки, в том числе наблюдением и захватом пленных, уже к 27 ноября 1942 г. удалось установить факт переброски 23-й танковой дивизии на сталинградское направление [3: 90].

Уже для летней кампании 1942 г. характерно существенное увеличение числа перебежчиков и добровольно сдавшихся в плен со стороны противника. Так, 10 октября в районе Новороссийска сдались в плен 30 румын из 3-й горнопехотной дивизии [12: 135]. Согласно итоговой разведсводке штаба Черноморской группы войск Закавказского фронта, за первую декаду января 1943 г. число пленных и перебежчиков почти сравнялось, правда, это произошло за счет румынских военнослужащих [5: 111].

Особенностью боев на Кавказе было участие в них со стороны противника значительного числа «восточных» подразделений, сформированных из числа советских военнопленных. Надо сказать, что мотивы вступления в эти подразделения у бывших военнослужащих Красной армии были разные. Возможно, именно поэтому «восточные» части давали сравнительно большое число перебежчиков. Так, 8 октября на сторону Красной армии перешли трое военнослужащих грузинского батальона [3: 63]. Несколько ранее, 3 октября, к партизанам перешли солдаты армянского батальона [3: 54]. В начале 1943 г. к нам перебежали 43 военнослужащих, принадлежавших к 781-му туркестанскому батальону [5: 113].

Переход к наступательным действиям существенно облегчил захват пленных и, соответственно, увеличил их количество, в 1943 г. иногда достигавшее значительных цифр. Так, войсками Черноморской группы в период с 9 по 19 января 1943 г. было взято в плен 337 человек, в том числе только из 97-й легкопехотной дивизии – 211 [5: 146]. А 29 января в плен добровольно сдались 64 военнослужащих 1-й словацкой дивизии, в том числе один лейтенант [5: 167]. Среди перебежчиков стали появляться и офицеры противника. Так, 18 июня 1943 г. на сторону Красной армии перешел капитан Стефан Челену из артполка 10-й румынской пехотной дивизии [11: 49].

Конечно, действия советской войсковой разведки не всегда завершались успехом. Случались у наших разведчиков и досадные неудачи. Вот один из таких примеров. С 12 по 17 декабря 1942 г. в районе с. Варваровка действовала высаженная с моря разведгруппа Новороссийской военно-морской базы под командованием политрука Старшинова. Сначала наши разведчики напали на двух офицеров, ехавших на подводе по дороге Варваровка – Сукко. Офицеры оказали сопротивление и были убиты. Забрать их документы не удалось, так как к ним «спешили на помощь». Затем разведгруппой был захвачен местный житель 60-летнего возраста. Пока разведчики ожидали катер, который должен был снять их с вражеского берега, пленник сбежал [14: 44].

Справедливости ради надо сказать, что высадка на берег и снятие с него после выполнения задания разведывательно-диверсионных групп, особенно если им ставилась задача взять «языка», были делом непростым. Так, отчет по войсковой разведке разведывательного отдела штаба

Черноморского флота за второй квартал 1942 г. свидетельствует, что из шести подобных поисков лишь один закончился успешно [13: 55].

Судя по документам, главные проблемы при организации и ведении войсковой разведки заключались в низкой штабной культуре, командирах различных рангов, не понимавших важности и значения разведки, и в неоперативной обработке добытых данных о противнике.

Генштаб и командование фронтов это понимали и неоднократно обращали внимание подчиненных штабов на плохую организацию работы по войсковой разведке. Так, 21 августа 1942 г. начальник штаба Северо-Кавказского фронта генерал-лейтенант А.И. Антонов указывал на недостатки в опросе захваченных пленных. Например, 16 августа 17-м кавалерийским корпусом были взяты в плен 20 немецких военнослужащих, но ни сами пленные, ни материалы их опросов в штаб фронта доставлены не были. Опросы носили общий характер, конкретные данные не выяснялись. Антонов потребовал всех «языков» отправлять в штаб фронта с документами и личными вещами [13: 203].

Подводя итог отметим, что хотя в силу ряда объективных причин войсковой разведке Красной армии не удалось до конца рассеять «туман войны», покрывавший группировку вермахта на южном фланге Восточного фронта, в целом разведывательные органы и подразделения Красной армии действовали достаточно агрессивно и целеустремленно, внося свой посильный вклад в победное завершение Битвы за Кавказ.

Источники и литература

1. *Заблотский А.Н., Ларинцев Р.И.* Потери немецкого генералитета на советско-германском фронте в 1942 г. // Арсенал-Коллекция. 2014. № 5. С. 51–55.

2. *Заблотский А.Н., Ларинцев Р.И.* Успех, так и не ставший сенсацией // Крылья Родины. 2018. № 11-12. С. 34–36.

3. Центральный архив Министерства обороны Российской Федерации (далее – ЦАМО РФ). Ф. 47. Оп. 1063. Д. 663.

4. ЦАМО РФ. Ф. 228. Оп. 701. Д. 1014.

5. ЦАМО РФ. Ф. 276. Оп. 811. Д. 147.

6. ЦАМО РФ. Ф. 441. Оп. 8452. Д. 18.

7. ЦАМО РФ. Ф. 835. Оп. 1. Д. 11.

8. ЦАМО РФ. Ф. 959. Оп. 1. Д. 231.

9. ЦАМО РФ. Ф. 1656. Оп. 1. Д. 59–62.

10. ЦАМО РФ. Ф. 1656. Оп. 1. Д. 61.

11. Центральный военно-морской архив (далее – ЦВМА). Ф. 1080. Оп. 5. Д. 230.

12. ЦВМА. Ф. 1087. Оп. 5. Д. 1042.

13. ЦВМА. Ф. 1087. Оп. 5. Д. 1048.

14. ЦВМА. Ф. 1087. Оп. 5. Д. 1056.
15. National Archives and Records Administration (далее – NARA). T. 315. R. 2158.
16. NARA. T. 501. R. 069.

Е.Л. Кохановский

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ГРАЖДАНСКИХ АВИАТОРОВ НА ЮГЕ РОССИИ В 1942–1943 гг.

Нападение Германии внесло значительные коррективы в мирную деятельность Гражданского воздушного флота (далее – ГВФ) всего Советского Союза. Экипажи и инженерно-технический состав были вынуждены приступить к выполнению новых задач буквально в первые часы войны. Уже к концу июня 1941 г. были сформированы Киевская, Белорусская, Прибалтийская, Юго-Западная и Северная авиагруппы ГВФ. Одновременно с этим в помощь Военно-морскому флоту были организованы Северный, Балтийский и Черноморский отряды ГВФ. Отдельно была создана Московская авиагруппа ГВФ для обеспечения деятельности Народного комиссариата обороны и Народного комиссариата Военно-морского флота [1: 102].

На протяжении долгих 1418 дней авиаторы выполняли сложнейшие задачи. Можно с уверенностью говорить, что ни одна боевая операция не проходила без их непосредственного участия. Яркими страницами истории стали полеты в осажденный Ленинград, помощь партизанам Белоруссии и Украины, высадка десантов в Битве под Москвой.

По состоянию на 1 января 1942 г. в авиагруппах находился 921 самолет, на которых было выполнено 135 790 вылетов, к линии фронта было перевезено 232 785 военнослужащих, доставлено 20 322 т грузов и 483 т медикаментов [4: 89]. Значительно был расширен боевой опыт: летчики освоили полеты ночью и в сложных метеорологических условиях, научились посадкам на площадки ограниченных размеров, приобрели навыки ухода от истребителей противника, что обеспечило значительное снижение боевых потерь. Так, если за первые шесть месяцев войны налет на одну потерю составлял 358 ч [3: 15], то в 1942 г. – 1931 ч [2: 17].

Рассматривая ход боевых действий на втором году войны, следует констатировать, что южный фланг советско-немецкого противостояния, в частности Северный Кавказ, занимал важное место в планах немецких генералов. Своим наступлением противник пытался решить главную задачу – восполнить дефицит нефти для своей промышленности.

После неудачного исхода летних операций на Юге России советские войска были вынуждены отступить на 400–600 км. В дни героической

обороны Севастополя отдельный авиаотряд Черноморского флота осуществлял доставку вооружения, однако имел для этого слишком мало самолетов, поэтому было принято решение о привлечении Московской авиагруппы. Уже 20 июня группа самолетов Ли-2 прибыла в Краснодар, чтобы оттуда летать в город. После 10 дней напряженных полетов группой было получено последнее боевое распоряжение о доставке в город 25 т боеприпасов и эвакуации из него 300 раненых. Последним самолетом был эвакуирован командующий Черноморским флотом вице-адмирал Ф.С. Октябрьский и члены военного совета, после 250-дневной обороны Севастополь был оставлен.

Враг вышел в районы Воронежа, Сталинграда и к предгорьям Кавказа, полностью овладел Донецким угольным бассейном, перерезал железнодорожные и водные коммуникации, соединяющие центральные районы с Закавказьем.

В развернувшихся ожесточенных сражениях на Северном Кавказе принимали участие Юго-Западная и Северо-Кавказская авиационные группы ГВФ, которые должны были поддерживать 37-ю и 46-ю армии, а в интересах Черноморского флота действовал Черноморский авиаотряд.

Сформированная из личного состава Азово-Черноморского управления ГВФ Северо-Кавказская авиационная группа ГВФ в ноябре 1941 г. была предназначена для поддержки войск Северо-Кавказского военного округа. Группа насчитывала 367 человек личного состава, а самолеты преимущественно состояли из легкомоторных У-2.

Складывающаяся тяжелая ситуация заставила усилить авиационное присутствие, и уже в сентябре 1942 г. на базе Северо-Кавказской авиационной группы и Грузинского управления ГВФ была сформирована Закавказская авиагруппа, главной задачей которой являлась транспортировка военных грузов для оборонной промышленности.

В процессе дальнейших структурных преобразований в ноябре 1942 г. все авиационные группы и отряды получили статус авиационных дивизий и полков ГВФ. Таким образом, Закавказская авиагруппа была преобразована в 8-й авиационный полк ГВФ. В составе полка к тому времени числилось пять авиаэскадрилий и транспортное авиазвено.

Когда применение вьючных животных стало невозможным, пилоты полка обеспечивали части, сражающиеся на горных тропах. В операции приняло участие до 80 самолетов. Пункты доставки боеприпасов находились на высотах до 2500 м, и ввиду отсутствия аэродромов грузы приходилось сбрасывать на парашютах. С целью повышения эффективности обеспечения, инженерно-техническим составом в горных районах были оборудованы посадочные площадки, на которые впоследствии были доставлены 2618 т боеприпасов и других грузов.

Кроме этого, пилоты полка активно занимались и воздушной разведкой. Так, пилоты И.С. Ляпин и Н. Томадзе всегда привозили ценные сведения о нахождении противника. Однажды разведывательное донесение помогло уничтожить группу военных альпинистов, имевших цель выхода к Сванетскому перевалу.

Активно применяли накопленный опыт и авиаторы Юго-западной авиационной группы, впоследствии переименованной в 9-й отдельный авиационный полк ГВФ. В ноябре – декабре 1942 г. 37-я армия была прижата к Главному Кавказскому хребту и фактически оказалась в полуокружении [6: 313]. Тогда по заданию штаба 4-й воздушной армии одна из эскадрилий полка приступила к выполнению задач по снабжению боеприпасами, продуктами и горючим окруженной армии. Для этого была подготовлена посадочная площадка и выслан радист для координации действий. Летчикам эскадрильи удалось выполнить 240 вылетов, из которых 179 было совершено ночью.

А в уже начавшемся в январе-феврале наступлении Красной армии эскадрильи полка выполняли полеты для бомбардировки переднего края противника. При выполненных 35 боевых вылетах на противника было сброшено 169 бомб. Наступавшим войскам доставлено 87 т различных грузов и 31 т боеприпасов [5: 301].

Задачами Черноморского авиационного отряда, а в последующем 1-й отдельной авиационной эскадрильи ГВФ при ВВС Черноморского флота, были: содействие перебазированию частей морской авиации на передовые аэродромы, их материальное обеспечение, организация полетов по связи. Экипажи эскадрильи участвовали в операции по высадке диверсионной группы на аэродром Майкоп, в ходе которой советскими десантниками было уничтожено более 20 самолетов противника.

Постепенно районы полетов эскадрильи значительно расширились. Маршруты стали охватывать Кубань, побережье Азовского моря и Крым. Выполнялись полеты с целью материального обеспечения партизан Кавказа и Крыма. После окончания боев на Кавказе 1-я отдельная авиаэскадрилья ГВФ при ВВС Черноморского флота принимала участие в освобождении Украины, Румынии и Болгарии. За образцовое выполнение боевых заданий, за стойкость, героизм и организованность личного состава приказом Народного комиссара обороны от 19 августа 1944 г. преобразована в 9-ю отдельную гвардейскую авиационную эскадрилью ГВФ.

Таким образом, во второй половине 1942 – начале 1943 г. советские войска смогли выстоять на берегах Волги и на Кавказе, тем самым завершив самый трудный период Великой Отечественной войны. В это сложное время гражданская авиация играла важную роль в своевременном и полном обеспечении войск, ведущих боевые действия. Часто оставаясь

единственным средством доставки, пилоты рисковали жизнью, чтобы обеспечить дерущиеся в окружении части продовольствием, боеприпасами и связью, тем самым оказывая не только материальную, но и моральную поддержку советским воинам и партизанам, ведущим борьбу с врагом.

Источники и литература

1. История гражданской авиации: научно-популярный очерк / под общ. ред. Б.П. Бугаева. М., 1983.

2. Российский государственный архив экономики (далее – РГАЭ). Ф. 9527. Оп. 1. Д. 1974.

3. РГАЭ. Ф. 9527. Оп. 1. Д. 2282.

4. *Соболев Д.А.* Хроника советской гражданской авиации. 1941–1960 гг. М., 2020.

5. *Филиппов В.В.* Авиационные группы и полки Гражданского воздушного флота в годы Великой Отечественной войны, 1941–1945. Рязань, 2020.

6. Центральный архив Министерства обороны РФ. Ф. 33. Оп. 686044. Д. 1478.

Б.Б. Кондратенко

ВОЕННО-СТРАТЕГИЧЕСКАЯ ОБСТАНОВКА НА ДАЛЬНЕВОСТОЧНЫХ РУБЕЖАХ СССР В ГОДЫ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ (1939–1945 гг.)

Дальний Восток является приграничной территорией. Большинство населения сосредоточено вдоль государственной границы. Этот фактор обусловлен, в первую очередь, природно-климатическими особенностями региона, а также стратегическими задачами в области обороны и безопасности Дальнего Востока СССР [10: 87, 88]. Вдоль границы также в большей степени сосредоточена промышленная, транспортная, военная инфраструктура. Исторически сложившиеся модели развития региона требовали всегда особого подхода к развитию, обороне, жизнедеятельности дальневосточного населения [3: 5, 6].

Дальний Восток позже остальных регионов приступил к социально-экономической модернизации. В силу военно-стратегической и ресурсной значимости в первую очередь определялись задачи обеспечения национальной безопасности СССР. Акцент делался на развитии и укреплении обороноспособности, создании экономической и материально-технической базы. Всё это было обусловлено возрастающей военной угрозой со стороны милитаристской Японии. Дальний Восток являлся ресурсно-сырьевой базой СССР, в которой очень нуждалась стремительно

развивающаяся экономика Японии. Этот фактор обусловил разработку военно-стратегических планов по захвату территории СССР [11: 149].

Военная и политическая элита Японии с конца XIX в. и до момента безоговорочной капитуляции разрабатывала и совершенствовала доктринальные планы по захвату и отчуждению территории Дальнего Востока России [5: 129, 130]. Начиная с 1932 г. Вооруженные силы Японии регулярно осуществляли нападения на территорию СССР. В 1932–1939 гг. пограничными войсками СССР было зафиксировано 302 провокационных нарушения государственной границы Советского Союза со стороны Маньчжоу-Го [9: 363–598], которое являлось марионеточным государственным образованием, полностью подконтрольным Японии [2: 43–48]. На территории Маньчжоу-Го дислоцировались Вооруженные силы Японии, которые отрабатывали тактические и стратегические планы по отчуждению территорий Дальнего Востока от Советского Союза [7: 68].

Начавшаяся 1 сентября 1939 г. Вторая мировая война коренным образом изменила военно-стратегическую ситуацию в Европе и Азиатско-Тихоокеанском регионе. К моменту начала войны на границах СССР на Дальнем Востоке уже произошли в 1938 г. на озере Хасан и в 1939 г. на р. Халхин-Гол крупные конфликты, которые обусловили необходимость обороны границы по стандартам военного времени. Вооруженные силы Японии не достигли поставленных целей и осознали, что Красная армия и пограничные войска СССР – это боеспособные подразделения, которые могут выполнять широкий спектр задач в области обороны и безопасности государства. Это обстоятельство требовало качественно нового военного планирования агрессии против СССР. После анализа ситуации и оценки геополитической обстановки японским правительством были приняты «Основы политики государства» и «Основные принципы политического курса в отношении иностранных государств». Они являлись алгоритмом внутренней и внешней политики Японии. Для реализации намеченных планов Япония руководствовалась складывающейся геополитической ситуацией, считала необходимым добиться прекращения военной и экономической помощи Китаю от Советского Союза, заключить пакт о ненападении, аналогичный заключенному между СССР и Германией в 1939 г. [6: 67].

В 1939 г. Генеральный штаб Японии разработал план войны «Кантокуэн» («Особые маневры Квантунской армии»), в соответствии с которым проведена мобилизация, численность группировки войск в Маньчжурии приведена в соответствие с нормативами военного времени. Срыв немецкой стратегии молниеносной войны на западном направлении и сохранение войск Красной армии на Дальнем Востоке заставили военно-политические круги Японии отложить реализацию плана «Кантокуэн». Агрессивные действия должны были развернуться в 1942 г., после

поражения советских войск под Сталинградом. Планировалось захватить территории, которые не войдут под контроль Германии: Сибирь и Дальний Восток, включить их в «Великую восточноазиатскую сферу». Для разработки системы управления оккупированными территориями в Токио создали научно-исследовательский институт тотальной войны. Предполагалось установить оккупационный режим на территории Приморского и Хабаровского краев, Бурят-Монгольской АССР [4: 169, 170].

План вторжения в СССР находился в актуальной повестке японского военного руководства и на 1942, и на 1943 г. От него пришлось отказаться после коренного перелома в Великой Отечественной войне. Япония начала переход к долговременной стратегической обороне. Постоянная угроза безопасности на дальневосточных рубежах не позволяла передислоцировать войска Красной армии на фронты Великой Отечественной войны и заставляла руководство СССР держать на Дальнем Востоке группировку войск, способную отразить полномасштабное нападение со стороны Японии.

Все мобилизационные мероприятия направлялись на создание ресурсно-производственной базы в Маньчжурии. За счет расширения посевных площадей увеличились продовольственные запасы. У приграничного населения Маньчжурии изымались денежные средства, которые направлялись на ведение военных действий с США и Великобританией, а также на содержание Маньчжурской группировки войск и строительство объектов стратегического назначения на линии границы с Советским Союзом [13: 3].

В соответствии с доктринальным планированием происходило планомерное развертывание войск Японии вблизи границ СССР. К середине 1941 г. численность личного состава японских войск в Маньчжурии составляла 400–450 тыс. человек, и она постоянно увеличивалась. С 1941 по 1942 г. только напротив участка Приморского пограничного округа она выросла на 100–150 тыс. человек. На сопредельной стороне государственной границы Хабаровского пограничного округа размещалось 16 крупных армейских соединений, в том числе шесть пехотных дивизий (по две дивизии на трех оперативных направлениях – сахалянском, сунгарийском, южносахалинским), четыре именные и четыре смешанные маньчжурские бригады, одна дивизия спокойствия. Напротив участков 57-го Иманского, 69-го Ханкайского, 58-го Гродековского пограничных отрядов линию границы стали охранять регулярные войска. Таким образом, основные силы воинского контингента Японии в Маньчжоу-Го вышли непосредственно к границе Советского Союза, увеличив опасность захвата приграничной территории Приморского края. Всего в Маньчжурии количество соединений японских войск возросло в 2,5 раза (с 13 до 33 пехотных дивизий) [4: 169, 170].

Войска и пограничная полиция, дислоцировавшиеся в Маньчжурии, по численности и назначению превосходили оборонительную группировку и были готовы начать наступление на территорию СССР. В их состав входили военнослужащие, имевшие боевой опыт. В 1942 г. было проведено два крупных военных учения – одно из них в августе, полномасштабное с применением авиации, координировавшей и поддерживавшей речной флот. А с 1943 г. учения всех родов войск проводились с авиационной поддержкой. В приграничной полосе отрабатывалось условное нападение на СССР. Летом 1944 г. в основном проводились занятия малыми группами по огневой подготовке и тактике. Под предлогом нападения СССР на Маньчжурию велось усиленное обучение гражданского населения, для чего из штата воинских подразделений выделялись специалисты-инструкторы. Продолжалась мобилизация местного населения в ряды Маньчжурской армии [12: 63; 14: 237, 238].

Подготовка к войне против СССР заключалась не только в наращивании численности войск, специальных боевых и ударных подразделений, но и в антисоветской агитации в печати, докладах, лекциях. Пропаганда осуществлялась через общества «Се-Хе-Ху» и «РФС – Русский фашистский союз». Их задача заключалась во внушении населению Маньчжурии идеи неизбежности войны.

После начала Великой Отечественной войны активизировалась деятельность японской военной разведки и антисоветских организаций, которые через свои отделения, расположенные в приграничных городах Маньчжурии, усиливали пропагандистскую и агитационную работу в советском приграничье Дальнего Востока. Для ведения антисоветской деятельности на советскую территорию направили 1500 человек, прошедших специальную идеологическую подготовку в учебных центрах Харбинской разведывательной школы. Из среды русских эмигрантов подготовили группы для перехода советской границы и ведения антисоветской агитации [8: 136–139]. В приграничных городах Маньчжурии Мишань, Хулинь, Хунчунь, Цзиси, Муданьцзян были организованы разведывательные подразделения. В них готовили разведчиков для перехода границы СССР, сбора оперативной информации и передачи ее в штаб японской разведки. Также функцию разведки возлагали на жандармерию и пограничную полицию [14: 3]. С 1944 г. агентов стали готовить для выполнения конкретных задач на заранее определенной территории. Разведчики знали сложные места границы СССР и там организовывали переходы. Перед ними ставилась задача взаимодействия с агентами разведки на советской территории, снабжения их оружием и доведения до них планов подрывной деятельности в советском тылу [14: 238, 240; 13: 3, 4, 75].

В 1944 г. Япония приступила к изменению военной доктрины. В японских военных кругах имелось два плана ведения войны: первый был радикальным – предполагалось нанести упреждающий удар по территории СССР, разгромить войска Красной армии в ходе их передислокации с западных фронтов на Дальний Восток, перегруппировки и развертывания, добиться благоприятных для Японии условий мира; второй (оборонительный) план предусматривал организацию трех линий обороны границы Маньчжоу-Го с Советским Союзом.

В 1944 г. численность Вооруженных сил Японии составляла 5360 тыс. человек, а в августе 1945 г. – уже 7190 тыс. человек (свыше 20 % всего мужского населения), в том числе сухопутных войск – 5500 тыс. человек. На основании «Закона о добровольной военной службе» формировался гражданский добровольческий корпус из трудоспособного населения: мужчин в возрасте от 15 до 60 лет и женщин – от 17 до 40 лет. В его составе к августу 1945 г. числилось 28 млн человек. Из военнообязанных, зачисленных в корпус, создавались боевые отряды, являвшиеся мощным резервом армии [1: 446, 447].

Сухопутные войска Японии были сосредоточены в пяти группировках во главе с главнокомандующими: Южная группа армий (Индонезия, Филиппины, Индокитай и Бирма), Экспедиционные силы в Китае, Квантунская группировка войск в Маньчжурии, 1-я и 2-я объединенные армии национальной обороны в метрополии (имевшие соответственно три и два фронта). Кроме того, на Хоккайдо, Южном Сахалине и Курилах оборону занимали войска 5-го фронта, на отдаленных островных территориях действовали войска 8-го и на Тайване – 10-го фронтов. Военно-воздушные силы включали четыре воздушные армии (по одной в Маньчжурии и Корее) и десять авиадивизий. Военно-морской флот Японии состоял из десяти тактических соединений, включая пять авианосных, одно подводное, а также экспедиционный флот в Китае, флоты юго-восточного и юго-западного направлений, силы морской охраны и восемь военно-морских баз. В Маньчжурии действовала Сунгарийская речная военная флотилия.

Проанализировав сложившуюся военно-стратегическую ситуацию на Тихоокеанском театре военных действий, командование США пришло к выводу, что морская блокада портов Японии, воздушные бомбардировки не дали ожидаемого результата и война без поддержки СССР может продлиться еще от одного года до двух лет. Принудить Японию к капитуляции можно было только с нанесением упреждающего удара по группировке японских войск в Маньчжурии и Корее. Решить эту проблему в сжатые сроки можно было только с применением советских войск.

Вступление СССР в войну с Японией было обусловлено военно-стратегической ситуацией и геополитическими обязательствами. На границах

Советского Союза была сосредоточена крупная военная группировка, также имелась развитая инфраструктура обороны: укрепленные районы, транспортно-логистические пути сообщения. На протяжении Второй мировой отрабатывались планы по нападению на СССР и отчуждению территории южных районов Дальнего Востока с последующим захватом остальной части советской стороны. После Победы в Великой Отечественной войне Советский Союз не мог допустить, чтобы у его границ сохранялась угроза безопасности. В результате было принято решение о проведении стратегических операций по нейтрализации противника. Особая роль в них возлагалась на пограничные войска СССР.

Основная задача пограничных войск заключалась в разгроме японских сил, прикрытии границы и создании условий для выхода передовых частей Красной армии на оперативные направления Маньчжурии, а также в участии в ликвидации резервов Квантунской группировки, освобождении административных и экономических центров на приграничной территории.

Для эффективности выполнения поставленных задач пограничные войска перешли в оперативное подчинение главнокомандующего войск Красной армии на Дальнем Востоке Маршала Советского Союза А.М. Василевского. Морские части и подразделения пограничных войск НКВД СССР переходили в оперативное подчинение командования Краснознаменной Амурской флотилии и Тихоокеанского флота и соответствующих армий. В рамках поддержания взаимодействия устанавливались единый порядок опознавания плавсредств, способы оперативного обмена информацией об обстановке, единая сигнализация.

Пограничники обеспечили внезапность удара, перехватили стратегическую инициативу, создали скрытность продвижения, наладили механизм взаимодействия между войсковыми соединениями Красной армии, Краснознаменной Амурской военной флотилии, подразделениями Тихоокеанского флота и добровольческими отрядами, сформированными из местного населения приграничья; успешно провели разведывательные действия и составили планы-схемы расположения заслонов на сопредельной стороне границы. Советское правительство высоко оценило участие пограничных войск в войне с Японией. Пограничные войска внесли весомый вклад в окончание Второй мировой войны, оказали значительную помощь войскам Красной армии, что было по достоинству оценено правительством СССР. Более 3 тыс. воинов-пограничников награждены орденами и медалями, 13 пограничных частей – орденами [1: 545].

Дальний Восток СССР, несмотря на то что на его территории не велось полномасштабных боевых действий, являлся регионом стратегическим и регулярно подвергался вооруженным провокационным нападениям.

Жители приграничных территорий становились жертвами обстрелов, отравления бактериологическим оружием, диверсионных актов. Это не давало возможности вести полноценную хозяйственную деятельность и вынуждало их организовываться в группы самообороны и содействия пограничным войскам для защиты территории.

Источники и литература

1. Великая Отечественная война 1941–1945 годов: в 12 т. Т. 5. Победный финал. Завершающие операции Великой Отечественной войны в Европе. Война с Японией. М., 2013.

2. Государственная и квазигосударственная природа Маньчжоу-Го: исторические очерки / науч. ред. Б.В. Базаров. Иркутск, 2016.

3. Дальний Восток России в эпоху советской модернизации: 1922 – начало 1941 года / под общ. ред. чл.-корр. РАН В.Л. Ларина; отв. ред. Л.И. Галлямова. Владивосток, 2018.

4. История Второй мировой войны 1939–1945: в 12 т. Т. 11. Поражение милитаристской Японии. Окончание Второй мировой войны. М., 1980.

5. *Кондратенко Б.Б.* Характер японской военной интервенции на Дальнем Востоке 1918–1922 гг. // Труды Института истории, археологии этнографии ДВО РАН. 2018. № 19. С. 124–130.

6. *Кошкин А.А.* Японский козырь Сталина. От Цусимы до Хиросимы. М., 2012.

7. *Кулепанов Р.В.* Вооруженные силы Японии в реализации экспансионистской внешней политики 1922–1945 гг. дис. ... канд. ист. наук. Владивосток. 2023.

8. *Мозохин О.Б., Тужилин С.В.* Борьба спецслужб СССР и Японии в годы Второй мировой войны. М., 2020.

9. Пограничные войска СССР. 1929–1938: сборник документов и материалов / отв. ред. П.И. Зырянов. М., 1972.

10. *Ткачева Г.А.* Административно-территориальное деление Дальнего Востока России в 20–30-е годы // Исторический опыт освоения Восточных районов России: тезисы докладов и сообщений международной научной конференции (Владивосток, 20–22 сентября 1993 г.). Кн. 2. Владивосток, 1993. С. 86–89.

11. *Ткачева Г.А.* Оборонный потенциал Дальнего Востока в годы Великой Отечественной войны (1941–1945). Хабаровск, 2013.

12. Центральный пограничный архив Федеральной службы безопасности Российской Федерации (далее – ЦПА ФСБ РФ). Ф. 220. Оп. 1. Д. 177.

13. ЦПА ФСБ РФ. Ф. 220. Оп. 1. Д. 178.

14. ЦПА ФСБ РФ. Ф. 231. Оп. 1. Д. 128.

Раздел 3. Власть и общество в 1941–1945 гг. Военная экономика, культурная и религиозная жизнь

Д.А. Аманжолова

О СОЦИОКУЛЬТУРНЫХ ФАКТОРАХ КОНСОЛИДАЦИИ ОБЩЕСТВА В УСЛОВИЯХ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ[1]

Великая Отечественная война создала экстремальные обстоятельства, когда воплощенное в армейских и производственных коллективах этническое разнообразие стало консолидирующей силой на основе солидарных традиционных ценностей, обеспечивших единство советского народа: патриотизма, коллективизма и взаимовыручки, трудолюбия и милосердия. Важной частью комплексных мер в новом наполнении патриотизма было использование образов народных героев и легендарных личностей народов СССР, выразивших те качества национальной культуры, которые обеспечивали историческую преемственность в самосознании и гражданской консолидации советского общества. Актуальность морального единства поликультурного, многоконфессионального общества в условиях не только военного, но и информационного, психологического противоборства была очевидна. Это стало одной из серьезных задач для творческой интеллигенции, что демонстрируют два рассматриваемых сюжета.

В конце октября 1941 г. в Алма-Ату прибыли 130 ведущих творческих работников «Мосфильма» и «Ленфильма», в том числе 40 орденоносцев и 21 лауреат Сталинской премии, затем поступило оборудование студии «Мосфильм», административный и обслуживающий персонал (до 160 человек). Центральная объединенная киностудия художественных фильмов, созданная в Алма-Ате в результате объединения эвакуированных «Мосфильма» и «Ленфильма», здесь завершила работу над знаменитым фильмом «Свинарка и пастух» (И. Пырьев), в столице Казахской ССР были сняты две серии «Ивана Грозного» С. Эйзенштейна. В 1941–1943 гг. вышли ставшие культовыми кинокартины «Секретарь райкома», «Она защищает Родину», «Парень из нашего города», «Жди меня» и др. На Алма-Атинской студии кинохроники в 1942 г. выдающиеся режиссеры Д. Вертов и В. Турин инициировали создание художественно-документального

[1] Статья подготовлена в рамках Программы научных исследований, связанных с изучением этнокультурного многообразия российского общества и направленных на укрепление российской идентичности, 2023–2025 гг.

фильма, названного «Тебе, фронт!». Это была одна из последних полнометражных картин Вертова. Несколько раз отредактированная по требованию партруководства, в 1943 г. она, фильмы «Кореген», «Белая роза», «Знамя победы» и четыре киножурнала «Казкинохроники» были вручены 8-й Гвардейской им. Героя Советского Союза генерала-майора И.В. Панфилова стрелковой дивизии в честь второй годовщины воинского формирования [6: 436].

В Сталинабаде (ныне – Душанбе) работал «Союздетфильм». На объединенной базе киностудии «Союздетфильм» и Сталинабадской студии были созданы фильмы «Клятва Тимура» и киносборник «Юные партизаны» Л. Кулешова и А. Хохловой (1942), «Принц и нищий» Э. Гарина и Х. Локшиной (1942), «Лермонтов» А. Гендельштейна (1943), антифашистские сатирические киносборники С. Юткевича «Швейк готовится к бою» (1942) и «Новые похождения Швейка» (1943), «Бой под Соколом» А. Разумного (1942), «Март-апрель» В. Пронина (1943), боевой киносборник «Лесные братья» В. Журавлева (1942). В 1944 г. был частично доснят фильм А. Роу «Кащей Бессмертный». По национальным материалам были сняты картины «Сын Таджикистана» В. Пронина (1942) и «Таджикский киноконцерт» К. Минца (1943). Началась работа над фильмом по мотивам «Шахнаме» Фирдоуси «Кова – освободитель» (постановщик – художественный руководитель киностудии «Союздетфильм», кинорежиссер С. Юткевич). Однако из-за реэвакуации студии в Москву он не был завершен.

Создать высокохудожественные киноработы, посвященные знаковым фигурам и событиям республик СССР, оказалось непросто, в том числе, видимо, вследствие малочисленности национальных кадров кинематографистов, особенностей адаптации эвакуированных специалистов к новым условиям работы. Так, Управление пропаганды и агитации ЦК в марте 1943 г. раскритиковало сценарий музыкального биографического фильма «Джамбул» об известном казахском акыне Джамбуле Джабаеве (Жамбул Жабаев, 1846–1945), создавшем в сентябре 1941 г. знаменитое стихотворение «Ленинградцы, дети мои» (перевод М. Тарловского). 4/5 места в сценарии (авторы – казахский поэт А. Тажибаев и ленинградский сценарист и режиссер Л. Арнштам) отводилось дореволюционному периоду жизни и творчества акына и жизни казахского народа. «Октябрьская революция, коренное изменение судьбы казахского народа, эра его социального, национального и культурного расцвета, пора самой плодотворной творческой деятельности Джамбула в сценарии отражены схематично, можно сказать, не показаны вовсе. Плохо показано, как отозвался Джамбул на грозные события сегодняшнего дня, как казахский народ участвует вместе с другими народами нашей страны в защите своей родины. А именно это должно быть главным в фильме. Сценарий

необходимо подвергнуть коренной переделке». Его предлагалось переработать так, чтобы главное внимание в фильме было сосредоточено на послеоктябрьском периоде жизни и творчества Джамбула, «периоде социального и культурного расцвета казахского народа. Необходимо широко отразить участие казахского народа в Отечественной войне» [9: 8–9]. Стоит отметить, что в итоге фильм «Джамбул» был создан лишь в 1952 г. режиссером Е. Дзиганом по сценарию Н. Погодина на Алма-Атинской киностудии, премьера состоялась в 1953 г.

В Ташкенте Я. Протазанов снял фильм «Насреддин в Бухаре» по роману Л. Соловьева «Возмутитель спокойствия» (сценарий В. Витковича, Л. Соловьева, музыка М. Ашрафи, Б. Арапова). Однако, по мнению главы управления Г.Ф. Александрова, фильм стал одной из «наиболее слабых картин, выпущенных Комитетом по делам кино в 1943 году». В июне 1943 г. он направил письмо на сей счет начальнику Главного политуправления Красной армии А.С. Щербакову, выделив наиболее серьезные недостатки фильма. В частности, Александров обратил внимание на необходимость более полно характеризовать основные свойства национальной культуры «народов Востока». Показывать героя мусульманского мира, философских и юмористических рассказов Насреддина лишь как обличителя богачей и деспотов было недостаточно, лишая его «глубокого и тонкого юмора» и обедняя образ героя, воплощавшего народную мудрость. Утрированным оказался и образ эмира, поскольку «в нем нет того внешнего величия и недоступности, которые были свойственны восточным деспотам», а «его манеры русифицированы. Фильм построен неинтересно, прямолинейно, без напряженных коллизий». Особенно неудачной Александров считал музыку к фильму, в которой «много шума, мелодии весьма примитивны» [9: 14]. Заметим, что на деле фильм стал весьма популярным и в тылу, и на фронте.

Секретарь ЦК ВЛКСМ Н. Михайлов добавил критического настроя, предложив секретарям ЦК ВКП(б) запретить фильм режиссеров Л. Кулешова и А. Хохлова «Мы с Урала», снятый в Сталинабаде в 1943 г., как «безыдейный и антихудожественный», поскольку, как он считал, интересы завода двум героям – отличникам учебы в ремесленном училище – чужды. Рождение советского рабочего, как и его быт, писал он, извращены, так как сюжет сконцентрирован на юношеской влюбленности, правда, на деле герой фильма стремился на фронт вслед за ушедшей воевать сестрой одного из подростков. «Незнание советской молодежи, отсутствие вкуса и такта характерны для большинства сцен этого фильма. Обстановка войны в фильме не чувствуется». Лишь В. Пудовкин снял в Алма-Атинской киностудии подходящий фильм «Русские люди» по пьесе К. Симонова. Съемки крупным планом позволили ему «даже в небольших ролях

шире раскрыть душевные качества русских советских людей» [9: 10–18, 172–173]. В прокат фильм вышел под названием «Во имя Родины».

Очевидно, настройка сложной культурной среды, значимую часть которой составляла творческая интеллигенция, на осмысление и художественное воплощение подвига и трагедии многонационального народа на войне оставалась трудной задачей. На совещании по проблемам кинематографа во главе с начальником Главного политуправления Красной армии А.С. Щербакова 31 июля 1943 г. Л.С. Соболев заявил: «Если делать военные картины, то надо углубляться до человека, до его переживаний. А у нас наоборот, во главе угла бомбация, а что с человеком делается, не знают». Писатель и сценарист Б.Л. Горбатов предлагал: сценарии должны писать те, кто был на фронте. Задание сделать фильм об инвалидах Великой Отечественной он считал несвоевременным и сделал важное заявление: «Все вопросы связаны с нашим идеалом советского человека, у которого его убеждения составляют его теорию. <…> Кинематография удалена от фронта, люди не восприняли войну как личную трагедию, которая нарушила их жизнь, появились дополнительные трудности в борьбе за спасение государства. Ведь вплоть до того дело дошло, что была группа, которая подавала в Комитет предложение, чтобы уехать в Америку и делать советскую кинематографию оттуда. Как можно это сделать, когда человек потерял чувство ощущения величайшей драмы, в которой мы играем центральную роль и в это время думать, что можно спасти свою жизнь в Америке» [9: 118, 124, 127].

С.Н. Сергеев-Ценский подчеркнул, что нужны фильмы о тыле, которые позволят показать, как изменился культурный облик человека в СССР. «Представьте себе такую вещь. Если возьмем, скажем, и проследим людей тыла – той же фабрики, того же завода за время сталинских пятилеток, а в особенности за это время мы увидим рост особой прослойки рабочего класса, которую можно назвать культурной прослойкой. Это обычный рабочий, рабочий у станка, молодой квалифицированный рабочий, обычно до 35 лет, который имеет в среднем не менее семилетки, десятилетки, который, не отрываясь от производства, получил заочное техническое образование, общее развитие. Я, например, знаю ряд лиц из рабочих, которые, не отрываясь от производства, закончили Ленинградский институт. А таких рабочих очень много, и этот рабочий, передовик, это товарищ, который творит наши новые методы труда, это товарищ, решающая, ведущая сила, за которой идет вся масса, мы его не показываем ни в кино, ни в литературе, а это явление в высшей степени полезное» [9: 138].

Партийный контроль за содержанием и характером патриотического и интернационального дискурса в творческой среде был постоянным и осуществлялся при непосредственном участии самой интеллигенции.

Впрочем, администрирование далеко не всегда помогало поднять художественный замысел до высот подлинных шедевров. К тому же доходчивость, плакатность образов и стиля в образцах массового предназначения доминировала изначально, что наглядно подтверждают стихи военного корреспондента И. Сельвинского «Битва за Кавказ» (1943 г.):

А дальше в полках запыленных
Солдаты российские шли
Из тульской да новгородской,
Из вологодской земли,
За ними идут грузины,
Армяне за ними идут,
Азербайджанские части
Колоннами движутся тут [8: 77].

Поистине всесоюзный масштаб приобрела в годы войны работа над государственным гимном СССР. До этого времени его роль исполнял «Интернационал». Подготовка гимна началась весной 1943 г. в специальной комиссии в составе заместителя председателя СНК СССР К.Е. Ворошилова, первого секретаря МК и МГК, начальника Главного политуправления Красной армии А.С. Щербакова, председателя Комитета по делам искусств при СНК СССР М.Б. Храпченко, председателя Союза советских писателей А.А. Фадеева, председателя Союза советских композиторов Р.М. Глиэра. Как указывалось, «гимн должен отразить следующие темы: 1. Победа рабочего класса в нашей стране и торжество власти трудящихся. 2. Братство и дружба победивших в борьбе народов Советского Союза. О партии упоминать не следует, так как гимн является всенародным, национально-беспартийным. Гимн должен быть немногословен, не более четырех куплетов, но сильным и выразительным по своему содержанию» [5: 845].

Это предопределило привлечение к конкурсу на создание текста и музыки представителей разных республик. Среди 96 вариантов текста гимна СССР, принятых к рассмотрению, тема межнационального единства была положена в заглавие семи текстов: «Свободен народов союз стоязыкий» – последний из семи вариантов стихов М. Голодного на музыку П. Иванова-Радкевич, стихи С. Михалкова «Свободных народов союз благородный» на три варианта музыки Г. Эль-Регистана и один на музыку Д. Шостаковича, «Созвездием славы сверкают гербы» П. Германа. Наиболее последовательно освещал идею гражданского единства советских людей С. Кирсанов. Он предложил 11 вариантов, в том числе с такими характерными названиями, в одном из которых значился «советский народ»: «Своей исконной землею народ, владей», «Народ советский, землей счастливой владей навеки» (это было первое трехстишие, в третьем говорилось также: «Пусть год от года живет свободно союз народов!»), «Мы – граждане Советского Союза».

В последнем варианте были обозначены опорные точки общественного сознания – Москва как объединитель СССР, непобедимость советских людей, державность и союз народов, солидарность и доблесть рабочих и крестьян в труде и бою, сакральный характер земли как исторического наследия и величие советских вождей [1: 18–19].

Аналогичные формулы положил в основу своих стихов П. Слетов («Слава народу великому, слава» на муз. Степанова и Шишова). На 25 августа 1943 г. в создании, как писалось поначалу, «народного гимна Союза ССР» участвовали 43 поэта, представившие 85 вариантов текстов, и 40 композиторов, исполнивших на прослушивании 55 вариантов будущего гимна. Среди авторов текстов были представители национальных республик: белорусская поэтесса Э. Огнецвет («Знамя победы, как солнце, сияй»), казахские писатели А. Тажибаев и А. Токмагамбетов с двумя вариантами («Мы светлую, новую долю свою», «Мы великий народ той победной страны»), а также Х. Жумалиев («Необъятная, могучая страна»), украинский поэт М. Рыльский с двумя вариантами («В боях закаляясь, в труде не сгибаясь», «Родине слава, слава в веках»), узбекские поэты Миртемир («Век живи, богатырский, прославенный край»), Т. Фаттах («Сами добились мы нашей свободы») и Айбек (Муса) Ташмухамедов, «Мы свободные люди великой страны»), армянские мастера слова А. Исаакян и Н. Зарян («Ты рождена и в буре, и в огне»), Г. Сарьян («Тебе, – страна свободы – слава») и О. Шираз («Пусть слух по всей земле пройдет»), дагестанский поэт, лезгин С. Стальский («Одна на свете есть страна») [10: 23–27, 89, 90]. Его стихи положил на музыку Д. Кабалевский (композиторы, работавшие с поэтами, отмечали трудности ритмического согласования текстов и музыки):

Одна на свете есть страна,
Ей слава всех времен дана.
Необозрим ее простор
От волжских вод до снежных гор.

Страна, где уничтожен гнет,
Где воздают труду почет,
Где счастье входит в каждый дом,
Где жизнь в наряде золотом.

Живет здесь богатырь народ,
Он строй счастливый создает,
Весь мир он наново кует,
Чтоб человек в нем жил достойно.

Здесь нет рабов, здесь нет господ,
Страной здесь правит сам народ
И каждый труженик несет
На благо всем свой труд счастливый
[10: 268].

С. Стальский (Гасанбеков, 1869–1937), получивший от М. Горького титул «Гомера XX века», писал на лезгинском и азербайджанском языках, однако переводчик его текста гимна не указан, в отличие от других авторов из национальных республик.

Прослушивание проходило в Бетховенском зале Большого театра, с приглашением поэтов и композиторов, представителей общественности,

выдающихся артистов и дирижеров Большого театра [11: 543–572]. В итоге 14 декабря 1943 г. был утвержден окончательный вариант гимна СССР (музыка А.В. Александрова, слова С.В. Михалкова и Г.А. Эль-Регистана) [10: 23–27, 89–90; 7; 4: 228–229; 5: 852–853].

В 1944 г. Совнарком Союза ССР принял постановление «О вознаграждении поэтов и композиторов, принявших участие в работе по созданию гимна Союза Советских Социалистических Республик». Участники конкурса получили премии от 4 до 32 тыс. руб., победители – по 100 тыс. руб., что соответствовало Сталинской премии I степени [3].

19 января 1944 г. вышло постановление Секретариата ЦК ВКП(б) «О переводе текста гимна Советского Союза на языки народов СССР и на иностранные языки». Оно обязало секретарей ЦК компартий и председателей СНК союзных республик (за исключением РСФСР) рассмотреть перевод текста гимна на соответствующий титульный язык и представить его к 1 февраля 1944 г. в СНК СССР. Секретари обкомов и представители СНК автономных республик должны были предоставить переводы в СНК СССР к 15 февраля 1944 г. Комиссии во главе с начальником Управления пропаганды и агитации ЦК ВКП(б) Г.Ф. Александровым было поручено провести проверку правильности переводов гимна на языки народов СССР с участием лучших специалистов. По инициативе И.В. Сталина была создана и комиссия для проверки переводов на иностранные языки. Переводы на языки народов СССР были осуществлены при участии республиканских писательских коллективов в марте 1944 г. Повсеместное исполнение гимна началось в марте 1944 г. [2: 425–426].

Война послужила самым сильным средством проявления и испытания нравственной и гражданской зрелости людей, ценностных приоритетов и уровня консолидации разных этносоциальных групп в условиях интенсивных перемещений. Сюжеты из истории участия творческой интеллигенции в консолидации общества показывают многофакторный характер политики государства в социокультурной сфере, в итоге обеспечившей необходимый уровень межкультурной интеграции на основе базовых ценностей народов СССР. Идейно-политическое единство и социокультурная целостность, объединение вокруг традиционных духовных ориентиров и жизненных смыслов подавляющего большинства представителей разных социальных слоев и этнических общностей выступили важнейшей характеристикой и неоспоримым преимуществом СССР.

Источники и литература

1. *Аманжолова Д.А.* Дружба народов и советский народ: из истории создания гимна СССР // Социальная интеграция и развитие этнокультур в евразийском пространстве. 2023. Т. 1. № 12. С. 16–22.

2. *Девятов С.В., Жиляев В.И., Невежин В.А.* «Союз нерушимый…» на чистом английском. Советские дипломаты и популяризация Государственного гимна СССР в Великобритании и США // Исторический вестник. 2024. № 47. С. 404–434.

3. Звезда. 1944. 5 января.

4. Музыка вместо сумбура: композиторы и музыканты в Стране Советов. 1917–1991 / сост. Л.В. Максименков. М., 2013.

5. «Мы предчувствовали полыханье…» Союз советских писателей СССР в годы Великой Отечественной войны. Документы и комментарии. Т. 2. Кн. 1 / рук. колл. Т.М. Горяева, сост. В.А. Антипина, З.К. Водопьянова (отв. сост.), Т.В. Домрачева. М., 2015.

6. Рассекреченная война: «особые папки» ЦК КП(б) Казахстана. 1941–1945 гг.: сборник документов / Е.М. Грибанова, А.С. Зулкашева, Г.Н. Мурзагалиева, Е.В. Чиликова (отв. сост.). Алматы, 2020.

7. Российский гимн. Зеркала эпохи. URL: https://www.culture.ru/s/gimn_rossii/ (дата обращения: 10.03.2025).

8. Российский государственный архив социально-политической истории (далее – РГАСПИ). Ф. 17. Оп. 125. Д. 212.

9. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 213.

10. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 217.

11. *Соболева Н.А.* Идентичность Российского государства языком знаков и символов: эмблематики, геральдики, сфрагистики, вексиллологии. 2-е изд. М., 2018.

С.А. Хубулова, А.В. Саламбиева

ОБЩЕСТВЕННЫЕ ИНИЦИАТИВЫ НАСЕЛЕНИЯ ВЛАДИКАВКАЗА ПО ОКАЗАНИЮ ПОМОЩИ АРМИИ

В непростые периоды, когда решаются судьбоносные вопросы, общественность не остается безучастной к трудностям и проблемам, которые встают перед страной. Опыт отечественной благотворительности как репрезентации гражданской активности является актуальным и востребованным.

Исследованию моделей благотворительной деятельности в разные периоды истории в отечественной историографии посвящен ряд работ [2; 6; 11; 14]. Авторы делают вывод о том, что все социальные слои принимали посильное участие в благотворительной помощи российской армии. Отметим, что каждый период военной истории рассматривался самостоятельно, не проводилась связь между опытом Первой мировой и Великой Отечественной войн. Это представляется определенной недоработкой.

Введение в научный оборот новых источников позволяет восполнить данный пробел и дополнить исследование анализом современной ситуации, связанной со специальной военной операцией России на Украине (далее – СВО).

Изучение форм и методов благотворительной помощи военнослужащим Российской армии даст возможность вырабатывать эффективные государственные меры социальной помощи и совершенствовать механизм благотворительности в современной Российской Федерации.

Цель данной статьи – изучение основных методов и форм благотворительной помощи в условиях Первой мировой и Великой Отечественной войн и способов их рецепции на СВО на материалах г. Владикавказа.

В XX в. благотворительные акции инициировала царская семья, которая стояла во главе многих комитетов помощи военнослужащим, а также жертвовала собственные средства, направляя их на восстановление здоровья раненых, помощь семьям фронтовиков и проч. Можно указать на ряд общественных комитетов, которые находились под патронажем царственной семьи: Романовский комитет (призрение сирот всех сословий), Алексеевский главный комитет (призрение детей погибших на фронтах офицеров), Александровский комитет (оказание помощи офицерам-фронтовикам) и т.д. [4].

В регионах наряду с общероссийскими существовали местные организации, например, Кавказский комитет, который занимался призрением семейств нижних чинов. Глава комитета наместник на Кавказе граф И.И. Воронцов-Дашков обратился к населению с призывом «посильною для каждого жертвою облегчить великое дело помощи пострадавшим от войны» [35: 6]. Общественные инициативы населения Терской области привели к созданию в городах области разнообразных комитетов. Среди них были Моздокский городской комитет по оказанию помощи семьям нижних чинов, призванных по мобилизации; Грозненское общество вспомоществования семьям запасных; Попечительство о семьях запасных на старых промыслах [36: 4; 39]. Начальник Терской области возглавил Комитет по оказанию помощи семьям запасных нижних чинов и ополченцев [34: 47].

Наиболее активным стало население столицы области – Владикавказа. Как удалось установить, жители объединились в 12 комитетов и союзов, которые оказывали материальную помощь фронтовикам. Второе направление благотворительности было направлено на поддержание семей военнослужащих. К 1915 г. общественные сборы на нужды армии составили свыше 150 тыс. руб. [4].

Благотворительные общества создавали национальные организации, например, осетинская интеллигенция собрала средства и закупила всё необходимое для воинов и отправила на фронт вагон одежды, продуктов

и медикаментов; армянская диаспора объявила сбор средств на оборудование мест в госпитале из расчета 36 руб. на каждого раненого [20: 56]. Казачество области тоже не осталось в стороне от помощи фронту: было оборудовано 150 коек для раненых, направлено на фронт свыше трех вагонов с провизией и теплыми вещами [5: 4].

Активное участие в благотворительности принимали женщины. Вслед за членами императорской семьи местные дамы также включились в общественную работу. В июле 1914 г. в газете «Терские ведомости» было опубликовано объявление о создании областного отделения Российского Красного Креста (далее – РОКК), его председателем стала жена начальника области Н.Я. Флейшер [20: 93]. Члены общества должны были агитировать разные слои населения на сбор добровольных денежных, медицинских пожертвований, теплых вещей и др. Жертвователи вносили посильные вклады. Так, известный владикавказский предприниматель Замковой пожертвовал более 500 руб., хозяин табачной фабрики Вахтангов – пять ящиков отборного табака; менее состоятельные граждане принесли в фонд РОКК небольшие суммы [30].

Благодаря организаторским способностям Н. Флейшер РОКК удалось собрать несколько вагонов подарков для земляков, мобилизованных в армию.

Жена начальника области организовала комитет для оказания помощи семьям запасных и пострадавших на войне. В состав правления вошли баронесса Е.П. Штейнгель, З.П. Пряслова, С.Д. Каландарашвили, Н.П. Жуковская и др. [31]. Некоторые состоятельные дамы жертвовали городу помещения для госпиталей, медикаменты, продукты и др.

Женщины-активистки принимали деятельное участие в благотворительной помощи фронтовикам и их семьям. Так, в 1915 г. во всех городах области были созданы дамские комитеты при РОКК. Частная инициатива женщин региона была отмечена обществом: так, состоятельная горожанка Авак-Юзбашева на свои средства смогла сформировать особый санитарный отряд [18].

В 1915 г. по всей области формировали дамские общества «Чашка чаю». В качестве учредительниц выступали жены присяжных поверенных Владикавказа. Среди прочих источников пополнения казны были предложены и такие: «С целью наибольшего притока средства общество открывает в городе Владикавказе (как, впрочем, и в других городах. – *Авт.*) кофейню для продажи желающим кофе, чаю, какао, шоколада, молока, прохладительных напитков и минеральных вод, пирожков, пирожных и других печений, а также легких холодных и горячих закусок, причем получающийся чистый доход обращается на удовлетворение прямой цели общества» [36: 24]. В области было создано три его отделения:

во Владикавказе, Пятигорске и Грозном. Учредителями Владикавказского общества были: жена полковника Темченко, жена присяжного поверенного М.К. Скуридина, дворянка Е.М. Андриевская, жена надворного советника Е.Г. Гасумянц, жена присяжного поверенного З.А. Малкоедова и др. [41: 168]. Как следует из устава общества, оно создавалось для поддержания людей, пострадавших от войны. В программном документе также указывалось, что средства формировались из членских взносов, пожертвований, а также прибыли от операций общества. К таким операциям относился доход от работы кофейни по продаже чая, кофе, прохладительных напитков, кондитерских изделий [37: 8]. За время работы «Чашки чая» ее участницы оказывали помощь всем нуждающимся, собирали средства и вещи для фронтовиков.

Владикавказский Георгиевский дамский комитет также занимался устройством благотворительных вечеров, лото-аллегри. На собранные деньги комитет отправил в армию более 40 тыс. предметов одежды, обуви и продуктов. Кроме того, члены кружка считали необходимым и своевременным заботиться о женщинах-солдатках и их детях: подыскивать им работу, помогать детям в поступлении на учебу, поддерживать их здоровье и проч. [38: 38]. Такая работа очень поддерживала семьи фронтовиков.

В годы войны роль православной церкви была весьма значительна. Так, 16 ноября 1914 г. Владикавказская епархия объявляла тарелочный сбор по храмам в пользу Комитета помощи семьям мобилизованных [29]. Во всех приходах епархии были открыты приходские попечительства по призрению семейств запасных и раненых. Как отмечали сами священнослужители, деятельность этих попечительств была весьма успешна [15].

Методы собирания средств разнились: кружечные сборы, отчисления от продажи билетов на маскарады, театральные спектакли, концерты, внесение средств на счет фондов, сбор теплых вещей, табака, продуктов и проч.

Властные органы (городские структуры, духовные органы и др.) на местах находились в тесном контакте с общественными организациями и занимались наряду с другими задачами распределением пособий. Например, Владикавказская городская дума приняла на себя попечение о семьях мобилизованных: был проведен обстоятельный анализ и обследование всех семей, проживавших на территории Владикавказа [3].

Общественные инициативы помощи фронту с новой силой проявились в годы Великой Отечественной войны. Патриотическое воспитание граждан СССР было поставлено на такую высоту, что уже после объявления по радио о вероломном нападении фашистской Германии на Советский Союз началась работа по перестройке экономики на военные рельсы. Места ушедших на фронт мужчин занимали женщины и подростки, которые в короткие сроки осваивали новые профессии для бесперебойной

работы предприятий [1]. Тыл перестраивался, лозунг «Всё для фронта, всё для победы!» стал нравственным смыслом тысяч граждан республики.

Наряду с ударным трудом граждане СССР принимали активное участие в финансовой и материальной помощи Красной армии. Например, за 6 и 7 июля 1941 г. в Центральную сберкассу г. Орджоникидзе (Владикавказа) было внесено для перечисления в Фонд обороны облигаций выигрышных займов на сумму 284 тыс. руб. [24].

В условиях военного времени остро стояла проблема финансов. И граждане через разные организации вносили средства для пополнения государственного бюджета, но эти перечисления носили стихийный характер. С первого дня войны трудящиеся по собственной инициативе стали перечислять из личных средств деньги для поддержания Красной армии. В июле 1941 г. встал вопрос о создании Фонда защиты (еще его называли Фонд обороны: «Стали поступать сотни писем с предложением создать народный фонд обороны, – отмечала газета "Правда", – целые коллективы и отдельные граждане отчисляют однодневный заработок, вносят определенные суммы, облигации, золотые вещи, заявляя при этом, что готовы и впредь участвовать в расширении фонда обороны» [19].

Народная инициатива нуждалась в организационной поддержке со стороны партийно-советского руководства. 1 августа 1941 г. во всех сберегательных кассах на специальные счета можно было перечислять средства в помощь фронту. При всех городских и районных исполкомах формировались специальные комиссии, куда входили представители от партийно-советских структур и общественности. Они организовывали и контролировали поступление финансов, размещение военных займов, проведение денежных лотерей и сбор подарков для Красной армии.

7 августа 1941 г. Северо-Осетинский обком ВКП(б) рассмотрел возможность организации отделения Фонда обороны в республике. Пополнение Фонда осуществлялось через разные формы участия населения: отчисление однодневного заработка, внесение личных накоплений, драгоценностей, передачу облигаций государственных займов, продовольственные обозы, средства, полученные от участия в субботниках и воскресниках и т.д. [22]. Все эти акции, как правило, освещались по радио и в газетах. Газета «Социалистическая Осетия» писала: «За два дня 14–15 августа в Центральную сберкассу гор. Орджоникидзе поступило 360 300 руб. облигациями. В народный фонд обороны педагогический институт им. К.Л. Хетагурова внес облигаций на 31 530 руб., институт цветных металлов – на 9505 руб. Рабочие и служащие Алагирского района в растущий фонд обороны внесли 186 тыс. руб.» [26]. Работники флагмана индустрии республики – завода «Электроцинк» – заявили о своей готовности вносить однодневный заработок для того, чтобы дать в руки бойцам еще больше

новейшего оружия» [40: 52]. Кроме того, уже в начале августа 1941 г. они передали в Фонд более 100 тыс. руб. Только за два месяца войны в Фонд обороны от трудящихся г. Орджоникидзе поступил 1 300 тыс. руб., было сдано облигаций на сумму свыше 4,5 млн руб. [28]. В движение включились домохозяйки, которые не только оказывали финансовую помощь, но и «закупили много папирос, одеколона, туалетного мыла и пуховые подушки…» [25].

Русская православная церковь приняла посильное участие в финансовой поддержке фронтовиков. Несмотря на то, что в предвоенные десятилетия на церковь осуществлялся серьезный нажим, религиозное пространство ограничивалось до предела, не было возможности получать доходы от деятельности, клир и паства смогли преодолеть обиды и ущемления и наравне с остальными гражданами страны встать на защиту Родины. В конце 1942 г. митрополит Сергий обратился ко всем священнослужителям страны с призывом не оставаться в стороне от помощи армии и жертвовать средства в Фонд обороны [21]. Только на строительство танковой колонны «Дмитрий Донской» верующие пожертвовали более 8 млн руб., на них было построено 40 современных танков [16: 63]. Верующие религиозной общины Ильинской церкви г. Дзауджикау внесли в фонд Красной армии 125 тыс. руб. [27].

Большую роль в пополнении Фонда обороны сыграли субботники и воскресники, которые в годы войны проводились довольно часто и стали частью повседневной жизни населения. Особенно активны были молодежь и дети. Комсомольская организация завода «Электроцинк» регулярно проводила субботники по сбору лома цветных металлов. В августе 1941 г. в газете «Советская Осетия» сообщалось, что удалось собрать 32 т [23].

18 июля 1941 г. было опубликовано постановление Государственного комитета обороны СССР «О мероприятиях по обеспечению Красной армии теплыми вещами на период 1941–1942 гг.». В первые два года было собрано более пяти эшелонов теплой одежды, нижнего белья, полотенец, мыла и проч. [10: 127].

В 1942 г. многие подавали заявления об отчислении однодневного заработка, направляли «однодневный заработок на подписку на Военный заем 1942 г.» [39: 19]. В Фонд обороны только население Владикавказа в 1941 г. сдало облигаций и залоговых квитанций более чем на 5 млн руб. В благодарность за героизм, проявленный советскими летчиками при освобождении Осетии, жители от мала до велика начали сбор средств на строительство именного авиазвена «Защитник Владикавказа» [10: 53]. Только за один месяц объявленного сбора в Государственный банк было внесено 550 тыс. руб. [9: 14]. Был построен на народные средства бронепоезд «Владикавказец» [8: 18].

Современная ситуация также потребовала от граждан страны оказать помощь частям Российской армии, выполняющим свой воинский долг. Президент Российской Федерации В.В. Путин 3 апреля 2023 г. подписал указ о создании фонда поддержки участников специальной военной операции «Защитники Отечества», который работает со всеми государственными структурами [33]. По словам главы Республики Северной Осетии – Алании, аналогов в истории страны не было. Фонд занимается социальной поддержкой семей бойцов, медицинской реабилитацией, санаторно-курортным лечением, обеспечением лекарствами и т.д. [7].

В республике ежегодно проводятся благотворительные акции, целью которых является действенная помощь бойцам российской армии в зоне СВО. Например, в начале 2024 г. республика участвовала во всероссийской акции «Тепло для героя», направленной на поддержку участников СВО и их семей.

В сборе гуманитарной помощи участвуют рабочие коллективы, учебные заведения, государственные учреждения. Только за несколько месяцев 2023 г. жители Осетии собрали более 1 млн руб. и отправили сотни машин с грузами для участников СВО. К началу 2025 г. властями Республики Северной Осетии – Алании на поддержку участников СВО было направлено свыше 1,5 млрд руб., более 3 тыс. т разных грузов. Раз в две недели туда отвозят воду – от 20 до 30 т [17].

Коллективное начало, коллективная помощь особенно проявляются в непростые времена, когда требуется совместная и слаженная работа. Свидетелями и участниками этого процесса являются миллионы россиян, поддерживающих солдат и офицеров в зоне СВО. В связи с этим актуален вопрос о помощи и гражданских инициативах, которые проявились в непростой период Великой Отечественной войны, и об опыте, который может быть использован в настоящее время [12; 13; 32].

Таким образом, в осуществлении каждого из направлений формирования и функционирования благотворительных инициатив отчетливо проявляется тесное сотрудничество власти и общества. Народные инициативы и сегодня не остались без внимания политических и государственных структур, которые стали организующим началом в патриотическом движении помощи Российской армии.

Источники и литература

1. *Абаев А.И.* Рабочий класс Северной Осетии в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Орджоникидзе, 1978.

2. *Артамонова О.А.* Донорское движение как вид военно-патриотической работы по оказанию помощи фронту в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.) в областях Верхнего Поволжья // Гуманитарный

вестник Военной академии ракетных войск стратегического назначения. 2018. № 4-1 (12). С. 115–119.

3. *Атабиев Х.А.* «Эта война – народная»: население Терской области в Первой мировой войне // Современные проблемы науки и образования: сетевое издание. 2015. № 2-1. URL: https://science-education.ru/ru/article/view?id=21197 (дата обращения: 16.04.2025).

4. *Баева Е.П., Иванова Н.М.* Благотворительные комитеты и Первая мировая война // Научно-технический вестник Санкт-Петербургского государственного университета информационных технологий, механики и оптики. 2006. № 24. С. 48–52.

5. *Бесолова А.А.* Из истории развития войскового общественного призрения в Терской области: Михайловская войсковая богадельня // Северо-Осетинский государственный университет им. К.Л. Хетагурова (Владикавказ). Сборник научных трудов. Владикавказ, 2007. С. 3–7.

6. *Боханов А.Н.* Коллекционеры и меценаты в России. М., 1989.

7. В Северной Осетии открыли региональный Фонд поддержки участников СВО «Защитники Отечества» // Республика Северная Осетия – Алания: официальный портал. 2023. 31 мая. URL: https://alania.gov.ru/news/12530 (дата обращения: 16.04.2025).

8. Государственный архив новейшей истории Республики Северная Осетия – Алания (далее – ГАНИ РСО-А). Ф. 1. Оп.1. Д. 675.

9. ГАНИ РСО-А. Ф. 46. Оп. 1. Д. 38.

10. ГАНИ РСО-А. Ф. 53. Оп. 1. Д. 188.

11. *Гулин А.О.* Провинциальное общество в период мая – декабря 1914 г. (на материалах Костромской и Ярославской губерний) // Первая мировая война: взгляд спустя столетие. 1915 год: материалы V Международной научно-практической конференции (26–28 ноября 2015 года, г. Москва). М., 2016. С. 412–417.

12. *Данилов В.Н.* Мобилизация денежных средств населения в годы Великой Отечественной войны: практика Саратовской области // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2019. Т. 19. № 3. С. 387–395.

13. *Захарченко А.В.* Патриотическая помощь фронту в годы Великой Отечественной войны как проблема современной историографии // Философия. История. Образование: электронный журнал. 2023. № 4 (10). URL: https://elibrary.ru/item.asp?id=67210190 (дата обращения: 16.04.2025).

14. *Кайдышева Н.Н.* Роль общественности Пермской губернии в деле помощи больным и раненым воинам в годы Первой мировой войны // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4: История. Регионоведение. Международные отношения. 2014. № 5 (29). С. 91–103.

15. *Канукова З.В., Хубулова С.А.* Дорога к храму: из истории конфессиональной жизни Владикавказа во второй половине XIX – начале XX в. Владикавказ, 2000.

16. *Константин (Горянов), архиеп.* Патриотическая деятельность Русской православной церкви в годы Великой Отечественной войны // Христианское чтение. 2005. № 24. С. 49–66.

17. Меняйло рассказал Путину, что Осетия направила на поддержку СВО 1,5 млрд // Аргументы и факты. Ставрополь. 2024. 11 ноября. URL: https://stav.aif.ru/society/army/menyaylo-rasskazal-putinu-chto-osetiya-napravila-na-podderzhku-svo-1-5-mlrd (дата обращения 16.04.2025).

18. *Ованесов Б.Т.* Благотворительность армянских общин Российской империи на Северном Кавказе // Культурная жизнь Юга России. 2009. № 5 (34). С. 54–57.

19. Правда. 1941. № 208 (8616). 29 июля.

20. Российский государственный военно-исторический архив. Ф. 12651. Оп. 1. Д. 423.

21. Русская православная церковь и Великая Отечественная война. Патриарх Сергий // По ком звонит колокол: сетевой миссионерско-просветительский журнал. URL: https://www.mgarsky-monastery.org/kolokol/3986 (дата обращения: 16.04.2025).

22. Социалистическая Осетия. 1941. 7 августа.

23. Социалистическая Осетия. 1941. 15 августа.

24. Социалистическая Осетия. 1941. 27 августа.

25. Социалистическая Осетия. 1942. 2 февраля.

26. Социалистическая Осетия. 1943. 2 мая.

27. Социалистическая Осетия. 1943. 11 июня.

28. Социалистическая Осетия. 1944. 4 июня.

29. Терская жизнь. 1914. 3 ноября.

30. Терские ведомости. 1914. 24 июля.

31. Терские ведомости. 1914. 17 августа.

32. *Тетуев А.И.* Материальная и финансовая помощь тыла фронту в годы Великой Отечественной войны (на материалах Кабардино-Балкарии) // Кавказология. 2022. № 1. С. 61–78.

33. Указ Президента Российской Федерации от 3 апреля 2023 г. № 232 «О создании Государственного фонда поддержки участников специальной военной операции “Защитники Отечества”» // Президент России. URL: http://www.kremlin.ru/acts/bank/49138 (дата обращения: 16.04.2025).

34. Центральный государственный архив Республики Северная Осетия – Алания (далее – ЦГА РСО-А). Ф. 54. Оп. 3. Д. 816.

35. ЦГА РСО-А. Ф. 193. Оп. 1. Д. 1.

36. ЦГА РСО-А. Ф. 199. Оп. 1. Д. 21.

37. ЦГА РСО-А. Ф. 199. Оп. 1. Д. 25.
38. ЦГА РСО-А. Ф. 199. Оп. 1. Д. 375.
39. ЦГА РСО-А. Ф. Р-56. Оп. 1. Д. 35.
40. ЦГА РСО-А. Ф. Р-56. Оп. 2. Д. 48.
41. *Шафранова О.И.* Образование, общественная и профессиональная деятельность женщин Северного Кавказа во второй половине XIX – начале XX вв.: дис. … канд. ист. наук. Ставрополь, 2004.

Б.М. Алимова

КЫРГЫЗСТАН ПЕРЕД ВЫЗОВОМ ВОЙНЫ: ПЕРВЫЕ ДНИ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

Великая Отечественная война стала временем героизма советских людей, как солдат и офицеров, сражающихся на фронте, так и мирного населения, которое в тяжелейших условиях войны, лишений и невзгод создавало основную материальную силу страны, ее военную мощь. Сколь бы решающими ни были собственно военные действия, исход войны зависел не только от того, что происходило на фронте, но и от состояния военной экономики. В силу того, что во Второй мировой войне в огромных масштабах применялась техника, воюющим сторонам необходимо было создавать обширнейшие тылы, для чего была проведена большая организационная работа.

Киргизы, будучи частью населения единого Советского государства, встретили внезапный вызов войны как общую беду. Народ сплотился и проявил готовность ответить на вызовы войны, организовав массовую мобилизацию, интегрировав свои силы в состав общей оборонной системы. Всё это в конечном счете стало залогом победы над врагом. Огромные усилия потребовались от государства по организации мобилизации населения. Население Киргизии, как и других субъектов СССР, встало на защиту Отечества, демонстрируя беспрецедентное мужество и преданность Родине. Великая Отечественная война стала величайшим испытанием для всего киргизского народа.

Жители республики, независимо от возраста, национальности и профессии, встали на защиту своей Родины. Одни уходили на фронт, другие трудились в тылу, обеспечивая армию продовольствием, оружием, одеждой. Война не щадила никого – она вошла в каждый дом, разрушила судьбы, забрала тысячи жизней. Несмотря на небольшое население, Киргизская ССР внесла значительный вклад в Победу: сотни тысяч жителей республики ушли на фронт, а оставшиеся работали день и ночь, обеспечивая армию продовольствием и оружием.

Основным источником сведений о настроениях и поведении граждан Киргизии в годы войны является периодическая печать того времени. Газеты позволяют понять, какие эмоции переживали люди, как они воспринимали войну и как реагировали на призывы государства. Изучение прессы помогает не только восстановить хронику событий, но и почувствовать дух того времени.

Данная статья посвящена анализу периодической печати Киргизской ССР как источника для изучения общественной реакции на мобилизацию в начале войны. Ценность материалов прессы заключается в оперативности – газеты фиксировали события практически в режиме реального времени; широком охвате аудитории – через печать государство могло влиять на миллионы людей; эмоциональном наполнении материалов – публикации отражали настроения, страхи и надежды людей.

С началом Великой Отечественной войны мобилизация населения стала первоочередной задачей Советского государства. Однако военные сводки и официальные приказы сами по себе не могли обеспечить массовый патриотический подъем. Важнейшую роль в этом процессе сыграла периодическая печать, ставшая не только источником информации, но и инструментом формирования общественного мнения.

В Киргизской ССР важнейшими изданиями того времени были: «Кызыл Кыргызстан» (на киргизском языке), «Советская Киргизия» (на русском языке), «Ленинчил жаш» (газета для молодежи на киргизском языке), «Колхозчу» (газета на киргизском языке аграрной тематики). Эти издания играли ключевую роль в информационной и агитационной работе, задавая тон общественному восприятию войны и мобилизации. Пресса в Киргизской ССР выполняла несколько важнейших функций: информирования населения (оперативного освещения хода мобилизации и отправки бойцов на фронт); пропаганды (представления мобилизации как священного долга каждого гражданина); освещения реакции населения (публикация откликов, писем добровольцев, а также призывов рабочих и колхозников).

В газетах звучали лозунги: «Всё для фронта», «Бойцы Всеобуча, готовьтесь бить врага», «В победах на трудовом фронте – залог победы на фронтах Великой Отечественной войны», «Грозен гнев киргизского народа», «Военными темпами изготовить вещи для бойцов Красной Армии», «Женщины и девушки! Овладевайте мужскими профессиями, заменяйте мужчин, ушедших на фронт», «Колхозники, колхозницы Киргизии, давайте Красной Армии быстрых и выносливых коней», «Ремонтировать тракторы быстро, хорошо и дешево», «Теплые вещи – на фронт!». Эти призывы продемонстрировали высокую мобилизационную способность киргизского общества, которое, несмотря на тяжелые условия, активно включилось в поддержку фронта.

В первые месяцы войны руководство Киргизской ССР незамедлительно приступило к организации мобилизационных мероприятий. О патриотическом порыве населения свидетельствует то, что в первые 15 дней войны 3820 человек добровольно подали заявления на фронт, а к 1942 г. было призвано около 160 девушек [4: 106]. Началось формирование национальных воинских соединений, что было обусловлено слабым владением русским языком призывниками из национальных республик. В Киргизии были созданы 385-я стрелковая дивизия, 40-я и 153-я стрелковые бригады, 107, 108 и 109-я кавалерийские дивизии, 660, 664 и 665-й авиационные полки ночных бомбардировщиков. Для их содержания население республики собрало 18,7 млн руб., предоставило 11 478 лошадей и 66 автомашин [2: 10–11]. 385-я стрелковая дивизия участвовала в освобождении Украины, Польши, Чехословакии. 40-я и 153-я стрелковые бригады обороняли Москву.

Активно развивалась система военной подготовки. В 1941 г. создана система всеобщего военного обучения, включавшая начальную стрелковую и тактическую подготовку. В первые месяцы войны обучено 14 тыс. человек, подготовлены офицеры запаса, радисты, пулеметчики и снайперы [6: 301]. С октября 1941 г. обучались все мужчины от 16 до 50 лет. В 1941–1944 гг. через систему Осоавиахима подготовлено 423 тыс. военных специалистов.

Всенародное участие населения Киргизии в войне стало возможным и благодаря широкой пропагандистской работе, осуществлявшейся в том числе на страницах газет. Публикации в прессе давали людям, подвергающимся жестоким лишениям, понять, что каждый из них, где бы он ни находился, на фронте или в самом дальнем уголке страны, и есть главный участник общей борьбы. Поэтому с первых дней войны идея защиты Отечества стала объединяющим фактором для всего советского народа. Предвоенные процессы в СССР подготовили основу для массовой мобилизации. Социалистические преобразования сформировали систему, в которой народы, от русских и украинцев до киргизов, узбеков и казахов, стали частью единого советского общества. Создание Киргизской ССР стало важным этапом в развитии многонационального государства, обеспечившего равные права и возможности для всех. Эти изменения способствовали формированию коллективного сознания, что сыграло решающую роль в условиях войны. Исторический опыт борьбы с угнетением способствовал сплочению народов СССР перед лицом общего врага. Если в 1916 г. киргизы восстали против мобилизации на тыловые работы, организованной царским правительством, и пережили трагедию «Великого исхода» в Китай, то в 1941 г., несмотря на память об этих событиях, они без колебаний встали на защиту своей страны и социалистического строя.

Публикации в прессе показывают, что в первые месяцы Великой Отечественной войны Киргизская ССР продемонстрировала высокий уровень мобилизации, охвативший все сферы жизни: от производства и сельского хозяйства до культуры и военной подготовки. Народ республики воспринял войну как общий вызов, требующий полной самоотдачи и единства. Важнейшим инструментом сплочения общества стала агитационно-пропагандистская работа, которая охватила города и села, формируя боевой дух населения и привлекая каждого гражданина к борьбе за Родину. Массовые митинги, лозунги, концерты, публикации в прессе – всё это способствовало формированию общей идеологии сопротивления врагу. Рабочие, колхозники, интеллигенция и молодежь активно включились в трудовую и военную мобилизацию, осваивая новые профессии, перевыполняя нормы производства и жертвуя личные сбережения на нужды фронта.

В республике продолжался образовательный процесс, активно велось патриотическое воспитание молодежи, создавались добровольческие формирования. Женщины становились за станки и осваивали тракторы, молодежь готовилась к защите Родины, а пожилые граждане поддерживали бойцов своими сбережениями и теплыми письмами. Всё это свидетельствовало о том, что война стала всенародным делом. Уже 26 июня 1941 г., в соответствии с постановлением «О мероприятиях по развертыванию агитационно-массовой работы среди населения», в республике началась работа, направленная на консолидацию общества. Средства массовой информации, партийные и комсомольские структуры координировали агитационные усилия, укрепляя коллективный дух. Призыв «Всё для фронта, всё для победы!» звучал не только в крупных городах, но и в отдаленных селах, где патриотизм и ответственность становились основными жизненными принципами. Каждый гражданин, независимо от возраста, профессии и национальности, стремился внести свой вклад в общую борьбу.

Фронтовые и тыловые предприятия Киргизской ССР становились аренами массовых соревнований, где инициативные работники становились символами успеха социалистического труда. Так, 250 членов промысловой артели «2-я пятилетка» приняли решение перейти на 10-часовой рабочий день. Рабочие многих предприятий перевыполняли нормы производства: механический завод – на 106 %, мелькомбинат – на 137 %, а стахановцы достигали 327 % дневной нормы [2: 53–57]. В 1941 г. досрочно выполнили годовой план Ошский шелкомотальный завод, Фрунзенская швейная фабрика, Кантский сахарный завод и Фрунзенский мельничный комбинат. Все они работали на нужды фронта.

В Ленинском районе Ошской области 90 стахановцев систематически выполняли по 1,5–2 нормы [3]. На Фрунзенском заводе им. Ленина механики работали по 12–14 ч в сутки, производя детали для танков.

В Токмоке женщины и подростки выпускали по 2 тыс. пар сапог в месяц для бойцов Красной армии.

Дополнительные меры стимулирования труда, модернизации инфраструктуры и рационального использования земель позволили существенно перевыполнить план по выращиванию скота, птицы и кроликов, улучшить материально-техническую базу для поддержки фронта. К концу 1941 г. была выдвинута инициатива по освоению новых посевных площадей. Передовые колхозы республики расширяли свои территории, что в некоторых регионах приводило к удвоению площади, полностью подготовленной для посевной кампании. Женщины заменили мужчин на заводах и в сельском хозяйстве. В с. Чон-Кемин группы женщин вручную обрабатывали 100 га земли, чтобы не допустить снижения урожая. Важную роль играла поставка выносливых и подготовленных лошадей. Артели «Кызыл-Аскер» Фрунзенской области передали 50 лошадей, а артель «Кенеш» выделила 35 коней с полным кавалерийским снаряжением. Одновременно развивалось движение по откорму скота, инициированное колхозниками артели им. Ленина Араванского района. Коллективные инициативы, такие как призыв артели им. Ленина Аламединского района к организации откорма скота в личных хозяйствах колхозников, способствовали созданию продовольственного фонда обороны. Шахтеры перевыполняли планы по добыче угля, работники швейных и механических предприятий ускоряли выпуск теплой одежды и необходимой продукции, а колхозники рапортовали о выполнении и перевыполнении сельскохозяйственных заданий. Киргизы отправляли на фронт продовольствие, теплую одежду, боевую технику и финансовые средства.

Мобилизация тыла в Киргизской ССР сопровождалась активным сбором денежных средств. Трудящиеся республики единодушно выразили готовность пожертвовать личные сбережения на нужды обороны. Среди множества примеров можно отметить коммуниста Джорго Джаныбаева из сельхозартели «Арал» Тянь-Шаньской области, который внес 50 тыс. руб. на создание танковой колонны «Колхозник Киргизии». Значимые финансовые пожертвования также поступили от колхозниц: мать 20 детей Б. Бегалиева из Советского района Ошской области внесла 55 тыс. руб., З. Умурзакова, мать восьми детей, – 130 тыс. руб., а многодетная мать С. Ибрагимова – 105 тыс. руб. [2: 81]. В результате был сформирован мощный фонд обороны, финансировавший, среди прочего, авиаэскадрилью «Солнечный Киргизстан». Фрунзенская область в фонд обороны передала 801 тыс. руб., Ошская – 613 тыс. руб., Джалал-Абадская – 388 тыс. руб., Иссык-Кульская – 229 тыс. руб. Кроме того, в фонд обороны поступили облигации на сумму 12 млн руб., 8880 ц зерна, 1348 ц мяса [1: 25]. К 1 ноября 1941 г. мобилизация привела к значительному увеличению материальных

ресурсов, когда были собраны в фонд обороны 5250 тыс. руб. наличными, свыше 14,5 млн руб. облигациями, 10 548 ц зерна, 1608 ц мяса, 172 ц молока, 50 т овощей, более 5 тыс. полушубков, 3599 меховых жилетов, свыше 13 тыс. пар валенок, тысячи комплектов теплого белья, шапок-ушанок, курток и свитеров. Колхозники Ошской области первыми организовали доставку продовольствия и 60 голов мясного скота непосредственно рабочему эшелону, ошские колхозники проявили инициативу, и в течение месяца сельское население республики доставило более 150,8 тыс. пудов сельскохозяйственных продуктов для снабжения оборонных предприятий [1].

К 21 декабря 1941 г. Киргизская ССР собрала: 10 467 тыс. руб. наличными, 33 903 г серебра, облигации государственных займов на 17 311 тыс. руб., 13 302 ц зерна, 3153 ц мяса, 2656 кг масла, 1036 кг меда, 10 502 кг сушеных плодов, а также значительное количество сахара, овощей, птицы, яиц и других продуктов. Колхозники Кантского района приняли решение передать дополнительно 100 тыс. руб., 10 ц зернофуража и столько же картофеля. К концу войны от рабочих, колхозников и интеллигенции поступило: добровольных взносов на сумму 189 млн руб. наличными и 964 млн руб. облигациями государственных займов. За годы войны население Киргизии разместило облигации на 1 047 млн руб., приобрело билеты товарно-денежно-вещевой лотереи на 156 млн руб. [2: 81]. Для сравнения, собранные суммы позволяли обеспечить строительство 93 танков или 186 военных самолетов. Танковая колонна «Советский Киргизстан», построенная на эти средства, участвовала в боях под Харьковом, Ростовом и в Донбассе. Население активно помогало армии, пожертвовав 18,7 млн руб. и предоставив 11 478 лошадей и 66 автомашин. В целом финансовая поддержка в фонд обороны составила более 1,1 млрд руб. [5].

Молодежь Киргизии продемонстрировала патриотический подъем. Молодые люди активно организовывали сбор средств, продовольствия и теплой одежды для фронта, принимали участие в сельскохозяйственных работах. Школьники Иссык-Кульской области организовали снабжение госпиталя фруктами и ягодами, они отправили на фронт 4 тыс. кг сушеных фруктов, а ребята из окрестностей Оша помогали семьям мобилизованных работников, выполняя тяжелые сельскохозяйственные работы. Тимуровцы брали под опеку семьи красноармейцев и командиров района, оказывая им значительную помощь.

Пресса отразила огромную роль искусства и литературы в поддержке боевого духа. К примеру, стихотворение «Мы победили, мы победим!» А. Осмонова стало символом веры в Победу. В театрах шли пьесы о войне, включая постановки «Патриоты» и «За Родину!».

Как видно, газеты военных лет сыграли ключевую роль в формировании положительного отношения к мобилизации как осознанного шага,

а не трагедии, создали образ героя-добровольца и тем самым мотивировали людей идти на фронт. Периодическая печать Киргизской ССР служила мощным инструментом мобилизации населения. Она не просто информировала о событиях, она формировала общественное мнение, превращая мобилизацию во всенародный порыв.

Память о подвиге жителей Киргизии остается важной частью исторического наследия республики. Для Киргизской ССР, как и для других частей Советского Союза, война стала временем максимальной мобилизации всех сил и ресурсов. Периодическая печать сыграла важную роль в поддержке морального духа и организации мобилизации населения. Она не только информировала о фронтовых событиях, но и вдохновляла людей на участие в борьбе с фашизмом.

Источники и литература

1. *Абытов Б.К.* Вклад тружеников Кыргызстана в победу над фашизмом // Известия вузов (Кыргызстан). 2015. № 5. С. 23–27.

2. Великое испытание (70-й годовщине Победы в Великой Отечественной войне посвящается): учебное пособие. Бишкек, 2015.

3. *Исаков И.* Кыргызстан в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.) // АКИpress. Мнения. URL: https://mnenie.akipress.org/unews/un_post:17118 (дата обращения: 05.03.2025).

4. *Курбанова Н.У., Бекбоева А.К.* Вклад женщин-кыргызстанок в победу в Великой Отечественной войне (1941–1945 гг.) // Вестник Кыргызского государственного университета им. И. Арабаева. 2020. № 4. С. 104–109.

5. Кыргызстан во время Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. URL: https://odkb-csto.org/75-letie-pobedy/pobeda-na-vsekh-odna/kyrgyzstan-vo-vremya-velikoy-otechestvennoy-voyny-1941-1945-gg/#loaded (дата обращения: 05.03.2025).

6. Очерки истории Коммунистической партии Киргизии. Фрунзе, 1966.

С.И. Линец

МОБИЛИЗАЦИОННЫЕ ПАТРИОТИЧЕСКИЕ ДЕЙСТВИЯ ЖИТЕЛЕЙ СТАВРОПОЛЬСКОГО КРАЯ В ПЕРВЫЕ МЕСЯЦЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ (июнь – декабрь 1941 г.)[1]

Вероломное нападение гитлеровской Германии на Советский Союз 22 июня 1941 г. вызвало мощный по своему размаху и глубине подъем

[1] Публикация подготовлена в рамках реализации ГЗ ЮНЦ РАН на 2025 г., № гос. рег.125011200146-5.

патриотизма среди городских и сельских жителей во всех регионах страны. В первые же минуты после сообщения о начале войны миллионы людей направились в военкоматы, в партийные и комсомольские органы по месту жительства и работы, чтобы подать заявления о зачислении их в качестве добровольцев в ряды Красной армии. Этот поистине всенародный патриотический порыв проходил одновременно с началом мобилизации военнообязанных граждан на военную службу в соответствии с указом Президиума Верховного Совета СССР от 22 июня 1941 г. О том, как на территории Ставропольского края (до 12 января 1943 г. – Орджоникидзевский край) проходила мобилизация, свидетельствует информация краевого военкомата: «Правительственная телеграмма о мобилизации была получена 22 июня в 17 часов 40 минут. <…> сразу же все военкоматы края ввели в действие свои мобилизационные планы… Из всего количества призываемого военкоматами края явилось начсостава на сборные пункты 99 %, младшего и рядового состава – 97 %. Явка призываемых была дружной и организованной…» [10: 20].

В городах и сельских населенных пунктах Ставропольского края, как и по всей стране, патриотические мобилизационные настроения населения были массовыми и проникнутыми чувствами возмущения и ненависти к врагу, готовностью, не щадя жизни, защищать Родину. Так, Н. Остроушко из Апполонского района указывал в своем заявлении: «Не нахожу слов, чтобы выразить всё возмущение злодейским нападением проклятого фашизма на нашу социалистическую Родину… Прошу райвоенкомат поскорее принять в РККА и направить на фронт» [9: 29].

Многие из жителей Ставрополья, подавая заявления, ссылались в них на героические подвиги своих старших родственников, которые сражались в годы Гражданской войны с белой армией и иностранными интервентами. Тем самым подчеркивалась преемственность поколений в деле защиты Отчизны. Заведующий школой № 2 станицы Суворовской Ессентукского района писал: «Три моих брата погибли в период интервенции германского империализма в 1918 году… Мои братья отдали свою жизнь за дело Ленина, за дело народа… Я прошу военкомат зачислить меня добровольцем в ряды Красной армии» [9: 27–28].

Школьная молодежь, не достигшая 18-летнего возраста, также активно включилась в добровольческое движение, настойчиво пытаясь убедить работников военкоматов в необходимости скорейшей своей отправки на фронт. Комсомолец В. Рыбалкин из Пятигорска в своем заявлении указывал: «Я в этом году закончил семилетку. Мне только шестнадцать с половиной лет. Но я гражданин СССР и, узнав о варварском вероломном нападении своры озверелых фашистов на мою Отчизну, хочу, чтобы и мои скромные силы послужили помощью нашим доблестным воинам» [1: 161].

В порыве патриотических чувств девушки и женщины стояли в одном ряду с мужчинами. В этой связи И.М. Есип справедливо отмечает: «В годы войны практическая реализация советской модели гендерного равенства нашла свое отражение в экономической и социально-политической сферах деятельности государства» [4: 298]. Действительно, в годы войны произошла некая нивелировка труда мужчин и женщин, что можно охарактеризовать как ярко выраженную гендерную особенность военного времени.

Для придания своим заявлениям большего веса юноши и девушки демонстрировали свои успехи в военной подготовке, предъявляя значки «Ворошиловских стрелков», Осоавиахима, удостоверения медицинских сестер и др. Следует отметить, что в предвоенные годы на Ставрополье проводилась большая работа по вовлечению населения, в первую очередь молодежи, в оборонно-массовую работу. Так, в Пятигорске в конце 1930-х гг. было построено два тира и парашютная вышка в городском парке культуры и отдыха [6: 10–11]. В учебных заведениях, в учреждениях и на предприятиях городов и районных центров края функционировали кружки по подготовке значкистов «Ворошиловский стрелок», население регулярно сдавало нормы ГТО.

Мотивация молодежи допризывного возраста в начале Великой Отечественной войны объяснялась опасениями, что война быстро закончится разгромом врага и они не успеют уйти на фронт, чтобы принять участие в боях. В предвоенные годы официальная советская пропаганда много сделала для того, чтобы утвердить в сознании населения мысль о быстрой победоносной войне с любым врагом. В средствах массовой информации изо дня в день утверждалось, что будущая война будет вестись на территории врага, а победа будет достигнута Красной армией малой кровью. И, надо признать, что такая пропаганда достигла своей цели – советское общество в абсолютном большинстве своем выросло к концу 1930-х гг. как общество истинных патриотов.

В качестве иллюстрации массовости этого патриотического мобилизационного движения можно сослаться на характерный впечатляющий пример. Так, в Пятигорске всего за несколько часов первого дня войны – 22 июня 1941 г. – подали заявления о зачислении в ряды Красной армии добровольцами 806 человек, в том числе 148 коммунистов и комсомольцев [5: 324]. В этих цифрах обращает на себя внимание тот факт, что большую часть этих заявлений – 5/6 от их общего количества – подали беспартийные граждане и несоюзная молодежь. Впрочем, коммунисты, занимавшие руководящие посты, также демонстрировали готовность уйти на фронт. Так, к примеру, в первые же дни войны ответственные работники Ставропольского крайкома ВКП(б) Ф.А. Виноградов и П.А. Зенин добровольно вступили в ряды Красной армии. Из Карачаевской

автономной области уехали на фронт заместитель председателя облисполкома М.О. Акбаев, заведующий областным отделом образования А.Д. Баучиев. Всего же добровольцами и по партийной мобилизации в армию были направлены более 14 тыс. коммунистов края, или около 40 % от их общего количества [12: 24]. Столь же активно проявляли себя и члены ВЛКСМ, добровольно уходившие на фронт. Только из одного Гофицкого района в ряды защитников Родины записались 876 комсомольцев, в том числе 14 девушек. Приведенные примеры являются убедительным доказательством единства советского народа, сплотившегося в годину тяжелых испытаний для достижения общей победы над врагом.

Если при проведении мобилизационной кампании по призыву военнообязанных граждан в ряды Красной армии ситуация складывалась вполне позитивно, то при проведении мобилизации на фронт техники и лошадей выявились существенные проблемы. Так, по состоянию на 26 июня 1941 г. вместо 3770 грузовых автомашин на сборные пункты прибыло всего 1309, тракторов соответственно 600 и 137, мотоциклов – 186 и 63. Объяснялась эта недоработка отсутствием необходимого количества шин и изношенностью техники. Лошадей колхозы и совхозы сдели 96 % от необходимого количества [10: 20–21]. Получив эту информацию, краевые органы власти совместно с работниками военкоматов оперативно приняли меры по устранению в кратчайшие сроки имевшихся трудностей и безусловному выполнению всех оборонных заданий.

Следует отметить, что позитивную роль в мобилизационных настроениях советских людей, в том числе и жителей Ставрополья, сыграло выступление И.В. Сталина по всесоюзному радио 3 июля 1941 г. Оно было проникнуто тревогой за судьбу страны, показывало гражданам страны, что война будет тяжелой и кровопролитной. Вождь, в частности, указывал: «Прежде всего необходимо, чтобы наши люди, советские люди поняли всю глубину опасности, которая угрожает нашей стране, и отрешились от благодушия, от беспечности, от настроений мирного строительства… Враг жесток и неумолим» [13: 10]. Иллюзии о быстрой победе над коварным врагом, о превосходстве Красной армии над вермахтом столь же быстро сменились озабоченностью и тревогой.

Выступление Сталина дало новый толчок мобилизационной кампании на Ставрополье. Всего за 16 дней с начала войны, к 8 июля 1941 г., от населения края в военкоматы, в партийные и комсомольские органы поступило 5917 заявлений от добровольцев. Наибольшее их число было в Пятигорске – 1076 человек, в Ставрополе – 624, в Карачаевской автономной области – 570, в Кисловодске – 360 и т.д. [10: 22–23].

Огромное значение в условиях начавшейся войны приобретала массовая политическая агитация, направленная на усиление патриотических

чувств населения. Поэтому советское руководство с первых же дней войны проводило целый комплекс мероприятий, направленных на разжигание ненависти к врагу. В том числе привлекались для такой наступательной пропаганды советские писатели, поэты, художники, композиторы, известные ученые и другие представители интеллигенции. Их участие в такой работе через средства массовой информации придавало еще больший вес всем мероприятиям властей в данном направлении. Так, писатель А.Н. Толстой в своей статье, опубликованной в газете «Правда» 28 июля 1941 г., разъяснял гражданам страны смысл и особенности ненависти к немецким агрессорам, начавшим войну с СССР. Он указывал: «Мы должны объединиться в одной воле, в одном чувстве, в одной мысли. Для этого нужна ненависть. Но не такая ненависть, не черная, которая разрушает душу, но светлая, священная ненависть, которая объединяет и возвышает» [2: 42].

В городах и сельских районах Ставрополья с первых же дней войны агитационно-массовая работа, проводившаяся согласно указаниям крайкома ВКП(б), должна была настроить население на патриотический лад, на готовность помочь Родине в трудный час. Для этого был оперативно сформирован штат лекторов, агитаторов и пропагандистов, получивших соответствующие указания о формах и направлениях проведения такой работы. С июня по октябрь 1941 г. они прочитали 1400 лекций и различных докладов по самым актуальным вопросам, провели на предприятиях и в организациях, в колхозах и совхозах более 21 тыс. читок политинформации и разъяснительных бесед [5: 324].

Мобилизационные настроения жителей Ставропольского края, кроме готовности отправиться на фронт, проявлялись также в рамках других массовых патриотических начинаний. Неудачи Красной армии в начальный период войны свидетельствовали о том, что борьба с сильным врагом будет долгой и кровопролитной. Поэтому необходимо было в срочном порядке начать подготовку многочисленных резервов для фронта. С этой целью на Ставрополье, согласно постановлению Государственного комитета обороны от 17 сентября 1941 г. «О всеобщем обязательном обучении военному делу граждан СССР», была развернута широкомасштабная работа по подготовке резервистов всех военных специальностей. Во всех городах и районных центрах края была создана система всевобуча, где граждане в сжатые сроки получали навыки обращения с оружием, проходили строевую и стрелковую подготовку, изучали приемы штыкового боя и т.д. В крае работали два аэроклуба и семь спецшкол, готовивших десантников-парашютистов. О широком размахе обучения в рамках всевобуча наглядно свидетельствует, к примеру, тот факт, что только в двух городах Ставрополья – Пятигорске и Ессентуках – 70 тыс. человек,

главным образом молодежь, обучались по программам противохимической обороны [8: 224]. В помощь населению, обучавшемуся на курсах всевобуча, краевым книжным издательством были напечатаны специальные брошюры с рекомендациями: «Станковый пулемет в бою», «Советская воинская дисциплина», «Строевая подготовка» и другие, каждая тиражом 10 тыс. экземпляров. Серьезное внимание в рамках всеобщего военного обучения уделялось допризывной молодежи. В частности, штабом Северо-Кавказского военного округа для допризывников была разработана 1100-часовая учебная программа для первоначального военного обучения [6: 14–15].

Важной составной частью военно-мобилизационных мероприятий, проведенных на Ставрополье в первые же месяцы войны, стало создание в городах и крупных сельских населенных пунктах края истребительных батальонов. Перед ними были поставлены задачи по охране тыла от вражеской агентуры, оказанию помощи органам милиции в вопросах поддержания общественного порядка, выявлению дезертиров и различного рода антисоветски настроенных граждан и т.д. К 16 августа 1941 г. были созданы первые 14 истребительных батальонов общей численностью 1415 человек, позже их количество выросло до 44 [3]. Кроме того, в 32 районах края местные власти сформировали казачьи кавалерийские сотни и полусотни, в которых на учете состояло 2350 человек.

Наряду с отправкой на фронт первых партий добровольцев и мобилизованных граждан, непосредственно на территории Ставрополья с первых же дней войны началось создание нескольких воинских частей. Руководство края призвало городских и сельских жителей оказывать этим соединениям всестороннюю помощь в экипировке, обеспечении лошадьми, продовольствием, одеждой и другими видами материальных ресурсов. Результатом совместной работы военных, государственных, партийных органов, а также широкой поддержки этой кампании населением стало формирование 320-й и 343-й стрелковых, 53, 56 и 70-й кавалерийских дивизий, 68-й и 76-й морских стрелковых бригад [11: 26].

Вместе с тем следует отметить, что в ходе формирования воинских частей Ставропольский крайком ВКП(б), горкомы и райкомы партии, а также военные комиссариаты края допустили немало серьезных ошибок, которые пришлось в последующее время срочно исправлять. В качестве показательного примера можно сослаться на процесс укомплектования личным составом 343-й стрелковой дивизии. 11 октября 1941 г. начальник политотдела дивизии батальонный комиссар Н.С. Ткаченко направил в Ставропольский крайком партии специальную справку. В ней были приведены многочисленные факты, свидетельствовавшие о халатном отношении различных органов власти края, проявленном в ходе набора

пополнения для дивизии. Главным недостатком была чрезвычайно низкая военная подготовка прибывшего пополнения. Особенно остро ощущалась нехватка военных специалистов: радистов, саперов, пулеметчиков и артиллеристов. И это несмотря на то, что, как отмечалось выше, с середины августа 1941 г. во всех городах и районах Ставрополья проходили занятия по военной подготовке с военнообязанными гражданами [10: 42–43]. Другим недостатком являлось наличие среди прибывшего в 343-ю стрелковую дивизию пополнения граждан, которые по состоянию здоровья не могли служить в армии. Батальонный комиссар Н.С. Ткаченко в своей справке отмечал: «В числе присланных в дивизию было до 20 человек явных калек и паралитиков, которые были отправлены назад. В результате проверки 163 человека оказались негодными к строевой службе в армии по состоянию здоровья!» [10: 42–43]. Это было свидетельством слабой, безответственной работы медицинских комиссий, функционировавших при всех военкоматах Ставропольского края. Особенно плохо проходил медицинский осмотр военнообязанных в Ипатовском и Молотовском районных военкоматах, направивших в армию по девять непригодных к военной службе граждан, в Пятигорском городском и Шпаковском районном военкоматах – по восемь, в Егорлыкском и Новоселицком районных военкоматах – по семь и т.д.

Еще более серьезным упущением в работе военкоматов Ставропольского края стало включение в состав пополнения лиц, которые не могли быть призваны в Красную армию по своим морально-политическим качествам. Их общее количество составило 263 человека. О том, почему они не могли служить в армии, свидетельствуют выводы батальонного комиссара Н.С. Ткаченко: «Ессентукский горвоенкомат мобилизовал и направил в дивизию Г.[…], отец которого в 1920 г. служил в Белой армии, братья отца служили Шкуро, братья матери служили офицерами в Белой армии, мать раскулачена в 1929 г., брат, мобилизованный в 1941 г. в Красную армию, был на фронте и сдался в плен немцам; Ворошиловский райвоенкомат направил в дивизию Н.[…], отец которого в 1920 г. расстрелян органами НКВД, отец жены раскулачен и в 1937 г. изъят органами НКВД, мать раскулачена, двоюродный брат расстрелян; Арзгирский райвоенкомат мобилизовал К.[…]. Мать его находится в Германии, с которой он имел переписку до начала войны с германским фашизмом, сын матери – танкист, дочь – летчик германской армии» [10: 43–44]. Ставропольский крайком ВКП(б), получив столь тревожный документ, предпринял необходимые в таких случаях действия, которые позволили исключить повторение подобных негативных фактов.

Приведем на этот счет самый, пожалуй, яркий пример – начавшееся патриотическое народное движение в ходе формирования

добровольческой кавалерийской дивизии. Началось оно с письма командира 2-го гвардейского кавалерийского корпуса генерала Л.М. Доватора, который 6 декабря 1941 г. обратился к первому секретарю Ставропольского крайкома ВКП(б) М.А. Суслову и председателю крайисполкома В.А. Шадрину. В нем, в частности, были такие строки: «Я был бы счастлив, если бы от Вас получил пополнение на конях, хотя бы человек пятьсот, чтобы впредь сохранить традиции и чтобы 2-й гвардейский кавкорпус был бы Орджоникидзевского края» [7: 202–203]. Краевые власти сразу же ознакомили с письмом городские и районные партийные и советские органы и поставили перед ними задачу в кратчайшие сроки развернуть по всей территории Ставрополья кампанию по набору добровольцев во 2-й гвардейский кавалерийский корпус.

Патриотические отклики жителей Ставропольского края на эту инициативу последовали незамедлительно. Причем их масштабы оказались намного бóльшими, чем это было необходимо для оказания помощи воинам-гвардейцам. 11 декабря 1941 г. в газете «Орджоникидзевская правда» было опубликовано письмо-обращение 28 участников Гражданской войны. Они призвали бывших партизан и красногвардейцев Ставрополья, Терека и Кубани принять участие в формировании добровольческой кавалерийской дивизии. Это обращение нашло живой отклик. Всего за несколько декабрьских дней 1941 г. в 32 районах и городах было подано 1663 заявления от граждан о добровольном желании вступить в дивизию. В последующие дни такие заявления продолжали поступать [7: 202–203]. Дивизия была успешно сформирована и убыла на фронт в начале 1942 г.

В качестве вывода отметим, что мобилизационные действия населения Ставрополья в первые месяцы Великой Отечественной войны были ярким выражением их патриотических чувств, готовности встать за защиту Родины. При этом такие действия жителей края были разнообразными как по своим направлениям, так и по содержанию. Но все они были направлены на достижение конечной цели – победы над врагом.

Источники и литература

1. Воинская слава Пятигорска: очерки истории / С.Н. Савенко и др., под общ. ред. С.И. Линца. Пятигорск, 2015.

2. *Горяева Т.М.* Убить немца. Образ противника в советской пропаганде // Родина. 2002. № 10. С. 41–44.

3. *Егорова Е.* Рассекречено. Тайные сведения об истребительных батальонах Ставрополья // Аргументы и факты. 2015. 23 апреля. URL: https://stav.aif.ru/society/history/1496348 (дата обращения: 06.03.2025).

4. *Есип И.М.* Вклад советского тыла в Победу и советская модель гендерного равенства: трансформационные процессы и жизненные реалии //

Значение сражений 1941–1943 гг. на Юге России в Победе в Великой Отечественной войне: мат-лы Всерос. науч. конф. (Ростов-на-Дону, 3–6 июня 2015 г.) / отв. ред. акад. Г.Г. Матишов. Ростов-на-Дону, 2015. С. 297–303.

5. Край наш Ставрополье. Очерки истории / науч. редакторы проф. Д.В. Кочура и проф. В.П. Невская. Ставрополь, 1999.

6. Мы победили!: Пятигорск и пятигорчане в годы Великой Отечественной войны. Пятигорск, 2005.

7. Наш край: документы, материалы (1917–1977 гг.) / сост. Н.С. Дикалова и др. Ставрополь, 1977.

8. Очерки истории Ставропольского края: в 2 т. Т. 2. С 1917 года до наших дней. Ставрополь, 1986.

9. Ставрополье в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.: сборник документов и материалов. Ставрополь, 1962.

10. Ставрополье: правда военных лет Великая Отечественная в документах и исследованиях / сост. В.В. Белоконь и др. Ставрополь, 2005.

11. Ставропольский край в период Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.) / отв. ред. С.И. Линец. М., 2019.

12. Ставропольцы в Великой Отечественной войне / редкол.: Д.В. Кочура (пред.) и др. Ставрополь, 1995.

13. *Сталин И.В.* О Великой Отечественной войне Советского Союза. СПб., 2010.

З.Ж. Орозахунова

СОВЕТ НАРОДНЫХ КОМИССАРОВ КИРГИЗСКОЙ ССР В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ: ПРЕОДОЛЕНИЕ ВЫЗОВОВ И ПРЕВРАЩЕНИЕ РЕСПУБЛИКИ В НАДЕЖНЫЙ ТЫЛ

В годы Великой Отечественной войны политическая система Киргизии претерпела значительные изменения. Законодательные, исполнительные и судебные органы передали свои функции чрезвычайным органам и армейскому командованию. Были введены меры военного времени: перевыборы откладывались, права граждан ограничивались, вводилась трудовая повинность, промышленность и транспорт переходили на военное положение, увеличивалась продолжительность рабочего времени, отпуск заменялся денежной компенсацией, самовольный уход с работы приравнивался к дезертирству, вводилась военная цензура. Эти меры были временными и отменены после войны. Государственный комитет обороны (далее – ГКО) СССР, созданный 30 июня 1941 г., стал главным органом, принимающим решения в условиях военного времени. Процедура принятия решений была упрощена, что обеспечивало оперативное реагирование.

В течение 50 месяцев ГКО принял 9971 постановление, из которых две трети касались военной экономики и производства, остальные – политических, кадровых и других вопросов [2: 81]. Под руководством партии и Советов была проведена масштабная перестройка народного хозяйства на военный лад, включая эвакуацию промышленных предприятий и перевод гражданских отраслей на выпуск военной продукции.

Конституция 1936 г. повысила роль Совета народных комиссаров (далее – СНК) как органа управления государством, делая его неподотчетным новому высшему органу власти – Верховному Совету СССР. Общее количество членов СНК в указанный период составило 604 человека. Это объясняется разрастанием управленческих функций и репрессиями 1937–1938 гг., приведшими к смене кадров. В период 1937–1941 гг. на своих постах проработали менее одного года около 43 % членов СНК. Отмечалась высокая текучесть кадров, особенно среди заместителей и членов коллегий. Около 39 % членов СНК были репрессированы. СНК в период с 1937 по 1941 г. на две трети состоял из партийных кадров, прошедших через Гражданскую войну и массовые партийные отборы 1920-х гг. Постепенно старые кадры были вытеснены новыми представителями партийного поколения. Наблюдалась тенденция, при которой опыт работы и профессиональная подготовка становились важнее партийного стажа для карьерного роста. В конце 1930-х гг. сложилась модель карьеры, которая включала многоступенчатое продвижение, образование и опыт работы в номенклатурной системе. Замкнутая система пополнения СНК предполагала постепенное восхождение по ступеням власти и управления. Новое поколение кадров пришло в СНК на рубеже 1938–1939 гг. Репрессии времен «ежовщины» связываются с попытками нового поколения занять высшие посты в номенклатурном списке [1: 129].

В соответствии со статьями 38 и 39 Конституции Киргизской ССР 1937 г., СНК Киргизской ССР был учрежден Верховным Советом как высший исполнительный и распорядительный орган государственной власти. Согласно статье 40, СНК нес ответственность перед Верховным Советом и Президиумом Верховного Совета Киргизской ССР, а также исполнял законы и постановления на всей территории республики в соответствии со статьей 42. В соответствии со статьей 43, СНК имел широкий спектр функций, включая управление министерствами, выполнение народнохозяйственных планов, обеспечение общественного порядка, управление военными формированиями и др. [4: 27].

Постановление Центрального комитета Коммунистической партии большевиков (далее – ЦК КП(б)) Киргизии от декабря 1941 г. предписывало улучшить руководство политической работой, активизировать выпуск стенгазет, обеспечить видимость агитационных материалов в общественных

местах и на предприятиях, а также усилить контроль за агитацией и вовлечением работников [13: 188–188 об.].

В 1943 г. партия продолжила активную агитационно-пропагандистскую деятельность, что было отражено в постановлении от 25 июля 1943 г. В документе подчеркивается необходимость дальнейшего развертывания агитационной и пропагандистской работы для повышения эффективности борьбы с немецкими оккупантами, мобилизации трудящихся и поддержке фронта [13: 204–207]. Руководители агитационных коллективов формировались из наиболее подготовленных кадров, и к концу 1943 г. число агитаторов значительно увеличилось. Постановление ЦК КП(б) Киргизии и СНК Киргизской ССР от 11 октября 1943 г. требовало возобновления деятельности закрытых клубных учреждений, развертывания в них политической, научной и технической пропаганды. Были созданы агитпункты в районных и городских центрах, на крупных предприятиях, в сельских советах, на машинно-тракторных станциях, в совхозах, на железнодорожных станциях и в жилых кварталах. К марту 1944 г. в республике насчитывалось более 560 агитпунктов, включая 55 городских и районных, 447 сельских, 48 на предприятиях и девять в жилых кварталах [5: 104].

Важной частью агитационно-пропагандистской работы стало изучение книги И.В. Сталина «О Великой Отечественной войне Советского Союза». В рамках этого мероприятия организовывались коллективные чтения и обсуждения книги в партийных, комсомольских и трудовых коллективах, что способствовало повышению патриотического духа и укреплению морального состояния населения [14: 120–123]. Эти мероприятия проводились в соответствии с постановлением ЦК КП(б) Киргизии, в котором подчеркивалась необходимость детального изучения содержания книги и использования ее основных положений в агитационной работе. Кроме того, были организованы бригады из выдающихся работников искусства, которые провели более 2500 концертов на передовой, вдохновляя советских воинов на новые подвиги. Параллельно проводились выставки о войне, такие как «Великая Отечественная война», «Фашизм – злейший враг человечества», «Киргизия фронту» и «Колхозная Киргизия в дни Великой Отечественной войны», организованные в г. Фрунзе. Наиболее эффективной формой наглядной агитации стали художественные выставки. Постановление ЦК КП(б) Киргизии «О партийно-политической работе в госпиталях Наркомздрава СССР» от 12 января 1942 г. обязывало райкомы и горкомы КП(б) Киргизии принять на партийный учет коммунистов, работающих в госпиталях Народного комиссариата здравоохранения, и передать учетные карточки в соответствующие партийные организации. Оно также устанавливало меры по обеспечению партийной

работы в госпиталях, контролю учетных документов и предоставлению оборудования для хранения партийных материалов [11: 205–206]. В целом в условиях войны агитационно-пропагандистская работа КП(б) Киргизии была направлена на мобилизацию населения, повышение патриотического духа и всестороннюю поддержку фронта. Несмотря на выявленные недостатки, партия активно работала над улучшением агитационной деятельности, что способствовало укреплению внутреннего фронта и обеспечению всенародной поддержки военных усилий.

Постановление ЦК КП(б) Киргизии, принятое в декабре 1941 г., определяло состав партийных работников, назначенных на политическую работу в национальные дивизии. В этом документе указываются три национальные дивизии – 107, 108 и 109-я, каждая из которых получила новые назначения, а также приводятся сведения о текущих должностях и освобождении от предыдущих обязанностей. В 107-ю национальную дивизию были назначены: А.Н. Зорин – комиссар дивизии, ранее служивший в Среднеазиатском военном округе (далее – САВО), М. Чукеев – начальник политотдела дивизии, также из САВО, П.Е. Ефименко – заместитель начальника политотдела дивизии, освобожденный от работы секретаря по кадрам Кировского районного комитета, А. Дунганов – освобожден от обязанностей члена Фрунзенского областного суда, И. Султанбеков – комиссар полка, освобожденный от работы секретаря Фрунзенского областного комитета Ленинского коммунистического союза молодежи Киргизии, А. Деркимбаев – комиссар полка, присланный из САВО, и У. Аимбетов – комиссар полка, освобожденный от работы председателя Ошского областного суда.

В 108-ю национальную дивизию вошли: М. Бошкоев – комиссар дивизии, освобожденный от должности первого секретаря Тянь-Шаньского областного комитета КП(б) Киргизии, Ф.П. Пухов – начальник политотдела дивизии, ранее заместитель заведующего военным отделом ЦК КП(б) Киргизии, Д. Матанов – заместитель начальника политотдела дивизии, присланный из САВО, У. Байсариев – помощник начальника политотдела, освобожденный от работы секретаря Балыкчинского районного комитета комсомола, А. Оторбаев – комиссар полка, освобожденный от работы заведующего военным отделом Фрунзенского областного комитета партии, и А.П. Зинин – комиссар полка, освобожденный от работы первого секретаря Таласского районного комитета партии. В 109-ю национальную дивизию были назначены: А. Иманалиев – комиссар дивизии, освобожденный от работы секретаря по пропаганде Джалал-Абадского областного комитета, И.П. Мужиков – начальник политотдела дивизии, освобожденный от работы второго секретаря Токтогульского районного комитета партии, А.А. Коваль – заместитель начальника политотдела, освобожденный

от работы секретаря по кадрам Ленинского районного комитета партии, Ходжокельдиев – помощник начальника политотдела по комсомолу, присланный из САВО, И.Т. Шибодаев – комиссар полка, освобожденный от работы первого секретаря Молотовского районного комитета партии, А.Е. Таланов – комиссар полка, освобожденный от работы второго секретаря Янги-Науктатского районного комитета партии, и У. Ильмуратов – комиссар полка, присланный из САВО [12: 69–70].

Назначения на политическую работу в национальные дивизии в декабре 1941 г. показывают стратегическую переориентацию и использование кадров из различных уровней партийной и судебной системы. Основной акцент сделан на освобождении опытных партийных работников от их текущих должностей для мобилизации на фронт. Это относится как к кадровым работникам, так и к тем, кто уже имел опыт службы в САВО, что свидетельствует о важности укрепления политической работы в условиях войны. Включение бывших секретарей райкомов и партийных организаций в состав дивизий подчеркивает необходимость эффективного политического управления и поддержки морального духа войск в сложный военный период.

Из 284 ранее избранных депутатов Верховного Совета Киргизской ССР на февраль 1943 г. в республике остались 182 депутата, или 60 %, 57 депутатов находились в рядах действующих и тыловых частей Красной армии, 45 депутатов находились за пределами Киргизии, а из 1598 депутатов сельского совета осталось 843 [16: 8]. Другие важные направления включали организацию проводов на фронт, в армию и на флот мобилизованных и призывников, включая формирование отрядов народного ополчения и истребительных рот и батальонов. Были предприняты усилия по переводу народного хозяйства на военный лад, включая эвакуацию производственных мощностей и мобилизацию сельского хозяйства и людских ресурсов для обеспечения нужд фронта. Также важным было укрепление единства фронта и тыла, включая создание фондов обороны и продовольственных фондов для Красной армии и флота. Проводился сбор средств на строительство боевой техники и вооружения, организовывались государственные займы и лотереи. Жители Киргизии активно поддерживали фронт, собирая средства, покупая облигации, отправляя продовольствие, теплые вещи, скот, а также жертвуя зерно и мясо [12: 97–100].

Экономика республики была переориентирована на удовлетворение потребностей военного времени, что увеличило роль советских органов управления в организации обороны. Военное время привело к частичной милитаризации и усилению бюрократии, а также увеличило роль Советов в мобилизации и снабжении армии. В это время также осуществлялся

строгий контроль за выполнением государственных планов по производству для фронта, прокуратура и Народный комиссариат внутренних дел осуществляли общественный контроль за деятельностью организаций. Руководство республики обеспечило единство фронта и тыла, строгое соблюдение дисциплины на всех уровнях при подчинении центру, при этом развивая личную инициативу и ответственность исполнителей. Такое сочетание централизации и демократии позволило сосредоточить усилия на ключевых направлениях и сыграло положительную роль в ходе войны.

В годы Великой Отечественной войны партийные комитеты Киргизской ССР стали основными руководящими структурами политической системы республики. На март 1941 г. правительство Киргизской ССР включало 20 народных комиссариатов и ключевые организации, такие как Госплан и Киргизпотребсоюз, игравшие важную роль в общественной и экономической жизни. Средний возраст народных комиссаров составлял 38,1 года, и среди них преобладали русские и киргизы.

30 июня 1941 г. при СНК СССР был создан Комитет по учету кадров и распределению рабочей силы, а на местах действовали его органы в виде бюро. 16 июля 1942 г. при СНК Киргизской ССР было учреждено Управление трудовых резервов. Работа СНК Киргизской ССР в этот период сталкивалась с серьезными проблемами в системе подготовки и работы кадров. Основными из них были недостаточная квалификация и нехватка кадров из коренного народа (табл. 1).

Таблица 1

Образовательный уровень сотрудников партийной организации
[6: 7, 18, 32, 46; 7: 13–16; 8: 13–16; 9: 13–16; 10: 13–16]

№	Годы	Всего принято кандидатами в члены партии	Из них имели высшее и среднее образование		Всего принято в члены партии	Из них имели высшее и среднее образование	
			Чел.	%		Чел.	%
1	1941 г. (второе полугодие)	765	236	30,8	1331	342	25,6
2	1942 г.	3001	845	28,1	1855	417	22,4
3	1943 г.	5313	1685	31,7	2035	707	34,7
4	1944 г.	4580	1551	33,8	2984	1022	34,2
5	1945 г. (первое полугодие)	1652	476	28,8	1686	635	37,6

Например, в Министерстве юстиции работали лишь 24 киргиза, и только один из них занимал управленческую должность в г. Нарыне, в то время как в Иссык-Кульской и Пржевальской областях в его подразделениях не было представителей коренного населения. Прием слушателей в юридическую школу проводился с грубыми ошибками, так как принимались лица без достаточного опыта и образования. В результате из 29 человек, окончивших школу в 1944 г., только трое были задействованы в судебной работе. Дополнительные проблемы были связаны с нерегулярной и низкоуровневой практикой судебных работников, отсутствием семинаров для народных судей и низким уровнем политико-воспитательной работы [15].

Советы и их органы активно занимались трудоустройством инвалидов войны, создавая школы и учебно-производственные комбинаты для их профессиональной подготовки. Закон «О трудовом устройстве инвалидов Отечественной войны», принятый СНК Киргизской ССР 1 июня 1942 г., назначил народного комиссара социального обеспечения ответственным за трудоустройство и обучение инвалидов, организацию их проживания и создание необходимых условий. Руководителям предприятий и организаций было предписано предоставлять инвалидам подходящую работу с учетом их индивидуальных особенностей. Народному комиссару социального обеспечения было поручено усилить обучение инвалидов новым специальностям и создать постоянные комиссии по трудовому устройству.

Великая Отечественная война оставила след в каждой семье, в судьбе каждого человека в странах бывшего Советского Союза. Из Киргизии ушли на фронт более 360 тыс. человек. За активное участие в общественно-политической жизни и за самоотверженный труд в тылу в годы войны указом Президиума Верховного Совета Киргизской ССР 3007 женщин были награждены грамотами и почетными грамотами. За самоотверженный труд награждены орденами и медалями 1837 тружеников промышленности, сельского хозяйства, науки и культуры. 8021 человек получил почетные грамоты и грамоты Верховного Совета Киргизской ССР. Ордена Ленина были удостоены первый секретарь ЦК КП(б) Киргизии Н.В. Вагов и председатель СНК Киргизской ССР Т. Кулатов, сыгравшие существенную роль в перестройке работы госаппарата республики [3].

В годы Великой Отечественной войны политическая система Киргизской ССР столкнулась с серьезными вызовами в управлении и организации руководящей работы. Советы и их исполнительные органы под руководством Коммунистической партии активно управляли всеми сферами жизни республики, направляя усилия на укрепление обороноспособности и поддержку фронта. Опыт военного времени показал, что политическая система Киргизской ССР функционировала в условиях строгой централизации и мобилизации всех ресурсов. Трудности, с которыми сталкивались

органы власти, продемонстрировали важность гибкости и эффективного реагирования в условиях кризиса. Эти уроки остаются актуальными для современного управления, подчеркивая необходимость тщательного контроля и организационного подхода для успешного функционирования политической системы.

Источники и литература

1. *Бонюшкина Н.Е.* Опыт изучения становления профессиональной советской элиты (СНК 1937–1941 гг.) // Мир России. Социология. Этнология. 2010. № 3–4. С. 108–130.

2. *Буцков И.Г., Кузнецов Д.А.* Государственный комитет обороны в годы Великой Отечественной войны // Современные технологии обеспечения гражданской обороны и ликвидации последствий чрезвычайных ситуаций. 2010. № 1 (1). С. 81–83.

3. Киргизия в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.: сборник документов и материалов. Фрунзе,1965.

4. Сборник законов Киргизской ССР и указов Президиума Верховного Совета Киргизской ССР за 1938–1949 гг. Фрунзе, 1950.

5. Центральный государственный архив общественно-политической документации Кыргызской Республики (далее – ЦГА ОПД КР). Ф. 56. Оп. 1. Д. 982.

6. ЦГА ОПД КР. Ф. 56. Оп. 3. Д. 654.

7. ЦГА ОПД КР. Ф. 56. Оп. 3. Д. 802.

8. ЦГА ОПД КР. Ф. 56. Оп. 3. Д. 934.

9. ЦГА ОПД КР. Ф. 56. Оп. 3. Д. 1038.

10. ЦГА ОПД КР. Ф. 56. Оп. 3. Д. 1135.

11. ЦГА ОПД КР. Ф. 56. Оп. 4. Д. 186.

12. ЦГА ОПД КР. Ф. 56. Оп. 4. Д. 304.

13. ЦГА ОПД КР. Ф. 56. Оп. 4. Д. 356.

14. ЦГА ОПД КР. Ф. 56. Оп. 4. Д. 424.

15. ЦГА ОПД КР. Ф. 56. Оп. 4. Д. 596.

16. ЦГА ОПД КР. Ф. 1445. Оп. 5. Д. 9.

А.П. Грибачева

ПИЩЕВАЯ ПРОМЫШЛЕННОСТЬ БЛОКАДНОГО ЛЕНИНГРАДА 1942 г.[1]

Актуальность исследования обусловлена научным интересом к теме пищевой промышленности блокадного Ленинграда 1942 г. В этот период

[1] Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 25-28-00518, https://rscf.ru/project/25-28-00518/ «Трудовой потенциал предприятий блокадного Ленинграда (1941-1944 гг.)»

многие предприятия вновь запускают свои производственные мощности и начинают выпуск продукции, необходимой городу и фронту.

Целью статьи стал анализ общего состояния пищевой промышленности Ленинграда в 1942 г. Поставленная цель обусловила решение следующих задач: исследовать ассортимент выпускавшейся продукции, рассмотреть используемые в производстве заменители и способы их применения на практике, выявить особенности изменения технологических операций изготовления продукции.

Актуальность проблемы исследования обусловила научный интерес к ней советских и современных авторов. Так, А.Р. Дзенискевич рассматривал деятельность разных отраслей промышленности Ленинграда во время Великой Отечественной войны [2; 3]. Г.Л. Соболев и М.В. Ходяков анализировали работу продовольственной комиссии Военного совета Ленинградского фронта в 1942 г. [7]. М.В. Ходяков отдельно рассматривал вопросы функционирования предприятий кондитерского производства [8; 9]. Е.Е. Красноженова исследовала продовольственную ситуацию в Ленинграде в 1941–1944 гг. [5]. А.В. Зотова рассмотрела особенности сельскохозяйственной деятельности в Ленинграде в условиях блокады [4]. Таким образом, историки поднимали проблемы промышленного производства блокадного Ленинграда, уделяя внимание разным аспектам рабочего процесса. В то же время многие вопросы темы остаются малоизученными и требуют более углубленной проработки.

Источниками данного исследования выступают документы из Центрального государственного архива историко-политических документов Санкт-Петербурга (ЦГАИПД СПб) [10–13]. В годовых отчетах содержится информация о выпуске продукции, использовании заменителей, кадровом составе и оптимизации производства. Помимо этого, рассматривались материалы из сборников документов [1; 6], содержащих большое количество приказов и постановлений по пищевой промышленности блокадного Ленинграда.

Великая Отечественная война и блокада Ленинграда внесли большие коррективы в производственный процесс промышленных пищевых предприятий города. Перед пищевой промышленностью встали вопросы, которые требовали скорейшего решения. Необходимо было сохранить и наиболее эффективно использовать имеющиеся запасы продовольствия, осуществлять поиск остродефицитных видов сырья, вносить изменения в технологические операции изготовления продукции, в жесточайшем режиме экономии сохранять жизненный потенциал предприятий, к которому относились кадры и оборудование [12: 1].

Отдел пищевой промышленности на практике проводил совещания с директорами и секретарями о решении проблем оперативно ставил

вопросы на партийно-хозяйственных активах предприятий, общегородских, бюро районного комитета ВКП(б) и бюро Ленинградского ВКП(б).

Так, исключительное значение придавалось задаче поиска и внедрения полноценных пищевых заменителей. По предложению городского комитета ВКП(б) хозяйственниками были организованы бюро и научные советы по заменителям. Они были основаны в кондитерской промышленности на фабрике им. Микояна, в хлебопекарной – при центральной лаборатории треста хлебопечения, в мясной – при мясокомбинате, в молочной – на Первом молочном заводе. Для координации вопросов о физиологических свойствах и наиболее правильном применении продукции из заменителей был создан совет питания при горздравотделе. Во всех случаях, помимо практиков, привлекались ученые [12: 18].

Принятые меры позволили разработать технологические схемы и процессы производства, обучить кадровый состав и решить в производственных масштабах вопрос о разработке заменителей [12: 18].

Городской комитет ВКП(б) широко привлекал для этих целей научно-исследовательские институты, профессоров, агрономов. Например, для решения вопроса о сборе дикорастущих пищевых растений задействовали Ботанический институт им. Комарова, институт сельского хозяйства, Лесотехническую академию, Витаминный институт [12: 18].

Перестраивая свое производство в условиях военного времени, ряд предприятий совершенно изменил свой производственный профиль [12: 4]. Так, 3-я кондитерская фабрика им. Микояна до войны была простой карамельной фабрикой, а с наступлением блокады выросла в комбинат, организовав для производства продукции новые цехи. В созданном цехе концентратов изготавливали супы и каши, объем производства которых доходил до 750 т в месяц. Начали работу шоколадный цех с выпуском до 250 т, цех белковых дрожжей из опилок с производственной мощностью 20 т. Стал функционировать цех снарядов ОФ-76, выпускавший до 7000 шт. в месяц. Организован цех медицинских препаратов, где изготавливали стрептоцид, сульфазол и перекись цинка с выпуском до 70 кг [12: 4].

Ликерно-водочный завод запустил также цех белковых дрожжей из опилок, производивший до 20 т продукции в месяц, сформировал цех противотанковых бутылок с выпуском до 2 млн шт., организовал цех витаминизированного настоя с содержанием витамина С с выпуском до 1,5 млн человеко-доз в месяц. Начал работу цех дегазаторов (ИПП-5), который изготавливал 750 тыс. изделий [12: 4].

Четвертая парфюмерная фабрика на своей базе развернула производство дегазаторов (ИПП-5) до 500 тыс. пакетов и гильз для минных зарядов с выпуском до 500 тыс. шт. в месяц [12: 4].

Большая работа была проведена работниками Ленинградской конторы «Центрозаготзерно» по подготовке к приемке продовольственных грузов, в связи с запрещением Городским комитетом ВКП(б) хранения продтоваров в деревянных складах. Места удалось найти на каменных складах и в двух церквях на 43 тыс. т. Также удалось решить задачу рассредоточения зернопродуктов, которые стали хранить в 22 точках вместо восьми [12: 4].

Значительную роль в экономии сырья сыграло изменение и совершенствование технологического процесса. Так, в целях уменьшения распыла Хлебозавод им. Бадаева переделал транспортер с подачей хлеба к самим делительным машинам. Экономия муки составила до 400 кг в сутки [12: 6].

Путем улучшения технологии изготовления продукции Молкомбинат добился повышения выпуска молока из соевых бобов (тройное экстрагирование) от 4 л с 1 кг до 6–7 л при постоянном повышении его качества, где сухой остаток увеличился с 3,4 % до 4,17 % [12: 6].

Шоколадная фабрика им. Крупской (директор Кукушкин) в течение года получила для производства 2500 т сахара в 25 тыс. мешков. Путем обработки сахарных мешков (смачивание и обмывка) фабрике удалось извлечь из каждого мешка дополнительно 150–200 г сахара. В общей сложности эта операция дала фабрике дополнительно 5 т сахара [12: 7].

Также была организована очистка бункера – дезинтегратора. Все трубы и вентиляционные каналы были пропарены, промыты и очищены от скопившейся сахарной пыли и какао-порошка. После фильтрации всей собранной массы предприятие получило сырье для выпуска 50 т конфетно-шоколадной продукции [12: 7].

Данные факты указывают на то, что пищевая промышленность искала всевозможные пути для решения проблемы производства продовольствия.

Пищевые предприятия в ходе изготовления продукции применяли в производственном процессе жмыхи, сою, соевую муку, отруби, целлюлозу, кишечное сырье, альбумин, казеин, хмель, кленовые и дубовые листья, иван-чай, дикорастущие пищевые растения [12: 1]. Интересно, что благодаря активному использованию заменителей, в Ленинграде были открыты несколько столовых, торгующих обедами из ненормированных продуктов [12: 2].

Военный совет Ленинградского фронта 7 апреля 1942 г. издал постановление № 26 «Об обеспечении войск фронта витамином “С”», которым обязал директора ликероводочного завода Бордукова изготавливать хвойный настой с содержанием витамина С (для госпитальной базы фронта). В целом документ был направлен на борьбу с ликвидацией

случаев цинготных заболеваний в армии, а также предупреждение распространения этих заболевания и их лечение [6: 42–43].

В Ленинграде на уксусном, пивоваренном, ликероводочном заводах, кондитерских фабриках было организовано производство хвойного настоя с содержанием витамина С. В 1942 г. его изготовили свыше 32 млн человеко-доз против 2,7 млн в 1941 г. Однако не только предприятия пищевой промышленности производили витаминный настой. К его изготовлению под наблюдением Витаминного института привлекали ряд других отраслей, таких как машиностроение, электропромышленность и т.д. [12: 2].

Также Военный совет Ленинградского фронта издал постановление № 001029 «О производстве сухарей» от 2 июля 1942 г., в котором обязал Ленинградский городской трест хлебопечения изготовить в июле 1 тыс. т ржано-пшеничных сухарей и выделить тресту Хлебопечения необходимое количество топлива [11: 3].

На хлебозаводе им. Микояна с июля по октябрь 1942 г. выпускали: хлеб ржаной 95 %, хлеб ржаной 96 %, хлеб сухарный, хлеб пеклеванный, хлеб пшеничный 85 %, хлеб пшеничный 72 %, хлеб пшеничный 30 %, сухари и вафли. Эти работы были выполнены на 116,2 % [13: 30].

Второй колбасный завод Ленинградского мясокомбината им. С.М. Кирова в октябре 1942 г. выпускал для населения квашеную капусту, костный бульон, студень, фруктовое желе, копорский чай (иван-чай). Также завод производил железные трубки, детали ручных дымовых гранат, осуществлял ремонт бочек, фаску и сварку специальных изделий, изготавливал предметы ширпотреба, ведра, пуговицы и др. [13: 40].

Развернувшееся всесоюзное социалистическое соревнование дало мощный толчок производственному подъему в борьбе за дальнейший дополнительный выпуск пищевой продукции, который стал возможен за счет строжайшей экономии сырья и применения полноценных пищевых заменителей [12: 2].

Предприятия изготавливали молоко и кисломолочные продукты из соевых бобов, белковые дрожжи из опилок, колбасу из технического альбумина и кишечного сырья, суррогатный кофе, топленый сыр и сметану из казеина, студень из кишечного сырья, растительный студень, эмульсию из растительных масел, растительную икру. Также выпускали концентрированный костный бульон, фруктовое желе, детское диетическое желе, кетчуп, сахарин и дульцин [12: 3].

Помимо этого, на пищевых предприятиях Ленинграда в 1942 г., как и во время всей блокады, происходил выпуск не свойственных для них видов медицинской продукции и спецпродукции для фронта. Новым видом работы для пищевиков стал выпуск лекарственных препаратов. В течение 1942 г. трудовые коллективы изготавливали медицинскую глюкозу

с выпуском за год 13 625 кг, кальцекс – 743 кг, бром-камфору – 261 кг, аспирин – 170 кг, стрептоцид – 64 кг, перекись цинка – 40 кг, гидрозин-сульфит – 37 кг, бензойно-кислый натрий – 70 кг, каротин – 1105 г [12: 3].

Что касается специальной продукции, то на некоторых предприятиях рабочие еще в 1941 г. выпускали мины, гранаты, снаряды, гильзы и пр. [10: 1]. В 1942 г. изготовление продукции для фронта продолжилось. Производили снаряды и мины разных калибров с выпуском за год 296 тыс. шт., смеси и стекла – 827 тыс., дегазаторы – 1270 тыс. шт., водород – 1380 тыс. м^3, бумажные накидки – 44 850 шт., специальные изделия из бумаги и картона – 1072 тыс. шт. [12: 4].

Таблица 1

Выпуск продукции по отдельным отраслям за 1942 г.

№	Наименование	Выпуск продукции
1	Хлебопродукты	274 572 т
2	Мука из разных зерновых культур	7527 т
3	Кондитерские изделия: шоколад и конфеты	7891 т
4	Мясопродукты: мясо, колбасы	4512 т
5	Молоко и молочные продукты	33 044 т
6	Безалкогольные напитки	26 065 т (литров)
7	Спиртово-водочные изделия	350 т (литров)
8	Ректификация спирта	69,5 т (литров)
9	Водка	242,5 т (литров)
10	Вино	38 т (литров)
11	Жировые продукты	1112 т
12	Мыловаренная продукция	1934 т
13	Парфюмерно-косметическая продукция (одеколон, духи)	1538 т
14	Табачные изделия: папиросы	291 млн
15	Табачные изделия: табак	1122 т
16	Жидкая углекислота	24 т
17	Уксус	470 т
18	Лимонная кислота	7838 кг
19	Эссенция	57,5 т
20	Ванилин	323 кг
21	Синтетический сироп	13 560 кг
22	Кофе натуральный	217 т

Примечание: таблица из годового отчета о пищевой промышленности за 1942 г. [12: 2–3].

Таким образом, пищевая промышленность в 1942 г. выпускала необходимую продукцию для нужд города и фронта (см. табл. 1). В Ленинграде обсуждались вопросы поиска и внедрения пищевых заменителей для изготовления товаров. Создавались специальные организации, бюро и научные советы по заменителям, совет питания, и привлекались научные кадры для решения продовольственных вопросов.

В условиях блокады пищевые предприятия поменяли свой производственный профиль. Они создавали цехи для производства специальной продукции, например, цех снарядов или цех противотанковых бутылок. На пищевых производствах выпускались несвойственные им мины, снаряды, лекарственные препараты. Изменения коснулись и технологии изготовления продукции, как пищевой, так и специальной. Стали внедрять разные предложения об улучшении производственных операций и использовать всевозможные доступные городу ресурсы.

Источники и литература

1. Блокада в решениях руководящих партийных органов Ленинграда. 1941–1944 гг.: сборник документов. Постановления бюро ленинградских горкома и обкома ВКП(б), стенограммы заседаний / отв. сост. К.А. Болдовский. Часть II. Март – декабрь 1942 г. СПб., 2020.

2. *Дзенискевич А.Р.* Заводы на линии фронта: рабочие Ленинграда фронту. М., 1978.

3. *Дзенискевич А.Р.* Фронт у заводских стен. Малоизученные проблемы обороны Ленинграда, 1941–1944. СПб., 1998.

4. *Зотова А.В.* Сельскохозяйственный феномен блокадного Ленинграда // Вестник Костромского государственного университета им. Н.А. Некрасова. 2013. Т. 19. № 4. С. 38–41.

5. *Красноженова Е.Е.* Тотальный голод стал главной причиной многочисленных жертв среди ленинградцев. Продовольственная ситуация в блокадном Ленинграде в 1941–1944 гг. // Военно-исторический журнал. 2024. № 1 (765). С. 58–65.

6. Постановления Военного совета Ленинградского фронта. Ч. 2 (апрель – декабрь 1942 г.): сб. документов / отв. сост. К.А. Болдовский. СПб., 2024.

7. *Соболев Г.Л., Ходяков М.В.* Продовольственная комиссия Военного Совета Ленинградского фронта в 1942 г. // Новейшая история России. 2016. № 1 (15). С. 8–21.

8. *Ходяков М.В.* Документы архивов Санкт-Петербурга и Российского государственного архива экономики о работе кондитерской промышленности Ленинграда в годы блокады. 1941–1944 гг. // Отечественные архивы. 2021. № 4. С. 52–61.

9. *Ходяков М.В.* Кондитерское производство в блокадном Ленинграде. 1941–1943 гг. // Новейшая история России. 2022. Т. 12. № 4. С. 812–839.

10. Центральный государственный архив историко-политических документов Санкт-Петербурга (далее – ЦГАИПД СПб). Ф. Р-24. Оп. 2в-6. Д. 5683.

11. ЦГАИПД СПб. Ф. Р-24. Оп. 2в-6. Д. 6195.

12. ЦГАИПД СПб. Ф. Р-24. Оп. 2в-6. Д. 6275.

13. ЦГАИПД СПб. Ф. Р-415. Оп. 2. Д. 330.

С.Г. Сидоров

БОРЬБА ЗА УРОЖАЙ: СТАЛИНГРАДСКАЯ МАШИННО-ТРАКТОРНАЯ СТАНЦИЯ В 1941–1942 гг.

Сталинградская машинно-тракторная станция (далее – МТС) организована в 1932 г. в пос. Красноармейске, который в 1931 г. был присоединен к Сталинграду. МТС размещалась на базе бывшего горчичного завода «Прованс» по улицам Тельмана, Петропавловской и Политотдельской [1: 24, 165–166]. С 1937 г. станцию возглавлял Константин Васильевич Корнеев, который до назначения на должность директора в течение шести лет работал председателем колхоза им. Мичурина (с. Дубовый Овраг Красноармейского, ныне Светлоярского района) [39: 85–88].

Накануне войны МТС обслуживала поля девяти колхозов Красноармейского района Сталинградской области: им. XVII партсъезда, им. Будённого, им. Ворошилова, им. Кирова, им. Мичурина, им. Сталина, «Путь Ленина», «Ударный» и «Хрият», которые располагали 33 830 га пахотной земли [2: 1].

Весной 1941 г. МТС подошла к периоду сева не совсем подготовленной. По разным причинам в начале апреля еще находились в ремонте 12 тракторов, 12 сеялок, восемь плугов и семь культиваторов [5].

В 1940 г. МТС допустила перерасход горючего на 21 тыс. руб. [6], и коллектив поставил перед собой цель не допускать этого впредь. Застрельщиками выступили комсомольцы (секретарь организации – трактористка Л. Путиловская), которые через газету «Молодой ленинец» обратились ко всем трактористам области поддержать их почин [8].

В условиях дефицита запасных частей МТС в период подготовки техники к севу отреставрировала различных деталей к тракторам на 50 тыс. руб., освоила изготовление новых деталей, начала борьбу за чистоту, соблюдение правил технического обслуживания [9]. Многие достижения стали результатом работы заместителя директора по политчасти МТС Евдокии Ивановны Рыбловой, занимавшей эту должность в 1938–

1941 гг. В период войны Е.И. Рыблова возглавила организационно-инструкторский отдел Красноармейского районного комитета (далее – РК) ВКП(б) [38: 253–259].

При проведении весенних полевых работ большинство тракторных отрядов трудились самоотверженно. Наивысшей выработки на покровном бороновании зяби на полях колхоза им. Мичурина (с. Дубовый Овраг) добился тракторный отряд № 18 (бригадир Ф.П. Мурыгин), получивший переходящее Знамя исполкома районного совета депутатов трудящихся [7]. За выполнение плана весеннего сева ранних зерновых культур в агротехнические сроки и с высоким качеством на районную доску почета были занесены тракторные отряды № 1 и 2, бригадиры К. Манджиев и Л. Очаныков, трактористы М. Бамбушев, Г. Тегусов, О. Очаныков и Л. Бодаев (колхоз «Путь Ленина»), № 19, бригадир С. Шарипов (колхоз «Хрият»), № 15, бригадир И. Лунев (колхоз им. XVII партсъезда), № 10, бригадир Н. Полтавченко (колхоз «Ударный») [10].

14 тракторных отрядов МТС из 20 выполнили план весенних полевых работ, посеяли ранние зерновые культуры в течение 5–7 рабочих дней [12]. Наиболее высокие результаты на весеннем севе показал тракторный отряд № 15 под руководством И. Лунева, засеявший сверх плана 133 га разных культур и вспахавший 180 га вместо 130 га паров. Отряд получил Красное знамя исполкома районного совета депутатов трудящихся. Благодаря своевременно проведенному техническому уходу тракторы работали без простоев и аварий. Трактористы Лунев и Соколов засевали по 35 га в день и экономили с начала мая на каждом гектаре по 3–4 кг горючего [7].

Накануне войны, учитывая напряженную международную обстановку, в МТС большое внимание уделяли подготовке женских механизаторских кадров. Из 56 подготовленных трактористок по специальности в МТС работали 18, остальные были заняты на других работах [11].

После нападения фашистской Германии на СССР в МТС состоялся митинг рабочих и служащих, на котором присутствовало 65 человек. На митинге выступили слесарь Заброда, заведующий мастерской Орехов и др. Получивший повестку комбайнер Самарин заявил: «Я мобилизован и иду сегодня в ряды Красной Армии. Буду верным и стойким защитником родины и не пощажу своей крови и самой жизни за свою родину. На моем же комбайне отлично будут работать жена и сестры» [13].

Уже в первые дни войны на курсы трактористов пришло 27 и на курсы штурвальных – 15 женщин. М. Лыкова, М. Шамкина (с. Дубовый Овраг), Анна Моисеева (с. Большие Чапурники) и многие другие колхозницы готовились убирать тракторами и комбайнами богатый урожай [14]. В качестве штурвальных на комбайнах к середине июля работало 28 женщин,

из них 17 человек – жены комбайнеров. В колхозе им. Мичурина комбайнер И. Дорофеев, заменяя товарища, ушедшего на фронт, работал один на двух комбайнах. Ему помогали три женщины-штурвальные. В первый же день его комбайнами было скошено 40 га ржи. В агрегате комбайнера Яковлева все штурвальные также были женщинами. В каждом колхозе заработали курсы трактористов, на которых под руководством опытных механизаторов обучались преимущественно женщины [16]. В МТС курсами руководил нормировщик машинно-тракторной мастерской (далее – МТМ) Степан Тимофеевич Анисимов, имевший специальное техническое образование [17].

В ответ на выступление И.В. Сталина по радио и его призыв перестроить всю работу на военный лад рабочие и служащие Сталинградской МТС решили в полном составе записаться в народное ополчение [15].

Война заставила всех подтянуться. В большинстве колхозов комбайнеры справлялись с выполнением своих заданий. Самуил Орлов, работавший в колхозе им. XVII партсъезда, скосил на «Сталинце» более 200 га ржи, Заболотнев (колхоз «Путь Ленина») – 135 га. Рабочие МТМ понимали, что от их работы во многом зависит успех уборочной кампании. Они быстро и качественно выполняли ремонтные работы. Так, слесарь Викулов на ремонте тракторов ежедневно выполнял норму на 250 %. Не отставал от него и медник Васильев. На ремонт радиатора он вместо установленных 8 ч затрачивал 4 ч, наплавку и расточку шатунных и коренных подшипников производил за 3 ч вместо 7 ч. Одно из первых мест занимал токарь Швейдер. Перевыполняя нормы в 2,5 раза, он всё время изыскивал новые приемы для повышения производительности труда [17].

С каждым днем на полях района ширилось соревнование комбайнеров, стремившихся быстрее убрать хлеб, ответить на нападение врага высокой выработкой. В этом соревновании на 30 июля впереди шли Ф. Безбожнов, выработавший 298 га, С. Орлов – 290 га, Б. Заболотнев – 279 га, Е. Яковлев – 220 га, Н. Полтавченко – 200 га. И. Дорофеев скосил хлеб на первом комбайне на 191 га и на втором, работающем в сцепе, – на 173 га [18].

На районную доску почета по Сталинградской МТС был занесен штурвальный колхоза им. Ворошилова А.Д. Шматков, который, несмотря на преклонные годы, сам качественно отремонтировал комбайн и работал на нем, показывая пример трудолюбия [19]. В целом на уборке богатого урожая комбайны МТС план косовицы хлебов перевыполнили [26].

В августе 1941 г. директора МТС К.В. Корнеева призвали в армию. Сталинградский обком ВКП(б) рекомендовал на освободившуюся должность Василия Степановича Воскресенского, 1900 г. рождения, члена ВКП(б) с 1925 г., и просил Центральный комитет ВКП(б) утвердить это

решение [40: 388]. Воскресенский за 10 лет после окончания в 1931 г. в Москве Академии коммунистического воспитания им. Н.К. Крупской по специальности преподаватель истории ВКП(б) сменил ряд должностей. В Сталинградскую область попал в 1933 г., работал начальником политотдела Ново-Анненской и Ново-Долговской МТС, секретарем РК ВКП(б) Ново-Николаевского района, заведующим отделом народного образования Ново-Анненского района и с 1939 г. исполнял обязанности заместителя начальника отдела кадров областного отдела народного образования [42: 2–3 об.]. Как показали дальнейшие события, выбор обкома оказался неудачным.

На осеннем севе и подъеме зяби многие механизаторы показывали высокие результаты работы. Лучшим в колхозе «Ударный» был тракторный отряд № 10 (бригадир Н. Полтавченко), который имел в среднем на колесный трактор 480 га условной пахоты. В колхозе им. Кирова хорошо работал отряд № 11 под руководством орденоносца Пешкова, в колхозе им. Мичурина – отряд № 5 Воеводина [20]. Высоких результатов в колхозе «Путь Ленина» добился тракторный отряд № 2 (бригадир Зарханов). Трактористы Ачанков, Бамбутов, Апханов, Канцымов и Шагреев систематически на подъеме зяби обрабатывали за смену по 4–4,2 га пашни вместо 3,8 га по плану [22].

Однако по срокам сева озимых и подъема зяби в целом МТС отставала. На 10 октября по колхозам Сталинградской МТС тракторами вспахали всего 5 % площади, предназначенной под зябь [21]. Накануне XXIV годовщины Октября бригадиры тракторных отрядов Белоглазов, Манджиев, Кулимзин, Комиссаров, Гуляев и др. взяли обязательство до 15 ноября выполнить план подъема зяби, обеспечить круглосуточную работу тракторов, всеми силами экономить горючее, перевыполнять нормы выработки, не допускать ни малейшего простоя машин. Они обратились ко всем руководителям колхозов с просьбой помочь им выполнить это обязательство и призвали работников Светлоярской МТС, с которыми соревновались, последовать их примеру [23].

В ноябре 79 рабочих МТС приняли участие в танковом воскреснике, весь заработок от которого передали в фонд постройки танков для Красной армии [24].

1941-й стал годом значительных успехов в сельском хозяйстве Красноармейского района. Его итогам было посвящено районное совещание председателей колхозов, бригадиров, директоров МТС и агрономов. Большинство колхозов провело сев зерновых культур в сжатые сроки, ранее других закончили сев колхозы «Путь Ленина» и «Хрият». На совещании отметили хорошую работу тракторных отрядов под руководством бригадиров Манжиева, Очаныкова, Дорофеева, Воеводина,

Нарбекова, Полтавченко, Лунева, Мурыгина и Шарипова. Результативно провели уборку хлебов комбайнеры Вереютина, Косов, Фомиченко, Орлов, Кулимзин, Сулейманов и др. В результате колхозы собрали рекордный урожай. Особенно отличились бригады Бондаренко в колхозе им. XXII партсъезда, Завгороднева в колхозе им. Ворошилова и Валиулова в колхозе «Хрият» [25]. Зерновые комбайны МТС план косовицы хлебов перевыполнили [26].

Зимой 1941/1942 г. в связи с уходом на фронт ряда работников для МТС был установлен план подготовки механизаторских кадров: на курсах – 70 человек, в школах механизаторов – пяти комбайнеров, двух бригадиров тракторных отрядов, трех шоферов и двух механиков [40: 297]. План выполнить не удалось. К середине февраля в МТС не хватало 22 трактористов [27].

Подготовка к севу затянулась, и в январе 1942 г. Красноармейский РК ВКП(б) вынес Воскресенскому строгий выговор с занесением в учетную карточку за необеспечение ремонта тракторов [41: 174]. Трудности с ремонтом были и во второй МТС района – Светлоярской. К середине февраля обе МТС отремонтировали лишь 68 % тракторов, 19 % тракторных плугов, 16 % культиваторов, 17 % сеялок, 38 % конных сеялок [27]. Запчастей катастрофически не хватало, и коллектив МТС, как и в 1941 г., производил реставрацию старых запасных частей. Всего к концу марта удалось собрать и отремонтировать более 300 различных деталей на сумму 42 155 руб. Это помогло ускорить ремонт тракторного парка [28].

В колхозах района массовый сев из-за поздней весны начался с опозданием в апреле. В этих условиях недостатки в подготовке к севу сказывались особенно сильно. В МТС к концу апреля еще не были отремонтированы два трактора, имелись перебои в доставке горючего на места работ, тракторы из-за некачественных запасных частей быстро выходили из строя [29]. К середине мая в МТС еще не было походных мастерских, механики в колхозы для оказания технической помощи трактористам не высылались [30]. В результате темпы сева яровых культур оказались низкие. К 28 мая колхозы Сталинградской МТС план сева выполнили только на 62,3 %, но лучше, чем артели Светлоярской МТС (57,7 %) [31].

Медленными темпами в Сталинградской МТС проходил и ремонт комбайнов. На 27 мая отремонтировали всего три комбайна, которые еще не были приняты и обкатаны. Предстояло отремонтировать свыше 30 комбайнов [31].

В ответ на обращение коллектива Больше-Раковской МТС Куйбышевской области в июне рабочие, трактористы, комбайнеры и служащие Сталинградской МТС включились во Всесоюзное социалистическое соревнование работников сельского хозяйства. Коллектив взял на себя

повышенные обязательства и вызвал на соревнование трактористов, комбайнеров, рабочих и служащих Светлоярской МТС [32].

В июле началась уборка урожая. К этому времени еще не все комбайны успели отремонтировать и вывезти в поля. Работающие комбайны быстро выходили из строя, производился их повторный ремонт. Так, в колхозе им. XVII партсъезда из пяти комбайнов работало только три. Техническое обслуживание комбайнов проводилось плохо. Неудовлетворительно обстояли дела и с молотилками. На 11 июля в МТС из 12 молотилок отремонтировали лишь одну [33].

6 июля 1942 г. бюро Сталинградского обкома партии рассмотрело докладную записку первого секретаря Красноармейского райкома ВКП(б) Н.Г. Гладкова и начальника политотдела Сталинградской МТС В.С. Тамошкина, в которой излагались недостатки в работе директора и содержалось ходатайство о снятии Воскресенского с должности. Однако обком не согласился с предложением райкома партии [41: 174].

Между тем в июле комбайнеры Сталинградской МТС прилагали все силы для того, чтобы вовремя и без потерь убрать обильный урожай. Ф. Мурыгин убрал 250 га и сэкономил 300 кг горючего. Соревнующийся с ним молодой комбайнер Лунев скосил «Коммунаром» 190 га. Ударно работали Полтавченко, Музыченко и Климов. Каждый из них убрал по 150 га. Уборка урожая производилась ими без потерь и с соблюдением всех агрономических правил. В колхозе им. Мичурина А. Кузьмин и С. Яковлев в течение первых десяти дней убрали по 150 га [34].

Сталинградская МТС должна была до 10 августа убрать не менее 80 % всех зерновых культур [34]. Но 7 августа 1942 г. в связи с приближением войск противника В.С. Воскресенский получил указание райкома партии об эвакуации ценностей МТС и семей работников за Волгу через с. Светлый Яр. Однако директор этой работой руководить не стал. Утром 8 августа он выехал с семьей в Сталинград и вернулся назад только 13 августа. 16 августа райком ВКП(б) снял В.С. Воскресенского с должности директора МТС, исключил его из членов ВКП(б) и просил обком партии утвердить это решение. Исполнять обязанности директора МТС временно утвердили старшего механика Орехова. Обком подтвердил снятие Воскресенского с должности, но в членах ВКП(б) восстановил, объявив ему за самовольное оставление МТС в период эвакуации строгий выговор с предупреждением и занесением в учетную карточку [35: 1–1 об.; 41: 388 об.–389].

В ходе эвакуации далеко не все материальные ценности и технику удалось вывезти. Ущерб, нанесенный Сталинградской МТС в ходе боевых действий, составил 1 051 961 руб., пострадали четыре здания цехов, 53 трактора, 21 комбайн, 35 сеялок, 21 культиватор, 18 плугов и многое другое [36: 111].

В октябре 1942 г. директором Сталинградской МТС был назначен Николай Никифорович Полтавченко, 1902 г. рождения, член ВКП(б) с 1941 г. До этого он в течение девяти лет работал в колхозе «Ударный» бригадиром тракторного отряда № 10, неоднократно премировался за перевыполнение производственных заданий, за содержание в хорошем состоянии тракторного парка, держал переходящее знамя Сталинградской МТС [4: 3]. Под его руководством стали осуществляться первые мероприятия по восстановлению работы МТС.

На 1 января 1943 г. численность коллектива МТС составляла 151 человек, из них 102 женщины. Из 98 трактористов 82 также были женщинами, из восьми комбайнеров – четыре. В МТС осталось только 33 колесных трактора и 13 комбайнов [3: 8 об.], которые требовали большого ремонта. Число тракторов по сравнению с 1 августа 1942 г. сократилось на 45 [37: 39]. В МТМ имелось три токарных и два сверлильных станка, станок для расточки цилиндров, испытательный стенд, электросварочный агрегат, гидравлический пресс. Оборудование было изношенным: один токарный станок требовал текущего, а всё остальное – капитального ремонта [3: 15 об.]. Коллективу МТС предстояло в сжатые сроки отремонтировать оборудование, имеющуюся технику и организовать полевые работы.

Подводя итог работы Сталинградской МТС в первый период Великой Отечественной войны, следует отметить, что механизаторы, несмотря на многочисленные трудности военного времени, с честью выполнили стоящие перед ними задачи и вместе с колхозниками внесли достойный вклад в обеспечение страны продовольствием.

Источники и литература

1. Город на канале: о прошлом и настоящем Красноармейска: сборник очерков / сост. П.П. Попов. 2-е изд., перераб. и доп. Волгоград, 2011.
2. Государственный архив Волгоградской области (далее – ГАВО). Ф. Р-2012. Оп. 1. Д. 66.
3. ГАВО. Ф. Р-3707. Оп. 165. Д. 1.
4. ГАВО. Ф. Р-3707. Оп. 165. Д. 2.
5. Коммуна. 1941. 4 апреля.
6. Коммуна. 1941. 16 апреля.
7. Коммуна. 1941. 18 апреля.
8. Коммуна. 1941. 11 мая.
9. Коммуна. 1941. 14 мая.
10. Коммуна. 1941. 30 апреля.
11. Коммуна. 1941. 18 мая.
12. Коммуна. 1941. 23 мая.
13. Коммуна. 1941. 27 июня.

14. Коммуна. 1941. 2 июля.
15. Коммуна. 1941. 9 июля.
16. Коммуна. 1941. 16 июля.
17. Коммуна. 1941. 27 июля.
18. Коммуна. 1941. 3 августа.
18. Коммуна. 1941. 5 сентября.
20. Коммуна. 1941. 12 октября.
21. Коммуна. 1941. 17 октября.
22. Коммуна. 1941. 26 октября.
23. Коммуна. 1941. 7 ноября.
24. Коммуна. 1941. 28 ноября.
25. Коммуна. 1942. 4 января.
26. Коммуна. 1942. 1 февраля.
27. Коммуна. 1942. 15 февраля.
28. Коммуна. 1942. 27 марта.
29. Коммуна. 1942. 26 апреля.
30. Коммуна. 1942. 17 мая.
31. Коммуна. 1942. 28 мая.
32. Коммуна. 1942. 14 июня.
33. Коммуна. 1942. 12 июля.
34. Коммуна. 1942. 30 июля.
35. Центр документации новейшей истории Волгоградской области (далее – ЦДНИВО). Ф. 19. Оп. 3. Д. 2.
36. ЦДНИВО. Ф. 19. Оп. 3. Д. 7.
37. ЦДНИВО. Ф. 19. Оп. 3. Д. 12.
38. ЦДНИВО. Ф. 19. Оп. 5. Д. 3.
39. ЦДНИВО. Ф. 19. Оп. 5. Д. 9.
40. ЦДНИВО. Ф. 113. Оп. 12. Д. 6.
41. ЦДНИВО. Ф. 113. Оп. 12. Д. 62.
42. ЦДНИВО. Ф. 113. Оп. 49. Д. 123.

М.П. Мерзляков

ДОНСКОЕ ВИНОДЕЛИЕ И ВИНОГРАДАРСТВО В РАЗДОРСКОМ РАЙОНЕ РОСТОВСКОЙ ОБЛАСТИ В 1942–1943 гг.

Ученые сходятся в том, что наиболее вероятное время появления виноградарства и виноделия в низовьях Дона – раннее Средневековье (VIII–X вв.), когда данная территория входила в состав Хазарского каганата [2: 76]. И сегодня эти занятия являются одними из основных для населения, проживающего на территории Усть-Донецкого района

Ростовской области. За столетия сложились местные приемы разведения виноградной лозы, выращивания и сбора винограда, приготовления вина. Территория современного Усть-Донецкого района входит в ареал распространения традиционного способа формирования и выращивания куста винограда, «донская чаша», или «раздорский куст», который является уникальным и не имеет аналогов в современном виноградарстве [2: 80].

После становления советской власти произошли серьезные изменения в способах хозяйствования, переход от единоличной к коллективной обработке земли. В области виноградарства были ликвидированы частные сады и стали создаваться большие виноградные совхозы. Дальнейшее развитие отрасли в Советском Союзе было связано с крупными государственными инвестициями в закладку виноградников, строительство инфраструктуры виноградарско-винодельческого производства.

Перед началом Великой Отечественной войны высадка виноградных лоз началась в 18 колхозах, расположенных на территории традиционных центров виноградарства: Цимлянском, Константиновском, Кривянском и Раздорском районах. Рабочими было засажено около 4 тыс. га, причем из них 3158 га засадили по новой агротехнике новыми сортами [1: 5]. При этом следует отметить, что от начала подготовки почвы для посадки лозы до полного вступления в плодоношение винограду требуется не менее шести лет. Процесс выращивания включает обрезку чубука, его посадку, появление корешков, пересадку на место, где будут протянуты шпалеры. Ежегодно производится укрытие на зиму, отрывание, опрыскивание винограда. В поступательное развитие этой области народного хозяйства в Ростовской области вмешалась война.

Оккупация территории Ростовской области неприятелем во время Великой Отечественной войны отразилась на всех отраслях сельского хозяйства, оказавшегося в условиях военной действительности. Не обошла она стороной и виноградарство. В данной статье рассматривается состояние виноградарства и виноделия Раздорского (ныне – Усть-Донецкого) района в военный период с точки зрения микроисторического подхода. Хронологические рамки исследования охватывают период оккупации данного района с 22 июля 1942 г. по 10 февраля 1943 г.

Научное осмысление рассматриваемой темы значительно ограничено малым количеством сохранившихся источников за 1941–1943 гг. Это связано с тем, что многие документы за 1941–1942 гг. были уничтожены при отступлении Красной армии. Вместе с тем в феврале 1943 г. 300-й стрелковой дивизии удалось захватить архивные документы оккупационных властей. В них содержались сведения по организации земледелия, лесного хозяйства, рыболовства и виноградарства.

Повседневную жизнь жителей станиц Раздорского района, работавших в отрасли виноградарства и виноделия в оккупационный период, отражают документы, которые хранятся в Центре хранения архивных документов в городе Шахты Ростовской области в фонде 681 (Раздорская райсельхозуправа за июль 1942 – февраль 1943 г.) В них содержатся сведения о заготовке посадочного материала, организации труда на виноградниках, полевых станах на оккупированных территориях. Изучение указанных архивных материалов помогает как ответить на ранее поставленные вопросы, так и обозначить новые исследовательские проблемы.

Особый интерес вызывают нарративы самих участников трудовых процессов и их взгляд на события, проходившие в Ростовской области в период с 1941 по 1943 г. Воспоминания жителей района позволяют расширить и полнее представить себе картину оккупации.

Работа в период оккупации колхозников, сотрудников машинно-тракторных станций, связанных с виноградарством и виноделием, Раздорского и других районов Ростовской области является примером адаптации местных жителей к «новому порядку», установленному гитлеровцами. Люди хотели выжить и потому шли на сотрудничество с оккупационным режимом. Важно понять, что чувствовал советский человек, попавший в новые для себя условия, какими были его трудовые отношения и взаимодействие с новыми властями во время оккупации. Обращение к повседневной жизни мирного населения Раздорского района, рассмотрение изменений, произошедших в виноградарской отрасли во время оккупации, позволяет вернуть истории объективность.

Уже осенью 1941 г. стало ясно, что оккупированные территории станут одним из главных источников для пополнения материальной базы вермахта. Столкнувшись с провалом блицкрига, руководство Германии изменило начальные планы, в том числе в экономической сфере. Г. Геринг уже в сентябре 1941 г. осудил «дополнительные реквизиции» в тыловых районах, призвав воспитывать войска «в духе бережливости и порядка» [5: 247, 252–253].

Без должного ухода приходили в упадок лозы винограда. За 1941–1943 гг. погибло около 1200 га виноградников. Первые потери были связаны с зимой 1941 г., когда область находилась в состоянии первой оккупации, которая привела к эвакуации гражданского населения и скота с территории Раздорского района. Система управления в хозяйственных вопросах была нарушена из-за стремительного продвижения немецких войск. Сельские советы, районные власти на местах, уже привыкшие действовать по указке центрального руководства, не всегда быстро реагировали на насущные вопросы, требующие принятия безотлагательных решений. Военная зима 1941/1942 г. была очень ранней и суровой.

В октябре уже наступили холода. В этих обстоятельствах людям было не до закапывания виноградников. Виноградники, в основном молодые и экспериментальные образцы, в отдельных колхозах не были своевременно подготовлены к зиме и просто вымерзли. В Раздорском районе из 963 га осталось 314 га, погибло 649 га, или 67 % виноградников [1: 32]. Гибли лозы и под гусеницами вражеских танков и бронемашин. Кроме того, в ходе немецко-фашисткой оккупации и при отступлении врага были уничтожены заводы по переработке винограда в Аксайском и Цимлянском районах и завод шампанских вин в Ростове-на-Дону, выпускавший 4 200 тыс. бутылок в год [1: 1]. В районе х. Бронницкого, Апаринского погибли все виноградники [1: 6].

С самого начала оккупации гитлеровцы и их пособники из числа местных жителей начали организацию работы сельскохозяйственных бригад, в том числе и на виноградниках. Появившиеся сельскохозяйственные имения и станичные общины решали проблему обеспечения продовольствием фашисткой армии. Захватчики понимали, что затянувшаяся война требует принятия экстренных мер, и это сказалось на проводимой ими политике на оккупированной территории. Для получения продукции сельского хозяйства было решено отказаться от замыслов полного уничтожения советских порядков и колхозного строя и сохранить коллективную обработку земли в качестве основной формы ведения хозяйства.

В феврале 1942 г. Альфред Розенберг утвердил «Закон о новом аграрном порядке» для оккупированных областей, согласно которому колхозы преобразовывались в «общинные хозяйства» как переходную форму от коллективного землепользования к единоличному [3: 29].

22 июля 1942 г. немецкие войска захватили все поселения Раздорского района Ростовской области. Придя на территорию, на которой традиционно проживало донское казачество, оккупанты начали проводить политику заигрывания с местным населением. Оккупационная власть, устанавливая «новый порядок», стремилась опорочить недавнее советское прошлое. Площадкой для проведения агитации стала коллаборационистская пресса. В газете «Голос Ростова» вышла статья «Восстановление виноградарства на Дону». В ней было отмечено, что особенно сильно пострадала отрасль виноградарства и виноделия в 1930–1933 гг. – в период проведения коллективизации: «Большая площадь цветущих виноградников одичала и превратилась в пустыри. Правда, в 1938–1941 гг. было посажено 1,5 тыс. виноградников, но большая часть погибла. Упадок отрасли был так велик, что к 1942 г. общая площадь посадки составляла всего 3 тыс. га, в том числе плодоносящих кустов – 1 тыс. га» [6]. Донское казачество взялось за работу восстановлению виноградных садов. Из станиц Нижнего Дона: Константиновской, Раздорской, Цимлянской –

сообщали о своевременном закрытии садов. Так, в ст. Цимлянской было нарезано 400 тыс. чубуков и организован питомник [6]. В статье «Вести с освобожденных полей», вышедшей 17 августа 1942 г., некие Д. Сеймов и С. Белозеров восторженно писали, что теперь «рабочий человек деятельно взялся за восстановление разрушенного хозяйства, за вольный труд» [6: 1]. Вторила им статья «Возрождающий Дон», в которой пафосно заявлялось: «Агроном не должен тратить время на написание длинных резолюций, в несколько раз сокращен объем статистической отчетности и втрое удлинен срок и ее предоставления. Теперь агроном по-настоящему занимается практической работой» [6: 1].

8 августа, через 16 дней после захвата Раздорского района, начали вести журнал исходящих документов Раздорской районной сельхозуправы. В нем содержатся сведения и по виноградарству. Работать на оккупантов людей заставили практически сразу. В населенных пунктах были назначены старосты, которые полностью отвечали за выполнение рабочих норм, трудовых повинностей и реализовывали поставленные оккупационной властью задачи. Со старостами фашисты не церемонились. Староста х. Дубрава под угрозой строго наказания получил приказ «в двухдневный срок приступить к уборке виноградника» [7: 7]. 9 октября 1942 г. всем старостам был разослан приказ Раздорской сельскохозяйственной управы об уборке и обрезке винограда [7: 7].

Оккупационные власти боролись за любые ресурсы. Так, в статье «Дополнительные ресурсы виноградно-винодельческих хозяйств», опубликованной в газете «Новочеркасский вестник» 26 августа 1942 г., поднимался вопрос об отходах, остающихся в результате переработки винограда, – виноградных семенах (косточках) и побегах виноградника (чубуках), удаленных при обрезке лозы [4: 1].

Воспоминания местных жителей представляют нам другую картину событий. К.Н. Чекунова, жительница х. Пухляковского, рассказывала: «В период оккупации 1942–1943 гг. немцы выгоняли из хутора. Не жили целый месяц. По возращению мы застали хутор Пухляковский в плачевном состоянии. Виноградники были вырублены, и проволокой был обмотан весь хутор, много вывороченных машин, танков» [1: 55].

В выращивание винограда вмешивался и природный фактор. В 1942 г. масштабный разлив Дона затопил все ерики, балки. Ушли под воду 257 га старинных казачьих виноградников, и новые посадки.

Огромный урон донскому виноделию нанесли боевые действия на донских переправах в июле 1942 г. Так, в Раздорском районе колхоз «Труженик» находился вблизи переправы, по которой проходила Красная армия. Во время отступления советских войск от виноградных садов не осталось и следа. Как вспоминала старший агроном по виноградарству

Ростовского областного земельного отдела Пальчиковская, «сплошная толока, не пробивалось, буквально, ни одного побега». Но летом, «когда я была вторично, все кусты дали молодые, свежие побеги» [1: 13]. Даже после прохождения танков виноградники оживали. Но военные годы привели отрасль в плачевное состояние, увеличилось количество брошенных виноградников.

Война всегда является суровой проверкой прочности государства. Наша страна 80 лет назад выдержала это испытание. Современная Российская Федерация может использовать советский опыт восстановления виноградарства после войны. Важно и учитывать традиционный, проверенный веками опыт выращивания винограда донскими казаками. Ростовская область для сохранения традиций местного населения, восстановления хозяйственной жизни казачьих обществ обязана осуществлять систему мер по повышению экономической эффективности виноградарства и виноделия.

Источники и литература

1. Государственный архив Ростовской области. Ф. 4127. Оп. 1. Д. 15.
2. *Крайсветный М.И.* Происхождение донского виноградарства // Русский виноград. 2021. № 17. С. 69–93.
3. *Кринко Е.Ф.* Жизнь за линией фронта: Кубань в оккупации (1942–1943 гг.). Майкоп, 2000.
4. Новочеркасский вестник. 1942. 26 августа. № 18.
5. Преступные цели – преступные средства: документы об оккупационной политике фашистской Германии на территории СССР (1941–1944 гг.) / сост. Г.Ф. Заставенко и др. М., 1985.
6. Центр документации новейшей истории Ростовской области. Ф. Р-3. Оп. 2. Д. 69.
7. Центр хранения архивных документов в г. Шахты Ф. 681. Оп. 1. Д. 3.

Е.Е. Красноженова

ОСОБЕННОСТИ ПРОИЗВОДСТВЕННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПРЕДПРИЯТИЙ ЛЕНИНГРАДСКОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ В 1943 г.[1]

Проблемы, связанные с работой промышленных предприятий Ленинграда в условиях блокады, вызывают исследовательский интерес [1–4]. Однако вопросы организации их работы не получили достаточного

[1] Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 25-28-00518, https://rscf.ru/project/25-28-00518/ «Трудовой потенциал предприятий блокадного Ленинграда (1941–1944 гг.)».

освещения в историографии. Так, необходим глубокий анализ трудностей, возникших у рабочих промышленных предприятий в процессе их производственной деятельности в блокадном Ленинграде, нуждается в исследовании и кадровая политика.

18 января войска 1943 г. Ленинградского и Волховского фронтов прорвали сухопутную блокаду Ленинграда. Прорыв блокады заметно изменил положение осажденного города. В 1943 г. отмечалось восстановление связей промышленных предприятий Ленинграда со всей страной. Ленинградская промышленность нуждалась в завозе большого количества материалов, полуфабрикатов и топлива.

С возобновлением связей со страной в начале 1943 г. почти все предприятия Ленинграда, сохранившие оборудование, были расконсервированы и начали работу по выполнению заказов фронта или обеспечению неотложных нужд городского хозяйства.

В начале 1943 г. Государственный комитет обороны (далее – ГКО) СССР принял ряд постановлений о частичном восстановлении крупнейших предприятий Ленинграда. Особое внимание уделялось возрождению тяжелого машиностроения (электромашины, турбины и т.п.), судо- и электроприборостроения. В специальных решениях ГКО были определены задачи таких предприятий, как «Электросила», Невский машиностроительный завод им. В.И. Ленина, Кировский, Ижорский, «Большевик», им. Карла Маркса, Балтийский и др.

В феврале 1943 г. начались восстановительные работы в механическом цехе завода «Русский дизель». В марте 1943 г. строительно-восстановительные работы производились на заводе «Электросила». Развернулись восстановительные работы на заводе «Светлана», получившем задание ГКО по производству электровакуумных изделий. Положение здесь сложилось трудное, так как более чем две трети оборудования было вывезено в тыл, а из мастеров стекольного дела к началу 1943 г. на заводе оставался лишь один квалифицированный выдувальщик.

На Невском машиностроительном заводе им. В.И. Ленина в начале 1943 г. работы велись лишь на одной девятой части производственных площадей. Основные цехи завода – турбинные, котельные, арматурные, трубокотельные – находились на консервации. Бездействовали литейные цехи и паровая кузница [8: 2].

На промышленных предприятиях города оставалось лишь около 30 % имевшегося до войны оборудования. На заводе им. Карла Маркса к моменту возобновления производства «ватеров» (машин для текстильной промышленности) не осталось ни одного продольно-строгального станка [7: 137]. Отдельные заводы приступили к восстановлению производства довоенной продукции. По просьбе городского комитета ВКП(б) ГКО

принял решение о восстановлении работы на полную мощность таких заводов, как «Большевик», «Электросила», им. Ленина и др. Начиная с четвертого квартала 1943 г. вся промышленность Ленинграда, выпускающая вооружение и боеприпасы, была включена в общесоюзный план народного хозяйства страны.

Несмотря на то, что за годы войны из Ленинграда было вывезено в тыловые регионы страны более 50 тыс. единиц различного ценного оборудования, хозяйственные руководители предприятий всё же укомплектовали наиболее важные участки промышленности всем необходимым, в первую очередь для выпуска металла, проката, цветного литья, производства химикатов, оптических приборов, радиоаппаратуры [5: 109].

В первой половине 1943 г. задания по частичному восстановлению производства получили десятки крупных промышленных предприятий Ленинграда. В 1943 г. в промышленности, контролируемой отделом машиностроения, работали 68 производственных предприятий [5: 109].

Металлургия Ленинграда полностью не покрывала потребности металлообрабатывающей промышленности в металле. Химическая и резиновая отрасли сохранили свои производственные мощности и приступили к частичному восстановлению производства всех видов продукции, выпускавшихся до войны.

Большую трудность для восстановления довоенного производства представляло отсутствие квалифицированных кадров. В июле 1943 г. на заводе «Красный выборжец» был восстановлен литейный цех, но ни одного старого, квалифицированного литейщика к тому времени не осталось. На Кировском заводе к моменту пуска прокатных станов в цехе не оказалось ни одного трудоспособного прокатчика.

Значительные сложности были связаны с отсутствием сырья и материалов. Так, металлургическим цехам предприятий недоставало коксующихся углей и формовочных песков. Приходилось искать замену некоторым наиболее дефицитным сортам металла.

Развертыванием промышленности, в первую очередь выпускающей полуфабрикатные изделия и исходные сырьевые материалы, была создана основа для восстановления в 1944 г. таких отраслей, как машиностроение, точное приборостроение, текстильная, обувная, бумажная, мыловаренная промышленность и производство строительных материалов.

Таким образом, в 1943 г. ленинградская промышленность, наряду с выпуском собственной оборонной продукции для фронта, продолжала вывозить оборудование и материалы в тыловые районы страны и в то же время готовилась к восстановлению производств, необходимых Ленинградскому экономическому узлу. Решение этих задач происходило в весьма сложной обстановке в связи с близостью фронта, при почти

ежедневных артиллерийских обстрелах, при отвлечении промышленных рабочих на сезонные кампании.

В этих условиях борьба за выполнение производственных планов приобретала огромное значение для организации работы промышленных предприятий блокадного Ленинграда. Они работали главным образом на нужды Ленинградского фронта, изготовили для фронта свыше 150 наименований основных видов вооружения, боеприпасов, инженерного имущества и средств связи.

Война предъявила новые требования как к количеству, так и к качеству выпускаемой промышленными предприятиями продукции. Всё это обусловило перестройку их деятельности на выпуск товаров, в первую очередь необходимых для достижения Победы.

За десять месяцев 1943 г. промышленность Ленинграда выпустила 1900 тыс. различных боеприпасов против 1687 тыс. в 1942 г., то есть на 12,6 % больше, чем за весь 1942 г. [5: 112; 6: 2–9]. За это же время в Ленинграде было освоено производство дивизионных беспламенных порохов, впервые изготовленных в нашей стране, организован выпуск всех видов минометных выстрелов (порох, взрыватель, гильза, детонаторы, корпус) [5: 111].

Ленинградская промышленность оказала большую помощь Ленинградскому фронту в снабжении войск автоматическим оружием. Ленинградские заводы восстановили производство морской артиллерии. За десять месяцев 1943 г. было изготовлено 23 артиллерийские системы Г-13, которые направлялись не только на Балтийский флот, но и на Черноморский и Северо-Морской флоты [5: 112].

За десять месяцев 1943 г. Ленинград дал фронту 2300 станковых пулеметов, 4450 ручных пулеметов, 120 тыс. автоматов конструкции Судаева. Это оружие было изготовлено ленинградскими рабочими из материалов, произведенных в блокадном городе [5: 112].

Постоянно действующая комиссия по рассмотрению и реализации оборонных предложений и изобретений при горкоме ВКП(б) за военный период рассмотрела около 1840 оборонных предложений [5: 113]. Многие из них были реализованы, в том числе новые технологические процессы и заменители дефицитных материалов. Например, защитные панцири для бойцов получили распространение при проведении боевых операций, их уже было изготовлено 11 тыс. штук [5: 113].

На машиностроительных заводах работало около 29 тыс. человек, или 83,8 % от плана. Женщин в составе рабочих было 21 820 человек – 74 % от общего числа всех рабочих [5: 113].

Наибольший процент женщин в составе рабочих имелся на заводах Наркомсредмаша – 94 %, на заводах химической и резиновой

промышленности – 88 %, и наименьший процент отмечался на заводах цветной металлургии – 56 % и заводах танкопрома – 57 % [5: 113].

За 1943 г. промышленными предприятиями Ленинграда была увеличена производительность труда на одного рабочего. Отдельные заводы превысили уровень производительности 1940 г. Например, выработка на одного рабочего по заводам наркомата боеприпасов составляла 1415 руб., а за 1943 г. она возросла до 1990 руб., по заводам химической промышленности в 1940 г. – 2261 руб., в 1943 г. – 2850 руб. [5: 113].

Но в целом среднемесячная выработка на одного рабочего составила 1900 руб. в месяц, в то время как в 1940 г. она равнялась 2121 руб. [5: 114]. Это значит, что производительность труда в Ленинграде составляла 90 % от довоенного уровня. В документах промышленных предприятий отмечалось, что ежемесячной рост промышленности есть, но темпы роста недостаточны, в особенности на заводах Наркомата станкостроения (108 % от плана), на заводах Наркомата минометного вооружения (104 % от плана), а на заводах резиновой промышленности план по производительности труда не выполняется (за девять месяцев 1943 г. – 84,6 % плана) [5: 114].

На заводах из 29 тыс. рабочих было 14 096 стахановцев, что составило 49 % от общего числа рабочих. На этих же заводах трудилось 286 многостаночников, или около 1 % от общего количества рабочих [5: 114–115].

На ленинградских заводах было развернуто социалистическое соревнование. Многие коллективы добились больших успехов во Всесоюзном социалистическом соревновании. По итогам 1943 г., коллективы 11 ленинградских предприятий заняли первые места среди предприятий соответствующих отраслей производства и были удостоены переходящих Красных знамен Государственного комитета обороны [3: 131].

Включение ленинградских заводов во Всесоюзное социалистическое соревнование способствовало улучшению всех участков производства, помогло упорядочить учет, усилить борьбу за качественные показатели и культуру производства. Ряд ленинградских заводов по несколько месяцев подряд держали Красные знамена Всесоюзного центрального совета профессиональных союзов и наркоматов за лучшие результаты во Всесоюзном соцсоревновании. В их числе – Охтинский химический комбинат, завод резиновых и технических изделий, заводы им. Ленина, им. Кирова и др. Многие ленинградские заводы завоевали вторые и третьи места.

Вместе с тем на ряде заводов организация производства находилась на недостаточном уровне. Организационно-технические неполадки и промахи приводили к невыполнению производственных планов, несмотря на хорошую работу отдельных цехов и участков.

Источники и литература

1. *Бочинин Д.А.* Производство алюминиевых сплавов на заводах Ленинграда и Ленинградской области для авиапромышленности в 1928–1941 гг. // Клио. 2011. № 3 (54). С. 83–85.

2. *Данилов П.П.* Промышленность Ленинграда в годы блокады (сентябрь 1941 г. – декабрь 1943 г.) // Отечественная история. 2003. № 3. С. 40–48.

3. *Дзенискевич А.Р.* Накануне и в дни испытаний. Ленинградские рабочие в 1938–1945 гг. Л., 1990.

4. *Зотова А.В.* Военная промышленность Ленинграда в период Великой Отечественной войны // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. 2014. Т. 16. № 3. С. 103–110.

5. Центральный государственный архив историко-политических документов Санкт-Петербурга (далее – ЦГАИПД СПб). Ф. 25. Оп. 13а. Д. 57.

6. ЦГАИПД СПб. Ф. 25. Оп. 13а. Д. 102.

7. Центральный государственный архив Санкт-Петербурга (далее – ЦГА СПб). Ф. 1721. Оп. 25. Д. 88.

8. ЦГА СПб. Ф. 2130. Оп. 38. Д. 53.

Д.Р. Логинов

ЛЕНД-ЛИЗ И СОВЕТСКАЯ АВИАЦИОННАЯ ПРОМЫШЛЕННОСТЬ В 1941–1945 гг.

Вопрос о ленд-лизе является одним из дискуссионных в историографии Великой Отечественной войны. Некоторые исследователи заявляют о ничтожности таких поставок. Другие говорят о немалой роли помощи стран-союзников в предоставлении СССР оборудования, материалов и техники. Стоит отметить, что поставки авиационной техники (авиационный ленд-лиз) являлись одним из ключевых пунктов договора от 1 октября 1941 г. Советский Союз остро нуждался не только в самолетах, но и в двигателях, материалах, оборудовании и даже ремонтных комплектах [1: 24].

1 октября 1941 г. в Москве был подписан акт о помощи (ленд-лизе). Фактически договор представлял из себя процесс аренды со стороны Советского Союза техники и оборудования на период войны, после окончания которой он обязан был возвратить технику и оборудование или же выплатить за них денежную компенсацию. Объемы поставок авиационной промышленности утверждались на один календарный год. План поставок составлялся Генеральным штабом Красной армии, а также Народным комиссариатом авиационной промышленности. Таким

образом, по московскому договору, страны союзников должны были поставить СССР 3600 самолетов. При этом по первому договору советское правительство не требовало поставки определенных моделей, так как дефицит авиационного вооружения был во всех сферах. Согласно первому протоколу, США и Великобритания должны были осуществлять поставки в объеме 400 единиц техники ежемесячно. Особым пунктом также прописывались поставки алюминия объемом в 2 тыс. т ежемесячно. Великобритания, которая имела явный профицит в производстве истребителей, осуществляла поставку 200 машин. США брали на себя обязательства по доставке 100 истребителей и 100 бомбардировщиков [3].

Стоит также отметить, что сами поставки начались несколько раньше заключения московского протокола, что подтверждается в переписке И.В. Сталина с У. Черчиллем и Ф. Рузвельтом. Первые самолеты в количестве 64 штук прибыли в порт Архангельска и Мурманска еще в августе 1941 г. [2]. Изначально массовые поставки включали в себя самолеты «Харрикейн». Основная британская модель истребителя 1934 г., естественно, не могла на равных противостоять ни одной модели люфтваффе, но была более эффективной в сравнении с отечественной «Чайкой» (И-15). Несмотря на безопасность северного маршрута на начальном этапе войны, страны союзников значительно задержали доставку столь необходимого вооружения. За первые три месяца с официального начала ленд-лиза Великобритания поставила менее 660 единиц истребителей из 800 запланированных. При этом поставленные «Харрикейны» были явно устаревшими и оказались непригодными для применения, их необходимо было дорабатывать и совершенствовать. По большей части «Харрикейны» применялись при обороне Москвы и Архангельска, с точки зрения наркома авиационной промышленности А.И. Шахурина, данные боевые единицы были неэффективны в небе над Москвой, но были крайне необходимы вследствие острого дефицита отечественной авиационной техники [4].

Важно уточнить, что несмотря на отклонение от графика поставок даже это количество техники и металлов позволило минимизировать упадок советской авиационной промышленности в первый год войны. Массовое сокращение производственных мощностей было вызвано потерей части производств в результате их уничтожения, эвакуации. Поставки алюминия стали одним из ключевых факторов восстановления авиационной промышленности, так как запасы этого металла в основном находились на территории Донбасса и были утрачены уже в 1941 г. Поэтому в октябре СССР получил в авиационные подразделения менее 1,5 тыс. боевых машин, в ноябре производство сократилось почти втрое –

до 629 самолетов. В первую декаду декабря авиапромышленность выпустила менее 150 машин [1: 492–495].

Таким образом, общее количество поставленных самолетов со стороны США и Великобритании в сравнительном соотношении с результатами работы отечественной авиационной промышленности с октября по декабрь составило около 45 % от общего числа всей техники, которой располагал СССР. Результаты поставок по первому протоколу с 1 октября 1941 г. по 1 июля 1942 г. были следующими. Из 4 тыс. обещанных самолетов было доставлено около 3,3 тыс. [1: 36]. При этом СССР самостоятельно был вправе определять области применения новой техники. Например, в сентябре 1941 г. английские «Харрикейны» принимали активное участие в боях под Мурманском. Уже в декабре 1941 г. при обороне Москвы себя продемонстрировали американские машины «Томагавки», которые имели у советских летчиков гораздо большую популярность, чем английский «Харрикейн».

Второй этап поставок связан с подписанием Вашингтонского протокола в начале 1942 г., когда было принято решение увеличить общие объемы поставок в четыре раза. Также официально ленд-лиз был переведен на бескредитную основу (однако после окончания войны страны союзников всё же затребовали с СССР денежную компенсацию). Также изменились и маршруты поставки – северный путь был основным до июля 1942 г., но после трагедии конвоя PQ-17 приоритетным для союзников стал маршрут через Персидский коридор.

По результатам Вашингтонского протокола с 1 июля 1942 г. по 30 июня 1943 г. Советский Союз суммарно получил около 4,8 тыс. самолетов. Новый договор поставки отличался не только увеличением количества единиц техники, оборудования и материалов, но и инновационностью предоставленных летных моделей. Упор был сделан на истребительную авиацию и бомбардировщики. Таким образом, состав советских Военно-воздушных сил (далее – ВВС) пополнили 1665 истребителей P-39 «Аэрокобра», а также около 1150 легких бомбардировщиков A-20 «Бостон» [1: 513–516]. Многие отечественные исследователи рассматривают такое резкое увеличение качества поставок как ответ на просьбу об открытии второго фронта. С точки зрения отечественного исследователя В.А. Золотарева, именно США ратовали за увеличение помощи для СССР. Основная задумка заключалась в том, чтобы навязать Советскому государству необходимость открытия рынка после завершения войны, что стало бы очередным «экономическим чудом» для США [6: 24]

В дальнейшем, в период действия третьего и четвертого протоколов, СССР получил более 10,5 тыс. самолетов. Однако необходимо отметить, что подавляющее число полученных единиц техники уже с 1943 г.

использовалось преимущественно в авиации противовоздушной обороны или в тыловых частях [2: 21]. К тому же первые самолеты ленд-лиза уже не могли конкурировать с модернизированными истребителями Як и Ла, которые оказались лучше и эффективнее, чем «Харрикейн» или «Аэрокобра». Наибольшей критике подвергся самолет ВВС Великобритании «Харрикейн», который наши летчики называли «летающим гробом», так как он имел слабую маневренность и незащищенность днища. В Великобритании также данный истребитель считался устаревшим и с 1939 г. был выведен из вооружения [7]. Именно данные единицы техники и составили основу сил ПВО.

Американские истребители Р-40 (речь идет о моделях «Киттихоук» и «Томагавк») были ведущими самолетами ВВС США, именно поэтому советская сторона на начальном этапе войны в основном запрашивала именно их. По своим летно-техническим характеристикам они были гораздо совершеннее британских «Харрикейнов». В первые два года войны союзники активно поставляли и полюбившиеся советским летчикам истребители Р-39 «Аэрокобра», Р-63 «Кингкобра». Не случайно советский ас А.И. Покрышкин выделял качества «Аэрокобры», отмечая ее высокую маневренность и скорость [9: 67]. К тому же «Аэрокобра» значительно модифицировалась и подготавливалась советскими конструкторами, фронтовыми ремонтными мастерскими для боевых действий на Восточном фронте.

Особое место в современной историографии ленд-лиза занимает вопрос о поставках авиационных моторов. Страны-союзники официально отказывались поставлять моторы. В свою очередь они предлагали заключение договора о покупке прав на производство двигателей или же создание производственных баз на территории СССР. Естественно, советская сторона не пошла на данный шаг, пришлось использовать или пытаться модернизировать моторы, поставляемые вместе с единицами техники. США возражали против получения технологии производства более мощных авиационных моторов Советским Союзом. Именно поэтому резервных (ремонтных) моторов за все пять протоколов поставок в СССР прибыло 7104 единицы. Данное количество ничтожно мало, ведь лишь за 1944 г. отечественный авиапром произвел более 42 тыс. моторов [1: 637].

Однако ленд-лизовские самолеты были не столь универсальны, у них был ряд существенных недостатков. Например, двигатель бомбардировщика «Бостон» был не пригоден для применения в холодных условиях, советские летчики укрывали моторный отсек, чтобы добиться положительных рабочих температур. При этом такие моторы не имели самозатягивающихся топливных баков, то есть имелась высокая вероятность

утечки топлива. Не были лишены недостатков Р-39 и Р-63. Их хвостовая часть изначально была сконструирована с дефектом, в результате на большой скорости самолет входил в положение «сваливания». Советские конструкторы усилили каркас истребителей. Нередко изменялось и вооружение западной техники: устанавливались привычные отечественные пушки. Причина заключалась в доступности боеприпасов, а также легкости ремонта и обслуживания [5].

В большинстве случаев производственные дефекты на ленд-лизовских самолетах встречались куда реже в сравнении с отечественными. Исходя из отчетов государственной комиссии научно-исследовательского института Военно-воздушных сил, в среднем на иностранных моделях обнаруживалось около 25 дефектов, основная масса которых устранялась в результате ремонтных работ или докомплектации самолета. Тем не менее в ходе государственных испытаний на «Аэрокобре» трагически погибли летчики-испытатели А.А. Автономов, А.К. Груздев и К.И. Овчинников. Данные статистики также говорят о том, что более 17 % самолетов «Аэрокобра» поступали в части в негодном состоянии, им необходим был ремонт. Для сравнения с количеством выявляемых дефектов советской техники уместно также рассмотреть новую модель для ВВС СССР, например, Як-9. В результате испытаний в 1944 г. выявлено 56 производственных дефектов, со временем удалось устранить 46 из них. Более старая модель имела всего 20 дефектов, из которых после работы над самолетом осталось лишь три [1: 623–624]. А значит, изначально модели истребителей Р-39, Р-63, А-20 имели меньше конструктивных недостатков, чем отечественные машины. Однако модернизация ленд-лизовской техники было затруднена, тогда как советские самолеты удавалось систематически совершенствовать.

Суммируя всё сказанное, можно заявить о том, что авиационный ленд-лиз в первые годы войны, действительно, имел большое значение. Однако после перестройки советской авиационной промышленности уже к концу 1942 г. иностранная авиатехника оказалась не столь востребованной, как на начальном этапе войны. С этого времени более важными стали поставки оборудования, продовольствия и отдельных видов сырья, например, алюминия. Всего за 1941–1945 гг. страны-союзники поставили в СССР 11 854 единицы боевых и учебных самолетов. В основной своей массе это были истребители – 9091. Бомбардировщики и штурмовики составили 2763 единицы. За всё время Великой Отечественной войны иностранные самолеты составляли лишь около 15 % от общей численности поступивших на вооружение советской авиации самолетов [8: 116]. Несмотря на то, что с 1943 г. большая часть из поступающей техники передавалась в распоряжение сил ПВО, они также активно эксплуатировались

и принимали участие в воздушных боях. Это подтверждается данными статистики: из 11 854 единиц ленд-лизовских самолетов к концу Великой Отечественной войны пригодными к дальнейшей эксплуатации осталось лишь 6262, то есть менее 40 % [1: 648].

Источники и литература

1. 1941 год: в 2 кн. Кн. 2 / сост. Л.Е. Решин и др.; под ред. В.П. Наумова; вступ. ст. акад. А.Н. Яковлева. М., 1998.

2. Государственный архив Российской Федерации. Ф. Р-5446. Оп. 88. Д. 412.

3. Российский государственный архив социально-политической истории. Ф. 558. Оп. 1. Д. 306.

4. Центральный архив Министерства обороны Российской Федерации. Ф. 500. Оп. 12453. Д. 89.

5. *Балакин Н.В.* В московском небе // Тревога. 1943. № 129. С. 18–26.

6. *Золотарев В.А.* Второй фронт против Третьего Рейха. М., 2005.

7. *Молчанов В.В., Пирогланов Ш.Ш.* Самолеты ленд-лиза в воздушных боях за небо Кубани (к 80-летию окончания битвы за Кавказ) // Битва за Кавказ 1942–1943 годов: к 80-летию коренного перелома в Великой Отечественной войне: сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции. Краснодар, 2023. С. 79–87.

8. *Мухин М.Ю.* Советская авиапромышленность в годы Великой Отечественной войны. М., 2011.

9. *Покрышкин А.И.* Познать себя в бою: «Сталинские соколы» против асов люфтваффе. 1941–1945. М., 2006.

О.А. Гоманенко

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ПРОФСОЮЗНОЙ ОРГАНИЗАЦИИ РЕЧНОГО ФЛОТА В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ (на примере Верхней Волги)

Профсоюзные организации на водном транспорте действовали в пароходствах в форме бассейновых комитетов профсоюза рабочих речного транспорта (далее – баскомреч). Верхневолжское речное пароходство (далее – ВВРП) являлось крупнейшим из трех волжских пароходств, входящих в систему Народного комиссариата речного флота (далее – НКРФ). Верхневолжский баскомреч был обширным. С открытием навигации 1940 г. насчитывалось 465 низовых профорганизаций в бассейне Верхней Волги (60 береговых, 105 – на судах самоходного флота, 300 – на судах несамоходного флота). На 1 мая 1940 г. выборный и добровольческий

актив в Верхневолжском бассейне составлял более 6 тыс. человек. К ним относились члены пленумов, местных комитетов (заводских, пристанных, местных, судовых комитетов), члены различных комиссий при фабрично-заводских месткомах, профорги, культактив. Накануне войны в Верхневолжском бассейне насчитывалось 22 клуба, две культбазы, 150 красных уголков по берегу и 224 по плавсоставу, 24 библиотеки, 39 звуковых киноустановок, более 4000 радиоточек и т.д. [2: 28 об., 29, 31].

В период Великой Отечественной войны деятельность профсоюзных организаций имела свои особенности. Помимо привычной организационно-массовой работы, добавились новые формы. Так, на 22 апреля 1942 г. речники Верхней Волги дали взаймы государству 57,3 млн руб. Охвачено подпиской было 93,5 % работавших в ВВРП (97,6 % к месячному фонду зарплаты) [4: 4 об.]. В 1943 г. речники Верхней Волги собрали свыше 1400 тыс. руб. на постройку авиаэскадрилий им. В.П. Чкалова, за что получили благодарность от И.В. Сталина. За два дня работники ВВРП осуществили подписку на второй военный государственный заем в размере около 7,8 млн руб. (124 % к фонду зарплаты). Как и до войны, речники участвовали в соцсоревнованиях, но в военный период данная форма приобрела более массовый характер. Например, с июня по сентябрь 1943 г. ВВРП держало знамя Всесоюзного центрального совета профессиональных союзов (далее – ВЦСПС) и НКРФ. По итогам сентября и октября 1943 г. Верхневолжское пароходство завоевало Всесоюзное первенство и получило знамя Государственного комитета обороны [3: 1].

Предприятия речного флота всегда испытывали недостаток в кадрах по причине сезонности работы. Среднегодовая численность работников ВВРП в предвоенный период и в годы войны была около 30,0 тыс. человек (в течение года она постоянно менялась) [1: 66]. Профсоюзная организация старалась охватить весь контингент предприятия. Так, за 1942 г. профорганизация Верхневолжского бассейна приняла в члены союза 8 тыс. человек. На 1 июля 1944 г. из 35,7 тыс. работавших в ВВРП членами профсоюзных организаций были 87 % речников. Если накануне войны соревнующихся было около 66 % от общей численности работников пароходства, то в 1941 г. – уже 78 %, в 1942 г. – 84 %, в 1943 г. – 91 %. В 1944 г. контингент ВВРП вырос, но в соцсоревновании приняли участие 85,5 % [3: 2 об., 5, 70, 76] (см. табл. 1).

В 1940 г. четверть речников ВВРП принимали участие в стахановском движении, с началом войны – уже треть [1: 66]. В 1942–1943 гг. в Верхневолжском пароходстве насчитывалось около 40 % стахановцев. Менее трети приходилось на индивидуальных соревнующихся, хотя в 1938 г. на их долю приходился максимальный показатель в 35,4 %.

Таблица 1

Количество работников ВВРП, участвовавших в соцсоревнованиях в 1938–1944 гг.

Год	Общее кол-во работников, чел.	Из них соревнующихся, чел.	% от общего количества работников	Стахановцы, чел.	% от общего количества работников	Ударники, чел.	% от общего количества работников	Инд. соревнующихся, чел.	% от общего количества работников
1938	30 403	23 221	76,4	5117	16,8	3380	11,1	10 765	35,4
1939	28 347	19 000	67,0	6261	22,1	3000	10,6	7000	24,7
1940	24 956	16 341	65,5	6250	25,0	2000	8,0	5000	20,0
1941	23 886	18 675	78,2	7325	30,7	3184	13,3	6715	28,1
1942	25 263	21 342	84,5	10 507	41,6	4125	16,3	7815	30,9
1943	28 752	26 317	91,5	11 425	39,7	5892	20,5	8715	30,3
1944	35 716	30 538	85,5	9715	27,2	5715	16,0	–	–

Самой малочисленной формой соревнующихся были ударники. Накануне войны их насчитывалось 2 тыс. человек, что составляло 8 % от всех работников пароходства. В 1941 г. их доля увеличилась до 13 %, в 1942 г. – до 16 % [3: 5]. В 1943 г. они составили уже пятую часть от общего количества речников Верхней Волги, тогда как в 1938–1939 гг. – десятую часть [1: 66]. В 1944 г. при увеличении контингента пароходства произошло снижение всех форм соцсоревнований.

Профорганизации были ответственны и за освещение деятельности передовых работников (доски почета, газеты-молнии, производственные совещания). Так, в 1940 г. на доске почета находилось только 352 человека [3: 5]. В годы Великой Отечественной войны большую роль в выполнении плана судоремонта играли бригады общественного смотра качества ремонта. Всего по Верхневолжскому бассейну в них участвовало 187 активистов. На всех предприятиях устанавливались витрины с лучшими людьми, лозунги с призывами перевыполнения плана [3: 7]. Например, в числе ведущих коллективов из портов и пристаней ВВРП в навигацию 1943 г. были Горьковский порт, Рыбинск, Ярославль, Кинешма, Юрьевец и др. В это время усилилась работа по наглядной агитации – выпуск стенгазет и боевых листков (2475 единиц по Верхневолжскому бассейну) [3: 11–12, 21].

Соцсоревнования проводились как между своими подразделениями ВВРП, так и с другими пароходствами. Так, в 1944 г. соревнование между собой организовали пристани Камское устье и Козмодемьянск, Казань и Чистополь, ВВРП и Камское речное пароходство. Из 116 судов транзитного самоходного флота Верхней Волги соревнованием было охвачено

почти 90 %, из 120 единиц несамоходного флота – 85 %. На 1 августа 1944 г. в соцсоревновании участвовало 85,5 % от всего контингента пароходства (27,2 % стахановцев, 16 % ударников). Например, премия лучшему кочегару составляла 1 тыс. руб. [3: 70–70 об.].

Накануне войны в ВВРП действовало 24 библиотеки с книжным фондом в 142,0 тыс. единиц. Хорошо работали библиотеки завода им. В.М. Молотова, клуба им. М.И. Калинина и др. Эти библиотеки систематически вели работу с читателями, устраивали выставки литературы [2: 32]. В 1943 г. в бассейне Верхней Волги работало 11 библиотек, обслуживавших около 5 тыс. читателей. Библиотечный актив организовал в общежитиях предприятий ВВРП работу пяти передвижных библиотек. Книгами старались обеспечить и суда. Вместе с коллективом одной из верфей зимой было поставлено шесть концертов. В цехах для громкого чтения ежедневно выдавалось 10–15 газет. За 1943 г. состоялось около 6 тыс. читок газет с охватом почти 144 тыс. слушателей. Библиотеки также участвовали в соцсоревнованиях [3: 8, 23].

Силами профсоюза и библиотек на всех предприятиях Верхневолжского пароходства было организовано изучение указа о введении военного положения на морском и речном транспорте от 9 мая 1943 г., постановления СНК от 7 мая 1943 г. об оплате труда работников НКРФ, приказа НКРФ от 10 мая 1943 г. об изменении в системе снабжения плавсостава и дисциплинарного устава рабочих и служащих речного флота от 19 мая 1943 г. Работникам ВВРП раздавались брошюры (6 тыс. экземпляров дисциплинарного устава) [3: 9, 23].

Верхневолжский баскомреч участвовал в организации местной печати. К работе в местных изданиях привлекались корреспонденты из речников разных специальностей. Например, за 1943 г. в ведомственной газете ВВРП «Большевистская вахта» было опубликовано свыше 1500 писем рабкоров, около 200 клише передовиков соревнований, 80 очерков о лучших людях. Темы статей касались соцсоревнований, экономии топлива, фронтовых бригад и др. В 1943 г. было напечатано более 200 таких статей. На предприятиях Горького за этот год удалось выпустить почти 140 стенгазет и свыше 1400 боевых листков [3: 26].

Профсоюз осуществлял общественный контроль над работой столовых, магазинов, подсобных хозяйств. По решению президиума ВЦСПС от 9 декабря 1942 г. на всех крупных предприятиях бассейна избирались комиссии рабочего снабжения. На 1 ноября 1944 г. действовало 54 комиссии в составе 331 человека лучших стахановцев и 827 представителей рабочего контроля. Одна комиссия состояла из 12 человек общественников и 32 контролеров. Они проводили производственные совещания с работниками торговли и питания [3: 83].

В 1943 г. в Верхневолжском бассейне работало 14 кружков художественной самодеятельности, где участвовало 165 человек. Ими было организовано 157 выступлений и обслужено 17,5 тыс. человек. С января по сентябрь 1944 г. в полтора раза увеличилось количество фронтовых бригад (с 134 до 207), в которых участвовало 745 человек [3: 21, 70]. Для госпиталей, находившихся под шефством ВВРП, в 1943 г. выделялось четыре агитатора и девять книгонош. Они организовывали подарки к 25-й годовщине Октябрьской революции, оформляли палаты, три раза в неделю приходили к пациентам для чтения книг, газет и для бесед. Концертная бригада Верхневолжского баскомреча за все годы Великой Отечественной войны дала 377 концертов госпиталям Горького [3: 26].

Таким образом, Верхневолжский бассейновый комитет профсоюза рабочих речного транспорта в годы Великой Отечественной войны вел активную культурно-массовую и организационную деятельность. В бассейне Верхней Волги работало в среднем около 30 тыс. человек, почти 90 % из них было охвачено профчленством. В военные годы особое внимание отводилось таким формам профсоюзной работы, как социалистические соревнования. Помимо существовавших ранее, добавились и новые формы, вызванные военным временем (денежные сборы для фронта, госзаймы), в которых Верхневолжский баскомреч принимал активное участие.

Источники и литература

1. Государственный общественно-политический архив Нижегородской области (далее – ГОПАНО). Ф. Р-879 Г. Оп. 3. Д. 323.
2. ГОПАНО. Ф. Р-879 Г. Оп. 3. Д. 373.
3. ГОПАНО. Ф. Р-879 Г. Оп. 3. Д. 444.
4. ГОПАНО. Ф. Р-1864. Оп. 1. Д. 134.

Л.В. Печалова, А.К. Печалов

КООПЕРАТИВНЫЕ ПРЕДПРИЯТИЯ ИНВАЛИДОВ В ВОССТАНОВЛЕНИИ ЭКОНОМИКИ СТАВРОПОЛЬСКОГО КРАЯ И РЕШЕНИИ ПРОБЛЕМ ОБЕСПЕЧЕНИЯ НАСЕЛЕНИЯ

В 2025 г. исполнилось 80 лет со дня Победы советского народа над немецко-фашистскими захватчиками. Эта Победа ковалась на фронте и в тылу. Свой вклад в Победу внесли и кооперативные объединения инвалидов Ставропольского края. Изучение истории кооперативных объединений инвалидов в годы Великой Отечественной войны носит актуальный характер. Научный интерес представляет исследование вклада кооперации инвалидов южных регионов страны в победу над фашизмом,

восстановление экономики, решение проблем обеспечения населения товарами первой необходимости. Кооперативные предприятия в сложное для государства время доказали свою жизнеспособность и умение мобильно перестраивать хозяйственную деятельность.

После освобождения Красной армией Ставропольского края от немецко-фашистских оккупантов в январе 1943 г. Краевой союз кооперации инвалидов (Крайкоопинсоюз) возобновил свою деятельность, включившись в процесс восстановления народного хозяйства СССР. Правительство Советского Союза было заинтересовано в том, чтобы в кратчайшие сроки восстановить производственные мощности не только государственных, но и кооперативных предприятий края.

С января 1943 г. начался сложный период восстановления кооперативного хозяйства Ставропольского края, который потребовал от работников кооперативов много сил и энергии. Одной из главных задач на начальном этапе восстановления хозяйственной деятельности системы кооперации инвалидов стало определение состояния материально-технической базы, подсчета ущерба, нанесенного немецко-фашистскими захватчиками.

В феврале 1943 г. Крайкоопинсоюз дал распоряжение произвести инвентаризацию артелей кооперации инвалидов. Для оказания помощи в проведении этой работы был разработан график, по которому выездная комиссия из трех человек консультировала руководителей артелей непосредственно на месте. На комиссию и руководство артелей была возложена достаточно сложная задача по выявлению состояния производственной деятельности предприятий кооперации и перспектив дальнейшего их развития. Когда работа была завершена, то, по первоначальным данным, ущерб, нанесенный кооперации инвалидов Ставрополья, был оценен в 25 млн руб. [2: 36]. Больше всего пострадали наиболее крупные артели: «Инкооп» и «Первое мая» в г. Пятигорске, «Универсал» в г. Минеральные Воды и др. Были расхищены сырьевые запасы, материалы и оборудование.

На основании полученных результатов правлением Крайкоопинсоюза было принято решение об интенсивном восстановлении предприятий системы, организации ремонта инвентаря и оборудования. В число первых предприятий кооперации, которые восстановили свою производственную деятельность после освобождения Ставрополя от агрессоров, можно включить артель «Партизан». Это кооперативное предприятие до оккупации давало продукции на 60–70 тыс. руб. в месяц. Несмотря на то, что эта артель сильно пострадала и ее хозяйственная деятельность была нарушена, работники в первые же месяцы после изгнания с территории края фашистов и их подсобников приложили неимоверные усилия

и организовали выпуск необходимой населению продукции. Жители края нуждались в хлебных, макаронных, кондитерских изделиях, безалкогольных напитках и т.д.

Многие кооперативные предприятия Ставрополя были разрушены почти до основания. Например, цеха артели «Инкооп» фашисты взорвали во время своего спешного бегства с территории края. Однако работники этой артели, интенсивно включившись в процесс восстановления своего предприятия, не только реанимировали налаженное до оккупации производство, но и освоили выпуск новой для себя продукции, такой как мыло и парфюмерия. А еще через несколько месяцев на территории артели был открыт сиропно-паточный цех и налажено производство гончарной посуды в одном из производственных цехов.

Достаточно быстрыми темпами шло восстановление торгово-производственных артелей. Например, артель «Розторг» до оккупации имела достаточно большой товарооборот. После бегства фашистов с территории края артель провела большую работу по обновлению торговой сети. Было не только восстановлено два комиссионных магазина и восемь хлебных торговых точек, но и в кратчайшие сроки налажена работа хлебопекарни [2: 37]. Уже за первый неполный квартал 1943 г. кооперация инвалидов края выпустила необходимой населению продукции на десятки тысяч рублей. Во втором квартале того же года выпуск продукции значительно увеличился. Восстановительным процессом были охвачены промышленные, торговые предприятия и предприятия общественного питания.

Несмотря на тяжелые условия, кооператорам удалось достигнуть положительных результатов. Уже в первом полугодии 1943 г. товарооборот торговых предприятий составил – 5355,1 тыс. руб., а по общественному питанию – 1593,6 тыс. руб., нетоварно-трудовым промыслам – 1984,2 тыс. руб. [1: 30].

С целью мобилизации основных сил артелей на выполнение директивы Крайкома ВКП(б) по дальнейшему развертыванию хозяйственной деятельности артелей и достижение выпуска продукции, соответствующего уровню 1941–1942 гг., 24 июня 1943 г. было проведено хозяйственное совещание председателей артелей. На совещании было отмечено, что артели должны развивать производственную деятельность, основанную на местных видах сырья.

В 1943 г. в основном решалась задача по восстановлению разрушенных войной промышленных и кооперативных предприятия края. К концу 1943 г. было восстановлено 52 артели из 58 существовавших до войны. Анализ архивных материалов показал, что 30 предприятий осуществляли свою деятельность в городах и 22 – в сельской местности. При этом число работающих в них составило 4390 человек. Из них членов артелей –

3045 человек, в том числе инвалидов Великой Отечественной войны – 258 человек, членов семей военнослужащих – 991 человек, вольнонаемных – 354 человека [3: 11].

Работники артелей в течение 1943 г. проделали огромную работу по восстановлению различного вида производства и насыщению рынка товарами, необходимыми фронту и тылу. В артелях кооперации инвалидов были восстановлены такие виды производства, как изготовление гончарной посуды, мыла, обуви, художественных изделий, чулок и носков, бельевого и верхнего трикотажа и т.д. Всего восстановили 27 видов производства товаров широкого потребления, что способствовало улучшению обеспечения населения продукцией первой необходимости.

Результатом самоотверженного труда работников предприятий кооперации инвалидов стало восстановление к концу 1943 г. таких важных отраслей хозяйства, как минералообрабатывающая, металлообрабатывающая, химическая, кожмеховая, валяльно-войлочная, текстильная, трикотажная, швейная, галантерейная, научно-художественная, пищевкусовая, лесозаготовительная и т.д. Предприятиями этих отраслей было изготовлено продукции на 12 396,2 тыс. руб., что составило 115 % годового плана. В ассортименте товаров широкого потребления, изготавливаемых кооператорами для населения, были хлебобулочные изделия, макароны, безалкогольные напитки, плодово-ягодное вино и т.д.

Подводя итоги деятельности предприятий кооперации инвалидов в первый год после освобождения Ставрополья от оккупации, можно сделать вывод, что в 1943 г. кооператорам удалось не только восстановить значительную часть предприятий своей системы, но и достичь значительных успехов в обеспечении населения товарами первой необходимости, а также способствовать восстановлению экономики региона.

27 января 1944 г. Совет народных комиссаров СССР принял постановление «О дальнейших мероприятиях по восстановлению хозяйства в Ставропольском крае», направленное на дальнейшее возрождение народного хозяйства. Крайисполком и крайком ВКП(б) приняли решение о том, что в целях выполнения данного постановления необходима активизация привлечения кооперации к его реализации [7: 106].

В 1944 г. кооперативные предприятия инвалидов края продолжали работу по наращиванию темпов производства товаров первой необходимости, расширению сферы бытового обслуживания населения. Артелями кооперации инвалидов Ставропольского края за первое полугодие 1944 г. было выпущено продукции на миллионы рублей, в том числе товаров широкого потребления – на 9600 тыс. руб. Несмотря на имеющиеся сложности, повысился товарооборот, составивший в этот период 8440 тыс. руб. [4: 52].

Анализ архивных материалов показал, что кооперативным предприятиям инвалидов удалось достичь повышения основных показателей своей работы. При этом, если объем выпускаемой продукции в первом полугодии 1944 г. сравнить с 1941 г., то он составил 93 % от довоенного. Причем не стоит забывать и о том факте, что себестоимость продукции снизилась на 8 %. План накоплений составил 2925,7 тыс. руб. [5: 24].

В своей деятельности кооператоры сталкивались с рядом проблем. Перебои с поставкой сырья и материалов, подачей электроэнергии, топлива, транспорта негативно сказывались на расширении производства, повышении качества продукции. Сложности были и в транспортировке готовой продукции по железной дороге.

Со второго квартала 1944 г. у системы кооперации также усугубились и финансовые затруднения. Ее дебиторская задолженность на этот период составила около 900 тыс. руб. по 40 артелям. Задолжниками были такие артели, как: «Инкооп» – 263 тыс. руб., «Труд слепых» – 93 тыс. руб. и т.д. [5: 35].

Несмотря на ряд проблем, Крайкоопинсоюз Ставропольского края постоянно заботился о расширении сети предприятий кооперации инвалидов. Всего на 1 января 1944 г. работало 52 предприятия кооперации инвалидов. Анализ архивных материалов показал, что в 1944 г. наблюдалось постоянное изменение численности предприятий. Так, на 1 июля 1944 г. в крае функционировало 55 артелей с 4887 работниками. По месторасположению городских артелей было 29, и работало в них 3720 человек, а сельских артелей – 26, в них трудилось 1167 человек [8: 154]. В сельской местности сеть предприятий была развита меньше, чем в городе.

Наиболее развитая сеть артелей была создана в 1944 г. на Кавминводах: в Пятигорске и ст. Горячеводской – 9, в Кисловодске – 4, в Ессентуках – 2, в Минеральных Водах – 3, в Железноводске – 1, в Георгиевске – 2 артели. Всего – 21 артель [6: 2].

С целью увеличения выпуска продукции и более полного обеспечения инвалидов войны работой только в первом полугодии 1944 г. системой было организовано девять новых артелей, в том числе и надомных. Это такие артели, как «Интруд», «Новый путь», «Ставрополец», «Сталинградец», «На страже», «Родина», «Красногвардеец», «Артель инвалидов Отечественной войны». Открытие новых производств потребовало срочной подготовки дополнительного числа квалифицированных кадров. Используя индивидуальные и бригадные формы подготовки кадров, в срочном порядке было обучено 569 человек. Работа по дополнительной подготовке квалифицированных кадров позволила увеличить выпуск продукции широкого потребления до 9980,7 тыс. руб. При этом увеличился товарооборот до 84 440,0 тыс. руб. [5: 37].

Дополнительное обучение кадров потребовалось в связи с открытием 16 новых точек по ремонту обуви и одежды. Было оперативно обучено более 100 инвалидов войны.

К лету 1944 г. в регионе кооператорами была организована работа 212 ремонтных мастерских, которые осуществляли ремонт металлоизделий, обуви, одежды, изделий точной механики, музыкальных инструментов. Значение мастерских сложно переоценить, так как в условиях продолжающейся войны государственные предприятия практически не занимались данными видами деятельности. При этом необходимо подчеркнуть, что в этих мастерских было трудоустроено более 730 человек, среди которых более 400 было инвалидами войны.

В связи с указом Президиума Верховного Совета СССР от 22 марта 1944 г. за № 116/139 об образовании Грозненской области было принято решение о присоединении артелей Кизлярского округа к этому району. Это такие артели, как «Новый путь», «Коммунар», им. Сталина, «Красное знамя». Для этих артелей был выработан план по промышленности в 38,9 тыс. руб. с товарооборотом в 903 тыс. руб. [4: 20].

В целях расширения сети артелей кооперации инвалидов по Ставропольскому краю было принято решение об открытии в 16 районах предприятий этой системы. Речь шла о тех районах, где таких предприятий не было. Крайкоопинсоюз разослал письма, в которых содержалась просьба сообщить руководству союза Ставропольского края об экономических возможностях и о контингенте инвалидов войны. На основании ответов на эти письма принималось решение о возможности открытия новых кооперативных предприятий на территории районов. Этому во многом должны были способствовать капиталовложения.

В 1944 г. капиталовложения в систему кооперации инвалидов Ставропольского края по основному хозяйству артелей составили 1358,4 тыс. руб., по кварталам они распределились следующим образом: в первом квартале – 135,5 тыс. руб., во втором – 577,3 тыс. руб., в третьем – 429,8 тыс. руб., в четвертом – 215,8 тыс. руб. [5: 139]. В эту сумму вошли затраты на приобретение транспорта, противопожарного инвентаря, ремонт помещений и цехов и приобретение производственного оборудования, инвентаря и т.д.

Другим направлением капиталовложений было развитие подсобного хозяйства. Было вложено 1339,7 тыс. руб. Денежные средства были распределены по кварталам таким образом: первый квартал – 502,5 тыс. руб., второй – 647,5 тыс. руб., третий – 90,0 тыс. руб., четвертый – 99,7 тыс. руб. [5: 140]. Капиталовложения на развитие подсобных хозяйств расходовались на покупку лошадей, приобретение сельхозинвентаря, свиноматок, семей пчел, капитальное строительство и ремонт, посадку садов,

разведение питомников и т.д. Результатом капиталовложений в развитие кооперативного хозяйства и подсобных хозяйств стало расширение ассортимента изготавливаемой продукции, улучшение ее качества, а также организация новых видов производства в сельских артелях. При этом остро стоял вопрос проведения реконструкции зданий и сооружений, которые были наспех отремонтированы с использованием подручных материалов сразу же после бегства фашистских оккупантов. К концу 1944 г. 30 % цехов пришли в негодность. Необходимо было срочно провести остекление, укрепление потолков, дверей, крыш и т.д. Плохое состояние цехов и складов мешало выпуску продукции и особенно ее хранению.

Госбанк часто отказывал артелям в выдаче наличных не только на ремонт помещений, но и на зарплату, производственную деятельность, покупку вспомогательных материалов. Особенно дефицит наличных отличал Пятигорский отдел Госбанка. Поэтому в плане реконструкции зданий и сооружений руководство артелей должно было рассчитывать только на силы своих предприятий.

Всероссийский союз кооперации инвалидов, изучив сложившуюся ситуацию, выделил системе кооперации инвалидов Ставропольского края 1,5 млн руб. на выполнение ремонтных работ. По мнению председателей артелей и союзов кооперации инвалидов, данных средств хватило только на ремонт в основном городских предприятий. Однако и эта сумма была жизненно необходима кооперации инвалидов региона. Проведение ремонта и некоторого технического переоборудования производственных цехов позволило кооперации инвалидов в 1944 г. выпустить продукции на 18 219,2 тыс. руб. [4: 5]. На рынок поступили такие виды продтоваров, как растительное масло, кондитерские изделия, соль, мука, зернофураж, картофель, овощи, фрукты, ягоды, бахчевые культуры и т.д. Население региона получило возможность приобретать и непродовольственные товары: хлопчатобумажные ткани, шерстяные нитки, ниточные изделия, швейные и трикотажные товары, кожаную обувь, хозяйственное мыло, спички, учебные тетради, парфюмерию, галантерею и т.д.

Таким образом, после освобождения Красной армией Ставропольского края от немецко-фашистских оккупантов в январе 1943 г. Крайкоопинсоюз возобновил свою деятельность, включившись в процесс восстановления народного хозяйства СССР. В период 1943–1944 гг. система кооперации инвалидов оказала влияние на быстрое восстановление хозяйства Ставропольского края, способствовала насыщению рынка товарами, обеспечению населения необходимой продукцией, а главное – решению политической задачи социальной реабилитации инвалидов войны.

Все перечисленные факты доказывают жизнеспособность и мобильность кооперации, которая даже в сложное для государства время являлась

незаменимым фактором решения насущных государственных задач. В настоящее время изучение и использование опыта кооперативного движения имеет важное экономическое, социальное и политическое значение.

Источники и литература

1. Государственный архив Ставропольского края (далее – ГАСК). Ф. 2521. Оп. 1. Д. 1.
2. ГАСК. Ф. 2521. Оп. 1. Д. 4.
3. ГАСК. Ф. 2521. Оп. 1. Д. 5.
4. ГАСК. Ф. 2521. Оп. 1. Д. 8.
5. ГАСК. Ф. 2521. Оп. 1. Д. 9.
6. ГАСК. Ф. 2521. Оп. 1. Д. 58.
7. *Печалова Л.В.* Производственная и социально-культурная деятельность промысловой кооперации и кооперации инвалидов Северного Кавказа и Дона (1917–1960 гг.). Ставрополь, 2022.
8. *Печалова Л.В., Судавцов Н.Д.* Кооперативная промышленность Ставрополья и Карачаево-Черкесии в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.). М., 2010.

А.А. Боголюбов

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ, СОЦИАЛЬНАЯ И КУЛЬТУРНАЯ ЖИЗНЬ ПЯТИГОРСКА ЧЕРЕЗ ГОД ПОСЛЕ ОСВОБОЖДЕНИЯ ОТ НЕМЕЦКО-ФАШИСТСКОЙ ОККУПАЦИИ

Автор статьи выражает глубочайшую благодарность за предоставленные материалы директору Пятигорского краеведческого музея Ю.А. Золотаревой и главному хранителю музея Л.Н. Прялкиной. Бесценным источником сведений, относящихся к первой годовщине освобождения Пятигорска от немецко-фашистских захватчиков, является подшивка газеты «Пятигорская правда» за 1944 г., хранящаяся в фондах музея. Эта категория экспонатов обладает для музея как институциональным значением, так и предметным [22: 6–7]. Газета выходила в Пятигорске с 1937 по 1959 г. с перерывом, вызванным немецко-фашистской оккупацией города, и возобновила свою деятельность в 1990-е гг. В настоящее время газета выходит один раз в неделю.

В данной статье автор анализирует содержание выпусков газеты «Пятигорская правда» за январь – февраль 1944 г. В этот период газета выходила пять раз в неделю: регулярно по субботам и в воскресные дни, а в будние день выход очередного выпуска зачастую зависел от важности происходивших событий. Обычно газета выходила на двух страницах,

но в торжественные дни число страниц доходило до четырех. Так было, например, с новогодним выпуском газеты [2]. Формат страниц всегда был А3. Пост ответственного редактора весь описанный в статье период принадлежал Е.Ф. Бутман. Тираж газеты печатался в Пятигорске в типографии им. Анджиевского. Редакция располагалась по адресу: г. Пятигорск, ул. Лермонтовская, 10.

Первую страницу «Пятигорской правды», а иногда и значительную часть второй занимали сводки Совинформбюро и приказы Верховного главнокомандующего И.В. Сталина.

Следует подчеркнуть, что как раз в начале января 1944 г. минул ровно год со дня освобождения Пятигорска от немецко-фашистской оккупации. Можно было подводить предварительные итоги не только восстановления города, но и его дальнейшего развития. О том, какое значение придавало руководство города празднованию первой годовщины освобождения от оккупации, свидетельствует помещенное в № 4 газеты от 5 января объявление о предстоящем 7 января в 7 ч вечера в зале заседаний горкома ВКП(б) инструктивном докладе «Годовщина освобождения Пятигорска от немцев». На совещание вызывались секретари парторганизаций города [4: 2] В сам день юбилея в № 7 от 11 января на первой странице была помещена редакционная статья «Знаменательная дата», а на второй – статья председателя плановой комиссии исполкома Пятигорского горсовета А. Лялина «Запомним, предъявим счет!» о материальном ущербе, нанесенном городу немецко-фашистскими оккупантами [6: 1–2].

Однако жизнь шла вперед, партийное руководство города занималось текущей идеологической работой, и в № 3 «Пятигорской правды» от 4 января было помещено извещение о том, что 15 января в 7 ч вечера в помещении горкома ВКП(б) состоится первое занятие семинара для редакторов и членов редколлегий стенных газет. Секретарям парторганизаций горком ВКП(б) и редакция «Пятигорской правды» предписывали обеспечить явку участников [3: 2].

В № 18 от 30 января «Пятигорская правда» сообщала о проведенном семинаре редакторов стенных газет на тему: «Оформление газеты». На семинаре выступили редакторы стенгазет разных предприятий и учреждений города: Чепцов («Сельэлектро»), Алексеева (Хладокомбинат) и Кравченко (санаторий № 3) [13: 2]. На очередном семинаре, состоявшемся в начале февраля, обсуждалось, каким должен быть номер стенгазеты, посвященный 26-й годовщине Красной армии [13: 2].

Память об оккупации города еще была свежа: в № 6 от 8 января была помещена статья за подписью Тамары Беньяш под заголовком «“Душегубка” в Пятигорске», в которой приводились свидетельства Евдокии Васильевны Островенец, наблюдавшей, как к дому № 38 по ул. Власова, где, по ее

словам, располагалось гестапо, подъезжала машина, в которую загоняли мирных жителей [5: 2].

Однако город и его окрестности оправлялись от ран. Об этом свидетельствует помещенная в новогоднем номере газеты статья «Прогулка по городу», в которой корреспондентов «Пятигорской правды» И. Веселую и Л. Стругач сопровождал Борис Николаевич Воинов, в прошлом лейтенант, а в то время главный инженер одного из пятигорских заводов. Собеседник корреспондентов показывает, как возродился и продолжает восстанавливаться любимый город [2: 3].

За год, прошедший после освобождения, было восстановлено 375 и отремонтировано 1100 квартир. Всего же работы по ремонту и восстановлению затронули 2200 жилищных объектов. В январе 1944 г. в Пятигорске работали два института, три техникума, 13 средних и неполных средних школ, 16 детских дошкольных учреждений, школы фабрично-заводского обучения, театр, два кинотеатра [3: 1; 7:3].

Каким бы тяжелым ни было материальное положение жителей города, они постарались устроить для детей настоящий новогодний праздник. Утренники с вручением детям подарков прошли в детсадах № 2 (заведующая Нина Степановна Халатьян) и № 21 Хлебокомбината. Новогодний вечер состоялся в женской средней школе № 3. На него были приглашены десятиклассники мужской школы № 11 [4: 2].

Другой важной в масштабах всей страны памятной датой была отмечавшаяся в январе 1944 г. двадцатая годовщина со дня смерти В.И. Ленина. Этому событию был практически полностью посвящен № 14 газеты от 25 января с помещенным в нем полным текстом доклада по этому случаю, с которым выступил на торжественном заседании в Москве А.С. Щербаков – в то время секретарь ЦК ВКП(б) и кандидат в члены Политбюро ЦК ВКП(б). Он занимал пост секретаря Московского областного/городского комитета ВКП(б) [10: 2–4].

Следует отметить, что пятигорчане отмечали не только годовщину освобождения от оккупации родного города – на торжественном собрании была в праздничной обстановке отмечена первая годовщина освобождения от немецко-фашистской оккупации всего Ставропольского края. Об этом «Пятигорская правда» сообщила в № 19 от 1 февраля [14: 2]. К годовщине победы в Сталинградской битве, которая отмечалась 2 февраля, руководство Пятигорска подошло более практично: 21 января исполком Пятигорского городского совета принял постановление об обязательном обучении населения противохимической обороне. Под постановлением стоят подписи председателя горсовета Р. Кудлаева, за секретаря – Андреевской. Постановление было опубликовано в № 20 газеты от 2 февраля [15: 2].

Празднование 26-й годовщины Красной армии было ознаменовано торжественным собранием в актовом заде Пятигорского пединститута, на котором с докладом выступил заместитель секретаря парторганизации института А. Квасов [21: 2]. В тот период возрастала активность комсомольских организаций города. Итоги их деятельности через год после освобождения Пятигорска от оккупации подвело состоявшееся 2 февраля собрание городского комсомольского актива Пятигорска. На собрании с докладом выступил секретарь Пятигорского горкома Всесоюзного ленинского коммунистического союза молодежи Жаровой. Об этом событии рассказала «Пятигорская правда» в № 21 от 3 февраля [16: 2].

О том, что жизнь в Пятигорске входила в нормальное русло, свидетельствует ряд материалов, помещенных в № 22 «Пятигорской правды» от 5 февраля. На второй странице газеты под рубрикой «День нашего города» были опубликованы материалы о конференции учителей города, о слете капитанов тимуровских команд Пятигорска. Как свидетельство реалий тех дней, здесь же было помещено объявление о профессиональном обучении инвалидов Великой Отечественной войны [17: 2].

Одной из важнейших экономических задач для предприятий Пятигорска был выпуск гильз для тракторов из окрестных машинно-тракторных станций и совхозов. В самом начале года вопрос обсуждался на совещании в горкоме ВКП(б) [4: 2]. Всего надо было выпустить 3500 гильз. Задание было выполнено на 110 %. Больше всех гильз, 2840, дал моторемонтный завод, изготовивший и другие детали [1: 60]. «Пятигорская правда» на своих страницах в течение января и февраля регулярно информировала читателей о ходе выполнения этого важнейшего на тот момент государственного задания, рассказывая о передовиках и отстающих.

По итогам работы за прошедший 1943 г. переходящее Красное знамя Пятигорского горкома ВКП(б) и исполкома городского совета постановлением от 5 февраля было решено торжественно вручить артели «Зернохлеб» как лучшему предприятию города. Об этом рассказал на станицах газеты в № 26 от 11 февраля секретарь горкома ВКП(б) С. Богославцев [19: 2].

Важнейшей социальной задачей того периода являлось оказание помощи семьям фронтовиков. На эти цели работники предприятий и учреждений города отчисляли свой однодневный заработок. Газета также рассказывала на своих страницах о ходе этого сбора. Всего к концу февраля было собрано 158 тыс. руб. [1: 62].

Несмотря на военное лихолетье, в городе шла своим чередом научная и культурная жизнь. В качестве примера можно привести сообщение газеты «Пятигорская правда» в № 13 от 21 января о заседании научного общества по изучению Северного Кавказа, запланированном на 12 ч дня 23 января в здании Педагогического института по адресу: пр. Советский, д. 70.

В повестке заседания были доклады профессора М.Н. Куфаева о научных проблемах истории Северного Кавказа и М.Ю. Петровского о проблемах естествознания на Северном Кавказе [9: 4]. Об очередном заседании общества «Пятигорская правда» сообщила в № 24 от 8 февраля. Речь на заседании, в том числе и в докладе В.Н. Куфаева, шла о задачах изучения природы региона [18: 2].

Не осталась в стороне от научной деятельности и кафедра литературы Пятигорского педагогического института. Ее сотрудниками к концу января 1944 г. были подготовлены доклады: «Введение в историю мировой литературы» (профессор Н.П. Гуля), «Лев Толстой на Кавказе» (В.А. Васильева) и «Историко-социальный роман М.Ю. Лермонтова» (М.А. Яковлева) [11: 2]. Ректор института Р. Саренц выступил 29 января на страницах газеты со статьей «Гитлеровская оккупация на Ставрополье. О хозяйственной и финансовой деятельности оккупантов» [12: 2].

Говоря о культурной жизни города, следует упомянуть репертуар местных кинотеатров, о котором газета также информировала читателей. В середине января 1944 г. в кинотеатре «Родина» шли фильмы «Сто мужчин и одна девушка» и «Нерушимая дружба», в кинотеатре «Машук» – «Светлый путь» и «Люди нашего колхоза» [8: 2].

На рубеже января – февраля 1944 г. в кинотеатре «Родина» проводился фестиваль детских фильмов. Были показаны: 29–30 января «Золотой ключик» и «Фронтовые подруги», 31 января – 6 февраля «Волшебное озеро», «Личное дело», «Суворов», «Брат героя и комсомольцы» [12: 2]. По окончании фестиваля в этом кинотеатре шел фильм «Джордж из Динки-джаза», а в кинотеатре «Машук» – фильм «Моряки» [18: 2].

В тот же период театр музкомедии, как тогда назывался театр оперетты, давал спектакли: 4 и 6 января – «Холопка», 5 января – «Коломбина», 7 января – «Роз-Мари» и 8 января – «Раскинулось мое широко» [4: 2]. Судя по следующим объявлениям, последний из названных спектаклей был заменен на «Свадьбу Малиновке» [4: 2]. 12 и 13 февраля в театре состоялся концерт солиста Литовской оперы Михаила Кусевицкого (лирико-драматический тенор). Ему аккомпанировали: лауреат международного конкурса им. Шопена Яков Калецкий (рояль) и Александр Полесский (скрипка). Были исполнены арии из отечественных и зарубежных опер [20: 2].

В заключительной части статьи автор хотел бы немного отвлечься от материалов газеты «Пятигорская правда» и напомнить, что именно в январе 1944 г. погибли удостоенные звания Героя Советского Союза В.С. Нежнов [1: 77] и Ю.Э. Бунимович [1: 83–84]. Ныне их именами названы улицы в Пятигорске.

Подводя итоги описанию «Пятигорской правдой» жизни города в первую годовщину его освобождения от немецко-фашистских оккупантов,

можно сказать, что, несмотря на все трудности, экономическая, социальная и культурная сферы Пятигорска продолжали развиваться. Проанализированный материал представляет собой лишь малую толику того огромного информационного и культурного наследия, которое представляют собой подшивки газеты военной поры. Это поле деятельности еще ждет своих исследователей.

Источники и литература

1. Мы победили!: Пятигорск и пятигорчане в годы Великой Отечественной войны. Пятигорск, 2005.
2. Пятигорская правда. 1944. № 1. 1 января.
3. Пятигорская правда. 1944. № 3. 4 января.
4. Пятигорская правда. 1944. № 4. 5 января.
5. Пятигорская правда. 1944. № 6. 8 января.
6. Пятигорская правда. 1944. № 7. 11 января.
7. Пятигорская правда. 1944. № 8. 13 января.
8. Пятигорская правда. 1944. № 9. 14 января.
9. Пятигорская правда. 1944. № 13. 21 января.
10. Пятигорская правда. 1944. № 14. 25 января.
11. Пятигорская правда. 1944. № 16. 26 января.
12. Пятигорская правда. 1944. № 17. 29 января.
13. Пятигорская правда. 1944. № 18. 30 января.
14. Пятигорская правда. 1944. № 19. 1 февраля.
15. Пятигорская правда. 1944. № 20. 2 февраля.
16. Пятигорская правда. 1944. № 21. 3 февраля.
17. Пятигорская правда. 1944. № 22. 5 февраля.
18. Пятигорская правда. 1944. № 24. 8 февраля.
19. Пятигорская правда. 1944. № 26. 11 февраля.
20. Пятигорская правда. 1944. № 27. 12 февраля.
21. Пятигорская правда. 1944. № 37. 26 февраля.
22. *Юренева Т.Н.* Музееведение: учебник для высшей школы. М., 2003.

И.З. Хатуев

УЧАСТИЕ ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ ЧЕЧЕНСКОЙ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ В ПАТРИОТИЧЕСКОМ ВОСПИТАНИИ НАСЕЛЕНИЯ В ПЕРИОД ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

Партийные и советские органы с началом войны стали активнее привлекать интеллигенцию к пропагандистской и агитационно-массовой работе. Ее представители выступали и в воинских частях, и в колхозах,

и на предприятиях. Учитывая особую важность подобной работы, власти предварительно проводили для них специальный инструктаж. При библиотеках создавались агитационные пункты, сотрудники которых выезжали, как правило, в сельскую местность, чтобы передать представителям интеллигенции навыки политической работы.

Качественная пропаганда требовала повышения уровня квалификации агитаторов. Поэтому в Грозном, как и во всех других крупных городах Северного Кавказа, создавались областные курсы агитаторов. Подобные занятия иногда принимали форму недельных курсов обучения [6: 46]. В первые же дни войны в Чечено-Ингушской АССР была образована отдельная лекторская группа из 70 человек, куда были включены представители местной интеллигенции [3: 108].

Художники разрабатывали различные варианты материалов наглядной агитации, которая была призвана сыграть серьезную роль в идейно-воспитательной работе. Издавались сатирические газеты, печатались в больших количествах боевые листки, плакаты, лозунги и иные материалы. Только агитплакатов «Окна ТАСС» за 1941–1945 гг. было создано 1250 [5: 72]. Всей стране были известны легендарные плакаты таких художников, как И. Тоидзе («Родина-мать зовет!»), В.Б. Корецкий («Воин Красной армии, спаси!»), Д.С. Моор («Ты чем помог фронту?»), Кукрыниксы («Беспощадно разгромим и уничтожим врага!»). На местах, в частности, в Чечено-Ингушетии, художники издавали свои плакаты и иные агитматериалы с местной спецификой. Всего за время войны в республике были изданы плакаты общим тиражом более полумиллиона экземпляров [6: 49].

Работа по наглядной агитации, как и массовые антифашистские митинги, явилась в годы войны действенным средством патриотического воспитания населения, противостояния пропаганде со стороны врага.

Писатели, журналисты, публицисты трудились в периодической печати, прежде всего, в газетах. Главным периодическим печатным изданием СССР являлась газета «Правда». Помимо нее в стране издавалось еще почти четыре десятка центральных (всесоюзных) газет. Увеличение тиражей и периодичности центральных изданий осуществлялось одновременно с процессом сокращения тиражей районной периодической печати и отдельных фабрично-заводских газет, имевших до войны достаточно большие тиражи [10: 36]. Ведущим печатным органом Чечено-Ингушетии в годы войны был «Грозненский рабочий».

С началом войны пересмотр формата работы коснулся и сферы книжного издательства. Если в 1937–1940 гг. в СССР издавалось более 130 тыс. наименований книг, то с 1941 по 1945 г. этот показатель снизился до 109 тыс. В два раза (с 43,5 до 21,8 тыс. экз.) снизился в военные годы и среднегодовой тираж книг [3: 109]. Часть бумажных фабрик,

типографий и издательств была разрушена в результате боевых действий, часть оказалась в оккупации, часть – эвакуирована вглубь страны. Всё это привело к заметному снижению общего оборота книжной продукции.

Власти приняли решение сосредоточиться прежде всего на выпуске военно-патриотической литературы. Как центральные, так и местные издательства стали печатать книги именно этой тематики. По основным показателям (тираж, количество наименований и т.д.) Чечено-Ингушское книжное издательство несколько отставало от соседних республик. Например, в Северной Осетии за 1941–1942 гг. был выпущен почти 1 млн экземпляров книг, в Дагестанской АССР – более 2 млн, тогда как в Грозном было издано за те же сроки чуть более 100 тыс. экземпляров различных книг оборонной тематики. Постепенно с помощью республиканских органов власти Чечено-Ингушское книжное издательство также нарастило объемы печати книг в регионе [1: 102].

Одним из главных проводников агитационно-пропагандистской деятельности в годы Великой Отечественной войны было радио. Руководство СССР уделяло этому ресурсу приоритетное внимание. Официальная информация распространялась на всю страну в передачах «От Советского информбюро», которые вел Ю.Б. Левитан, а также в радиопередачах «Вести с фронта», «Тыл кует победу» и др. В Чечено-Ингушетии власти и общество прилагали все усилия, чтобы преодолеть проблемы с недостатком квалифицированных кадров для работы на радио, обеспечить всё необходимое для функционирования радиоузлов на территории республики [10: 38].

Важным направлением патриотической агитационно-массовой деятельности, организованной властями с использованием представителей интеллигенции, были мероприятия в культурно-просветительских учреждениях. В этой сфере также проявились некоторые негативные моменты, связанные с последствиями бушующей войны и, соответственно, временной оккупацией части территории СССР немецко-фашистскими агрессорами. За период Великой Отечественной войны количество клубов в стране сократилось со 118 тыс. до 94 тыс. Практически в два раза сократилось и число работающих библиотек (с 95 тыс. до 47 тыс.) [4: 520–521]. Однако, несмотря на такое существенное снижение количества культурных учреждений данного типа, они также вносили свой заметный вклад в общее дело мобилизации советских граждан на отпор агрессорам.

В годы войны, учитывая сложность ситуации на фронтах и острую необходимость пробуждения в массах истинного патриотического порыва и желания сражаться с врагом, власти пошли на значительные уступки религиозным воззрениям жителей страны. Достаточно привести такой факт, как разрешение на деятельность православной церкви или разрешение хаджа (паломничества) для мусульман в Мекку.

Научная интеллигенция собиралась на митинги в вузах и научных учреждениях. На них они заявляли о своей решимости бороться с врагом, в том числе используя знания в различных научных направлениях для решения всех актуальных задач фронта. Можно утверждать, что именно в суровые годы Великой Отечественной войны ярко проявилось полное единение труда и науки. Вся идейно-политическая деятельность интеллигенции в военные годы была полностью подчинена стратегической задаче – освобождению территории страны от иноземных захватчиков, достижению победы. Для этого было организовано масштабное разъяснение населению справедливого характера войны для Советского государства.

Исследуя вопросы вклада интеллигенции чеченского народа в общее дело победы над врагом в годы Великой Отечественной войны, необходимо подчеркнуть важность такого фактора, как общее духовное состояние населения Чечено-Ингушской АССР. Данный фактор, бесспорно, влиял на состояние тыла, сплоченности жителей республики перед лицом смертельной опасности. В период войны автономия жила насыщенной культурной жизнью. Можно утверждать, что вся духовно-культурная жизнь жителей Чечено-Ингушетии была пропитана патриотическими чувствами. Люди были готовы на всё, чтобы разбить оккупантов и защитить суверенитет страны.

Агитационная и пропагандистская работа велась в том числе и непосредственно в кабинетах райкомов ВКП(б). Здесь часто организовывались лекции на военные темы, для граждан проводились консультации, выставлялись книги патриотической тематики, распечатанные тексты сообщений Совинформбюро, оформлялись витрины с картами текущих боевых действий на фронтах войны [1: 97].

Ежедневно в Грозненском городском агитпункте собиралось около 200 человек. Агитпункт активно вел работу на производстве. Только за 15 дней августа 1941 г. его силами на предприятиях было прочитано 56 лекций на различные темы с охватом 5307 человек [1: 98].

В агитационно-пропагандистской деятельности властей значительное место было уделено и интернациональному воспитанию масс, прежде всего, осознанию чеченским и другими народами Северного Кавказа необходимости крепкой дружбы с русским народом. В г. Орджоникидзе (ныне – Владикавказ) 13 августа 1942 г., когда гитлеровцы осуществляли активное наступление на Юге России, состоялся масштабный митинг в знак солидарности народов Кавказа с русскими. Присутствовавший здесь депутат Верховного Совета СССР, делегат от Чечено-Ингушской АССР А. Цомаев призвал представителей всех народов Северного Кавказа взять в руки оружие: «Умрем, но не отдадим наш край на поругание и разграбление гитлеровским людоедам» [1: 120].

Делегации из Чечено-Ингушетии, в состав которых часто входили и представители интеллигенции республики, осуществляли поездки в прифронтовую зону и передавали подарки бойцам Красной армии. В ответ солдаты направляли с фронта письма со словами благодарности людям за поддержку [8: 17–18]. Эту работу тоже можно было считать одной из эффективных форм агитационно-массовой работы.

Осенью 1942 г. была установлена тесная связь комсомольцев республики с частями Красной армии, оборонявшими подступы к Грозному. Комсомольский актив города и районов за короткое время провел 56 встреч с бойцами, выезжая на передовые линии фронта. Подшефным воинам комсомольская делегация вручила подарки: табак, папиросы, кисеты и др. Комсомольцы, побывавшие в воинских частях, вели дружескую переписку с бойцами [1: 99].

В важном и актуальном в условиях военного времени деле идейно-политической работы, несомненно, имелись и трудности (в большей мере объективного характера). Многие профессиональные работники этого направления находись на фронтах, и власти испытывали определенный недостаток кадрового состава пропагандистской деятельности. Партийные органы ставили перед республикой задачи умелого сочетания агитационно-пропагандистской работы с важнейшей задачей по мобилизации населения на разгром опасного врага [7: 36].

В конце 1942 г. Чечено-Ингушский обком ВКП(б) утвердил мероприятия по популяризации и увековечению памяти Героя Советского Союза Ханпаши Нурадилова. В частности, в перечне решений обкома ВКП(б) был и такой пункт: подготовить листовки о Ханпаше Нурадилове в количестве 8 тыс. экземпляров на чеченском, русском, ингушском языках, 300 плакатов и 1 тыс. экземпляров портретов [9: 288]. А 30 декабря 1942 г. Чечено-Ингушскому государственному национальному театру было присвоено имя Х. Нурадилова [2: 162].

Подводя итог представленному обзору, можно констатировать, что представители чеченской интеллигенции в период Великой Отечественной войны сыграли значительную роль в патриотическом воспитании населения. Они участвовали в агитационно-массовой работе, выступали с лекциями, создавали наглядные материалы пропаганды (плакаты, боевые листки), а также работали в культурно-просветительских учреждениях. Это способствовало укреплению духа сопротивления и мобилизации населения на борьбу с врагом.

Источники и литература

1. *Абазатов М.А.* Чечено-Ингушская АССР в Великой Отечественной войне Советского Союза. Грозный, 1973.

2. *Айдамиров А.* Собрание сочинений: в 6 т. Т. 6: Хронология чеченской истории. Грозный, 2005.

3. *Баучиев Х.Б.* Вклад интеллигенции Северного Кавказа в идейно-политическую работу в начальный период Великой Отечественной войны // Общество: философия, история, культура. 2017. № 7. С. 107–111.

4. *Глушакова О.В.* Государственная культурная политика в годы Великой Отечественной войны // Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Политические, социологические и экономические науки. 2021. Т. 6. № 4. С. 515–525.

5. *Колесникова Л.Е.* «Окна ТАСС» – оружие победы // Военно-исторический журнал. 2016. № 9. С. 68–72.

6. *Кулаев Ч.С.* Военно-организаторская и политическая работа местных партийных организаций в годы Великой Отечественной войны: на материалах Северного Кавказа. Черкесск, 1981.

7. Российский государственный архив социально-политической истории. Ф. 17. Оп. 43. Д. 2435.

8. *Филькин В.И.* Патриотизм трудящихся Чечено-Ингушской АССР в период Великой Отечественной войны. Грозный, 1989.

9. *Эльбуздукаева Т.У., Алероева Л.С.* Культурно-досуговая политика в Чечено-Ингушетии в годы Великой Отечественной войны // Сборник научных трудов Академии наук Чеченской Республики и Комплексного научно-исследовательского института им. Х.И. Ибрагимова РАН: посвящается 70-летию известного ученого, видного общественного и государственного деятеля Чеченской Республики Бугаева Абдулы Махмудовича. Грозный, 2018. С. 282–290.

10. *Юсупова М.Л.* Средства массовой информации ЧИАССР в период Великой Отечественной войны (1941–1945) // Вестник Академии наук Чеченской Республики. 2020. № 1 (48). С. 36–40.

С.Н. Эралиев, С.Ч. Жумалиева

ИЗМЕНЕНИЯ В СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ ЖИЗНИ КЫРГЫЗСТАНА В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

В условиях войны социокультурная жизнь Киргизской ССР, несмотря на удаленность от боевых действий, претерпела серьезные изменения, формируя новые общественные ценности, традиции и нормы поведения. В ходе трансформации изменились структура общества, роль женщин и молодежи, усилилась идеологическая работа, активно развивались наука и образование, а культурные инициативы сыграли важную роль в поддержании морального духа населения. Все эти процессы оставили

заметный след в истории республики, и, чтобы лучше понять их значение, важно раскрыть, как именно они проявлялись в различных сферах жизни и повлияли на повседневность людей.

В годы Великой Отечественной войны трудовая система в Киргизской ССР претерпела значительные изменения, обусловленные необходимостью восполнения кадрового дефицита в промышленности, сельском хозяйстве и на транспорте. В июне 1941 г. решением ЦК ВКП(б) при Совете народных комиссаров (далее – СНК) СССР был образован Комитет по распределению рабочей силы, аналогичные структуры создали и в Киргизской ССР. Эти органы занимались учетом, выявлением и перераспределением рабочей силы между отраслями и предприятиями [7].

В феврале 1942 г. указом Президиума Верховного Совета СССР была введена обязательная мобилизация трудоспособного населения в промышленность, продолжительность рабочего дня увеличена до 10 ч, а нарушение трудовой дисциплины было приравнено к дезертирству [11]. В Киргизской ССР с июля 1941 г. по январь 1944 г. в промышленность мобилизовали 13 950 человек из числа трудоспособного городского, сельского и эвакуированного населения, на строительство и транспорт – 4045 человек, на торфозаготовки – 4434 человека. В 1944 г. для работы на рудниках и предприятиях республики мобилизовали 14 887 сельских жителей [7: 122]. Эти меры позволили компенсировать нехватку кадров и обеспечить бесперебойную работу горнорудной и промышленной отраслей в условиях войны.

В годы войны к труду привлекались эвакуированные, пенсионеры, студенты и старшеклассники, а подготовка кадров велась через школы, курсы и наставничество. Система трудовых резервов подготовила 2,475 млн рабочих, увеличив их численность в Киргизской ССР на 28 % – с 36 тыс. в 1940 г. до 46 тыс. в 1945 г. К 1944 г. подростки составляли 37 % рабочих, а в угольной промышленности их доля достигла 35 %. С 1941 по 1945 г. рудники пополнились более чем на 1 тыс. молодых рабочих [6: 99].

Женщины Киргизской ССР сыграли ключевую роль в замещении мужчин в производстве, сельском хозяйстве и других сферах, осваивая сложные профессии и перевыполняя планы. Их доля в народном хозяйстве увеличилась с 29,6 % в 1941 г. до 54,8 % в 1945 г., в промышленности – с 32,9 % до 55,7 %, в строительстве – с 14,9 % до 42,6 %, на транспорте и связи – с 23,6 % до 51,2 %, а в сельском хозяйстве – с 25,2 % до 53,7 %. В угольной промышленности число женщин возросло с 780 в 1940 г. до 1700 (на 35 %) в 1944 г., а на рудниках Сулюкты и Кызыл-Кии их доля увеличилась с 18 % до 38 %. В горнорудной промышленности трудилось около 5 тыс. женщин, включая 577 подземных рабочих. В 1941–1942 гг. более 1700 женщин прошли курсы подготовки председателей колхозов,

бригадиров и работников животноводства, а к 1943 г. их доля среди руководителей в сельском хозяйстве выросла с 11,2 % до 38 % [6: 95].

В ноябре 1941 г. в городах, рабочих поселках и районных центрах Киргизии была введена карточная система распределения продуктов питания и товаров первой необходимости. Одновременно в Киргизии, как и в других советских республиках, с ноября 1941 г. была введена карточная система снабжения. Рабочие получали 800 г хлеба в день, служащие – 600 г, дети и иждивенцы – сниженные нормы [6: 191].

Во время войны Киргизская ССР приняла тысячи эвакуированных детей-сирот и воспитанников детских домов из западных регионов. Женщины взяли на себя заботу о детях, что способствовало укреплению социальной сплоченности. Семьи военнослужащих получали поддержку в виде пособий, освобождения от налогов и помощи в продовольствии. В общей сложности было передано в фонд обороны 189 млн руб. [8: 489], а население активно участвовало в сборе средств и ресурсов для поддержки семей фронтовиков.

Государство усилило социальную поддержку, особенно матерей и детей. Указом от 8 июля 1944 г. [12] были увеличены пособия для беременных, многодетных и одиноких матерей, с июля 1944 по декабрь 1945 г. многодетным и одиноким матерям Киргизии было выплачено 94,6 млн руб. пособий. Почетное звание «Героиня» было присвоено 56 многодетным матерям, а 4284 женщины награждены орденами и медалями [6: 174]. В то же время в сельских районах прекратили продажу чая, сахара, консервов и кондитерских изделий, ухудшив продовольственное положение. Количество колхозов, обеспечивавших продукцией по трудодням, сократилось: в 1942 г. они выдавали 0,8 кг пшеницы, а в 1944 г. – 0,7 кг картофеля. Многие вовсе прекратили выдачу продовольствия [5: 174]. Несмотря на трудности, колхозники отправляли продовольствие на фронт, проявляя высокий уровень патриотизма и солидарность с согражданами.

Во время войны особое внимание уделялось поддержке семей солдат и инвалидов. 22 января 1943 г. ЦК ВКП(б) принял постановление, направленное на улучшение работы партийных и советских органов по оказанию помощи семьям военнослужащих. В рамках этого постановления при СНК Киргизской ССР были созданы отделы, которые занимались государственной поддержкой семей воинов и инвалидов на всех уровнях местных советов [5: 174].

Школьная система Киргизии в годы войны претерпела изменения из-за нехватки зданий, педагогов и учебных материалов. Школы делили помещения с госпиталями и воинскими частями, а многие учителя были мобилизованы или переведены на работу в промышленность и сельское хозяйство. Более 300 педагогов участвовали в партийной, советской

и хозяйственной деятельности, что также сказалось на функционировании образовательной системы. В 1941/1942 уч. г. в школах и вузах была введена военная подготовка, занятия проводились в две-три смены, что позволило системе образования адаптироваться к условиям войны и поддерживать моральный дух общества [5: 169].

ЦК ВКП(б) постановлением от 26 февраля 1942 г. обязал партийные и советские органы не допускать ухода учащихся из школ, что строго контролировалось партийными организациями. Были организованы горячие завтраки и материальная поддержка для школьников-фронтовиков. Школы принимали детей, эвакуированных из оккупированных районов. Создавались детские площадки, интернаты и столовые. В Бишкеке была открыта школа для детей из Польши, а в других регионах – детские дома и сады для эвакуированных [10: 110–112].

В 1943/1944 уч. г. открылись школы рабочей молодежи во Фрунзе, Оше и Кызыл-Кии, а 1 сентября 1944 г. – вечерние школы для сельской молодежи. Введены экзамены на аттестацию зрелости с награждением медалями. В 1944/1945 уч. г. в республике получали образование 223,4 тыс. учащихся [6: 173]. В условиях нехватки ресурсов школы были объединены, а количество интернатов увеличилось.

Нуждающимся студентам предоставлялась финансовая поддержка. Более 15 тыс. детей обеспечивались горячими завтраками и необходимой одеждой. Колхозники Тяньшаньского района собрали для школьников 182 пары обуви, 68 пальто и 450 кг шерстяной одежды. Усыновление детей стало массовым явлением, и семьи, принявшие на воспитание нескольких детей, получали финансовую помощь от государства. Так, Иминахун Ахмедов и его жена Мейрамхан из г. Ош воспитали 15 детей разных национальностей [2: 44].

Для устранения дефицита педагогических кадров в годы войны были организованы краткосрочные курсы подготовки учителей, действовавшие с 1942 по 1946 г., которые подготовили 5037 учителей, а 4455 педагогов прошли переподготовку. В 1943 г. была почти удвоена зарплата учителей. Патриотизм школьников и учителей возрос: 100 тыс. учащихся помогали колхозам, 3 тыс. педагогов возглавляли детское патриотическое движение, а школьники собрали более 3,5 млн руб. для обороны, отправили на фронт свыше 30 тыс. посылок, собрали 400 т металла и 7 т лекарственных трав. В республике было организовано 1260 тимуровских отрядов, помогавших семьям фронтовиков [10: 112].

В годы войны в Киргизии действовало шесть высших учебных заведений, в которых в 1945/1946 уч. г. обучалось 3782 студента. За время войны республику пополнили 1659 специалистов с высшим образованием: было подготовлено 899 врачей, 347 специалистов сельского хозяйства

и 760 учителей. Киргизский педагогический институт им. М.В. Фрунзе продолжал свою работу на базе Пржевальского учительского института в 1941/1942 уч. г. [10: 114]. В республику было эвакуировано 12 учебных заведений [3: 43], включая Ленинградский ветеринарный институт и Николаевский кораблестроительный институт, разместившиеся в Пржевальске, а также ростовские государственный университет и педагогический институт, возобновившие деятельность в г. Ош. Во Фрунзе располагались педагогический институт, институт физкультуры и Харьковский институт инженеров коммунального хозяйства. Харьковский ветеринарный институт объединился с Киргизским сельскохозяйственным, а медицинский и стоматологический институты – с Киргизским медицинским [5: 171]. Эти учреждения активно участвовали в подготовке местных кадров и сборе урожая на полях колхозов и совхозов. Киргизский государственный медицинский институт сыграл ключевую роль в подготовке медицинских кадров и лечении раненых, а также в работе госпиталя при кафедре факультетской хирургии. Эвакуация учебных заведений и научных институтов способствовала развитию образования и науки. К 1943 г. в республике действовало около 70 научных учреждений.

Система здравоохранения также адаптировалась к военным условиям. В период Великой Отечественной войны в Киргизии действовало 29 госпиталей, в том числе 22 эвакогоспиталя [1: 78], большинство из которых находилось во Фрунзенской области. С 1 ноября 1941 г. по 1 июля 1944 г. в Киргизии прошли лечение более 37 тыс. раненых и больных солдат [1: 79].

В годы Великой Отечественной войны киргизская литература и искусство поддерживали боевой дух народа, отражая патриотизм и стойкость советских граждан. Около тридцати писателей, среди которых Я. Шиваза, Т. Уметалиев, У. Абдукаимов, Т. Шамшиев, участвовали в войне. М. Элебаев, Ж. Турусбеков, К. Эсенходжаев, Д. Ашубаев и Ж. Жамгырчиев погибли, отдав жизнь за Родину [10: 119].

В годы войны было написано множество произведений, включая песни, рассказы, стихи и пьесы, отражающие советский патриотизм. Вышли из печати сборники стихов А. Усенбаева, А. Токомбаева, М. Токобаева, Ж. Боконбаева, К. Маликова и других, а также сборник рассказов Т. Сыдыкбекова «Дни войны» и роман «Люди нашего времени». В годы Великой Отечественной войны киргизские драматурги создали ряд выдающихся произведений. Были изданы пьеса А. Токомбаева «Клятва», сборник А. Осмонова «Любовь». Повести «Чолпонбай» К. Жантошева и «Дуйшенкул» Ж. Боконбаева посвящены героям Великой Отечественной войны [10: 120].

В годы войны активной была и театральная жизнь республики. В 1941 г. был открыт Киргизский государственный драматический театр. Молодой коллектив поставил пьесы «Король Лир» и «Бедность не порок»,

а позже спектакли «Клятва» и «Черный туман», посвященные борьбе с фашизмом. Из-за войны творческий состав Киргизского музыкально-драматического театра значительно сократился, но коллектив поставил оперы «Патриоты» В. Власова и В. Фере, «Кокул» М. Раухвергера и «Евгений Онегин» П.И. Чайковского. В 1942 г. театр провел 407 концертов, а в 1943 г. – 750 [10: 123]. В 1942 г. филармония дала 1281 концерт [10: 123]. В годы войны было создано семь концертных бригад, которые далее более 2500 концертов на фронте и в госпиталях [5: 167].

Театр оперы и балета поставил более 10 спектаклей. В 1943 г. в театре впервые была исполнена опера Дж. Пуччини «Чио-Чио-Сан» на русском языке. Фрунзенский русский драматический театр в годы войны поставил спектакли: «Фельдмаршал Кутузов» В. Соловьева, «Враги» М. Горького, «Кремлевские куранты» Н. Погодина, «Кокул» К. Эшманбетова, «Манас» и «Алманбет» Т. Сыдыкбекова, «Каныбек» К. Жантошева и другие [6: 168].

Более 30 художников и театральных деятелей ушли на фронт, но оставшиеся активно трудились, проводя концерты для военных и мирных жителей. Декады советской музыки Средней Азии и Казахстана, прошедшие в 1942 и 1944 гг., стали важным этапом развития искусства и обмена опытом. В Ташкенте во второй декаде выступили киргизские мастера, включая оркестр народных инструментов, хор, ансамбль танца и солистов, таких как А. Огонбаев, М. Баетов, М. Мусулманкулов и др. Вечера были посвящены киргизскому народному творчеству и произведениям местных композиторов [6: 169].

С 1940 г. в Киргизии действовала музыкальная школа, а в 1945/1946 уч. г. был открыт интернат на 56 мест. Однако недостаток местных кадров оставался проблемой, и только 41 из 115 учеников школы были киргизами. Принятые меры позволили увеличить долю киргизов среди учащихся, которые стали обучаться по шести специальностям, включая исполнителей комуза и кыяк. Также представители Киргизии продолжили обучение на дирижерских факультетах ведущих музыкальных вузов Москвы, Ташкента и Алма-Аты, что способствовало дальнейшему развитию музыкального искусства в республике [10: 125].

Великая Отечественная война стала переломным моментом в развитии киргизского изобразительного искусства. Многие художники, такие как Г.А. Айтиев, Ф.М. Стукошин, Л.Ф. Деймант и другие, участвовали в боевых действиях. Несмотря на трудности, они продолжали творить, делая зарисовки сражений. Ф.М. Стукошин вел «Солдатский дневник», Л.Ф. Деймант создал акварельные эскизы, А.А. Сгибнев сохранил более 600 произведений. Активно развивался жанр монументальной живописи и портретного искусства. Среди знаковых работ – «Портрет Чолпонбая Тулебердиева» С.А. Чуйкова (1943), «Генерал Панфилов»

А.П. Могилевского и серия портретов героев войны И.А. Белевича. Художники также создавали картины о трудовых фронтах, например, «Письмо с фронта» Г.А. Айтиева (1943) и «Песня» С.А. Чуйкова (1945). В 1944 г. Чуйков завершил работу «Освобожденным братьям», посвященную отправке продовольствия в освобожденные районы [9: 63–79].

Великая Отечественная война значительно повлияла на киргизское изобразительное искусство, став важным этапом в развитии национальной культуры. Художники запечатлели подвиги воинов и тружеников тыла, а также внесли вклад в агитационное искусство, сформировав новые направления в живописи и графике. Скульптурное искусство также развивалось. В этот период киргизская скульптура сочетала художественные и пропагандистские функции. Такие мастера, как О. Мануйлова, А. Мануйлов и А. Браиловский, создавали произведения, прославляющие героизм народа. В 1942 г. в Джалал-Абаде был установлен памятник Токтогулу, а в г. Фрунзе – памятник генерал-майору И.В. Панфилову. В 1944 г. на Всесоюзной выставке был представлен памятник панфиловцу Григорию Шемякину [4: 141]. Важными проектами стали рельеф на здании прокуратуры и скульптуры, посвященный трудовому подвигу на строительстве Большого Чуйского канала. О. Мануйлова создала работы «В помощь фронту», «Строительницы БЧК», «Девушка-колхозница» и «Медсестра» [4: 154]. Многие работы были утрачены, но эти годы стали важным этапом для развития монументальной скульптуры в Киргизской ССР.

Таким образом, Великая Отечественная война не только изменила социокультурный ландшафт Киргизии, но и стала катализатором его дальнейшего развития. Война способствовала укреплению национальной системы образования и науки, активному развитию литературы, искусства и печати, а также формированию новых социальных связей и изменению общественных ролей. Несмотря на тяжелые условия, республика продемонстрировала способность адаптироваться, интегрироваться в общесоюзное научное и культурное пространство и заложила прочную основу для послевоенной модернизации.

Источники и литература

1. *Алымкулов Н.А.* Подвиг советских медиков: госпитали Киргизии в годы войны // Военно-исторический журнал. 2020. № 5. С. 77–81.

2. *Асанканов А.* Уйгуры Кыргызстана. Бишкек, 2014.

3. *Атамбаева У.* Ошский государственный педагогический институт в годы Великой Отечественной войны // International Journal of Humanities and Natural Sciences. 2022. Vol. 4-1 (67). С. 43–45.

4. Изобразительное искусство Киргизстана / под ред. А.А. Салиева. Фрунзе, 1987.

5. История Киргизской ССР: в 5 т. Т. 4: Киргизия в 1938–1960 гг. Фрунзе, 1990.

6. *Керимбаев С.К.* Советский Киргизстан в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. Фрунзе, 1980.

7. Киргизия в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.: сборник документов и материалов. Фрунзе, 1965.

8. Кыргызы / отв. ред. А.А. Асанканов, О.И. Брусина, А.З. Жапаров. М., 2016.

9. *Мосолова Л.М., Прыткова Л.А.* История искусства Кыргызстана: в 2 т. Т. 2: XX – начало XXI в. СПб.; Бишкек, 2019.

10. *Токтогонов С.А.* Становление и развитие социалистической культуры Советского Киргизстана (1918–1958 гг.). Фрунзе, 1972.

11. Указ Президиума Верховного Совета СССР от 13 февраля 1942 г. «О мобилизации на период военного времени трудоспособного городского населения для работы на производстве и строительстве» // Исторические материалы. URL: https://istmat.org/node/24323 (дата обращения: 08.04.2025).

12. Указ Президиума Верховного Совета СССР от 8 июля 1944 г. «Об увеличении государственной помощи беременным женщинам, многодетным и одиноким матерям, усилении охраны материнства и детства, об установлении почетного звания "Мать-героиня" и учреждении ордена "Материнская слава" и медали "Медаль материнства"» // Исторические материалы. URL: https://istmat.org/node/52658 (дата обращения: 09.04.2025).

Э.Р. Вагабова

О ВКЛАДЕ ДЕЯТЕЛЕЙ АЗЕРБАЙДЖАНСКОГО МУЗЫКАЛЬНОГО И ТЕАТРАЛЬНОГО ИСКУССТВА В ПОБЕДУ В ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕНОЙ ВОЙНЕ

9 мая 2025 г. исполнилось 80 лет со дня победы советского народа в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. Значительный вклад в эту победу внес азербайджанский народ.

Выдающуюся роль в идейно-политической мобилизации населения и в художественном воссоздании событий тех лет сыграли деятели культуры и искусства. С самого начала войны они оказались в авангарде идеологической работы. Уже 13 июля 1941 г. председатель Комитета деятелей искусств Министерства культуры СССР М.Б. Храпченко призвал представителей художественной интеллигенции создать музыкальные произведения патриотического характера, расширить концертную деятельность для призыва народа на борьбу против оккупантов и мобилизации

населения. За этот призыв проголосовали и деятели искусства Азербайджана [4: 9–18].

С начала войны здание Азербайджанской государственной консерватории было превращено в госпиталь. Многие студенты и преподаватели консерватории, композиторы и исполнители ушли на фронт. Композиторы Азербайджана У. Гаджибеков, А. Бадалбейли, С. Рустамов с первых дней войны включились в работу по созданию новых музыкальных произведений о героях войны.

Сеть учреждений культуры Азербайджанской ССР в условиях войны осталась стабильной, но численность работников искусства значительно сократилась. За время войны государственная дотация на искусство уменьшилась более чем на 7,5 млн руб. [8: 144 об.].

Для удовлетворения просьбы командования частей Красной армии, расположенных на территории Ирана, 180–185 сотрудников консерватории (артисты и обслуживающий персонал) выехали на гастроли в Иран со следующим репертуаром: оперы «Кер-оглы», «Шах Исмаил», «Лейли и Меджнун», «Асли и Керем», оперетта «Аршин мал алан» [5: 72]. Руководили поездкой на гастроли с 1 октября 1941 г. директор и художественный руководитель Государственного оперного театра Заманов и Идаятзаде. Находящимся на политработе в частях Красной армии, расположенных на территории Ирана, Азизу Алиеву и Амирасланову предписывалось оказать коллективу оперного театра необходимую помощь. Говорилось и о подготовке необходимого числа брошюр, либретто, программ и афиш [5: 72].

В 1941 г. работало 357 фронтовых бригад, в 1943 г. их было уже 1215, а количество выступлений выросло до 150 тыс. В 1944 г. на фронте побывало 980 концертных бригад, которые выступили 185 тыс. раз. В целом за военные годы артисты побывали на фронте 42 тыс. раз, 3685 бригад выступали со спектаклями и концертами, 437 из них были показаны непосредственно на фронтовой линии перед 1350 тыс. зрителей [4: 16].

В Баку и его районах было создано 11 агитационных бригад, работавших в разных жанрах [15: 12–124, 148]. Уже в январе 1942 г. их количество достигло 23. Бригады художественной самодеятельности дали 460 представлений для бойцов Красной армии, а в районах Азербайджана 75 агитбригад выступили 1050 раз [15: 124]. До 1 января 1943 г. отряды художественной самодеятельности Баку дали 8800 концертов, отряды учебных заведений – 838 концертов [15: 124]. Всего в 1941–1945 гг. под руководством Узеира Гаджибекова на фронтах и тылах было организовано более 12 тыс. военно-патриотических концертов.

В письме на имя начальника Азрадиокомитета Шарифова от председателя Союза советских композиторов Азербайджана У. Гаджибекова от 15 июля 1942 г. № 87 было дано указание сократить продолжительность

мугама (многочастное вокально-инструментальное произведение азербайджанской традиционной музыки) до 5 минут. Кроме того, не рекомендовалось исполнение в дни войны некоторых видов мугама, а именно: гатар, баяты каджар, шуштер, хумаюн, все виды шикасте и др., которые вызывают грусть у слушателей [7: 8]. Рекомендовалось исполнение таких видов, как раст, махур, шур, сегях, баяты кюрд, хиджаз, симаи шамс, эйраты и др., которые пробуждали радость и душевный подъем [7: 8]. Поэтам предлагалось создавать стихи с новым содержанием. Из репертуара азербайджанских народных песен в письме предполагалось исключить: «O gara qaşlar» («О, черные брови»), «Almalı» («Яблоко»), «Qaşın gözün sürməli» («Подведи глаза»), «Cicəklənən Azərbaycan» («Азербайджан в цвету»), «Yeni kənd» («Новое село»), танцевальную музыку под названием «Ənzəli» («Энзели»), как не имевшие художественной ценности и чуждые духу азербайджанской музыки [7: 8].

Выступления ашугов сократились, но огромная часть их репертуара посвящалась военным сюжетам. Рекомендовалось увеличить количество выступлений ашугов, а также ансамбля сазисток, который имел в своем репертуаре много ашугских песен [7: 8 об.].

Говорилось и о необходимости систематической передачи народной музыки братских республик, например, узбекской, таджикской, туркменской, грузинской, украинской, белорусской, армянской, и др., через грамзапись и тонфильм. Из произведений советских композиторов предписывалось использовать только посвященные войне и музыку на героическую тематику. Из произведений русских классиков рекомендовалось выбирать созвучные с военным временем. Из творений азербайджанских композиторов допускались получившие соответствующий отзыв Союза композиторов.

Обращалось внимание на недостаточную подготовленность и порой примитивность детских передач в результате недостатков в организации и плохого подбора исполнителей. В литературно-музыкальных передачах часто подбор музыки не соответствовал текстовой части. При организации этой работы требовалась консультация музыкальных редакторов.

В первые месяцы войны были написаны и поставлены в Баку в театре оперы и балета им. М.Ф. Ахундова одноактные оперы (их называли «операми-плакатами») «Сигнал» М. Криштула и М. Вайнштейна (6 ноября 1941 г.), «Гнев народный» Б. Зейдмана и А. Бадалбейли (28 декабря 1941 г.), в которых звучали «не только гнев к захватчикам и призыв к борьбе, но и гимны героизму советских людей» [1: 103; 2: 39].

Свыше 80 песен и маршей, которые вдохновляли наших бойцов и трудящихся на борьбу с фашизмом, были написаны азербайджанскими композиторами У. Гаджибековым, Ниязи, К. Караевым, Д. Гаджиевым,

Б. Зейдманом и др. На тему войны композиторами Азербайджана создано свыше 70 небольших музыкальных произведений [6: 42]. Некоторые из них пользовались широкой популярностью, например, «Mərhəmət bacısı» («Сестра милосердия») У. Гаджибекова, «Клятва бойца» Г. Нейматова [5]. Большим драматизмом и богатством мелодики отличалась одноактная опера У. Гаджибекова «Родина и фронт», поставленная в 1942 г.

В годы войны идеи патриотизма определили развитие азербайджанского музыкального искусства. Основной формой пропаганды стала шефская деятельность в воинских частях. В частности, специальные фронтовые группы выезжали на передовую, где исполняли патриотические произведения [19: 50]. Например, жизнеутверждающие песни У. Гаджибекова «В добрый путь», «Материнское напутствие», «Марш бойцов», «Армия отчизны» полюбились воинам [1: 110]. Композиторы С. Рустамов, Ф. Амиров, А. Рзаева, А. Аббасов, С. Алескеров, А. Гусейнзаде, Ш. Ахундова, О. Никольская работали в этом же жанре [19: 70]. Одна из таких фронтовых групп во главе с выдающимся азербайджанским певцом Бюль-Бюлем дала большое количество концертов на передовой линии Брянского фронта, другая обслуживала части Дальневосточного фронта. Азербайджанские исполнители неоднократно выступали и перед защитниками Северного Кавказа [1: 90–91].

Огромный размах приняла музыкальная шефская работа, в которой приняли участие тариста, певцы-ханенде. По словам азербайджанского исследователя ашугского искусства Э. Эльдаровой, около 120 ашугов, объединившись в концертные бригады, выступали в воинских частях [23: 64].

К сожалению, молодые талантливые композиторы М. Исрафилзаде, Г. Нейматов, М. Сребницкий погибли смертью храбрых. На фронтах сражались также композиторы Ф. Амиров, Т. Кулиев, А. Аббасов, З. Багиров, музыковеды М. Исмайлов, Х. Меликов [1: 91].

В Баку шли оперы «Иван Сусанин» М.И. Глинки и «Князь Игорь» А.П. Бородина, изображавшие борьбу русского народа за свою родину. Значительным культурным событием стало исполнение объединенным симфоническим оркестром оперного театра и Азрадиокомитета «Седьмой симфонии» Д.Д. Шостаковича в Азгосфилармонии [6: 42; 8: 2]. Именно симфоническая музыка явилась важнейшим достижением азербайджанских композиторов, заняв ведущее место в их творчестве [19: 51]. За годы войны в Азербайджане было создано более 25 значительных симфонических произведений, лучшими из которых были сочинения Ф. Амирова, К. Караева, Д. Гаджиева, С. Гаджибекова, заложившие основы национально-самобытного симфонизма [1: 96]. В героико-патриотической опере «Вэтэн» («Родина», 1945 г.) К. Караева и Д. Гаджиева (либретто И. Идаятзаде и М. Рагима) была «воплощена военная тема, а музыка насыщена интонациями

азербайджанского народного мелоса, ясна и доходчива» [2: 39]. Авторы были удостоены звания лауреатов Сталинской премии и Государственной премии СССР [20: 61, 63; 23: 71]. Были созданы героическая увертюра для оркестра народных инструментов «Джанги» («Боевая») и «Гахраманы» У. Гаджибекова, «Симфония памяти героев Великой Отечественной войны» К. Караева, «Первая симфония» Д. Гаджиева, «Первая симфония» С. Гаджибекова [20: 60]. Симфонические произведения азербайджанских композиторов были известны далеко за пределами республики, в странах Европы, Ближнего Востока и США [20: 61]. Одним из самых популярных произведений стал «Азербайджанский марш для духового оркестра» К. Караева [1: 111]. В годы войны были написаны и музыкальные комедии «Похитители сердец» Ф. Амирова (1943 г.), «Актриса» Т. Кулиева (1943 г.), «Цветок любви» С. Алескерова (1945 г.).

Азербайджанская симфоническая музыка заняла видное место в программах Декады музыкального искусства закавказских республик в Тбилиси в 1944 г. и получила высокую оценку Р. Глиэра, отметившего профессионализм мастеров музыкального искусства Азербайджана [21: 69].

На концертах камерной музыки, чередовавшихся с симфоническими, было прослушано 27 произведений 13 азербайджанских композиторов, в том числе семи женщин. Среди вокальных произведений была новая форма азербайджанского сольного пения – газелла – восточная поэтическая форма с лирическим содержанием. Тексты газелл часто служили для вокальной импровизации в азербайджанских ладах. Газеллы имели большой спрос у зрителей, посещавших концерты декады [17: 58–63].

Подлинные шедевры азербайджанской камерной вокальной музыки – романсы-газеллы на слова Низами «Без тебя» и «Возлюбленная» – были созданы выдающимся азербайджанским композитором У. Гаджибековым [22: 71]. В лирической опере Ниязи «Хосров и Ширин», написанной на основе одноименной поэмы Низами (либретто М. Ордубади) и посвященной 800-летию со дня рождения поэта, были воссозданы поэтические образы Низами. Первое представление состоялось 7 мая 1942 г. и было тепло встречено зрителями. На спектакле присутствовал российский композитор С.С. Прокофьев, давший высокую оценку инструментовке оперы, отметив, что «Ниязи умеет находить верные краски в передаче тех или иных психологических оттенков действующих лиц» [2: 39].

В 1942 г. У. Гаджибековым была написана одноактная опера «Родина и фронт», отличавшаяся большим драматизмом и богатством мелодики [22: 103]. Еще в 1943 г. по предложению Центрального комитета Коммунистической партии Азербайджана при Азгосконсерватории им. Асафа Зейналлы был создан отдел по изучению теоретических основ азербайджанской народной музыки. В 1945 г. был издан фундаментальный труд

У. Гаджибекова «Основы азербайджанской народной музыки». В нем отмечено, что изучение основ азербайджанской народной музыки имеет важное значение не только для дальнейшего развития музыкального искусства Азербайджана, но и для научно-исследовательской и теоретической работы в области советского музыкознания [16: 5].

Активно работал в годы войны коллектив научно-исследовательского кабинета музыки под руководством знатока народной музыки Бюль-Бюля. Опубликованные записи ашугских песен воспевали героизм советских воинов, самоотверженный труд в тылу. Одновременно была начата подготовка к изданию музыкально-литературных сборников, посвященных актуальным вопросам азербайджанской музыкальной культуры: «Фольклор в годы Великой Отечественной войны», «Музыкальная культура Азербайджана с древнейших времен до наших дней», «Вокальная культура Азербайджана», «Азербайджанский музыкальный словарь» [22: 89]. Параллельно издавались музыкальные пособия «Школа игры на таре» С. Рустамова, «Школа игры на кеманче» Д. Гасановой, готовилась к печати «Школа игры на балабане» Абдулалимова и Чарчогляна. В основу музыкальных примеров пособий легли фольклорные произведения [22: 89].

За время войны правление Союза советских композиторов (далее – ССК) Азербайджана обсудило 192 музыкальных произведения, из которых 132 были написаны членами ССК, а 60 – членами молодежной секции. Среди них шесть опер, пять крупных и 12 небольших симфонических произведений, 25 хоровых песен и маршей, 22 произведения для оркестра народных инструментов. 120 произведений стали достоянием широких масс, 25 изданы отдельно и в составе трех сборников [14: 1].

Широкая сеть созданных музыкальных учебных заведений в Баку и в районных центрах республики способствовала дальнейшему развитию музыкальной культуры Азербайджана. Наряду с выполнением академических задач, в дни войны музыкальные учебные заведения – училища, школы и Азгосконсерватория – провели большую военно-шефскую работу в эвакогоспиталях, в частях Красной армии, в шефской музыкальной школе при Доме Красной армии [10: 83].

Проводились мероприятия по улучшению работы ССК Азербайджана, обсуждались задачи дальнейшего развития азербайджанского музыкального искусства [10: 2]. Оперы, созданные в годы войны, не выдержали испытания временем и постепенно исчезли из репертуара. Но в тот период они сыграли существенную роль в росте азербайджанской музыкальной культуры и расширили художественные интересы молодых композиторов.

В соответствии с требованием военного времени изменился репертуар театральных и концертных организаций, сделан упор на патриотические и антифашистские темы [6: 3]. Работники искусства Азербайджана

в дни войны вели работу по воспитанию широких масс трудящихся и частей Красной армии в патриотическом духе. За семь месяцев войны бригады артистов всех бакинских театров и концертных организаций дали более 4 тыс. концертов в частях Красной армии, агитпунктах, госпиталях. Репертуар обогатился новыми пьесами и произведениями музыкального и изобразительного искусства на патриотические и антифашистские темы. Так, в театре азербайджанской драмы им. М. Азизбекова были поставлены «Фархад и Ширин» Самед Вургуна, «Низами» Мехти Гусейна, «Интигам» Зейнал Халила и «Аслан Ятагы» Р. Тахмасиба; в театре русской драмы – «Фельдмаршал Кутузов» В. Соловьева и «Русские люди» К. Симонова [8: 143]; в театре армянской драмы – «Приговор» А. Дарбни, «Бушующий лес» В. Агасян; в театре юного зрителя – «Чатын даря» Ахундова [6: 4]. «Фархад и Ширин» и «Низами» отражали героическую борьбу азербайджанского народа за освобождение, «Фельдмаршал Кутузов» показал Отечественную войну 1812 г., остальные произведения были посвящены войне советского народа против фашизма.

Азербайджанские театры в дни войны ставили спектакли на материале национальной, русской и западной драматургии. Спектакли «Парень из нашего города» (реж. С. Турабов) по пьесе К. Симонова в переводе М. Гусейна под названием «Вэтэн оглы» («Сын Родины»), «Поединок» братьев Л. и П. Тур, Л. Шейнина (реж. А. Шарифов), «Месть» З. Халила показывали мужество и героизм советских людей на фронтах и в тылу [3: 65; 19: 68–70].

На сцене Азербайджанского государственного ордена Ленина театра оперы и балета им. М.Ф. Ахундова были поставлены пьесы С. Вургуна «Вагиф» (муз. С. Рустамова), «Ханлар», «Фархад и Ширин» (муз. А. Бадалбейли) [18: 85]. Для частей Красной армии в Иране были показаны спектакли «Кер-оглу», «Лейли и Меджнун», «Асли и Керем», «Шах Исмаил» [13: 92]. Среди пьес о войне, созданных азербайджанскими драматургами, следует отметить «Львиное логово» М. Тахмасиба (муз. Ш. Фатуллаева), «Низами» М. Гусейна (муз. С. Рустамова), «Мэхэббэт» М. Ибрагимова и «Интигам» З. Халила (муз. Айзена) (все – 1942 г.), «Вэфа» (Р. Рза, муз. С. Рустамова), «Интизар» (И. Эфендиев, М. Гусейн, муз. С. Рустамова) (1943 г.), «Тавриз Туманный» по одноименной пьесе М.С. Ордубади на музыку А. Бадалбейли и «Инсан» (С. Вургун, муз. С. Гаджибекова) (1945 г.) [6: 4; 18: 85].

29 января 1943 г. был поставлен балет «Раймонда» А. Глазунова, 5 марта – опера «Черевички» П.И. Чайковского. В первом полугодии театр поставил оперу У. Гаджибекова «Ашиг Гариб», запланированную еще в 1942 г. [13: 5]. Еще три премьеры предполагалось показать осенью – это «Севильский цирюльник» Дж. Россини на азербайджанском языке,

«Кероглы» У. Гаджибекова на русском языке и балет «Дон Кихот» Л. Минкуса [13: 10]. Всего в 1943 г. было показано 292 спектакля. Крупные концерты давались в годовщины Красной армии, установления советской власти в Азербайджане, Октябрьской революции [13: 10].

Активно велась культурно-массовая работа. В первом полугодии 1943 г. в театре регулярно читались доклады и лекции о международном положении и войне. В документах отмечалась необходимость продолжать эту деятельность без ущерба для основной работы театра и без снижения художественной ценности концертных выступлений артистов в госпиталях и войсковых частях [13: 7, 8]. В первом полугодии 1943 г. для бойцов Красной армии и Военно-морского флота было проведено: 5 шефских спектаклей, 10 встреч с бойцами и командирами в частях и госпиталях; 87 концертов в госпиталях; 17 концертов выездных бригад по обслуживанию пограничных частей; 666 смешанных концертов в общих бригадах через Дом Красной армии (человеко-выступлений) (всего 785). За обслуживание частей Красной армии в 1943 г. театр был награжден переходящим Красным знаменем Центрального комитета Союза работников искусства [13: 8].

За время войны бригады артистов всех бакинских театров и концертных организаций дали 14 759 концертов в частях Красной армии, агитпунктах, призывных пунктах, госпиталях и сельских районах [8: 144]. Особо следует отметить выступления на фронте, в которых участвовали такие артисты, как Бюль-Бюль, А. Алекперов, Ш. Усейнов и др. В воинских частях, госпиталях, на трассе спецстроительства выступали Рзаева, Афганлы, Хан Шушинский, Пиримов, Лопаткин, Байков, Дроздов, Ерамян и др. [8: 144]. Согласно справке об отправке художественных бригад Управления по делам искусства при Совете народных комиссаров Азербайджанской ССР, вне республики с начала войны было дано 324 концерта: на Южном фронте (Крым, Керчь) 5 бригад артистов в составе 36 человек дали 87 концертов; в Махачкале 2 бригады в составе 18 человек – 40 концертов; в госпиталях Минеральных Вод 16 бригад в составе 12 человек – 32 концерта; на Дальнем Востоке 2 бригады в составе 14 человек – 25 концертов; в Иране 6 бригад в составе 51 человек – 127 концертов; в Астрахани 1 бригада в составе 9 человек – 13 концертов [11: 68]. За два с половиной месяца с 1 февраля по 16 апреля 1943 г. пребывания на Дальневосточном фронте непосредственно в частях было организовано 35 докладов на оборонно-политические и антифашистские темы с охватом не только бойцов-азербайджанцев, но и военнослужащих других национальностей. Бригадой было проведено 58 групповых бесед с бойцами и 67 художественно-концертных представлений, прошедших с большим успехом [9: 245].

Театр юного зрителя им. М. Горького за время войны осуществил постановку 25 пьес классиков азербайджанской драматургии – «Везирь

Лянкяранского ханства» М.Ф. Ахундова, «Гаджи Гамбар» Г.Б. Везирова, советских драматургов – «Вэтэн» А. Шаига, «Бессмертный» А. Гладкова и А. Арбузова, русских классиков – «Ревизор» Н.В. Гоголя, «Не было ни гроша, да вдруг алтын» Н.А. Островского и других [12: 135]. За время войны театр охватил полмиллиона юных зрителей, посылал бригады в сельские районы для обслуживания детей колхозников, организовал шефскую работу в госпиталях и частях Красной армии. Недостатками в его работе считались: недостаточный учет учебно-воспитательных задач школы, отсутствие надлежащего художественно-педагогического руководства; отсутствие актива писателей-драматургов для создания нового качественного репертуара, планомерной работы над повышением общекультурного и профессионального уровня актеров; отсутствие организованной педагогическо-воспитательной работы со зрителями-кукольниками, опытных педагогов для проведения широкой культурно-воспитательной и разъяснительной работы среди детей; запущенность помещения театра [12: 135]. Для улучшения работы было решено создать при театре юного зрителя художественно-педагогический совет [12: 136]. Союзу советских писателей Азербайджана было поручено провести расширенное совещание писателей с привлечением педагогов, на котором обсудить вопрос о создании качественного детского репертуара на азербайджанском и русском языках, а также наметить мероприятия по оказанию необходимой помощи авторам пьес для театра [12: 137]. Кроме того, было предложено Дому народного творчества регулярно обеспечивать репертуарным материалом кружки детской самодеятельности школ и осуществлять постоянное руководство этими кружками, а также систематически организовать в Баку и сельских районах республики конкурсы детской художественной самодеятельности с целью выявления юных талантов [12: 137].

Таким образом, азербайджанские деятели искусства и культуры приложили максимум усилий для переориентации своей деятельности и творчества, сыграв свою роль в Победе в Великой Отечественной войне.

Источники и литература

1. *Абасова Э.Г., Касимов К.А.* Очерки музыкального искусства Советского Азербайджана. 1920–1956. Баку, 1970.

2. Азербайджанский государственный ордена Ленина театр оперы и балета им. М.Ф. Ахундова: краткий очерк / сост. А. Бадалбейли, К. Касимов. М., 1959.

3. *Алиева А.А.Г*. Азербайджанский театр за 100 лет. Баку, 1974.

4. *Амрахов М.И.* Культура Азербайджана в годы Второй мировой войны // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2005. № 2 (26). С. 9–18.

5. Архив политических документов Управления делами Президента Азербайджанской Республики (далее – АПД УДП АР). Ф. 1. Оп. 26. Д. 45.
6. АПД УДП АР. Ф. 1. Оп. 27. Д. 82.
7. АПД УДП АР. Ф. 1. Оп. 27. Д. 728.
8. АПД УДП АР. Ф. 1. Оп. 27. Д. 731.
9. АПД УДП АР. Ф. 1. Оп. 28. Д. 20.
10. АПД УДП АР. Ф. 1. Оп. 28. Д. 37.
11. АПД УДП АР. Ф. 1. Оп. 28. Д. 461.
12. АПД УДП АР. Ф. 1. Оп. 29. Д. 18.
13. АПД УДП АР. Ф. 1. Оп. 29. Д. 395.
14. АПД УДП АР. Ф. 1. Оп. 29. Д. 397.
15. АПД УДП АР. Ф. 1. Оп. 238. Д. 199.
16. *Гаджибеков У.* Основы азербайджанской народной музыки. Баку, 1945.
17. *Зейналова М.* Промышленность, транспорт, наука и культура Азербайджана в годы Великой отечественной войны // IRS Наследие. 2015. № 2 (74). С. 58–63.
18. *Керимова Н.* Театр и музыка (очерки истории театральной музыки Азербайджана 1920–1944 гг.). Баку, 1982.
19. Культура Советского Азербайджана. Баку, 1980.
20. *Курбанов М.К.* Культура Советского Азербайджана. Баку, 1959.
21. Музыка Советского Азербайджана в дни Отечественной войны. Баку, 1945.
22. Расцвет азербайджанского советского искусства. Баку, 1986.
23. *Эльдарова Э.* Некоторые вопросы музыкального творчества ашугов // Азербайджанская музыка. Сборник статей. М., 1961. С. 64–85.

В.Н. Кальниченко

ВОЗРОЖДЕНИЕ РЕЛИГИОЗНОЙ ЖИЗНИ НА НИЖНЕМ ДОНУ В 1942–1945 гг.

Возрождение религиозной жизни на территории Ростовской области в годы Великой Отечественной войны остается недостаточно исследованной проблемой в отечественной историографии. В работах современных исследователей по истории государственно-церковных отношений часто высказывается мнение, что именно в период Великой Отечественной войны произошла смена политического курса в отношении религиозных организаций. Поводом к его изменению послужила активная поддержка представителями различных религиозных организаций борьбы против захватнической деятельности гитлеровцев. В российской историографии

значительное место занимает изучение проблем взаимоотношения немецко-фашистских захватчиков с верующими и духовенством на временно оккупированных территориях. В исследованиях И.В. Петрова [18], Б.Н. Ковалева [8], В.Н. Якунина [24], Е.Ф. Кринко, И.Г. Тажидиновой, Т.П. Хлыниной [9] анализируется политика немецкого руководства в отношении религиозных организаций. В публикациях Л.В. Табунщиковой [20], А.В. Шадриной [23], А.П. Скорика [19] представлена деятельность немецкой администрации (восстановление памятников культуры, храмов), способствующая открытию церквей, молитвенных домов и восстановлению церковно-административного аппарата. В диссертации Е.Н. Нечай показана пропаганда оккупационной администрации в средствах периодической печати [11]. Отметим, что исследователями преимущественно рассматривается возрождение церковной жизни в городе, а аналогичные процессы в сельской местности остаются почти без внимания.

К началу Великой Отечественной войны на территории Ростовской области осталось всего два действующих храма: официально – церковь Преображения Господня в х. Обуховском (Азовский район), неофициально – церковь Рождества Пресвятой Богородицы в х. Каныгине (Раздорский район). Отметим, что оба действующих прихода располагались в районах Нижнего Дона [7].

Оккупация Ростовской области началась в середине июля – начале августа 1942 г. и завершилась в феврале 1943 г. Приход немецкой администрации ознаменовал новый этап в жизни Донского региона. И.В. Петров отмечает: «Среди центров религиозного возрождения, которые сформировались в период оккупации современной Ростовской области, следует отметить Ростов-на-Дону, Новочеркасск, Таганрог и Шахты» [18: 567]. 5 апреля 1942 г. в Таганроге воскресный Пасхальный праздничный день был объявлен выходным. Более того, было обещано, что «почасовая плата за эту смену будет возмещена рабочим германскими властями в виде пасхальной премии» [18: 253]. Однако это была лишь иллюзия свободы и новой жизни в условиях иного политического управления. С одной стороны, восстанавливались прежние, существовавшие до советской власти, памятники. Например, в Таганроге в июне 1943 г. был демонтирован памятник В.И. Ленину и на прежнее место был возвращен памятник Петру I [21: 370]. С другой стороны, происходило изъятие антирелигиозной, философской и марксистско-ленинской литературы [22: 111]. Это явление было общим и охватывало не только центр (города), но и всю периферию (станицы и хутора) Ростовской области. Важно отметить, что регламентация касалась всех сфер деятельности населения, включая учет скота и получение паспортов для лошадей. Более того, население было обязывано неукоснительно следовать приказам коменданта или

городской управы, за неисполнение приказов жители несли «ответственность по законам военного времени» [15: 1].

Населением Ростовской области, и в частности Нижнего Дона, с большой радостью были восприняты новости об открытии церквей и возможности отправления религиозных потребностей. 27 августа 1942 г. «Новочеркасский вестник» сообщает, что по «селам и станицам Донской области продолжают открываться церкви. Начались богослужения в станице Бесергеневской, Багаевской, хуторах Грушине (Верхне-Кундрюческой станицы) и Яновском» [13: 2]. Не осталась без внимания периодической печати и проблема состояния религиозных строений: население было им крайне озабочено и предпринимало попытки восстановления церквей и храмов. Ярким примером является Новочеркасское благочиние, при котором было «организовано товарищество по ремонту и восстановлению церквей, расположенных в Новочеркасске и в прилегающих к городу станицах и хуторах» [16: 2]. В г. Шахты протоиерей Василий Дмитриев в период оккупации обратился в бургомистерство для получения разрешения на совершение богослужений. Немецкая администрация, одобрив данную инициативу, выделила для этой цели помещение начальной школы, строительный материал и рабочую силу [21: 372]. Подобная практика была довольна распространена, но до сих пор в научной литературе остается открытым вопрос, от кого исходила инициатива возрождения религиозных строений с их последующим функционированием. В станицах и хуторах зачастую такая инициатива исходила от местных жителей, что подтверждается как устными, так и письменными источниками. Например, вот как сообщалось об Ильинской церкви в х. Кузнецовском (Семикаракорский район): «В период временной оккупации в 1942 году церковники вновь заняли это здание» [3: 58].

Отсутствие церковных строений не повлияло на возрождение религиозной жизни. Старожил ст. Манычской Багаевского район В.А. Извощикова вспоминает: после того как в 1942 г. старообрядческий храм разобрали советские войска под понтонную переправу через р. Маныч, старообрядцы молились по домам: «А куда ж деваться» [5]. Подобная практика наблюдалась и в среде православного населения. Например, в х. Мечетном Семикаракорского района не было церкви (Никольская церковь была закрыта в 1939 г.) [4: 468]. Старожил хутора Ю.В. Кальниченко отмечает, что молитва в период оккупации совершалась индивидуально (по домам) [6].

Религиозное возрождение заключалось не только в открытии церквей и молитвенных домов, но и в создании церковных хоров. Например, при Александро-Невской церкви был сформирован профессиональный церковный хор, исполнявший нотные песнопения на богослужениях

в праздничные дни [13: 2]. При этом особой популярностью пользовались произведения дореволюционных композиторов, имена многих из них в годы советской власти были преданы забвению. Газета «Новочеркасский вестник» 21 августа 1942 г. сообщала: «Сейчас хор разучивает “Благослови душе моя Господа” и “Верую” – П.И. Чайковского, “Херувимскую” № 5 – А.Т. Гречанинова, а также ряд произведений известного русского церковного композитора А.Д. Кастальского» [12: 2].

Показательным примером возрождения старых порядков является строевой смотр 6 сентября 1942 г. Это мероприятие повторило дореволюционный войсковой смотр, сопровождавшийся молитвой клира и духовенства. В теплый воскресный день у небольшой соборной площади Новочеркасска было многолюдно. У памятника герою сибирских походов Ермаку Тимофеевичу расстилались живые цветы, возложенные благодарными потомками. В Донском кафедральном соборе шла Божественная литургия, храм был наполнен молящимися: «Кругом сосредоточенные люди, много старых казаков, одеты по форме, и они эти старые служаки не могут скрыть чувств, волнующих их. Богослужение закончено» [16: 1]. После торжественного богослужения настоятель собора со всем церковным причтом спустились к площади, на которой были построены молодые казаки. Немногочисленные ряды молодых казаков из нижнедонских станиц (Бессергеневской, Заплавской и Кривянской) были приведены к добровольной присяге «за свободу Дона» [16: 1].

Органом, фиксирующим рождение, свадьбы и смерть, как и прежде, повсеместно, в том числе на Нижнем Дону, был отдел записи актов гражданского состояния (ЗАГС) [22: 111]. Антисоветскую пропаганду активно поддерживало православное духовенство. В поздравительной статье «Архипастырское послание ко всем пастырям и верующим православной Христовой церкви Ростовской епархии» архиепископ Ростовский Николай (Амасийский) по случаю светлого Христова Рождества пишет: «Для нас, возлюбленные чада, нынешний праздник особенно радостен, так как над нами совсем еще недавно висела такая же беспросветная ночь <…> ночь безверия и кощунственного безбожия <…> узаконенного грабежа, насилия и разбоя» [17: 1]. Далее он напоминает пастырям о высоком предназначении их священных степеней, заключая: «Возблагодарим же Господа за Его неизреченные милости и, не теряя времени, присоединимся к братской семье христианских народов Новой Европы» [17: 1].

При этом некоторые граждане, будучи верующими людьми, в период оккупации не рвались занимать какие-либо церковные должности, а занимали их после снятия оккупации при подаче документов на открытие прихода. Емцов Григорий Иванович, 1878 г.р., отвечая в анкете на вопрос о своей деятельности, пишет: «С 36 – 42-й год был учителем скрипки

в Шахтинском город. пед-училище. С 20-го июля 42-го года по 1-е июля 43 г. сапожничал. С 1-го / VII по 15-е сентября 43-года был в Кочетовской церкви псаломщиком». А уже с 15 сентября 1943 г. и до момента написания анкеты (17 июня 1944 г.) он был действующим псаломщиком Казанской церкви ст. Семикаракорской [2: 6]. Остается открытым вопрос, функционировала ли данная церковь в период оккупации. Регистрация данного прихода состоялась 20 ноября 1944 г. Вслед за этим храмом регистрационные свидетельства в Новочеркасске получили церковь святых равноапостольных Константина и Елены и Вознесенский собор (20 ноября 1942 г.), Алексеевская церковь в ст. Бесергеневской, Иоанно-Богославская церковь в ст. Грушевской, Одигитриевская церковь в ст. Заплавской (24 ноября 1944 г.) [1: 43]. Следует подчеркнуть, что упомянутые церкви были открыты в период оккупации, многие из них неоднократно упоминались в «Новочеркасском вестнике». В конце этого же года формальную легализацию получила ранее не закрывавшая свои двери Преображенская церковь в х. Обуховском и еще шесть церквей и один молитвенный дом. В 1945 г. регистрацию получили как крупные церкви (например, Кафедральный собор Рождества Пресвятой Богородицы г. Ростова-на-Дону, Покровский собор ст. Константиновской, церковь мученицы Параскевы Пятницы в ст. Манычской и др.), так и небольшие (Николаевская церковь в ст. Багаевской, Успенский молитвенный дом в х. Трофимове Константиновского района). При Покровском соборе ст. Константиновской насчитывалось 600 верующих [10: 8].

Таким образом, возрождение религиозной жизни на территории Нижнего Дона наступило в период немецко-фашистской оккупации. В этот период в сельской местности (станицы и хутора) население выражало свою заинтересованность в открытии церквей и молитвенных домов. Создавались товарищества по постройке и ремонту религиозных объектов. В отсутствии церквей в населенном пункте верующие в индивидуальном порядке осуществляли молитвы. Возрождение религиозной жизни характеризовалось не только организованным открытием культовых сооружений, восстановлением церковной структуры, но и строевыми смотрами с участием в них духовенства. Однако поддержка оккупационной администрацией инициатив граждан была лишь иллюзией свободы, в действительности же существовала строгая регламентация личной и общественной деятельности. После освобождения Ростовской области от врага наступил период официальной регистрации церковных обществ.

Источники и литература

1. Государственный архив Ростовской области (далее – ГАРО). Ф. Р-4173. Оп. 4. Д. 2.

2. ГАРО. Ф. Р-4173. Оп. 4. Д. 250.

3. ГАРО. Ф. Р-4173. Оп. 4. Д. 251.

4. Закрытие церквей и молитвенных зданий Донской области в 1920–1930-е гг.: сборник документов / сост. Л.В. Табунщикова, А.В. Шадрина. Ростов-на-Дону, 2013.

5. Информант В.А. Извощикова, 1942 г.р. Интервьюер: В.Н. Кальниченко. Место проведения: Ростовская область, Багаевский район, ст. Манычская, 19.01.2021 г. Продолжительность: 64 мин.

6. Информант Ю.В. Кальниченко, 1939 г.р. Интервьюер: В.Н. Кальниченко. Место проведения: Ростовская область, Семикаракорский район, х. Мечетной, 09.03.2021 г. Продолжительность: 39 мин.

7. *Кальниченко В.Н.* Выставка «Разрушенные и сохраненные храмы Нижнего Дона в XX в.» в экспозиции Раздорского этнографического музея-заповедника // Вестник Старочеркасского историко-архитектурного музея-заповедника. 2022. Вып. 7. С. 30–42.

8. *Ковалев Б.Н.* Повседневная жизнь населения России в период нацистской оккупации. М., 2011.

9. *Кринко Е.Ф., Тажидинова И.Г., Хлынина Т.П.* Частная жизнь советского человека в условиях военного времени: пространство, границы и механизмы реализации (1941–1945). Ростов-на-Дону, 2013.

10. Муниципальный архив Администрации Константиновского района. Ф. Р-9. Оп. 1. Д. 119.

11. *Нечай Е.Н.* Коллаборационистская печать на Дону в период Великой Отечественной войны (1941–1943 гг.): особенности функционирования: дис. ... канд. филол. наук. Воронеж, 2016.

12. Новочеркасский вестник. 21 августа 1942 г. № 8.

13. Новочеркасский вестник. 27 августа 1942 г. № 13.

14. Новочеркасский вестник. 3 сентября 1942 г. № 19.

15. Новочеркасский вестник. 5 сентября 1942 г. № 21.

16. Новочеркасский вестник. 10 сентября 1942 г. № 25.

17. Новочеркасский вестник. 17 января 1943 г. № 14.

18. *Петров И.В.* Между двух зол. Православное духовенство на временно оккупированной территории РСФСР в 1941–1944 гг. М., 2021.

19. *Скорик А.П.* Новочеркасск во время нацистской оккупации // Великая Отечественная война в истории и памяти народов Юга России: события, участники, символы: материалы III Всероссийской научной конференции (г. Ростов-на-Дону, 30 июня – 1 июля 2022 г.) / отв. ред. акад. Г.Г. Матишов. Ростов-на-Дону, 2022. С. 441–458.

20. *Табунщикова Л.В.* Церковная жизнь города Ростова-на-Дону в период немецкой оккупации в годы Великой Отечественной войны // Актуальные проблемы социальной истории: сборник научных статей. Вып. 17. Новочеркасск, 2016. С. 82–87.

21. *Табунщикова Л.В.* Церковная жизнь на территории Ростовской области в период немецкой оккупации в годы Великой Отечественной войны // Значение сражений 1941–1943 гг. на юге России в Победе в Великой Отечественной войне: материалы Всероссийской научной конференции (Ростов-на-Дону, 3–6 июня 2015 г.) / отв. ред. акад. Г.Г. Матишов. Ростов-на-Дону, 2015. С. 369–375.

22. Центр документации новейшей истории Ростовской области. Ф. Р-3. Оп. 2. Д. 36.

23. *Шадрина А.В.* Особенности религиозной жизни в Ростовской области в 1942–1943 гг. и ее отражение в периодике оккупационного периода // Великая Отечественная война в истории и памяти народов Юга России: события, участники, символы: материалы Всероссийской научной конференции, посвященной 75-летию Победы в Великой Отечественной войне (г. Ростов-на-Дону, 10–11 сентября 2020 г.) / отв. ред. акад. Г.Г. Матишов. Ростов-на-Дону, 2020. С. 438–445.

24. *Якунин В.Н.* Русская православная церковь на оккупированных территориях СССР в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Самара, 2001.

В.Н. Якунин

КУЙБЫШЕВСКАЯ ЕПАРХИЯ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ И ПЕРВЫЕ ПОСЛЕВОЕННЫЕ ГОДЫ (1941–1952 гг.)

Деятельность Куйбышевской епархии в годы Великой Отечественной войны и первые послевоенные годы представляет интерес для исследователей, так как в это время произошли кардинальные перемены в церковной жизни. Многократно возросло количество православных церквей, так как в военные годы власти были вынуждены учитывать интересы верующих. К служению привлекали священников, которые до этого находились в тюрьмах и лагерях, на пенсии и на светской работе.

22 июня 1941 г. местоблюститель патриаршего престола митрополит Московский и Коломенский Сергий (Страгородский) обратился к верующим страны с посланием, в котором благословил православных христиан на защиту Родины и призвал каждого внести свою лепту в общенародный подвиг [2: 3–5].

Это обращение митрополита Сергия (Страгородского) было разослано во все епархии, в том числе и Куйбышевскую. Архиепископ Андрей (Комаров) руководил духовной жизнью верующих области в должности настоятеля кафедрального Покровского собора, хотя формально епархией

не управлял. Он сознавал, что для Русской православной церкви (далее – РПЦ) пришло время новых возможностей. Архиепископ Андрей счел необходимым ознакомить с обращением митрополита Сергия ответственного за церковные вопросы чиновника. А тот довольно долго не реагировал и не возвращал текст обращения. Не успев обнародовать воззвания, архиепископ Андрей был арестован.

Его арест явился неожиданностью для верующих. Вскоре после начала войны постепенно стали возвращаться из ссылок и тюрем некоторые архиереи и священники, и прежняя судимость перестала быть препятствием к регистрации священнослужителей органами власти. Вместе с тем в первый же воскресный день после ареста архиепископа Андрея воззвание митрополита Сергия было зачитано протоиереем Петром Свиридовым, занявшим настоятельское место тотчас после ареста архиерея. Получалось так, как будто бы архиепископ Андрей медлил призывать народ на помощь фронту, а Пётр Свиридов сразу же развернул активную деятельность.

Верующие известили местоблюстителя патриаршего престола митрополита Сергия об аресте архиепископа Андрея, и священнослужитель добился, чтобы для проверки дела прислали следователя из Москвы. Тот признал обвинение необоснованным, и архиепископ был освобожден 8 сентября 1941 г. [3: 115].

12 сентября 1941 г. был издан указ о назначении архиепископа Андрея правящим архиереем Куйбышевской епархии. С началом войны, когда стало важным добиться сплочения и лояльности всего народа, и верующих в том числе, советское правительство пошло на некоторые уступки РПЦ. После долгих лет запретов было разрешено заместить архиерейские кафедры, бывшие до того вакантными, и открыть несколько церквей.

В декабре 1941 г. епископом Куйбышевским стал протоиерей Пётр Свиридов, в монашестве Питирим. Его управление епархией продолжалось месяц, под давлением верующих Питирима (Свиридова) 10 января 1942 г. перевели в Калугу. На Куйбышевскую архиерейскую кафедру назначили архиепископа Алексия (Палицына).

Если до 1943 г. в Куйбышевской области действовали только две церкви (Покровская в Куйбышеве и Вознесенская в Кинель-Черкассах), то уже в 1947 г., благодаря усилиям архиепископа Алексия и верующих, их стало 19 [5: 25; 6: 8]. Эти церкви перечислены в табл. 1.

В 20 районах Куйбышевской области действующих церквей не было.

В военные и послевоенные годы правящий архиерей большое внимание уделял организации церковных хоров. В Покровском и Петропавловском храмах г. Куйбышева хоровому пению был придан традиционный церковный характер. В Покровском соборе наиболее важные молитвы пелись всеми присутствующими [8: 86].

Таблица 1

Перечень церквей Куйбышевской области, действовавших в 1947 г.

№	Название церкви	Район или населенный пункт, в котором находилась	Общая площадь, кв. м
1.	Покровская	г. Куйбышев	503
2.	Петропавловская	г. Куйбышев	600
3.	Вознесенская	Кинель-Черкасский район	95
4.	Свято-Троицкая	Большеглушицкий район	378
5.	Богородично-Казанская	Г. Сызрань	1090
6.	Богоявленская	Новодевиченский район	185
7.	Богородично-Казанская	Сергиевский район	176
8.	Богородично-Казанская	Борский район	336
9.	Свято-Троицкая	г. Ставрополь	900
10.	Михаило-Архангельская	Подбельский район	326
11.	Михаило-Архангельская	Кинельский район	400
12.	Михаило-Архангельская	Елховский район	139
13.	Михаило-Архангельская	Алексеевский район	352
14.	Михаило-Архангельская	Пестравский район	500
15.	Михаило-Архангельская	Клявлинский район	187
16.	Св. князя Владимира	Хворостянский район	360
17.	Троицкая	Новобуянский район	242
18.	Покровская	Колдыбанский район	195
19.	Михаило-Архангельская	Исаклинский район	135,5

В послевоенные годы верующие старались благоустроить свои храмы: отремонтировать, расписать, заменить иконостасы. Собственных средств не всегда хватало на эти цели, приходилось брать взаймы у священнослужителей. Так, в 1949 г. Покровский кафедральный собор обратился к настоятелю Казанского собора г. Сызрани протоиерею Борису Михайловичу Анастасиеву с просьбой дать взаймы 300 тыс. руб. Учитывая значение кафедрального собора для церковной жизни всей епархии, отец Борис не смог отказать, за что был на семь месяцев заключен под стражу. В феврале 1950 г. Верховным судом он был оправдан со снятием судимости и правом занять свое место по службе [1: 17].

В первые послевоенные годы доход священника колебался от 3,5 до 5 тыс. руб. в месяц, архиепископ получал 20 тыс. руб. в месяц, регент кафедрального собора – 3,5 тыс. руб., псаломщик – 3 тыс. руб., церковный староста и казначей – 2 тыс. руб. [5: 51–52; 6: 54]. При этом в 1945 г. средняя зарплата в СССР составляла 442 руб., в 1950 г. – 646 руб. [4]. Налоги с заработной платы священно- и церковнослужителей достигали 35 %. Следствием такого положения было повсеместное распространение так

называемых черных касс. Они образовывались от продажи неучтенных свечей и просфор. Средства из этих касс не облагались налогами и использовались как дотация к зарплате [5: 69].

В Куйбышевской епархии в конце 1940-х – начале 1950-х гг. активную деятельность проводил настоятель церкви с. Владимировка М.А. Рыбаков. Он занимался благотворительностью, по просьбам односельчан давал деньги на покупку семенного картофеля, семена и т.п. М.А. Рыбаков часто посещал тракторную и полеводческую бригады, со знанием дела указывая на недостатки в их работе. Это положительно влияло на колхозников, и некоторые из них стали регулярно исповедоваться и причащаться. Однако о столь активной деятельности вскоре узнал уполномоченный Совета по делам РПЦ Сергей Павлович Алексеев, и архиепископ Алексий под его давлением был вынужден перевести М.А. Рыбакова в другой приход [5: 98].

Есть сведения о том, что в изучаемый период в Куйбышевской области были затворники и юродивые, но были и случаи откровенного кликушества. Архиепископ Алексий всегда с осторожностью советовал относиться к фактам такого рода. Знавшие архиепископа Алексия люди вспоминали, что он любил молиться преподобному Серафиму Саровскому и установил каждый вторник служить ему в кафедральном соборе акафист. В Петропавловском соборе по четвергам с участием архиепископа совершался акафист Николаю Чудотворцу [7: 44].

Архиепископ Алексий скончался 8 апреля 1952 г. По распоряжению патриарха Алексия (Симанского) в апреле 1952 г. епископ Уфимский и Башкирский Арсений (Крылов) прибыл на его погребение и тогда же был назначен временно управляющим Куйбышевской епархией. В те годы, когда архиереев не хватало и надо было согласовывать каждое назначение с Советом по делам РПЦ, практиковалось назначение временно управляющих епархиями. Один епископ мог, таким образом, управлять двумя и даже тремя епархиями. Иногда временное управление продолжалось несколько лет. Естественно, что при таком положении дел архиерей просто физически не мог вникнуть во все проблемы вверенных ему епархий. Поэтому иногда возникали досадные недоразумения.

Так, епископ Арсений, не ознакомившись с делами Куйбышевской епархии, наградил ряд священников, которых затем по непригодности пришлось увольнять. Он хотел назначить настоятелем Покровского кафедрального собора протоиерея Валентина Варфоломеева, покинувшего Куйбышевскую епархию в 1946 г. из-за конфликта с архиепископом Алексием Палицыным, но не успел.

В 1950-е гг. страна залечивала раны после недавней войны. Верующие вновь оказались под надзором всевидящих уполномоченных Совета по делам РПЦ и партячеек. Местами церкви снова стали переоборудовать

в зернохранилища и клубы. Люди ходили молиться на родники, тайно собирались в домах богомольных старушек-келейниц. Власти были обеспокоены тем, что по городам и сёлам беспрепятственно ходили довольно многочисленные «странные» люди. В народе их звали юродивыми, блаженными, а власти – кликушами. Эти люди не вписывались в рамки социалистического общежития. И к ним применялись строгие меры.

С начала 1950-х гг. фиксировалось незначительное снижение религиозности населения по сравнению с военными годами. Так, на Пасху 1951 г. в Покровскую и Петропавловскую церкви г. Куйбышева пришло 15 тыс. человек [9: 11]. Более низкую посещаемость храмов по сравнению с периодом 1944–1948 гг. уполномоченный Совета по делам РПЦ С.П. Алексеев объяснял следующими причинами:

– внутрицерковной борьбой различных группировок за овладение доходными местами в церкви. Подчас в этой борьбе использовались все средства: жалобы, анонимные письма о безобразиях в церкви, попытки добиться смены духовенства, выдвижения своих священников из заштатного духовенства;

– продолжительной болезнью архиепископа Алексия Палицына в 1950–1952 гг. и в связи с этим его невозможностью принимать безотлагательные решения по многим епархиальным делам;

– почти полным отсутствием проповедей во время богослужений;

– ухудшением качества церковного пения;

– возобновлением и усилением антирелигиозной пропаганды;

– неприятием сложившихся отношений между Церковью и государством (имелись в виду слухи о том, что Церковь продалась государству);

– непопулярными распоряжениями архиепископа Алексия Палицына, принятыми под давлением государственной власти (о запрещении церковной благотворительности и др.);

– постепенным преодолением страданий от потерь войны, налаживанием мирной жизни [8: 79].

Всё это вместе взятое, по мнению С.П. Алексеева, привело к снижению посещаемости церквей на 20–30 % по сравнению с уровнем 1948 г., а значит, и к снижению церковных доходов [10: 5–74].

Куйбышевская епархия внесла посильный вклад в общее дело разгрома врага: верующими было собрано свыше 12 млн руб. При оценке динамики религиозности населения в 1940-х и 1950-х гг. необходимо учитывать моральную составляющую: в храмах верующие находили и моральную поддержку, и утешение. Центральные и местные власти были вынуждены пойти навстречу верующим: в 1944–1947 гг. в Куйбышевской области было открыто 17 церквей. В послевоенные годы РПЦ пыталась оказывать помощь в восстановлении разрушенного войной хозяйства,

но такие случаи пресекались властными органами, боявшимися усиления авторитета церкви.

Источники и литература

1. Биографии духовенства Самарской/Куйбышевской епархии: преимущественно 1940–1950-х годов): справочник / авт.-сост. Алексий Подмарицын. Самара, 2008.

2. Русская православная церковь и Великая Отечественная война: сборник церковных документов. М., 1943.

3. *Самуилова Н.С.* «Мудрая простота»: повесть об архиепископе Андрее (Комарове) // Дѵховный Собесѣдник. 2004. № 2 (38). С. 110–154.

4. Статистическая таблица ЦСУ СССР «Среднемесячная денежная заработная плата рабочих и служащих по отраслям народного хозяйства СССР в 1940, 1945, 1950–1955 гг.» // Исторические материалы. URL: https://istmat.org/node/18454 (дата обращения: 08.04.2025).

5. Центральный государственный архив Самарской области (далее – ЦГАСО). Ф. 4187. Оп. 2. Д. 10.

6. ЦГАСО. Ф. 4187. Оп. 2. Д. 12.

7. ЦГАСО. Ф. 4187. Оп. 2. Д. 14.

8. ЦГАСО. Ф. 4187. Оп. 2. Д. 20.

9. ЦГАСО. Ф. 4187. Оп. 2. Д. 24.

10. ЦГАСО. Ф. 4187. Оп. 2. Д. 28.

Раздел 4. Человек на войне. Фронтовая повседневность

А.П. Скорик

ФРАГМЕНТЫ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ О 12-й ГВАРДЕЙСКОЙ ДОНСКОЙ КАЗАЧЬЕЙ КАВАЛЕРИЙСКОЙ ДИВИЗИИ

История славного боевого пути 5-го гвардейского Донского казачьего Будапештского Краснознаменного кавалерийского корпуса в годы Великой Отечественной войны достаточно хорошо изучена. Чего стоит только один двухтомник И.Г. Скоморохова «На очной ставке с прошлым» [4]. Тем не менее в истории этого казачьего соединения еще хватает недостаточно изученных сюжетов. К их числу относится боевой путь 12-й гвардейской Донской казачьей кавалерийской дивизии, входившей в состав 5-го гвардейского казачьего корпуса, ставшей его правопреемницей после окончания войны. В этой дивизии сражался наш Учитель, известный советский и российский философ В.Е. Давидович (1922–2009).

Он принял боевое крещение в конце июля 1941 г. в должности политрука первой роты 1053-го стрелкового полка в составе 300-й стрелковой дивизии Юго-Западного фронта и участвовал в боях с фашистами на левом берегу Днепра. Как вспоминал В.Е. Давидович: «Рота воевала стойко. Был очень большой душевный подъем, боевая страсть. Погибли почти все там, на днепровских островах. Немцев было во много раз больше, чем нас. Для всех, кто там сражался, это был первый рукопашный штыковой бой» [2]. В бою под Харьковом 18 октября 1941 г. «политрук роты В.Е. Давидович, увлекая бойцов вперед, сам лично уничтожил 4 вражеских солдат. Тяжело раненного, его вынесли с поля боя» [5: 68]. Боевой путь складывался непросто, был отмечен тремя ранениями и закончился в Москве. В составе сводного полка 3-го Украинского фронта под командованием Маршала Советского Союза Ф.И. Толбухина казаки 5-го гвардейского Донского казачьего Будапештского Краснознаменного кавалерийского корпуса участвовали в Параде Победы в Москве на Красной площади 24 июня 1945 г., среди них был и В.Е. Давидович, награжденный за свои боевые заслуги в Великой Отечественной войне двумя орденами Отечественной войны I и II степени, десятками медалей. По окончании войны в 1946 г. он демобилизовался в воинском звании майора в Новочеркасске с должности заместителя начальника штаба 43-го гвардейского казачьего кавалерийского Донского Дебреценского ордена Богдана Хмельницкого (II степени) полка 12-й кавалерийской дивизии 5-го корпуса.

Для увековечения памяти о 5-м гвардейском Донском казачьем кавалерийском Краснознаменном Будапештском корпусе в Новочеркасске местные краеведы готовили материалы по обоснованию установления памятного знака в городе. В материалах, собранных казачьим полковником Г.Г. Овчинниковым, оказались копии командно-штабных документов, в частности, журналов боевых действий 12-й дивизии, которыми он с нами поделился (к сожалению, без выходных данных) и которые позволяют дать исчерпывающее описание ее боевого пути в мельчайших деталях. Часть журналов боевых действий этого соединения выложена в открытый доступ на сайте «Память народа» (и на них мы сделали по возможности необходимые ссылки). Эти материалы являются уникальным и бесценным историческим источником, но нам приходилось местами практически их расшифровывать по словам, привязывать к современной топонимике и административно-территориальному делению, чтобы понять маневры казачьего соединения. Результаты исторической реконструкции представлены в настоящей статье.

12-ю гвардейскую Донскую казачью кавалерийскую дивизию преобразовали из 116-й Донской казачьей кавалерийской дивизии в составе 4-го гвардейского Кубанского казачьего кавалерийского корпуса в соответствии с приказом наркома обороны СССР № 259 от 27 августа 1942 г., и соединение находилось в составе 4-го корпуса до 20 сентября 1942 г. Затем дивизию переводят в состав Черноморской группы войск Закавказского фронта, временное оперативное объединение из частей преобразованного Северо-Кавказского фронта, на период с 20 сентября по 19 ноября 1942 г., и она участвовала в Туапсинской оборонительной операции. В течение октября 1942 г. дивизия находилась в оперативном подчинении 18-й армии РККА. На основании директивы Ставки Верховного Главнокомандования № 170692 от 20 ноября 1942 г. 12-я дивизия вводится в состав 5-го гвардейского кавалерийского корпуса, где и пробудет до 8 мая 1945 г.

В течение периода нахождения в составе 5-го гвардейского казачьего кавалерийского корпуса в дивизии сменилось четыре командира: 1) генерал-майор Шарабурко Яков Сергеевич (27 августа 1942 г. – 19 ноября 1942 г.); 2) полковник Стрепухов Петр Яковлевич (19 ноября 1942 г. – 20 декабря 1942 г.); 3) генерал-майор Григорович Владимир Иосифович (1 января 1943 г. – 3 декабря 1945 г.); 4) генерал-майор Панкратов Григорий Иванович (3 декабря 1945 г. – 3 октября 1946 г.).

Начальниками штаба за период существования 12-й гвардейской кавалерийской дивизии были: 1) полковник Бирюк Андриан Иванович (1 июля 1942 г. – 5 марта 1943 г.); 2) полковник Калошин Алексей Александрович (26 февраля 1943 г. – 30 сентября 1943 г.); 3) полковник Рышков Григорий Петрович (26 февраля 1944 г. – 25 ноября 1946 г.).

По состоянию на 1 сентября 1942 г. и до 1 октября 1942 г., согласно документам штаба командующего кавалерией РККА (№ 0065, 1943 г.), боевой состав 12-й кавалерийской дивизии включал следующие части: 257-й Азовский кавалерийский полк (командир – майор Хуснутдинов Сайдхан Хуснутдинович, военные комиссары – батальонный комиссар Родько Кирилл Семенович (погиб 12 августа 1942 г.), Рудь Петр Григорьевич); 258-й Зимовниковский кавалерийский полк (командир – майор Лосенко Карп Петрович (погиб 18 декабря 1942 г.), военком – старший политрук Баландин Иван Григорьевич); 259-й Сальский кавалерийский полк (командиры – майор Краснощёков Александр Давыдович, майор Ипполитов Яков Яковлевич (погиб 18 декабря 1942 г.), военный комиссар – батальонный комиссар Макагонов Павел Кириллович). Из отдельных подразделений дивизии в документах зафиксированы: 105-й отдельный конноартиллерийский дивизион, 87-й отдельный полуэскадрон связи, 12-й отдельный эскадрон химической защиты, отдельная зенитная батарея (приводится без номера). Кроме того, по штатному составу были положены: артиллерийский парк, медико-санитарный эскадрон, продовольственный транспорт, дивизионный ветеринарный лазарет, полевая почтовая станция, полевая касса Госбанка, но они в данном документе не указываются. В период с 10 октября 1942 г. и до 1 марта 1943 г. к числу основных подразделений 12-й дивизии добавляется отдельный разведывательный дивизион.

Переименование донских подразделений 12-й дивизии в гвардейские происходит 1 марта 1943 г.: 257-й Азовский кавалерийский полк стал 43-м гвардейским кавалерийским полком; 258-й Зимовниковский кавалерийский полк – 45-м гвардейским кавалерийским полком; 259-й Сальский кавалерийский полк – 47-м гвардейским кавалерийским полком; 105-й отдельный конноартиллерийский дивизион – 11-м гвардейским артиллерийским дивизионом; 87-й отдельный полуэскадрон связи – 12-м гвардейским эскадроном связи. В числе основных частей дивизии не указывается 12-й отдельный эскадрон химической защиты.

С 1 апреля 1943 г. происходит усиление огневой мощи 12-й дивизии. Вместо артиллерийского дивизиона в составе дивизии появляется 184-й гвардейский артиллерийско-минометный полк, и бывшая зенитная батарея преобразуется в 50-й гвардейский дивизион противовоздушной обороны. Активное продвижение дивизии на запад обусловило включение в состав дивизии 9-го отдельного гвардейского саперного эскадрона.

С 20 сентября 1943 г. усиливается не только огневая мощь дивизии за счет участия в боевых действиях соединения 184-го гвардейского артиллерийско-минометного полка, но и возрастает мобильность путем включения в число основных подразделений дивизии 54-го танкового полка. Это также придавало соединению оперативно-штурмовые функции

по взламыванию укрепленных оборонительных позиций врага и развитию дальнейшего тактического успеха по продвижению уже в тылу противника. Пять полков (три кавалерийских, один артиллерийский и один танковый) как основные подразделения определяли боевую структуру дивизии вплоть до окончания Великой Отечественной войны.

Согласно сведениям из журнала боевых действий 5-го кавалерийского корпуса за 1942 г., 12-я гвардейская кавалерийская дивизия под воздействием превосходящих сил противника в период с 27 августа по 23 сентября 1942 г. с боями отходила в направлении г. Туапсе (Краснодарский край). Затем дивизия двумя частями переместилась на другой участок фронта. Кавалерийские подразделения с 29 сентября по 2 октября 1942 г. совершили марш в район г. Гудермеса (ныне в Чеченской Республике) и оперативно входили в состав Северной группы войск Закавказского фронта. Другая часть подразделений дивизии с 3 октября по 24 ноября 1942 г. перевозилась по железной дороге из района Туапсе в район г. Кизляра (ныне – Республика Дагестан).

В составе 5-го гвардейского казачьего кавалерийского корпуса с 25 по 29 ноября 1942 г. 12-я дивизия совершает марш в район х. Чернышева (в 40 км северо-восточнее г. Моздока Орджоникидзевского края, ныне город в составе Республики Северной Осетии – Алании). В начавшемся стратегическом наступлении Красной армии дивизия продвигается в северо-западном направлении в период с 30 ноября по 31 декабря 1942 г. Вехами в изгнании немецко-фашистских оккупантов с оккупированных территорий Северного Кавказа стали населенные пункты: Митрофанов, Гокинаев, Солдатово-Александровское, Бобовая Балка, Белая Глина, Октябрьское.

В течение первых двух месяцев 1943 г. 12-я дивизия проделала с боями большой путь. Она наступала через поселения: Октябрьское, Крутой Яр, Самарское, Красный город-сад и, переправившись через Дон южнее Ростова-на-Дону, вышла на восточный берег р. Миус в районе с. Ряженое (расположенного в 2 км южнее пос. Матвеев Курган). В течение двух дней, 9 и 10 марта 1943 г., дивизия обустраивала оборонительные позиции на участке: Степановский (Новоселовский) по западному берегу р. Миус – южнее пос. Матвеев Курган.

11–15 марта 1943 г. 12-я дивизия выводится в резерв Юго-Западного фронта и совершает марш в тыловой район, расположенный юго-восточнее Ростова-на-Дону: х. Красноармейский, ст. Хомутовская, х. Звонкий. Уже оттуда дивизия в составе 5-го гвардейского казачьего кавалерийского корпуса отходит в тыловой район дальше на восток, размещается в течение полутора месяцев с 16 марта по 29 апреля 1943 г. в районе: х. Верхний Хомутец, пос. Новостройка, х. Голубовка и становится резервом командования Южного фронта (2-го формирования).

В период с 30 апреля по 6 июня 1943 г. 12-я дивизия совершила марш в район г. Валуйки (Белгородская область) и в оперативно-тактическом отношении перешла в резерв Степного фронта. В резерве, в составе 5-го гвардейского кавалерийского корпуса, дивизия находилась с 7 июня по 23 августа 1943 г. и дислоцировалась в районе: Будённое (село, ныне г. Бирюч в Белгородской области), Сорокино, Казацкое, Ильинка (эти села ныне в Белгородской области). Оставаясь в резерве Степного фронта, соединение погрузилось в эшелоны и в течение 30 августа – 2 сентября 1943 г. по железной дороге прибыло в г. Красный Сулин (Ростовская область).

Согласно журналу боевых действий 12-й дивизии, она переходит в резерв командования Юго-Западного фронта и совершает в составе 5-го корпуса марш в район с. Старая Ласпа, расположенного на р. Кальмиус (ныне – с. Староласпа в составе Донецкой Народной Республики (далее – ДНР)), в течение пяти суток с 3 по 7 сентября 1943 г. соединение включается во фронтовую операцию и наступает с 8 по 23 сентября 1943 г. в направлении Новой Ласпы (ныне – с. Новоласпа), Петровского, Николаевки, Бугаса, Стылы, Богдановки (все села в составе ДНР), городов Гуляй Поле и Орехов (оба в Запорожской области). После этого оперативного прорыва на достаточно значительное расстояние 12-я дивизия в составе 5-го корпуса на месяц (24 сентября – 27 октября 1943 г.) выводится в резерв Юго-Западного фронта и дислоцируется в районе с. Долинка, с. Бабаши, пос. Петровский (все ныне находятся в Запорожской области).

В конце октября 1943 г. 12-я гвардейская казачья кавалерийская дивизия вновь участвует в боевых действиях и наступает в направлении: Орлянск, Тимошевка, Корнеевка, Верхняя Торгаевка, Верхняя Поляна, г. Каховка (Запорожская область), Ирненька, Малая Моячка, Челбасы (ныне Херсонская область). В результате в течение 28 октября – 4 ноября 1943 г. дивизия выходит в район сел Бехтери и Ново-Черноморье, в 30 км на юго-запад от г. Херсона, продвигаясь в низовья р. Днепр с выходом на Черноморское побережье. Согласно журналу боевых действий: «Около 12.00 29.10.43 г. дивизию посетил командующий кавалерией Маршал Советского Союза Семен Михайлович БУДЁННЫЙ, который дал краткое указание по действиям дивизии производимой операции» [1: 4].

Только за одни сутки (29–30 октября 1943 г.) «боевых действий дивизии имеются следующие трофеи: 7 автомашин на ходу, 1 трактор. Уничтожено: 4 самоходных орудия, 4 автомашины с б[ое]припасами, цистерна с горючим, трактор, и убито до 150 солдат и офицеров. Наши потери: убито 7 человек, ранено 9 человек, пропало без вести – 4 человека. Подбито танков Т-34 – 5 штук, Т-80 – 2 штуки. Вывод: дивизия, совершив 90 км [километровый] марш в тыл противника, отрезая пути отхода на НИКОПОЛЬ и КАХОВКА. В 10:30 30.10 авангардом 47 КП (кавалерийского

полка. – *А.С.*) совместно с 54 ТП (танковым полком. – *А.С.*), при поддержке 184 ГВ АМП (гвардейского артиллерийско-минометного полка. – *А.С.*) и 150 ИПТАП (истребительно-противотанкового артиллерийского полка. – *А.С.*), вступила в бой на рубеже: КОНСТАНТИНОВКА, КРАСНАЯ ХАТКА и к 11:30 овладела этим рубежом» [1: 5–6].

После выполнения возложенной на нее боевой задачи 12-я гвардейская казачья кавалерийская дивизия в составе 5-го корпуса выводится почти на два месяца (с 5 ноября по 31 декабря 1943 г.) в резерв командования Юго-Западного фронта и располагается в районе сёл Верхняя Торгаевка (ныне в Херсонской области) и Ново-Николаевка (ныне – пос. Новониколаевское в Запорожской области), южнее г. Каховки (если смотреть по карте, то получается восточнее города). С 20 октября 1943 г. Юго-Западный фронт был переименован в 3-й Украинский фронт, но в дошедших до нас документах указан Юго-Западный фронт: видимо, штабные работники не сразу сориентировались в изменении названия. С 1 по 26 января 1944 г. 12-я дивизия в составе 5-го корпуса совершает марш в район северо-западнее г. Кировограда (ныне – Кропивницкий, бывший российский город Елисаветград) и подчиняется командованию 2-го Украинского фронта.

В течение трех недель (с 27 января по 18 февраля 1944 г.) 12-я дивизия в составе 5-го корпуса участвует в Корсунь-Шевченковской стратегической наступательной операции РККА по окружению и уничтожению группировки противника с освобождением территории Правобережной Украины, с потерями для германской стороны порядка 40 тыс. человек личного состава, 300 танков и 50 самолетов. Дивизия вела наступательные бои в направлении с. Капитановка (Кировоградская область), а далее освобождала населенные пункты Черкасской области: с. Лебедин, г. Шпола, сёла Вербовка, Валява, Шендеровка, Моринцы. После боев дивизия в составе корпуса была выведена на пару недель (с 19 февраля по 8 марта 1944 г.) в резерв 2-го Украинского фронта и дислоцировалась в районе юго-западнее г. Корсуня (Корсунь-Шевченковского), в селах Тараща и Турненцы (в Черкасской области), хотя название Турненцы, видимо, зафиксировано неверно, есть вероятность, что это с. Прутильцы. Находясь в резерве 2-го Украинского фронта, 12-я дивизия совершила в период 9–14 марта 1944 г. марш в район с. Текуча (в Черкасской области).

С 15 по 22 марта 1944 г. 12-я дивизия опять с боями наступает в направлении сёл Вербового, Сенюхин Брод, Долгая Пристань (западнее в 16 км от г. Первомайск Николаевской области). Затем на неделю (23–29 марта 1944 г.) дивизия отводится в резерв 2-го Украинского фронта и совершает марш в составе корпуса в район Катюджени Мари в Бессарабии (ныне – с. Котюжений Марь в Молдавии). Затем дивизия вводится в бой и наступает в течение 30 марта – 8 апреля 1944 г. в общем направлении сёл

Захорень, Распопень(ы), Игнацей, Киштелница, Кукурузены(ь), г. Оргеев (Орхей; все населенные пункты в Молдавии).

В период с 9 по 16 апреля 1944 г. 12-я дивизия находилась в резерве 2-го Украинского фронта и совершала марш в район г. Долг(х)аска, северо-западнее г. Пашкани (Румыния). Потом в течение двух недель (17 апреля – 2 мая 1944 г.) наступала в направлении г. Нямц(у), после чего занимала оборону (3–8 мая 1944 г.) на рубеже западнее румынского города Нямцу по линии коммуна Гроши – д. (с.) Не(я)мцишор(у).

Выписка из журнала боевых действий от 6 мая 1944 г. гласит: «В 19.35 противник из направления леса, что западнее ГРОШИЙ, пытался атаковать в направлении КП (командного пункта. – *А. С.*) дивизии. Контратакой трех танков 54 ТП (танкового полка. – *А. С.*) и группой казаков штабных подразделений противник был отброшен с большими потерями. Остатки противника, побросав оружие и амуницию, бежали в лес южнее ГРОШИЙ. Взяты пленные.

В направленных и окончательно тяжелых боях 6.5.44 г. казаки и офицеры всех частей дивизии еще раз проявили свою стойкость, боевую выучку и героизм. В боях 6.5.44 г. истреблено 838 солдат и офицеров противника, нанесены большие потери в мат[териальной] части. Потери дивизии за день: убито – 23 человека, ранено – 52 человека» [3: 2].

9 мая – 18 августа 1944 г. дивизия была в резерве 2-го Украинского фронта в районе населенных пунктов Форзютий, Шайнарештий, Авточений, севернее румынского г. Нямцу. Оттуда, по-прежнему находясь в резерве 2-го Украинского фронта, совершила 19–21 августа 1944 г. марш в район румынского села Ромэнешть. В течение 22 августа – 17 сентября 1944 г. дивизия наступала во втором эшелоне корпуса в направлении румынских городков Осой, Роман, Бухусы(ши), Плащи-де-Кос, Якобени, Мерешти, Сеят-Михаль, Макфолва. 18 сентября на неделю до 25 сентября 1944 г. дивизию вывели из боя, и она была сосредоточена в составе корпуса в районе Мадьярош, Берешти, Орадя. Находясь в резерве 2-го Украинского фронта, совершила 26–29 сентября 1944 г. марш в район румынских сёл Чикеу и Ракиш. Затем неделю (30 сентября – 6 октября 1944 г.) состояла в резерве фронта и дислоцировалась в районе Чикеу, Пытруаса, Ракиш.

7–10 октября 1944 г. 12-я дивизия в составе 5-го корпуса совершила 250-километровый марш к границе с Венгрией в район румынского г. Бейуш, в 40 км юго-восточнее г. Орадя-Маре, при этом продолжала находиться в резерве 2-го Украинского фронта. Потом дивизия перешла венгерскую границу и наступала (25–31 декабря 1944 г.) в направлении Вертешкозма, Кернье, Вертешалло, Орослань, Онод, северо-западнее венгерского г. Секешфехервар.

Новый 1945 г. 12-я гвардейская казачья кавалерийская дивизия встретила (в составе 5-го корпуса) в резерве 3-го Украинского фронта и дислоцировалась (1–3 января) в районе Кеханьяшо – Вартешкозма. Затем в течение недели (4–12 января 1945 г.) занимала оборону на рубеже Немель–Егьхаша, г. Саар. Потом на сутки (13 января 1945 г.) дивизия выводится в резерв и совершает марш в район Избег – Позман, в 15 км севернее Будапешта. Оттуда она наступает 14–16 января 1945 г. в направлении Пилишментледик. После чего на пару дней (17–18 января 1945 г.) отводится в резерв 3-го Украинского фронта и размещается (в составе 5-го корпуса) в районе Тиньше – Чэв. 19–20 января 1945 г. дивизия совершает двухдневный марш в район Гроф, по-прежнему находясь в резерве командования фронта.

Принимая участие в Будапештской операции, 12-я дивизия закрепилась (21–29 января 1945 г.) на внешнем кольце советского окружения противника, занимала оборону на рубеже Гроф – Гёбельяраш, восточнее оз. Веленце, и отражала танковые атаки противника, прорывавшегося к окруженной группировке в Будапеште. Потом совершала в составе 5-го корпуса двухдневный марш (30–31 января 1945 г.) в район деревень Ловашберень и Баклаш, находясь в резерве 3-го Украинского фронта. Оттуда наступала 1–4 февраля 1945 г. в направлении г. Дьюла и местечка Шаркерестеш, в 8 км северо-западнее г. Секешфехервар.

5 февраля 1945 г. 12-я дивизия совершает марш в район венгерских деревень Табайд(ж) и Дьюро, располагающихся в 30 км севернее г. Секешфехервар, где в течение месяца (6 февраля – 6 марта 1945 г.) в составе 5-го корпуса находится в резерве 3-го Украинского фронта. Затем дивизия почти две недели (7–19 марта 1945 г.) занимает оборону во втором эшелоне корпуса на рубеже у местечка Киш-Секель. После этого дивизия получает суточную передышку (20 марта 1945 г.) и состоит в резерве 3-го Украинского фронта, размещаясь на юго-восточном берегу венгерского оз. Балатон, в г. Шиофок. Затем дивизия наступает 21–24 марта 1945 г. в направлении венгерских деревень Гамаш, Вилагош, Балатонфёкаяр. Следующим эпизодом истории дивизии становятся оборонительные бои 25–28 марта 1945 г. в Венгрии на рубеже г. Балатон Акаратья – д. Балатонвилагош – местечко Хофья. Потом дивизия 29–30 марта 1945 г. совершает марш в район венгерской общины Озманбюк, западнее оз. Балатон, и переводится в составе 5-го корпуса на пару дней в резерв 3-го Украинского фронта. В течение 1–4 апреля 1945 г. 12-я гвардейская казачья кавалерийская дивизия наступает в направлении местечка Апати, муниципалитета Силвадь, деревень Нова, Патка, Пинце. После этого соединение опять переводится в резерв 3-го Украинского фронта и в период с 9 апреля по 9 мая 1945 г. в составе 5-го корпуса дислоцируется в районе австрийского г. Пинкафельд.

12-я гвардейская Донская казачья кавалерийская дивизия в годы Великой Отечественной войны была награждена 12 апреля 1943 г. орденом Красного Знамени за отличия при освобождении Северного Кавказа, ей присвоено почетное наименование «Корсуньская» 26 февраля 1944 г. за отличия в Корсунь-Шевченковской операции, награждена 14 ноября 1944 г. орденом Кутузова II степени за отличия в Дебреценской операции.

Итак, мы детально рассмотрели боевой путь 12-й гвардейской Донской казачьей кавалерийской дивизии, в котором видна вся сложность нашего продвижения к Великой Победе и масштаб пространственного перемещения отдельного воинского соединения в условиях Великой Отечественной войны. Такой хронологический подход может стать основанием для последующего изучения отдельных фрагментов боевого пути 12-й дивизии с привлечением персоналий и новых исторических материалов. Изучение журналов боевых действий казачьего соединения продемонстрировало, наряду со сложностями их прочтения, уникальность этого источника.

Источники и литература

1. Выписка из журнала боевых действий 12 гв. кд за период боев с 23.10 по 4.11.1943 года // Память народа. URL: https://pamyat-naroda.ru/documents/view/?id=450000222 (дата обращения: 06.03.2025).

2. Давидович Всеволод Евгеньевич // 1418 шагов по дороге памяти. Галерея памяти участников ВОВ. URL: https://1418museum.ru/heroes/69702613/?SEARCH=Y (дата обращения: 06.03.2025).

3. Копия журнала боевых действий 12 гв. кд за период с 6.5.44 г. по 14.10 1944 г. // Память народа. URL: https://pamyat-naroda.ru/documents/view/?id=10232221 (дата обращения: 06.03.2025).

4. *Скоморохов И.Г.* На очной ставке с прошлым: в 2 кн. Ростов-на-Дону, 2009.

5. *Шабалов Д.М.* Десант в бессмертие. М., 1999.

Н.Г. Бесплеменнова

ИСТОРИЯ ОДНОГО ПОДВИГА: О ЗЕНИТЧИЦЕ М.Ф. БАРСУКОВОЙ (по документам Центра документации новейшей истории Волгоградской области)

Великая Отечественная война с каждым годом всё дальше уходит в историю. Стираются границы между военными и послевоенными годами. Уже мало осталось тех, кто в 1941–1945 гг. участвовал в боях

за освобождение своей страны, пережил тяготы и лишения военного времени.

Среди них было немало героев, боровшихся с врагом, не жалея ни сил, ни собственной жизни. В фондах российских архивов сохранились документальные материалы, свидетельствующие о многочисленных подвигах наших соотечественников в период Великой Отечественной войны. Память об этих людях необходимо передать будущим поколениям как пример мужества, самоотверженности и беззаветной преданности своей Родине. В наше неспокойное время важно сохранять и использовать архивные документы с целью патриотического воспитания подрастающего поколения и сохранения исторической памяти как о героях Сталинградской битвы в частности, так и об участниках Великой Отечественной войны в целом.

В ГКУВО «Центр документации новейшей истории Волгоградской области» на хранении находится архивный фонд личного происхождения «Кулешова Юлия Владимировна». Ю.В. Кулешова, член Ассоциации «Дети военного Сталинграда», основатель музея «Дети Царицына – Сталинграда – Волгограда», в 1980-х гг. планировала создать музей зенитных частей, участвовавших в Сталинградской битве. С этой целью она занялась сбором материалов по данной теме.

Юлия Владимировна вела переписку с ветеранами зенитных частей Сталинградского фронта и родственниками погибших в Сталинградской битве зенитчиков. Ей удалось собрать воспоминания, характеристики, фотографии, вырезки из периодической печати, копии документальных источников и т.д. для будущего музея. Но музей, как это ни печально, создан не был.

Собранные Юлией Владимировной материалы в 2013 г. были переданы на хранение в Центр документации новейшей истории Волгоградской области. В образованный фонд личного происхождения вошли, помимо перечисленных документов, копии документальных источников о зенитных частях, участвовавших в Сталинградской битве, и о боях в Сталинграде, собранные генерал-лейтенантом артиллерии в отставке Владимиром Демидовичем Годуном, внештатным научным сотрудником Музея Войск ПВО, которые он передал Ю.В. Кулешовой. Во время Великой Отечественной войны Владимир Демидович был командиром 3-й батареи 321-го отдельного зенитного артиллерийского дивизиона 117-й стрелковой дивизии 21-й армии, командовал 84-м зенитно-артиллерийским дивизионом, был помощником начальника оперативного отдела штаба ПВО Западного фронта [1: 131].

Надо отметить, что Владимир Демидович проводил научно-исследовательскую работу по теме боев в Сталинграде. Он работал с архивными документами в Центральном архиве Министерства обороны (г. Подольск

Московской области), вел переписку с военнослужащими зенитных частей, участвовавших в Сталинградской битве. Результатом его деятельности стало то, что малоизвестные боевые подвиги зенитчиков, защищавших Сталинград, пополнились новыми фактами и были подтверждены на официальном уровне.

Об истории одного из таких подвигов и пойдет речь в настоящей статье.

Мария Фёдоровна Барсукова, 1919 г. рождения, уроженка г. Железноводска Ставропольского края, красноармеец, зенитчик-пулеметчик 791-й отдельной зенитно-пулеметной роты (далее – ОЗПлР) Сталинградского корпусного района ПВО. В 1942 г. она добровольцем ушла на фронт. Воевала сначала в Ростове-на-Дону, затем в Сталинграде.

Почти 44 года Мария Фёдоровна числилась пропавшей без вести в бою 28 сентября 1942 г. в Сталинграде. О судьбе и совершенном подвиге этой девушки в далеком 1942 г. в районе завода «Баррикады» долгие годы ничего не было известно.

Как свидетельствуют архивные документы, Владимир Демидович начал поиски информации о Марии Барсуковой в 1979 г. по просьбе ее сестры Анны Фёдоровны Барсуковой. Задача найти хоть какие-нибудь сведения о пропавшей девушке была не из легких. Владимир Демидович работал с архивными документами и устанавливал связи с оставшимися в живых участниками Сталинградской битвы, ветеранами – зенитчиками 748-го зенитно-артиллерийского полка (далее – ЗАП).

Владимиру Демидовичу удалось найти очевидцев последнего боя Марии Барсуковой, с которыми он вел переписку.

В 1980-х гг. Юлия Владимировна Кулешова продолжила работу по увековечиванию памяти о Марии Барсуковой.

Для подтверждения подвига и нужны были письменные свидетельства. По просьбе Юлии Владимировны очевидцы событий заверяли свои воспоминания в военкомате, присылали ей, а дальше Юлия Владимировна направляла их по инстанциям.

Свою лепту в дело по увековечению памяти Марии Фёдоровны Барсуковой внес Никифор Никитович Андриенко, старший сержант в отставке, командир зенитно-пулеметной установки 791-й ОЗПлР в 1942 г. До 1986 г. он тоже числился пропавшим без вести в бою 28 сентября 1942 г. в Сталинграде, хотя остался жив после тяжелой контузии.

Марию Барсукову он запомнил как девушку крепкого, спортивного телосложения. У нее были светлые волосы, прямой взгляд, сильные с прожилками руки. «От нее веяло силой, уверенностью и надежностью», – пишет Никифор Никитович в своих воспоминаниях [3: 35]. О последнем бое и гибели Марии Никифор Никитович ничего не знал, так как 15 октября 1942 г. его в Сталинграде уже не было.

В своих воспоминаниях Никифор Никитович описывает свой последний бой в Сталинграде, который вместе с однополчанами он вел 12 октября 1942 г. в районе завода «Баррикады»: «В ходе боя на позицию наших воинов шли три немецких танка. Два были кем-то подбиты, а третий шел прямо на позицию, где был расчет Андриенко <…> Матвиенко, как старший по возрасту, заявил, что танк надо остановить любой ценой. Из пулемета ДШК лобовую броню танка пробить было невозможно <…> Андриенко Н.Н. взял связку гранат и пополз навстречу идущему танку к ближайшей воронке. Вслед за ним со второй связкой гранат ползла М. Барсукова. Хотя приказа ей такого не было. Матвиенко И.С. остался у пулемета. Когда вражеский танк [был] совсем рядом Андриенко, а затем и Барсукова бросили гранаты, и танк был подбит» [3: 37].

Это последнее, что Никифор Никитович помнил. От очередного взрыва он был контужен, пришел в себя только в госпитале на левом берегу Волги в январе 1943 г. Когда немного поправился, снова отправился на фронт. Роты своей Никифор Никитович не искал, так как был уверен, что его рота и остатки расчета погибли в последнем бою. В 1944 г. был комиссован по состоянию здоровья. После войны работал в органах МВД, затем в совхозе «Агроном». С 1976 г. вышел на пенсию. О последних героических минутах Марии Барсуковой он узнал из статьи Марии Ивановны Матвеевой, опубликованной в журнале «Юность» № 5 за 1982 г.

В октябре 1982 г. Никифор Никитович получил письмо от Владимира Демидовича Годуна. Автор письма спрашивал: «Мне известно, что в Сталинграде отличился зенитный пулеметный расчет 791-й роты под командованием старшего сержанта Никифора Никитовича Андриенко. Этот пулеметный расчет в неравных боях с фашистами показал образцы героизма и самоотверженности. Не о вашем ли расчете эти скудные данные в архивных документах?» [3: 2].

Строки этого письма заставили Никифора Никитовича вспомнить о кровопролитных боях в Сталинграде.

С 1986 г. у Николая Никифоровича с Юлией Владимировной Кулешовой завязалась переписка о подтверждении подвига Марии Барсуковой. Несмотря на то, что он не мог дать свидетельские показания о событиях 15 октября 1942 г. в Сталинграде, так как был уже эвакуирован в госпиталь, но нахождение огневой точки, с которой Мария Барсукова вела свой последний бой, подтвердил.

В Волгоградский облвоенкомат по просьбе Юлии Владимировны Николай Никифорович направил боевую характеристику на Марию Федоровну Барсукову.

А вот Василий Павлович Соболь, гвардии старший лейтенант, комсорг 347-го стрелкового полка 308-й стрелковой дивизии 62-й армии в период

Сталинградской битвы, оказался непосредственным свидетелем гибели Марии Барсуковой. В своем письме Юлии Владимировне он пишет: «Я получил 17.2.87 г. Ваше письмо. Оно меня очень взволновало, ведь это всё было очень давно и было всё на моих глазах. <…> Вы нашли живого очевидца, свидетеля этого героического подвига Маши Барсуковой 15 октября 1942 года утром» [6: 8].

Василий Павлович дальше подробно описывает события этого дня: «Рано утром 15 октября мы кушали пшенную холодную кашу, грызли очень черный мерзлый хлеб, и вдруг эти Юнкерсы – 18. Я бросил котелок, и начал прицеливаться. Выстрел один, второй – ничего. В это время слева застрочил 4-х спаренный крупнокалиберный зенитный пулемет Маши Барсуковой, из машины» [6: 8–9].

Он видел, как Мария вела прицельный огонь по самолетам противника, как сбила один из них. Когда рухнул Ю-87 на землю, все побежали к нему. Маша продолжала вести прицельный огонь.

«Мы все замерли от этого поединка. Она, почти беззащитная, в каске сражалась теперь один на один с озверевшими 17-ю юнкерсами. Они летели один за одним, пикировали, и прижимались очень низко. Вдруг автомашина с зенитной установкой как-то вздрогнула и покрылась пламенем… У меня, обстрелянного под Москвой и ходившего 34 раза в рукопашную, как будто, что-то оторвалось в середине, внутри. Сгорела Маша, сгорел лежавший в кабине уже убитый шофер. Попытки потушить машину ни к чему не привели. Машу похоронили воины 748 ЗАП», – пишет Василий Павлович в своих воспоминаниях [6: 9].

В документах архивного фонда «Кулешова Юлия Владимировна» имеется копия его письма в Волгоградский облвоенкомат. В нем Василий Павлович свидетельствует, что в расположении полка «на западной стороне завода “Баррикады” стояла защитная пулеметная установка. На полуторке был установлен пулемет ДШК. Пулеметчица – Барсукова Мария» [6: 11]. Дальше он описывает ее последний бой и гибель на боевом посту.

Другим свидетелем подвига зенитчицы Марии Барсуковой стала Мария Ивановна Матвеева, разведчица батареи управления 748-го ЗАП, старшина в отставке. Свои воспоминания для военкомата она переслала Ю.В. Кулешовой.

В одном из писем Юлии Владимировне она указала, что написала Михаилу Павловичу Мартынюку, капитану в отставке, одному из четырех оставшихся в живых. «С нетерпением жду ответа, если он тоже подтвердит гибель пулеметчицы, то нас будет уже 2-е очевидцев. <…> Если состояние здоровья позволит – созвонюсь с Годуном, может быть у него что новое есть о Викторе, шофере на машине Барсуковой... по крупинке возможно что-то соберем…» [5: 7–7 об.].

Как свидетельствуют документы, Михаил Павлович Мартынюк, 1919 г. рождения, в звании лейтенанта в должности командира взвода 2-й роты истребительного батальона 748-го ЗАП во время Сталинградской битвы, подтвердил, что в октябре 1942 г. рядом с заводом «Баррикады» находилась пулеметная установка, на полуторке был установлен пулемет ДШК.

15 октября 1942 г. во время бомбежки девушка-пулеметчица открыла огонь по самолетам неприятеля. Подбила пикирующий Ю-87, остальные самолеты противника стали сбрасывать бомбы на машину, которая загорелась вместе с пулеметчицей. Вот только ее имени Михаил Павлович не знал.

В документах архивного фонда «Кулешова Юлия Владимировна» имеется копия этого письма М.П. Мартынюка в Волгоградский облвоенкомат, датированного февралем 1987 г. [5: 5].

Ю.В. Кулешова вела переписку с Анной Фёдоровной Барсуковой, сестрой Марии. По просьбе Юлии Владимировны Анна Фёдоровна сделала официальный запрос через военкомат в Центральный архив Министерства обороны СССР (сейчас – Центральный архив Министерства обороны РФ) о месте гибели Марии Барсуковой. В одном из ответных писем от 11 декабря 1986 г. Анна Фёдоровна пишет: «Юлия Владимировна! Должна Вас обрадовать. Вопрос о гибели Маши разрешен положительно» [4: 6].

Благодаря проведенной кропотливой работе Владимира Демидовича Годуна и Юлии Владимировны Кулешовой, свидетельским показаниям сослуживцев Марии Барсуковой и очевидцам событий в учетную карточку героини внесли изменения. Фамилия Марии Фёдоровны была включена в списки воинов, погибших при защите Сталинграда, и определены места ее гибели и захоронения.

В Книге Памяти указано, что Мария Фёдоровна Барсукова погибла на боевом посту 15 октября 1942 г., похоронена в Краснооктябрьском районе г. Волгограда [2: 88].

В январе 1987 г. Железноводский горком ВЛКСМ ходатайствовал о награждении Марии Барсуковой – комсомолки г. Железноводска, погибшей в годы Великой Отечественной войны при освобождении завода «Баррикады» г. Сталинграда, – правительственной наградой (посмертно) [7: 1].

В документах архивного фонда имеется оригинал ходатайства Железноводского горкома ВЛКСМ в Волгоградский обком комсомола от 19 января 1987 г., который Лидия Семёновна Марченко, директор Железноводского городского музея, послала Юлии Владимировне.

В 1989 г. М.Ф. Барсукова посмертно была награждена орденом Отечественной войны I степени.

В 1987 г. Волгоградским бюро путешествий и экскурсий была разработана экскурсия «Женщины в солдатских шинелях», в которой рассказывалось

о героических женщинах, участвовавших в Сталинградской битве, в том числе и о подвиге Марии Барсуковой [8: 1].

И сегодня жива память о героической девушке, вступившей в бессмертие. Память хранят памятные и мемориальные места, музейные экспозиции г. Волгограда и г. Железноводска, архивные документы и материалы.

Источники и литература

1. Звуковой архив. Военная история СССР в фонодокументах РГАФД (записи 1946 – 2000-х гг.). Каталог. М., 2015. URL: https://projects.rusarchives.ru/rgafd/katalog-voennaya-istoriya-sssr-part3-em2/files/assets/common/downloads/publication.pdf (дата обращения: 20.02.2025).

2. Книга Памяти. Российская Федерация. Волгоградская область: в 2 т., 37 кн. / сост. В.М. Головкин и др. Т. 2. Кн. 2. Поименный список. Волгоград. Волгоград, 1995.

3. Центр документации новейшей истории Волгоградской области (далее – ЦДНИВО). Ф. 1002. Оп. 1. Д. 23.

4. ЦДНИВО. Ф. 1002. Оп. 1. Д. 24.

5. ЦДНИВО. Ф. 1002. Оп. 1. Д. 25.

6. ЦДНИВО. Ф. 1002. Оп. 1. Д. 27.

7. ЦДНИВО. Ф. 1002. Оп. 1. Д. 31.

8. ЦДНИВО. Ф. 1002. Оп. 1. Д. 32.

О.В. Валуйскова

РОСТОВСКИЙ ОПОЛЧЕНЕЦ ГРИГОРИЙ РЕПИН: ЖИЗНЬ, ПОДВИГ, ПАМЯТЬ

На протяжении десятков лет заслуженным вниманием исследователей разных поколений пользуется архивный фонд Р-1885 Ростовского стрелкового полка народного ополчения 56-й армии (далее – РСПНО) Центра документации новейшей истории Ростовской области.

История фонда такова. Весь архив полка первоначально был передан в спецотдел исполкома Ростовского горсовета, в том числе для оказания адресной помощи семьям ополченцев. В 1948 г. документы полка поступили на дальнейшее хранение в Ростовский областной партийный архив как часть фонда Ростовского обкома партии. В 1969–1973 гг. группа архивариусов провела научно-техническую обработку документов Ростовского обкома КПСС, в результате которой документы РСПНО были выделены в самостоятельный фонд.

В настоящее время в составе фонда числится 88 единиц хранения, среди которых приказы по полку о зачислении, перемещении и исключении

из списков личного состава за 1941–1942 гг., алфавитные книги личного состава полка, оперативные сводки, документы о численном составе, аттестатные и денежные документы полка, боевые листки, воспоминания ополченцев, альбом с фотографиями, краткими биографическими справками и газетными публикациями о боевом пути полка. По документам фонда была составлена именная картотека, помогающая исследователям проследить боевой путь каждого ополченца.

В составе фонда Р-1885 имеется архивное дело № 72 с воспоминаниями командира 2-го батальона Григория Кузьмича Репина «О героях Ростовского полка народного ополчения» на 14 печатных листах. Однако в 2024 г. при разборе неописанных документов бывшего партийного архива сотрудниками отдела научной информации, публикации и использования документов были обнаружены четыре папки с материалами по истории РСПНО, собранными Г.К. Репиным во второй половине 1970-х гг. для пополнения фонда полка. Рукопись «Заметки ополченца», размышления и раздумья о фактах, событиях и людях, замечания по содержанию брошюры «У ворот Кавказа», вырезки из газет, фотографии однополчан, схемы пути полка на Кавказ, схемы участков обороны Ростова подразделениями полка, безусловно, заслуживают внимания историков и детального изучения.

Сам Григорий Кузьмич сопровождает собранные в течение ряда лет материалы следующим комментарием: «При изучении и освещении истории полка они помогут без какой-либо фальши толковать эту историю, отметая всё наносное, “присочиненное” и вредное для подлинной истории полка» [5].

Архивная находка послужила поводом для изучения жизненного пути Г.К. Репина, активного участника Гражданской войны, одного из организаторов народного ополчения Ростова-на-Дону во время Великой Отечественной войны, персонального пенсионера союзного значения. В памяти земляков он остался талантливым командиром, патриотом, скромным и душевным человеком.

Г.К. Репин родился 25 января 1896 г. в с. Емашево Уфимского уезда и губернии, позднее вошедшего в состав Башкирской АССР.

В автобиографии 1945 г., которая хранится в личном деле номенклатурного работника за 1945–1956 гг., он писал: «Две зимы учился в сельской школе. Вследствие материальной необеспеченности родителей бросил ученье и ушел на заработки. Десятилетним мальчиком поступил к купцу-мяснику Софронову в г. Бирске» [1: 6, 6 об.]. С 16 лет Григорий работал ремонтным рабочим на железной дороге, литейщиком на чугунно-литейном заводе. В 1916 г. Репин был мобилизован в армию в 3-ю запасную артиллерийскую бригаду. «В конце 1919 года взят в армию Колчака и направлен в артиллерийский парк 12-й дивизии. Уклоняясь от явки в часть, заболел тифом и вместе с другими больными был направлен в Ачинские

тифозные бараки», – следует из автобиографии. С декабря 1919 г. по октябрь 1925 г. Григорий Кузьмич служил в Красной армии в должности командира взвода, батареи, военкома отдельной гаубичной батареи и легкого артиллерийского дивизиона. В марте 1921 г. стал членом ВКП(б).

Уволенный из армии по состоянию здоровья Репин в октябре 1925 г. был направлен во Владикавказ на партийную работу. В 1929–1930 гг. работал секретарем Сочинского РК ВКП(б), затем директором Новороссийской районной электростанции, одновременно обучаясь в Новороссийском энергетическом институте. В июле 1934 г. ЦК ВКП(б) назначил Григория Кузьмича парторгом Невинномысской дистанции пути Северо-Кавказской железной дороги. Но ввиду тяжелой болезни он был освобожден от ответственной должности и переведен на пенсию по инвалидности.

До начала Великой Отечественной войны, с ноября 1935 г., Г.К. Репин жил и продолжал трудиться в Ростове-на-Дону в качестве старшего инженера и начальника отдела треста «Кавказэнергомонтаж».

В дни сурового лихолетья Репин 10 июля 1941 г. одним из первых вступил в ряды Ростовского стрелкового полка народного ополчения, был назначен командиром 2-го стрелкового батальона [2: 18], а с августа по октябрь 1942 г. исполнял обязанности начальника штаба полка.

В первом приказе командира полка капитана запаса М.А. Варфоломеева от 11 июля 1941 г. на командиров батальонов возлагалась обязанность по формированию личного состава, «отобранного парткомами предприятий и райкомами ВКП(б) из проверенных рабочих, служащих и интеллигенции, независимо от возраста, способных носить оружие» [2: 1].

В «Заметках ополченца» Г.К. Репин подробно осветил все этапы формирования полка и подготовки его состава. Он подчеркивал: «Ополченцы, работая на своих предприятиях и в организациях, три дня в неделю по четыре-пять часов проходили боевую подготовку в ротах и батальонах по месту их дислокации. Материальной базой боевой подготовки подразделений батальонов являлись районные комитеты ДОСААФ, которые целиком обеспечивали роты всем необходимым для учебы и подготовки личного состава подразделений». Из воспоминаний комбата мы узнаем, как оперативно был решен вопрос об обмундировании ополченцев: «Торговые организации изыскали нужный материал, швейные фабрики и обувные предприятия пошили, а хозяйственники изыскали необходимые для того средства» [5].

Ярко и торжественно Г.К. Репин описал показательный смотр полка, состоявшийся 27 июля 1941 г. Выстроившиеся на главной аллее парка Революции батальоны приветствовали командир М.А. Варфоломеев и комиссар П.А. Штахановский. Во главе с духовым оркестром ополченцы двинулись по главной улице города, затем по Ворошиловскому проспекту

к стадиону «Динамо»: «В колоннах чувствовалась уже хорошая выправка. Стройность, четкость ритма шага, красивая отмашка рук создавали незабываемое впечатление волнообразного движения одного монолитного целого. <…> Это был поистине всенародный смотр необычной воинской части, созданный населением города» [5]. Принимал смотр член Военного совета Северо-Кавказского военного округа, первый секретарь Ростовского обкома ВКП(б) Б.А. Двинский.

С приближением фронта непосредственно к Ростову-на-Дону РСПНО был переведен на казарменное положение. Почти ежедневно один батальон полка нес гарнизонно-караульную службу.

Утром 17 октября 1941 г. штабом полка был получен приказ командования 56-й отдельной армии: РСПНО занять оборону на внутренней линии обороны города и вывести подразделения полка на оборонительный рубеж. «В соответствии с этим, – писал Репин, – перед полком были поставлены две основные задачи: в случае прорыва противника в город развернуть уличные бои по уничтожению прорвавшегося противника; в случае отхода наших частей прикрыть переправы, задержать противника и прикрыть отход частей на левый берег Дона» [5]. Исходя из поставленных задач, командование полка решило на левом фланге обороны, на участке направления главного удара противника, поставить 2-й батальон полка.

Боевое крещение ростовские ополченцы получили 19 ноября 1941 г. Репин запомнил этот день особенно пасмурным: «Даже природа своим мрачным фоном подчеркивала приближение опасности, настораживала всё живое на Земле. Над большим южным городом нависли черные тучи, надвигался мрак. В этот день фашистские палачи ворвались в город Ростов-на-Дону» [5]. Прикрывая переправы через р. Дон, ополченцы вели уличные бои против немцев на Темернике, но 21 ноября были вынуждены вслед за отступающими частями Красной армии отойти на левый берег.

В ночь на 28 ноября под общим командованием заместителя командира полка Н.Ф. Скачкова батальоны Г.К. Репина и А.С. Катаева выдвинулись к Дону со стороны Батайска. Первым по тонкому льду, рядом с железнодорожным мостом, перешел Дон 2-й батальон и скрытно занял плацдарм на правом берегу в районе цементно-шиферного завода. За ним Дон перешел 1-й батальон. Утром 28 ноября батальоны пошли в наступление. Немцы оказывали сопротивление, переходили в контратаки, пытаясь отбросить ополченцев за Дон. Целый день шел жестокий бой за каждый квартал города, блокировались и уничтожались огневые точки врага. Ополченцы в боях с врагом несли большие потери. 3-й батальон при переходе через Дон встретил сильное сопротивление со стороны противника, понес потери, вынужден был прекратить переправу, перешел Дон только

в ночь на 29 ноября и сразу вступил в боевые действия. 29 ноября под ударами частей Красной армии, опасаясь попасть в окружение в городе, немецкие части начали отходить. Ополченцы их преследовали, заняли район вокзала, центр города и встретились у Театральной площади с частями Красной армии, которые наступали со стороны Зелёного острова. Полк с честью выполнил свою боевую задачу.

В ноябрьских боях за Ростов-на-Дону отличились многие ополченцы. Командир 2-го батальона организовал сопротивление прорвавшимся точкам и группам автоматчиков. Во время наступления 28 ноября, одним из первых переправившись с батальоном на правый берег Дона, организовал упорную оборону станицы Верхне-Гниловской и группы по истреблению огневых точек противника, которыми руководил лично.

В числе 37 ополченцев, награжденных боевыми медалями и орденами Советского Союза, был и Г.К. Репин, удостоенный ордена Красного Знамени в декабре 1941 г.

В «Заметках ополченца» отражены не только подробнейшие детали военных действий, но и тщательно проанализированы недостатки и ошибки, допущенные в ходе первого оборонительного боя. С особой теплотой и признательностью Г. Репин описывает подвиги своих боевых товарищей: С. Дудникова, З. Заманского, П. Юфимцева, П. Павлова и многих других. «Высокие боевые качества ростовских народных ополченцев при обороне и освобождении Ростова осенью сорок первого года определили дальнейшую судьбу полка. РСПНО был зачислен в состав частей действующей армии, как армейский полк был включен в состав 56-й армии. Это произошло 20 декабря 1941 года», – так продолжает свои воспоминания комбат Репин [5].

После ноябрьских боев полк пополнил свои ряды новыми добровольцами-ростовчанами, передал в то же время более 500 бойцов и командиров в другие части 56-й армии, осуществлял охрану оборонительных объектов города. 30 марта 1942 г. Г.К. Репину было присвоено звание капитана [6: 68].

В боевые действия полк снова вступил в июле 1942 г. 19 июля началось новое наступление вермахта на Ростов-на-Дону. На следующий день полк занял оборону от пос. Чкалова до р. Дон, между Александровкой и Аксаем. «В этих боях, – подчеркивает Г. Репин, – при обороне Ростова в июле 1942 года перед РСПНО была поставлена боевая задача: оборонять Ростов на его северо-восточной окраине, а при отходе частей армии прикрыть переправы и отход частей через Дон» [5].

24 июля в течение всего дня ополченцы отбивали атаки немцев. Как вспоминает Г.К. Репин, 2-й батальон полка около восьми часов сдерживал натиск превосходящих сил противника в районе Александровки и отошел

через Дон только с наступлением ночи, когда противник на всем участке вышел к реке и с высокого правого берега прицельным огнем стал обстреливать плывших бойцов и командиров подразделений батальона. «Совершенно невозможно установить… сколько тогда ночью, с 24-го на 25-е июля 1942 года в районе Александровки и железнодорожной станции Кизитеринка смело и бесстрашно шагнуло в воды Дона и сколько человек осталось на правом берегу мертвыми, раненными и живыми», – подтверждает Григорий Репин в «Заметках ополченца» [5].

В тяжелейших условиях переправы через Дон волевой командир Репин не мог проявить все качества незаурядного в прошлом пловца, так как в тот момент был болен эмфиземой легких. Однако даже в таком состоянии он отказался от уговоров «устроиться на плоту». Плыл со всеми, держа в зубах узелок, сделанный из носового платка, с карманными часами, партбилетом и удостоверением.

В те роковые дни полк навсегда простился с боевыми товарищами: секретарем партбюро полка Я.Ф. Нежуриным, агитатором полка В.А. Кривогиным, комиссаром 2-го батальона И.Ф. Переведенцевым, помощником начальника штаба полка Б.А. Рауэлем, адъютантом 2-го батальона Ю.Ф. Бутевицем и многими другими.

Летом 1942 г. РСПНО отошел на Кавказ. При отходе частей 56-й армии по приказу командующего ополченцы прикрывали отход и вели арьергардные бои в Задонье и на Кубани, в частности, в районе пос. Зернового (в настоящее время – г. Зерноград), у ст. Михайловской и Тингинской, где нужно было прикрывать переправу через р. Лабу и задержать противника. Особенно тяжелые и напряженные бои шли в сентябре и октябре 1942 г. в районе ст. Холмской и Ахтырской. 12 сентября 1942 г. Г.К. Репин был назначен начальником штаба РСПНО [3: 90].

25 сентября 1942 г. при обороне высоты 234,7 противник превосходившими силами вел наступление. Капитан Репин организовал оборону высоты и лично участвовал в ней, воодушевляя бойцов и командиров. «В результате боя четыре атаки противника были отбиты, противник понес большие потери, как в живой силе, таки и в технике», – указано в наградном листе Г.К. Репина, представленного к награждению орденом Красной Звезды [4: 25]. В сентябре 1942 г. Г.К. Репину было присвоено звание майора [3: 150].

В октябре 1942 г. РСПНО был расформирован, так как не было резерва для пополнения личного состава. Солдат и сержантов передали 395-й дивизии и частично 189-му армейскому запасному полку, а офицеров – в отдел кадров 56-й армии.

С ноября 1942 г. Г.К. Репин служил в должности начальника штаба 189-го армейского запасного стрелкового полка 56-й армии. В 1944–

1945 гг. был комендантом 22-й комендатуры оборонительных рубежей Одесского военного округа. «В сентябре 1945 года, согласно постановлению ГКО, как специалист народного хозяйства и имеющий ограниченную годность службы в армии, уволен в запас для использования в народном хозяйстве», – указывает он в автобиографии [5].

К концу войны к заслуженным наградам храброго комбата добавились орден Отечественной войны I степени, медали «За оборону Кавказа» и «За Победу над Германией».

С 1945 г. Г.К. Репин участвовал в восстановлении г. Ростова-на-Дону, трудился на руководящих постах в качестве управляющего трестом «Трамвай и троллейбус», заместителя председателя исполкома Орджоникидзевского райсовета депутатов трудящихся, директора автогенного завода.

Доблестный защитник Родины ушел из жизни 31 марта 1989 г.

Источники и литература

1. Центр документации новейшей истории Ростовской области (далее – ЦДНИРО). Ф. Р-13. Оп. 7. Д. 370.
2. ЦДНИРО. Ф. Р-1885. Оп. 1. Д. 1.
3. ЦДНИРО. Ф. Р-1885. Оп. 1. Д. 6.
4. ЦДНИРО. Ф. Р-1885. Оп. 1. Д. 22.
5. ЦДНИРО. Ф. Р-1885. Оп. 1. Д. 72.
6. ЦДНИРО. Ф. Р-1885. Оп. 4. Д. 1.

Н.И. Медвенский

МАЙОР ИВАН ИВАНОВИЧ АРШАВА – ГЕРОЙ ОБОРОНЫ КАВКАЗА

Битва за Кавказ стала одним из наиболее продолжительных и кровопролитных сражений Великой Отечественной войны. Победа в ней была достигнута благодаря мужеству, самоотверженности и воинскому искусству бойцов и командиров РККА, многие из которых пали смертью храбрых при защите Родины. Одним из них был командир 121-го горнострелкового полка 9-й горнострелковой дивизии майор Иван Иванович Аршава.

И.И. Аршава родился 30 марта 1905 г. в пос. Павловского рудника на Луганщине (ныне – г. Брянка Луганской Народной Республики) в семье рабочего. После получения начального образования в местном народном училище молодой Аршава в июне 1923 г. поступил на военную службу и в качестве красноармейца был зачислен в ряды 89-го Чонгарского стрелкового полка 30-й Иркутской дивизии Украинского военного округа.

В феврале 1924 г. И.И. Аршава стал курсантом Могилевских пехотных командных курсов, осуществлявших подготовку кадров среднего и младшего командного и политического состава. После успешного окончания курсов в сентябре 1924 г. И.И. Аршава направлен в дивизионную школу 100-й стрелковой дивизии Украинского военного округа, где занимал должность командира отделения. В августе 1925 г. был назначен командиром отделения полковой школы 300-го стрелкового полка 100-й стрелковой дивизии Украинского военного округа. В июле 1927 г. И.И. Аршава стал курсантом 13-й Одесской пехотной командной школы, которую окончил в 1928 г. С декабря 1928 г. служил в 152-м стрелковом полку 51-й стрелковой Перекопской дивизии Украинского военного округа, где последовательно прошел путь от помощника командира взвода, старшины роты (январь 1930 г.), командира взвода (декабрь 1930 г.), помощника начальника военно-хозяйственного довольствия (март 1933 г.) до командира и политрука роты (июнь 1933 г.). В апреле 1936 г. И.И. Аршаву назначили командиром и политруком роты 151-го стрелкового полка всё той же 51-й стрелковой дивизии Украинского военного округа, а в январе 1937 г. – начальником штаба батальона 153-го стрелкового полка 51-й стрелковой дивизии Украинского военного округа. С декабря 1937 г. он – временно исполняющий обязанности командира 2-го батальона 153-го стрелкового полка, а с июня 1938 г. – начальник полковой школы [8: 1758].

В октябре 1938 г. капитан И.И. Аршава получил назначение на должность начальника полковой школы 141-го горнострелкового полка 47-й Грузинской им. И.В. Сталина горнострелковой дивизии Закавказского военного округа. Данное соединение несло охрану государственной границы от Батуми до Ахалциха, а также прикрывало проходы на Северный Кавказ через Главный Кавказский хребет. Следует отметить, что в указанный период в горнострелковых частях и соединениях РККА системной подготовки личного состава для ведения войны на высокогорье, как правило, не велось, а специализированное снаряжение и обмундирование либо было дефицитным, либо и вовсе отсутствовало. Артиллерийское, минометное и особенно ружейно-пулеметное вооружение, использовавшееся в горнострелковых частях и соединениях РККА, в основном соответствовало системам, применявшимся в стрелковых частях и соединениях, и не имело специфических конструктивных особенностей для ведения войны в высокогорной местности [2: 9–10]. Фактически советские горнострелковые части и соединения мало чем отличались от стрелковых. Впрочем, командование осознавало наличие данной проблемы и пыталось устранить последнюю путем проведения в войсках регулярных учений, а также постоянного повышения уровня боевой подготовки личного состава. Именно над этим и работал И.И. Аршава,

который, хорошо зарекомендовав себя в качестве начальника полковой школы 141-го горнострелкового полка, в мае 1939 г. получил очередное назначение на должность начальника курсов младших лейтенантов при 47-й Грузинской им. И.В. Сталина горнострелковой дивизии. Его опыт был востребован, в частности, при проведении испытаний в Бакинском пехотном училище в июле 1939 г., где Аршава был в составе приемной комиссии.

31 января 1940 г. приказом Народного комиссариата обороны СССР № 0345 капитан И.И. Аршава был назначен начальником штаба 145-го горнострелкового полка 47-й Грузинской им. И.В. Сталина горнострелковой дивизии. В этом качестве он прослужил до 18 марта 1941 г., когда был переведен на должность заместителя командира 121-го горнострелкового полка 9-й горнострелковой Краснознаменной ордена Красной Звезды дивизии им. ЦИК Грузинской ССР. 4 апреля 1941 г. ему было присвоено звание майора. Уже после начала Великой Отечественной войны, 17 августа 1941 г., И.И. Аршава был назначен командиром 121-го горнострелкового полка 9-й горнострелковой дивизии. В указанный период дивизия дислоцировалась в Батуми и входила в состав 40-го стрелкового корпуса. Она прикрывала границу с Турцией и занималась строительством оборонительных рубежей. В состав дивизии входили: управление; 36, 121, 193, 251-й горнострелковые полки; 607-й гаубичный артиллерийский полк; 256-й артиллерийский полк и другие части. В действующей армии дивизия находилась с 23 ноября 1941 г. по 28 января 1942 г., а затем 15 мая 1942 г. повторно вошла в ее состав. В декабре 1941 г. 251-й горнострелковый полк и 2-й дивизион 256-го артиллерийского полка были переданы 51-й армии Северо-Кавказского фронта, приняв участие в Керченско-Феодосийской десантной операции. Основной состав дивизии, включая 121-й горнострелковый полк, продолжал оставаться на местах постоянной дислокации в Закавказье.

После начала Битвы за Кавказ и стремительного продвижения немецких войск через перевалы Главного Кавказского хребта к восточному побережью Чёрного моря на ряде операционных направлений начала складываться критическая для РККА ситуация. Возникла реальная угроза прорыва противника не только к таким прибрежным городам, как Сочи, Гудаута и Сухуми, но и проникновения его в долину р. Ингури и далее вглубь Грузии. Одним из главных направлений, на которых развернулись боевые действия, стало клухорское. Здесь наступала клухорская боевая группа 1-й горной дивизии 49-го горного армейского корпуса вермахта, стремящаяся овладеть перевалами Клухор и Нахар, выйти на оперативный простор из узкой долины р. Клыч, а затем, в зависимости от ситуации, проникнуть в Грузию через перевал Хида либо нанести удар

на Сухуми вдоль долины р. Кодор. Боевая группа включала в себя 2-й и 3-й батальоны 98-го горноегерского полка с приданными саперными подразделениями из состава 54-го горносаперного батальона и артиллерийскими подразделениями из состава 79-го горноартиллерийского полка. К сожалению, в момент подхода немецких войск к Клухору сам перевал и северные подступы к нему были недостаточно прикрыты советскими подразделениями. Так, не были выгодно использованы условия горной местности, отсутствовали минные заграждения, не производились завалы на путях подхода к перевалу со стороны противника. В прикрытии флангов, осуществляемом малыми силами, существовали бреши. Неудивительно, что 17 августа 1942 г. предпринятый немцами штурм перевала Клухор завершился для них полным успехом и фактическим разгромом оборонявшего данный горный проход 1-го батальона 815-го стрелкового полка 394-й стрелковой дивизии 46-й армии Закавказского фронта. Вскоре после этого советскими войсками был оставлен и перевал Нахар. Путь на южную часть Военно-Сухумской дороги, ведущей с Северного Кавказа через Главный Кавказский хребет к восточному побережью Чёрного моря, для немецких горных егерей был открыт.

В то время как в долине р. Клыч подразделения 815-го стрелкового полка с трудом сдерживали наступление противника и медленно отходили на юг, командование Закавказским фронтом и входившей в его состав 46-й армии отреагировало на известие о потере Клухора и Нахара немедленной переброской на линию боевого соприкосновения оперативных резервов из разных частей Закавказья [11: 412–413]. С 18 по 20 августа 1942 г. приказы о выдвижении на клухорское направление получили отдельный учебно-стрелковый батальон 394-й стрелковой дивизии, подвижной отряд № 1 курсантов Сухумского военно-пехотного училища, отряды Народного комиссариата внутренних дел № 5 и № 6, а также маневренная группа 36-го Сухумского пограничного отряда [10: 189–190]. Более того, приказ о немедленной переброске из Батуми в район Сухуми и оттуда далее в горы получил 121-й горнострелковый полк 9-й горнострелковой дивизии под командованием майора И.И. Аршавы [5: 1]. По замыслу командующего Закавказским фронтом генерала армии И.В. Тюленева, все упомянутые силы должны были принять участие в контрнаступлении РККА на клухорском направлении, призванном остановить, а затем отбросить противника к перевалам Клухор и Нахар. Операцию предполагалось начать 23 августа, однако ввиду проблем, возникших в ходе переброски и сосредоточения войск, было принято решение отложить ее до 26–27 августа.

Тем временем 121-й горнострелковый полк 9-й горнострелковой дивизии вместе с 1-м дивизионом 256-го артиллерийского полка, переподчиненный непосредственно командующему 46-й армией Закавказского

фронта генерал-майору В.Ф. Сергацкову, находился в процессе передислокации из Батуми в Сухуми по железной дороге и по морю.

Первыми на абхазской земле выгрузились артиллеристы, которые, разобрав горные пушки и навьючив их на лошадей, незамедлительно выдвинулись на клухорское направление. За ними следовал основной состав полка под командованием майора И.И. Аршавы. 75-километровый марш проходил по Военно-Сухумской дороге, которая местами переходила в тропу и сужалась до одного метра, извиваясь над глубоким ущельем с обрывистыми скалами. Командир отряда альпинистов 394-й стрелковой дивизии, капитан А.М. Гусев, также направлявшийся на линию фронта и встретивший майора И.И. Аршаву с его полком на марше в районе р. Мачара, вспоминал: «Мы быстро добрались до Багадских скал – известного на Военно-Сухумской дороге участка пути, где полоска дороги проходит по узкому карнизу, высеченному в отвесных скалах. Над нами высились двухсотметровые стены скалы, которые отвесно обрывались к бешено мчащемуся по дну ущелья мутному потоку реки Кодор. Этот участок пути был заминирован на случай прорыва противника» [1: 67]. В подобных условиях 1-й дивизион 256-го артиллерийского полка и 121-й горнострелковый полк были вынуждены передвигаться растянутой колонной и подходить к линии боевого соприкосновения поочередно.

Между тем немецкое военное командование продолжало предпринимать попытки взломать советскую оборону и окончательно сломить сопротивление РККА на клухорском направлении. С этой целью 25 августа по боковым склонам долины р. Клыч в глубокий тактический обход были направлены 6-я, 8-я и 13-я роты 98-го горноегерского полка (так называемая группа Пессингера). Данная группа получила задачу скрытно выйти в тыл советских войск в районе слияния рек Клыч и Гвандра, уничтожить расположенный неподалеку штаб 394-й стрелковой дивизии 3-го стрелкового корпуса 46-й армии Закавказского фронта, нарушить ее тыловые коммуникации и способствовать прорыву основных сил клухорской боевой группы 1-й горной дивизии вермахта из ущелья р. Клыч в долину р. Кодор. Немецкое командование возлагало на обходной маневр группы Пессингера особые надежды, поскольку сложный рельеф местности и ожесточенное сопротивление РККА в ущелье р. Клыч не позволяли решить поставленные задачи иными методами. Перед началом операции командир 1-й горной дивизии генерал-майор Х. Ланц отдал приказ, согласно которому, в случае неудачи миссии группы Пессингера на клухорском направлении, следовало прекратить наступательные действия и перейти к обороне, перенеся основное направление главного удара соединения на марухское направление.

25–26 августа и группа Пессингера, и 121-й горнострелковый полк с 1-м дивизионом 256-го артиллерийского полка продвигались в район слияния рек Гвандра и Клыч с противоположных направлений. К вечеру 26 августа изможденные длительным форсированным маршем советские горные стрелки и артиллеристы достигли окрестностей села Гвандра и расположились на отдых, а майор И.И. Аршава отправился на доклад в штаб 394-й стрелковой дивизии. Утром 27 августа 8-я рота 98-го горноегерского полка вышла восточнее, а 6-я и 13-я роты – западнее флангов противоборствующих сторон. Вскоре немецкие горные егеря нанесли неожиданный удар, перерезав связь между штабами 394-й стрелковой дивизии и входившего в ее состав 815-го стрелкового полка, а также между штабом полка и линией фронта. Создавалась прямая угроза захвата противником командного пункта штаба 394-й стрелковой дивизии в с. Гвандра, где находились ее командир подполковник И.Г. Кантария, командир 3-го стрелкового корпуса генерал-майор К.Н. Леселидзе, а также заместитель народного комиссара внутренних дел СССР, комиссар государственной безопасности 3-го ранга И.А. Серов. Оборону были вынуждены занять бойцы штабной роты, писари, стенографисты и даже солдаты обоза. На клухорском направлении для советской стороны возник тактический кризис, грозящий перерасти в оперативный.

Для ликвидации прорвавшегося противника в бой был незамедлительно введен 121-й горнострелковый полк под командованием майора И.И. Аршавы. Передовая рота под командованием старшего лейтенанта И.И. Табакина практически с марша атаковала немецких горных егерей. Вслед за ней в бой вступили остальные подразделения полка. Наступление советских пехотинцев поддержали артиллеристы 1-го дивизиона 256-го артиллерийского полка, которые вели огонь с позиций у с. Гвандра. Вскоре все три немецкие роты оказались в окружении и были вынуждены с боем прорываться на исходные рубежи. Майор И.И. Аршава принял личное участие в бою на ближней дистанции, ведя огонь из своего служебного оружия по солдатам противника. В ночь с 27 на 28 августа немецким горным егерям удалось оторваться от преследования и, потеряв 103 человека убитыми, ранеными и пропавшими без вести, мелкими разрозненными группами начать возвращение в долину р. Клыч. Потери РККА в данном бою, к сожалению, не получили надлежащего отражения в документах, а сводные списки убитых и раненых по 121-му горнострелковому полку 9-й горнострелковой дивизии в материалах Центрального архива Министерства обороны РФ и вовсе отсутствуют. Доподлинно установлено, что в ходе ликвидации прорыва группы Пессингера погибло как минимум шесть человек старшего и среднего командного состава, а также несколько десятков сержантов и рядовых [7: 3]. Советские потери,

вероятно, количественно превышали немецкие, однако победоносный для РККА исход боя, произошедшего 27 августа в районе слияния рек Клыч и Гвандра, коренным образом повлиял на изменение обстановки на всех высокогорных участках фронта. Последняя попытка командования 1-й горной дивизии добиться решающего перелома на клухорском направлении потерпела неудачу. Потери, понесенные егерями в данной операции, стали крупнейшими за весь период боевых действий в полосе наступления 49-го горного корпуса. Его командующий генерал горных войск Р. Конрад и командир 1-й горной дивизии генерал-майор Х. Ланц были шокированы провалом миссии группы Пессингера и еще больше убедились в необходимости перехода на клухорском направлении к обороне и сокращении линии фронта [12].

Боевой дух бойцов и командиров клухорской группы войск РККА, напротив, значительно повысился. Впервые после потери перевала Клухор и последующих за этим десятидневных оборонительных боев, в которых погибли сотни их товарищей по оружию, противнику было нанесено тяжелое поражение. Известие о разгроме группы Пессингера было доведено до сведения командования Закавказским фронтом и Государственного комитета обороны СССР. 30 августа 1942 г. член Военного совета Закавказского фронта, народный комиссар внутренних дел Грузинской ССР А.Н. Саджая, новый командующий 46-й армией генерал-майор К.Н. Леселидзе и начальник штаба 46-й армии полковник А.П. Рассказов направили из Сухуми соответствующую телефонограмму на имя И.В. Тюленева и Л.П. Берии [4: 32]. К государственным наградам СССР были представлены наиболее отличившиеся в боях с противником бойцы и командиры клухорской группы войск РККА. За образцовое выполнение боевых задач командования на фронте борьбы с немецкими захватчиками и проявленные при этом доблесть и мужество приказом Военного совета Закавказского фронта № 08/Н от 9 сентября 1942 г. командир 121-го горнострелкового полка майор И.И. Аршава был награжден орденом Ленина [3: 6]. К сожалению, награда нашла героя уже посмертно. 3 сентября 1942 г. он был убит осколком немецкой минометной мины в ходе успешного советского контрнаступления на клухорском направлении. В наградном листе, составленном уже после его гибели, читаем (стиль оригинала сохранен): «Тов. Аршава с полком вступил в бой 27 августа 1942 г. и умелым руководством обеспечил уничтожение группы противника 250 чел. автоматчиков, которые прорвались к штабу. Тов. Аршава лично из пистолета уничтожил 2 вражеских автоматчика. 3 сентября подготовил наступление, организовал его, в результате которого противник был разбит и отброшен на 14 километров. При этом тов. Аршава погиб смертью храбрых при выполнении своего воинского долга» [6: 22].

121-й горнострелковый полк участвовал в боевых действиях на клухорском направлении до начала октября 1942 г. Изрядно поредевший в боях, он сдал свои позиции подразделениям 815-го стрелкового полка и 155-й стрелковой бригады и убыл в Сухуми, а оттуда – в Батуми, в расположение 9-й горнострелковой дивизии. За героизм, отвагу и высокое боевое мастерство, проявленное в бою командованием и личным составом 121-го горнострелкового полка при ликвидации угрозы выхода противника на коммуникации Черноморской группы войск, а также за овладение подножьем перевала Клухор, указом Президиума Верховного Совета СССР от 13 декабря 1942 г. полк был награжден орденом Красного Знамени [9: 84].

После гибели майора И.И. Аршавы его тело было доставлено в Сухуми и погребено с надлежащими воинскими почестями на одном из городских кладбищ. На протяжении многих лет на его могилу приезжала вдова Любовь Ильинична Аршава. Со временем место захоронения Ивана Ивановича было утеряно и пришло в упадок. В декабре 2024 г. члены Республиканской общественной организации по увековечению памяти погибших при защите Отечества «Абхазпоиск» обнаружили эту могилу и совместно с военнослужащими 7-й объединенной военной базы Министерства обороны России в Абхазии, которая является прямой наследницей и правопреемницей 121-го горнострелкового полка 9-й горнострелковой дивизии, провели работы по ее облагораживанию. К 80-летию Победы в Великой Отечественной войне было запланировано осуществить полноценную реконструкцию воинского захоронения и обустройство прилегающей территории. Это соответствует высокому статусу места упокоения одного из героев обороны Кавказа, павшего смертью храбрых при защите Родины.

Источники и литература

1. *Гусев А.М.* Эльбрус в огне. М., 1980.
2. *Иванов А.И.* Артиллерия СССР во Второй Мировой войне. СПб., 2003.
3. Центральный архив Министерства обороны Российской Федерации (далее – ЦАМО РФ). Ф. 33. Оп. 682525. Д. 198.
4. ЦАМО РФ. Ф. 47. Оп. 1063. Д. 69а.
5. ЦАМО РФ. Ф. 47. Оп. 1063. Д. 192.
6. ЦАМО РФ. Ф. 56. Оп. 12220. Д. 58.
7. ЦАМО РФ. Ф. 58. Оп. 818883. Д. 1543.
8. ЦАМО РФ. Ф. 209. Оп. 995. Д. 203.
9. ЦАМО РФ. Ф. 401. Оп. 9511. Д. 9.
10. ЦАМО РФ. Ф. 1720. Оп. 1. Д. 23.
11. ЦАМО РФ. Ф. 60074. Оп. 35150. Д. 26.
12. Bundesarchiv-Militärarchiv. RH 28-1/67.

С.А. Приходько

ПОВОРОТЫ СУДЬБЫ ГЕНЕРАЛА ПАВЛА АЛЕКСАНДРОВИЧА АБРОСИМОВА (к 105-летию начала службы героя в Рабоче-крестьянской Красной армии)

Павел Александрович Абросимов родился 18 мая 1899 г. в г. Новозыбкове Черниговской губернии. В 1911 г. после окончания четырехлетней церковно-приходской школы поступил в Новозыбковское реальное училище. В августе 1914 г. Россия вступила в Первую мировую войну. Новозыбков стал прифронтовым городом, а осенью уже наполнился ранеными и беженцами. Ученики училища оказывали помощь медикам, которые едва справлялись с потоком пациентов.

На исходе обучения будущего генерала в реальном училище монархия пала. В Новозыбкове и Новозыбковском уезде в последние дни 1917 г. была установлена советская власть. 24 января 1918 г. делегаты уездного совета приняли положение о сельской Красной гвардии. В первом пункте документа были обозначены задачи вооруженных подразделений: защита революционных завоеваний, поддержание революционного порядка и проведение в жизнь всех постановлений народной власти [2: 25].

Совет народных комиссаров (далее – СНК) 21 февраля 1918 г. проголосовал за мобилизацию сил и средств государства на дело обороны. Был издан декрет «Социалистическое Отечество в опасности!». 24 февраля исполнительное бюро Новозыбковского уездного совета крестьянских, рабочих и солдатских депутатов обратилось к жителям деревень и сёл с воззванием об организации отпора приближавшимся немецким войскам [3: 1–3].

Исполняя дореволюционные обещания, большевики заключили мирный договор со странами Четверного союза. Документ был подписан 3 марта 1918 г. в Брест-Литовске. Страна Советов первой вышла из мировой войны. В апреле 1918 г. Новозыбков и Новозыбковский уезд были оккупированы немецкими и украинскими войсками. Такая же печальная участь постигла другие окраины Черниговской губернии. Для освобождения Черниговской губернии и других территорий Советской России из разрозненных красногвардейских и партизанских отрядов были сформированы полноценные боевые единицы – Богунский и Таращанский полки. Выдвинувшиеся из Унечи красноармейцы нанесли решительное поражение немецким и украинским захватчикам. 25 декабря 1918 г. период немецкой оккупации Новозыбкова завершился. Советская власть была восстановлена и в городе, и в уезде.

В апреле 1919 г. красноармейцы разгромили силы А.В. Колчака. В октябре захлебнулось наступление войск А.И. Деникина. Таким образом,

в 1919 г. Рабоче-крестьянская Красная армия (далее – РККА) добилась перелома в Гражданской войне. Основные группировки белогвардейцев и интервентов были отброшены на востоке и юге.

В течение полугода П.А. Абросимов работал служащим и затем был мобилизован. 20 июня 1920 г. он начал службу в РККА в качестве слушателя командных курсов в Москве. На курсах П.А. Абросимов изучал правила использования тяжелой артиллерии. Особое внимание уделялось артиллерийской подготовке атаки. Именно Первая мировая война породила данное понятие. То же можно сказать об артиллерийской поддержке атаки.

В настоящей статье под артиллерийской подготовкой подразумеваются боевые действия артиллерии, непосредственно предшествующие атаке пехоты и танков, заключающиеся в подавлении и разрушении объектов обороны противника заранее организованным, тщательно спланированным массированным огнем с целью лишения обороняющегося возможности оказать организованное сопротивление атакующим войскам [4: 56]. До Октябрьской революции в отечественной науке вообще не велась речь ни о подготовке, ни о поддержке атаки. Действия русской артиллерии регламентировались двумя документами: «Наставлением для действий полевой артиллерии в бою» и «Уставом полевой службы», которые увидели свет в 1912 г. Тактика артиллерии в период империалистической войны была простой. В случае наступления артиллеристы ни с кем не советовались и наносили удары по тем целям, которые им казались наиболее опасными. До начала сражения перед царской артиллерией никто не ставил конкретных задач. О взаимодействии авиации и артиллерии, кавалерии и пехоты дореволюционные стратеги также не думали. Подобная разобщенность стала причиной провала ряда операций старой армии.

В октябре 1921 г. П.А. Абросимов окончил обучение, получил первый военный документ – аттестат Главного управления военно-учебных заведений № 0578 – и первую должность – начальника связи Московской учебной артиллерийской бригады. На рубеже 1920–1930-х гг. артиллерийские бригады получили наименование бригад противовоздушной обороны (далее – ПВО). Они представляли собой первые соединения ПВО [5: 16].

В 1921 г. П.А. Абросимов окончил артиллерийские курсы в г. Детское Село (до 1917 г. – Царское Село). В соответствии с приказом по батарее № 221, в октябре 1925 г. он стал помощником командира батареи.

С целью преодоления отставания в артиллерийской подготовке от западных стран, помимо многопрофильных военных учебных заведений, советская власть создала систему непрерывной переподготовки артиллерийских кадров. В 1931 г. П.А. Абросимов прошел шестимесячные Высшие курсы усовершенствования командного состава в Севастополе.

С февраля 1932 г. до февраля 1935 г. офицер выполнял обязанности начальника 2-й части 1-й артиллерийской дивизии. В 1932 г. он вступил в ВКП(б) и получил партийный билет № 0257587 [9: 63].

В том же году П.А. Абросимов женился. Супруга Анна Михайловна была моложе мужа на пять лет. В 1933 г. у них родилась дочь Инна.

В феврале 1935 г. П.А. Абросимов стал командиром 194-го артиллерийского полка Ленинградского военнного округа.

За 13 лет Советский Союз совершил гигантский прорыв от отдельных рот защитников неба до полнокровных дивизий ПВО, способных самостоятельно решать задачи по отражению воздушного нападения [5: 16]. К середине 1930-х гг. СССР преодолел отставание от передовых стран Европы в области традиционной артиллерии. Обстановка в сфере зенитных систем не являлась такой же блестящей, поэтому теперь опыт П.А. Абросимова в качестве профессионального артиллериста оказался незаменимым в процессе укрепления противовоздушного щита страны.

В июне 1935 г. П.А. Абросимов занял должность начальника штаба 1-й артиллерийской дивизии в Москве. С мая 1936 г. эти обязанности офицеру пришлось сочетать с работой начальником Севастопольского училища зенитной артиллерии.

17 февраля 1936 г. П.А. Абросимову было присвоено звание полковника. 20 мая 1939 г. он был назначен начальником командного факультета в Артиллерийской академии РККА им. Ф.Э. Дзержинского. До 1919 г. это учебное заведение называлось Михайловской артиллерийской академией. Осенью 1945 г. именно в Артиллерийской академии РККА им. Ф.Э. Дзержинского был открыт первый в мире факультет ракетного вооружения и началась подготовка профессиональных ракетчиков.

Накануне гитлеровского вторжения советские инженеры первыми в мире провели испытания радиолокационных установок. 17 января 1941 г. в структуре Главного управления ПВО РККА был создан штаб [5: 13].

Титанические усилия тружеников советского военно-промышленного комплекса принесли свои плоды. К 22 июня 1941 г. войсковые части и соединения ПВО имели на вооружении образцы техники отечественного производства, которые не уступали образцам военной техники ведущих держав мира. Личный состав противовоздушных частей был обучен, комплект частей и соединений доходил до 90 % [5: 18].

Группировка зенитной артиллерии в системе ПВО Сталинграда была создана заблаговременно с опорой на обеспечение как противовоздушной, так и противотанковой обороны. Правильность такого решения подтвердил весь дальнейший ход событий на юге РСФСР [1: 7–8].

К началу Великой Отечественной войны ПВО страны располагала примерно 1500 самолетов-истребителей, 1144 батареями зенитной

артиллерии среднего калибра и 296 батареями зенитной артиллерии малого калибра, пятью зенитными пулеметными полками, восемью отдельными зенитными пулеметными батальонами, 28 отдельными зенитными пулеметными ротами, семью зенитными прожекторными полками, восемью отдельными зенитными прожекторными батальонами, шестью полками и восемью дивизионами аэростатов воздушного заграждения [7: 72]. Сами эти цифры указывают на неимоверную сложность управления и перевода огромного и разнородного хозяйства страны на военные рельсы.

Согласно приказу Главного управления ПВО Красной армии № 004 от 26 сентября 1941 г., П.А. Абросимов приступил к руководству курсами усовершенствования начальствующего состава зенитной артиллерии РККА.

7 декабря 1941 г., в соответствии с приказом народного комиссара обороны № 0713, он стал начальником курсов усовершенствования командного состава Западной армии. В отличие преподавания в первые полгода войны П.А. Абросимову пришлось внедрять в сознание курсантов понимание разницы между практиками артиллерийской подготовки и артиллерийского наступления. Если суть прежней программы подготовки многие курсанты понимали быстро, то объяснить принципы наступления удавалось далеко не сразу ввиду новизны подхода.

15 мая 1942 г. П.А. Абросимов возглавил Управление боевой подготовки при Главном управлении ПВО территории страны (далее – ТС). В период Сталинградской битвы он занимал должность при штабе войск ПВО ТС. В соответствии с постановлением СНК СССР от 27 августа 1942 г., он получил звание генерал-майора артиллерии.

В ноябре 1942 г. был издан новый боевой устав пехоты. Впервые в данном документе артиллерийское наступление разделялось на три этапа: подготовка, поддержка и сопровождение огнем пехоты и танков при бое в глубине. В битве на берегах Волги Красная армия впервые наступала в рамках перечисленных этапов и добивалась впечатляющих успехов. Действительно, в конце 1942 г. «резко улучшилось взаимодействие основных сил ПВО – истребительной авиации и зенитной артиллерии» [1: 7].

Советская артиллерия выросла не только количественно, но и качественно. До конца войны все наступательные операции Красная армия начинала с артиллерийской подготовки, которая продолжалась от 1,5 до 2,5 ч. В редких случаях советское огневое воздействие растягивалось до 3,5 ч.

За результативность действий Красной армии в поворотном сражении на Волге были награждены тысячи героев. П.А. Абросимов получил медаль «За оборону Сталинграда».

В ходе Сталинградской битвы наступил перелом. 19 ноября 1942 г. Красная армия перешла в наступление. 2 февраля 1943 г. последняя фашистская

часть сложила оружие. 14 февраля 1943 г. П.А. Абросимов был удостоен ордена Красной Звезды.

8 августа 1943 г. И.В. Сталин подписал приказ № 03512 о назначении П.А. Абросимова заместителем командующего войсками Восточного фронта ПВО. Менее чем через год артиллерист был переведен на другой фронт противовоздушной обороны.

Важной задачей войск ПВО оставалась оборона водных и железнодорожных коммуникаций фронтов. Нередко зенитчики защищали коммуникации в войсковом тылу, при этом ряд переправ прикрывали на переднем крае (переправы через Керченский пролив, Днепр, Вислу, Одер и др.). Кроме того, соединения ПВО выполняли задачи по защите аэродромов фронтовой и дальней авиации, железнодорожных эшелонов и речных судов в пути, осуществляли прикрытие прибрежных морских коммуникаций, участвовали в осуществлении воздушной блокады окруженных группировок (в районах Корсунь-Шевченковского, Будапешта, Бреслау и т.д.), вели борьбу с диверсионными отрядами и бандами, действовавшими в тылу, и с воздушными десантами. В решающие моменты сражений на главных направлениях истребительная авиация ПВО привлекалась для выполнения задач фронтовой авиации, а зенитная артиллерия ПВО страны – для решения задач полевой артиллерии.

В связи с быстрым продвижением Красной армии на запад глубина территории, которую обороняли противовоздушные войска, неуклонно увеличивалась. В 1944 г. для более гибкого управления войсками ПВО страны и улучшения их взаимодействия с частями фронтов вместо существовавших двух фронтовых объединений ПВО (Западного и Восточного) были сформированы четыре фронта ПВО: Северный, Центральный, Южный и Закавказский [1: 264].

В процессе подготовки Крымской наступательной операции следовало отработать взаимодействие всех родов войск в непривычных для красноармейцев природных условиях. Эту нелегкую задачу П.А. Абросимов, как и другие наставники артиллеристов, с честью выполнил.

В марте – апреле 1944 г. П.А. Абросимов принимал участие в организации противовоздушной обороны переправ через Керченский пролив. В те напряженные месяцы офицер занимал должность командующего артиллерией Южного фронта ПВО [9: 63].

Летом 1944 г. генерал-майор внес неоценимый вклад в отражение крупных налетов фашистской авиации в полосе 1-го Украинского фронта.

В июне 1944 г. – мае 1945 г. П.А. Абросимов занимал должность командующего артиллерией Южного и Юго-Западного фронтов ПВО. На завершающем этапе войны ему пришлось срочно адаптировать систему защиты неба к боевым действиям за пределами Родины.

Согласно приказу народного комиссара обороны № 0192 от 1 июля 1944 г., генерал-майор получил должность командующего артиллерией Южного фронта ПВО, созданного 21 апреля постановлением Государственного комитета обороны (далее – ГКО) СССР № 5508сс от 29 марта.

26 мая П.А. Абросимов был представлен к ордену Отечественной войны I степени, но впоследствии Верховный Совет СССР перепроверил полученные факты и отметил подвиги зенитчика более высокой наградой – орденом Красного Знамени [9: 13]. В указе Президиума Верховного Совета Союза СССР «О награждении генералов, офицерского, сержантского, рядового и вольнонаемного состава артиллерии Красной Армии» от 26 мая 1944 г. говорится: «Товарищ Абросимов делу партии Ленина-Сталина и Социалистической Родине предан. За период Отечественной войны работал начальником управления боевой подготовки Территории Страны, с июля 1943 г. – заместителем командующего войсками фронта и в настоящее время – командующим артиллерией Южного фронта ПВО. Товарищ Абросимов вложил много сил и энергии в повышение боевой готовности частей, соединений и сколачивание боевых расчетов. Проверяя готовность частей, товарищ Абросимов правильно нацеливает личный состав на выполнение стоящих задач. Товарищ Абросимов – дисциплинированный и весьма требовательный культурный генерал, твердо знает круг своих обязанностей, имеет большой практический опыт боевой работы в частях и соединениях зенитной артиллерии противовоздушной обороны» [9: 63].

18 ноября 1944 г. П.А. Абросимову было присвоено звание генерал-лейтенанта артиллерии. 1 мая 1944 г. вышел указ Президиума Верховного Совета СССР об учреждении медали «За оборону Москвы». П.А. Абросимов получил эту медаль в конце года.

За подвиги, совершенные при освобождении Советской Украины, были награждены многие бойцы и офицеры РККА. 3 ноября 1944 г. П.А. Абросимов повторно получил орден Красного Знамени.

24 декабря постановлением ГКО СССР «О реорганизации фронтов ПВО и передислокации штабов фронтов ПВО» Южный фронт ПВО был преобразован в Юго-Западный фронт ПВО [6: 120–126]. 16 марта 1945 г. генерал-лейтенант перешел на новый фронт ПВО.

После разгрома фашизма П.А. Абросимову была вручена медаль «За Победу над Германией». В преддверии 28-й годовщины Великого Октября, 6 ноября 1945 г., П.А. Абросимов получил орден Ленина. Через 11 дней, 17 ноября 1945 г., он был удостоен ордена Кутузова II степени.

Приказом командующего артиллерией РККА № 0978 от 28 ноября 1945 г. генерал-лейтенант был назначен заместителем командующего по артиллерии войсками Юго-Западного округа ПВО. 22 июля 1946 г.

П.А. Абросимов получил должность начальника ПВО при штабе Главного командования Западным направлением.

Деятели советской военной науки, в том числе П.А. Абросимов, внесли большой вклад в обобщение накопленного в годы войны опыта взаимодействия артиллерии с другими родами войск [8].

С 30 октября 1946 г. и до окончания службы в армии П.А. Абросимов находился в распоряжении командующего войсками обороны страны.

В соответствии с указом Президиума Верховного Совета СССР от 22 февраля 1948 г., ветерану была вручена медаль «XXX лет Советской Армии и Флота».

11 ноября 1948 г. П.А. Абросимов стал командующим зенитной артиллерией войск ПВО Донбасского района. Эта должность явилась достойным финалом 30-летней карьеры защитника родного неба. Практически весь боевой путь ветерана был неразрывно связан с Югом СССР.

Весной 1950 г. генерал-лейтенант завершил службу в Советской армии. Он был отправлен в отставку по болезни без права на льготы. Через четыре года положение ветерана улучшилось. В соответствии с приказом министра обороны СССР Н.А. Булганина № 05165 от 14 октября 1954 г., прославленный артиллерист получил право ношения военной формы с особыми знаками на погонах, но без выплаты единовременного пособия.

Умер П.А. Абросимов 4 декабря 1955 г. в Москве. Похоронен на Введенском кладбище (участок № 8).

Жители Новозыбкова помнят о своем земляке.

Источники и литература

1. Войска ПВО страны в Великой Отечественной войне 1941–1945: краткая хроника. М., 1981.

2. Государственный архив Черниговской области (далее – ГАЧО). Ф. Р-4716. Оп. 1. Д. 10.

3. ГАЧО. Ф. Р-4716. Оп. 1. Д. 141.

4. *Зарицкий В.Н., Едемский А.П.* Эволюция артиллерийской подготовки // Военная мысль. 2019. № 9. С. 55–65.

5. *Матвеев Р.В.* Деятельность государственных и военных органов СССР по созданию и развитию противовоздушной обороны страны (1923 – июнь 1941 г.): автореф. дис. … канд. ист. наук. М., 2010.

6. Российский государственный архив социально-политической истории. Ф. 644. Оп. 1. Д. 345.

7. Российский государственный военный архив. Ф. 4. Оп. 14. Д. 1794.

8. *Самсонов Ф.А.* Артиллерийское наступление. М., 1946.

9. Центральный архив Министерства обороны Российской Федерации. Ф. 33. Оп. 686043. Д. 66.

Х.Б. Бабаджанов

ЖЕНЩИНА ВОСТОКА НА ВОЙНЕ

1930–1940-е гг. являются важным этапом формирования гендерно-социальных отношений. В СССР процесс трансформации социальной роли женщин осуществлялся иначе, чем в странах Западной Европы. Основное различие заключалось в том, что на Западе освобождение женщин как социальное требование общества происходило снизу и в течение длительного периода. Традиция борьбы женщин за свои права в СССР была довольно слабой (на территории Средней Азии и Северного Кавказа даже в 1920–1930-х гг. еще господствовали средневековые порядки). Основной целью политики государства по вовлечению женщин в социально-экономическую жизнь было использование их потенциала, трудовых и творческих сил для строительства нового общества.

В 1930-е гг. роль женщин в советском обществе претерпела серьезную трансформацию. С начала советского периода руководство провозгласило равенство в экономической, социальной и политической жизни для женщин и мужчин, независимо от того, в каком уголке государства они находились [4: 182]. Однако в различных частях Советского Союза трансформация социальной роли женщин находилась на разных стадиях. В европейской части страны женщины уже добились получения определенных социально-экономических прав, и политика государства в вопросе равноправия полов во многом была направлена на придание юридического статуса уже существующим нормам.

Начавшаяся война в каком-то смысле ускорила социальные процессы. В годы войны женщины привлекались во многие сферы в качестве трудового резерва. Домохозяйки в кратчайшие сроки освоили навыки использования сложных станков и управления транспортными средствами. В 1941–1945 гг. в СССР почти во всех отраслях народного хозяйства увеличилась доля участия женщин. Значительные изменения произошли в освоении женщинами традиционно мужских профессий. Например, в период с 1941 по 1945 г. доля женщин среди работников железнодорожного транспорта увеличилась с 25 % до 42 %, а на предприятиях цветной металлургии – с 27 % до 50 %. К концу войны только в военной промышленности СССР трудилось более двух миллионов женщин [2: 5].

Надо отметить, что такие бурные социальные изменения происходили не только в СССР. Например, в Японии, где социальные роли мужчин и женщин традиционно были разделены, первые сотрудницы были приняты на работу на Токийскую фондовую биржу в 1940 г. Это был первый подобный случай в этом финансовом учреждении, основанном в 1897 г. [3: 149].

В годы войны женщины Узбекистана осваивали почти все военные и гражданские профессии, что показывет социальную адаптивность восточных женщин. Ниже приведены сведения о героическом труде узбекской женщины – военного врача. Ее биография, письма и дневник показывают отношение к принятию окружающей действительности и ужасов войны восточной женщиной, которая выбрала трудную профессию нейрохирурга [1: 158–165].

Анвара Абдуллаевна Мухаррамова в 1933 г. с отличием окончила школу, в 1936 г. – медицинский техникум и поступила в Ташкентский государственный медицинский институт. После окончания в 1941 г. осталась в институте врачом-ординатором отделения неврологии.

В декабре 1941 г. она была мобилизована на фронт. В 1941 г. из семьи Мухаррамовых, кроме Анвары, на войну ушли еще трое: ее братья Вали и Искандер, племянник Рафкат. С фронта вернулся только Искандер (1912–1991).

Анвара Мухаррамова с февраля 1942 по декабрь 1945 г. служила хирургом в медико-санитарном батальоне 148-й дивизии 13-й армии. Ее подразделение участвовало в боях в составе 1-го и 4-го Украинских фронтов сначала в обороне, а затем в наступательных операциях. Помогала раненым солдатам и офицерам, воевавшим с фашистами, как можно быстрее вернуться в строй.

А. Мухаррамова получила ранение, лечилась в своем же медпункте, быстро встала на ноги и вернулась к операционному столу. Закончила войну на Белорусском фронте. День Победы встретила в Праге уже капитаном медицинской службы.

О мужестве отважной девушки-хирурга, которой было всего 23 года, когда началась война, свидетельствуют ее боевые награды: ордена Красной Звезды и Отечественной войны II степени.

А. Мухаррамова часто писала с фронта своим родственникам и коллегам по институту. Сохранилось одно из ее писем от 12 июня 1942 г. профессору клиники неврологии Ташкентского медицинского института Л.Я. Шаргородскому: «Конечно, мое дело одно – выполнять, служить народу, фронту… Когда первично обрабатываем раны, я дрожу, а хирурги “смеются” над молодым невропатологом. Бывало, я успешно диагностировала болезни нервной системы». В письме она просила рассказать о судьбе других коллег, ушедших на фронт.

Сохранился дневник Анвары Мухаррамовой, который она вела во время войны. Записи начинаются 6 апреля 1942 г., когда ей только исполнилось 23 года, а заканчиваются 12 января 1945 г. Вот некоторые из первых записей: «Только приехали из Ливны в деревню Каротыш. Приехали в санях, которые привезли в госпиталь раненых… По дороге увидели

немецкий самолет. Вот фронт. Где-то слышен гул снарядов… На мне гражданское пальто, сверху шинель, ушанка. Нас встретили очень хорошо. В первый раз я увидела русскую деревню. Деревня разрушена и спалена немцами, хаты без крыш, окон.

Очень удивилась операционной и перевязочной после шикарных операционных в условиях клиники…

Мы едем в д. Сталино, где был КП дивизии, проехали через речку Сосну. Там слышны разрывы снарядов. Я рассказываю жителям о своем Узбекистане и о наших обычаях. Они слушают с большим удовольствием».

Следующая запись была сделана 28 июня 1942 г.: «Впервые увидела бомбежку и наших раненых. Для меня начинается ужас, но непонятный. Ушли назад в деревню Троицк. Много раненых. Бомбят. Некоторые соединения меняют позицию. Страшно. Вот война».

Следующие записи очень краткие, события описываются несколькими информативными фразами:

«д. Казанское. 43.25.1. Деревня сожжена… Холод ужасный.

26.01. Много раненых, как никогда.

11.02. Много раненых, немцы сопротивляются сильно.

18.02. Много раненых, появились больные формой № 4.

25.02. Много работы, город разрушен… Раненых меньше, но есть…

5.07. Летнее наступление немцев. МСБ (медсанбат) вернулся в Губкино. Очень много раненых.

26.07. д. Гриневка. Нет ни одной хаты, все разрушены. Полно воронок. Развернулись в палатках. В деревне нет ничего.

27.07. д. Глебово. Жителей нет. Угнаны немцами. Хаты и дороги заминированы. Подорвался ЗИС, убило Чеботарёва. Много раненых. Расположились очень плохо.

4.08. д. Семеновка. Очень многие (из) населения вернулись обратно. Нашим было трудно бомбить, т.к. немцы отступают с нашим гражданским населением. Они рассказывают много ужасного. Освободили Кромы. Из немецкого лагеря привезли много пленных, раненых наших. Все до одного инфицированы и больны дизентерией. Здесь повесилась Аня из аптеки.

16.08. д. Титива. Много раненых. Деревня стоит на оврагах разбросанная. Жили на сеновале. Видела много узбекских бойцов – пополнение из Азии.

20.08. д. Шушорова. Деревня, где много орехов. Здесь застрелился Портянко. Все женщины жили в палатках. Разместились плохо, нет воды.

19.09. У меня карбункул на пояснице. Бои за Чернигов. Лежу дома. Температура высокая. Ухаживать некому. Убило Ольгу Буравко».

Последующие записи в дневнике тоже очень краткие. Иногда упоминаются только названия районов, где размещался медпункт. Например,

«23.04. 3 км. от г. Тарнополь. Живем на опушке леса очень хорошо. Весну встретили здесь. Много земляники и клубники. Приехал Искандер. Начались бои за Львов».

Действительно, когда весной 1944 г. начались сражения за освобождение Львова, в бою встретились Анвара и Искандер. Можно представить, как они были рады увидеть друг друга живыми. Военный дневник Анвары описывает это значимое событие лишь двумя словами: «Приехал Искандер». Возможно, Анвара Мухаррамова, юная девушка, ежедневно спасая раненых, чтобы они вновь шли воевать, рискуя жизнью, стала более сдержанной и молчаливой.

Позже Анвара Мухаррамова регулярно переписывалась со своими боевыми товарищами. Среди сохранившихся писем – письмо Н.К. Соколова, опубликовавшего воспоминания о войне. Он советовался с А. Мухаррамовой по поводу статей. В одной из них он описал Анвару как «худенькую, но очень волевую девушку» и привел эпизод из страшной военной жизни.

В середине апреля 1945 г., в период, когда Чехословакия готовилась к долгожданному наступлению на границу с Польшей, была поставлена задача пополнить личный состав дивизии, особенно артиллерийские дивизионы. Для мобилизации лечащихся бойцов командир дивизии направил в медпункт своего заместителя Мелкадзе.

Н.К. Соколов сообщил ответственной за лечение бойцов А. Мухаррамовой о прибытии начальства, на что она ответила: «Пусть приходит, я покажу ему раненых». Она отвела прибывшего Мелкадзе в перевязочную, чтобы он мог своими глазами увидеть раны (раненым не сказали, кто он). Анвара Мухаррамова стала менять повязки, раненые кричали от боли, иногда крепко ругались. Она спросила у Мелкадзе, считает ли он возможным их выписку как выздоравливающих, на что он сразу ответил: «Нет, нет».

Мелкадзе присутствовал при перевязке 10–15 раненых. Собрался уходить, хотя в восстановительной группе было еще не менее 200 человек. Перед отъездом прозвучала просьба, а не приказ направить бойцов в отдел кадров штаба дивизии.

После победы А. Мухаррамова продолжила врачебную деятельность ординатором неврологической клиники Ташкентского государственного медицинского института. Работая ассистентом на кафедре неврологии, она применяла на практике свои знания и богатый опыт, полученные на фронте, в процессе подготовки высококвалифицированных кадров.

Она внесла значительный вклад в развитие неврологии. 27 октября 1957 г. защитила диссертацию под руководством профессора Л.Я. Шаргородского. С 1964 по 1974 г. работала доцентом кафедры неврологии Ташкентского государственного медицинского института. В 1970-х гг., когда стали беспокоить старые фронтовые раны и болезнь

сердца, вышла на пенсию по инвалидности 3-й группы. До 1982 г. она еще работала врачом-неврологом в Институте педиатрии (сейчас – Центральная больница). Анвара Мухаррамова умерла в 2009 г. в возрасте 90 лет.

Источники и литература

1. Узбекистан в годы Второй мировой войны: книга-альбом / отв. за издание Х. Султанов. Ташкент, 2022.

2. *Хасбулатова О.* Социальная политика СССР в период Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.: гендерный аспект // Женщина в российском обществе. 2015. № 2 (75). С. 3–10.

3. *Dobrofsky L.* Women's Power and Authority in the Context of War // Sex Roles. Vol. 3. No. 2. 1977. P. 141–157.

4. *Lubin N.* Women in Soviet Central Asia: Progress and Contradictions // Soviet Studies, Vol. 33. No. 2. P. 182–203.

А.И. Лопатина

ПОВСЕДНЕВНОСТЬ СОВЕТСКИХ ГОСПИТАЛЕЙ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

Великая Отечественная война является одним из важнейших событий в мировой истории и одной из самых героических, но одновременно и трагических страниц в истории Советского Союза. Важную роль в Победе сыграла медицинская служба и госпитальная система [6].

Повседневная жизнь в госпиталях складывалась из множества компонентов, каждый из которых имеет значение для обеспечения целостности и эффективности лечебного процесса. Основой остаются медицинские процедуры, но тесно с ними связаны бытовые и психологические аспекты, которые оказывают значительное влияние на скорость восстановления и качество жизни пациентов. Кроме того, жизнедеятельность госпитального комплекса регулируется четкой организацией, обеспечивающей его функциональность в условиях зачастую высокой нагрузки и стресса.

История советского здравоохранения и военной медицины 1941–1945 гг. нашла отражение в ряде трудов, авторами которых являлись сами участники событий того времени: Г.А. Митерев [8], Е.И. Смирнов [11], А.И. Бурназян [2], А.В. Смольников [12]. В данной работе использовались и другие исследования [6; 10]. Особое место занимает книга А.В. Попова [9], начальника военного клинического госпиталя № 1602 в Ростове-на-Дону. Однако проблема повседневности в данных публикациях практически не освещена. В последние годы издаются новые работы, в которых рассматривается быт госпиталей [3]. Однако обобщающего труда, который бы

осветил повседневность советских госпиталей в период Великой Отечественной войны, на данный момент не существует.

Цель данной работы – анализ основных аспектов повседневной жизни в госпиталях в годы Великой Отечественной войны. В задачи исследования входит изучение того, как медицинский состав справлялся с огромным наплывом раненых, нехваткой ресурсов и экстремальными условиями и как эти условия влияли на лечение и восстановление пациентов.

Исследование опирается на различные источники, как официальные, так и личного происхождения, что позволяет охватить разные аспекты повседневного функционирования госпиталей. Наиболее ценным источником являются воспоминания медсестры Окружного военного клинического госпиталя № 1602 А.И. Звонаревой [4].

Изучение различных аспектов повседневности госпиталей значимо для понимания общих принципов функционирования медицинских учреждений в условиях войны. Подходящая одежда и обеспечение всем необходимым были жизненно важны для эффективной работы медперсонала и ухода за пациентами, а гигиена являлась ключевым фактором предотвращения распространения болезней и поддержания здоровья. Качество лечения напрямую влияло на выздоровление и возвращение раненых к полноценной жизни, а психологическая поддержка в условиях усталости и стресса помогала сохранять боевой дух и моральное состояние персонала. Наконец, условия быта и жилища отражали ежедневные реалии и влияли на общее благополучие тех, кто оказывался внутри стен госпиталя. Изучение этих аспектов обеспечивает понимание того, как медицинский и вспомогательный персонал способствовал военным успехам.

За время войны, благодаря усилиям медицинских работников, на фронт вернулись более 18 млн солдат и офицеров. Маршал К.К. Рокоссовский говорил: «Войну мы выиграли ранеными», – и благодарил медиков – «тружеников-героев»: «Они делали всё, чтобы поставить раненых и больных на ноги и дать им возможность снова вернуться в строй» [7].

Быт и жилье. В начале войны и период становления и первоначальной организации госпиталя № 1602 его работники подготавливали помещение для оптимального функционирования медицинского учреждения. «В течение первого рабочего дня прибывшие сотрудники госпиталя до позднего вечера наполняли матрасы соломой. Затем обустраивали помещения для приема раненых и больных. Мыли окна, двери, полы, в палатах расставляли тяжелые железные кровати, столы» [4]. Для создания уюта в палатах девушки-медсестры обратились за помощью к жителям близлежащих домов. Ростовчане охотно откликались на их просьбы: госпиталю дарили комнатные цветы, вазы, книги, салфетки, скатерти, всякую мелочь. Кто-то не пожалел картины, мирный пейзаж» [1: 16–17].

Было мало персонала, как медицинского, так и обслуживающего. «Трудно сейчас представить, как мы со всем справлялись – на 90–110 человек больных приходилось всего 2 медсестры! А после смены отправлялись на хозработы: мыли палаты, набивали матрацы свежей соломой, осенью убирали овощи… После отбоя мы шли в подвал больницы, где лежали груды гипса, снятого с раненых. Отдирали бинты, стирали их. Просушивали, проглаживали, а утром сдавали старшей медсестре» [9].

Особые трудности были с материально-техническим обеспечением госпиталей. В условиях военного времени медсестры также «несли и караульную службу. На период дежурства они получали оружие – старую винтовку весом около 6 кг» [4].

В начале войны участились налеты вражеской авиации на город. Персоналу госпиталя № 1602 было трудно. Надо было не только успевать справляться с ранеными, но по сигналу «Воздушная тревога», днем или ночью, сводить, сносить раненых в бомбоубежище. Пока спускали их вниз, давали «отбой». Снова приходилось поднимать. Вероятно, самыми тяжелыми оказывались ночные дежурства. По графику медперсонал гасил фугаски, боролся с пожарами [1: 26–28].

Эвакогоспиталям, которые передвигались на поезде, было особенно трудно в зимний период, когда приходилось силами всех сотрудников госпиталя очищать от снега железнодорожные пути, чтобы продолжить движение поезда. Например, в эвакогоспитале № 1602 вагоны отапливались печками-буржуйками, которые размещались обычно в центре вагона и, кроме очевидной пользы, представляли большую опасность для персонала. Так, А.И. Звонарева писала, что одна из медсестер «М. Любченко при резком торможении поезда получила ожог левой половины лица» [4]. Всем составом мыли, ремонтировали двери и окна, ставили буржуйки там, где не уцелели печи, белили известью. У многих медицинских сестер после такой работы руки покрывались ранками и язвами [4].

На временном месте дислокации госпиталя условия были очень тяжелые: не было централизованного водоснабжения и освещения. Воду носили в помещения госпиталя из колодца для мытья рук хирурга и медицинских сестер перед операциями, инструментов, шприцов и игл, стирки халатов, простыней, полотенец, бинтов и т.д. Не было дистиллированной воды. Спасала питьевая сода: ею чистили инструменты, добавляли ее в воду при их кипячении [4].

Эвакогоспитали часто меняли свое местоположение, поэтому постоянно собирали и разбирали вещи: «Шесть раз разворачивали и сворачивали госпиталь, грузили и разгружали имущество, медицинское оборудование в эшелоны при дислокации и эвакуации. Ответственным комендантом эшелона был инженер-капитан Шалонин В.И.» [4].

Необходимость размещения в неприспособленных помещениях и развертывания всех функциональных подразделений госпиталей в очень сжатые сроки, одномоментное поступление большого количества раненых – буквально эшелонами – при постоянном недостатке в кадрах медицинского и особенно обслуживающего персонала – всё это создавало зачастую колоссальные трудности в осуществлении приема и оказания медицинской помощи раненым и предъявляло к личному составу высочайшие требования. В эти дни люди трудились каждый за троих, порой сутками, не покидая стен госпиталя, оставляя для сна лишь считанные часы: «Госпиталь обосновался в пяти километрах от города. Нам выделили сильно разрушенное здание. Для его восстановления собирали по крохам фанеру, доски, кирпичи, куски стекла. Ремонтировали, строили, но раненых принимали. Спали по 3–4 часа в сутки, все трудились не жалея себя. Было больно смотреть на стариков и детей, возвращавшихся из лесов и эвакуации в разрушенные города» [9].

Духовная сфера. В эвакогоспитале № 1602 каждое утро с ученической тетрадкой в руках медсестры шли из палаты в палату, неся радостную или тревожную весть из сводок Совинформбюро. Они рано утром шли в расположение военкомата или воинской части, чтобы послушать радио и записать все новости. Сейчас это кажется невероятным, а тогда было в порядке вещей: никаких средств информации в госпитале не было. Политруки делили со всеми бессонные ночи, усталость, нервное перенапряжение, вселяли в пациентов и персонал уверенность, силу, мужество [1: 22–23].

Военную присягу в госпиталях принимали не сразу. Например, в эвакогоспитале № 1602 «7 ноября 1942 г. все медицинские сестры госпиталя приняли присягу и получили звание сержантов медицинской службы, некоторые вступили в ряды ВКП(б)» [4]. Стоит упомянуть и политическое воспитание больных и раненых в ходе различных мероприятий. Это были устные индивидуальные и групповые беседы, политинформация, доклады и лекции, а также культурно-просветительское обслуживание: «За отчетный период с 20 ноября по 25 января проведено: докладов и лекций – 5, митингов – 1, бесед – 8, политинформаций – 4, общих собраний – 3, партсобраний – 4… вечер встречи колхозников шефов с больранеными – 1» [5].

И несмотря на все трудности молодость брала свое: медицинские сестры находили время заглянуть в клуб – попеть в хоре и потанцевать. Невзирая на загруженность сотрудников, в большинстве эвакогоспиталей и просто госпиталей велась культмассовая работа, проводились политчасы. В красных уголках размещались стенгазеты, изобличающие преступления нацизма, в целях поддержания боевого духа выздоравливающих бойцов Красной армии, которым предстояло отправиться на передовую. Была организована доставка посылок по госпиталям. Во многих

из них были книги, настольные игры, музыкальные инструменты. В госпитале № 1602 был организован клуб, его «начальником до 1943 г. был старший лейтенант Георгий Иванов, который до начала войны был артистом театра им. М. Горького в г. Ростове-на-Дону» [1: 18–19]. Другое воспоминание, из эвакогоспиталя № 3464, показывает, как сотрудники пытались поддерживать психологическое состояние больных: «В уголке зала ожидания шел концерт – девушки изо всех сил старались отвлечь прибывших от боли. Солдаты улыбались, благодарили нас, кто мог – аплодировали» [9].

Лечение. Длительный путь утомлял раненых, а плохие санитарные условия в пути способствовали осложнению ряда болезней. Приходилось делать тщательный осмотр пациентов, усилять наблюдение за ними, обновлять повязки, постоянно оказывать необходимую медицинскую помощь: «С вокзала раненых везли сначала в санпропусник. Там мы их мыли, переодевали, а потом дежурили по ночам у тяжелобольных, стирали и гладили белье и бинты. Не помню, чтобы кто-то из девчат пожаловался на усталость» [9].

Из-за отсутствия условий промокшие раны лишь подбинтовывали. Только в особых случаях делали перевязки, освещая рану фонарем «летучая мышь» [1: 19–22].

Состояние многих было тяжелое, зачастую им требовалась кровь. «Медицинские сестры Быковская А., Любченко М., Фридман С. и другие сотрудники, не раздумывая, отдавали ее танкистам, пехотинцам, летчикам. Провожали через некоторое время из госпиталя не просто выздоровевших солдат, а братьев по крови» [1: 19–20]; «Раненые тяжелые, частые кровотечения, прободения, не проходило ни одного дежурства, особенно ночного, без срочной операции. На такие операции, как правило, вызывались хирурги» [4].

Гигиена. У многих девушек-сотрудниц эвакогоспиталя № 1602 были пышные волосы, а в дороге не имелось ни воды, ни мыла. Однажды помогла инициатива и находчивость медсестры Марии Глазковой: «В период войны среди мужчин больше денег ценилась махорка. На одной из остановок, на станции Арыс, Глазкова набрала махорки (часть выдаваемого медсестрам пайка) и подошла к машинистам поезда. Глазкова махорочки им насыпала и попросила горячей воды. Открыли они на паровозе какой-то кран, и медсестры заполнили все имеющиеся у них емкости хоть и маслянистой, но горячей водой. Многие девочки-медсестры тогда с удовольствием вымыли косы» [1: 20].

Одежда и снабжение. Не хватало элементарного – ваты и бинтов. Приходилось стирать их, кипятить. Врачи не могли вовремя поменять халат. Уже через несколько операций он превращался в красное от свежей крови полотнище.

В своих воспоминаниях А.И. Звонарева указывает, что в начале войны командование выдало медсестрам бывшее в употреблении обмундирование. На каждую медсестру: гимнастерка хлопчатобумажная, брюки-галифе хлопчатобумажные, бушлат ватный, ботинки кирзовые (42–45-го размера), пилотка хлопчатобумажная, ремень брезентовый, обмотки хлопчатобумажные [1: 20–22]. Из этого следует, что у госпиталя было весьма плохое снабжение в начале войны. Но медсестры не унывали и даже пытались обратить ситуацию в шутку: «Медсестра Мария Глазкова решила примерить полученные ею вещи. В результате: брюки-галифе не сошлись в талии, и она связала их кусочком бинта. На ноги обула 43-го размера ботинки и обмотала голени обмотками. Вместо гимнастерки ей попался маленького размера френч, который Глазкова смогла застегнуть только на две верхние пуговицы, а в результате разошелся задний разрез. Надев пилотку, она в таком "шутовском" виде прошлась по перрону. Многие от души посмеялись» [4].

Все сотрудники госпиталей работали на износ, от усталости часто не понимали, где день, а где ночь, но не забывали поддерживать свой внешний облик должным образом. Например, в госпитале № 1602 начальником был А.А. Каминник, который всегда выглядел подтянутым, опрятным и чистым. Он был примером для всех врачей и медсестер. На одном из построений он отметил медсестру: «Старший сержант Ромашко! Шаг вперед!» Каминник продолжил: «Обратите внимание, Ромашко выглядит так, как будто только что из-под утюга! А ведь эта девочка за 7 дней перевязала почти 1000 человек. Не верится, что она в может стоять по стойке "смирно", не качаясь! Как она держится на ногах, не отдыхая ни днем, ни ночью!» Затем начальник госпиталя приказал другой, менее активной медсестре выйти из строя. «Теперь посмотрите без слов», – прокомментировал он ее неопрятный вид» [4].

Во время Великой Отечественной войны госпитали и эвакогоспитали играли огромную роль в спасении жизней тысяч солдат. Пациенты и медицинский персонал вынуждены были работать в экстремальных условиях. Все, кто оказывался в эвакогоспиталях, переживали серьезные трудности: постоянные налеты, нехватка обмундирования и медицинских материалов, еды и других необходимых ресурсов. Повседневная жизнь госпиталей, фиксируемая через призму быта, управления, снабжения, процесса лечения, культурно-просветительских мероприятий, межличностных отношений рассказывает о невероятной стойкости и приспособляемости сотрудников к экстремальным условиям. Факт возвращения на фронт более 18 млн солдат и офицеров говорит сам за себя: без усилий медицинских работников и системы госпиталей такой результат был бы невозможен.

Источники и литература

1. 1602 Окружному военному клиническому госпиталю – 70 лет / авт.-сост. А.В. Попов; под общ. ред. П.Е. Крайнюкова. Ростов-на-Дону, 2011.
2. *Бурназян А.И.* Борьба за жизнь раненых и больных на Калининском – 1-м Прибалтийском фронте (1941–1945). М., 1982.
3. Великая Отечественная война в истории Дона: актуальные проблемы изучения / под ред. М.А. Пономаревой. Ростов-на-Дону; Таганрог, 2021.
4. Воспоминания Звонаревой Александры Ивановны. Из личного архива Натальи Дмитриевны Бабелюк.
5. Из докладной записки военкома и секретаря первичной парторганизации эвакогоспиталя № 2703 Леонтьева о выполнении решения ГК ВКП(б) от 30 сентября 1941 г. по организации политического воспитания бойцов в госпитале второй очереди. URL: https://www.permgaspi.ru/deyatelnost/sbornik-dokumentov-permskij-kraj-v-velikoj-otechestvennoj-vojne/chast-iii/razdel-5-3/dokument-390.html (дата обращения: 25.02.2025).
6. *Малюгина Г.* Советские госпитали во время Великой Отечественной войны. URL: https://fb.ru/article/215757/sovetskie-gospitali-vo-vremya-velikoy-otechestvennoy-voynyi (дата обращения: 25.02.2025).
7. *Мартьянов А.* Скальпель хирурга – оружие Победы. URL: https://novvedomosti.ru/articles/different-fate-one-war/50829/?ysclid=m7u47s0ki71669210 (дата обращения: 25.02.2025).
8. *Митерев Г.А.* В дни мира и войны. М., 1975.
9. О выставке // Во имя жизни. Эвакогоспитали Лысьвы 1941–1945. URL: https://www.lysva-library.ru/vistavki/gospital-lysva/index.html (дата обращения: 25.02.2025).
10. Опыт советской медицины в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.: в 35 т. / гл. ред. Е.И. Смирнов. М., 1949–1955.
11. *Смирнов Е.И.* Война и военная медицина, 1939–1945 гг. / 2-е изд., испр. и доп. М., 1979.
12. *Смольников А.В.* Врач на войне. Л., 1972.

Ш.Ф. Рахманзаде

ИЗ ИСТОРИИ ЭВАКУАЦИИ ГРАЖДАН БЕЛОРУССКОЙ ССР В АЗЕРБАЙДЖАНСКУЮ ССР В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

Одним из факторов, обеспечивших победу советского народа в Великой Отечественной войне, стала эвакуация, позволившая спасти жизни миллионов людей и пополнившая рабочей силой и производственными мощностями экономику советского тыла. По данным Центрального

справочного бюро, действовавшего при Совете по эвакуации, предварительным результатам переписи эвакуированного населения и другим источникам, из угрожаемой зоны удалось переместить в тыловые районы различными видами транспорта примерно 17 млн человек [14].

Территория Азербайджанской ССР стала местом эвакуации населения и предприятий различного назначения из оккупированных районов страны. Начало этому процессу положило постановление ЦК ВКП(б) и Совета народных комиссаров (далее – СНК) СССР от 24 июня 1941 г., согласно которому «для руководства эвакуацией населения, учреждений, военных и иных грузов, оборудования предприятий и других ценностей» при СНК СССР был создан Совет по эвакуации во главе с Л.М. Кагановичем. Однако уже 3 июля 1941 г. председателем Совета по эвакуации был назначен кандидат в члены Политбюро ЦК, секретарь Всесоюзного центрального совета профессиональных союзов Н.М. Шверник [12].

В постановлении ЦК ВКП(б) и СНК СССР «О порядке вывоза и размещения людских контингентов и ценного имущества» от 27 июня 1941 г. были определены главные задачи и первоочередные объекты эвакуации. Перемещению на восток в первую очередь подлежали квалифицированные кадры рабочих и служащих, старики, женщины и молодежь, промышленное оборудование, станки и машины, цветные металлы, горючее, хлеб и другие ценности, имеющие государственное значение. Отмечалось, что «осуществление вывоза по заданиям Совета по эвакуации и Военных Советов фронтов возлагается на местные органы Советской власти. Размещение вывозимого населения и ценного имущества производится по указаниям Совета по эвакуации – Совнаркомами союзных республик» [13]. Вскоре это постановление было дополнено утвержденной СНК СССР специальной инструкцией о порядке демонтажа и отгрузки оборудования заводов и фабрик.

Развитие событий на фронте приняло угрожающий характер. Речь теперь шла о спасении миллионов советских людей. Поэтому 26 сентября 1941 г. Государственный комитет обороны (далее – ГКО) СССР принял постановление создать при Совете по эвакуации Управление по эвакуации населения. На него были возложены вопросы организации эвакуируемого населения из районов прифронтовой полосы, обслуживания его на пути следования, а также прием и размещение в новых местах. Совет имел своих уполномоченных как в местах эвакуации, так и в местах расселения эвакуируемых [2: 7–8].

Вскоре при СНК Азербайджанской ССР был образован переселенческий отдел под председательством Мирзояна; в конце 1942 г. его на этом посту сменил Айрапетов. Общее кураторство было поручено заместителю председателя СНК Н. Аллахвердиеву [5: 1–3]. Последний входил

в Управление по эвакуации населения при Совете по эвакуации в качестве уполномоченного [8: 21].

Без выполнения столь грандиозной производственной операции, какой являлась эвакуация, проведенная в СССР в 1941–1942 гг., невозможно было не только сохранить экономическую базу страны, но и организовать прочный тыл и оперативно переключить народное хозяйство на массовый выпуск необходимой фронту военной продукции. Эвакуация была хотя и вынужденной, но крайне важной мерой, вызванной трагической обстановкой, сложившейся в зоне боевых действий уже в самом начале войны.

Основным средством передвижения эвакуированного населения на дальние расстояния был железнодорожный транспорт. Еще в июле 1941 г. на ряде железнодорожных узлов, станций и пристаней были организованы эвакуационные пункты, которые принимали и отправляли эшелоны с людьми, организовывали их питание и медицинское обслуживание.

Железнодорожные и портовые пути Азербайджанской ССР также являлись важными узловыми пунктами, осуществлявшими эвакуацию мирного населения и оборудования в восточные районы страны. Люди и демонтированное оборудование различных социальных и промышленных предприятий направлялись в Баку и транзитом через него далее на восток огромной страны. «Обстановка осложнялась тем, – вспоминал бывший командующий Закавказским фронтом генерал армии И.В. Тюленев, – что вся железнодорожная линия Баку – Ростов была забита эшелонами с заводским оборудованием. Дорога, работая с предельным напряжением, не в состоянии была пропустить все составы, и они стояли на запасных путях, дожидаясь своей очереди. Это лишало нас возможности маневрировать войсками и ограничило подвоз боеприпасов. Даже самые маленькие полустанки были забиты беженцами. Беженцы всюду: в товарных вагонах, под вагонами, в кюветах, в придорожных насаждениях. Они находились под интенсивной бомбежкой и, охваченные страхом перед надвигающейся вражеской лавиной, давно израсходовав скудные запасы питания, умоляли вывезти их за Каспий» [15: 138].

К концу августа 1941 г. в Бакинском порту скопилось свыше 21 тыс. эвакуированных [15: 163]. Местные партийные и советские органы проявляли большую заботу об эвакуированных гражданах, всячески содействуя их размещению и трудоустройству, обеспечению их одеждой, продуктами питания и т.д. Насколько партийному руководству республики и его районным комитетам удавалось решить эти проблемы, показывает постановление Бюро Центрального комитета (далее – ЦК) Коммунистической партии (далее – КП) Азербайджана от 6 февраля 1942 г. [3: 257–259].

В то же время в соответствии с постановлением ГКО от 26 сентября 1941 г. ЦК КП и СНК Азербайджана 30 сентября 1941 г. было решено запретить прописку в Баку беженцев и эвакуированных из прифронтовой полосы, прибывающих в неорганизованном порядке. Прописывались только граждане, прибывающие по эвакуации с учреждениями и предприятиями по назначению Совета по эвакуации и его уполномоченных на местах. Этим же лицам предоставлялось право устраиваться на работу в Баку [1: 186]. Подобные меры предосторожности были вызваны тем, что Баку являлся главным в стране производителем и поставщиком нефти и нефтепродуктов для фронта, здесь находились промышленные предприятия военного назначения, через город проходили важнейшие морские и сухопутные транспортные узлы, соединяющие не только различные районы внутри СССР, но и имеющие выход за его пределы. Поэтому, чтобы избежать возможных диверсий и иных провокаций, каждый житель города должен был находиться на учете.

В исключительно тяжелых условиях проводилась эвакуация производительных сил с территории Белорусской ССР. Уже за первый месяц войны вермахт захватил почти всю территорию республики. А неоккупированная часть (в основном Гомельская область) оказалась таковой только потому, что лежала вне главного удара, направленного на Москву. В этих условиях эвакуация предприятий и населения могла быть организована только в самых восточных регионах республики.

За период войны из Белоруссии было эвакуировано свыше 1,5 млн человек [1: 186]. Белорусское население, эвакуированное вглубь страны, оседало в самых различных районах РСФСР: в Поволжье, на Урале, в Татарской, Чувашской, Башкирской АССР, а также в республиках Южного Кавказа, Центральной Азии.

Согласно переписи населения Белорусской ССР, на 1 января 1939 г. здесь проживало 375 тыс. евреев. После занятия Западной Белоруссии к ним присоединились еще примерно 350–400 тыс. евреев, проживавших на этой территории. Из общего числа еврейского населения лишь 150–180 тыс. смогли в июне – августе 1941 г. выехать в тыл СССР. Часть из них была призвана в Красную армию. Из Западной Беларуси выехало только 22–30 тыс. евреев. К.И. Козак предполагает, что в целом на территории оккупированной Беларуси оставалось еще 650–680 тыс. евреев [11].

Отметим, что, согласно архивным документам, только за вторую половину 1941 г. в Азербайджан прибыло 7500 эвакуированных. Из всех прибывших львиную долю – 6552 человек – составляли лица еврейской национальности. Согласно этим же данным, из Белорусской ССР к этому времени было эвакуировано, без учета Баку, 569 граждан, 15 из которых были записаны как белорусы. Таким образом, подавляющее большинство

беженцев из Белоруссии также составляли евреи. Они были распределены по районам Азербайджанской ССР следующим образом: Сальяны – 46, Сабирабад – 24, Пушкино – 108, Самух – 72, Али Байрамлы – 45, Агджабеды – 4, Агдам – 10, Барда – 72, Тертер – 28, Закаталы – 75, Нуха – 17, Ждановск – 68 человек [6: 3].

В результате изучения архивных материалов, хранящихся в фонде 2449 («Бакинский эвакуационный пункт») Государственного архива Азербайджанской Республики, мы выявили, что в целом через Азербайджан прошли около полумиллиона эвакуированных из захваченных немецкими войсками территорий граждан, из которых 450 тыс. были перевезены на паромах и судах в Среднюю Азию и Казахстан. Около 27 тыс. человек перебрались в Грузию и Армению. Следовательно, приблизительно 23 тыс. эвакуированных остались в Азербайджане. Из Белорусской ССР, по нашим подсчетам, в Азербайджан были эвакуированы более 1 тыс. граждан. Первая партия эвакуированных уроженцев Белоруссии прибыла в течение первой половины 1941 г., а вторая – летом и осенью 1942 г., когда в результате нового наступления немцев многим беженцам из Белоруссии, пережившим в 1941 г. тяготы переселения, пришлось еще раз покинуть места жительства в Ростове-на-Дону, Сталинграде, на Кубани, Ставрополье, Северном Кавказе. Нами были установлены имена и фамилии, а также некоторые анкетные данные, адреса временного проживания более 160 беженцев, прибывших из Белоруссии в Баку. Было также выяснено, что беженцы из Белоруссии были размещены в 32 районах республики. В ходе изучения архивных документов было определено, что эвакуированные граждане Белоруссии поселились в основном в районах Пушкино (Биласувар), Закаталы, Самух, Барда, Али-Байрамлы (Ширван), Ждановск, Сабирабад, Сальяны, Тертер, Нуха, Агдам, Агджабеды. Подавляющее большинство белорусских беженцев, как уже отмечалось, составляли евреи. Только в одном селении Самухского района – Карабагли (станция Эльдар) – к концу 1941 г. поселилось 21 еврейское семейство из Белоруссии, всего 77 человек. Они были выходцами из Полесской (Мозырский район) и Могилевской областей [7: 1–1а об.]. Цифра довольно внушительная, если учесть, что речь идет о небольшой азербайджанской деревне.

Для объективности картины необходимо отметить, что многие беженцы сталкивались со значительными трудностями в Азербайджане. Во-первых, они зачастую размещались в таких неблагоприятных и непривычных с точки зрения климатических условий районах, как Пушкино (нынешний Билясувар), Ждановск (Бейлаган), Сальяны, Сабирабад, которые слыли малярийными. Вследствие болезней смертность среди эвакуированных была весьма высока. В этом плане характерно письменное обращение эвакуированной из Мозыря с четырьмя маленькими детьми гражданки

Максман. Она и дети тяжело болели малярией. Однако ее просьба о переводе в Нагорный Карабах не была удовлетворена [10: 43–43а об., 101].

Во-вторых, беженцы на местах имели серьезные проблемы и с трудоустройством. Было немало случаев, когда переселенцы не могли найти работу или устраивались не по специальности [9: 17–18].

По мере освобождения Белоруссии от немецко-фашистских захватчиков происходила реэвакуация беженцев. Согласно постановлению СНК Азербайджанской ССР от 7 января 1944 г., правительственным учреждениям поручалось «в 15-ти дневный срок выявить и откомандировать в распоряжение Отдела Совнаркома Азербайджанской ССР… для дальнейшего направления в распоряжение Наркомзема Белорусской ССР всех руководящих земельных работников и специалистов сельского хозяйства, эвакуированных из Белорусской ССР» [4: 23].

В ходе исследования в архивах Азербайджанской Республики не были обнаружены документы, которые зафиксировали бы факты размещения на территории республики в период войны промышленных предприятий, вывезенных из Белорусской ССР. Не обнаружено этих данных и в фондах Центрального архива Министерства обороны Российской Федерации, а также в архивах Беларуси. В то же время имеющиеся данные показывают, что направления эвакуации имущества промышленных предприятий, колхозов и совхозов Белорусской ССР были достаточно широки. Это Новосибирск и Ульяновск, Саратов и Уфа, Горький и Кострома, Барнаул и Вологда, Свердловск и Чкаловск, Казань и Пенза, Воронеж и Курган, Москва и Орёл, Сталинград и Астрахань, Томск и Омск, Ярославль и Рязань, небольшие города Молотовской, Саратовской, Челябинской, Свердловской и Горьковской областей РСФСР. По всей видимости, транзитом через бакинский порт в направлении Красноводска и далее в Центральную Азию были направлены белорусские предприятия, позже расквартированные в Ташкенте (Узбекистан) и Ашхабаде (Туркменистан). Всего из Белоруссии было эвакуировано 109 крупных и средних промышленных предприятий (из них 39 союзного и 70 республиканского значения).

Таким образом, обнаруженные факты свидетельствуют о вкладе Азербайджанской ССР в дело спасения уроженцев Белорусской ССР еврейского происхождения от геноцида. Несмотря на объективные трудности, белорусские евреи в целом были обеспечены предметами первой необходимости, а также обустроены как в городах, так и в сельской местности – в 32 районах Азербайджанской ССР.

Источники и литература

1. Архив политических документов Управления делами Президента Азербайджанской Республики (далее – АПД УДП АР). Ф. 1. Оп. 26. Д. 53.

2. АПД УДП АР. Ф. 1. Оп. 26. Д. 318.
3. АПД УДП АР. Ф. 1. Оп. 27. Д. 8.
4. Государственный архив Азербайджанской Республики (далее – ГААР). Ф. 411. Оп. 18. Д. 456.
5. ГААР. Ф. 2449. Оп. 1. Д. 1.
6. ГААР. Ф. 2449. Оп. 1. Д. 2.
7. ГААР. Ф. 2449. Оп. 1. Д. 5.
8. ГААР. Ф. 2449. Оп. 1. Д. 6.
9. ГААР. Ф. 2449. Оп. 1. Д. 16.
10. ГААР. Ф. 2449. Оп. 1. Д. 42.
11. *Козак К.И.* Германский оккупационный режим в Беларуси и еврейское население // Актуальные вопросы изучения Холокоста на территории Беларуси в годы немецко-фашистской оккупации: сборник научных работ. 2-е изд. / сост. и ред. Я.З. Басин. Минск, 2006. С. 156–158.
12. *Куманев Г.А.* Война и эвакуация в СССР. 1941–1942 годы // Новая и новейшая история. 2006. № 6. С. 7–27.
13. О порядке вывоза и размещения людских контингентов и ценного имущества. Постановление ЦК ВКП(б) и СНК СССР. 27 июня 1941 г. URL: https://docs.historyrussia.org/ru/nodes/181271-o-poryadke-vyvoza-i-razmescheniya-lyudskih-kontingentov-i-tsennogo-imuschestva-postanovlenie-tsk-vkp-b-i-snk-sssr-27-iyunya-1941-g (дата обращения: 01.03.2025).
14. *Потемкина М.Н.* Эвакуация и национальные отношения в советском тылу в годы Великой Отечественной Войны // Отечественная история. 2002. № 3. С. 148–156.
15. Эшелоны идут на Восток. Из истории перебазирования производительных сил СССР в 1941–1942 гг.: сборник статей и воспоминаний / отв. ред. Ю.А. Поляков. М., 1966.

Ш.Д. Батырбаева

ЭВАКУАЦИЯ ДЕТЕЙ В КИРГИЗИЮ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ: ОРГАНИЗАЦИЯ, ВЫЗОВЫ И ГУМАНИТАРНАЯ МИССИЯ

Эвакуация детей в Киргизскую ССР в годы Великой Отечественной войны (1941–1945) стала одной из важных страниц истории тылового подвига советского народа. В этот период Киргизия выступила надежным приютом для тысяч эвакуированных людей, в том числе детей, спасенных из прифронтовых и оккупированных регионов. Республика, удаленная от линии фронта, приняла на свою территорию множество беженцев и переселенцев – рабочих, ученых, учителей, деятелей культуры

и особенно детей, оказавшихся в опасности. Несмотря на ограниченные ресурсы, в Киргизии были созданы условия для их размещения, питания, обучения и оказания медицинской помощи. Эвакуированные смогли не только пережить тяжелые военные годы, но и продолжать учебу и вносить посильный вклад в общее дело Победы. Такая массовая эвакуация детей требовала колоссальных организационных усилий со стороны государства и самоотверженности местного населения, что существенно повлияло на социальную сферу, систему образования, здравоохранение и межкультурные отношения в республике.

Уже в первые дни войны советское руководство осознало необходимость срочной эвакуации населения из прифронтовой полосы. 5 июля 1941 г. Совет народных комиссаров СССР принял постановление «О порядке эвакуации населения в военное время» [5], определившее механизм перемещения граждан, включая детей-сирот и воспитанников детских домов. В соответствии с этими решениями при совнаркомах союзных республик и областных исполкомах были созданы специальные органы, отвечающие за прием и размещение эвакуированных. Эвакуация промышленных предприятий и гражданского населения велась параллельно, и дети относились к числу первоочередных «контингентов» для отправки в тыл. В первую очередь эвакуировались детские учреждения, интернаты, дома ребенка, а также женщины с детьми и пожилые люди. Уже к январю 1942 г. вглубь страны было вывезено более 10 млн человек, в том числе в 1941 г. в Киргизскую ССР прибыло свыше 105 тыс. эвакуированных, а к середине 1942 г. их число достигло 150 тыс. [6: 4; 7: 10], из них 16 тыс. (в том числе около 3,5 тыс. детей) – из блокадного Ленинграда [11: 248, 256].

Уже осенью 1941 г. тыловая Киргизия рассматривалась как одно из приоритетных мест размещения эвакуированных детей, и для их доставки выделялись целевые транспортные ресурсы. Одним из первых распоряжений Совета по эвакуации стало постановление от 24 сентября 1941 г., подписанное Н.М. Шверником. Согласно этому документу, Московский автозавод должен был эвакуировать 700 школьников и 200–300 дошкольников (детей рабочих и служащих) в Киргизию. Для их перевозки Наркомат путей сообщения (далее – НКПС) выделил 15 пассажирских и два товарных вагона, а расходы покрывал Мосгорисполком. Совет народных комиссаров (далее – СНК) Киргизской ССР принял все необходимые меры для размещения 900–1000 эвакуированных детей в пределах республики. Кроме того, по решению Совета по эвакуации Военно-инженерная академия Красной армии им. В.В. Куйбышева перевезла в Фрунзе 166 воспитанников детского интерната и 50 человек обслуживающего персонала. Перевозка осуществлялась по железной дороге от станции Кинель до столицы

Киргизской ССР – г. Фрунзе [10: 28]. Эти цифры свидетельствуют о масштабах демографического вызова, с которым столкнулась республика, принимая огромный поток людей, требовавших крова и заботы.

Для координации приема детей и их последующего устройства в Киргизской ССР была создана специализированная структура. В системе Наркомата просвещения республики действовало Управление эвакуированными детскими домами, которому поручили контроль за размещением детских учреждений, прибывших из других регионов. Инспекция по детским домам Наркомпроса вела строгий учет поступающих воспитанников, а прием эвакуированных детских учреждений на местах курировался местными органами власти – облисполкомами, обкомами партии и НКВД. Таким образом, уже с лета 1941 г. в республике выстраивалась система управления процессом эвакуации детей: начиная от центральных решений в Москве и заканчивая исполнением на уровне каждого района Киргизской ССР.

Эшелоны с детьми прибывали в республику, как правило, одновременно с составами, перевозившими оборудование заводов и других эвакуированных граждан. Для размещения детских домов привлекались как городские, так и сельские ресурсы. Колхозы и совхозы играли ключевую роль в обеспечении прибывших детей жильем, продуктами питания и одеждой. Городские эвакуационные комиссии распределяли продовольственные талоны и карточки на питание для детских учреждений, исходя из численности воспитанников каждого детского дома.

Поток эвакуированных детей в Киргизию начался с первых месяцев войны и нарастал по мере углубления оккупации западных областей СССР. С июня по сентябрь 1941 г. в республику прибыли группы детей из различных регионов Украины и Юга России: из Черновицкой области – 170 человек, Ровенской – 121, Одесской – 21, Ворошиловградской – 34, Херсонской – 50. Эти дети размещались в детских домах разных областей Киргизии. В частности, Джалал-Абадская область приняла значительное число ребят: в Октябрьский детдом поступило 247 воспитанников, в Благовещенский – 100. Во Фрунзенской области эвакуированных детей разместили в Сталинском (21 ребенок) и Сары-Булакском (59 детей) детских домах. Иссык-Кульская область приняла 50 воспитанников в Сары-Ойский детдом, а в Баткенской области 43 ребенка разместили в Уч-Булакском детдоме. Хотя первоначально численность этих групп была относительно небольшой, уже в конце 1941 г. началась массовая эвакуация целых детских учреждений. С ноября 1941 по сентябрь 1942 г. в Киргизию были перевезены свыше 40 детских домов из разных уголков страны: Киева, Одессы, Ленинграда, Феодосии, Евпатории, Херсона, Краснодарского края, Кабардино-Балкарской АССР и др. Только за период

с 1 января по 25 сентября 1942 г. в республику прибыло несколько эвакуированных детдомов, в том числе из Ленинградской области (детские дома № 2, 37, 63, а также Ораниенбаумский детдом – всего 1122 ребенка), отдельные детдома № 37 (еще 92 ребенка) и № 63 (55 детей) дополнительно, Одесский детдом № 1 (103 ребенка), детдом № 54 Краснодарского края (45 детей), Платовский детдом Кабардино-Балкарии (100 детей) и др. Эвакуированных воспитанников распределяли по детским домам по всей республике – от Чуйской долины до Иссык-Куля. В список принявших их учреждений вошли детские дома в селах Чон-Сары-Ой, Курменты, Теплоключенка, городах Фрунзе, Покровка, Токмак, Талас, селах Таш-Тюбе, Сузак, Ключевка и др. [11: 248, 256]. К концу лета 1942 г. в республику прибыла новая большая группа воспитанников ленинградских детских домов – дети, пережившие блокаду, многие из которых нуждались в срочной медицинской помощи и реабилитации.

В целом к осени 1942 г. в Киргизской ССР оказались тысячи детей из различных регионов – от юга Украины до блокадного Ленинграда. Основная ответственность за первичное размещение и обеспечение всех этих детей легла на плечи местных сообществ. Несмотря на то, что республика сама испытывала нехватку продовольствия и товаров, ее жители проявили исключительное участие и гуманизм, зачастую разделяя с эвакуированными детьми последние запасы продовольствия и теплой одежды. Размещение такого количества детей потребовало не только усилий государственных органов, но и участия населения. Многие эвакуированные ребята обрели новый дом в киргизских семьях. Процесс адаптации эвакуированных детей к новым условиям проходил тяжело, но успешно, во многом благодаря самоотверженности местных жителей. Особый вклад в спасение детей внесли простые сельские женщины, взявшие шефство над сиротами. Известны многочисленные примеры, когда местные жители брали на воспитание нескольких сирот. Так, житель г. Ош Иминахун Ахмедов и его жена Мейрамхан приютили и вырастили 15 детей разных национальностей. Семьи, взявшие на попечение сразу нескольких детей, получали от государства денежную помощь, однако в первую очередь ими двигало милосердие и сочувствие.

Размещение прибывших в Киргизию детских домов из Ленинграда с 1 января 1942 г. по 25 сентября 1942 г. является важной страницей в истории республики. История 18-летней секретаря сельсовета в Курменты (Иссык-Кульская область) Токтогон Алтыбасаровой, которая в августе 1942 г. взяла на себя заботу о 150 детях, эвакуированных из блокадного Ленинграда, символична для советской эпохи и истории Киргизской ССР [4]. Согласно данным распоряжению СНК Киргизской ССР «О размещении прибывших из Ленинграда и Одессы детей по детским

домам Киргизии» от 28 августа 1942 г. [8: 71], в с. Курменты планировалось отправить 150 детей с созданием детского дома в помещении Курментинского цементного завода Тюпского района на 150 человек. Однако в действительности в этот детский дом было направлено 110 детей. Тем не менее забота 18-летней молодой девушки более чем о 100 детях ярко свидетельствует о героизме женщин и демонстрирует, что такая забота была характерна для киргизского народа в годы войны.

Таблица 1

Количество детей, прибывших из детских домов Ленинграда в Киргизию с 1 января по 25 сентября 1942 г. [11: 256]

№	Название детского дома	Место размещения	Кол-во детей
1	Ленинградский детский дом № 2	Чон-Соройский детдом	113
2		Курментинский детдом	110
3		Теплоключенский детдом	31
4		Детдом им. Крупской, г. Фрунзе	31
5		Покровский детдом	35
6		Токмакский детдом	38
7		Таш-Тюбинский детдом	35
8		г. Фрунзе (усыновлено)	80
9		Госпитализировано	4
10		Детприемник НКВД	4
11	Ленинградский детский дом № 37	Саруйский детдом	92
12	Ленинградский детский дом № 63	Таласский детдом	55
Итого			**628**

Отдельного упоминания заслуживает эвакуация в Киргизию польских детей. Постановление СНК Киргизской ССР от 13 августа 1942 г. № 657 было направлено на организацию образования и социальной поддержки польских детей, эвакуированных в республику, их социальную интеграцию в условиях нехватки ресурсов. Оно предусматривало создание классов для школьников, учет возрастного состава детей в детских домах, трудоустройство или отправку на обучение молодежи старше 15 лет, а также обеспечение польских детей товарами и медицинским обслуживанием. Для детей польских граждан в столице республики была открыта неполная средняя школа. В Ошской и Джалал-Абадской областях в ряде школ создавались специальные классы для обучения польских детей. В г. Токмаке Тюпского района Джалал-Абадской области функционировали три детских дома и 17 детских садов, рассчитанных в общей сложности

на 728 польских малышей. Обучение велось с учетом их языка и уровня подготовки, чтобы дети-поляки могли продолжать учебу [1: 8; 2: 1].

Масштаб эвакуации детей создал колоссальную нагрузку на социальную инфраструктуру республики, особенно на систему детских учреждений образования и здравоохранения. Уже к 1943 г. в Киргизской ССР действовал 31 детский дом, в которых воспитывалось 5074 ребенка. Стремительный рост числа сирот и разлученных с семьей детей привел к серьезному кризису в сети детских учреждений, которая оказалась перегружена и не в полной мере готова к приему столь большого количества воспитанников.

В годы Великой Отечественной войны Киргизская ССР столкнулась с серьезными трудностями в обеспечении эвакуированных детей: требовалось не только их размещение, но и обеспечение необходимого ухода и снабжения. Одной из самых больших проблем стала острая нехватка жилой площади, мебели и спальных принадлежностей: вместо 15 м^2 на одного ребенка зачастую приходилось выделять всего 3 м^2, в ряде случаев дети спали по 2–4 человека на одной кровати или даже на полу. Государство предприняло ряд мер для улучшения условий, включая усиление контроля за снабжением детских учреждений, выделение продовольственных карточек и поддержку через союзные наркоматы. Однако, несмотря на все усилия, дефицит товаров и материалов оставался проблемой, так как промышленность была ориентирована прежде всего на нужды фронта. В ответ на это власти организовали помощь через народные инициативы, включая сбор средств и товаров, а также создание комсомольского фонда, направленного на поддержку детей войны.

С улучшением ситуации в 1943 г., начиная с 15 января, нормы снабжения эвакуированных детей были пересмотрены: детская порция хлеба была увеличена до 300 г в день, а Наркомторг Киргизской ССР выделил детским учреждениям молоко – по 6 л на ребенка в месяц. В крупных городах, таких как Фрунзе, Ош и Джалал-Абад, были открыты детские столовые усиленного питания, рассчитанные на 1500 детей, где они получали дополнительные блюда, такие как супы, каши и молочные продукты, что значительно улучшило питание детей по сравнению с 1942 г. По решению ЦК КП(б) и Совнаркома Киргизской ССР от 16 января 1942 г. для детей из эвакуированных детских домов была выделена крупная партия обмундирования и предметов первой необходимости. В частности, было распределено 800 пальто, 1500 пар кожаной обуви и 3 тыс. пар чулок, чтобы дети не мерзли зимой. Также для улучшения санитарно-бытовых условий было предоставлено 1500 теплых костюмов, 3 тыс. комплектов нательного белья, 1500 матрасных принадлежностей и такое же количество наволочек, 800 ватных одеял, необходимых в зимний период [3: 97].

В 1943 г. также были предприняты шаги по улучшению медицинского обслуживания детей. Введены новые меры по восстановлению педиатрической службы и профилактике инфекционных заболеваний. Установлены нормативы: один врач-педиатр на 1000–1200 детей младше трех лет и две медсестры на участок в городах, а в сельской местности – одна медсестра. Для профилактики заболеваний была изготовлена 1 тыс. л противокоревой сыворотки и начали использовать витаминные смеси из шиповника и сушеных ягод. Эти меры позволили избежать эпидемий среди детей [9: 73–75].

Несмотря на усилия ЦК партии и Совнаркома Киргизии по снабжению детских домов и контролю за расходами, были случаи хищений. В результате расследований были привлечены к ответственности директора нескольких учреждений. Многие руководители, к примеру Т. Бурлий и Л. Горников, проявили добросовестность, за что были награждены благодарностями за улучшение условий в детских домах [9: 170]. Несмотря на сложные условия, удалось улучшить питание и санитарные условия для эвакуированных детей, что значительно способствовало их адаптации и выживанию в экстремальных условиях военного времени.

Ключевую роль в спасении детей сыграло активное участие населения. Местные сообщества откликнулись на нужды эвакуированных детей, обеспечив их продовольствием, одеждой и предметами первой необходимости. В разных регионах республики организовывались сборы продуктов, средств для отопления, а также помощь от колхозов и совхозов, которые поставляли скот и птицу для питания. Комсомольцы также активно участвовали в кампании по сбору одежды, книг и игрушек.

Массовое размещение эвакуированных детей существенно повлияло на социум Киргизской ССР. С одной стороны, это наложило дополнительное бремя на местных жителей. С другой стороны, эвакуация детей сплотила людей. Забыв о собственных нуждах, киргизы, русские, узбеки и представители других народов Киргизии проявили подлинный гуманизм и взаимовыручку. Для местного населения знакомство с эвакуированными детьми из других регионов стало своего рода окном в мир, расширяло кругозор как самих ребят, так и их новых друзей и воспитателей, способствовало взаимному культурному обмену.

Эвакуация детей в Киргизию потребовала быстрой адаптации системы образования: было организовано размещение и обучение детей, прерванное войной. Местные учителя брали дополнительные классы, а в школах-интернатах размещались эвакуированные детские учреждения. Создание интегрированных классов для польских и советских детей, а также доступ к книгам и библиотекам способствовали образовательной интеграции и интеллектуальному развитию детей.

Для самих детей эвакуация в Киргизию стала переломным событием жизни. Они получили шанс выжить и вырасти, многие обрели новых родственников и друзей. Впоследствии из них вышли врачи, учителя, ученые, военные – полноценные строители послевоенной жизни, которые всегда с теплотой вспоминали свой долгий путь домой через Киргизский край. Некоторые остались здесь навсегда, связав судьбу с землей, спасшей их в детстве. В этом смысле эвакуированные дети стали своеобразным мостом между Киргизией и их родными регионами, носителями памяти о невероятном подвиге тылового братства.

Анализируя эту тему сегодня, академическое сообщество получает ценный урок о роли гражданского общества и государства в условиях экстремального напряжения. Опыт Киргизии демонстрирует, что малонаселенная аграрная республика при правильной организации и моральном подъеме населения сумела решить беспрецедентную гуманитарную задачу. Эвакуация детей в тыл – это не только логистика и экономика, это еще и педагогика милосердия, когда целый народ становится воспитателем и опекуном для чужих детей. Великая Отечественная война оставила много горя, но в истории эвакуации детей мы находим и вдохновляющие примеры торжества человечности. Киргизия стала для тысяч детей второй Родиной, подарившей им жизнь и будущее, а эти дети навсегда вписали себя в летопись истории киргизского народа благодарной памятью о спасении.

Таким образом, эвакуация детей в Киргизию в 1941–1945 гг. спасла жизни и изменила судьбы самих детей, сплотила и испытала на прочность местное население, ускорила развитие социальных институтов – образования и здравоохранения – и обогатила культурное пространство республики. Этот опыт служит свидетельством несгибаемой воли и моральной силы советского тыла, сумевшего противостоять войне не только оружием, но и милосердием, и остается предметом благодарной памяти и уважения потомков.

Источники и литература

1. *Боконбаева Ж.К., Болджурова И.С.* Казы Дикамбаев – первый профессиональный дипломат в истории Кыргызстана (к 110-летию со дня рождения) // Вестник Кыргызско-Российского Славянского университета. 2023. Т. 23. № 10. С. 4–11.

2. Джалал-Абадский областной государственный архив. Ф. 43. Оп. 2. Д. 296.

3. *Курбанова Н.У., Бекбоева А.К.* Кыргызстан – вторая родина детей эвакуированных детских учреждений в годы Великой Отечественной войны // Вестник Кыргызского государственного университета им. И. Арабаева. 2020. № 4. С. 91–104.

4. Посвящение женщинам: памятник матери 150 детей в Кыргызстане. URL: https://eawf.ru/news/novosti-soveta-ezhf/posvyashchenie-zhenshchinam-pamyatnik-materi-150-detey-v-kyrgyzstane/ (дата обращения: 05.03.2025).

5. Постановление № 1825-818сс СНК СССР от 5 июля 1941 г. «О порядке эвакуации населения в военное время». URL: https://www.prlib.ru/item/1348728 (дата обращения: 05.03.2025).

6. Центральный государственный архив Кыргызской Республики (далее – ЦГА КР). Ф. 105. Оп. 26. Д. 37.

7. ЦГА КР. Ф. 105. Оп. 28. Д. 183.

8. ЦГА КР. Ф. 350. Оп. 1. Д. 381а.

9. ЦГА КР. Ф. 350. Оп. 1. Д. 391.

10. ЦГА КР. Ф. 350. Оп. 14. Д. 140.

11. ЦГА КР. Ф. 1725. Оп. 1. Д. 799.

Д.А. Вычеров

БУДНИ РАБОЧИХ-ПОДРОСТКОВ НА ЗАВОДЕ «ЭЛЕКТРОСИЛА» В УСЛОВИЯХ БЛОКАДЫ[1]

Великая Отечественная война является одним из важнейших событий в отечественной истории. Победить в ней Советскому Союзу удалось благодаря действиям власти и подвигам людей на фронте и в тылу. Но Победа далась огромной ценой: немало советских граждан отдали свои жизни за Родину на фронте и в тылу.

Мобилизация на фронт людей трудоспособного возраста вызвала острую нехватку рабочих рук в промышленности и в сельском хозяйстве. Решить данную проблему советская власть пыталась различными способами: начиная от активного привлечения на фабрики и заводы, в колхозы женщин, пенсионеров и заканчивая введением сверхурочных работ и широкой практики внесения рационализаторских предложений. Это нашло отражение в лозунге «Всё для фронта! Всё для победы!».

Отдельно стоит сказать про детей и подростков, которых тоже стали активно привлекать к помощи фронту и общественно-полезным работам. Подобная деятельность вменялась в обязанность каждому советскому человеку, вне зависимости от возраста: «Весь наш тыл работает для фронта, борется с фашистскими захватчиками. Разве в этой борьбе нет

[1] Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 25-28-00518, https://rscf.ru/project/25-28-00518/.

The study was supported by the Russian Science Foundation № 25-28-00518, https://rscf.ru/project/25-28-00518/.

места для подрастающего поколения? Мы можем прямо сказать нашим детям: юные граждане Советского Союза! Социалистическая родина отдавала и отдает вам всё лучшее, – пришел час, когда и вы должны ей помочь, сослужить службу» [7: 199].

Советские дети и подростки откликнулись на этот призыв. Свой вклад в общее дело Победы внесли и юные ленинградцы, которые в тяжелейших условиях блокады трудились на предприятиях, участвовали в сельскохозяйственных работах, дежурили на крышах во время авианалетов и помогали тушить пожары. Широко известна биография Веры Тиховой, которая в 15 лет работала токарем 3-го разряда на заводе, в то время как ее отец и два брата сражались на фронте [4]. Схожей была судьба многих ее сверстников.

В данной статье речь пойдет о трудовых буднях детей и подростков, которые работали на заводе «Электросила» во время блокады Ленинграда. На данном предприятии в годы Великой Отечественной войны выпускали боеприпасы для минометов (120-мм мины), танковые детали, а также ремонтировали фронтовое и гражданское электрооборудование [1]. К выполнению оборонных заказов привлекали и подростков.

К концу 1942 г. на предприятии числились 133 молодых рабочих в возрасте до 26 лет, среди них было 29 подростков в возрасте 14–16 лет, а трое рабочих были младше 14 лет [6: 5]. Большинство из них попало на завод после окончания ремесленных училищ или школ фабрично-заводского обучения (далее – ФЗО), кто-то же стал работать еще во время обучения после прохождения практики. Стоит отметить, что среди несовершеннолетних были и сироты. Связано это было с тем, что еще с 1942 г. Главное управление трудовых резервов при Совете народных комиссаров (далее – СНК) СССР начало регулярно проводить набор детей, чьи родители погибли или пропали без вести, в школы ФЗО, ремесленные и железнодорожные училища [5: 35].

Рабочий день подростков начинался с 8 утра и завершался в 14:00, что соответствовало постановлению СНК СССР от 21 мая 1942 г., согласно которому для 14–16-летних был установлен шестичасовой рабочий день. Обучение же их могло осуществляться в виде индивидуально-бригадного ученичества, без отрыва от производства, в течение 1–3 месяцев [3: 725–726]. Но очевидно, что подростки порой работали сверхурочно из-за нехватки рабочих рук или же в связи со сжатыми сроками, которые отводились на выполнение оборонного задания. Помимо этого, некоторые из них в нерабочее время еще могли изготавливать фонарики, в которых остро нуждались солдаты на фронте и мирные граждане в городе.

Мобилизовывать на предприятия детей младше 14 лет было запрещено, но в условиях блокады трудоустройство могло спасти жизнь,

поскольку нормы снабжения рабочих были выше, чем у детей и иждивенцев: 250 г хлеба с конца ноября по конец декабря 1941 г., а после – 350 г [2]. При заводе была столовая, которая в принципе справлялась со своими задачами, однако в ней регулярно возникали очереди, из-за которых случались опоздания на работу.

После окончания рабочего дня детям и подросткам следовало идти в школу, чтобы завершить обязательный курс неполной (семилетней) средней школы. В свое время многим из них пришлось бросить школу в 5–6-х классах по разным причинам, главной из которых были тяжелые материально-бытовые условия жизни: отсутствие теплой одежды и обуви, голод, антисанитария. В основном это и вынуждало детей и подростков искать источники заработка, продукты питания, топливо.

Молодые рабочие (до 18 лет) жили в тяжелых условиях, особенно сироты (6 человек), которые, помимо одежды, обуви, дополнительного пайка, нуждались еще и в жилье [6: 6]. Партийная организация завода пыталась помочь по мере возможности: несколько раз молодым рабочим отремонтировали одежду и обувь в заводских мастерских, а кому-то из них удалось получить новый комплект одежды и пару обуви. С января 1943 г. им стали дополнительно выдавать 200 г хлеба, а трех подростков перевели на усиленное питание, сиротам предоставили комнату в заводском общежитии.

Толчком к увеличению оказываемой помощи послужили, по всей видимости, решения Ленгоркома Всесоюзного ленинского коммунистического союза молодежи (далее – ВЛКСМ) от 12 октября 1942 г. и соответствующие постановления пленумов районных комитетов ВЛКСМ, принятых в ноябре 1942 г. «Об ответственности комсомольских организаций за состояние труда, быта и воспитания молодых рабочих».

После принятия данных нормативно-правовых актов были проведены проверки на предприятиях, в ходе которых было выявлено, что молодые рабочие живут и трудятся в ужасных условиях. Отмечалось также, что молодых рабочих порой «неправильно использовали», то есть в нарушение принятых норм или нерационально.

В свободное время молодые рабочие могли посмотреть кино в помещении красного уголка, например, «Как закалялась сталь» или «Концерт фронту». Периодически проводились беседы на актуальные темы, зачитывались сводки Совинформбюро.

Таким образом, на заводе «Электросила» среди рабочих были и несовершеннолетние, в основном, подростки от 14 до 16 лет. В течение дня они трудились, помогая выполнить оборонное задание. Послаблений для них не делали, работать следовало самоотверженно и ответственно подходить к своему делу. Нередко им приходилось оставаться работать

сверхурочно после окончания трудового дня. Вместе с этим подросткам следовало завершить курс семилетней школы, поэтому после работы они шли на занятия (в обычную школу или ремесленные училища и школы фабрично-заводского обучения). Материально-бытовые условия их жизни были тяжелыми. Как и остальные жители города, они недоедали, мерзли из-за отсутствия теплой одежды и обуви, болели из-за антисанитарии и ослабленного здоровья. Но, несмотря на это, они продолжали трудиться и внесли свой вклад в достижение Победы.

Источники и литература

1. 34 факт // 80 фактов о блокаде. URL: https://spbarchives.ru/80facts-34 (дата обращения: 01.02.2025).

2. *Андреева Е.* Сберечь до последней крошки. Как хлеб стал на долгие годы ленинградской святыней // ТАСС. 2021. 20 октября. URL: https://tass.ru/v-strane/12689571 (дата обращения: 27.01.2025).

3. Директивы КПСС и Советского Правительства по хозяйственным вопросам. 1917–1957 гг.: сборник документов: в 4 т. Т. 2: 1929–1945 годы. М., 1957.

4. Кравцова (Тихова) Вера Андреевна // Бессмертный полк. URL: https://www.moypolk.ru/soldier/kravcova-tihova-vera-andreevna (дата обращения: 28.01.2025).

5. *Славко А.А.* Государственное регулирование процесса ликвидации детской беспризорности в России в годы Великой Отечественной войны и послевоенный период // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. 2010. № 120. С. 33–43.

6. Центральный государственный архив историко-политических документов Санкт-Петербурга. Ф. К-7. Оп. 2. Д. 120.

7. *Черник С.А.* Советская общеобразовательная школа в годы Великой Отечественной войны. М., 1984.

С.В. Маркова

ПОВСЕДНЕВНОСТЬ СТУДЕНТОВ И ПРЕПОДАВАТЕЛЕЙ ВОРОНЕЖСКОГО МЕДИЦИНСКОГО ИНСТИТУТА В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

Исследование истории повседневности – быта простых людей в контексте времени – приобретает особую значимость в настоящее время. Повседневность Великой Отечественной войны в советской историографии не являлась предметом специального изучения. В то время еще были живы свидетели войны. Но чем дальше от нас эти события, тем меньше

остается представителей поколения победителей, а интерес к условиям их жизни в это непростое время не ослабевает.

Описания повседневности студентов и преподавателей Воронежского государственного медицинского института (далее – ВГМИ) в 1941–1945 гг. сохранились в немногочисленных фрагментах в делах воронежских архивов, воспоминаниях преподавателей и выпускников института, опубликованных в годы войны, но чаще в послевоенное время.

Безусловно, все студенты военных лет переживали голод и холод, находясь в эвакуации или оставаясь на родине. В статье мы отметим специфические особенности повседневности периода войны, связанные с медицинской деятельностью студентов и преподавателей. Это, прежде всего, увеличение приема студентов при уменьшении числа преподавателей. Прием студентов на обучение медицине, согласно приказу Народного комиссариата здравоохранения СССР от 20 мая 1942 г., в военное время проходил дважды в год: весной и осенью. Наличие медицинского института в городе учитывалось Главным военно-санитарным управлением Красной армии как фактор для размещения госпиталей, потому что мединститут предоставлял подготовленные руководящие кадры, врачей-специалистов, студентов-медиков, материальные ресурсы в виде аппаратуры, клиник, запасов медикаментов и др.

Кроме того, во время войны проходило ускоренное обучение и досрочный выпуск студентов. Преподавательский состав медицинских институтов занимался переподготовкой врачей по востребованным на войне специальностям.

Студенты-медики с середины 1930-х гг. обучались в вузе пять лет. В июне 1941 г. шли выпускные экзамены для 5-го курса ВГМИ. «Солнечный день 22 июня всё оборвал, всё переменил. Сразу в институте были собраны группы самозащиты» [10: 35]. 25 июня 1941 г. дипломы об окончании ВГМИ получили 437 врачей. У 4-го курса всех трех факультетов вместо каникул начались ускоренные занятия по программе 5-го курса. 10 октября 1941 г. в Воронежском мединституте было выпущено 560 врачей. Все выпускники убывали в действующую армию командирами медико-санитарных взводов, полковыми врачами, хирургами медсанбатов, врачами госпиталей.

Преподавательский состав Воронежского мединститута призывного возраста – ассистенты, доценты, профессора – получили повестки о мобилизации в армию. Кафедры сразу опустели, особенно хирургические. Так, на выпускающей 5-й курс кафедре госпитальной хирургии остался только один преподаватель – пожилой заведующий кафедрой профессор А.Г. Русанов – и двое женщин-ассистентов. На кафедре факультетской хирургии 4-го курса остался один профессор В.И. Бобров с инвалидностью,

он заменил двух ушедших на фронт профессоров кафедры. При объединении лечебного и педиатрического факультетов по кафедре факультетской хирургии одновременно учились 250 человек. Такая же ситуация сложилась и на других кафедрах.

С начала июля 1941 г. Воронеж стал наполняться ранеными. В школах, административных зданиях, клубах разворачивались военные госпитали Юго-Западного направления. Под госпиталь было передано здание студенческого общежития ВГМИ. На 31 августа 1941 г. только в Воронеже разместились 20 эвакогоспиталей с общей вместимостью в 7424 койки [3: 567]. С большим трудом госпитали Воронежа и области укомплектовывались специалистами. Студенты медицинских вузов, как и преподаватели, получили приказ об обязательной работе в госпиталях города, каждый преподаватель был прикреплен для работы к определенному госпиталю. Кроме того, раненые стали поступать на учебные кафедральные койки клиник ВГМИ. Вскоре все факультеты института были объединены в один лечебный факультет. Нагрузка на преподавательский состав резко возросла.

С самого начала войны, кроме рытья окопов, сельскохозяйственных работ, очистки дорог и путей, дежурства и прочих характерных для военного периода общественных мероприятий, а также работы в лечебных учреждениях (госпиталях, больницах, санэвакоприемниках), студенты ВГМИ дежурили по вечерам и ночью на крыше и в здании института для уничтожения зажигательных бомб неприятеля. Профессор А.Г. Русанов в своем дневнике 13 сентября 1941 г. записал: «Студенты 5 курса роют окопы вместо занятий по военно-полевой хирургии или 4 курс отправляют на полевые работы, а на фронте острая нужда во врачах» [11: 52]. Занятия в мединституте проводились с утра до позднего вечера. Наибольшую нагрузку несли кафедры военной подготовки и фармакологии, где на курсах Российского общества Красного Креста и противовоздушной обороны совместно со студентами ВГМИ обучались студенты других вузов Воронежа.

К концу октября 1941 г. занятия в мединституте были прекращены, началась эвакуация. Немецко-фашистские войска оккупировали соседний Курск. 27 ноября 1941 г. были поданы вагоны для эвакуации ВГМИ в Красноярск. Везли с собой книги, оборудование, личные вещи. Добраться до Красноярска, где «институт ждали с радостью» [11: 63], вузу не удалось – институт был возвращен «с колес» в Воронеж в связи с улучшением ситуации на фронте.

Не успели студенты и преподаватели вновь наладить жизнь в Воронеже, как летом 1942 г. началось наступление немецко-фашистских войск на воронежском направлении. Боевые действия этого периода историки позже назовут Воронежско-Ворошиловградской операцией. Студенты 4 июля 1942 г. тремя колоннами под бомбежками и пулеметным

обстрелом фашистских самолетов, пешком, совершенно обессиленные шли колоннами на восток до Борисоглебска. В Борисоглебске дождались вагонов. В двух теплушках разместились преподаватели, в двух пульмановских вагонах – студенты разных курсов. 38 дней добирались студенты и преподаватели до Куйбышева. Здесь мединститут получил распоряжение остаться в Ульяновске (тогда еще Куйбышевской области). По Волге уже шли баржи с ранеными. 14 военных госпиталей разместились во всех хоть как-то пригодных зданиях Ульяновска.

Имущество ВГМИ вывезти не смог, оно погибло при оккупации и бомбежках Воронежа в 1942–1943 гг. Библиотеки с учебниками в эвакуации у вуза не было, отсутствовали реактивы, оборудование, пробирки. С большим трудом в Ульяновске вузу передали часть учебников. Один учебник давали на группу, при строгом контроле, чтобы не вырывали листы.

Студентов расселили в Ульяновске в здании фельдшерско-акушерской школы, где приходилось спать на полу. Потом со временем их переселяли на частные квартиры. Преподаватели чаще всего устраивались в комнатах при госпиталях. Занятия начались в двух зданиях Ульяновска. Пережившие эти события вспоминали: «Здания запущены, плохо или вовсе не отапливаются. Уборные в зданиях не действуют, а во дворах представляют неописуемо гнусный вид… руки и ноги коченеют от мороза, писать трудно, чернила за ночь замерзают. Печка дымит и плохо нагревается: дрова сырые» [12: 298]; «Ежедневно – трудовые работы: расчистка от снега железнодорожных путей, разгрузка эшелонов с ранеными, летом – заготовка дров с непосильными условиями труда… Очень холодно было в аудиториях. Замерзали в “непроливайках” чернила, с трудом отогреваемые под одеждой. Писать приходилось между газетных строк – бумаги не было. Не было и электричества. Занимались вечером при коптилках, в которых редко горел керосин, чаще – касторка» [4: 1].

Теплой одежды у студентов не было: из Воронежа бежали уже под огнем, в Ульяновске им выдали короткие телогрейки и штаны, девушкам-студенткам, помимо телогреек, белые чулки и брезентовые туфли.

Нормальную анатомию человека – основной предмет начальных курсов – читал единственный преподаватель – профессор Николай Иванович Одноралов, других педагогов не было: «Профессор Одноралов стоит за кафедрой в стеганке и валенках» [2: 1]. Профессор Т.Я. Ткачев вспоминал, что зимой 1942/1943 г. профессура и студенты голодали, у всех алиментарная дистрофия [12: 306].

Наступали холода. Институт должен был сам позаботиться о топливе. Самым сложным для студентов, а особенно студенток, стала обязательная работа на лесозаготовках для отопления института: «Мы почти по колено в болоте пилили тупыми пилами неохватные осины, а потом

вылавливали из замерзающей Волги эти сырые метровые поленья и переносили их сначала по 900 ступенчатой лестнице, а затем уже по дороге – в госпитали. <…> Под Ульяновском в болоте по колено валили необъятные сырые осины, не желавшие поддаваться тупым пилам… Но в госпиталях мерзли раненые» [7: 195]. Норма была 4 м^3 древесины на пилу в день (на двух студенток). На базаре в Ульяновске полено стоило 5 руб., истопники регулярно воровали дрова, предназначенные для отопления аудиторий института. Реакция коменданта на замечание профессора Ткачева о воровстве была такой: «У истопницы пятеро детей, а зарплата ее в месяц 75 рублей. Что же остается делать, как не воровать?» [12: 293]. Маленький пузырек с керосином стоил на рынке 25 руб., пузырьки с завидной скоростью исчезали, и с наступлением темноты приходилось ощупью проходить по лестницам и коридорам института.

В воспоминаниях партийного организатора ВГМИ О.С. Очневой о заготовках дров записано: «Наши студенты, руководимые дирекцией, партийной организацией и комсомолом, не жалели сил: ими были заготовлены 5000 кубометров дров, большая часть которых пошла на нужды города и лишь часть на отопление института. По Волге прибыло 800 кубометров дров в плотах. Уже был мороз, они могли замерзнуть и пропасть. Но Василий Николаевич Юров, Михаил Григорьевич Малкин, Гриша Карчин и Володя Векшин проявили героизм: стоя по пояс в ледяной воде, они извлекли на берег все бревна, а потом студенты вытащили их наверх» [10: 32]. Газета «Ульяновская правда» всегда особо отмечала героический труд студентов-медиков: «Было подготовлено учебное здание к началу академического года. Студенты заготовили 5500 кубометров дров. Молодежь выполняет также и большую шефскую работу, шествуя над госпиталями, работая с населением, помогая железнодорожному транспорту и проч.» [1: 2].

Весной 1943 г. ВГМИ в Ульяновске была выделена земля для обеспечения вуза сельскохозяйственными продуктами. Преподаватели получили огороды и семенную картошку. Для дореволюционной профессуры это был первый крестьянский опыт. Ассистентка-француженка с кафедры иностранных языков на посадку картошки в поле «явилась в черной шляпке дореволюционного стиля, в черном костюме, и, сидя на земле, принялась припудривать нос, глядясь в зеркальце» [12: 307].

Сельскохозяйственные работы студентов мединститута обеспечили освоение 34 га подсобного хозяйства. «Приходилось делать всё. У нас тогда никто не спрашивал, можешь ты делать эту работу или нет» [9]; «А дежурства в госпиталях, хоть и бессонные – благо. Нет-нет, да и покормят сердобольные нянечки супом из общего котла» [6: 2].

Питание было скудным: «Питались в столовой чечевичной похлебкой или супом из зеленых помидоров и 150 гр. черного хлеба. Еще 450 граммов

черного, пополам с соломой испеченного хлеба выдавали по карточкам» [10: 63]. Чтобы купить дополнительные продукты, «студенты ходили и на оплачиваемые работы: загружали и разгружали вагоны, девушки работали санитарками в больницах» [9]. Когда одна из студенток – отличница и сталинская стипендиатка – упала в обморок от истощения при разгрузке, администрация института выдала ей пол-литра спирта, который был немедленно обменян на рынке на 2 кг картофеля и буханку хлеба.

Студенты учились «в тяжелой обстановке без света по вечерам с малым количеством учебников при постоянном отрыве на тяжелую физическую работу. Знают "с голоса" по преимуществу», – вспоминал профессор А.Г. Русанов [11: 66]. Но первая сессия прошла с хорошими результатами. Студенты еще и устраивали в госпиталях для раненых вечера самодеятельности, стирали белье, шили ватники и рукавицы для фронта. «Последующие поколения не поймут и не поверят, пожалуй, тому, что можно ко всему притерпеться», – запишет в своем дневнике профессор Т.Я. Ткачев [12: 298].

25 января 1943 г. Воронеж был освобожден. Он был разрушен более чем на 90 % и вошел в число городов, наиболее пострадавших от фашистской оккупации. Летом 1943 г., после разминирования, начал работать филиал института в Воронеже. Принятые на 1-й курс уже воронежские студенты были направлены на заготовку дров для отопления полуразрушенного учебного корпуса института. Из воспоминаний студентки ВГМИ Александры Калиниченко: «Были еще лесозаготовки в Беляево, где студентки, плохо одетые, замерзающие, хлебнув у костра кипятка, пилили строительный лес. Жили в промерзшей палатке… на работу шли в 7 утра, выпив по кружке кипятка. Под ногами хрустел ранний ледок. Холодный ветер пронизывал наши дырявые одежды. У меня появился постоянный напарник – Саша Тимакова, с которой мы прошли трехгодичную службу лесозаготовителей. О нас потом говорили: "Саши в квадрате делают кубы". Иногда от бессилья Саши ревели в голос, но план по заготовкам выполняли». Кроме учебного корпуса, ремонтировали полуразрушенное общежитие: «Это была четырехэтажная коробка с не полностью разрушенной крышей (из вестибюля, например, виднелось небо), с амбразурами пустых оконных проемов. Вместо полов в коридорах этажей лежало по одной широкой доске» [5: 25].

В 1944 г. из эвакуации вернулся в Воронеж весь состав ВГМИ. Для восстановления зданий были созданы специальные строительные студенческие бригады. Еще в Ульяновске студенты прослушали «строительный курс»: обучали столярному и малярному делу, специальностям штукатуров и каменщиков. Начинали работу, когда город еще спал, заканчивали затемно: «Носили с собой 400-граммовый паек хлеба, чтобы реже испытывать голодные головокружения» [10: 97]. Старались растянуть

этот хлеб на весь день: «Тогда для нас большой радостью было дежурство в столовой: можно было вдоволь надышаться запахом пищи, доесть остатки фруктов от компота. Ложку в столовой выдавали за зачетную книжку… тарелки из консервных банок» [5: 30]. Студенты ютились в подвалах полуразрушенных домов и на частных квартирах, чудом сохранившихся в городе на дальних окраинах.

В 1943/1944 уч. г. в Воронежском мединституте не было библиотеки. По несколько экземпляров учебников было на кафедрах. На кафедре химии было семь учебников на 550 студентов. Такое же количество книг было и на кафедре анатомии. При подготовке к зачетам каждой группе выдавали по одному учебнику. Тетрадей не было, но в развалинах на центральной улице Воронежа студенты нашли книги – материалы съездов Советов – на плотной бумаге. Между строк этих книг они записывали лекции.

На работах по восстановлению института студенты трудились каждый день по 3–4 ч, в основном после занятий или утром: «Бригада набралась в 40 человек, – вспоминал студент Яков Кравченко. – Работали при свете фонаря: выносили из развалин щебень, складывали в штабеля кирпичи. Рыли котлованы. В девять часов бросали ломы, кирки, лопаты. Спускались в подвал, завтракали в столовой чечевичной похлебкой и шли на занятия» [8: 13]. В выходные работали целый день.

В 1945 г. 160 студентов-медиков ВГМИ из всех строительных бригад получили медали «За доблестный труд в Великой Отечественной войне». «Это подлинный героизм, – записал в дневнике профессор Т.Я. Ткачев. – Незаметный, повседневный, будничный героизм. Без фанфар, без декламации, но с пафосом любви к Родине и к своему делу. Какими жертвами мы добьемся победы над ненавистными мерзавцами фашистской и просто буржуазной формации? Сколько во всем мире у нас будет жертв в тылу?» [12: 306].

В сложных условиях войны с 1941 по 1945 г. Воронежский медицинский институт подготовил для фронта и тыла 1767 врачей, из которых 1024 врача выпустились досрочно.

Источники и литература

1. *Бирюков Д.* Работать так, как учил Ленин. Передовики медицинского института // Ульяновская правда. 1944. 18 января.

2. *Бухонов В.* В эвакуации. К 50-летию института // За медицинские кадры (Воронеж). 1967. 15 декабря.

3. Государственный архив общественно-политической истории Воронежской области. Ф. 3. Оп. 50. Д. 105.

4. *Иванова Л.* Выпуск 1946 года // Медицинские кадры (Воронеж). 1996. 11 июля.

5. *Калиниченко А.С.* Жизнь прожить – не поле перейти. Воспоминания. Воронеж, 2005.

6. *Коротких Г.* Под музыку войны // Медицинские кадры (Воронеж). 1999. 31 мая.

7. *Коротких Г.Л.* Страницы памяти листая. Воронеж, 2003.

8. *Кравченко Я.Ф.* Воронежские студенты-медики после войны. Воронеж, 2002.

9. *Попов М.М.* Комсомол 40-х // Медицинские кадры (Воронеж). 1968. 16 декабря.

10. Ради жизни на земле. Воронеж, 1995.

11. *Русанов А.В., Русанова Т.Н.* Alma mater: вековой путь от Юрьева до наших дней. Воронеж, 2018.

12. *Ткачев Т.Я.* Мир и войны. Воронеж, 2005.

А.Г. Лагойко, А.С. Прищепа

АДАПТАЦИЯ, ИННОВАЦИИ, СОПРОТИВЛЕНИЕ: ЛЕНИНГРАДСКИЙ ПОЛИТЕХНИЧЕСКИЙ ИНСТИТУТ В ГОДЫ БЛОКАДЫ

Исследование посвящено анализу деятельности научно-педагогического состава, студентов и технического персонала в условиях военного времени и блокады Ленинграда (1941–1944 гг.). Опираясь на архивные материалы, авторы рассматривают участие академического института в оборонных, исследовательских и производственных процессах, направленных на укрепление военно-промышленного потенциала. Особое внимание уделено разработке инновационных материалов и технологий, организации восстановительных работ, а также выполнению стратегически значимых заказов для фронта и промышленного комплекса.

В период блокады Ленинграда деятельность сотрудников, преподавателей и студентов Ленинградского политехнического института им. М.И. Калинина (далее – ЛПИ) являлась неотъемлемой частью общего фронтового сопротивления. Несмотря на крайне сложные условия жизни, вызванные нехваткой продовольствия и ресурсов, в институте были организованы производственные мастерские, специализировавшиеся на изготовлении компонентов для военной техники и приборов, необходимых для нужд фронта. Это взаимодействие научного сообщества и промышленного сектора стало ярким примером стойкости и самоотверженности в условиях осадного города.

Научно-исследовательская деятельность института в блокадный период приобрела особый характер, обусловленный необходимостью разработки

инновационных решений, способных обеспечить бесперебойное функционирование оборудования при критических температурах и в условиях дефицита материалов. Эти технологические проекты не только способствовали удовлетворению потребностей военного времени, но и сформировали основу для последующего восстановления промышленного потенциала. Кроме того, институт играл важную роль в подготовке квалифицированных специалистов для оборонного сектора. Студенты, помимо образовательного процесса, активно участвовали в деятельности трудовых бригад, выполняя срочные производственные задания. Такое сочетание обучения и практической работы способствовало формированию нового поколения инженеров и техников, обладающих высокой адаптивностью к условиям военного времени и готовых к решению стратегически значимых задач. Авторы структурировали свое исследование поэтапно, детально рассматривая ключевые аспекты деятельности ЛПИ в условиях блокады.

На первом этапе исследования акцент сделан на процессе адаптации института к экстремальным условиям военного времени. В целях поддержки оборонной промышленности значительная часть факультетов была перепрофилирована, а лаборатории и учебные базы преобразованы в производственные площадки для изготовления военной техники и вооружения. Научные сотрудники, проявляя высокий уровень профессиональной самоотдачи, не ограничивались теоретическими разработками, но также участвовали в сборке прототипов и проведении испытаний, что обеспечивало внедрение инновационных решений в производство.

Второй этап посвящен восстановлению сохранившегося оборудования и инструментальной базы, что имело критическое значение для продолжения образовательного процесса и научной деятельности. Восстановительные работы проводились специальными комиссиями, в состав которых входили студенты, преподаватели и технический персонал, коллективные усилия которых позволили наладить функционирование лабораторий и механических мастерских, что способствовало выполнению исследовательских программ и сохранению академической среды даже в условиях осады.

Третий этап исследования освещает вклад сотрудников института в обеспечение жизнедеятельности осажденного города. В этот период формируется разветвленная сеть волонтерских инициатив, в которую активно включались как студенты, так и преподаватели. Деятельность этих групп была направлена на сбор медикаментов, продовольствия и других необходимых ресурсов для армии и гражданского населения. Таким образом, институт выступал не только как центр научно-технических разработок, но и как важный субъект социальной мобилизации, что подчеркивает значимость взаимодействия науки, образования и общества в условиях войны.

С историографической точки зрения следует отметить, что уже во второй половине 1940-х гг. начинают выходить научные публикации, освещающие героизм защитников Ленинграда в годы блокады [8]. В этот период особое внимание исследователей сосредоточено на анализе вклада научно-педагогического сообщества в преодоление последствий военного времени.

Выявленные ранее вопросы продолжают разрабатываться в 1950–1960-е гг. Так, в 1958 г. была опубликована работа, часть которой была посвящена вкладу коллектива инженерно-строительного института в поддержание жизнедеятельности города в годы войны [7: 45–49]. В последующие десятилетия изучение данной темы получило дальнейшее развитие. Существенный вклад в исследование проблематики внесли Г.Л. Соболев [13] и А.В. Кольцов [4: 27]. Публикации позднесоветского и постсоветского периода подробно рассматривают профессиональную деятельность участников обороны, ученых и инженерно-технических специалистов [14]. В этих работах подчеркивается взаимодействие научных, производственных и промышленных кадров, которое обеспечивало непрерывность оборонных и исследовательских процессов в условиях блокады [1; 3; 10].

На современном этапе вопросы функционирования ленинградской промышленности в годы Великой Отечественной войны и блокады исследуют Н.А. Ломагин [9], А.М. Рябков [12], Н.В. Зотова [2], С.В. Кулик и Е.Е. Красноженова [6]. Их работы содержат детальный анализ деятельности промышленных предприятий Ленинграда как в условиях блокады, так и в более широком контексте военного времени.

С началом Великой Отечественной войны значительная часть студентов и преподавателей ЛПИ добровольно вступила в ряды вооруженных сил и приняла непосредственное участие в защите страны. Оставшиеся в институте сотрудники и учащиеся оперативно адаптировали его деятельность к военным реалиям. Лабораторные комплексы были переоборудованы для выполнения оборонных задач, а научные разработки сосредоточены на создании и модернизации технологий, критически важных для достижения победы. В стенах института велись работы по проектированию новых образцов вооружения, разработке медицинского оборудования и средств связи, необходимых для нужд фронта.

Согласно официальным данным партийной организации ЛПИ, на 22 июня 1941 г. в вузе обучалось и работало 8083 человека, включая 116 профессоров и академиков, 247 доцентов, 204 ассистента, 78 преподавателей, 241 аспиранта, 2388 рабочих и служащих, а также 4809 студентов [15]. Однако к 15 декабря 1942 г. в осажденном Ленинграде в составе института оставалось лишь 418 человек, среди которых числились четыре

профессора, девять доцентов, восемь ассистентов, а также 397 рабочих и служащих. Сокращение численности персонала и студентов института объясняется тремя основными факторами. Во-первых, значительная часть сотрудников и студентов была эвакуирована из блокадного города. Во-вторых, многие представители института были мобилизованы или добровольно вступили в ряды РККА. В-третьих, значительное число специалистов перешло на работу в промышленный сектор, что соответствовало общей стратегии мобилизации научно-технических кадров для обеспечения оборонных потребностей страны.

С первых дней Великой Отечественной войны профессорско-преподавательский состав и студенческое сообщество ЛПИ активно включились в выполнение стратегически важных оборонных задач, поставленных военным советом и горкомом ВКП(б). Архивные документы свидетельствуют, что уже с 13 ч 22 июня 1941 г. сотрудники и студенты института приступили к возведению 63 защитных сооружений на территории Ленинграда, предназначенных для укрытия до 5 тыс. человек [15: 3]. В работах по строительству ежедневно участвовало около 2 тыс. человек, что подчеркивает высокий уровень мобилизации научно-образовательного сообщества в условиях начавшейся войны.

Научно-исследовательская и практическая деятельность ученых, инженерно-технических кадров, аспирантов и студентов ЛПИ внесла значительный вклад в достижение победы над фашистской Германией. Взаимодействие научного сообщества с промышленным сектором способствовало обеспечению непрерывного функционирования народнохозяйственного комплекса города в условиях блокады, что имело критическое значение для обороноспособности Ленинграда.

Институт выполнял важную роль в подготовке кадров для оборонной промышленности. В условиях военного времени были организованы ускоренные курсы, направленные на выпуск специалистов, готовых к немедленному включению в производственный процесс на заводах и фабриках, обеспечивавших армию необходимой продукцией. Преподавательский состав продолжал проводить лекции и практические занятия, несмотря на тяжелые условия, передавая студентам профессиональные знания и опыт. Вопреки дефициту ресурсов, научно-техническая деятельность не прекращалась, что позволило внести значимый вклад в общий процесс сопротивления и приближение победы. Выпускники и сотрудники ЛПИ не только трудились в тылу, но и принимали непосредственное участие в боевых действиях, разрабатывали передовые технологии и вооружение, тем самым способствуя стратегическому укреплению страны.

Примером практической научной деятельности в этот период является деятельность профессора ЛПИ П.П. Кобеко. В 1941 г. он, совмещая

работу в ЛПИ и Ленинградском физико-техническом институте Академии наук СССР (далее – ЛФТИ), занимался исследованиями в области авиационных материалов. В частности, в годы Советско-финляндской войны он совместно с коллегами разрабатывал пластиковые бронещиты для самолетов, а также участвовал в синтезе новых видов технических жидкостей, предотвращающих обледенение корпуса летательных аппаратов. Кроме того, под его руководством проводились опыты по созданию специализированных присадок, оптимизирующих работу авиационных двигателей в условиях низких температур [3].

В период Великой Отечественной войны научные коллективы ЛПИ и ЛФТИ объединили усилия и под руководством Кобеко сосредоточились на разработке инновационного изоляционного материала – эскапона, предназначенного для обмотки кабельной продукции. Производство данного материала было успешно налажено на заводе «Севкабель», что способствовало укреплению технического потенциала оборонной промышленности Ленинграда [3]. Этот пример демонстрирует значимость научно-технического вклада сотрудников ЛПИ в обеспечение устойчивости промышленных и военных процессов в условиях блокады.

Во время войны высшее партийное руководство Ленинградского региона приняло меры по организации эвакуации не только гражданского населения, но и представителей научно-педагогического сообщества, включая сотрудников научных учреждений и высших учебных заведений. Однако далеко не все ученые соглашались покинуть город, осознавая необходимость продолжения своей деятельности в сложных военных условиях. Член-корреспондент Академии наук СССР М.П. Костенко в своих воспоминаниях отмечал: «Я получил телеграмму об эвакуации в Томск, но я решил отослать только свою семью, а сам отказываюсь от поездки. Я лучше буду с ленинградскими рабочими защищать свой любимый город» [4: 21]. Несмотря на это, впоследствии он был эвакуирован в Ташкент, где занял должность профессора Среднеазиатского индустриального института, а позднее стал заместителем директора Энергетического института [16: 5–6].

Примером привлечения ведущих ученых ЛПИ к стратегически важным исследованиям является случай академика А.А. Байкова. 25 сентября 1941 г. он получил телеграмму из Свердловска, подписанную президентом Академии наук СССР В.Л. Комаровым. В документе содержался срочный запрос о его прибытии для участия в работе Комиссии по мобилизации ресурсов Урала на нужды обороны, в частности, для решения вопросов, связанных с переработкой уральских бокситов. Несмотря на это приглашение, Александр Александрович оставался в Ленинграде еще несколько месяцев, после чего в декабре 1941 г. был эвакуирован в Свердловск [11]. Впоследствии его научная деятельность в области

материаловедения и металлургии была высоко оценена – 22 марта 1943 г. он был удостоен Сталинской премии 1-й степени.

В заключение отметим, что профессорско-преподавательский состав ЛПИ сыграл ключевую роль в обеспечении функционирования промышленных предприятий города в условиях блокады. Большинство научных разработок этого периода носило прикладной характер и было направлено на решение актуальных задач оборонного и промышленного характера. Так, в 1942 г. по инициативе Государственного комитета обороны СССР создана Комиссия по военно-морским научно-техническим вопросам. Ее основателем и председателем выступил академик А.Ф. Иоффе, а должность секретаря занял профессор И.В. Курчатов. В состав комиссии вошли выдающиеся ученые, включая академиков А.Н. Крылова, В.Л. Поздюнина и профессора А.П. Александрова. Работа комиссии была направлена на разработку и внедрение передовых технологий в интересах военно-морского флота, что подчеркивает значимость вклада советского научного сообщества в обеспечение стратегического превосходства страны в военный период [5].

Значительный вклад в укрепление обороноспособности Ленинграда внесли выдающиеся ученые и инженеры, среди которых Б.Г. Галеркин, С.С. Голушкевич, Б.Д. Васильев, Н.А. Кандыба, С.А. Шустиков и Л.С. Гильман. Эти специалисты, обладая высокой профессиональной подготовкой, активно участвовали в возведении стратегически важных оборонительных сооружений. Значительная часть ученых была связана с Военно-морской медицинской академией, функционировавшей еще до начала войны. Под руководством преподавателей курсанты академии оборудовали более 100 оборонительных районов, подготовили 2 тыс. огневых позиций и возвели 250 км противотанковых барьеров, что способствовало укреплению защитных рубежей города [17]. Разработанные этими учеными технологии и методические подходы позволяли не только повысить эффективность оборонительного строительства, но и оптимизировать производственные процессы, рационально использовать имеющиеся материальные ресурсы, а также создавать новые инженерные решения, критически важные для нужд фронта. Несмотря на объективные ограничения военного времени, не способствовавшие широкой публикации научных достижений, их наработки заложили прочную основу для последующего восстановления народного хозяйства в послевоенный период.

Однако в современной историографии вклад научного сообщества, включая сотрудников Ленинградского политехнического института, остается недостаточно изученным. Назрела необходимость проведения дополнительных научных исследований, направленных на комплексную оценку роли научно-педагогических кадров в обеспечении функционирования промышленного комплекса Ленинграда в годы Великой Отечественной войны.

Источники и литература

1. *Гурьев В.П.* Ленинградский политехнический институт в дни блокады. Л., 1947.

2. *Зотова А.В.* Из истории повседневной жизни научно-исследовательских институтов в блокированном Ленинграде // Героическая эпопея Ленинграда в годы Великой Отечественной войны (к 75-летию полного освобождения Ленинграда от фашистской блокады): мат-лы межведомств. военно-историч. конф., Санкт-Петербург, 22–25 января 2019 г. / под ред. Ю.А. Никитина, Е.А. Поправко. СПб., 2019. С. 114–117.

3. *Кесаманлы М.Ф., Кесаманлы Ф.П.* Политехники, прославившие нашу страну. Член-корреспондент АН СССР Павел Павлович Кобеко // Научно-технические ведомости Санкт-Петербургского государственного политехнического университета. 2012. № 4 (159). С. 255–261.

4. *Кольцов А.В.* Ученые Ленинграда в годы блокады (1941–1943). М.; Л., 1962.

5. Комиссия по научно-техническим военно-морским вопросам Академии наук СССР. URL: https://tatarica.org/ru/razdely/nauka/nauchnye-obshestva/komissiya-po-nauchno-tekhnicheskim-voenno-morskim-voprosam-akademii-nauk-sssr (дата обращения: 02.02.2025).

6. *Красноженова Е.Е., Кулик С.В.* Формы и методы повышения производительности труда на оборонных предприятиях блокадного Ленинграда // Современная научная мысль. 2021. № 4. С. 106–111.

7. Ленинградский ордена Трудового Красного Знамени инженерно-строительный институт за 125 лет. 1832–1957. Л., 1958.

8. Ленинградцы в дни блокады: сборник. Л., 1947.

9. *Ломагин Н.А.* Кругом вода, а рыбы нет: к вопросу об обеспечении Ленинграда местными ресурсами в период блокады, 1941–1944 гг. // Петербургский исторический журнал. 2021. № 2 (30). С. 101–129.

10. *Манчинский В.* Ленинградские политехники – фронту и тылу // Вестник высшей школы. 1970. № 5. С. 15–19.

11. *Рудской А.И., Морачевский А.Г.* Академик Александр Александрович Байков (к 140-летию со дня рождения) // Научно-технические ведомости Санкт-Петербургского государственного политехнического университета. 2010. № 3 (106). С. 255–258.

12. *Рябков А.М.* Особенности работы ленинградских предприятий Народного комиссариата боеприпасов в 1941 году // Технологос. 2020. № 3. С. 22–46.

13. *Соболев Г.Л.* Ученые Ленинграда в годы Великой Отечественной войны. 1941–1945 / отв. ред. В.М. Ковальчук. М.; Л., 1966.

14. Танкисты в сражении за Ленинград: Воспоминания. Очерки. Документы / сост. Б.А. Гинзбург; лит. обраб. В.И. Баранова и др.; вступ. ст. В.И. Баранова Л., 1987.

15. Центральный государственный архив историко-политических документов Санкт-Петербурга (далее – ЦГАИПД СПб). Ф. Р-2. Оп. 3. Д. 569.

16. ЦГАИПД СПб. Ф. Р-24. Оп. 129. Д. 856.

17. *Шипулин Е.А.* Особенности обучения в военно-морских учебных заведениях в начале Великой Отечественной войны (на материалах Высшего инженерно-технического училища ВМФ) // Клио. 2010. № 4 (51). С. 116–118.

Е.В. Носенко

ПЕРВОМАЙСК В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

В годы Великой Отечественной войны г. Первомайск Ворошиловградской области (сейчас – Луганская Народная Республика) всеми силами трудился для фронта и Победы. Город пережил и героическую оборону, и тяжелейшую 13-месячную оккупацию.

Нападение фашистской Германии прервало мирную жизнь первомайцев. Уже в первые дни войны ушли на фронт добровольцами более 3 тыс. жителей города. Они были участниками обороны крупнейших стратегических пунктов страны, проявили мужество, храбрость, героизм, защищая каждую пядь Советской земли. Их места возле станков и в забоях заняли женщины, подростки, старики. На шахты вернулись многие пенсионеры. Шахтеры города приняли активное участие во всесоюзном воскреснике, состоявшемся 17 августа 1941 г. Заработанные в этот день деньги поступили в фонд обороны [4: 465].

16 ноября 1941 г. немецко-фашистские войска прорвались на западную окраину Первомайска, но были отброшены на 6 км контратакой советских частей, в состав которых входило много жителей Первомайска. Линия фронта стабилизировалась до июля 1942 г. За это время были эвакуированы ряд промышленных предприятий и значительное количество населения. Нацисты стремились всеми силами овладеть Донбассом до наступления зимы. Регион превратился в настоящий боевой лагерь. Сформированные осенью 1941 г. 383-я в Донецке и 395-я в Ворошиловграде шахтерские дивизии преградили путь немецко-фашистским войскам. Летом 1942 г. фашистское командование предприняло крупное наступление на южном крыле советско-германского фронта. Противнику удалось значительно потеснить советские войска.

12 июля 1942 г. немецко-фашистские войска заняли Первомайск и начали насаждать «новый порядок» террора и насилия. Гитлеровцы казнили 32 жителя, 384 человека вывезли на работы в Германию. В первые дни оккупации они сбросили в шурф недостроенной шахты «Мария-Глубокая»

несколько еврейских семей, на центральном стадионе была расстреляна группа коммунистов. Оккупанты грабили предприятия, государственные учреждения, квартиры жителей. Фашисты тщетно пытались организовать добычу угля, в том числе на шахте «Горская». Для устрашения публично казнили рабочую Х.Ф. Толкачеву, которая в последнюю минуту своей жизни крикнула: «Не бойтесь вы их, люди! Победа всё равно будет наша!» [5: 35].

25 августа 1942 г. было объявлено об осадном положении Сталинграда. Тысячи советских людей продемонстрировали на сталинградской земле беззаветную преданность Родине. В боях на подступах к Сталинграду прославился уроженец Первомайска – бронебойщик, рабочий шахты «Горская» Пётр Осипович Болото. В годы Великой Отечественной войны он был командиром взвода, затем батареи противотанковых орудий. Вместе с 33-й гвардейской дивизией гнал врага от Волги до Дона, освобождал родной Донбасс, Крым. Всего 40 км не дошел до Берлина, был ранен.

23 июня 1942 г. в районе станции Клетской П.О. Болото с тремя боевыми товарищами-бронебойщиками вступил в бой с 30 фашистскими танками. Меткими выстрелами они уничтожили 15 вражеских машин, а остальные повернули назад. Героической обороной своих позиций Пётр Болото с товарищами предотвратили прорыв немецких танков к Сталинграду. А на следующий день по всему фронту разнеслась весть: четыре воина во главе с командиром отделения Петром Болото в одном бою уничтожили 15 фашистских танков [2]. Об этом подвиге вскоре узнала вся страна. Главное политическое управление Красной армии издало плакат, в котором рассказывалось о проявленных в том памятном бою четырьмя гвардейцами мужестве, отваге и высоком воинском мастерстве. «Стойкость, победившая смерть» – так назвала передовую статью о подвиге четырех бойцов газета «Красная Звезда» [7].

Указом Президиума Верховного Совета СССР от 5 ноября 1942 г. Петру Осиповичу Болото было присвоено звание Героя Советского Союза с вручением ордена Ленина и медали «Золотая Звезда» (№ 728) [2].

24 июня 1945 г. Пётр Осипович Болото участвовал в Параде Победы на Красной площади в Москве. После войны, вернувшись в Донбасс, на свою шахту «Горская», он снова спустился в забой [2]. Осенью 1966 г. Пётр Осипович умер, но герои живут вечно в памяти народа. В центре Луганска на обелиске Героев золотом высечено имя П.О. Болото – одного из многих Героев Советского Союза, которых дала Родине в годы Великой Отечественной войны Луганская земля. Имя героя также выбито на стеле на Аллее Героев в Волгограде.

Победа под Сталинградом стала началом массового изгнания гитлеровцев с советской земли. В результате разгрома немецко-фашистских войск под Курском завершился коренной перелом в ходе Великой Отечественной

войны. Развернулось широкое наступление советских войск на Донбасс. Один за другим освобождались шахтерские города и поселки.

Активно действовал Первомайский партизанский отряд под командованием Егора Ивановича Беликова. Штаб партизанского отряда первоначально находился в районе пос. Сокологоровка в наклонной шахте «Часов Яр» [6]. В отряд входили первомайцы: Е. Беликов, Г. Съедин, П. Переверзев, В. Медведев, Г. Головченко, Н. Батиенко, И. Крючихин, С. Харьковский, З. Татаркина, И. Пшеничный, А. Аносова, П. Пятишов, В. Минаев, Е. Чередниченко, Ю. Чередниченко, Ф. Чередниченко, Е. Лазарева, Г. Журавлев, Швацкий, С. Шелехов, Н. Бездетко, К. Курбатова, А. Гайдученко, Н. Сорокин, Л.И. Плохих, П. Птушко, Е. Волкова, Е. Кухтина, Л. Макаров, Дейниченко и др.

С октября 1941 г. по февраль 1943 г. в пос. Орехово г. Первомайска действовала подпольная патриотическая группа в составе пяти человек. Ее организаторами были Григорий Тихонович и Надежда Тихоновна Черновы. Члены группы вели антифашистскую пропаганду, собирали оружие, боеприпасы, вывешивали листовки, выводили из строя телефонную связь оккупантов. Патриотическая группа была раскрыта фашистами в феврале 1943 г., ее участники расстреляны [6].

Партизанский отряд под командованием Николая Платоновича Михайличенко был создан из рабочих Попаснянского вагоноремонтного завода 10 октября 1941 г. После того, как 16 ноября 1941 г. немцы заняли г. Попасную, отряд был передислоцирован в Первомайск. В отряд входил 51 человек. Партизаны оказывали активную помощь разведывательному отделу штаба 12-й армии, переходили через линию фронта, добывали разведданные, устраивали диверсии в тылу противника. Отряд принимал также участие в некоторых боевых действиях 261-й стрелковой дивизии, оборонявшей Первомайск [6].

Дети-пионеры Первомайска, вдохновленные подвигами своих отцов и братьев, движимые любовью к своей Родине, желанием защитить свой народ, свой город, также занимались подпольной и подрывной деятельностью в тылу врага. Когда город был занят гитлеровцами, была создана подпольная группа «Пионерская команда», которая действовала с 10 июля 1942 г. по 3 сентября 1943 г. Существование этой организации было подтверждено постановлением Политбюро Центрального комитета Коммунистической партии Украины «О некоторых вопросах подпольно-партизанского движения на Украине в период ВОВ 1941–1945 гг.» от 27 ноября 1973 г., в котором перечислены участники пионерской патриотической подпольной группы: Руденко Петр – 13 лет, Кравчук Леонид – 11 лет, Малочкин Владимир – 11 лет, Густилин Леонид – 11 лет, Урбутие Владимир – 9 лет, Коваленко Виктор – 11 лет [9]. Участники команды

срывали и уничтожали немецкие приказы о сдаче населением оружия, боеприпасов и снаряжения, вывешивали антиоккупационные листовки, подкладывали в немецкие автомашины заряженные гранаты, сливали бензин из баков, похищали у оккупантов оружие, патроны, порох, гранаты. Во время освобождения города члены группы сообщили разведке о немецкой засаде, помогали органам Народного комиссариата внутренних дел в адресном поиске немецких пособников [1: 27–33].

3 сентября 1943 г. 266-я стрелковая дивизия под командованием К.Г. Ребрикова и 32-й стрелковый корпус под командованием Д.С. Жеребина освободили Первомайск. Город может гордиться героями-земляками – участниками боевых действий, проявившими в боях с врагом мужество и героизм. Почетный житель Первомайска Евгений Андреевич Бондарев принимал участие в освобождении города и уничтожил диверсионную группу фашистов, оставленную для подрыва завода им. К. Маркса. В освобождении Первомайска принимали участие П.М. Батлук, Е.П. Ковалевский, почетные граждане города И.П. Рубникович, В.И. Якунин, И.В. Ковалев [3].

Жители города свято чтут память о героях, павших в боях за свободу и независимость нашей Родины. За героизм, проявленный при форсировании Днепра, звания Героя Советского Союза был удостоен А.И. Черкасов. В начале октября 1943 г. отделение под командованием Алексея Черкасова в числе первых переправилось через Днепр в районе села Вышгород Киевской области Украинской ССР и приняло активное участие в боях за плацдарм на его западном берегу, отвлекая на себя огонь основных сил противника. В дальнейшем вместе с товарищами работал на переправе, оперативно устранял повреждения плавсредств. В одном из рейсов в лодку, находившуюся на середине реки, попал вражеский снаряд. От взрыва погибли трое бойцов, двое были серьезно ранены. Черкасов вплавь по одному вытащил раненых на берег, затем добрался до погрузившейся более чем наполовину в воду лодки. За нее держались двое не умеющих плавать бойцов. Черкасов потянул лодку за собой и дотащил до берега. Промокший и уставший, он не ушел с переправы до прибытия смены, переправив за день на правый берег 257 стрелков. Указом Президиума Верховного Совета СССР от 10 января 1944 г. А.И. Черкасов был удостоен высокого звания Героя Советского Союза с вручением ордена Ленина и медали «Золотая Звезда» [8].

С Золотой Звездой Героя и тремя орденами Красного Знамени вернулся в родной Первомайск знаменитый летчик-штурмовик Николай Федоричев. Одним из восьми тысяч сражавшихся с врагом первомайцев был и летчик 166-го штурмового авиаполка 10-й гвардейской штурмовой авиации 7-й воздушной армии В.Н. Зинченко, который также был отмечен высокой наградой – золотой Звездой Героя. За форсирование Днепра

из рук самого генерала армии Н.Ф. Ватутина получил Звезду Героя еще один первомаец – Николай Лопач.

За отвагу и мужество, проявленные в борьбе с немецко-фашистскими захватчиками, более 5 тыс. жителей города были награждены орденами и медалями СССР. За подвиги в боях за Отчизну семерым первомайцам – Н.П. Лопачу, Н.Ф. Федоричеву, И.Д. Чернопятко, П.О. Болото, А.И. Черкасову, Н.Д. Миокову, В.Н. Зинченко – было присвоено высокое звание Героя Советского Союза. Полными кавалерами ордена Славы стали Н.И. Чудновец, П.И. Малеев, Г.П. Писарев

Более 1300 воинов Красной армии пали в боях за Первомайск. В городе 13 братских могил воинов, погибших при его защите и освобождении. Одна из таких могил находится на площади Боевой Славы. В ней покоятся останки бойцов 976-го стрелкового полка 261-й стрелковой дивизии 12-й армии, павших при обороне города в 1941 г. Тут же на площади Боевой Славы в 2005 г. установлена стела «Героям-землякам».

Шахтеры всегда были на передовых рубежах, как в труде, так и на фронте. Узнав о вероломном нападении фашисткой Германии на Советский Союз, сотни добровольцев шахты им. Крупской заявили о своем желании сражаться на фронте. В 1948 г. рабочим шахты, погибшим во время Великой Отечественной войны, был установлен памятник, который находится на территории бывшего ремонтно-строительного управления по ул. Ленина. В первые дни войны сотни шахтеров, которые работали на шахте им. Менжинского, добровольно вступили в ряды Красной армии. Те, кто остался, трудовыми делами вносили свой вклад в дело победы над врагом. В канун 25-летия Победы над фашисткой Германией, в 1970 г., у комбината шахты им. Менжинского в честь шахтеров-менжинцев, которые героически сражались на фронтах Великой Отечественной войны и отдали свою жизнь за свободу нашей родины, был установлен памятник.

После войны народ вновь приступил к мирному строительству. Переход к нему совершался в чрезвычайно трудных условиях. Фашистские захватчики нанесли городу огромный ущерб. Шахты им. Менжинского, им. Крупской, № 4-5 «Сокологоровка», «Альберт» и др. были полностью разрушены и затоплены.

Основная хозяйственно-политическая задача пятилетки состояла в том, чтобы в кратчайшие сроки восстановить пострадавшие от войны районы, достичь довоенного уровня промышленного и сельскохозяйственного производства и превзойти этот уровень. Восстановление Первомайска началось сразу же после освобождения. Первоочередное внимание уделялось возобновлению добычи каменного угля. Преодолевая трудности военного времени, нехватку машин, механизмов, материалов, квалифицированных кадров, уже в конце 1943 г. были добыты первые 20 тыс. т угля, а в 1945 г. –

уже более 400 тыс. т. В 1949 г., почти на год раньше срока, начала работу шахта «Горская», а в 1950 г. достигла довоенного уровня.

Первомайцы гордятся заслугами земляков, своим трудом прославивших родной город.

Источники и литература

1. Архивная служба Луганской Народной Республики. Ф. П-1790. Оп. 1. Д. 26.

2. Болото Пётр Осипович // Герои страны. Международный патриотический интернет-проект. URL: https://warheroes.ru/hero/hero.asp?Hero_id=2835 (дата обращения: 05.03.2025).

3. Знай свой город – своих героев // Муниципальное образование городской округ город Первомайск Луганской Народной Республики. URL: https://pervomaysklnr.su/novosti/11624-znaj-svoj-gorod-svoih-geroev.html (дата обращения: 05.03.2025).

4. История городов и сёл Украинской ССР: в 26 т. Т. 4. Ворошиловградская область / ред. коллегия: Шараев Л.Г. (пред.) и др. Киев, 1976.

5. Книга Памяти Украины. Победители. Луганская область. Т. 6. Луганск, 2009.

6. Ко дню партизанской славы // Муниципальное образование городской округ город Первомайск Луганской Народной Республики. URL: https://pervomaysklnr.su/novosti/7366-ko-dnju-partizanskoj-slavy.html (дата обращения: 05.03.2025).

7. Стойкость, победившая смерть // Красная звезда. 1942. 13 августа. № 189. С. 1.

8. Черкасов Алексей Иванович // Герои страны. Международный патриотический интернет-проект. URL: https://warheroes.ru/hero/hero.asp?Hero_id=4582 (дата обращения: 05.03.2025).

9. *Чмирова Д.* Мальчишки с Пионерской улицы: уникальная история детского подполья в Первомайске // Луганский информационный центр. URL: https://lug-info.ru/articles/malchishki-s-pionerskoj-ulicy-unikalnaja-istorija-detskogo-podpolja-v/ (дата обращения: 05.03.2025).

А.В. Венков

В ПРЕДДВЕРИИ ОККУПАЦИИ: САМОСНАБЖЕНИЕ ГОРОДОВ РОСТОВСКОЙ ОБЛАСТИ В ПЕРИОД БЕЗВЛАСТИЯ

Любая оккупация влечет за собой смену власти и сказывается на повседневной жизни мирного населения. Оккупация Ростовской области немецко-фашистскими захватчиками и их союзниками тоже сильно

и негативно отразилась на мирном населении, особенно в городах. Помимо выявленных преступлений против мирного населения, оккупационная власть принесла с собой голод и разрушение привычного протекания повседневной жизни.

После событий Гражданской войны с ее грабежами и реквизициями, после голода 1921 г., после коллективизации и голода 1932–1933 гг. население Юга России в первую очередь боялось нового голода. Если сельские жители были как-то подстраховано наличием имущества колхозов и совхозов и особенно приусадебными участками, то горожане такой подстраховки не имели. Прежде всего, стоит обратить внимание на тех, кто остался под вражеской оккупацией. В целом эвакуация (в частности, в Таганроге) «проходила в штатном режиме согласно распоряжениям наркомов и главков и даже, как рассказывают ветераны, по графику. Правда, железнодорожного транспорта не хватало» [3: 75]. В документах отмечается, что не все жители имели возможность «получить эвакокарту и вовремя покинуть город» [3: 75]. Да и вывозить население целыми городами вряд ли было возможно.

В.А. Волошин и В.И. Ратник считают, что не собирались уезжать «те, кто жил в частных домах и имел свое приусадебное хозяйство. Не стремились выехать и работники, проживающие в сельской местности, по той же причине. Люди боялись потерять дома и нажитое годами имущество» [3: 77].

Всех вынужденных остаться ситуация подталкивала к самоснабжению. Люди стали запасаться продуктами впрок. На товарно-денежные отношения особо не надеялись. Еще до первой оккупации Ростова: «На станции разбомбили вагон с деньгами, и ветер носил бумажки по округе. Некоторые несли их мешками» [8: 45].

Материальные проблемы, безвластие подталкивали население к грабежам. Перед приходом немцев появился слух, что надо прятать ценные вещи [8: 66]. «Люди очень чутко реагировали на смену власти. Кто посмелее, смешивается с бегущими солдатами. С одной заботой, где бы достать харчи, пока новая власть не навела порядок» [8: 78]. Запасы в первую очередь были сделаны во время пресловутой «грабиловки».

Первым донским городом, подвергшимся оккупации, стал Таганрог. Грабежи в Таганроге в 1941 г. начались до прихода немцев: «17-го (октября 1941 г.) утром по переулку мимо подвала пробегали люди с мешками или с чем-нибудь в руках, что досталось от растаскивания кожевенного и мыловаренного заводов. Узнав об этом, мужчины и часть свободных женщин, папа и дядя Антон тоже побежали “за дурикой”. Через некоторое время они пришли и сказали, что на мыловаренном заводе, видимо, вчера или ночью, уже всё растащили» [6: 17–18].

Население грабило соседей. Е.Н. Борщева вспоминала, что их семья хотела эвакуироваться, но не смогла пробиться к поезду через толпу

и вернулась домой. Дома они не были недолго, несколько часов, но «своей квартиры мы не узнали. Многих вещей в доме не оказалось, кем-то были сняты двери и оконные рамы» [3: 79].

Люди растаскивали всё что попадалось под руку. «Рассказывают, что из детских магазинов несли соски и другие ненужные вещи, из аптеки – лекарства» [3: 109]. Однако больше внимания обращали на продукты питания. Г.П. Жуков вспоминал: «Так как мы жили рядом с пивзаводом, то видели, как начался погром его цехов и складов. Сторож ворота и двери проходной не открывал. Проявил себя добросовестным служакой, а может, берёг содержимое завода для немцев. Но люди двери и ворота снесли, и началось растаскивание ячменя, сахара, риса, дрожжей – всего, что попадалось на глаза и что можно было унести. Когда соседи узнали об этом, побежали на завод, то там уже ничего не осталось… Все соседи негодовали и возмущались, что поздно узнали о погроме и сходили впустую, – всё досталось “чужим”, а не “своим”, рядом живущим» [6: 18]. Он же старался дать обоснование возникшей стихии грабежа: «Видимо, царящая обстановка и понятие, что “все тянут, и нам надо” заражало основательно! Зачем на это шли, рискуя? Ведь у тети было сливочное масло и макароны, полученные по месту работы дяди Коли при увольнении» [6: 20].

П.Н. Бутков подтверждал, что в Таганроге «жители стали громить магазины и склады и выносить все, что только было возможно» [1: 51–52]. Горожане «захватывали в степи совхозных коров, свиней резали и засаливали мясо» [3: 228].

Очередную волну грабежей в Таганроге начали сами немцы в день своего вступления. «К вечеру многие из немцев уже были изрядно выпивши и начали громить магазины. Выбивают дверь, заходят, что им нужно, забирают и уходят, а за ними местное население всё растаскивает» [3: 225].

На следующий день после вступления немцев в Таганрог «публика высыпала на улицы, некоторые, даже 50 %, с сияющими лицами здоровались с немецкими солдатами». Эту радость очевидец объяснил так: «Настроение… хорошее у тех, кто занимался грабежом госимущества» [3: 225].

Передовые немецкие части прошли, и в самом Таганроге объектом «грабиловки» стали порт и элеватор. После пожара, «действительно, это зерно немцы раздавали всем жителям, и таганрогцы пекли из него совсем неплохие пышки» [1: 52]. Г.П. Жуков подтверждает это и добавляет ряд живописных деталей: «Поскольку немцев больше не видели и в следующие дни, тетя Оля с Женей и беременная мама со мной решили пойти в порт за пшеницей. Соседи сказали, что там можно набрать зерна в сгоревших амбарах» [6: 20]. В порту «увидели сгоревшие крыши и ворота нескольких амбаров… Остатки еще немного дымились, и пахло гарью. Там копошились несколько женщин с детьми, выбирая пшеницу, которая

еще не сгорела в нижних слоях. Но ее было мало, так как здесь уже побывали такие же, как мы… Зайдя в очередной амбар, взрослые нашли в одном из углов еще довольно пригодное зерно, хотя пропахшее дымом и вперемежку с золой от сгоревшей крыши. Оно еще оставалось теплым. Каждый набрал себе в небольшие наволочки. Домой шли тем же путем, возбужденные успехом и с мыслью о том, что зерно может пригодиться». По словам очевидца: «И оно, ох, как пригодилось! Потом, когда не стало еды и денег тоже, женщины из размоченного и перемолотого на мясорубке зерна, пропахшего дымом, пекли вкусные не то пышки, не то оладьи, поджаренные на техническом касторовом масле с кожзавода!» [6: 21–22].

Лишь 31 октября 1941 г. вышло распоряжение № 1 бургомистра Таганрога «О сдаче награбленного, подобранного и взятого на сохранение имущества» [3: 110]. Он продолжил то, что начали немцы. Те запрещали грабить, он требовал вернуть награбленное.

Примерно такая же ситуация сложилась в Ростове-на-Дону. Очевидцы вспоминали, что в Ростове в 1941 г. за месяц до прихода немцев были паника и грабеж магазинов и складов. Вино с завода шампанских вин и подсолнечное масло уносили ведрами [8: 54]. «Люди еще не испытывали голода, но запасали харчи впрок» [8: 68]. Запасаться начали заранее. «Перед приходом немцев наши люди сделали большие запасы продуктов… С конца октября в магазины выбросили всё: колбасы, окорока, муку, разные сыры, масло… У кого были деньги, все делали запасы. Всё распродать не смогли. Мешки с сахаром в Дон бросали… Перед приходом немцев была знаменитая грабиловка. Мой дед взял тачку, поехал и привез два мешка соли. Больше, говорит, нам ничего не надо. И вот этой солью мы прожили всю войну, потому что она была тогда в колоссальной цене» [8: 54–55]. Соль, действительно, стала самым ходовым продуктом. Подросток 14 лет приволок со склада 8–10 кг соли: «Этой соли нам хватило на всю оккупацию» [8: 55]. Кроме соли, тащили домой ящики с папиросами «Беломорканал» и «Казбек», мешки с мукой. Цистерну с патокой растащили в ведрах. Катили бочки с маслом, с медом. Кастрюлями уносили вино [8: 52].

При появлении немцев в Ростове «народ не кинулся бежать, прятаться, а бросился в магазины. Стали тащить хлеб» [8: 70]. Немцы не пресекли грабеж, но упорядочили его. «Немцы же установили очередь в промтоварный магазин. Пропускают туда и снимают» [8: 70]. Более того, они сами начали заниматься грабежом, демонстрируя родство душ с мародерами. Немцы грабили склады. Один ростовчанин видел, как немец вытаскивал из подвала бочку с повидлом [8: 71]. Приказ прекратить грабеж немцы отдали лишь на четвертый день оккупации.

Ростов попадал под оккупацию дважды. Невзирая на жестокие меры по пресечению мародерства и объявления о них в газетах, перед второй

оккупацией были массовые грабежи: «25 июля на нашей улице началась грабиловка. Опыт у всех был после первой оккупации» [8: 115]. На завод, производивший детали для автомобилей, «двигались туда старики, старухи с тачками, с сумками. Тащили все, что было возможно» [8: 115].

Некоторые сделали запасы, которыми потом во время оккупации торговали. «Как сейчас вижу: маленький мальчик катит по земле головку сыра – поднять не мог. Эти продукты доставались в основном самым расторопным, нахальным. А потом они ими на рынке торговали» [8: 68]. Перед второй оккупацией был случай, когда ростовчане застрелили у беженцев корову, разрубили и в бочках для тушения зажигалок засолили [8: 68].

Ростовчане, вспоминая вторую оккупацию города, жаловались: «Мы никогда не знали, что и где происходит» [8: 127]. Немцы издали приказ сдать радиоприемники, «до этого их сдавали нашим, во время грабиловки растянули, теперь опять стали сдавать» [8: 136].

Когда первая волна мародерства, связанная со сменой власти, утихла, немцы стали расстреливать за попытки мародерства и воровства. За попытку грабить крупяной завод часовой застрелил грабителей [8: 68]. Во вторую оккупацию «двоих парней за то, что они занимались воровством, немцы застрелили на месте» [8: 141]. Когда жители отрезали 10 м от немецкого провода, чтобы сушить на нем белье, оккупанты, обнаружив порыв связи, подкатили пушку и дали по двору пару выстрелов [8: 129].

Ситуация в занятых немцами городах была следующая: «Вся централизованная система торговли и распределения разрушена; склады сожжены, эвакуированы или разграблены; административный аппарат распущен или эвакуирован. Фабрики и другие предприятия разрушены полностью или частично вместе с оборудованием. Электростанции взорваны, их оборудование уничтожено или спрятано. Запасные детали были намеренно перемешаны, с тем чтобы их невозможно было сразу использовать. Топливо и горюче-смазочные материалы сожжены и разграблены. Отсутствует электричество. Не действует зачастую водопровод, и нет специалистов для ремонта» [4: 339–340].

При оставлении Новочеркасска подпольщики вывели из строя электроподстанцию и водовод [9: 136]. В городе население стремилось наладить жизнь, ликвидировать последствия боев. Растаскивание брошенного имущества напоминало времена «грабиловки».

Коллаборационист П.Н. Донсков писал: «Брошенное советской властью на произвол судьбы население без всяких продовольственных запасов теперь принуждено рыскать в поисках питания… На железнодорожных станциях скопилось большое количество заготовленных для партийной верхушки жировых, мясных и иных продуктов, которые с разрешения немцев брали все... С железной дороги тянут… строительные материалы

для разрушенных бомбежками жилищ, начинают строить новые, кто по воле правителей был лишен своего угла. Закатывают во дворы обозные повозки, собирают разбросанную упряжь, ловят брошенных обозниками лошадей при катастрофической переправе через Дон» [5: 500].

Оккупационные власти о населении не заботились. Оккупация свелась к банальному ограблению захваченных территорий. «Имеющиеся людские и хозяйственные ресурсы немцы стремились поставить на службу вермахту. Изымалось практически всё – от постельного белья до музыкальных инструментов» [2: 152].

Последствия самоснабжения, действительно, помогали выживать. Как вспоминал Г.П. Жуков, весной 1942 г. соль стала большим дефицитом в Таганроге [6: 47]. В семье были большие запасы соли со времен «грабиловки». Решили часть соли оставить себе, а большую часть продать, чтобы вернуть долги. Заниматься продажей поручили автору воспоминаний и его брату Виктору. Виктор продавал малым количеством: «на стаканчик», на случай если отнимут, чтобы не всё разом. Автор воспоминаний бегал домой за новой порцией. Реализация происходила на «ленивом базарчике», расположенном между ул. Советской и пер. Крестьянским. Соль, да еще мелкую, белую, «качественную», раскупили быстро. Покупали соль и немцы. Некоторые из них меняли ее на сигареты, что было для детей «гораздо выгоднее, если сигареты продать» [6: 54].

Началась меновая торговля. Таганрожец Н. Саенко записал, что торговлей, меной и поездкой в сёла были заняты те, кто награбил разного имущества во время безвластия [3: 228]. Естественно, у большинства населения при советской власти не было излишков промтоваров, чтобы менять их. «У колхозников в СССР (до времен Хрущёва!) не было паспортов. Немцы ввели пусть своеобразные удостоверения личности – “аусвайсы”, и, хоть ограничивали, но не запрещали передвижение крестьян и горожан из села в город и наоборот» [7: 458].

Но продержаться всё время оккупации за счет запасов «грабиловки» удалось лишь немногим. Подавляющее большинство населения, попавшего под оккупацию, голодало.

Источники и литература

1. *Бутков П.Н.* За Россию: Русские «белые» в борьбе против русских «красных», сталинского террора, нацизма и коммунизма (1917–1994). СПб., 2001.

2. Великая Отечественная война в истории Дона: актуальные проблемы изучения / под ред. М.А. Пономарёвой. Ростов-на-Дону; Таганрог, 2021.

3. *Волошин В.А., Ратник В.И.* Вчера была война. Таганрог в годы немецко-фашистской оккупации (октябрь 1941 – август 1943 гг.). Таганрог, 2008.

4. *Даллин А.* Захваченные территории СССР под контролем нацистов: оккупационная политика Третьего рейха, 1941–1945. М., 2019.

5. *Донсков П.Н.* Дон, Кубань и Терек во Второй мировой войне // Трагедия казачества. М., 1994. С. 465–606.

6. *Жуков Г.П.* Осколки моей памяти. Воспоминания. Таганрог в оккупацию 1941–1943 гг. Таганрог, 2019.

7. *Смирнов А.А.* Казачьи атаманы. Трагедия российского казачества. М.; СПб., 2002.

8. *Смирнов В.В.* Ростов под тенью свастики. Ростов-на-Дону, 2020.

9. *Чибинев Н.Н.* Пожарно-спасательный гарнизон столицы Войска Донского: история надзорно-спасательных служб. Новочеркасск, 2021.

Е.Л. Головина

ОПЫТ БОРЬБЫ С ИНФЕКЦИОННЫМИ ЗАБОЛЕВАНИЯМИ В ВОЕННОЕ ВРЕМЯ (на материалах Всесоюзного противочумного совещания 1944 г.)

Великая Отечественная война не только привела к людским потерям и разрушению хозяйства на большой территории СССР, но и породила серьезные угрозы со стороны «невидимых врагов» человека – инфекций, которые несли опасность для фронта и тыла страны. Ведь от здоровья напрямую зависели боеспособность советских войск и работоспособность гражданского населения, трудившегося для нужд Красной армии. Поэтому советская медицина, несмотря на большие сложности – нехватку кадров, недостаток материальных ресурсов и ограниченное время, – приложила колоссальные усилия для предотвращения массового распространения острозаразных заболеваний среди населения и вооруженных сил страны.

С 4 по 6 августа 1944 г. в Саратове прошло Всесоюзное противочумное совещание, обобщившее опыт борьбы с инфекциями, полученный в военное время [4: 1]. На заседании отмечалось, что во всех прошлых войнах потери армии от болезней превышали потери от оружия неприятеля. Существовала даже теория о том, что война должна сопровождаться появлением массовых эпидемий. И впервые в истории за время Великой Отечественной войны СССР не только не имел крупных эпидемий на фронте (а в тылу эпидемические вспышки не получали масштабного распространения [2: 153, 156]), но и заболеваемость некоторыми инфекционными болезнями (дизентерия) уменьшилась по сравнению с довоенным периодом. Так, в 1943–1944 гг. значительно снизилась заболеваемость бруцеллезом и туляремией [4: 2]. Подобная ситуация в условиях

войны во многом была достигнута благодаря хорошо организованной противоэпидемической работе в предвоенные годы.

Чума издавна была одной из самых страшных инфекций, характеризующихся высокой летальностью и разной степенью контагиозности (высокая у легочной формы, малая – у бубонной. Легочная форма – это, как правило, осложнение бубонной). Основными распространителями выступают грызуны, для которых эта болезнь является энзоотичной. Активные переносчики – кровососущие насекомые, чаще всего блохи [5: 34, 37]. На территории СССР располагалось несколько эпизоотичных очагов чумы: Прикаспийский (Юго-Восточный), Средне-Азиатский и Тянь-Шанский [4: 4].

Чумные вспышки часто возникали в царской России. Они носили почти ежегодный характер, а в отдельные годы число очагов заболевания превышало 50. Постоянная угроза на юге страны привела к тому, что еще при царской власти были созданы правительственная комиссия по борьбе с чумой и специальная лаборатория Института экспериментальной медицины в форте «Александр I» для производства противочумных препаратов и несколько лабораторий на Юго-Востоке (Прикаспийский очаг) для изучения причин возникновения там чумы. Также организовывались отдельные экспедиции для изучения некоторых вспышек. Однако малая мощность учреждений, отсутствие необходимых условий в то время не были способны обеспечить широкого и всестороннего изучения болезни. Работы лаборатории в форте «Александр I» и отдельных крупных исследователей (И.И. Мечников, Д.К. Заболотный, Н.Н. Клодницкий) заложили основы изучения чумы на Юге России и позволили установить первые закономерности возникновения и распространения заболевания: чума не завозная инфекция, а местная; первичные очаги происходят от грызунов; при бубонной форме возрастает роль переносчиков (блох); при легочной форме заражение от человека к человеку происходит воздушно-капельным путем [4: 11].

Тогда же были определены наиболее действенные методы борьбы с чумой. Это изоляция заболевших, дезинфекция, дезинсекция помещений и вещей, а также врачебно-эпидемиологические обследования для раннего обнаружения первых заболеваний, тщательная обсервация с термометрированием. Масштабных истребительных работ в превентивных целях до революции 1917 г. не проводили [4: 11–12].

Эти знания стали основной для развития уже советской противочумной работы и не потеряли своей актуальности и в военное время. Возглавил противочумную работу созданный по инициативе академика Д.К. Заболотного в Саратове в 1918 г. институт микробиологии и эпидемиологии «Микроб». Он являлся правопреемником «Особой лаборатории» форта

«Александр I». В годы войны учреждение имело союзное подчинение и носило название «Государственный научно-исследовательский институт микробиологии и эпидемиологии Юго-Востока СССР Министерства здравоохранения СССР “Микроб”» [6].

За 1920–1930-е гг. была уточнена и дополнена схема мероприятий по предупреждению и борьбе с чумой, поменялись характер и значимость отдельных мер в общем комплексе в связи с развитием знаний в области микробиологии, паразитологии и эпидемиологии заболевания. Изменился и объем отдельных противочумных мероприятий. К примеру, большое значение придавалось исследовательско-контрольным мероприятиям (отлов и препарирование грызунов, анализ материалов на инфекции и паразитов), профилактическим истребительным работам, охватывавшим миллионы гектаров. Для этого в стране уже имелись необходимые мощность и знания. Например, в Ростовской области в 1934–1936 гг. обрабатывалось около 2 млн га, в 1941 г. – почти 770 тыс. га, в 1942 г. – свыше 91 тыс. га, в 1943 г. – около 50 тыс. га [4: 60]. Влияние военных действий наглядно отражается данными, однако широкий охват превентивных мер в предвоенное десятилетие позволило сдерживать численность грызунов и не допустить катастрофического распространения эпизоотий.

Особое внимание уделялось иммунизации населения как наиболее действенной мере предупреждения распространения инфекций, в том числе чумы. С 1935 г. началась практика поголовной вакцинации жителей неблагополучных по чуме районов живой противочумной вакциной М. Покровской, а с 1942 г. прививали уже более эффективной вакциной [4: 14]. Так, на 10 сентября 1942 г. в Астраханском округе Сталинградской области от чумы было впервые привито 1999 человек, ревакцинировано – 3665 человек, имели отвод – 563 человека [3: 94].

Таким образом, накопленный опыт позволил противочумной организации прийти к началу Великой Отечественной войны с достаточным арсеналом научно обоснованных мероприятий: наблюдение за численностью грызунов и эпизоотическим состоянием очагов, вакцинация, дезинсекция, дератизация, санитарно-просветительная работа, истребительные работы. Всё это позволяло дифференцировать профилактические работы в зависимости от характера очага инфекции и обеспечить относительное эпидемическое благополучие эпизоотичных районов [4: 14].

Военные действия внесли свои коррективы в работу противочумной службы. В первую очередь потребовалось наиболее целесообразно использовать поредевшие кадры, имевшиеся силы и возможности при проведении профилактических мероприятий. На второе место были отодвинуты громоздкие по выполнению истребительные работы на больших площадях, а на первый план была выдвинута повседневная текущая

профилактика возникновения вспышек в активных очагах энзоотии. Главным образом это коснулось обследовательских отрядов, взамен которых образовывали противоэпидемические, которым, в свою очередь, подчинялись сандератотряды. Основной фигурой являлся врач-чумолог (эпидемиолог), ответственный не только за бактериологическое обследование грызунов, но и за проведение необходимого комплекса противочумных мероприятий. Такая перестройка позволила увеличить маневренность и оперативность противочумной работы [4: 15].

Был определен примерный штат эпидотрядов, который мог меняться – увеличиваться или уменьшаться – в зависимости от таких условий, как величина территории, количество населения, степень его разбросанности и др. Состав эпидотряда выглядел следующим образом: 1) врач-эпидемиолог – начальник отряда, персонально отвечавший за эпидемическое благополучие района своей деятельности, планировавший работу отряда; 2) зоолог, отвечавший за выполнение учетных работ, проведение санитарно-профилактических мероприятий, обеспечение бактериологического стола грызунами, обеспечение биопробными животными, гнездами грызунов и т.д.; 3) лаборант; 4) препаратор; 5) два техника-дератизатора; 6) санитарка; 7) шесть ловцов-рабочих; 8) конюх; 9) караульщик. Весь персонал был подчинен непосредственному начальнику эпидотряда и обязывался беспрекословно выполнять все его распоряжения [4: 84].

Основными задачами отрядов выступали:

– предупреждение возможности заболевания людей чумой на вверенной отряду территории;

– в случае появления заболеваний – ограничение вспышки первыми случаями и недопущение контактных заболеваний;

– предупреждение и ликвидация других особо опасных инфекций.

Предупредительные мероприятия состояли из наблюдения за численностью грызунов и выявления мест массового их скопления; выявления чумных эпизоотий, определение характера их эпидемиологического значения; санитарно-профилактических мероприятий; истребительных работ; карантинных мероприятий.

Комплекс санитарно-профилактических мероприятий содержал вакцинацию населения; санитарную обработку людей; дезинсекцию помещений, дератизационные работы; проведение мероприятий, препятствующих вселению мышевидных грызунов в закрытые места обитания; наблюдение за состоянием здоровья населения и организацию системы оповещения [4: 50].

При выявлении заболеваний чумой эпидотрядам необходимо было выполнить два последовательных мероприятия – локализовать вспышку, а затем ликвидировать ее. Локализация обеспечивалась изъятием

и изоляцией от окружающих всего, что могло бы служить источником дальнейшего распространения инфекции. Ликвидация состояла из ухода за больными и помещенными в карантин, обеззараживание трупов, зараженного имущества, помещений и т.д., санитарной обработки и выписки выздоровевших и карантированных.

Наряду с этими мероприятиями, требовалось проведение эпидемиологического обследования населения и грызунов, а также информирование соответствующих учреждений о случаях подозрительных больных или смертей, окончательном диагнозе и ходе вспышки, определение и проведение необходимых предупредительных, ограничительных и запретительных мероприятий [4: 52–53].

Несмотря на первоначально узкую специализацию противочумных учреждений, создаваемые на их базе эпидотряды получили задачу помощи в борьбе с другими опасными инфекциями. Так как в военных условиях нехватка медицинских и эпидемиологических кадров на местах была острой, работавшие в сельской местности фельдшеры и медсестры зачастую не имели должной квалификации и знаний для быстрого реагирования и выбора правильной тактики лечения и ограничения распространения острозаразных болезней.

Лаборатории эпидотрядов, помимо анализов на чуму, исследовали материалы на туляремию и сибирскую язву. Также врачи-эпидемиологи участвовали в организации и инструктажах санитарных уполномоченных, знакомя их с симптомами не только чумы, но и холеры, паразитарного и брюшного тифа, туляремии и других инфекций [4: 53]. Впоследствии опыт работы с сануполномоченными оказал ощутимую помощь в ликвидации и предупреждении многих болезней [1: 65; 2: 156].

Своевременность и эффективность работы эпидотрядов противочумной организации хорошо иллюстрирует эпизод из деятельности Ростовского противочумного института. По прошествии четырех военных лет на Всесоюзном противочумном совещании был озвучен лишь один случай вспышки страшной болезни – чумы. Он был зафиксирован в одном из аулсоветов песчаной части Прикаспийского очага. 14 июня 1944 г. в эпидотряд, ответственный за данную местность, пришло донесение от фельдшера о похожем на чуму заболевании в одной из землянок. Через 2 часа представители эпидотряда уже прибыли на место, где находилась заболевшая семья. Их землянка располагалась на межбарханной долине у подножия песчаного бугра, покрытого травой, с множеством нор песчанок. Первым заразился глава семейства (вскрытие подтвердило бубонную чуму и вторичную легочную форму), он скончался до приезда эпидемиологов. Жена и трое детей имели признаки чумного заболевания (бубоны), еще один ребенок только лихорадил. Врачами сразу был организован обмывочный пункт,

чистая одежда, организован госпиталь-изолятор на пять человек (каждый в отдельной палатке, кроме матери с грудным ребенком). Контактировавших с заболевшей семьей также поместили на девять дней в специально организованный изолятор и провели анализы. Ни у кого, кроме семьи из семи человек, чума обнаружена не была. Из заболевших трое умерли, четверо выжили благодаря оперативно начатой интенсивной терапии.

Мероприятия по ликвидации очага выбрали следующие: истребительные работы, дератизация, газация землянок, санация населения и вакцинация, очистка урочища от мусора и всех нечистот вокруг землянок, дезинсекция землянок, обработка белья и одежды, обработка людей от вшей. Весь этот комплекс мероприятий позволил не допустить распространения чумы. Вспышка была ограничена семью людьми [4: 38–40].

Таким образом, несмотря на то, что основной фронт работ противочумных организаций был связан с борьбой против чумы, опыт деятельности эпидемиологов в годы Великой Отечественной войны – создание мобильных эпидемических отрядов, их участие в подавлении вспышек других острозаразных заболеваний – показал возможность расширения круга задач данных учреждений. И на Всесоюзном противочумном заседании в планы дальнейшей работы было включено обязательное привлечение сотрудников сети к работе в мероприятиях по профилактике и борьбе с такими заболеваниями, как туляремия, бруцеллез и холера [4: 8]. Слаженная работа различных ведомств – противочумных институтов и станций, санитарно-эпидемических организаций, учреждений здравоохранения – позволила предотвратить массовое распространение острозаразных инфекций. Новые формы и методы организации работы позволили быстро реагировать на возникавшие в тылу, на фронте и на освобождавшихся территориях эпидвспышки различных болезней. Тем самым в воюющей стране получилось сохранять относительное эпидемическое благополучие, поддерживая ее трудоспособность и обороноспособность. И это был немалый вклад в дело общей Победы уже над «видимым» врагом.

Источники и литература

1. *Головина Е.Л.* Санитарные уполномоченные в Великой Отечественной войне: помощь общественности в обеспечении санитарного порядка (на материалах Сталинградской области) // История медицины в собраниях архивов, библиотек и музеев: материалы X Межрегиональной научно-практической конференции с международным участием, посвященной 150-летию со дня рождения академика Н.А. Семашко (Волгоград, 12 декабря 2024 г.). Волгоград, 2024. С. 63–66.

2. *Головина Е.Л.* Эпидемия туляремии в Сталинградской области в 1942–1943 годах // Военно-исторические аспекты жизни Юга России

XVII–XXI вв.: вопросы изучения и музеефикации: материалы V Междунар. науч.-практ. конф., приуроченной к 80-летию разгрома советскими войсками немецко-фашистских войск в Сталинградской битве (Волгоград, 28–29 сент. 2023 г.). Волгоград, 2023. С. 152–157.

3. Государственный архив Волгоградской области (далее – ГАВО). Ф. Р-2672. Оп. 1. Д. 9.

4. ГАВО. Ф. Р-3133. Оп. 1. Д. 11.

5. *Никифоров В.В., Авдеева М.Г., Намитоков Х.А.* Чума: учебно-методическое пособие. М.; Краснодар; Майкоп, 2016. URL: https://mkgtu.ru/vikon/sveden/files/CHuma._Uchebno-metodicheskoe_posobie(2).pdf (дата обращения: 01.03.2025).

6. Об Институте // ФКУН Российский противочумный институт «Микроб» Роспотребнадзора. Официальный сайт. URL: https://microbe.ru/about/ (дата обращения: 02.03.2025).

М.К. Нагиева

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ДАГЕСТАНСКИХ УЧИТЕЛЕЙ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

Главным событием 2025 г. является празднование 80-летия Победы многонационального советского народа в Великой Отечественной войне. Она стала самой кровопролитной в истории человечества, унесла жизни миллионов наших соотечественников, погибших на фронтах войны, в партизанских отрядах, замученных в оккупации и концентрационных лагерях, умерших от холода и голода.

Великая Отечественная война 1941–1945 гг. внесла существенные коррективы в деятельность учреждений науки и культуры, которая была в соответствии с требованиями времени перестроена на военный лад. Война также серьезно повлияла на систему школьного образования республики, испытывавшей еще до начала боевых действий острую нехватку квалифицированных педагогических кадров. С началом войны ситуация усугубилась. Только за первые два года войны в ряды Красной армии были призваны или добровольно ушли более 3,5 тыс. учителей, что составляло свыше 60 % от всего предвоенного числа педагогов республики.

Дагестанское учительство принимало самое активное участие в тыловой работе. Заменяя педагогов, ушедших на фронт, учителя трудились не только в школе, но и на полях, заводах и фабриках. Так, махачкалинские учителя объявили о своей готовности к участию в работах, связанных с обороной страны. В Махачкале в кружках «Готов к санитарной обороне» проходило обучение 56 человек, по противовоздушной

и противохимической обороне и учебно-санитарных кружках – 126 человек, в Хасавюрте – 90 человек и т.д. [9: 119].

Больше 10 учителей школ Махачкалы выразили желание работать внештатными инструкторами городского совета Осоавиахима. Среди них были и женщины: Абрамова, Вечтомова, Стешенко, Лайкам, Насимова, Ступенькова и др. [9: 119]. Много заявлений от учителей поступало в военный комиссариат с просьбой об отправке их на фронт.

Перед органами народного образования стояла трудная задача – ускоренными темпами обеспечить подготовку новых кадров учителей. Уже в 1941/1942 уч. г. в школах была увеличена нагрузка на оставшихся учителей для предотвращения срыва учебного процесса. Благодаря принятым мерам, на начало 1941/1942 уч. г. в Дагестане функционировало 1202 общеобразовательные школы, из них 782 – начальные, 360 – неполных средних и 60 – средних. Учительский корпус состоял из 5655 человек, из которых в городских школах работало 849 педагогов, в сельских – 4806 [4: 18].

Таким образом, несмотря на то что часть учителей была мобилизована в ряды Красной армии, к началу 1941/1942 уч. г. все начальные, неполные средние и средние школы республики, а также педучилища и детские дома были в основном укомплектованы учительскими и руководящими кадрами, преподавателями военного дела и физкультуры. К началу 1941/1942 уч. г. Народным комиссариатом просвещения ДАССР был командирован 1021 учитель для работы в начальных, неполных средних и средних школах. В дагестанских школах к началу учебного года в 1–4-е классы было принято 527 педагогов и для работы в 5–10-х классах – 494 учителя [10: 18–19].

В первый период войны в Дагестан прибыло большое количество учителей из оккупированных территорий. Многие из них обладали высокой квалификацией, что позволило обеспечить нормальное функционирование школ при одновременном повышении качества обучения и воспитания молодого поколения. Так, из Крымской АССР приехали 28 учителей, из Сталинской и Запорожской областей – по 25 педагогов, из Одесской – 23, Ростовской – 21, Киевской – 18, Днепропетровской – 7, Бессарабии – 8, Московской и Полтавской областей – по 6, Харьковской – 5, Ворошиловской, Измайловской, Володарской и Тульской – по 2, Латвийской АССР – 4, Николаевской и Ленинградской области – по 3, Эстонской ССР – 2 [10: 25]. Часть эвакуированных учителей была привлечена также на руководящие должности в образовательной сфере. Два человека заведовали городским и районным отделами народного образования, трое были школьными инспекторами районных отделов народного образования, 13 были назначены директорами начальных средних школ и 29 – заведующими начальными средними и средними школами, при этом они вошли в общее число учителей [10: 25].

Народный комиссариат просвещения ДАССР каждый год старался направлять педагогов на работу в сельские районы республики. Так, к началу 1942/1943 уч. г. для школ республики необходимо было дополнительно подготовить более 1 тыс. учителей, в том числе 534 учителя для 5–10-х классов. Для осуществления этой задачи Совет народных комиссаров ДАССР 27 января 1942 г. принял специальное постановление «О подготовке учительских кадров для школ республики». Согласно постановлению, Народный комиссариат просвещения ДАССР организовал при педагогических училищах Буйнакска, Дербента, Сергокалы, Гуниба, а также при Касумкентской, Хунзахской, Левашинской, Ахтынской и Аксайской средних школах шестимесячные курсы для учителей, на которых было подготовлено 380 педагогов для старших классов. Помимо этого, летом 1942 г. были организованы полуторамесячные курсы учителей для начальных классов с охватом 106 человек [1: 191].

Несмотря на предпринимаемые меры и небольшое улучшение в деле подготовки учительских кадров, школы Дагестана продолжали испытывать острую их нехватку. На начало 1943/1944 уч. г. дефицит составлял более 700 учителей для 5–7-х классов. В таких районах, как Дахадаевский, Унцукульский, Цумадинский, не было ни одного учителя со средним образованием. В ряде школ из-за отсутствия учителей не преподавались отдельные дисциплины. Такое положение с педагогическими кадрами обязывало районные комитеты партии использовать все резервы, которыми располагали районы (на начало учебного года более 360 учителей работало не по специальности). Эти резервы не только не были своевременно использованы в районах, но и после постановления Совета народных комиссаров СССР от 28 июля 1943 г. и категорических указаний обкома ВКП(б) отдельные райкомы ВКП(б) продолжали практику использования педагогических кадров не по специальности [7]. К примеру, к концу 1942/1943 уч. г. в Дербентском районе не по специальности работали 17 учителей, в Казбековском районе – 5, в Акушинском – 21, Рутульском – 3, в Унцукульском – 2 и т.д. [11: 281, 287].

Для усиления темпов подготовки учительских кадров с 1 сентября 1944 г. решением Совета народных комиссаров РСФСР в республике были организованы два учебных заведения: женский учительский институт и женское педагогическое училище, которые комплектовались исключительно девушками. Необходимо отметить, что вековые традиции, которые не позволяли женщинам полноценно получать образование, находиться в кругу мужчин, играли еще важную роль в горском обществе. Поэтому создание именно женских учебных заведений дало возможность девушкам получать не только среднее, но и высшее образование. Таким образом, принятое властями верное решение об открытии высших учебных заведений

для женщин сыграло большую роль в развитии светского образования республики и привлечении горянок к учебе. В 1944/1945 уч. г. на первый курс нового института было принято 42 девушки-горянки, на подготовительные курсы – 78, в Буйнакское женское педагогическое училище – 64 [10: 21]. В Советском государстве это были первые учебные заведения специально для женщин-горянок. Их создание было вызвано необходимостью восполнить нехватку педагогических кадров и преодолеть огромные трудности в функционировании всей системы народного образования.

Всего в школах республики учителями работали 1752 женщины, из них 452 – в городских школах. При этом доля мужчин-педагогов в сельской местности составляла 69 % от общего числа учителей. Материалы Центрального государственного архива Республики Дагестан показывают, каким было гендерное неравенство среди учителей. Так, женщин в массиве учителей начальных классов неполных средних, средних и начальных школ были единицы, в отдельных районах их вообще не было. К примеру, в Табасаранском районе в составе учителей не было ни одной женщины [10: 22]. Поэтому проблема подготовки учителей из женщин коренных народностей Дагестана являлась одной из актуальных и требовала незамедлительного решения.

Разумеется, уровень образования учителей республики значительно снизился, одновременно выросла доля педагогов, имеющих неоконченное среднее образование. Архивные данные показывают, что более 2500 учителей практически не имели педагогического стажа и работали один год или даже меньше – полгода [10: 23].

Таким образом, практически во всех районах Дагестана в начальных классах работали учителя, не имеющие как необходимого уровня квалификации, так и хоть небольшого стажа, то есть только начинающие свою педагогическую деятельность. Эти факторы, как правило, негативно сказывались на качестве работы школ. Следует отметить, что некоторые заведующие районными отделами народного образования, осознавая невысокий уровень квалификации учителей, старались проводить с ними соответствующую методическую работу, например, семинары, педагогические совещания, прикрепляли к ним лучших учителей района и т.д.

В районах и городах республики к 1944 г. было свыше 200 учителей, работающих не по специальности. Необходимо было их в кратчайшие сроки вернуть на работу в школы. Но и после предпринятых мер нехватка составляла до 200 учителей русского языка в начальных классах и 850 предметников для старших классов [8]. Для решения этой задачи было два пути: во-первых, дальнейшая усиленная подготовка учителей через педагогические учебные заведения и курсовую сеть, во-вторых, закрепление имеющегося состава учителей путем улучшения их материально-бытового

положения. Среди студентов, окончивших в 1944 г. педагогический институт, многие отлично сдали экзамены. Среди них – Галкин, Бандаревская, Кисилева и др., которые были готовы к серьезной работе учителя. В 1944 г. в Дербентском педагогическом училище им. Ленина состоялся очередной выпуск молодых педагогов, среди которых более 80 % составляли девушки [5].

Дагестанский педагогический институт располагал хорошо оборудованными лабораториями и кабинетами, богатейшей библиотекой. Институт готовил преподавателей для средней школы, педучилищ и техникумов. За годы своего существования (он был открыт в 1931 г.) подготовил 930 высококвалифицированных мастеров народного образования, из которых 300 были представителями коренных народов Дагестана. За годы Великой Отечественной войны сотни бывших выпускников института прославили свои имена в боях с немецкими оккупантами. Среди них – Герой Советского Союза гвардии капитан Г.О. Буганов, Герой Советского Союза, трижды орденоносец подполковник М.Ю. Гамзатов, подполковник М.-Г.Г.-Б. Шайдаев, майор А.Л. Латипов, капитан А.Х. Даибов и многие другие [6].

В годы войны большую помощь учителям продолжали оказывать Дагестанский научно-исследовательский институт школ, а также открытый в годы войны (1944 г.) при Народном комиссариате просвещения Институт усовершенствования учителей, занимавшийся методическими вопросами, обобщением педагогического опыта. Итогом такой работы стало издание методических сборников, наглядных пособий для предметников. В качестве методической помощи молодым учителям опытные преподаватели проводили лекции. Так, в Хасавюртовском районе работало пять кустовых секций, при районном отделе народного образования была организована предметная комиссия преподавателей русского языка. Молодые учителя посещали открытые уроки, где получали новые практические навыки. Например, преподаватель русского языка Муцалаульской неполной средней школы Малашкина систематически оказывала помощь молодым учителям, рассказывала о методах развития устной и письменной русской речи учащихся. Преподаватель Покровской неполной средней школы Кузнецова знакомила учителей с методами литературного чтения, о наглядности уроков русского языка рассказывала учительница Ватаюртовской неполной средней школы Тюнина и т.д. [3].

Перед местными органами власти и Министерством образования республики была поставлена серьезная задача – полностью укомплектовать студентами педагогические учебные заведения. В 1945 г. в педагогические училища республики должны были принять 500 человек, в том числе в женское педучилище – 120 горянок, в пединститут им. С. Стальского – 180 студентов, в учительский институт – 130 и в женский учительский

институт – 180 девушек. Выпуск средних школ составлял чуть более 200 учащихся, что было недостаточно для укомплектования даже одного института [2]. Поэтому одной из важнейших задач органов власти было проведение разъяснительной работы среди комсомольцев и молодежи, окончивших средние учебные заведения в прошлые годы, для направления их на учебу.

Большая работа проводилась для привлечения девушек-горянок на учебу в женский учительский институт и женское педагогическое училище. Неоднократно организовывались встречи заслуженных учителей, профессоров, преподавателей факультетов педагогического института с молодежью, проводились беседы, лекции и благородном труде учителя и т.д.

Несмотря на все трудности военного времени, педагогические коллективы школ, где в основном были женщины, добивались повышения качества обучения и воспитания учащихся, уделяли большое внимание внеклассной и внешкольной работе. Образцовую педагогическую и общественную работу в первые годы войны проводили известные учителя – В.Т. Гранкина и Е.С. Балковая из Буйнакска, М.И. Мустанова, Д.А. Першинова, И.Д. Неведомская, Л.Д. Дымникова из Махачкалы, Л.И. Косьминская из Хасавюрта, З. Магомедова из Акушинского района, А. Сулейманова из Сергокалинского района, М. Шефиева из Касумкентского района, Т. Алжанбекова из Кайтагского района и др. [12: 55].

Таким образом, изучение системы начального и среднего образования, подготовки педагогических кадров в Дагестане в годы Великой Отечественной войны показывает, что женщины наравне с мужчинами принимали в этом процессе самое активное участие. Педагогические коллективы школ добивались повышения качества обучения и воспитания учащихся, уделяли большое внимание внеклассной и внешкольной работе. Основным содержанием этой деятельности было широкое развертывание оборонно-массовой и политической работы среди учащихся, а также оказание помощи фронту и тылу. Дагестанское учительство в целом справилось с поставленной задачей и продолжало борьбу за дальнейшее повышение качества школьной работы и активное участие в общественной жизни республики, которая в военные годы выражалась в основном в помощи фронту.

Источники и литература

1. *Абилов А.А.* Очерки советской культуры народов Дагестана. Махачкала, 1959.

2. *Абилов А.А.* Полностью укомплектовать педагогические учебные заведения республики студентами // Дагестанская правда. 1945. 31 июля. № 148. С. 2.

3. *Бегиев Д.* Помощь учителю русского языка // Дагестанская правда. 1945. 27 октября. № 211. С. 2.

4. Культурное строительство в Дагестанской АССР. 1941–1977: сборник документов. Т. 2. Махачкала, 1988.

5. *Львов, Гутырь И.* Экзамены в вузах // Дагестанская правда. 1944. 2 июля. № 130. С. 2.

6. *Таймуразов Х.* Будущие воспитатели молодого поколения // Дагестанская правда. 1945. 10 июля. № 133. С. 2.

7. *Фаталиев Х.* За дальнейшее укрепление школ // Дагестанская правда. 1943. 19 декабря. № 252. С. 2.

8. *Швачко С.* Школы Дагестана накануне учебного года // Дагестанская правда. 1944. 27 августа. № 169.С. 2.

9. Центральный государственный архив Республики Дагестан (далее – ЦГА РД). Ф. 1-п. Оп. 1. Д. 5054.

10. ЦГА РД. Ф. 1-п. Оп. 1. Д. 5375.

11. ЦГА РД. Ф. 1-п. Оп. 1. Д. 5396.

12. ЦГА РД. Ф. 1-п. Оп. 1. Д. 5618.

И.А. Тибоев

ПОВСЕДНЕВНОСТЬ СОВЕТСКИХ ДЕТЕЙ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ (по материалам периодической печати Чечено-Ингушетии)

Великая Отечественная война стала тяжелейшим испытанием для всего советского народа, включая детей. Война кардинально изменила привычный уклад жизни, однако даже в этих условиях дети оставались важной частью общества, а их повседневная жизнь и культура продолжали формироваться под влиянием военных реалий. Материалы периодической печати Чечено-Ингушетии того времени дают возможность глубже понять, как жили дети в этот сложный период, как они адаптировались к новым условиям и как государство и общество старались сохранить для них элементы мирной жизни.

С началом войны детство в Советском Союзе утратило свою беззаботность. Многие дети потеряли родителей, оказались в эвакуации или были вынуждены работать наравне со взрослыми. В Чечено-Ингушской АССР, как и в других регионах страны, дети сталкивались с лишениями. Тем не менее государство стремилось сохранить для них возможность учиться, играть и развиваться.

Периодическая печать военного времени – это один из интереснейших исторических источников. На страницах газет «Грозненский рабочий»,

«Ачалукский колхозник» («Ачалкхен колхозхо») и «Назрановский колхозник» («Наьсарен колхозхо») можно найти публикации, которые свидетельствуют о том, как школьники помогали фронту, собирая металлолом, шили одежду для солдат и работали в колхозах. Авторы подчеркивают, что даже в условиях войны дети оставались активными участниками общественной жизни.

Так, 9 июля 1941 г. в колхозе «15 годовщина Октября», расположенном в Шатоевском районе, были подведены итоги работы за первое полугодие. Колхоз успешно выполнил план государственных поставок мяса и шерсти, что стало значительным достижением для всего коллектива [3: 2]. В это трудное время, когда страна находилась в состоянии войны, особенно важным было объединение усилий всех членов общества, включая детей. В уборке урожая кукурузы колхозу оказали большую помощь пионеры и школьники. Ребята, осознавая важность своей роли, активно включились в работу на полях. Они с гордостью заявляли: «Мы будем помогать нашим отцам и матерям колхозникам собрать богатый урожай кукурузы и повысить продуктивность животноводства!» [3: 2].

Примером для других стали учащиеся соротынской школы, активно участвовавшие в прополке кукурузы. Их энтузиазм вдохновил ребят из вашиндароевской школы, которые также решили присоединиться к уборке урожая. Взаимопомощь и сплоченность в трудные времена стали основой для успешной работы колхоза, и каждый внесенный вклад, независимо от возраста, имел огромное значение [3: 2].

В статье «Домохозяйки и школьники на уборке урожая» от 9 июля 1941 г. рассказывается о том, как дети трудящихся районов, пионеры и школьники активно участвовали в уборке урожая, оказывая помощь колхозам. Многие из них занимались сбором урожая и выполняли другие важные сельскохозяйственные задачи: «Недавно к председателю колхоза “Красная армия”, товарищу Демидову, пришла большая группа пионеров и школьников с просьбой: “Мы хотим работать вместе со взрослыми, чтобы помочь нашей родине в борьбе с фашистами! Дайте нам работу в колхозе!”» [8: 2].

В колхозе «Красный огородник» все школьники активно трудились на полях площадью более 70 га. Они показывали отличные результаты в сборе урожая [8: 2].

Около 50 пионеров и школьников, отдыхавших в Ассиновском лагере, помогали собирать фрукты в колхозных садах. Еще 100 пионеров и школьников вышли на полевые работы в колхозы «Сунжевский пахарь» и «Имени Ленина» [8: 2].

Сотни комсомольцев, пионеров и школьников активно собирали металлолом в выходные дни, что стало важной инициативой для поддержки фронта и укрепления экономики страны.

Старшая пионервожатая школы № 25 Октябрьского района Вера Потвелян успешно организовала пионерскую деятельность среди школьников. Пионерская организация этой школы стала лучшей в Орджоникидзевском районе. Ребята собирали не только металл, но и стеклянную посуду, а также лечебные травы. Особенно выделились в этой работе ученицы 5-го класса Тамара Беседина, Лида Светик, Алла Гончарова и Рая Уварова. Кроме того, они собрали деньги и отправили бойцам Красной армии почтовую бумагу, конверты и собственноручно вышитые носовые платки [5: 1].

90 учащихся назрановской школы отправились в колхоз «Заря коммунизма», с. Альтиево, чтобы помочь в сборе кукурузы. Кроме того, они также собирали урожай в колхозе «20 лет ВЛКСМ» [2: 2].

Образование в годы войны стало важным инструментом поддержания морального духа и подготовки будущих граждан. Школы в Чечено-Ингушетии продолжали функционировать, хотя и сталкивались с серьезными трудностями. Многие школы были закрыты, другие остались без необходимого количества учебников, пособий и даже классных комнат, что сделало учебный процесс крайне сложным. Тем не менее газеты того времени сообщали о стремлении детей к знаниям, несмотря на все преграды.

В статьях акцентировалось внимание на важности патриотического воспитания. Школьники активно участвовали в митингах, писали письма на фронт и собирали подарки. Эти мероприятия не только способствовали формированию чувства причастности к общему делу, но и развивали у детей ответственность и гордость за свою страну.

5 июля 1941 г. в Шатое прошел митинг, на который собралось более 300 человек. Одной из выступающих была 14-летняя Надя Деткова, которая произнесла трогательную речь: «Злые фашистские собаки напали на нас. Но мы, советские дети, самые счастливые дети в мире, и больше всех на свете любим свою родину! Завтра я сдам нормы на значок ГСО («Готов к санитарной обороне». – *И. Т.*) и попрошу разрешения ухаживать за ранеными бойцами» [6: 2].

В ряде учебных заведений были организованы кружки, посвященные противовоздушной и противохимической обороне. Эти кружки стали важным элементом учебного процесса, предоставляя детям возможность не только углубить свои знания, но и освоить практические навыки, необходимые для обеспечения собственной безопасности.

В одном из выпусков газеты «Ачалукский колхозник» была опубликована статья, в которой подробно описывалась работа этих кружков. Учащиеся изучали принципы функционирования систем оповещения, основы первой помощи и различные методы эвакуации. В статье отмечалось: «Знания, полученные на этих занятиях, окажутся полезными не только в стенах школы, но и в реальной жизни» [1: 2].

Периодическая печать Чечено-Ингушетии также освещала вопросы помощи детям, оказавшимся в трудной ситуации. В газетах публиковались призывы к населению о необходимости поддержки сирот, детей фронтовиков и эвакуированных. Организовывались сборы одежды, обуви и продуктов питания.

В 1943 г. отдел государственного обеспечения Назрановского райисполкома выделил семьям военнослужащих значительную сумму – 59 тыс. руб. [4: 2].

Колхозники с. Альтиево также не остались в стороне и оказали помощь семьям, чьи мужья ушли на фронт. Они обеспечили нуждающихся дровами и выделили 500 руб. в качестве финансовой поддержки [9: 2].

Назрановский район проявил активную заботу о семьях военнослужащих. В течение месяца на учет было поставлено 74 % всех детей военнослужащих, что свидетельствует о системном подходе к решению социальных проблем. В дополнение к выделенным 20 тыс. руб., были предоставлены дрова, мясо и одежда. Кроме того, в 74 квартирах был проведен ремонт, что значительно улучшило условия жизни семей [10: 2].

Село Барсуки также оказало всестороннюю помощь семьям военнослужащих. Здесь было выделено 13 тыс. руб. и девять человек были устроены в учебные заведения. Председатель сельского поселения Идрис Берсанов активно участвовал в помощи семьям военнослужащих. Он организовал поддержку для 45 семей, которые получили еду и одежду для детей [7: 2].

Советское детство в годы Великой Отечественной войны было наполнено трудностями, но также и примерами стойкости, взаимопомощи и патриотизма. Материалы периодической печати Чечено-Ингушетии предоставляют ценную информацию о том, как дети адаптировались к новым условиям, как они учились, работали и продолжали верить в победу. Эти публикации являются важным источником для изучения культуры повседневности военного времени и напоминают о том, что даже в самые тяжелые моменты истории дети оставались символом надежды и будущего.

Источники и литература

1. Дешархо. ПВХО кружок болх во латт (Кружок ПВХО плохо работает) // Ачалкхен колхозхо. 1941. № 6. С. 2.

2. Дешархоша новкъостал ду колхоза (Школьники помогают колхозу) // Наьсарен колхозхо. 1941. № 79 (260). С. 2.

3. Дружный выход колхозников в поле // Грозненский рабочий. 1941. № 150 (5835). С. 2.

4. *Зориев С.* Т1емаг1улакххой дезалий йоакхо яр (Помощь семьям военнослужащих) // Наьсарен колхозхо. 1943. № 9 (324). С. 1.

5. *Мишенина О.* Вместе со взрослыми // Грозненский рабочий. 1941. № 204 (5889). С. 4.

6. Слово горцев // Грозненский рабочий. 1941. № 157 (5842). С. 2.

7. Т1ема г1улакхерчар дезалашта новкъастал дарна – 13.008 сом (Семьям воинослужащих помогли – 13 008 рублей) // Наьсарен колхозхо. 1943. № 45 (360). С. 2.

8. *Цилин А.* Домохозяйки и школьники на уборке урожая // Грозненский рабочий. 1941. № 160 (5845). С. 2.

9. Фронте бахача наьха дезалашта новкъастал ду (Семьям военнослужащих помогают) // Наьсарен колхозхо. 1943. № 44 (359). С. 2.

10. Фронтечар дезала новкъастал дар (Семьям военнослужащих помогли) // Наьсарен колхозхо. 1943. № 45 (360). С. 2.

Раздел 5. Оккупационный режим, коллаборационизм и сопротивление противнику

А.И. Лаврентьев

ИСТРЕБИТЕЛЬНАЯ ПОЛИТИКА НАЦИСТОВ, КОЛЛАБОРАЦИОНИЗМ И СОПРОТИВЛЕНИЕ НА ТЕРРИТОРИИ УССР: ИСТОРИЯ И ПОСЛЕДСТВИЯ

Великая Отечественная война оставила глубокий след в истории Украины, где оккупационный режим захватчиков сопровождался беспрецедентной в новейшей истории жестокостью. Украинская Советская Социалистическая Республика (УССР), будучи одной из наиболее пострадавших в ходе событий 1941–1945 гг. республик СССР, стала ареной массовых преступлений нацистов, а также местом противоречивого взаимодействия коллаборационистов и подпольщиков. Научное изучение истребительной политики, коллаборационизма и сопротивления требуется прежде всего для более глубокого понимания социально-политических процессов, которые продолжают влиять на геополитическую обстановку не только на постсоветском пространстве, но и во всем цивилизованном мире. В рамках данного исследования будут обзорно рассмотрены основные события истребительной политики нацистов на территории Украины, проанализирована роль местных коллаборационистов в этом процессе, а также особенности народного сопротивления захватчикам. Цель исследования – не просто восстановить хронологию событий, но определить, как данные знания могут быть применены на практике в современной борьбе с последствиями истребительной политики неонацистов и боевиков военизированных формирований на Украине, в том числе на международном уровне.

После вторжения в СССР в 1941 г. нацисты установили контроль над УССР, разделив ее на зоны влияния. Дистрикт Галиция был создан 1 августа 1941 г. на временно оккупированной территории Тернопольской, Львовской и Ивано-Франковской областей УССР и вошел в состав генерал-губернаторства. Рейхскомиссариат Украина охватил центральные и восточные регионы оккупированной республики. Через месяц после вторжения немецких войск была разделена Винницкая область: территории между Днестром и Бугом отошли к Румынии и были переименованы в Транснистрию, остальная часть, включая областной центр Винницу, вошла в состав рейхскомиссариата Украина. Военные преступники

Третьего рейха проводили политику депортаций и геноцида, целью которой было уничтожение как можно большей части местного населения, прежде всего русскоговорящих жителей [4: 171–172].

Главными целями оккупантов были эксплуатация ресурсов (зерно, уголь, рабочая сила) и «расовая чистка» в рамках генерального плана «Ост», предполагавшего колонизацию и германизацию оккупированных в ходе Великой Отечественной войны территорий СССР, а также проведение истребительной политики в отношении славянских народов. Советский и российский юрист и историк А.Г. Звягинцев в своем труде «Нюрнберг. Высший суд» приводит слова Гитлера, сказанные им на совещании 30 марта 1941 г.: «Мы обязаны истреблять население, это входит в нашу миссию охраны германского населения. Нам придется развивать технику истребления населения. Если меня спросят, что я подразумеваю под истреблением населения, я отвечу, что я имею в виду уничтожение целых расовых единиц. Именно это я и собираюсь проводить в жизнь, – грубо говоря, это моя задача. <…> я имею право уничтожить миллионы людей низшей расы, которые размножаются, как черви» [5: 245–246].

Замалчиваемая современным киевским режимом истребительная политика нацистов на территории УССР во время Великой Отечественной войны была крайне жестокой и изощренной. Помимо уже упомянутого генерального плана «Ост», гитлеровские оккупанты проводили акции устрашения, уничтожая целые деревни. По данным российского историка и публициста Е.В. Антонюка, только в с. Корюковка Черниговской области в 1943 г. было убито около 6,7 тыс. мирных жителей, то есть практически все его население [3]. При этом по сей день точное число погибших не установлено, и данную работу только предстоит провести. Одним из проявлений истребительной политики нацистов стал холокост. Только в Бабьем Яре под Киевом в сентябре 1941 г., по оценкам ведущего научного сотрудника Института географии Российской академии наук, профессора П.М. Поляна, количество жертв нацистов составило 70 тыс. расстрелянных советских граждан еврейской национальности [9: 52]. Исследователи подчеркивают, что хотя расстрелы в Бабьем Яре и не были первыми массовыми казнями, они стали самой масштабной на тот момент нацистской акцией по числу единовременных жертв [2]. Репрессии, начавшиеся с расстрелов евреев, переросли впоследствии в массовое уничтожение цыган, коммунистов-подпольщиков, а также советских военнопленных.

Не отставали от гитлеровских нацистов и их пособники – украинские националисты. Своими злодеяниями широко известен украинский диверсионный батальон «Нахтигаль» в составе полка «Бранденбург-800». Заместителем командира этого батальона был Р. Шухевич, чья личность сегодня героизируется на Украине [6: 46]. Украинская полиция также

принимала участие в массовом уничтожении киевских евреев, цыган и коммунистов-подпольщиков в Бабьем Яре, а также в одном из самых первых массовых расстрелов еврейских детей в Белой Церкви под Киевом.

Это подводит к вопросу о взаимодействии населения УССР с немецкими оккупантами. Коллаборационизм на Украине имел сложную природу. Его корни лежали в исторических обидах: массовый голод в 1932–1933 гг., репрессии против интеллигенции и насильственная коллективизация подорвали доверие части населения к советской власти. Однако создается впечатление, что даже украинские пособники немецких оккупационных сил, яростно желавшие отделения УССР от СССР, не до конца понимали всей чудовищной сути гитлеровского режима. Организация украинских националистов (далее – ОУН) изначально видела в нацистах союзников в борьбе за независимость. К 1943 г. Украинская повстанческая армия (далее – УПА[1]) начала атаковать как немецкие, так и советские войска, что привело к противоречивой оценке ее роли с обеих сторон [6: 47].

Вплоть до полного освобождения УССР от гитлеровских войск в октябре 1944 г. так называемая украинская вспомогательная полиция участвовала в облавах, охране гетто и расстрелах мирного населения Украины. А сформированные ОУН(б) батальоны «Нахтигаль» и «Роланд» сотрудничали с абвером. Однако после провозглашения Акта восстановления украинской государственности в 1941 г. нацисты арестовали лидеров ОУН, что охладило их отношения [6: 46]. Коллаборационизм проявлялся не только в военной, но и в административной поддержке нацистов: чиновники и старосты часто шли на сотрудничество, чтобы избежать репрессий [8: 428].

Сопротивление нацистам на Украине продолжалось всю войну и принимало различные формы: от партизанских отрядов до подпольных групп в городах. Образ партизанского движения на территории УССР еще в ходе войны вошел в советскую культуру, поэтому до наших дней донеслась слава о подвигах С. Ковпака, дважды Героя Советского Союза, который провел рейд по тылам противника от Брянских лесов до Карпат, уничтожая вражеские коммуникации и гарнизоны. Известна и трагическая судьба «Молодой гвардии» в Краснодоне — подпольной организации молодежи, занимавшейся диверсиями и распространением листовок. А одноименный роман писателя А. Фадеева, ставший вторым по издаваемости детским изданием в СССР, был признан классикой советской литературы [7: 299].

Существенный вклад в ход Великой Отечественной войны внесло не только партизанское движение. Большую роль играло и мирное население Украины: крестьяне укрывали партизан, снабжали их продовольствием и сообщали им разведданные. Помощь сопротивлению часто приводила

[1] ОУН и УПА — организации, деятельность которых запрещена на территории Российской Федерации.

к карательным операциям нацистов. Например, в 1942 г. за поддержку партизан была полностью уничтожена д. Хатынь (ныне Республика Беларусь), аналогичные акции проводились и на Украине.

Последствия нацистской оккупации оказались чудовищными по своей разрушительности. О.В. Большакова отмечает, что к моменту освобождения Винницы Красной армией 20 марта 1944 г. в городе оставалось менее четверти от 100 тыс. его жителей. Оккупацию пережили около 20 тыс. проживавших в области евреев – примерно 1/7 часть. Через 12 лет по окончании войны население области, прошедшее и через голод 1946–1947 гг., еще не восстановилось до довоенного уровня в 2300 тыс. человек [4: 172].

Политические последствия имело и распространение нацистских идей среди украинцев. После освобождения СССР ужесточил контроль над республикой. Участники ОУН-УПА стали объектом особого внимания со стороны НКВД. Коллаборационисты, выявленные после войны, были осуждены или расстреляны [6: 51]. Население современной Украины, входившей до 1990-х гг. в состав СССР, воспринимает тему коллаборационизма крайне болезненно [1]. Одни видят в ОУН-УПА борцов за независимость, другие – пособников нацизма. Вместе с тем большинство украинцев стали именно жертвами, а не соучастниками преступлений. Борьба братских народов СССР против гитлеровской угрозы показала, что нет врага страшнее, чем нацизм.

Оккупация Украины во время Великой Отечественной войны стала одной из самых мрачных страниц в ее истории. Истребительная политика, направленная на уничтожение целых народов, встретила как сотрудничество, так и сопротивление. Коллаборационизм, обусловленный историческими травмами, и героизм подпольщиков отразили сложность человеческого выбора в условиях войны. По сей день изучение данной темы не исчерпало себя, и главное подтверждение тому – современные события в Донбассе и Новороссии, а также в приграничных областях России, которые не удалось предотвратить дипломатическим путем.

Именно поэтому результаты трудов, благодаря которым обществу открываются все новые подробности о зверствах нацистов и их пособников на территории СССР, непременно должны быть положены в работу по возвращению истинной исторической памяти жителям современной Украины, а также освобожденных регионов Донбасса и Новороссии, включая опровержение мифов об украинских коллаборационистах, которые по тем или иным причинам были превращены в национальных героев. Ситуацию осложняют: принципиальная позиция украинских властей, касающаяся федерализации; отречение от общего с Россией прошлого; забвение подвигов истинных героев СССР во время Великой Отечественной войны; целенаправленное национальное мифотворчество.

Работа по возвращению украинскому народу исторической памяти должна исходить не только от государства, но и гражданского общества, быть комплексной и последовательной. Однако пока сохраняются все перечисленные выше обстоятельства, затруднительно выстраивание конструктивного диалога между всеми заинтересованными сторонами.

Однако есть меры, которые можно принять на данном этапе:

– создать единую историческую базу пособников немецко-фашистских оккупантов на территории бывшей УССР, а также их злодеяний, что упростит работу исследователей и общественных в области изучения темы;

– чаще предавать широкой огласке зверства коллаборационистов, в том числе посредством проведения международных форумов и сессий;

– в ходе восстановления исторической памяти делать акцент на позитивных событиях, сопротивлении коллаборационизму со стороны партизанских отрядов, в которых принимали участие мирные украинцы;

– укреплять международное сотрудничество с дружественными странами, в частности создавать независимые наблюдательные миссии для борьбы с последствиями украинского коллаборационизма и неонацизма.

Как и во времена Великой Отечественной войны, зачинателем данной деятельности может стать Российская Федерация как наследница СССР. В свою очередь, консолидация международных усилий сыграет в этом деле ключевую роль, как при проведении Нюрнбергского процесса, чтобы по всей строгости наказать тех, кто не усвоил фатальные ошибки прошлого и трагически повторяет их в настоящем.

Источники и литература

1. *Акимова А.А., Исмаилов Ш.Р.* Коллаборационизм на Украине во времена Великой Отечественной войны и его влияние на формирование нынешней украинской государственности // Неделя науки – 2022: сб. мат-лов 43-й итоговой науч.-тех. конф. преподавателей, сотрудников, аспирантов и студентов ДГТУ, посвященной 50-летнему юбилею вуза. Махачкала, 2022. С. 430–431.

2. *Антонюк Е.* Бабий Яр. Кровавый кошмар на окраине Киева. URL: https://life.ru/p/1047756 (дата обращения: 10.03.2025).

3. *Антонюк Е.* Бойня в Корюковке. Геноцид, о котором почти не знали в СССР. URL: https://life.ru/p/1197545 (дата обращения: 10.03.2025).

4. *Большакова О.В.* Значение второй мировой войны для истории СССР и постсоветского пространства // История России. Серия аналитических обзоров и сборников. 2015. № 1. С. 169–181.

5. *Звягинцев А.Г.* Нюрнберг. Высший суд. М., 2023.

6. *Килимник Е.В.* Националистическое движение ОУН-УПА в годы ВОВ и послевоенный период, его идейное наследие сегодня // Теория и практика мировой науки. 2020. № 11. С. 43–55.

7. Книгоиздание СССР. Цифры и факты. 1917–1987 / авт. текста Е.Л. Немировский. М., 1987.

8. *Петров А.И.* Украинские националистические формирования и военные коллаборационисты в Великой Отечественной войне: проблема массовости и добровольности // Молодой ученый. 2023. № 3. С. 425–431.

9. *Полян П.М.* Бабий Яр и возмездие: судебные процессы над палачами // Неприкосновенный запас. 2023. № 3 (149). С. 45–60.

А.С. Савченко

НАЦИСТСКАЯ КАРАТЕЛЬНАЯ ПОЛИТИКА В ПЕРИОД ОККУПАЦИИ КРЫМА (1941–1944 гг.)

80 лет назад нацистские оккупанты были изгнаны за пределы Советского Союза. 1945 год вошел в нашу историю как год решающих побед Красной армии. Нет никаких сомнений, что весомый вклад в достижение Великой Победы внес СССР. В союзе со странами антигитлеровской коалиции, советский народ совершил подвиг и сокрушил фашизм, который нес за собой порабощение народов и истребление миллионов людей. Международный военный трибунал, казалось бы, подвел итоговую черту, была дана правовая оценка действиям гитлеровцев. Международный суд над нацистами должен был послужить не только наказанию преступников по всей строгости закона, но и стать грозным предостережением всем, кто попытался бы возродить фашизм.

Сегодня данная тема является особо актуальной, поскольку на современном этапе предпринимаются попытки фальсификации истории Великой Отечественной войны и преуменьшения роли Советского Союза в борьбе с фашизмом со стороны, в том числе, бывших западных союзников. Позиция замалчивания информации об истребительной политике оккупантов, преступлениях против человечества в наши дни недопустима. Сохранение исторической правды, признание фактов геноцида и недопущение искажений сведений о преступлениях нацистов в отношении народов Советского Союза сегодня также представляются значимыми.

Цель данной статьи – рассмотреть факты и масштабы нацистских преступлений на территории Крыма как массовое и целенаправленное осуществление геноцида советского народа.

Крымский полуостров находился в оккупации долгие 865 дней. Эта страница истории стала одной из самых трагических в многовековой истории Крыма. Осенью 1941 г., после тяжелых боев по обороне полуострова, вся территория Крыма была оккупирована немецко-румынскими войсками. Исключение составлял лишь Севастополь, который оборонялся до июля

1942 г., однако город был взят. С первых дней оккупации на территории устанавливался «новый порядок» – режим, сопровождавшийся жестокой репрессивной политикой по отношению как к гражданскому населению, так и к советским военнопленным с целью уничтожения одной части жителей полуострова и эксплуатации другой. Нацистское военное руководство создало по всей территории Крыма большое количество мест принудительного содержания. 2 ноября был оккупирован Симферополь, что позволило создать централизованное оккупационное управление в столице Крыма в кратчайшие сроки. С первых дней оккупации начались акции устрашения и уничтожения местного населения. Эти функции выполняли разные органы, главными из которых были полиция безопасности и служба безопасности (далее – СД), охранная полиция и жандармерия. Силами СД и полиции систематически проводились облавы и обыски с целью выявления «подозрительных элементов». Специальные органы функционировали по всему полуострову. Силовые структуры и карательный аппарат оккупантов в Крыму не имели каких-либо особенностей, так как к моменту оккупации полуострова эта система уже была довольно хорошо отлажена в самой Германии и на других оккупированных территориях [15: 135].

Условно на территории Крыма можно выделить несколько категорий преступлений оккупантов: преступления против мирного населения; преступления в отношении заключенных мест принудительного содержания – советских военнопленных и гражданского населения; угон мирного населения на принудительные работы в Германию.

Одним из инструментов нацистского карательного аппарата была лагерная система, позволявшая одновременно эксплуатировать и уничтожать советских военнопленных и гражданское население.

За весь период оккупации на территории Крыма было создано около 100 различных мест принудительного содержания, среди которых можно выделить пять основных типов: лагеря военнопленных, тюрьмы и концлагеря полицейского аппарата, сборные пункты для еврейского и цыганского населения, трудовые лагеря и пересыльные лагеря для гражданского населения. Наиболее многочисленны были лагеря военнопленных. В них, а также в тюрьмах и концлагерях полицейского аппарата оккупанты уничтожили подавляющее большинство тех, кто стал жертвами нацистской репрессивной политики на территории Крыма [14: 79].

По мере продвижения 11-й немецкой армии на юг полуострова потребность в местах содержания пленных красноармейцев, оборонявших Перекоп, стала насущной. Первыми среди мест принудительного содержания были созданы лагеря для советских военнопленных – дулаги и шталаги. Изначально они находились в подчинении штаба 11-й армии, а с лета 1942 г. – штаба главнокомандующего в Крыму (Befehlshaber Krim).

Всего на территории Крыма за весь период оккупации гитлеровцами было создано более 50 лагерей военнопленных. Самым крупным по числу прошедших через него заключенных стал Дулаг 241 в Симферополе, который действовал в течение всего периода немецко-фашистской оккупации. Через этот лагерь прошли более 140 тыс. советских военнопленных [3: 49]. Согласно сведениям советских комиссий, в течение ноября 1941 – начала 1942 г. в концлагере Дулаг 241 мучительной смертью погибло до 6 тыс. человек [12: 62]. Определить точное количество погибших в последующие два года пока не представляется возможным, однако данные архивных источников говорят о гибели около 50 человек в лагере ежедневно [1: 188]. По отношению к советским военнопленным применялись наиболее жестокие меры репрессий: регулярные избиения и оскорбления, зачастую без особого повода, нанесение увечий и в конечном счете расстрел. Такие крупные лагеря были также в Севастополе, Феодосии, Керчи и около Бахчисарая.

Местами заключения мирных жителей становились лагеря для гражданского населения. Сюда люди попадали зачастую после допросов в соответствующих органах. В таких лагерях, как и в лагерях для военнопленных, был голодный, изнурительный режим содержания, сопровождавшийся систематическими избиениями и убийствами заключенных. В большинстве таких лагерей был установлен такой режим, который делал их фактически лагерями смерти. Например, концлагерь в совхозе «Красный», созданный ориентировочно летом 1942 г. в с. Мирное Симферопольского района, был самым крупным лагерем для советских граждан на территории Крыма. Согласно данным архивных источников, с учетом недавних рассекреченных архивом УФСБ России по Республике Крым и г. Севастополю материалов, здесь было уничтожено более 15 тыс. человек [4; 12: 383]. В этом концлагере применялись машины-газвагены «душегубки», в которых узников убивали отравляющими газами. Прямо на территории лагеря под открытым небом сжигали трупы расстрелянных. Архивные источники свидетельствуют, что первая массовая ликвидация заключенных, когда одновременно было расстреляно около 1,5 тыс. человек, произошла 27 октября – 2 ноября 1943 г. В ходе освобождения Крыма Красной армией и отступления немцев из Симферополя в апреле 1944 г. нацистами было принято решение о полном уничтожении всех узников концлагеря общей численностью около 2 тыс. человек. В последнюю ночь перед бегством из концлагеря нацисты расстреливали, сжигали, живыми сбрасывали в колодец заключенных [9: 24–25].

Местами заключения гражданского населения, наряду с лагерями, являлись тюрьмы как временного содержания (на время следствия), так и долговременного пребывания заключенных, для которых следующим пунктом назначения становился концлагерь «Красный» или места

массовых казней. Специальные органы (полиция безопасности и СД, охранная полиция и жандармерия) проводили облавы для выявления подозрительных лиц, доставляли задержанных в соответствующее учреждение, подвергали их допросам и пыткам. Затем их ждало тюремное заключение. Нацистами в годы оккупации было создано около 20 различных тюрем практически во всех крупных городах Крыма. Согласно показаниям свидетелей, перед отступлением немцев в апреле 1944 г. советские граждане, содержавшиеся в тюрьмах, выпущены не были, а за несколько дней перед отступлением все они были расстреляны [3: 50].

На протяжении всего периода оккупации ликвидация советских граждан происходила не только в местах принудительного содержания. Подавляющее их большинство нацисты убивали сразу. Места массовых расстрелов и казней расположены по всей территории полуострова, как рядом с лагерями, так и вдалеке от них. Крупнейшими местами массового расстрела советских граждан в Крыму стали:

– Багеровский ров (противотанковый ров вблизи д. Багерово), где на участке длиной 1 км, шириной в 4 м, на глубине 2 м были обнаружены останки более 7 тыс. расстрелянных, в том числе стариков и детей. Также в этом месте была обнаружена еще одна ужасающая находка – останки 245 детей без следов пулевых ранений. Данные факты, изложенные в «Документе СССР-63», послужили доказательством преступлений нацистов против мирного населения Крыма на Нюрнбергском процессе [5: 843–845; 6: 8].

– Ров на 10-м км Феодосийского шоссе (противотанковый ров вдоль трассы Симферополь – Феодосия близ г. Симферополя, ныне – западнее автомагистрали «Таврида»), где погребены останки более 14 тыс. евреев, крымчаков и цыган. На протяжении всего периода нацистской оккупации здесь производились систематические расстрелы советских граждан [13: 19].

– Ров на 10–14-м км шоссе Симферополь – Севастополь (противотанковый ров близ д. Левадки, окраина Симферополя). В данной местности обнаружены останки более 5 тыс. человек [13: 19].

– «Красная горка» (захоронение в районе товарного вокзала г. Евпатория), где покоятся останки, по разным сведениям, от 3 до 6 тыс. жертв нацистского террора.

– «Дубки» (местность в 2 км от концлагеря «Красный», окраина г. Симферополя). Здесь постоянно расстреливали узников концлагеря «Красный». Здесь, кроме расстрелов, производилось также сожжение тел заключенных. Точное количество жертв определить не представляется возможным. Предположительно, количество расстрелянных (без учета сожженных людей) – более 3 тыс. человек [10: 26].

– Территория концлагеря Дулаг 241 (лагерь советских военнопленных в черте Симферополя, близ железнодорожных путей). В лагере за весь

период оккупации было истреблено около 6 тыс. советских военнопленных [10: 22].

Подобных мест массовых казней и расстрелов в Крыму большое количество [13]. На протяжении всего периода оккупации нацисты зверски убивали население Крыма, а молодежь обманом завлекали на работу в Германию.

Покидая Крымский полуостров в апреле 1944 г., нацисты уничтожали все следы своих преступлений, в том числе и заключенных мест принудительного содержания – тюрем, лагерей, лазаретов и пр. Жестокие расправы они учиняли над мирными жителями городов и сёл. Так, одним из трагичных сюжетов последней расправы нацистов в Крыму являются события в г. Старый Крым накануне его освобождения Красной армией, когда 12 апреля немцы истребили 584 мирных жителя и ранили более 100 человек [11: 53–53 об; 7: 25]. Нацисты уничтожали всех, кто попадался на их пути: стариков, женщин, детей. Уцелевший в этот трагический день А.А. Куц в ходе следствия рассказал следующее: «Мать и квартирантка лежали возле бомбоубежища убитыми, а немцы выводят наших соседей из дома и тут же их расстреливают. В это время мне было 13 лет, но я понял, что если я буду в доме, то меня эти палачи могут уничтожить. Тогда я через огороды ушел на окраину городу, нашел тихую яму, в которой пробыл всю ночь, а утром 13 апреля 1944 года я пришел домой. Мои сестренки трех и шести лет находились в бомбоубежище, которых я взял и привел в комнату. Таким путем немецкие изверги расстреляли мать и дедушку, отца в декабре 1943 года угнали в немецкое рабство, а мы – малолетние дети – остались одни» [2: 25]. 13 апреля в этот город вошла Красная армия [16].

В ходе Крымской наступательной операции (8 апреля – 12 мая 1944 г.) Крымский полуостров был полностью освобожден от оккупантов. Эта операция стала одной из самых быстрых и грамотно спланированных, что предопределило скорый успех: Крым был освобожден всего за 35 дней. В сентябре 1945 г. республиканская Чрезвычайная государственная комиссия по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков выпустила доклад, в котором подводились итоги нацистской репрессивной политики. В частности, там указывалось, что за годы оккупации нацисты расстреляли и замучили в Крыму около 72 тыс. мирных жителей, примерно 18 тыс. человек убили в тюрьмах и концлагерях, уничтожили разными способами около 45 тыс. советских военнопленных, а более 85 тыс. человек угнали на работы в Германию. Всего жертвами нацистской репрессивной политики на территории Крыма стали более 219 тыс. человек [8: 3].

Подводя итог, следует отметить тот факт, что нацистам в Крыму удалось сформировать полноценный эффективный оккупационный аппарат, с помощью которого на захваченных территориях проводились массовые

карательные акции. Неоспоримые факты о злодеяниях гитлеровцев доказывают, что на оккупированных территориях нацисты осуществляли геноцид [17]. Нет никаких сомнений, что дальнейшие исследования выявят дополнительные сведения, подтверждающие преступления нацистов и их пособников в отношении мирных граждан и советских военнопленных. На современном этапе с уверенностью можно говорить о том, что геноцид советского народа в годы Великой Отечественной войны – это сознательная и целенаправленная политика гитлеровской Германии.

Источники и литература

1. Архив УФСБ России по Республике Крым и г. Севастополю (далее – АУФСБ). Ф. 100. Д. 8.

2. АУФСБ. Ф. 100. Д. 10.

3. АУФСБ. Ф. 100. Д. 17.

4. *Верешков И.Н., Романько О.В.* Фонд 100 архива УФСБ по Республике Крым и г. Севастополь как источник по истории нацистской репрессивной политики на территории Крыма: обзор документов и материалов // Вестник архивистов Крыма. Т. 6 / сост. Т.А. Шарова. Симферополь, 2022. С. 73–76.

5. Геноцид народов России. Преступления против советского мирного населения и военнопленных в годы Великой Отечественной войны / В.Г. Кикнадзе, О.В. Романько, А.С. Саенко [и др.]; под науч. ред. В.Г. Кикнадзе. М., 2024.

6. Государственный архив Республики Крым (далее – ГА РК). Ф. Р-1289. Оп. 1. Д. 2.

7. ГА РК. Ф. Р-1289. Оп. 1. Д. 6.

8. ГА РК. Ф. Р-1289. Оп. 1. Д. 18.

9. ГА РК. Ф. Р-1289. Оп. 1. Д. 65.

10. Государственный архив Российской Федерации (далее – ГАРФ). Ф. Р-7021. Оп. 9. Д. 47.

11. ГАРФ. Ф. Р-7021. Оп. 9. Д. 53.

12. *Константинов В.А., Кизилов М.Б., Бобков В.В.* «Красный». История нацистского лагеря смерти. Симферополь, 2021.

13. Места массовых репрессий советских граждан и военнослужащих немецко-румынскими оккупантами в 1941–1944 гг. на территории Крымского полуострова: Пояснительная записка к обзорной карте / сост. С.Н. Ткаченко, О.Н. Шеремет, В.Н. Борисов. Симферополь, 2022.

14. *Савченко А.С.* Места принудительного содержания на территории Крыма в период нацистской оккупации // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2024. Т. 46. № 8. С. 79–87.

15. *Савченко А.С.* Нацистская политика геноцида в годы оккупации Симферополя (1941–1944 гг.) // Ученые записки Крымского федерального

университета им. В.И. Вернадского. Исторические науки. 2023. Т. 9. № 3. С. 132–142.

16. *Ткаченко С.Н., Верешков И.Н.* Победа и трагедия. Освобождение Старого Крыма в апреле 1944 г.: известные факты и новейшие данные. Симферополь, 2023.

17. *Яковлев Е.Н.* Нацистский геноцид народов СССР. Неизвестные страницы. М., 2024.

И.В. Грибков

РУМЫНИЯ ЗА ДНЕСТРОМ: ЭТНОКОЛОНИАЛЬНЫЕ ПЛАНЫ РУМЫНИИ НА ТЕРРИТОРИИ ЮГА РОССИИ (1941–1943 гг.)

Темы колониализма и колониальности (а также постколониальности) в настоящее время являются одним из основных трендов исторической политики. При этом они в основном связаны с «большими империями». Между тем колониальные и этнические проекты «малых государств», как правило, изучаются мало, хотя они зачастую оказываются весьма эффективными и в долгосрочной перспективе достаточно жизнеспособными. Одним из таких проектов является румынский этнокультурный и религиозный проект, известный как «Византия на Дунае».

Общие направления румынской политики по формированию моноэтнического и монорелигиозного государства уже становились объектом исследования [2], в том числе рассматривались общие концепции по перспективам распространения румынского влияния на территориях «за Днестром» [1]. Возникшее в 1918 г. в результате Великого объединения Румынское государство к концу 1930-х гг. перешло от политики построения «маленькой империи», где (пусть и в ограниченном виде) национальные меньшинства могли существовать под властью румынской короны, к политике построения румынского моноэтнического государства. Исследователи сходятся на том, что румынская элита при этом не рассматривала массовое уничтожение меньшинств как основной способ «очищения государства». Основными механизмами виделись обмен населением, депортация и румынизация.

Однако рассмотрение взглядов румынской элиты на распространение румынского влияния на более далекие территории, в том числе на территорию Северного Кавказа, до сих пор можно отнести к малоисследованным вопросам.

Этноколониальные планы и концепции были последовательной тенденцией в румынских академических кругах. В июле 1941 г., спустя чуть меньше месяца после начала войны, когда ее исход даже для оптимистов

был неясен, выходит программная статья известного ученого, специалиста по румынским диаспорам вне Румынии профессора Никиты Смокины «Молдова за Днестром» [10]. Статья, в основном посвященная территории будущей Транснистрии и проживавшим на этой земле молдаванам (румынам), содержит ряд важных тезисов для анализа перспектив румынской политики. Прежде всего, четко заявляется, что румынская культура не ограничивается территорией Транснистрии и что очаги румынской культуры находятся дальше и распространены по всему северу Причерноморья. Эти анклавы, пишет Смокина, «живут под чужим игом с надеждой на освобождение». Для понимания, чье же это иго, в этом же номере публикуется статья Михаила Эминеску «Румыния против панславизма» [7].

Сам Смокина последовательно отстаивал идею культурной консолидации всех румынских анклавов. За два десятилетия он опубликовал множество работ, в том числе: "Duminica Mare la moldovenii de peste Nistru" («Святое воскресенье для молдаван за Днестром») (1924), "Crăciunul la moldovenii de peste Nistru" («Рождество среди молдаван за Днестром») (1925), "Anul Nou la românii de peste Nistru" («Новый год среди румын за Днестром») (1925), "Boboteaza la românii transnistreni" («Крещение у приднестровских румын») (1927), "Prohoadele la moldovenii de peste Nistru" («Переходы молдаван через Днестр») (1927), "Iarba verde la moldovenii de peste Nistru" («Зеленая трава у молдаван за Днестром») (1927), "Din literature populară la românii de peste Nistru" («Из популярной литературы среди румын за Днестром») (1939), "Primele ctitorii între Nistru și Bug" («Первые поселения между Днестром и Бугом») (1942), "Ctitorii românești la răsărit de Bug" («Румынские поселения к востоку от Буга») (1942) [11: 156]. Практически в каждой работе он обращался не только к истории румынских анклавов в непосредственной близости от румынских границ, но и к многочисленным румынским и молдавским поселениям на территории бывшей Российской империи.

Румынская политика на Северном Кавказе также была ему не чужда и не нова. Еще в 1917 г. он, участвуя как делегат в съезде нерусских народов Кавказа в Тифлисе (который, к слову, принял решение о необходимости отделения Грузии от России), выступает с заявлением о необходимости создания условий для национально-культурного развития кавказских молдаван: открытие национальных школ с преподаванием на румынском языке, печать учебников на основе латинской графики, поддержка студентов, желающих продолжить свое образование в Бухаресте, Яссах или Кишиневе, допуск румынских священников и богослужение на румынском языке. В своих мемуарах Смокина упоминает, что, встретившись чуть позже с В.И. Лениным в Петрограде, он нашел у того понимание по этим требованиям. Ленин был согласен с тем, как пишет Смокина, что «родной язык, школа молдавская и пресса» должны появиться [6: 92].

Чуть позже выходит статья профессора Н. Баболе [3], в которой акценты расставлены еще более четко. Румыны (!), живущие за Днестром «по всей Украине и далее», несмотря на русификацию, сохранили «национальную совесть» и прошли через многие испытания. Необходимо продолжить «дело 1917 года» и выполнить «требование» румын, проживающих на далеких территориях, перед которыми Румыния испытывает «вину». И в ситуации, когда немецкие и румынские армии продвигаются «далеко за Днестр», необходимо бросить взгляд «туда».

Отсылки к румынским (молдавским) этнокультурным анклавам были частым и постоянным явлением. Например, в работе профессора А. Болдура «История Транснистрии», изданной Институтом национальной истории Ясского университета, содержатся отсылки к массово высланным в Сибирь жившим на «исторических» причерноморских территориях молдаванам [5: 71]. О наличии поисковых этнографических планов на Сибирь свидетельствуют и документы специальных экспедиций [8: 48].

Уже в начале 1942 г. этнографические экспедиции готовились к изучению и поиску румын на территории РСФСР. Была образована специальная комиссия, в которую вошли ученые-этнографы: Никита Смокина, Антон Голопенца, Георге Попеску, Константин Брэилоу, Овидий Бэрля, Константин Ионеску, Георге Павелеску, Татьяна Гэлушкэ и др. [4: 108]. Покровительство эти исследованиям оказывал губернатор Транснистрии профессор Георге Алексяну, профессор Клужского университета и руководитель директората пропаганды профессор Траян Херсени. Антон Голопенца возглавил группу исследователей, которые должны были обследовать румынские анклавы к востоку от Буга, в том числе работать на Северном Кавказе.

Военные румынские этнографы, следуя практически вместе с армейскими частями, уже в 1942 г. оказались на Северном Кавказе, который представлял для них большой интерес как место переселения жителей Бессарабии и Молдавии в XVIII–XIX вв., в частности территории нынешнего Краснодарского края. Особое внимание планировалось уделить с. Молда[о]вановка (сейчас – Туапсинский муниципальный округ), с. Молда[о]ванское и х. Трудовому (оба – Молдаванское сельское поселение, Крымский район). Основанные в 1860 г. Молдаванское, Шабановское, Тамошинка, Молдавка, Молдаванка представлялись центрами сохраненной культуры и языка [4: 109]. Интерес для румын представлял также Моздок как столица православного осетинского анклава и казачьи территории («казачий проект» мог быть реализован на основе проживающего в Румынии меньшинства – казаков-некрасовцев и потомков других старообрядческих групп).

Село Молдаванское имеет особую историю. В ноябре 1942 г. румынские военные в условиях боевых действий эвакуировали жителей из зоны боевых действий и вывезли в Транснистрию [8: 76], поселив в районе Днестра

в Рыбнице, Каменке и Катериновке. Позже их предполагалось поселить в дома вывезенных в Германию немцев в Южной Бессарабии. Из-за приближения фронта переселенцы были снова переселены – в район городов Четатя-Албэ и Серет [13: 209]. После войны в 1947–1948 гг. большинство жителей (около 60 %) были репатриированы в СССР, хотя от самого Молдавановского в ходе боев практически ничего не осталось. Однако часть жителей осталась в Румынии. Аналогично было вывезено население с. Дунаевка около Мелитополя на побережье Азовского моря [8: 76].

Полевые исследования сотрудников Центрального института статистики (Institutul Central de Statistică din Bucureşti) имели и имеют, по мнению современных румынских ученых, большое научное и прикладное значение и в настоящее время. Контекст сбора и получения этой этнографической информации позволил опубликовать ее в полном виде только после падения социалистического режима в Румынии [4: 109, 111–112]. Невозможность непосредственного исследования быта, культуры, языка и этнографии кавказских молдаван компенсировалась иными всевозможными способами. В частности, были проведены опросы нескольких выявленных в лагерях военнопленных молдаван – уроженцев Кавказа. Они были доставлены в Тирасполь и подробно опрошены [8: 38]. После этого военнопленные были освобождены и некоторые из них служили в качестве технического персонала комиссии.

Такие факты можно было бы воспринимать как исторический курьез, однако подобная попытка «закрепления на дальних рубежах» была не единственной. По аналогичной схеме развивалось продвижение идей румынизма на территории расселения арумынского меньшинства в Греции (арумыны – один из валашских субэтносов на территории Македонии, численностью несколько сот тысяч человек). Всю первую половину XX в. румынские власти осуществляли в регионах расселения арумынов культурную и религиозную экспансию, проводя политику «румынского национального и культурного возрождения». Кроме того, поддержка румынских национальных меньшинств от притеснений в ходе сербизации и эллинизации рассматривалась румынскими дипломатами как эффективный рычаг давления на Югославию и Грецию, которые были не только политическими, но и религиозными конкурентами румынской «Византии на Дунае» [9: 234–236]. В годы Второй мировой войны под прикрытием итальянской оккупационной администрации арумынские активисты, тесно связанные с довоенным легионерским движением, предприняли попытку институционально оформить арумынский сепаратизм, создав сепаратистское образование, известное как Пиндское княжество (арум. Printsipat di la Pind / Principatul de Pind și Meglen, итал. Principato del Pindo) [12]. Государство, созданное формально по инициативе арумынских интеллектуалов,

возглавил Арчибальдис Диаманди, оно также имело собственные вооруженные формации, известные под названиями «Римский легион» (или «V Римский легион»), «Румынский легион». Руководители этого «государства» неоднократно обращались в Бухарест с инициативой по интеграции княжества в состав Румынии, но Антонеску не проявил интереса к реализации этого проекта. С одной стороны, это могло быть обусловлено личностями лоббистов этого проекта, тесно связанными с легионерским движением, оппозиционным Антонеску. Но, с другой стороны, более реалистичной представляется причина, заключающаяся в позиции самого Антонеску, который считал, что «"новые румыны" должны кровью доказать свое право на жизнь в новой Великой Румынии» [2: 399–400]. Кроме того, разгром под Сталинградом заставил изменить политические стратегии, в которых колониальным планам уже не было места.

Источники и литература

1. *Левит И.Э.* Крах политики агрессии диктатуры Антонеску (19.XI.1942–23.VIII.1944). Кишинев, 1983.

2. *Солонарь В.А.* Очищение нации. Насильственные перемещения населения и этнические чистки в Румынии в период диктатуры Иона Антонеску (1940–1944). СПб., 2020.

3. *Babole N.* Românii dintre Nistu şi Bug // Gazeta Transilvaniei (Braşov). 1941. 31 iulie.

4. *Băieşu N.* Observaţii privind cultura populară a românilor de la est de Nistru, de Bug, din nordul Caucazului // Revista de Ştiinţă, Inovare, Cultură şi Artă "Akademos". 2009. No. 2 (13). P. 104–112.

5. *Boldur A.V.* Românii şi strămoşii lor în Istoria Transnistriei. Iaşi, 1943.

6. *Braiescu A.* Nichita Smochină – personalitate de excepţie a poporului român // Biblio Scientia. 2013. No. 7. P. 90–96.

7. *Eminescu M.* Romania in lupta cu panslavicmul // Dacia (Bucureşti). 1941. 15 iulie.

8. *Golopenţia A.* Românii de la Est de Bug. Vol. 1. Bucureşti, 2006.

9. *Minov N.* Forgotten Voices: Aromanians in Macedonia (1900–1941) // Lost in the Kaleidoscope: National Minorities in Yugoslavia. Belgrade, 2024. P. 189–248.

10. *Smochină N.* Moldova de dincolo de Nistru // Dacia (Bucureşti). 1941. 15 iulie.

11. *Sofronovici Şt.* Moștenirea etnografică și folclorică a lui Nichita P. Smochină. Ethnographic and folkloric heritage of Nichita P. Smochină // Studii Culturale. 2021. Ed. 3. Vol. 3. P. 151–159.

12. *Ţene I.* Principatul Pindului: primul stat modern al valahilor din Balcani înființat pe 29 august 1917. URL: https://www.napocanews.ro/2024/04/

principatul-pindului-primul-stat-modern-al-valahilor-din-balcani-infiintat-pe-29-august-1917.html (дата обращения: 01.03.2025).

13. *Vasile P.* Note despre românii de pe cursul inferior al Niprului, din Donbas și Caucaz // Fonetica şi dialectologie. 2011. Vol. 30. P. 205–210.

Н.В. Греков

МАТЕРИАЛЫ ФРОНТОВЫХ ОРГАНОВ СМЕРШ О ПОЛОЖЕНИИ НАСЕЛЕНИЯ ОККУПИРОВАННЫХ ОБЛАСТЕЙ ЮГА РОССИИ

Военная контрразведка Смерш, сформированная на базе особых отделов Народного комиссариата внутренних дел СССР в мае 1943 г., активно вела сбор информации о спецслужбах противника для пресечения их действий. В целях организации успешной работы собственной агентуры в тылу противника органы Смерш регулярно анализировали оперативную обстановку на оккупированной территории. Большое внимание контрразведка придавала изучению деталей паспортного режима, правил перемещения населения, установленных немецкими властями. В разных районах захваченных областей действовали различные виды удостоверений личности. Умышленно созданная противником хаотичность выдаваемых населению документов создавала серьезные трудности нашей разведке. Незнание деталей повседневности или последних изменений в разнообразных справках, вкладышах в паспорта и штампах могло привести к провалу зафронтового агента.

Безусловно, важна была информация о положении самого населения оккупированных территорий: цены на рынках, правила регистрации на бирже труда, условия работы на предприятиях и в учреждениях, безопасные способы добывания продуктов, запреты, регулярно вводимые властями, районы проведения и последствия карательных акций. Знание массы бытовых подробностей давало возможность вводить агентуру перед заброской в курс последних изменений на территории, занятой противником. Начальник Управления контрразведки Смерш Южного фронта генерал-майор Н.К. Ковальчук включил характеристику агентурной обстановки в г. Таганроге в «Обзор деятельности противника на юге советско-германского фронта по состоянию на 15 августа 1943 г.» [2: 135]. Генерал отметил, что противник планирует вывезти 48 из 97 тыс. жителей Таганрога. По сведениям контрразведки, население оказалось на грани голода. 90 % подлежавших выдаче по карточкам продуктов отсутствовало. Только лица немецкого происхождения получали кукурузную муку, немного крупы и постного масла. Остальным ничего не выдавали. На почве голода в городе процветали спекуляция, воровство и проституция. С 5 июля

1943 г. в Таганроге биржа труда начала переучет трудоспособных жителей для выдачи новых паспортов. Все жители были распределены по трем группам. В первую входили лица немецкого происхождения, во вторую – все работающие, в третью – безработные местные жители. В соответствии с этими категориями распределялись продуктовые карточки. Тех горожан, кто не мог представить справку о трудоустройстве, под конвоем увозили на принудительные работы за пределы города [2: 61].

Население бедствовало на всей оккупированной территории, но особо тяжелое положение складывалось в городах. Продовольственный паек для работающего составлял в день 400 г хлеба, для иждивенца – 200 г. На семью в месяц полагалось 3 кг пшена и 300 г растительного масла. Но даже этот минимум, рассчитанный на выживание, не был доступен большинству. На рынке 1 кг хлеба стоил 80–90 руб., стакан соли – 15–20 руб., 1 кг сала – 1 тыс. руб. [2: 62] Люди выживали в основном за счет обмена вещей на продукты в деревне. Из обзора трофейных документов явствует, что немцы запрещали самостоятельное перемещение населения в поисках продуктов из одной области в другую. Оккупационные власти надеялись таким образом снизить активность партизан и действительно осложнили работу нашей агентуры. В то же время немецкая администрация пыталась не допустить вывоза продовольствия в давно обескровленные прифронтовые Харьковскую и Ворошиловградскую области. Из объявления оккупационных властей населению: «Немецкое командование приказывает прекратить подобную торговлю и обмен, не допускать вывоза из района ни 1 г муки и зерна» [2: 3]. За нарушение приказа немцы грозили мирным жителям суровыми карами.

В ходе войны, используя голод как инструмент давления, противник толкал население к предательству. В июне 1942 г. в с. Осипенко близ г. Бердянска румыны под охраной своих солдат демонстративно выставили на площади захваченную советскую радиостанцию. Найти самого радиста им не удалось. В специальном объявлении румынское командование обещало тому, кто выдаст радиста, 25 пудов муки, 15 кг сахара и другие продукты [2: 4]. Следует отметить, что подобный соблазн редко приносил противнику ожидаемую пользу. Этого радиста люди не выдали.

Действенным способом контроля населения стало введение оккупантами круговой поруки среди сельских жителей. В Лисичанском районе немцы для усиления надзора разделили все населенные пункты на участки по 5–10 дворов. Один из проживавших на участке назначался ответственным за порядок и изгнание «подозрительных лиц». Фактически этот человек становился заложником. За сокрытие на участке чужаков или недонесение о посторонних в полицию его ждал расстрел. Немецкие комендатуры в прифронтовой полосе обязывали жителей носить нарукавные

повязки. Например, в Краснолучском районе это была белая повязка с буквой «F» красного цвета, в Снежнянском районе белая повязка с буквой «Н» черного цвета. В с. Мариановка на повязке должно быть выведено число «1881». В Мариуполе, Будённовске и прилегавших к ним районах видом на жительство служили советские паспорта с разными немецкими штампами и вкладками [2: 109]. Однако свободы передвижения никакие знаки не обеспечивали. Местное население даже при наличии всех повязок, паспортов и справок могло передвигаться только по окрестностям своих селений, да и то лишь в светлое время суток. Всех, кто не имел нарукавных знаков, задерживали и уводили в комендатуру для проверки. Днем патрулирование дорог и населенных пунктов осуществляла местная «вспомогательная» полиция, ночью – немцы. Людей без достаточно убедительных документов могли без особых разбирательств отправить в концлагерь или расстрелять.

Органы Смерш отмечали особенности в организации немцами вывоза населения для работы в Германии. Периодически немцы отправляли в Германию группы подростков, работавших на предприятиях Таганрога. Проявляя «гуманизм», власти разрешали родителям, не желавшим отпускать детей, отправляться вслед за ними. На самом же деле это была ловушка. Родителей просто зачисляли в списки «добровольцев», и детей своих они, как правило, больше не встречали.

На освобожденной территории органы Смерш выявляли скрывавшихся от возмездия пособников оккупантов. Многие из них прятались под чужими фамилиями в рядах Красной армии. Подобная работа требовала значительных усилий контрразведки. Так, за сентябрь 1943 г. органы Смерш Южного фронта арестовали 494 человека, в том числе с определением «немецкие пособники» – 269 человек, из них приговорами судов 72 человека (35 % от общего числа осужденных) были признаны виновными. Именно на эту категорию пришлось и самое большое число приговоренных к высшей мере наказания – 41 из 70 [2: 169]. Дело в том, что нередко перешедшие на сторону врага принимали участие в уничтожении мирного населения.

3 января 1944 г. отделом контрразведки Смерш 389-й стрелковой дивизии были задержаны полицейские с. Червонное Левкивский, Журбицкий и Старощук. В ходе следствия выяснилось, что они участвовали в массовом убийстве евреев. В ходе судебно-медицинской экспертизы и допроса свидетелей сотрудники контрразведки установили, что в 1941 г. на кладбище близ Червонного по приказу немцев было расстреляно и замучено 364 человека. Убийства осуществлялись с особым зверством. Согласно актам судмедэкспертизы, детей в возрасте до 12 лет было расстреляно 12 человек, убито тупыми предметами – 33, задушен и погребен заживо – 41 человек. Военно-полевой суд вынес свой приговор [1: 189].

Шла война, поэтому фронтовая контрразведка решала в первую очередь задачи, связанные с обеспечением боевых действий войск. Всю жуткую совокупность преступлений оккупантов и их приспешников против мирного населения еще предстояло выявить после освобождения страны.

Источники и литература

1. Архив Управления Федеральной службы безопасности России по Омской области (далее – Архив УФСБ по Омской области). Ф. 40. Оп. 24. Д. 107.
2. Архив УФСБ по Омской области. Ф. 78. Оп. 1. Д. 29.

А.А. Попова

«И Я НЕ УСЛЫШУ ВЫСТРЕЛА…»: ГРАЖДАНСКИЙ ПОДВИГ ЕЛЕНЫ ШИРМАН

Сохранение исторической памяти о людях и их подвигах в годы Великой Отечественной войны – главная задача сегодняшнего дня. И не только сохранение, но и популяризация накопленных знаний, которые должны стать для молодежи примером служения Родине.

Рука об руку с мужчинами на полях Великой Отечественной сражались женщины. Они служили санитарами, связистами, журналистами, переносили все тяготы и испытания войны, вели красноармейцев в бой своим примером. Особо хочется упомянуть женщин-поэтов. Это Юлия Друнина, Екатерина Шевелева, Ольга Берггольц, Елена Ширман ...

Гражданский подвиг Елены Ширман пережил поэтессу на многие годы.

О судьбе этой яркой, неординарной личности написано немало. Например, книга Иосифа Гегузина «Читая сердце поэта» (1996) [4], повесть Ивана Папуловского «Возвращение Елены Ширман» из сборника «Привидения» (1977) [8], книга Татьяны Комаровой «Старости у меня не будет» (1967) [6], статьи Ильи Сельвинского «…Снова среди людей» из авторского сборника «Я буду говорить о стихах» (1973) [9], работа И. Гегузина «Дарование поэтическое и общечеловеческое», опубликованная в сборнике статей автора «Добрый след» (1987) [3], воспоминания о Елене Ширман Юрия Окунева, помещенные в книге «Женщине посвящается» (1966) [7], Натальи Бакулиной «Записки из прифронтового города», изданные в альманахе «Донской временник» за 2008 г. [1]. Стихи Е. Ширман опубликованы в поэтических сборниках «В шинели, сшитой из огня» (1970) [2], «Советские поэты, павшие на Великой Отечественной войне» (1965) [10], «До последнего дыхания. Стихи советских поэтов, павших в Великой Отечественной войне» (1985) [5]. Материал в этих книгах дублируется.

Повторяются цитаты из писем Елены Ширман, выдержки из ее дневника, воспоминания современников, отрывки из стихотворений.

Елена Михайловна Ширман (1908–1942) (иногда печаталась под псевдонимами Ирина Горина, Алена Краснощекова) родилась в Ростове-на-Дону в феврале 1908 г. Семья Ширманов-Фрумсонов до 1917 г. была достаточно зажиточной. Ей принадлежало несколько доходных домов в Ростове-на-Дону.

Семья приняла новую власть, сумела адаптироваться к новым условиям жизни, а если судить по Елене Михайловне, то и принять всем сердцем новую жизнь. Елена получила хорошее разностороннее образование. Она много читала, с детства писала стихи. Это привело ее на учебу в библиотечный техникум. С 22 лет она начала печататься в ростовских и московских периодических изданиях. «Я лично с 16 лет начала работать, – писала Елена, – была чем угодно – и уборщицей, и прессовщицей на макаронной фабрике, и воспитательницей в детском саду, и библиотекарем. Потом – в 20 лет – стала журналисткой» [3: 93].

Елена Ширман по жизни была хорошим товарищем, и, наверное, самый главный гражданский подвиг ее именно в этом. Когда она работала заведующей отделом писем газет «Пионерская правда», «Ленинские внучата», журналов «Костер» и «Пионер», она получала бесчисленное количество писем от подростков. Это были письма юнкоров со стихами, рассказами, информацией о пионерской жизни их населенных пунктов. Письма приходили из всех уголков России, и ни одно не оставалось без ответа. Для каждого юнкора Елена находила слово поддержки. Она интересовалась жизнью подростка, чем он дышит, чем интересуется, как живет в семье. Ведь это были 1920-е гг. – страшное время голода и разрухи в стране. Только что закончилась Гражданская война. У многих она отняла отцов, матери болели, на попечении были маленькие братики и сестрички. Подростки вынуждены были бросать учебу, идти работать, чтобы прокормить семью. Для них Елена находила особые слова – и не только слова. Она помогала материально, например, Ване Папуловскому – в будущем известному журналисту. На момент переписки с Еленой он был старшим в семье. Ему было 16 лет, он вынужден был оставить учебу и пойти работать. Елена нашла средства и возможности передать ему из Ростова-на-Дону в Свердловск посылку с продуктами, чтобы хоть как-то его поддержать. Она написала, что он ни в коем случае не должен бросать учебу, что у него есть писательский дар и он должен двигаться в этом направлении. Именно это помогло Ивану Папуловскому найти свою дорогу в жизни.

Иван Петрович вспоминал, как в октябрьском номере «Комсомольской правды» за 1964 г. (первая публикация о Елене Ширман после ее гибели) он прочитал: «Хорошие письма мне шлет Ваня из Свердловска. Он как раз

хочет идти в трудрезервы… В 16 лет без отца – помогает матери вырастить пятерых братишек и сестренок, работает и учится заочно» [8: 151].

Перед отправкой на фронт Иван упаковал в фанерный чемодан все свои «драгоценности»: обернутый в плотную бумагу сборник сказок «Изумрудное кольцо» с дарственной надписью Е. Ширман, письма от нее, рукописи своих первых стихов, письма от родных… Оставил чемодан на хранение сослуживцам на заводе. К сожалению, следы этого чемодана потерялись. Исчезли письма Елены Ширман, чудесный сборник сказок, созданный Еленой в соавторстве с ее «литературным сыном» Мишей Васильченко. Иван Петрович вернулся с победой и смог в своей книге рассказать о Елене Михайловне, которую так ни разу и не видел, исключительно по переписке.

В 1933 г. Елена окончила литературный факультет Ростовского педагогического института и уехала в совхоз Тацинский учительствовать. Она вела курсы ликвидации безграмотности на полевом стане. И это тоже был своего рода подвиг – будучи из благополучной семьи, получив хорошее образование и воспитание, прожив 25 лет в городе, уехать в глушь, где нет элементарных удобств, учить сельских жителей грамоте.

Елену настолько захватила жизнь трудового крестьянства, что после отработки положенного стажа она снова уехала в сельскую местность – на этот раз в Вёшенский район, работала в газете «Большевистский Дон». При редакции газеты был создан литературный кружок, которым руководил Михаил Шолохов. Елену избрали старостой. Позже она напишет очень теплую, обстоятельную статью к 35-летию Михаила Александровича. Она всегда будет вспоминать уроки мастера: «Много внимания Шолохов уделял разбору произведений кружковцев, чутко, но вместе с тем требовательно относился к начинающим литераторам. Его беседы о мастерстве основывались на творчестве известных русских писателей» [4: 90].

Этот опыт пригодился Елене, когда она работала в многотиражной газете завода «Ростсельмаш» и создала при газете литературный кружок для подростков.

Еще один гражданский подвиг Елены Ширман – это огромная работа, которая была ею проделана в качестве фольклориста. Под руководством Бориса Владимировича Лукина – автора многих научных трудов об устном народном творчестве – ростовские писатели П. Максимов, В. Жак, Е. Безбородов, А. Оленич-Гнененко выезжали на Кавказ, собирали и литературно обрабатывали народные сказки и легенды. По итогам работы Елены Ширман в 1937 г. в Пятигорске вышла книга горских сказок «Сирота Скалэг».

В 1936 г. Елена поступила в Литературный институт им. А.М. Горького. Несмотря на ужасные условия существования в те годы (в общежитии было очень холодно – в Подмосковье стояли морозы до –50º, было голодно), Елена продолжала писать стихи.

Илье Сельвинскому принадлежат слова о творчестве поэтессы: «Диапазон поэзии Елены Ширман чрезвычайно широк. Тут проявляются и философские наклонности, и высокая самобытность поэтического строя, и вольная фантазия народных сказок и легенд, и острота сатирического склада, вплоть до шутливых частушек и эпиграмм…» [9: 175].

Одновременно с учебой в институте Елена руководила детской литературной группой при газете «Ленинские внучата», была литературным консультантом газеты «Пионерская правда». Из переписки с юнкорами сложились крепкие дружеские отношения, которые «литературные дети» Елены Михайловны сохранили на всю жизнь. Этими «детьми» были Сергей Баруздин, Анатолий Алексин, Юрий Трифонов, Иван Папуловский, Татьяна Комарова. Они оставили для нас теплые воспоминания о своем Учителе в литературе и жизни: «В течение, наверное, одного-двух месяцев незнакомая поэтесса из столицы стала для меня самым дорогим другом. Больше того: она немедленно связалась со своими свердловскими друзьями-писателями – Ниной Аркадьевной Поповой, Еленой Евгеньевной Хоринской, Клавдией Васильевной Рождественской и повела серьезный разговор о том, как подготовить меня к поступлению в Литературный институт им. А.М. Горького. Тот самый, где на последнем курсе училась в семинаре Ильи Сельвинского» [8: 153].

В июне 1941 г. Елена вернулась в Ростов-на-Дону. Несмотря на лето, город был малолюден и суров. Война… На фронт Елену не взяли, хотя была она великолепно подготовлена: хорошо плавала, ориентировалась на местности, умела метко стрелять. Но в тылу тоже было много работы. Нужны были рабочие на заводы, доноры, санитарки. И поэтесса становится к фрезерному станку, сдает кровь для раненых.

«…Эх, дали бы мне оружие! Как бы мне хотелось быть на фронте!.. Но я не на фронте, а на заводе. Это немножко похоже. Грохот, железо, дым и газ…

Стихи я не бросаю. Пишу, даже стоя у моего резьбофреза... Преодолевать, бороться, побеждать. В этом смысл жизни! А если придется погибнуть, то с улыбкой на своем посту…» [3: 92].

Письмо девушки-донора

Прости, не знаю, как тебя зовут,
Мой друг далекий, раненый боец.
Пишу тебе от множества сердец,
Что в лад с тобою бьются и живут.
Ты видишь?
Вся огромная страна
Склонилась, как заботливая мать,
Чтобы тебя от смерти отстоять,
Ни днем, ни ночью не уснет она [10: 623].

В ноябре 1941 г. фашисты стояли на подступах к Ростову-на-Дону. Именно в это время Ширман приглашают на работу в Ростовское книжное издательство, работавшее по заданиям 56-й армии. Елена писала обращения к жителям захваченного фашистами Таганрога, памятки партизанам. Но главным в то время для нее стала выходившая в Ростове-на-Дону агитгазета «Прямой наводкой».

Первый номер газеты «Прямой наводкой» вышел в декабре 1941 г., последний (19-й) – летом 1942 г. Почти семь месяцев эта четырехполосная газета небольшого формата, в которой размещались карикатуры, частушки, фельетоны, высмеивавшие фашистских вояк, поднимала боевой дух не только красноармейцам, но и жителям города. Боевой листок был нарасхват, за ним стояли очереди. «Моя "Прямая наводка" (мое детище, мной рожденное) с 10-тысячного тиража скакнула на 20 тысяч. Это приятно и радостно! Ради этого я и живу», – писала Елена [6: 99].

Елена Михайловна была одна во многих ипостасях: редактор, автор частушек, фельетонов, даже карикатурных рисунков. Ей помогали непрофессиональные художники, но разностороннее образование Елены, ее безупречный художественный вкус, высочайшие способности организатора помогали выполнять работу качественно и в срок. Это была работа поэта-бойца, не оцененная и не изученная до сих пор. Нужно наиболее полно представить гражданскую позицию поэтессы в самый, наверное, ответственный период ее жизни в прифронтовом городе, в очень тяжелый для страны и Ростова-на-Дону период 1941–1942 гг. Год, проведенный Еленой в Ростове военного времени, учитывая объем работы, выполняемой ею, нагрузку, которая легла на ее плечи, можно приравнять к десятилетию.

Художник газеты «Прямой наводкой» Наталья Бакулина вспоминала: «Представьте себе обстановку. Прифронтовой город. Бомбежки. Затемнение. Заклеенные накрест окна... Голодновато. Скудно. А люди спорят об искусстве. Что же это, как не самое конкретное воплощение нашего исторического оптимизма. Мы должны были победить в этой войне. Иного не было дано. И люди не просто в это верили. Они жили, дышали этим… Образ жизни людей, их поведения – всё определялось этим» [4: 286].

В мае 1942 г. был издан сборник стихов Е. Ширман «Бойцу Н-ской части»:

Возвращение

Жди меня, и я вернусь...
К. Симонов

Это будет, я знаю...
Нескоро, быть может, –
Ты войдешь бородатый,
сутулый,
иной.

Твои добрые губы станут суше и строже,
Опаленные
временем
и войной.
Но улыбка останется.
Так иль иначе,
Я пойму – это ты.
Не в стихах, не во сне.
Я рванусь,
подбегу.
и, наверно, заплачу,
Как когда-то, уткнувшись в сырую шинель...
Ты поднимешь мне голову.
Скажешь:
«Здравствуй...»
Непривычной рукой по щеке проведешь.
Я ослепну от слез,
от ресниц
и от счастья.
Это будет не скоро.
Но ты – придешь [10: 624].

Эта небольшая книжечка, изданная Ростовским книжным издательством, всего в 31 страницу и высотой 13 см, была составлена из стихотворений, адресованных ее единственному любимому человеку – Валерию Марчихину. Эта платоническая любовь длиной в несколько лет сложилась из литературных отношений. Валерий был ее «литературным сыном», как и многие другие подростки. Но он был несколько старше и серьезнее остальных, хотя и немного моложе самой Елены. Но это не помешало разглядеть Елене в нем настоящего друга и единомышленника, а позже – любимого человека. Стихи писались в течение нескольких лет – с 1939 г., когда Марчихина призвали в армию. Затем его отправили на Советско-финсляндскую войну, потом на борьбу с фашистскими захватчиками. Письма от Валерия перестали приходить, но Елена думала, что это просто проблемы почты. А Валерия уже не было в живых. Он погиб как герой. Стихи Елена продолжала ему писать… И это тоже был ее гражданский подвиг.

Однокурсник Елены по Литинституту Юрий Окунев через два с лишним десятилетия после ее гибели напишет: «Своей невероятной по бесстрашию смертью она сумела уничтожить своих палачей и возвеличить всех своих учителей… родного отца своего – штурмана каботажного судна, своих школьных учителей, своего любимого наставника – поэта Илью Львовича

Сельвинского. Вот это и есть литературная учеба! Вот ее результаты, ее итоги! Никакой другой, особой, отделенной от жизни литературной учебы не было и быть не может! Она и жизнь – единый поток» [7: 139].

Погибла Елена Ширман вместе с родителями в один день. Сотрудник газеты «Прямой наводкой» Н.В. Бакулина вспоминала: «О дальнейшей судьбе Лены мне стало известно в конце 40-х годов, после возвращения из эвакуации ее сестры. Алита сама разыскала меня. И сведения, которые она мне сообщила, получены ею от человека, который пожелал остаться неизвестным. Лена вместе с родителями покинула Ростов в двадцатых числах июля 1942 года в составе коллектива Ростиздата. Выехали поездом. По непонятным причинам их высадили из поезда в открытой степи, где-то у станицы Будённовской. Пешком, по жаре, почти без пищи и воды они добрались до Будённовской и сняли комнату, надеясь передохнуть... Но в дом ворвались немцы. Во время обыска у Лены выхватили портфель с номерами "Прямой наводки". Всех ли сотрудников Ростиздата расстреляли, или только Лену с семьей, неизвестно. Арестованных препроводили в Гестапо, а вскоре на грузовике вывезли в степь. По дороге Лена старалась утешить, ободрить спутников.

В степи их заставили выкопать ров, поставили вдоль и дали залп по ногам. Упавших добивали на земле…» [1: 191].

И к камню прижавшись грудью,
Над пропастью я закричу:
«Пусть будет не так, как будет!
Пусть будет, как я хочу!» [10: 616].

О творчестве Е. Ширман тепло отзывались Павел Антокольский, Лев Озеров, Анатолий Алексин, Юрий Трифонов, Сергей Баруздин. Вот что писал Сергей Алексеевич о Елене Ширман: «В предвоенные годы многие мои стихи попадали на ее добрый и суровый суд. Правда, я лично не был знаком с ней, но в 1939–1940 годах не раз получал ее рецензии. К сожалению, в войну они не сохранились, но я хорошо помню их тон – очень доброжелательный и скрупулезно точный в оценках. Так что если вы пишете о Елене Ширман, то можете сослаться на то, что я в какой-то мере ее ученик» [4: 152].

Она навсегда осталась молодой, красивой, влюбленной в поэзию, в окружающий мир. Елена погибла, когда ей было всего 34 года…

Вот что она писала в 1939 г.: «Моей эпохе не нужны подстриженные, стандартизированные, ручные поэты. Нужны смелые, нужны разные, пусть дикие, угловатые, но предельно честные, остро чувствующие, умеющие показывать мироздание в новых, в доселе неопознанных деталях. Этого еще не умею, быть может, я. Но сумеют другие…» [2: 45].

Как же актуально звучат эти строки сегодня!

Источники и литература

1. *Бакулина Н.А.* Записки из прифронтового города // Донской временник. Год 2008-й. Ростов-на-Дону, 2007. Вып. 16. С. 182–191.
2. В шинели, сшитой из огня… Сборник стихов. Ростов-на-Дону, 1970.
3. *Гегузин И.М.* Дарование поэтическое и общечеловеческое // *Гегузин И.М*. Добрый след: Рассказы краеведа. Ростов-на-Дону, 1987. С. 92–95.
4. *Гегузин И.М.* Читая сердце поэта. Страницы жизни и творчества Елены Ширман. Ростов-на-Дону, 1996.
5. До последнего дыхания. Стихи советских поэтов, павших в Великой Отечественной войне. М., 1985.
6. *Комарова Т.* Старости у меня не будет… История одной жизни. Ростов-на-Дону, 1967.
7. *Окунев Ю.* Женщине посвящается: лирические портреты. Волгоград, 1966.
8. *Папуловский И.П.* Привидения и другие невыдуманные истории. Таллин, 1977.
9. *Сельвинский И.Л.* Я буду говорить о стихах. Статьи. Воспоминания. «Студия стиха». М., 1973.
10. Советские поэты, павшие на Великой Отечественной войне. М; Л., 1965.

Ю.А. Яхутль

К ВОПРОСУ О ПРИЧАСТНОСТИ СОВЕТСКИХ ГРАЖДАН К ПРЕСТУПЛЕНИЯМ, СОВЕРШЁННЫМ ТАЙНОЙ ПОЛЕВОЙ ПОЛИЦИЕЙ ГФП-312 В ПЕРИОД ВРЕМЕННОЙ ОККУПАЦИИ ЮЖНЫХ РЕГИОНОВ СССР (1942–1944 гг.)

Великая Отечественная война как отдельная страница мировой трагедии 1939–1945 гг. продолжает выступать объектом острого идеологического, мировоззренческого противостояния России и Запада, что во многом определят актуальность данной темы на современном этапе развития российского общества. Вместе с тем она остается связующим звеном между Россией и бывшими союзными республиками, многие из которых потеряли такие элементы традиционных связей, как русский язык и русская культура. Поэтому, обращаясь к различным аспектам трагедии из истории многонационального народа СССР, мы отдаем себе отчет в необходимости строгого соблюдения объективности и исторической правды. Одним из таких сложных и достаточно противоречивых фактов Великой Отечественной войны стало явление коллаборационизма [9: 69].

Отношение к коллаборационизму в нашей стране во многом зависело от политической модели. В советский период, когда доминировала

марксистско-ленинская идеология, он определялся как явление, несвойственное советскому обществу, и о нем редко говорили. С началом перестройки, с середины 1980-х гг., обсуждение коллаборационизма стало одним из инструментов антисоветской пропаганды. В научный оборот были введены архивные материалы с явно выраженным антисоветским подтекстом. Складывалось впечатление, что предатели были борцами за справедливость против «тоталитарного сталинского режима». По нашему мнению, эти факты в последующем предоставили возможность антироссийским силам использовать их в идеологическом противостоянии с нашей страной.

Маршал Г.К. Жуков писал: «Где бы ни находился советский человек – на фронте, в тылу врага, в фашистских лагерях, – всюду и везде он делал всё от него зависящее, чтобы приблизить час победы» [8: 365]. Однако в ходе Великой Отечественной войны это относилось не ко всем гражданам страны, и некоторые из них согласились на сотрудничество с врагом. Одна из таких форм сотрудничества – служба в составе добровольческих формирований вермахта и спецподразделений.

В СССР те, кто перешел на сторону врага, подвергались осуждению, что нашло отражение и в исторической литературе. В государственной концепции акцент делался на страхе, тщеславии, ненависти к советской власти и др. В постсоветский период в российской историографии данная проблема стала предметом специального научного анализа. Было привлечено большое количество архивных материалов, наметился деидеологизированный подход в изучении обозначенной темы. Но в настоящее время мы наблюдаем иные проблемы в изучении явления коллаборации. Как отмечают российские историки, «проблема коллаборационизма и сотрудничества показывает профессионально-эмпирическую силу и в то же время профессионально-методологическую слабость нашей историографии» [14: 365]. Не вызывает сомнения точка зрения Е.Ф. Кринко, который считает, что отказ от идеологических стереотипов для ряда историков сопровождается сегодня возвращением к факту и документу. И в среде молодых ученых явно формируется объективистское направление исторических исследований. Оно предполагает при изучении событий германской оккупации отказ как от морально-этических, так и от политико-правовых оценок и категорий [11: 161]. Так историки становятся заложниками архивов.

Современные российские историки, обращаясь к теме перехода советских граждан на службу вермахту и участию их в уничтожении мирного населения в составе карательных органов немецкой армии, изучают в большей мере причины, степень сотрудничества, типологию и разновидности коллаборации [5; 7; 10–12, 15–18].

По нашему мнению, недостаточно представлена оценка последствий предательств — тот факт, что советская и современная историография

не в полной мере акцентирует внимание на оценке совершенных преступлений. В этом отношении следует особо выделить сборник документов о преступлениях нацистов и их пособников, вышедший в 2020 г. в серии «Без срока давности» [4], где на документальной основе представлена идеология нацистов по уничтожению населения нашей страны.

Изучая содержание совершенных коллаборационистами преступлений, необходимо выявить причины перехода граждан СССР на сторону врага. При объяснении мотивов военно-политического коллаборационизма отдельные российские исследователи, в частности, склонны утверждать, что он был вызван тяжелыми условиями оккупации, содержания в плену советских солдат и отказом руководства СССР выполнять требования женевской конвенции «Об обращении с военнопленными» 1929 г. [14]. Кроме того, особое внимание уделяется последствиям коллективизации советской деревни и индустриализации, которые оказали неоднозначное влияние на некоторые социальные слои общества. В целом процесс коллаборации был сложным и неоднозначным. Хотя в отечественной историографии сформированы основные подходы к разработке типологии коллаборационизма и его разновидностей, в частности, как справедливо отмечают исследователи, при рассмотрении этой проблемы необходимо учитывать «социально-политические и национальные истоки коллаборационизма, а также причины личного характера» [17: 7–8], на наш взгляд, явление пока должным образом не осмыслено и не поддается окончательной систематизации.

Зарубежная историография вопроса в большинстве случаев отличается своей антисоветской направленностью и попыткой оправдать коллаборантов, объяснить, что переход на сторону вермахта был обусловлен антисоветскими взглядами предателей [6; 13; 15]. Данная точка зрения выглядит очень спорной, особенно в отношении старших офицеров РККА, давших согласие на службу в военных подразделениях Германии. Причиной перехода бывших советских граждан на сторону врага они считают условия и средства проведения социалистических преобразований в Советском Союзе в 1930-х гг. Вместе с тем зарубежные исследователи вынуждены признать, что расположенным в тылу фронта службам вермахта было приказано при совершении маршей всегда иметь с собой заложников из числа советских граждан [3]. Это еще одно свидетельство о характере оккупационного режима, толкавшего часть гражданского населения на сотрудничество с врагом.

Таким образом, современная историческая литература характеризуется значительным разбросом мнений по оценке коллаборации, причинам возникновения, количественных показателей и форм существования.

В настоящей статье мы обратимся к деятельности тайной полевой полиции (Geheime Feldpolizei – далее ГФП) и ее подразделения ГФП-312,

действовавшего на территории юга СССР с 1942 по 1944 г. и совершавшего преступления против человечности. Участие в акциях против мирного населения принимали и бывшие советские граждане, служившие в этом подразделении. Все они перешли на сторону врага добровольно. Об этом свидетельствуют материалы уголовного дела, возбужденного Управлением Комитета государственной безопасности при Совете Министров СССР по Краснодарскому краю. Следствие шло с июля по ноябрь 1958 г. В марте следующего года судьба предателей была решена военным трибуналом Северо-Кавказского военного округа.

Обращаясь к протоколам уголовного дела, отметим, насколько упорно и с какой скрупулезностью оперативные работники спецслужб формировали доказательную базу для обвинительного заключения. Они исходили из процессуальных норм ведения уголовного дела, но, вчитываясь в протоколы дела, находим истинные мотивы предателей, согласившихся на сотрудничество с врагом. На службе в ГФП-312 состояли Н.Д. Дубогрей, В.П. Оленченко, В.С. Зуб, А.Г. Михельсон, А.М. Василенко, В.А. Круглов и др., причастные к массовым расстрелам советских людей. Большинство из них родились и выросли после революции, что позволило воспользоваться социальными гарантиями советского общества. Некоторые из них окончили семилетнюю школу и получили рабочие профессии, до войны не имели конфликтов с властью и не совершали преступлений. Например, А.Г. Михельсон был по образованию учителем и работал в школе. При этом все они добровольно перешли на службу противнику, какие-либо принудительные меры против них не применялись.

Факты, изложенные в уголовном деле, свидетельствуют о сознательном сотрудничестве с врагом и добровольном участии в массовых расстрелах советских мирных граждан на территории Краснодарского, Ставропольского краев и Крымской АССР в период с 1942 по 1944 г. Предатели участвовали в расстрелах отдельных граждан, которые перед казнью подвергались жесточайшим пыткам. Эта «работа», как они утверждали на допросах, носила ежедневный характер. Были и массовые расстрелы. Так, в Крыму в феврале 1944 г. за отказ перейти на сторону врага было расстреляно 100 советских военнопленных, в основном офицеров [1: 4].

Тайная полевая полиция, в которой бывшие советские граждане несли службу, выступала одним из акторов геноцида мирных жителей СССР. По признанию А.Г. Михельсона, «никого из арестованных партизан в Германию не отправляли, а все они расстреливались по распоряжению комиссара Кауша и под руководством оберинспектора Кламмта… я тоже принимал участие в этих расстрелах» [2: 20, 21].

Только с августа 1943 г. по март 1944 г. в районе с. Семь Колодезей Крымской АССР один отряд ГФП-312 расстрелял свыше 150 человек [2: 38].

Следует отметить, что на территории Крыма было несколько филиалов ГФП и летучих отрядов численностью от 8 до 10 человек.

ГФП-312 отличалась особой жестокостью и бесчеловечностью по отношению к советским гражданам, применяя изощренные, садистские приемы пыток и истязаний. ГФП-312, как заявил на допросе 28 сентября 1958 г. свидетель М.И. Санкин, бывший полицейский г. Старый Крым, «был самым свирепым карательным органом». Из материалов уголовного дела: «Во время пыток Зуб применял *специально приспособленные им* (выделено авт.) для этих целей плоскогубцы, которыми он выдергивал ногти у Волковой, отрезал у нее пальцы на руке». Проводил пытки раскаленным железом вместе с таким Н.Д. Дубогреем [2: 149].

Еще один свидетель отметил, что подразделение ГФП-312 отличалось своей жестокостью и массовыми расправами над партизанами и подпольщиками. Оленченко, один из тех, кто «верой и правдой» служил врагу, заявил на допросе: «На всем пути нашего отступления (из Ставрополья через Краснодарский край в Крым), где мы делали остановки, мы производили расстрелы советских граждан» [2: 96–98].

Это еще раз подтверждает точку зрения большинства исследователей, что тяжелые условия войны не могут служить оправданием для предателей, так как большинство советских людей на оккупированных территориях и в плену находились в равных условиях. Добровольные подельники врага или те, кто под давлением согласился перейти на сторону фашистов, несут одинаковую ответственность и являются предателями. В связи с этим, признавая наличие известных объективных оснований для перехода на сторону врага некоторой части советских граждан и военнослужащих РККА, считаем необходимым отметить именно личностные качества самих коллаборационистов.

Источники и литература

1. Архив Управления Федеральной службы безопасности (далее – УФСБ) России по Краснодарскому краю. Ф. 13. № 373. Т. 1.

2. Архив УФСБ России по Краснодарскому краю. Ф. 13. № 373. Т. 4.

3. *Бартц К.* Трагедия абвера. 1935–1944 гг. М., 2002.

4. Без срока давности: преступления нацистов и их пособников против мирного населения на временно оккупированной территории СССР в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.: сборник архивных документов: в 2 ч. Ч. 2 / отв. сост. Я.М. Златкис. М., 2020.

5. *Гилязов И.А.* Легион «Идель-Урал»: представители народов Поволжья и Приуралья под знаменем «третьего рейха». Казань, 2005.

6. *Деларю Ж.* История гестапо / пер. с франц. Ю.А. Немешаева и др. Смоленск, 1993.

7. *Дробязко С.И.* Под знаменами врага: антисоветские формирования в составе германских вооруженных сил, 1941–1945. М., 2004.

8. *Жуков Г.К.* Воспоминания и размышления: в 3 т. Т. 1. М., 1990.

9. *Журавлев Е.И.* Гражданский коллаборационизм в годы немецко-фашисткой оккупации (1941–1943 годы): на материалах Юга России // Вестник Челябинского государственного университета. Сер. 1: История. 2009. Вып. 32. № 16. С. 66–73.

10. *Ковалёв Б.Н.* Коллаборационизм в России в 1941–1945 гг.: типы и формы. Великий Новгород, 2009.

11. *Кринко Е.Ф.* Коллаборационизм в СССР в годы Великой Отечественной войны и его изучение в российской историографии // Вопросы истории. 2004. № 11. С. 153–164.

12. *Кудряшов С.В.* Предатели, «освободители» или жертвы режима? Советский коллаборационизм (1941–1942) // Свободная мысль. 1993. № 14. С. 84–98.

13. *Мадер Ю.* Абвер: щит и меч Третьего рейха / пер. с нем. Н.Н. Лаврова. Ростов-на-Дону, 1999.

14. *Макаров О.Ю.* Коллаборационизм и сотрудничество в Великой Отечественной войне // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2011. № 3 (1). С. 185–191.

15. *Мюллер Н.* Вермахт и оккупация (1941–1944): о роли вермахта и его руководящих органов в осуществлении оккупационного режима на советской территории / пер. с нем. А.П. Артемова и др. М., 1974.

16. *Оришев А.Б., Ряполов В.В.* Абвер-3 и тайная полевая полиция: принципы и методы работы контрразведки вермахта // История: факты и символы. 2019. № 2 (19). С. 59–67.

17. *Семиряга М.И.* Коллаборационизм: природа, типология и проявления в годы Второй мировой войны. М., 2000.

18. *Синицын Ф.Л.* Федеральный архивный проект «Преступления нацистов и их пособников против мирного населения СССР в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.» // Журнал российских и восточноевропейских исторических исследований. 2021. № 2 (25). С. 302–315.

Т.Г. Хришкевич

СОСТОЯНИЕ МЕДИЦИНСКОЙ ПОМОЩИ НАСЕЛЕНИЮ ПСКОВА В ПЕРИОД НЕМЕЦКОЙ ОККУПАЦИИ (1941–1944 гг.)

Качество оказания медицинской помощи в годы Великой Отечественной войны начали оценивать еще в ходе военных действий. В 1943 и 1944 гг. Народный комиссариат здравоохранения СССР выпустил

двухтомник «Достижения советской медицины в годы Отечественной войны» [7], посвященный микробиологии, эпидемиологии и экспериментальной медицине. После войны историки и медики изучали опыт полевой хирургии. Однако практически не изученным до настоящего времени остается состояние здравоохранения на оккупированной территории, что объяснимо рядом причин. В первую очередь, тем, что оккупационная политика преследовала истребительные и карательные цели и не предполагала какой-либо медпомощи местному населению. В секретном письме начальника канцелярии Национал-социалистической немецкой рабочей партии (НСДАП) М. Бормана рейхсминистру восточных оккупированных территорий А. Розенбергу относительно политики на оккупированных территориях от 23 июля 1942 г. содержатся следующие рекомендации: «Ни в коем случае не следует вводить немецкое обслуживание для местного населения оккупированных восточных областей. Например, ни при каких условиях не должны производиться прививки и другие оздоровительные мероприятия для ненемецкого населения» [11].

Во-вторых, на оккупированной территории практически не осталось квалифицированных медработников и инфраструктуры. Массовые эпидемии, разразившиеся на захваченной территории, уносили тысячи жизней из-за невозможности оказать населению профессиональную помощь.

В-третьих, закрытые архивы и слабая сохранность документов периода оккупации не позволяет создать полномасштабную картину особенностей здравоохранения на захваченных территориях. В настоящее время подобный интерес носит эпизодический характер и охватывает отдельные регионы. В качестве примера можно привести публикации И.В. Карташева [8; 9], посвященные здравоохранению на Северном Кавказе в условиях немецко-фашистской оккупации.

Псков относился к тем городам, которые находились под оккупацией дольше всего – с июля 1941 г. по июль 1944 г. В Государственном архиве Псковской области сохранился комплекс документов периода немецкой оккупации, который позволяет воссоздать особенности деятельности городских медучреждений и оказания медицинской помощи населению.

До войны лечебно-профилактическая сеть Пскова была представлена четырьмя больницами и амбулаторными учреждениями. Работали три аптеки и две молочные кухни. 1 августа 1934 г. в Пскове открылся филиал Ленинградского научно-практического фармацевтического института, который должен был заниматься научно-экспериментальной работой, организовывать курсы для аптечных работников и руководить сбором лекарственных растений [10: 370].

После начала оккупации в городе продолжала работать одна больница и одна амбулатория. Сохранившиеся документы показывают, что

оккупационные власти не препятствовали деятельности городских медицинских учреждений. Немецкие солдаты и офицеры проходили лечение отдельно, в трех госпиталях, размещенных в Пскове. Медперсонал в этих госпиталях был немецким. Распоряжение главного врача немецкой комендатуры запрещало немецким солдатам обращаться за помощью в городскую больницу, а русским врачам – оказывать им помощь [1: 5].

Организация хозяйственных вопросов в отношении оставшегося местного населения возлагалась на Псковское городское управление, в структуре которого находился отдел здравоохранения. В нем работало два человека: заведующий отделом здравоохранения и городской врач по административным вопросам. Они контролировали деятельность медицинских учреждений района, которые вели прием русского населения. В самом Пскове работали больница и амбулатория, в Псковском районе: медпункт на Талабских островах, Снегиревский фельдшерско-акушерский пункт и ряд медицинских участков в окрестных деревнях. В штате амбулатории были хирург, терапевт, психиатр, кожно-венеролог, инфекционист, фельдшеры, медицинские сестры. Работали и частнопрактикующие врачи, которые вели прием на дому. Среди них несколько стоматологов.

В 1942 г. личный состав Псковской городской больницы и дезинфекционной станции Пскова и Псковского района включал в себя 58 человек. Из них 29 – врачи (15 мужчин и 14 женщин), в том числе 3 хирурга, 10 – фельдшеры. Возраст медработников варьировался от 20 до 64 лет [4: 1–6].

Показательна автобиография врача Дунаева, предоставленная им при устройстве на работу в городскую больницу в июне 1942 г.: «Происхожу из медицинской семьи. Отец работал на медицинских участках Самарского губернского земства в качестве фельдшера... Беспартийный. Окончил 1-й Москов. госуд. университет. Медфакультет в 1928 г. До окончания университета работал фармацевтом. По окончании университета работал в поликлинике при Боткинской больнице в качестве врача помощи на дому. С 1932 г. по призыву в армию войсковым врачом. Последняя работа, т.е. место службы в Военном ведомстве – ординатор терапевтического отделения окружного Военного Госпиталя гор. Горького. В сентябре 1941 г. в районе Сиверской под Петербургом был германскими вооруженными силами пленен. Мой возраст: род. в 1892 г. 30 июня. Документов об образовании и диплома об окончании университета при мне нет» [4: 8].

Отдел здравоохранения начал функционировать в первый месяц оккупации. Распоряжения заведующего отделом здравоохранения и городского врача по административным вопросам за период с 23 августа 1941 г. по 22 февраля 1942 г. содержат множество указаний на новые правила оказания медицинской помощи. Распоряжение № 1 от 23 августа 1941 г. гласило: «В целях упорядочения учета личного состава служащих и рабочих

предлагаю: Всем заведующим больниц, амбулаторий, аптеки и гор. сан. надзора вести точный учет всех рабочих и служащих. К 26 августа с. г. представить в гор. здравотдел именные списки на всех рабочих и служащих по форме: фамилия, имя (полностью); год рождения; должность; общий стаж работы; с какого числа работает; адрес места жительства. В дальнейшем о всех изменениях (прием и увольнение) сообщать в гор. здравотдел два раза в месяц 14 и 30 числа. При увольнении рабочих и служащих обязываю завед. больниц, амбулаторий, аптеки и гор. сан. надзора – отбирать удостоверения о работе и хлебные карточки, немедленно их сдавать в гор. здравотдел». Распоряжение № 2 от 27 августа 1941 г.: «При найме новых служащих Вам необходимо иметь разрешение гор. врача в каждом отдельном случае. Подлежат приему прежде всего работники зарегистрированные в гор. отделе здравоохранения» [1: 1]. Важными изменениями в порядке оказания медицинской помощи стали введение платы за прием и градация услуг. Распоряжение № 3 от 28 августа 1941 г. указывает: «С 28 августа с. г. вводится новая расценка на медикаменты: стоимость рецепта и медикаментов в ручной продаже повысить до 75%» [1: 2].

Коммерциализация медицинской помощи стала отдельной темой ряда распоряжений, издававшихся вплоть до декабря 1941 г. Мероприятия по повышению доходности городской больницы и сокращению ее расходов включали в себя отправку лиц, признанных инвалидами, в богадельню (по согласованию с заведующим отделом народного образования); прием только после оплаты, установленной за лечение и содержание в больнице, авансом за две недели. Меньшая оплата допускалась только в случаях, если врач, принимающий больного, указывал меньший срок предоставляемого лечения в больнице. Кроме того, больного должны были предупредить о немедленной выписке из больницы в случае неуплаты после первых двух недель лечения. Сохранившиеся больничные листы за 1943 г. свидетельствуют, что, как правило, лечение занимало в среднем 3–5 дней. Это было связано с комплексом причин. Во-первых, боязнь оказаться без работы и мизерной платы за непосильный труд заставлял жителей города выходить на работу после оказания кратковременной помощи. При длительном отсутствии на рабочем месте можно было его легко лишиться и, как следствие, остаться без продуктовых и топливных карточек, которые получали только зарегистрированные работники. Во-вторых, при нехватке медикаментов даже длительное лечение должного эффекта не имело.

Повышение платы коснулось всех видов медицинской помощи. Например, плата за аборт была поднята с 50 до 100 руб. За амбулаторный прием была увеличена с 3 до 4 руб. Прием у стоматолога стоил 5 руб., и 3 руб. следовало уплатить дополнительно, если потребуется «истратить материал на лечение» [1: 4–5].

Одним из первых мероприятий отдела здравоохранения стала ревизия аптек на предмет наличия медикаментов. В августе 1941 г. была создана ревизионная комиссия в составе двух бухгалтеров и главного городского врача, которые провели обследование. В дальнейшем подобные ревизии стали систематическими. Начиная с октября 1941 г. отдел здравоохранения еженедельно собирал сведения о количестве рецептов в городской аптеке (распоряжение № 8) [1: 3]. Аптеки вели учет прихода и расхода медикаментов, что свидетельствует о поступлении ограниченного количества лекарств от немецких властей. Особенно тщательно велся учет сальварсана (препарата для лечения сифилиса). Записи за 1942–1943 гг. показывают, что ежедневно в аптеку обращались от 3 до 19 человек, которым выдавались производные сальварсана: неосальварсан или миосальварсан. Журнал фиксировал фамилии и количество ампул, выдаваемых пациентам. Повторяемость фамилий свидетельствует как минимум о 20 людях, которым оказывалось систематическое лечение [5].

Аптека вела дела не только с больницей, но и с другими медицинскими учреждениями района. Сохранившиеся счета, выставленные аптекой в 1942 г. на новокаин, хлороформ и ряд других медикаментов, перечисляют помимо городской больницы, клиническую лабораторию, демидовский медицинский участок, снегиревский медучасток, больницу в Черняковицах, жилищно-строительный отдел Псковского городского управления, торошинскую аптеку, коменданта базара, талабскую аптеку, художественную школу, хирургический кабинет земской управы и «разные районные учреждения» [3: 7].

Организационная деятельность городского отдела здравоохранения включала в себя надзор за оказанием медицинской помощи. В октябре 1941 г. распоряжение № 10 предписывало главным врачам амбулатории и больницы обеспечить круглосуточное врачебное дежурство по больнице силами врачей и больницы, и амбулатории. Все районные медпункты должны были ежемесячно предоставлять сведения об общем количестве больных. В том числе: «хирургических, терапевтических, кожных, венерических, глазных, ушных, гинекологических, количество родов, инфекционных». И кроме того, статистику отдельно по заболеваниям [1: 3].

Городская больница вела журналы регистрации приема больных врачами разных специальностей. Например, два сохранившихся журнала за 1943 г. содержат суммарно 1669 записей о приеме, который вели хирург, терапевт, психиатр, кожно-венеролог, инфекционист. Перечень обращений позволяет составить не только картину заболеваний горожан, но и понять, где проживала значительная часть населения города и как вели себя по отношению к ним оккупанты. Например, 33 записи – это огнестрельные переломы, множественные огнестрельные ранения. Адреса больных

в подавляющем большинстве – окрестные деревни и лагеря вокруг Пскова, в которые были выселены горожане и прибывшие беженцы. Записи велись со слов пациентов, поэтому один и тот же лагерь может упоминаться под разными названиями. Например, лагерь «Диктатуры» или «Совхоз "Диктатуры"». Встречаются следующие адреса: лагерь Череха, барак № 4; лагерь Кислово; лагерь Гоголевка; рабочий лагерь 555; лагерь молодежи; лагерь № 2, рабочий лагерь 755; рабочий лагерь; блок № 4; Западный лагерь; лагерь Пески; две записи «из тюрьмы»; больница, лагерь № 37, лагерь № 33. Несколько женщин назвали адрес «немецкая часть». Причины обращений разные: ожоги, аборты (10), роды (2), обморожения, шизофрения, отравления, брюшной тиф, грипп, желудочные заболевания, рак, нефрит, экзема, ушибы, гонорея, чесотка. Прием у стоматолога: лечение и удаление, пломбы, кариес [2: 1–17]. Интересно, что из всего количества принятых пациентов зафиксировано только 15 смертей – видимо, пациентов предпочитали выписывать домой, и они умирали не в больнице.

Помимо больницы, прием вели частнопрактикующие врачи. Сведения о доходах врачей от частной практики и об оборотах торгово-промышленных предприятий, предоставленные частными предпринимателями г. Пскова в финансовый отдел, содержат данные о 18 медицинских работниках, имевших побочный заработок за февраль 1943 г. [6: 2]. Из них три зубных врача, один фельдшер, один ветврач. Врачи, как и все частные предприниматели, должны были ежемесячно предоставлять сведения в финансовый отдел и платить налоги. Стандартная запись выглядела так: «В финансовый отдел Псковского городского управления. Сообщаю, что мой заработок от частной практики за февраль месяц с/г исчисляется в размере... руб. Подпись. Дата» [6: 15]. Работа являлась основанием для выдачи хлебных и топливных карточек.

Горожане также могли обратиться в амбулаторию, санитарный надзор осуществляла инспекция, которая проводила ежеквартальный медицинский осмотр служащих пищевых предприятий и парикмахерских. Врачи оказывали и так называемую квартирную помощь в городе и деревне. Несмотря на жесточайший оккупационный режим и репрессии в отношении мирных жителей, в городе остались врачи, медсестры, которые в условиях нехватки медикаментов, инструментов и элементарных санитарных условий старались облегчить страдания жителей. В тяжелейших условиях врачи оказывали псковичам посильную помощь. Они ежедневно вели прием, выписывали больничные, надеясь на то, что это продлит жизнь людям. Сохранность медицинских учреждений, возможно, объясняется тем, что Псков три года находился далеко от линии фронта, в тыловых районах рейхскомиссариата Остланд. На его территории находились крупные немецкие части, которым требовался обслуживающий персонал из местного

населения. Уверенность в итогах войны и относительно спокойная тыловая жизнь у немцев в Пскове, вероятно, сопровождалась намерением наладить «мирную» жизнь еще до завершения боевых действий. Свою роль сыграла начавшаяся зимой 1942 г. эпидемия тифа, которая требовала локализовать очаги заражения и не допустить заболеваемости немецкого гарнизона.

Источники и литература

1. Государственный архив Псковской области (далее – ГАПО). Ф. Р-740. Оп. 1. Д. 184.
2. ГАПО. Ф. Р-740. Оп. 1. Д. 185.
3. ГАПО. Ф. Р-740. Оп. 1. Д. 188.
4. ГАПО. Ф. Р-740. Оп. 1. Д. 190.
5. ГАПО. Ф. Р-740. Оп. 1. Д. 206.
6. ГАПО. Ф. Р-740. Оп. 1. Д. 284.
7. Достижения советской медицины в годы Отечественной войны: в 2 сб. / под ред. Е.Б. Бабского, И.Г. Кочергина, В.В. Парина. М., 1943–1944.
8. *Карташев И.В.* Здравоохранение на Северном Кавказе в условиях немецко-фашистской оккупации 1942–1943 гг. Ставрополь, 2022.
9. *Карташев И.В.* Работа медицинских учреждений на Кубани и Ставрополье в период оккупации (1942–1943 гг.) // Уроки Холокоста и оккупации: судьбы медицинских работников и практики выживания на оккупированных территориях СССР. Ставрополь, 2019. С. 101–107.
10. Летопись земли Псковской: годы и события / авт.-сост. И.О. Колосова и др. Псков, 2007.
11. Письмо начальника канцелярии НСДАП М. Бормана рейхсминистру восточных оккупированных территорий А. Розенбергу относительно политики на оккупированных территориях. 22 июля 1942 г. // Федеральный архивный проект «Преступления нацистов и их пособников против мирного населения СССР в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.». URL: https://victims.rusarchives.ru/pismo-nachalnika-kancelyarii-nsdap-m-bormana-reykhsministru-vostochnykh-okkupirovannykh-territoriy (дата обращения: 22.02.2025).

О.А. Шпрингер

«МИЛЛЕРОВСКАЯ ЯМА»: БЫЛ ЛИ В Г. МИЛЛЕРОВО ДУЛАГ 125? (К вопросу о независимых источниках информации)

Данное исследование представляет результаты работы, проведенной коллективом поисковиков – активистов форума «Авиация СГВ[1]» [1].

[1] СГВ – Северная группа войск.

Широко известно, что в период немецкой оккупации в г. Миллерово (Ростовская область) располагался крупный лагерь советских военнопленных – «Миллеровская яма». Во многих публикациях, в том числе в некоторых справочниках, а также в работах по истории и краеведению, этот объект обозначается как Дулаг 125 [2: 153–155; 12: 139; 13: 258; 23: 78–79]. Нам доводилось слышать (в телефонном разговоре) от современных жителей Миллерово: «Мы с детства знаем, что в войну у нас был страшный Дулаг 125».

При изучении документов вермахта, представленных на сайтах немецкого Бундесархива и американского Национального управления архивов и документации, сомнения в номере миллеровского лагеря возникли у поисковика форума «Авиация СГВ» В.В. Сивопляса (г. Краснодар). Его можно по праву считать инициатором данной статьи, и мы выражаем ему благодарность за найденные в архивах немецкие документы и их комплексный анализ [21]. Также мы признательны канд. филол. наук М.В. Орловой (г. Москва) за помощь в поиске итальянских источников. Благодарим д-ра ист. наук Е.Ф. Кринко и поисковика И.А. Шмыгаля (г. Ростов-на-Дону) за консультации и многолетнюю поддержку нашей работы.

Дулаг (пересыльный лагерь для военнопленных) – это прежде всего немецкая воинская часть, укомплектованная военнослужащими вермахта. Их основная задача – организация временного содержания пленных и их отправки в другие лагеря, подальше в тыл. Как правило, дулаги двигались вслед за фронтом; при этом одни могли оседать в определенном населенном пункте на длительное (различное) время, другие часто перемещались.

В комплексе немецких документов вермахта, оцифрованных и доступных на сайтах Бундесархива и Национального управления архивов и документации, имеющих отношение к г. Миллерово и его окрестностям, Дулаг 125 вообще не упоминается. Каков же источник, присвоивший этот номер страшной «Миллеровской яме»?

В 1958 г. в СССР были опубликованы материалы Нюрнбергского процесса с показаниями пленного генерал-лейтенанта вермахта К. фон Остеррайха, которые он дал в 1945 г.: «Летом 1942 года я был командирован на Украину, на должность начальника отдела по делам военнопленных при штабе армейской группы “Б”… во время посещения летом 1942 года ДУЛАГа № 125 в гор. Миллерово, комендант лагеря… доложил, что в течение последних 8-ми дней им было расстреляно… около 400 русских военнопленных» [10: 378]. Мы полагаем, что именно это единственное свидетельство, многократно растиражированное, и явилось причиной для дальнейшего отождествления Дулага 125 и лагеря военнопленных «Миллеровская яма». Другими независимыми источниками этот номер не подтверждается. Очевидцы, пережившие плен, говорят прежде всего о «лагере Миллерово».

Упоминающие номер 125 в своих послевоенных рассказах могут находиться под влиянием общеизвестной информации, основанной на публикации материалов Нюрнбергского процесса с показаниями Остеррайха, то есть эти источники нельзя признать независимыми.

Советские офицеры, репатриированные из немецкого плена и проходившие в 1945 г. фильтрационные мероприятия, упоминают «лагерь в г. Миллерово» или «пересыльный лагерь Миллерово», не называя его номера. Например, младший лейтенант Б.М. Вильянов сообщил, что был пленен 15 июля 1942 г. в районе х. Ивановского и с июля по октябрь 1942 г. находился в плену в г. Миллерово [3]. Лейтенант А.С. Тихонов попал в плен 13 июля 1942 г. и пробыл в пересыльном лагере Миллерово до сентября 1942 г. [4].

В тот период, когда г. Миллерово был под немецкой оккупацией, Дулаг 125 располагался далеко от Ростовской области – в г. Полоцке (Беларусь) [7: 29–34; 8: 47]. Этот факт находит отражение во многих документах вермахта, доступных на сайте Бундесархива. Так, в подчинении 201-й охранной дивизии вермахта, дислоцировавшейся в 1942 г. в Полоцком районе Витебской области Белоруссии, находились такие воинские части, как Дулаг 125 (г. Полоцк) и Шталаг 354 (пос. Боровуха): в 1942 г. в июле [16: 12; 17: 461], августе [16: 114; 17: 405], сентябре [17: 357], ноябре [19: 468] и декабре [20: 55].

Документы вермахта не упоминают Дулаг 125 в связи с г. Миллерово и его окрестностями, однако указывают иные номера лагерей. Плененных командиров и бойцов Красной армии сначала аккумулировали на стихийных дивизионных и корпусных сборных пунктах, не имевших номеров, а затем передавали в подчинение армейских сборно-пересыльных пунктов и дулагов. Согласно документам 4-й танковой армии вермахта, в Миллерово на 18 июля 1942 г. было поручено разместиться сборному пункту военнопленных (Gefangenensammelstelle) [22: 635270], а с 22 июля 1942 г. – Дулагу 124 [22: 635273], который находился в подчинении командования 593-го тылового района [18: 14]. 25 августа 1942 г. Дулаг 124 получил приказ перебраться на ст. Ремонтную [18: 15]. Управление миллеровским лагерем передавалось Дулагу 231, который выводился из подчинения командования тыловым районом 580, переходил под командование округа военнопленных Е в составе группы армий Б [15: 469–471] и располагался в Миллерово с 1 сентября по 1 октября 1942 г. [11: 7]. Последующая история лагеря и момент его расформирования нуждаются в дальнейшем уточнении.

Краеведы А.С. и К.С. Беницкие сообщают, что в обобщенном банке данных (далее – ОБД) «Мемориал» ими найдены 4864 карточки военнопленных, прошедших Дулаг 125 Миллерово, но не приводят ни одного примера [2: 154]. На самом деле, в упомянутой электронной базе данных нет документов пленных с указанием Дулага 125 в Миллерово. Карты военнопленных,

проиндексированные в ОБД «Мемориал» по лагерю «дулаг 125», относятся к прошедшим Дулаг 125 в Полоцке. Например, лейтенант Н.Д. Сапко пленен 9 сентября 1942 г. в районе Витебска и сначала отправлен в Дулаг 125, а затем в Офлаг Кальвария (Литва) [6]. В документах военнопленных также зафиксированы перемещения из полоцкого Дулага 125 в близлежащий Шталаг 354 (пос. Боровуха Полоцкого района Витебской области Белоруссии): см., например, персональную карту красноармейца П.А. Иванова, плененного в августе 1942 в районе д. Мартыново Смоленской области [5].

Безусловно, через «Миллеровскую яму» прошло огромное количество пленных советских офицеров и солдат, но этот факт не имеет отношения к Дулагу 125, располагавшемуся в Полоцке.

Проверим, какие факты содержатся в итальянских источниках. Современные историки А. Бьяджини и А. Зарконе сообщают (перевод с итальянского языка): «Завальи подробно описывает страшный Дулаг 125 Миллерово, где погибли десятки тысяч советских пленных» [13: 258]. Однако, если смотреть непосредственно мемуары итальянского военнослужащего Б. Завальи, становится очевидным, что он не упоминает номер лагеря (перевод с итальянского): «Мне говорят, что в нескольких шагах от Миллерова находится большой концентрационный лагерь, и я еду туда издалека, чтобы посмотреть, какой эффект производит эта лавина заключенных: речь идет о десятках тысяч. Мы покидаем город, следуя безупречным и многочисленным немецким указателям; KG номер такой-то и KG номер такой-то. Странно, мы находимся совсем недалеко и ничего не видим; но затем мы поднимаемся на холм и вдруг...» [24: 47]. В оригинале на итальянском языке написано так: “KG numero tale e KG numero talaltro”. Под сокращением KG скрывается немецкое слово Kriegsgefangenenlager – лагерь военнопленных. Мемуарист не называет дату посещения Миллерово, но по некоторым признакам можно предположить, что это август 1942 г.: Б. Завальи отмечает, что уже несколько недель в миллеровских элеваторах горит зерно, подожженное при отступлении Красной армии; погода характеризуется как «невыносимая жара» [24: 45, 49].

Другой итальянский участник событий – генерал Дж. Мессе – тоже не называет номера: «В июле-августе 1942 года в лагере Миллерово насчитывалось свыше 30 тысяч военнопленных» [9: 85].

На известных фотографиях из Бундесархива, сделанных немецким военным репортером Ванером в августе 1942 г. и запечатлевших трагическую картину «Миллеровской ямы», заполненной советскими военнопленными, номер лагеря не указан [14].

Таким образом, единственным (исходным) источником информации, где лагерь военнопленных в г. Миллерово обозначается как Дулаг 125, является опубликованный допрос генерал-лейтенанта вермахта К. фон

Остеррайха. Полагаем, что в его показания закралась неточность: либо опечатка в публикации, либо ошибка/описка при фиксации показаний или их переводе с немецкого языка на русский, либо память подвела самого пленного генерала. Вероятно, речь могла идти о Дулаге 124, который в июле и августе 1942 г. курировал военнопленных в г. Миллерово. Многочисленными независимыми источниками номер Дулага 125 для страшной «Миллеровской ямы» не подтверждается. Летом и осенью 1942 г. Дулаг 125 располагался в г. Полоцке и никогда не находился в Ростовской области.

Источники и литература

1. Авиация СГВ. Форум. URL: https://www.sgvavia.ru/forum/ (дата обращения: 27.02.2025).

2. *Беницкий А.С., Беницкий К.С.* Миллеровский «котел». Луганск, 2017.

3. Информация из документов ВПП/ЗП[1]: Вильянов Борис Михайлович // ОБД «Мемориал». URL: https://obd-memorial.ru/html/info.htm?id=1980199234 (дата обращения: 27.02.2025).

4. Информация из документов ВПП/ЗП: Тихонов Алексей Семенович // ОБД «Мемориал». URL: https://obd-memorial.ru/html/info.htm?id=1980211041 (дата обращения: 27.02.2025).

5. Информация о военнопленном: Иванов Павел Алексеевич // ОБД «Мемориал». URL: https://obd-memorial.ru/html/info.htm?id=300515177 (дата обращения: 27.02.2025).

6. Информация о военнопленном: Сапко Николай Дмитриевич // ОБД «Мемориал». URL: https://obd-memorial.ru/html/info.htm?id=272191689 (дата обращения: 27.02.2025).

7. *Копыл С.П.* Урочище Пески – территория смерти, 1941–1944. Полоцк, 2012.

8. Лагеря советских военнопленных в Беларуси, 1941–1944 гг.: справочник / авт.-сост. В.И. Адамушко и др. Минск, 2004.

9. *Мессе Дж.* Война на русском фронте. Итальянский экспедиционный корпус в России (К.С.И.Р.). М., 2009.

10. Нюрнбергский процесс над главными немецкими военными преступниками: сборник материалов: в 7 т. Т. 3: Военные преступления и преступления против человечности. М., 1958.

11. Протокол допроса военнопленного Г. Янчи о службе в лагере для военнопленных Дулаг-231 // Федеральный архивный проект «Преступления нацистов и их пособников против мирного населения СССР в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.». URL: https://victims.rusarchives.ru/protokol-doprosa-voennoplennogo-g-yanchi-o-sluzhbe-v-lagere-dlya-voennoplennykh-dulag-231 (дата обращения: 27.02.2025).

[1] ВПП – военно-пересыльный пункт; ЗП – запасной полк.

12. *Скоттони Дж.* История боевых действий советских войск против 8-й итальянской армии в годы Великой Отечественной войны, 1942–1943 гг.: дис. … д-ра ист. наук. Воронеж, 2016.

13. *Biagini A., Zarcone A.* La campagna di Russia: nel 70° anniversario dell'inizio dell'intervento dello CSIR, Corpo di spedizione italiano in Russia. Roma, 2013.

14. Bundesarchiv-Militärarchiv (далее – BA-MA). Bild 183-B 21845.

15. BA-MA. RH 23/177.

16. BA-MA. RH 22/233.

17. BA-MA. RH 22/249.

18. BA-MA. RH 23/352.

19. BA-MA. RH 26-221/91.

20. BA-MA. RH 26-286/13.

21. Dulag 125 (Дулаг-125) ??? Миллерово. URL: https://www.sgvavia.ru/forum/218-10775-1 (дата обращения: 27.02.2025).

22. The National Archives and Records Administration. T. 313. R. 351.

23. The United States Holocaust Memorial Museum Encyclopedia of Camps and Ghettos, 1933–1945, Vol. IV: Camps and Other Detention Facilities Under the German Armed Forces / ed. by G.P. Megargee Indiana, 2022.

24. *Zavagli B.* Solo un pugno di neve. Milano, 2010.

В.В. Ханжиев

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ПАРТИЗАНСКИХ ГРУПП В РОСТОВСКОЙ И СТАЛИНГРАДСКОЙ ОБЛАСТЯХ В 1942–1943 гг. (по документам Центра документации новейшей истории Ростовской области)

Партизанская борьба на Юге России в годы Великой Отечественной войны внесла огромный вклад в освобождение оккупированных немецко-фашистскими захватчиками территорий. Как известно, деятельность партизан была очень обширной: они собирали важную информацию, вели агитационную работу среди местного населения, совершали диверсии и даже освобождали пленных красноармейцев. Наиболее известными партизанскими отрядами, действовавшими в Ростовской области, были отряд им. Сталина, «Ростовец», Таганрогский партизанский отряд, «Степной орел» Сальского района и др. В данной статье речь пойдет о менее известных партизанских формированиях, сведения о которых содержатся в архивном фонде Р-3 «Документы о партизанском движении в Ростовской области в годы Великой Отечественной войны» Центра документации новейшей истории Ростовской области (далее – ЦДНИРО).

Эти партизанские формирования состояли всего из двух-трех человек, поэтому назывались не отрядами, а группами. Анализ деятельности таких малочисленных групп позволяет открыть новые имена героев партизанского движения на Юге России, проследить судьбы тех, кто старался внести свой вклад в дело освобождения Родины.

В статье будет освещена деятельность двух женских партизанских групп: разведывательно-диверсионной группы «Вперед» и разведывательной группы «Подруги». География охватывает Ростовскую и Сталинградскую области, в последней действовала разведгруппа «Подруги». Документы по данной группе представляют интерес для автора, поэтому они были включены в работу, что в конечном итоге и предопределило название статьи.

Группа «Вперед» состояла из трех девушек-курсанток московских разведшкол, прошедших специальную подготовку для развертывания партизанского движения в Ростовской области. Старшая группы – Орехова Мария Васильевна, 1923 г. рождения, уроженка Рязанской области. Бойцы группы – Анохина Нина Александровна, 1919 г. рождения, уроженка Горьковской области, и Гордеева Ольга Николаевна, 1923 г. рождения, уроженка Калининской области.

В ЦДНИРО хранится архивное дело, содержащее приказ-задание начальника оперативной группы штаба партизанского движения на Южном фронте майора А. Петрова. Согласно документу, перед организаторской группой «Вперед» ставились следующие задачи: в ночь на 24 января 1943 г. перейти линию фронта в районе населенных пунктов Константиновская –Дурновской с достижением с. Городище, обосноваться в близлежащих хуторах, мобилизовать местную молодежь в партизанские отряды; проникнуть в Азов и Батайск, установить связь с оставшимися коммунистами и комсомольцами, через них организовать работу по созданию партизанских отрядов из числа рабочих и служащих; в районах Азова, Батайска и близлежащих сел разыскать действующие партизанские отряды и установить с ними связь; производить подрывные действия на железных дорогах Ростов – Батайск, Ростов – Таганрог, Батайск – Азов, производить подрывы мостов и складов, минирование дорог; взять на учет всех изменников Родины (старост, полицейских и др.), по возможности уничтожить, остальных держать под наблюдением; вести разведку противника, все данные передавать наступающим частям Красной армии [2: 14, 14 об.].

Участницам группы «Вперед» были выданы немецкие документы, которые позволяли свободно передвигаться по оккупированным противником территориям. Девушки работали под вымышленными именами и согласно специально разработанной легенде.

Согласно выписке из оперсводки № 11 штаба партизанского движения на Южном фронте, в период с 24 по 31 января 1943 г. группа «Вперед»

проделала большую диверсионно-разведывательную работу в тылу противника. Утром 24 января группа, перейдя линию фронта, направилась в ст. Ольгинскую. По прибытии в станицу группе удалось быстро установить связь с комсомольцами и провести агитационную работу с местным населением. В тот же день группа прибыла в Батайск, где остановилась на квартире у двух сестер-комсомолок, Марии и Клавдии Седельниковых. Отец девушек был партизаном, которого расстреляли немцы. Мария работала учетчицей по отправке поездов на железной дороге. 26 января она сообщила группе, что готовится отправление эшелона с военным грузом на Азов. 27 января, во время движения этого эшелона, подрывница группы Гордеева и двое местных комсомольцев Пётр и Сергей взорвали железнодорожное полотно на участке железной дороги Батайск – Азов (4 км южнее Батайска). В результате эшелон сошел с рельс, что повлекло большие жертвы среди немецких солдат и офицеров. В тот же день во время следования группы из Батайска в Азов была заложена мина на проселочной дороге. Впоследствии из разговоров с местным населением группа установила, что на этой мине подорвался автомобиль с немецкими войсками [2: 30].

В Азове группа развернула большую пропагандистскую и диверсионную работу. Согласно выписке из оперсводки № 11 штаба партизанского движения на Южном фронте, «на основе проведенной пропагандистской работы хорошо помогали школьники (Шура, Коля и Лева), а также пенсионер по отчеству Корнилович, с помощью которых и непосредственно их участием было повреждено 7 автомашин путем прокалывания скатов» [2: 30].

Помимо осуществления пропагандистских и диверсионных мероприятий группа «Вперед» занималась разведывательной работой. В общей сложности с 24 по 31 января была осуществлена тщательная разведка в следующих населенных пунктах: городах Азове и Батайске, станицах Ольгинской, Старочеркасской и Манычской, хуторах Махине, Ленине, Койсуге и Усть-Койсуге. В результате группой собраны следующие данные, отраженные в выписке из оперсводки № 11 штаба партизанского движения на Южном фронте: «В станице Ольгинская 24 января было установлено большое скопление войск противника. В каждом доме располагалось по 3–4 человека. Поля вокруг станицы были заминированы, имелись огневые точки и орудия ПТО (противотанковые орудия. – *В. Х.*). Охрана мостов осуществлялась: днем 1 часовой, ночью 2 часовых. <…> В Батайске 25 января немцами проводилась поспешная эвакуация войск. Гарнизон был малочисленный. В домах располагалось по 1–2 человека. Охрана не усиленная. <…> В Азове наблюдалось большое скопление немцев, в каждом доме было расквартировано по 7–8 человек. Город усиленно охранялся» [2: 31]. 31 января эти данные были переданы 2-й гвардейской армии.

После выполнения задания группа «Вперед» была расформирована, и боевые пути участниц группы разошлись. Мария Орехова была переведена в партизанскую группу «Победа», Нина Анохина – в партизанский отряд «Ростовец», Ольга Гордеева – в партизанский отряд «За отчизну» [2: 32].

Разведывательная группа «Подруги» состояла из двух партизанок: Павловой Анны Михайловны, 1916 г. рождения, уроженки Нехаевского района Сталинградской области, кандидата в члены ВКП(б), и Пурновой Анны Васильевны, 1923 г. рождения, уроженки Ольховского района Сталинградской области, члена ВЛКСМ. До вербовки в партизанскую группу А.М. Павлова, окончившая педучилище, работала инструктором по охране материнства и младенчества в областном отделе здравоохранения, А.В. Пурнова работала счетоводом в сапожной мастерской артели «Коллективный труд». На момент создания группы обе девушки проживали в Ольховском районе Сталинградской области.

В приказе № 2 штаба 4-й танковой армии содержится задание, поставленное перед разведчицами: 17 сентября 1942 г. перейти линию фронта в районе х. Хлебного; установить скопления войск и технических средств, марки и знаки автомобилей противника в лесу на 6,5 км западнее х. Хлебного, в населенных пунктах Кислякове, Родионове, Нижней Голубой, Набатовском, Калачкино. Срок возвращения группы – 22 сентября 1942 г., дополнительный срок – четверо суток. Пароль: «Иду к южанину» [3: 7]. В приказе также содержалась легенда разведгруппы: девушки возвращались к себе домой в с. Сухановское после того, как эвакуировали скот в глубокий тыл. Документов при себе нет, так как их изъяли в колхозе.

17 сентября примерно в 10 ч вечера А.М. Павлова и А.В. Пурнова в сопровождении военной разведки были переправлены через Дон, а затем переведены через лес, после чего партизанки самостоятельно продолжили продвижение в тыл врага в направлении х. Кислякова и Родионова. Уже в полночь они были задержаны немецкими солдатами (как утверждала Анна Пурнова в докладной записке, немецкими разведчиками). 18 сентября партизанки под конвоем были доставлены в немецкий штаб в х. Кислякове, где их допрашивал русский офицер, «оставшийся в Германии в период той войны» (как узнали партизанки со слов местной жительницы) [3: 12 об.]. Во время допроса А.М. Павлова и А.В. Пурнова, согласно легенде, указали, что возвращаются домой в Сухановское после эвакуации скота на противоположный берег Дона. После допроса партизанки получили от офицера пропуск на продвижение по оккупированной территории.

В период пребывания в х. Кислякове разведчицы встречали военнопленных и раненых бойцов Красной армии в местном лагере. В докладной записке Анны Пурновой описываются условия содержания советских

бойцов: «Мы видели, как кормят русских военнопленных и раненых – утром вода, а в обед рожь, а вечером тоже вода» [3: 10 об.]. В докладной записке Анны Павловой содержится ее разговор с одним из пленных красноармейцев: «Сказал, что он слышал разговор немцев, что они в этом направлении, т.е. где Кисляков, наступать не будут и стянули сюда кадровую армию, а наступление больше на Сталинград. Ставят целью захватить Сталинград и по Волге на Москву, и на этом закончить войну, установить на Волге границу, от Волги на восток оставить Японии» [3: 12 об.].

В период с 20 по 22 сентября группа продвигалась по направлению населенных пунктов Родионов – Нижняя Голубая – Горошкино – Набатовский – Трехостровская. Утром 23 сентября А.М. Павлова и А.В. Пурнова вышли из ст. Трехостровской и направились в х. Зимовский. Попавшиеся по пути немецкие солдаты обстреляли партизанок, но те сумели бежать невредимыми и укрыться неподалеку от берега Дона. Через какое-то время девушки увидели на противоположном берегу красноармейцев и стали махать им красным платком. С наступлением темноты партизанки переплыли к солдатам и сказали, что выполняют задание в тылу врага, назвали пароль. 24 сентября красноармейцы доставили их в с. Шишкино [3: 13].

В разведдонесении начальнику штаба 4-й танковой армии майору Никитину содержатся данные, которые удалось собрать А.М. Павловой и А.В. Пурновой: в лесу в 6,5 км западнее х. Хлебного было замечено до 30 автомобилей, очень много лошадей и повозок, несколько групп пехоты по 10–20 человек. В х. Кислякове наблюдался активный завоз леса и прочего строительного материала. В 1,5 км на запад от Кислякова был расположен пересыльный пункт военнопленных и мирного населения, откуда на автомобилях тех направляли на запад. Было замечено 22 красноармейца и свыше 100 человек мирного населения, среди которых преобладали женщины и подростки, несколько медсестер. В ст. Нижней Голубой был замечен гарнизон немецких солдат и много лошадей. Дорога Малонабатовский – Трехостровская усиленно ремонтировалась, работали военнопленные и немцы. На дороге было замечено большое движение автомобилей, на некоторых изображены опознавательные знаки в виде ежа черного цвета, на других – две лошадиные головы, обращенные в разные стороны [3: 14].

Приказом командующего войсками 65-й армии генерал-лейтенанта П.И. Батова от 6 ноября 1942 г. Анна Михайловна Павлова была награждена медалью «За отвагу», а Анна Васильевна Пурнова – медалью «За боевые заслуги» [1: 1].

Анализ сведений из архивного фонда Р-3 «Документы о партизанском движении в Ростовской области в годы Великой Отечественной войны» ЦДНИРО показывает, что партизанские группы оказывали большую помощь

наступающим частям Красной армии и внесли значительный вклад в освобождение оккупированных территорий. Особенностью партизанских групп было то, что в их составе были молодые женщины, на чьи плечи выпадало нелегкое дело организации партизанской работы в тылу врага.

Источники и литература

1. Центральный архив Министерства обороны Российской Федерации. Ф. 33. Оп. 682525. Д. 374.
2. ЦДНИРО. Ф. Р-3. Оп. 1. Д. 120.
3. ЦДНИРО. Ф. Р-3. Оп. 1. Д. 128.

М.Ю. Сорокина

ИЗ ЮГОСЛАВИИ В СССР: К ВОПРОСУ О РЕПАТРИАЦИИ РУССКИХ ЭМИГРАНТОВ – УЧАСТНИКОВ ДВИЖЕНИЯ СОПРОТИВЛЕНИЯ В ГОДЫ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ (семья Мартино)

История репатриации русских белых эмигрантов – участников движения Сопротивления в годы Второй мировой войны – остается малоизученной. По большому счету эта проблема еще не ставилась, оставаясь в пределах восстановления судеб отдельных русских резистантов [5–7; 10–13; 15; 16; 18]. Дефицит релевантных архивных источников, только в последние десятилетия ставших частично доступными, и то, что группа зарубежных соотечественников-сопротивленцев не имела в СССР статуса ветеранов войны и тем самым фактически «исчезала» в официальном советском героическом нарративе и статистической отчетности, определили периферийное место «красного поколения белой эмиграции» и в историографии. В то же время изучение других групп участников движения Сопротивления, в частности, бывших советских военнопленных, ставших партизанами в европейских странах и вернувшихся в СССР, литераторов-возвращенцев и др. плодотворно изучается [9]. Судьба ученых, родившихся или выросших в русском зарубежье, принимавших участие в движении Сопротивления и затем вернувшихся на историческую родину, также привлекает внимание историков науки в последние годы [14]. В данной статье мы остановимся на одном, но весьма характерном кейсе – истории возвращения известного зоолога Владимира Эммануиловича Мартино (1888–1961) и его семьи в СССР из Югославии в 1955 г. Случай Мартино, получившего работу в Ростовском государственном университете, интересен тем, что находится на пересечении траекторий личной воли и выбора, государственной политики и коллективной памяти.

В предвоенные годы советская государственная политика в отношении бывших соотечественников, покинувших Россию в ходе и после Гражданской войны, была весьма жесткой. Созданная в 1939 г. Комиссия Президиума Верховного Совета СССР по рассмотрению вопросов приема, выхода и лишения гражданства СССР постоянно отсекала многочисленные заявления белых эмигрантов о приеме в гражданство СССР. Н.А. Трубецкая и А. Животич приводят такие красноречивые цифры: за период с 2 апреля 1939 г. по 1 декабря 1943 г. Комиссия рассмотрела 5212 ходатайства по приему в гражданство СССР из 35 стран. Из них лишь 358 были удовлетворены, а 4854 – отклонены [17: 357]. Основанием для отказа в получении советского гражданства становилось участие в «белогвардейских армиях, боровшихся против Советской власти в годы гражданской войны», бегство за границу, а также наличие «компрометирующих материалов» [17: 358], что фактически означало запрет на возвращение в СССР для участников Белого движения.

На завершающем этапе Второй мировой войны ситуация стала меняться. Управление Уполномоченного Совета народных комиссаров (далее – СНК) СССР по делам репатриации граждан СССР через свои дипломатические представительства и региональные аппараты проводило активную работу с белоэмигрантами по получению гражданства СССР и выдаче им советских паспортов. Уже к середине 1944 г. в документах Комиссии Президиума Верховного Совета СССР появилась юридическая формулировка, прямо связывавшая антифашистскую деятельность представителей белой эмиграции с возможностью получения гражданства СССР: обладателями советского паспорта могли стать такие категории эмигрантов, как «выходцы из России, проявившие себя патриотически, особенно в период Отечественной войны», и те, «в отношении которых имелись особые соображения заинтересованных ведомств», и «доказавшие свое доброжелательное отношение к СССР» [17: 358]. Серия указов Президиума Верховного Совета СССР «О восстановлении в гражданстве СССР подданных бывшей Российской Империи...», последовавшая с ноября 1945 г. по май 1947 г. и охватившая русские эмигрантские сообщества Китая (Маньчжурии), Франции, Болгарии, Югославии, Японии, Чехословакии и Бельгии, окончательно закрепила формирование законодательного фундамента для репатриации части белоэмигрантов.

Сразу после окончания войны и еще до кончины И.В. Сталина (1953) советское руководство впервые за весь послеоктябрьской период попыталось представить СССР как родину всех русских и широко пропагандировало этот образ, создавая для этого новые каналы и институции, обращенные к русскому зарубежью. Новыми «героями» послевоенного политического дискурса, по выводу Т. Шишковой, совпадающему

и с нашими наблюдениями, стали перебежчики и репатрианты – «те, чьи судьбы демонстрировали последствия правильного выбора земли» [20: 368].

Указ Президиума Верховного Совета СССР «О восстановлении в гражданстве СССР подданных бывшей Российской империи, а также лиц, утративших советское гражданство, проживающих на территории Югославии» был подписан 14 июня 1946 г. Его принятию предшествовала подготовительная работа посольства СССР в Югославии по оценке положения русских эмигрантов в этой стране, которая была описана нами ранее [14: 120–121]. В справке «О русской белой эмиграции в Югославии», подготовленной посольством, отмечалось, что около 25 % русских эмигрантов принимали активное участие в народно-освободительном движении Югославии или симпатизировали ему, а 443 человека служили в югославской армии на командных должностях [14: 120–121]. Здесь утверждалось, что основная масса проживавших к тому моменту в Югославии эмигрантов коренным образом изменила свое отношение к СССР и особенно отмечалась патриотическая позиция русской эмигрантской молодежи и научной и художественной интеллигенции, имевших «большую тягу возвратиться на родину и стать полезными гражданами советского государства» [14: 121].

К ноябрю 1946 г. посольство СССР в Белграде получило около 300 письменных заявлений от русских эмигрантов с просьбой о вступлении в советское гражданство. Среди них было и заявление В.Э. Мартино и членов его семьи. Еще недавно почти неизвестное в России, сегодня имя одного из основателей Крымского природного заповедника и балканской зоогеографии, оказавшегося вследствие вынужденной эмиграции в Королевстве сербов, хорватов и словенцев / Югославии, стало весьма популярным. Над изучением его судьбы и научного наследия работает интернациональная команда исследователей [4], а в ноябре 2024 г. в Федеральном исследовательском центре Южном научном центре Российской академии наук состоялся международный семинар, посвященный жизни и деятельности В.Э. Мартино.

Тем не менее многие эпизоды судьбы ученого остаются пока недостаточно проясненными, особенно возвращение в СССР и адаптация к новым условиям, в том числе к преподаванию в Ростовском государственном университете. Отдельного архива В.Э. Мартино не оставил; тем значимее его собственноручно написанное 5 марта 1945 г., после визита к представителю Уполномоченного СНК по репатриации 26 февраля 1945 г., «Жизнеописание», которое сохранило «голос» ученого и важные биографические факты, в частности, информацию о его участии в антифашистском движении.

Согласно «Жизнеописанию», В.Э. Мартино родился 9 июня (н. ст.) 1888 г. в д. Шули (сейчас с. Новые Шули – с. Штурмовое, с. Старые Шули – с. Терновка Балаклавского района) недалеко от Севастополя, происходил

из дворян. Окончил гимназию в Севастополе в 1907 г. 18 июня 1913 г. женился на Евгении Вениаминовне Степановой; 2 мая 1914 г. родился сын Кирилл, других детей не было. Владимир Эммануилович окончил физико-математический факультет университета в Одессе (1907–1911), Московский сельскохозяйственный институт (Тимирязевскую академию) (1911–1913). За время студенчества ездил в командировки в Саратовскую губернию (1912) и в Тургайскую область (1913). Научные результаты этих командировок были напечатаны в «Известиях Московского сельскохозяйственного института» и «Ежегоднике Зоологического музея Академии наук».

С 1 января 1914 г. до апреля 1919 г. В.Э. Мартино был специалистом по борьбе с вредителями в Департаменте земледелия; ездил в командировки на Урал (1914), в Казахстан (1915), Екатеринославскую губернию (1916). Научные результаты напечатаны в «Ежегоднике Зоологического музея Академии наук» (1916–1930). В мае 1917 г. был командирован Временным правительством в Крым для «ликвидации царской охоты и организации в ее районе национального заповедника». За время командировки ему удалось сохранить эндемичные виды оленей и косуль и напечатать несколько статей о природе Крыма: «Сохранение оленей и косуль в лесах Крыма было трудной, почти невыполнимой задачей. Правительства менялись 4 раза, авторитета государственной власти не было. Приходилось действовать на свой страх и риск. Неудивительно поэтому, что у меня появились личные враги из среды окрестных браконьеров... Наконец после падения Крымского правительства… я смалодушествовал и, считая свою задачу невыполнимой, решил уйти из Крыма. Спустившись с гор, где находился заповедник, в Ялту, я погрузился на английский минный крейсер “Стюарт”, поступив для этого в стрелковый полк, который должен был эвакуироваться на Кавказ». Полк, состоявший из 150 человек, был переброшен в Сочи и через два с половиной месяца расформирован. В.Э. Мартино перешел в пенсионное отделение морского управления в Новороссийске и прослужил там до начала ноября 1920 г., затем вместе с морским управлением эвакуировался из Севастополя в Югославию.

В Югославии ученый продолжил изучение фауны млекопитающих. В течение 25 лет вместе с супругой Евгенией Вениаминовной он собрал значительную коллекцию млекопитающих: 1500 экземпляров с типами и паратипами новых видов. На основании этой коллекции издано около 60 научных работ на русском, английском и сербском языках. Эту коллекцию он завещал Академии наук СССР. С 1922 до 1932 г. В.Э. Мартино посылал дубликаты в Зоологический музей Академии наук и печатал там научные работы, но с 1932 г., «с появлением у власти немецкого национализма <…> я больше не посылал на родину ни зверей, ни статей».

В Югославии В.Э. Мартино с января 1921 г. был чертежником в г. Нова Градишка в лесном управлении; с ноября 1921 г. до апреля 1924 г. работал уездным агрономом в Цетине (Черногория); с мая 1924 г. до марта 1927 г. состоял ассистентом при кафедре энтомологии сельскохозяйственного факультета Белградского университета; с сентября 1924 г. до августа 1941 г. преподавал географию и природоведение в обеих русских гимназиях в Белграде. С 1929 г. был членом-сотрудником Русского научного института в Белграде; в марте 1941 г. избран действительным членом Института. До войны был членом Американского общества изучения млекопитающих.

В августе 1941 г. В.Э. Мартино был уволен из обеих гимназий с формулировкой: «Линия Вашего мировоззрения, неоднократно Вами определенная, не совпадает с принятым нами путем, а потому нам приходится расстаться с Вами, причем коренное расхождение в идеологии нисколько не умаляет оценки Вашей педагогической деятельности». Кроме него, были уволены еще пять преподавателей. Момент увольнения совпал со временем наибольших немецких успехов и с немецко-эмигрантской пропагандой, но дальнейших репрессий в отношении уволенных не последовало за исключением невозможности поступать на госслужбу. Владимир Эммануилович устроился поденщиком при музее в Топчидерском парке в Белграде, давал вместе с женой уроки, обрабатывал огород. За три года оккупации ученый подготовил к печати две большие работы на русском и сербском языках, но «воздержался от печатанья их при немцах». О своей политической работе в этот период он писал: «В политических партиях и группировках я не состоял никогда. Сообразно с этим моя антифашистская работа под оккупацией состояла лишь в регулярном слушанье московского и лондонского радио (у моего соседа) и осведомлении моих сослуживцев об истинном положении мировых событий. Это, конечно, пустяки, но за них ссылали на каторжные работы и расстреливали. По счастью, между моими сослуживцами не было предателей» [8: 226–228].

Сын Мартино Кирилл (1914–2005), также зоолог широкого профиля – эмбриолог, орнитолог, ихтиолог, герпетолог, был членом подпольной антифашистской группы «Союз советских патриотов», перебрасывал советских военнопленных в партизанские отряды, а во время боев за освобождение Белграда в октябре 1944 г. служил переводчиком в штабах подразделений Красной армии.

В декабре 1945 г. семья Мартино уехала в Сараево (ныне Босния и Герцеговина), где до декабря 1947 г. ее глава был старшим научным сотрудником Государственного музея, а с 1 января 1948 г. по 9 ноября 1949 г. возглавлял Биологический институт местного университета.

В результате советско-югославского конфликта 1948 г. и начала политических преследований русских эмигрантов, прежде всего с советскими

паспортами, боснийская научная карьера В.Э. Мартино завершилась. Он был арестован Управлением государственной безопасности Югославии (далее – УДБ) и провел семь месяцев в тюрьме. 20 июня 1950 г. вместе с семьей был выслан в Болгарию. С 4 августа 1950 г. по 31 декабря 1952 г. занимал научные должности в Ловно-Рибарском союзе в Софии; с 1 июля 1953 г. по 1 июня 1954 г. – в Болгарской академии наук.

7 мая 1955 г. В.Э. Мартино с женой, сыном, невесткой и внуком репатриировался в СССР. Важным источником, раскрывающим советский период его жизни, являются письма ученого известному зоологу и гидробиологу, профессору Ивану Ивановичу Пузанову (1885–1971), сохранившиеся в Архиве Российской академии наук в фонде последнего. Это 34 письма из Ростова-на-Дону, первое датировано 25 февраля 1955 г., последнее – 7 октября 1960 г. [1]. Существенным дополнением к этому комплексу являются письма супруги В.Э. Мартино Евгении Вениаминовны И.И. Пузанову – 40 писем из Астрахани, Махачкалы, Ростова-на-Дону за период 15 февраля 1956 г. – 12 января 1966 г. [2], а также письма сына Мартино Кирилла: 14 писем из Астрахани и других городов [3]. Все вместе они образуют уникальный эпистолярный комплекс ученых-«возвращенцев», который, несомненно, требует полной научной публикации.

В.Э. Мартино и И.И. Пузанов, по-видимому, познакомились еще в дореволюционные годы в Крыму, где молодой Пузанов бывал неоднократно, а затем с 1918 г. работал в только что созданном Таврическом университете в Симферополе. В 1933 г. он переехал в Горький (ныне – Нижний Новгород) и до 1947 г. возглавлял кафедру зоологии позвоночных в местном университете, а затем принял аналогичную кафедру в Одесском университете.

В письмах И.И. Пузанову В.Э. Мартино довольно откровенно, хотя, несомненно, с оглядкой на перлюстрацию (характерную и для Югославии тех лет), рассказывает и об особенностях своего пути на родину, и о начале своей советской жизни: «Как мы попали в Болгарию? <…> Я руководил Биологическим институтом и читал лекции в пединституте (зоология позвоночных) и на сельскохозяйственном факультете (энтомологию), а Кирилла принудили занять должность зав кафедрой гистологии в Сараево на медицинском факультете... Однако Кирилл с этой должностью справился, организовал кафедру и 2 года читал лекции (это среди врачей-профессоров). И вдруг “пошло все прахом”. Произошел полный разрыв, мы же были уже советскими гражданами. У меня – скверный язык, у Кирилла – ригористический характер, и, хотя мы политикой не занимались, но честь советских граждан блюли. В результате оба попали в УДБ и отсидели там по 7 месяцев с последующей высылкой в Болгарию» [1: 11 об.].

Любопытно, что Мартино были вполне осведомлены или наслышаны о возможных вариантах жизнеустройства в СССР. В первом письме

И.И. Пузанову после приезда на родину Владимир Эммануилович признавался: «Ехали мы сюда, чтобы год-два работать в западно-сибирских совхозах, а уж потом устраиваться по способностям. Однако по приезде в Унгены нам сказали, что наш эшелон будет размещен в Ростовской области. Нам дали с женой 3600 рублей, поселили в хорошей комнате в Егорлыкском зерносовхозе и предоставили полную свободу, по преклонному нашему возрасту. И вот, "мы без души лето красное" все ловили зверьков» [1: 11].

Однако после оптимистического начала тон писем В.Э. Мартино постепенно меняется. В Ростове-на-Дону долго не удавалось найти подходящее жилье, супруги Мартино оказались далеко от центра города, в немощеном поселке, где условия для привыкших к столичной балканской жизни показались «глубоко провинциальными» [2: 2]. «Живем мы в большой грязи. Уезжая на службу, беру фляжку с водой, чтобы при въезде в культурную часть города по-библейски вымыть ноги. Хожу всегда в резиновых сапогах», – сетовал Владимир Эммануилович [1: 27 об.].

Всё же довольно быстро В.Э. Мартино получил сообщение из Ростовского обкома КПСС, что будет устроен работать по специальности: «Начальник Отдела науки Жданов (Юрий Андреевич, сын знаменитого Андрея Жданова) хотел устроить меня на должность старшего научного сотрудника, руководствуясь тем, что у меня 90 исследовательских работ. Однако в университете это дело наткнулось на препятствия. Дело в том, что у меня нет ученой степени. Между тем, здесь попадаются люди с ученой степенью, но без научных трудов. Так или иначе, но меня в университет взяли на должность старшего лаборанта. Через месяц председатель профсоюза и парторг подняли вопрос о моей инкорпорации, т.е. о даровании мне степени кандидата *honoris causa*. Однако один из членов кафедры успел отложить вопрос на неопределенное время. Значит, надо обождать...» [1: 12].

Имя Ю.А. Жданова как покровителя и заступника ученого-возвращенца неоднократно встречается в письмах В.Э. Мартино: «Благодаря заботам Жданова мне предоставилась полная возможность научной работы и я уже приготовил к печати три небольших статейки» [1: 12]. И как важнейший итог: «Большой человек, который по совершенно непонятным причинам проявил ко мне сердечное отношение» [1: 50 об.].

Несколько по-другому складывались отношения В.Э. Мартино с коллегами по университету: «Со мной очень любезны, но в остальном смотрят в окно и тарабанят по стеклу пальцами» [1: 17]. Большим ударом для немолодого ученого был отказ Высшей аттестационной комиссии разрешить ему защитить кандидатскую диссертацию без экзаменов. «Отказ ВАК подействовал на него ужасно, – писала супруга Мартино Пузанову. – Он согнулся и даже походка стала старческой» [2: 49]. «Мне же непривычно продираться вперед наперекор стихиям, – писал Владимир

Эммануилович старому другу. – До сих пор стихии меня выносили, может, вынесут и еще раз. Из лаборантов в преподаватели ближе, чем из ночных сторожей в директора Биологического института» [1: 17]. Старшим лаборантом университета пожилой ученый оставался до февраля 1959 г.

Владимир Эммануилович скончался 15 сентября 1961 г. Кирилл Мартино был на похоронах отца и отметил: «Университет проявил много внимания, взял на себя расходы и по инициативе университетских властей мать должна получить персональную пенсию. Но больше всего меня поразили студенты – ученики отца. Они не только искренне плакали, но до сих пор ежедневно навещают мать и всеми силами стараются ей помочь» [3: 13].

Судьба русских эмигрантов – участников движения Сопротивления в годы Второй мировой войны, в течение десятилетия после ее окончания возвращавшихся на свою родину, – складывалась по-разному: у кого-то трагично, а у кого-то вполне успешно. Однако вплоть до сегодняшнего дня они, в отличие, например, от советских военнопленных, реабилитированных указом президента России от 24 января 1995 г. [19], не признавались и не признаются Российским государством полноценными участниками Второй мировой / Великой Отечественной войны. Между тем их драматическая история, без сомнения, должна стать полноправной частью российского исторического нарратива и требует дальнейшего изучения и интерпретации.

Источники и литература

1. Архив Российской академии наук (далее – АРАН). Ф. 1674. Оп. 1. Д. 312.

2. АРАН. Ф. 1674. Оп. 1. Д. 313.

3. АРАН. Ф. 1674. Оп. 1. Д. 314.

4. Бадхызские архивы / сост. Р.И. Горелова, В.Я. Фет. Т. 2. Хантингтон, Западная Виргиния, США, 2025.

5. *Вовк А.Ю.* Движение Сопротивления во французской провинции. Случай эмигранта Георгия Шеметилло // Русская эмиграция и движение Сопротивления в годы Второй мировой войны / сост. М.Ю. Сорокина. М., 2021. С. 142–159.

6. *Вовк А.Ю.* К вопросу о послевоенной репатриации из Франции. Впечатления русских эмигрантов // Зарубежная Россия XX век: Слепухинские чтения – 2016. Труды международной научной конференции. СПб., 2018. С. 298–312.

7. *Горинов-мл. М.М.* Судьба участника антифашистской борьбы во Франции Н.Н. Роллера // Русская эмиграция и движение Сопротивления в годы Второй мировой войны / сост. М.Ю. Сорокина. М., 2021. С. 126–141.

8. Государственный архив Российской Федерации. Ф. Р-9526. Оп. 1. Д. 234.

9. *Маркдорф Н.М.* Судьбы советских военнопленных – участников европейского движения Сопротивления // Исторический курьер. 2021. № 3 (17). С. 164–172.

10. *Решетников С.В.* Репатриация советских граждан и участников движения Сопротивления из Франции в СССР // Новейшая история России. 2023. Т. 13. № 3. С. 745–758.

11. Российская эмиграция в борьбе с фашизмом: международная научная конференция. Москва, 14–15 мая 2015 года / сост. К.К. Семенов и М.Ю. Сорокина. М., 2015.

12. Русское зарубежье в движении Сопротивления во Франции, 1939–1945: книга памяти / сост. М.М. Горинов-мл., Н.Ю. Масоликова, М.Ю. Сорокина; отв. ред. и авт. предисл. М.Ю. Сорокина. М., 2025.

13. *Смирнов С.В.* «Ловушка для патриотов?» Репатриация русских эмигрантов из Северного и Восточного Китая во второй половине 1940-х гг.// Заложники холодной войны: беженцы, перемещенные лица и малые народы в глобальном противостоянии Востока и Запада. Коллективная монография / под ред. А.В. Антошина и Ю.В. Запарий. Екатеринбург; СПб., 2024. С. 159–175.

14. *Сорокина М.Ю.* И.Н. Голенищев-Кутузов (1904–1969): к истории возвращения в СССР // Ежегодник Дома русского зарубежья имени Александра Солженицына. 2017. М., 2017. С. 114–128.

15. *Сорокина М.Ю., Живанович М.* Книга памяти русских эмигрантов – участников движения Сопротивления в Югославии в годы Второй мировой войны: биографические материалы // Ежегодник Дома русского зарубежья имени Александра Солженицына. 2024. М., 2024. С. 231–363.

16. *Телицын В.Л.* Участие семьи русского эмигранта А.П. Маркова во французском Сопротивлении (1940–1944) // Материалы XXI и XXII международных научных цветаевских конференций (22–24 сентября 2018 г., 26–27 сентября 2020 г., Королев; Москва): сборник докладов. М., 2021. С. 305–314.

17. *Трубецкая Н.А., Животич А.* Владимир Александрович Лебедев (1906–1990) и Всеволод Георгиевич Прокофьев (1908–1983): к неизвестным страницам биографий членов Союза советских патриотов в Белграде // Русская эмиграция на Балканах. Скопье, 2021. С. 335–367.

18. «Трудности и опасности нас подстерегали на каждом шагу»: письма русских участников Сопротивления во Франции Г.А. Нечаеву (1962–1978 гг.). Публ., вступит. статья, подг. текста и коммент. М.М. Горинова-мл. // Ежегодник Дома русского зарубежья имени Александра Солженицына. 2024. М., 2024. С. 364–415.

19. Указ Президента Российской Федерации от 24.01.1995 г. № 63 «О восстановлении законных прав российских граждан – бывших

советских военнопленных и гражданских лиц, репатриированных в период Великой Отечественной войны и в послевоенный период» // Президент России. Официальный сайт. URL: http://kremlin.ru/acts/bank/7453 (дата обращения: 10.03.2025).

20. *Шишкова Т.* Внеждановщина: советская послевоенная политика в области культуры как диалог с воображаемым Западом. М., 2023.

Т.Ф. Маслова

СОЦИАЛЬНЫЕ ДИСПОЗИЦИИ ПЕДАГОГОВ В УСЛОВИЯХ НЕМЕЦКОЙ ОККУПАЦИИ: ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЕ ПОДХОДЫ И РЕЗУЛЬТАТЫ

Исследование социальных диспозиций личности – одно из актуальных направлений комплекса наук, затрагивающих вопросы социальных отношений. В центр внимания выводятся факторы, определяющие предрасположенность личности воспринимать и оценивать условия деятельности, собственную активность и действия других, готовность действовать определенным образом [7: 228]. Исследование данного процесса охватывает систему различных диспозиционных образований. Автор диспозиционной концепции личности В.А. Ядов к ним относит: ценностные установки, определяющие цели и способы деятельности, базовые социальные установки, связанные с объективацией серии поступков в определенных условиях; фиксированные установки как акт переживаний и акт поведения [8].

Совокупность выраженных социальных диспозиций на индивидуальном и групповом уровнях в системе общественных отношений определяет характер и содержание социокультурного поля, что особенно значимо в периоды опасности жизни и целостности общества. При этом реагирование субъектов на условия внешней среды сопровождается акцентуацией личностных смыслов и предрасположенностей в связи с коллективными ценностями.

Данное обстоятельство выводит анализ социальных диспозиций в сферу социокультурных отношений и их преобразования. Знания и оценка ресурса поведения и действия индивидов и групп в разных социальных ситуациях и исторические периоды представляется важным фактором развития и воспитания. Полагаясь на эти знания, новые поколения используют опыт «объединенного сознания» (А. Щюц), концентрации личностных свойств в ситуации вызовов неблагоприятной среды развития с осознанием глубины социальности и психологизма проблематики таких вызовов.

Наиболее ярким примером в данном контексте рассматриваются социальные диспозиции, воплощающие связь коллективных ценностей с личностными смыслами в условиях рисков и вызовов военного времени. Примером этому служит Победа советского народа в Великой Отечественной войне и память о ней как социальный аттрактор в совокупности ценностей: жизни, справедливости, патриотизма, героизма, интернационализма и других, отражающих духовность «корневого человека» (П. Флоренский), связанного с родиной, ее историей, с семьей.

С учетом роли и миссии учителя в проявлении и формировании этих качеств обратимся к рассмотрению социальных диспозиции педагога, олицетворявшего характер личности, гражданина, патриота во время Великой Отечественной войны.

В данной статье представляется попытка выделить характерные черты «диспозиционного портрета» педагогического сообщества в условиях вражеской немецкой оккупации российских территорий, а также опыта сохранения памяти об этом. Именно формы актуализации исторической, социальной памяти в современной действительности создают информационную базу для исследования. Вот некоторые из них: онлайн-экспозиция «Подвиг учителя» в Музее Победы на Поклонной горе в Москве; конкурс творческих работ «Подвиг учителя в годы Великой Отечественной войны» на сайте Всероссийского молодежного патриотического портала «Живая история»; проект «Учителя – герои Победы» на сайте Министерства просвещения России и др.

В качестве источников информации об учителях военного времени рассматриваются многочисленные публикации, художественные произведения, семейные архивы, нарративные интервью. Их содержание представляет обширный эмпирический материал для анализа социальных диспозиций педагогов в период Великой Отечественной войны с учетом гражданской и профессиональной миссии. Однако следует отметить, что имеющиеся источники в большей степени отражают участие педагогов в военных действиях, тогда как жизнь и деятельность в тылу врага заслуживает особого внимания в рассмотрении личностного и профессионального ресурса в условиях военного времени.

Согласно схеме диспозиционной регуляции социального поведения личности (В.А. Ядов) [8] представим характерные установки и действия педагогов Ставрополья в период немецкой оккупации края, опираясь на имеющиеся информационные источники.

Ценностные установки как элемент диспозиционного образования, определяющие цели и способы деятельности, проявлялись в разных гражданско-патриотических, профессиональных стратегиях и формах. Так, ставропольские исследователи в своих публикациях отмечают, что

в период оккупации на Ставрополье, с августа 1942 г. по январь 1943 г., «снизился и контингент учащихся, особенно в сельской местности – почти в 60 (!) раз. Главной причиной этого стала занятость учащихся на полях колхозов и совхозов. Что касается учителей, то их количество сократилось в 1,5 раза, так как многие учителя были мобилизованы на фронт» [9: 221–222].

Эту тенденцию находим в публикации о педагогах с. Большая Джалга Ипатовского района Ставропольского края. В 1940-е гг. в сельской школе преподавали Петр Иванович и Анна Николаевна Носенко: «В ноябре 1941 года Петр Иванович ушел на фронт, воевал в пехотных войсках. Летом 1943 года после ранения был отправлен домой, но через 2 месяца он добровольцем отправился на фронт. Вернулся осенью 1946 года и продолжил учительскую деятельность. Его жена – Анна Николаевна всё время преподавала в школе» [5].

К 75-летнему юбилею Великой Победы в регионе была запущена масштабная патриотическая акция «Учитель Ставрополья на войне», инициируемая Ставропольской краевой организацией Общероссийского Профсоюза. В ходе акции были созданы базы архивных документов и фотоматериалов об учителях, воевавших на фронтах Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. [10].

В системе диспозиционной регуляции объективации поступков отражают базовые социальные установки выполнения профессионального долга. Ю.К. Бобрышева отмечает: «В условиях “нового” режима ставропольские педагоги отдавали все свои силы решению задач, стоявших перед ними в деле воспитания и обучения. Деятельность учителей края не ограничивалась только профессиональными обязанностями. Они также принимали участие и в общественной жизни. Педагоги края являлись пропагандистами, агитаторами и культмассовыми работниками» [1: 28]. Это отражает общую задачу учительства, решение которой выражается в коллективной профессиональной диспозиции. В публикациях, посвященных учительству, находим: «Во многих селах и деревнях, как на советской, так и на оккупированной территориях, учитель часто оставался единственным представителем советской власти. К нему охотно шли за советом, помощью, поддержкой. Школьный учитель становился духовным центром местного общества» [2].

Одним из элементов социальной диспозиции выступают фиксированные установки как акт переживаний и акт поведения. В контексте данного положения приведем факты, изложенные в статье «Школьное образование Ставропольского края в период немецко-фашистской оккупации (август 1942 г. – январь 1943 г.)»: «Работать учителям приходилось под постоянным контролем оккупантов. На работу педагоги принимались

после тщательной проверки <…> Те учителя, которым всё же пришлось работать в период оккупации, на уроках воспитывали в школьниках чувство ненависти к фашистам, развивали дух патриотизма и преданности своей Родине, рискуя при этом собственной жизнью» [1: 28].

Известно, что у пос. Фазанного в Кировском округе установлен памятник учительнице Клавдии Ивановне Иванченко, которую оккупанты убили за то, что она передавала нашим войскам данные о местоположении немцев, прятала своих учеников, несмотря на приказ оккупационных властей [4].

Описанная ситуация созвучна мыслям писателя В. Быкова, которые он вложил в уста героя своей повести «Обелиск», сельского учителя Алеся Мороза: «Не будем учить мы – будут оболванивать они. А я не затем два года очеловечивал этих ребят, чтоб их теперь расчеловечивали. Я за них еще поборюсь. Сколько могу, разумеется» [3].

Повседневная школьная жизнь ставропольского учительства осуществлялась именно в этом русле. В качестве примера приведем сюжет из личного архива одного из бывших учеников, ветерана Великой Отечественной войны, журналиста Ф.И. Губанова (1927–2017), описывающий период оккупации с. Молотовского (ныне – Красногвардейское) и воспоминания о своем учителе. «Уроки начинались раньше на полчаса. Прежде чем сесть за парты, директор школы Георгий Николаевич Шевченко собирал всех старшеклассников в коридоре перед “тарелкой” – радиорепродуктором, чтобы послушать последние известия с фронтов. Тут же объяснял отдельные моменты. На военные темы писали сочинения, участвовали вместе с учителем в митингах жителей села» [6: 1246].

В заключение отметим, что исследования социальных диспозиций педагогов в годы войны отражают потребность современного общества в расширении и повышении эффективности работы по сохранению исторической памяти о Великой Отечественной войне. В контексте педагогической профессии, подготовки специалистов-педагогов это будет способствовать постижению и принятию социальных диспозиций при выполнении гражданского и профессионального долга в различных ситуациях, а также формированию культуры исторической, социальной памяти, сохраняющей и возрождающей ценности и опыт своих предшественников.

Источники и литература

1. *Бобрышева Ю.К.* Школьное образование Ставропольского края в период немецко-фашистской оккупации (август 1942 г. – январь 1943 г.) // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2014. № 4 (42): в 2 ч. Ч. 2. С. 27–29.

2. *Богуславский М.* Спасли и сохранили. Школа в годы Великой Отечественной войны // Учительская газета. 2020. № 18. 5 мая. URL: https://ug.ru/spasli-i-sohranili/ (дата обращения: 19.02.2025).

3. *Быков В.* Обелиск. URL: https://azbyka.ru/fiction/obelisk-vasil-bykov/ (дата обращения: 19.02.2025).

4. *Гаврилюк С.* Историю подвига советской учительницы восстанавливают на Ставрополье. URL: https://nevinnomisskiy.ru/news/obschestvo/2020-10-29/istoriyu-podviga-sovetskoy-uchitelnitsy-vosstanavlivayut-na-stavropolie-65388 (дата обращения: 19.02.2025).

5. *Лошакова Е.В.* Учитель Ставрополья на войне. URL: https://www.https://infourok.ru2754 (дата обращения: 19.02.2025).

6. *Маслова Т.Ф.* Социализация в условиях военного детства: страницы устной истории // Социология и общество: традиции и инновации в социальном развитии регионов: сборник докладов VI Всероссийского социологического конгресса (Тюмень, 14–16 октября 2020 г.) / отв. ред. В.А. Мансуров; ред. Е.Ю. Иванова. М., 2020. С. 1244–1250.

7. *Проказина Н.В.* Диспозиционная модель социологической культуры государственных гражданских служащих // Вестник Московского университета МВД России. 2012. № 5. С. 228–232.

8. Саморегуляция и прогнозирование социального поведения личности: диспозиционная концепция. 2-е расширенное изд. М., 2013.

9. Ставропольский край в период Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. / под ред. С.И. Линца (отв. ред.), А.А. Аникеева, Г.И. Кольга. М., 2019.

10. Учитель Ставрополья на войне. URL: https://dobro.ru/project/10000026 (дата обращения: 22.02.2025).

Е.А. Макарова

СТРАТЕГИЯ ВЫЖИВАНИЯ: ПРЕПОДАВАТЕЛЬ РАЗВЕДШКОЛЫ АБВЕРА

В настоящее время проблема сотрудничества с оккупантами гражданского населения и военнопленных в годы Великой Отечественной занимает не последнее место в отечественной исторической науке. В частности, российская историография касалась вопросов коллаборации в экономике, идеологии, культуре. Разработан вопрос типов и форм коллаборационизма советских граждан. Сотрудничество населения оккупированных территорий с неприятелем остается до сих пор острой и спорной темой. Историки рассматривали различные слои населения и социальные категории – тех, кто так или иначе сотрудничал

с противником. Истории полицейских частей, служба в легионах или хиви, даже конкретные судьбы служивших в Русской освободительной армии (далее – РОА) являются распространенными направлениями исследований [1; 5]. Однако никто из отечественных исследователей до сих пор не рассматривал проблему сотрудничества бывших советских военнопленных командиров в качестве преподавателей разведшкол абвера. Ранее в своем исследовании мы касались вопроса источников комплектования Полтавской разведшколы абвера и качества ее кадров [2; 3].

На примере судеб преподавателей Полтавской разведшколы абвера мы попытаемся проследить их пути попадания в плен, понять, каким образом они оказывались в разведшколе, какими мотивами руководствовались при поступлении на службу в абвер, какие функции выполняли в разведшколе в своем статусе и насколько их деятельность могла нанести ущерб соотечественникам, противостоящим вермахту на фронтах войны. Основным источником для исследования являются архивно-следственные дела сотрудников разведшколы и так называемые литерные дела Полтавской разведшколы абвера. В статье мы сознательно избегаем указаний на точные социально-демографические данные преподавателей разведшколы.

Из показаний С. «Сомова», в 1942–1943 гг. основного сотрудника разведшколы абвера в Полтаве, известны те, кто в указанный период там преподавал. Это «Сударев» Александр Николаевич, артиллерист, попавший в плен в августе 1941 г. в районе Умани. «Мей» Николай, летчик, «исполнял должность начальника рабочей команды и преподавал парашютное дело». «Карпенко» Иван Данилович, лейтенант – танкист, «работал физруком, одновременно как агент следил за поведением и настроением учащихся» [7: 40–41].

«Сударев» являлся ведущим преподавателем. Читал курс по организации войск Красной армии, общевойсковой разведке, проводил строевую подготовку, инструктаж о поведении в тылу за линией фронта, изготавливал фиктивные документы курсантам для разведывательных целей, был ответственным за хранение бланков и печатей [6: 109]. Конкретных предметов в разведшколе с двухнедельным курсом формального обучения не было. Арестованный органами Народного комиссариата внутренних дел (далее – НКВД) А.Х. «Зозулин» дополнил, что «Сударев» также «преподавал дисциплину о работе органов НКВД и мерах борьбы с ними» [6: 72].

По показаниям одного из неудавшихся разведчиков, курсанты называли его «товарищ майор». О себе преподаватель рассказывал, что бывал в Варшаве, хорошо знает районы СССР. Н. «Бергозов» свидетельствовал о нем как о хорошем спортсмене, с адекватным отношением к слушателям

разведшколы: «Любит дисциплину, подхалимства не любит» [6: 93]. Проживал в общежитии заведения вместе с курсантами, но в отдельной квартире. В бытовом плане являлся аккуратным человеком, носил «чистый костюм бельгийского офицера без погон». Разоблаченные слушатели разведшколы говорили о его обходительности и вежливости в отношении с окружающими. «Сударев» – холостой мужчина, не чурался употребления спиртного. Курсант И. Никитченко на одном из допросов сообщал, что преподаватель «любит выпить и увлекается женщинами», другой его однокашник дополнял: «Одинокий, жены не имеет, часто бывает пьяным» [6: 57].

Впрочем, К. «Матюков» на одном из допросов в особом отделе уточнил, что «Сударев» все-таки «водку пьет мало». Советский зафронтовой агент, внедренный в разведшколу, добавил, что Александр Николаевич «в период нахождения школы в Пуще Водица сожительствовал с девушкой по имени Ирина, проживавшей где-то по Гоголевской улице, к которой он ходил на квартиру». Начальник управления Народного комиссариата государственного безопасности по Киевской области полковник Бондаренко докладывал вышестоящему начальству уточняющую данное обстоятельство пикантную подробность: симпатией «Сударева» оказалась 27-летняя Иранда Вольдемаровна Никифорова – домработница самого начальника разведшколы абвера. Однако это не мешало ему сохранять авторитет среди сотрудников разведоргана, и только он заявлял, «что такой-то курсант политически неблагонадежен, как этого курсанта отправляют в концлагеря» [6: 93].

Мы не случайно остановились на деталях образа жизни и повседневности данного сотрудника разведшколы абвера. Полагаем, что такая характеристика может сказать о нем больше, чем факты «официальной» биографии. В. «Епифанцев» характеризовал «Сударева» фразой: «предан фашистам». Это дополнял курсант К. «Матюков»: «ярый проповедник фашизма», – и подтверждал Н. «Феоктистов»: «резко антисоветски настроен». За игрой в шахматы с курсантом Н. «Феоктистовым» говорил, что «советская власть будет свергнута при помощи немцев, и РОА будет восстановлен в России старый царский строй». К. «Матюков» рассказывал, как «однажды с ним разговаривал и в разговоре задал вопрос: "Куда денетесь, если победит Красная армия?" На что он ответил: "Можно будет уехать, хотя бы в Болгарию и там проживать, хотя Красная Армия почти разбита и не следует думать о ее победе"» [6: 69].

Факты биографии, которые А.Н. «Сударев» сообщал курсантам, кажутся на первый взгляд специфическими. Мы имеем возможность их проверить, чтобы увидеть, насколько биография, рассказанная курсантам Полтавской разведшколы абвера, имела мало общего с настоящим послужным списком А.Н. «Сударева».

В 22 года он поступил на службу в РККА, которую начал во 2-м отдельном кавалерийском полку Государственного политического управления в качестве ружейного инструктора. Полк во время конфликта на Китайско-Восточной железной дороге принимал участие в боевых действиях, однако участвовал ли в боях «Сударев», его послужной список не отражает. Наград до 1941 г. не имел. С октября 1929 г. являлся курсантом Ленинградской кавалерийской школы, по окончании которой направлен в качестве командира взвода в 9-й Путиловский кавалерийский полк, дислоцировавшийся в июле 1931 г. в г. Изяславле. В ноябре переквалифицировался в артиллеристы, был переведен приказом по округу в г. Старо-Константинов на должность командира взвода во 2-й конно-артиллерийский дивизион. С 1929 г. до 1941 г. (до дня пленения) был членом ВКП(б). Одно время даже занимал должность ответственного секретаря партбюро 76-го отдельного артдивизиона Киевского особого военного округа, в котором командовал батареей.

Только однажды, в 1937 г., ему было поставлено «на вид» партийной комиссией 13-го стрелкового корпуса: вероятно, «Сударев» пытался подать документы на учебу в военную академию, но скрыл, что его отец эмигрировал в Китай при отступлении армии Колчака. Войну встретил в звании капитана, на момент пленения оставался в том же звании.

Следовательно, в части факта репрессии отца, как и в части послужной биографии, Александр Николаевич и немцам, и своим курсантам присочинил. Логично, что вербовка немецкой разведкой задолго до войны также придумана им, как и осознанный переход на сторону противника.

Предполагаем, что в действительности, попав в окружение в районе с. Копенковатое в составе конно-артиллерийского полка, где он занимал должность начальника штаба, «Сударев» 4 августа 1941 г. был пленен в общей массе прорывавшихся из кольца бойцов 12-й армии. Этапом сначала был доставлен в шталаг 360 в Ровно, откуда 29 сентября этапирован в офлаг в г. Владимире-Волынском. И только там уже выбрал путь, приведший его в преподаватели разведшколы абвера. Весной 1943 г. награду он все-таки получил – знак отличия «За заслуги для восточных народов». А в 1944 г. был арестован органами Смерш [4].

Преподаватель Н. «Мей» числился в Полтавской разведшколе абвера с июня 1942 г. «Прибыв в школу, был назначен на должность автотехника и преподавателя, а позднее стал еще переводчиком и старшим рабочей команды в ней», – сообщал по инстанции советский зафронтовой агент [6: 114]. Отчет о допросе летчика, последовавшем сразу после пленения, сообщает, что пилот «Мей» 11 мая 1942 г. совершил вынужденную посадку, так как мотор самолета был поврежден зенитным выстрелом противника. Это был его первый боевой вылет. Н. «Мей» мечтал стать летчиком

гражданской авиации, тренировался в аэроклубе в Тушино, потом был направлен в Качинскую летную школу. Ее он окончил незадолго до начала войны.

Свое решение посадить самолет пояснил: «Поскольку задача не была выполнена, а возвращение в таком случае расценивается как дезертирство, решил сделать вынужденную посадку». Вполне вероятно, летчику также задали вопрос о планах на жизнь после окончания войны, так как в содержании рапорта зафиксировано, что «высказывает пожелание служить в немецкой гражданской авиации» [9: 000175-000178].

Предположительно, дальнейший путь Н. «Мея» к разведшколе был от места пленения в лагерь военнопленных в Полтаву, где его уже как специалиста отобрали для работы в гараже при абверкоманде 102. В этот же период в лагере военнопленных в группе специалистов-техников находился и военнопленный, которого советские спецслужбы ошибочно идентифицировали как «преподавателя разведшколы Кононучука». И если «Мей» согласился на предложение начальника абверкоманды полковника Рокиты, то «Кононучук» отказался от вербовки и пытался совершить суицид. Из петли его успел вытащить, вполне возможно, военнопленный «Мей», но дальше их пути разошлись. Данные «Кононучука» абверовцы использовали в дальнейшем в агентурной игре, а вот «Мей», хорошо владевший немецким языком, остался как преподаватель, шофер и переводчик одновременно. Немцы доверили ему также заведовать хозяйством разведшколы [8: 64].

Арестованный курсант «Зозулин» на допросе в особом отделе фронта сообщал, что бывший пленный летчик «пользуется авторитетом среди руководителей и преподавателей школы. Ходит в кожаном пальто, авиационном кожаном шлеме на меху» [6: 72]. Неудивителен при таком стиле и положении его роман в 1943 г. с А. Моисеенко, жительницей Киева, в прошлом сотрудницей бухгалтерии районного НКВД. Быстрое продвижение линии фронта на запад оставило роман преподавателя разведшколы абвера незавершенным. В 1945 г. данное обстоятельство использовали сотрудники советских разведорганов для активизации поиска немецкой агентуры.

С этого времени и до весны 1945 г. следы «Мея» теряются. Однако 9 сентября 1945 г. он находился в числе репатриированных, прибывших в фильтрационном пункте НКВД на станции Алкино. Оттуда 12 октября 1945 г. убыл на работы с 26-м рабочим батальоном. Проверка не нашла ничего подозрительного в изложенной им биографии, согласно которой попал в плен в мае 1942 г. и все время «находился в лагерях военнопленных Нюрнберга и Трира».

Несмотря на то, что «Мей» благополучно прошел проверку, на свободе он пробыл недолго. Вероятно, поиски киевской симпатии, которой он

опрометчиво подарил фото, выдали его как находящегося в розыске сотрудника вражеской спецслужбы. В итоге он был арестован.

Еще одним сотрудником Полтавской разведшколы абвера был И. «Карпов». Этот перебежчик чуть не изменил ход Сталинградской битвы – способствовал быстрому прорыву 24-й танковой дивизии вермахта через подготовленную полосу обороны и захват господствующей высоты 107,5. Арестованный сотрудниками НКВД курсант Н. «Бергозов» рассказывал о «Карпове» на допросе, что тот «выполнял задание в тылу Красной армии. Под Сталинградом переехал с танками к немцам. От немцев получил медаль с двумя мечами» [6: 93].

В отчете о допросе «Карпова», состоявшемся в отделе 1с LI армейского корпуса, содержится информация, из которой следует, что подобное, действительно, происходило в самом начале второго штурма Сталинграда в районе «Семь ветров». В частности, пленный о себе рассказал, что до начала войны работал электротехником в типографии в Могилёве. После захвата города немцами якобы был завербован и переброшен в Орёл. Там будто бы получил задачу перейти линию фронта и провести разведку в районе Ливны. Однако почти сразу «Карпова» арестовали. На проверке в особом отделе НКВД в течение нескольких дней он выдавал себя за лейтенанта-танкиста. Проверяющие ничего подозрительного в его рассказах не выявили, отправили на сборный пункт и далее – к новому месту службы, в формировавшуюся танковую часть. Летом 1942 г. с ней в должности командира танковой роты «Карпов» прибыл в Сталинград.

Рота «Карпова» выполняла приказ об атаке противника, и она совпала с началом второго немецкого наступления на Сталинград. Танковая атака захлебнулась, «Карпов» приказал роте отходить, однако машины попали на собственное минное поле. Комроты не стал эвакуироваться и дождался подхода неприятеля. При опросе утверждал, что сделал это целенаправленно, чтобы провести немцев через советские минные поля [10: 1280827–1290829]. В документах противника, описывающих прорыв 24-й танковой дивизии, мы не нашли указаний, что минные поля в районе аэродрома немцы преодолели при помощи перебежчика, поэтому в этой части показания «Карпова» ставим под сомнение, полагая, что таким образом пленный хотел получить гарантии сохранения собственной жизни.

Спустя неделю после пленения «Карпов» уже числился слушателем Полтавской разведшколы абвера. А в ноябре 1942 г. переброшен с заданием за линию фронта в советский тыл. И, как сообщал на одном из допросов курсант «Феоктистов», «на сторону немцев привел танк с экипажем, после чего был оставлен в школе, где замещал старшину, преподавал типы советских танков» [6: 114]. В августе 1943 г. «Карпов» прошел

переаттестацию, получил звание лейтенанта и из разведоргана отбыл в РОА. Арестован сотрудниками Смерша в 1945 г.

Рассмотрев три истории и часть биографий троих преподавателей разведшколы в Полтаве, служивших там с июля 1942 г. и до середины 1943 г., мы полагаем, что установить с убедительной точностью их личные мотивы сотрудничества с абвером невозможно. Все они были психически адекватными, поэтому и мотивировку каждого нужно рассматривать с учетом возраста, отношения к власти, социального происхождения, политических взглядов, ситуации, при которой они оказались в плену. В этом плане все трое происходили из среды рабочих, политической активностью в довоенный период не отличались. Можно сказать, что в принципе они не имели политических убеждений и следовали «общей линии партии», принимая любые исходящие от партийного руководства установки. Публично несогласия не выражали.

Однозначно, избрав возможность преподавать в разведшколе, эти люди избежали потенциальной смерти в лагерях для военнопленных. Для них, вполне вероятно, не имело значения и то, какие функции требовалось выполнять. С большей долей вероятности и «Сударев», и «Мей», и даже «Карпов» восприняли свою новую роль как смену одной профессии на другую. При этом основным мотивом у всех была жажда жизни. Именно с этой целью «Сударев» придумывал и рассказывал курсантам ложные факты из собственной биографии о репрессиях отца, собственной судимости и исключении из партии за антисоветские высказывания и якобы довоенной вербовке немцами. С этой же целью «Карпов» убеждал немцев в умышленности отвода своей роты на минные поля и позднее способствовал циркуляции среди курсантов разведшколы слухов о себе как «захватившем и приведшем советский танк в расположение противника» во время ходки за линию фронта. С учетом того, что победа Германии в 1941–1942 гг. ни у кого сомнений не вызывала, то никто из преподавателей еще не задумывался о возможном возмездии. Однако регулярное употребление алкоголя ими все-таки может свидетельствовать о том, что они понимали невозможность возврата к исходной точке выбора и мысли о расплате их наверняка посещали. В приоритете до определенного момента в этой среде оставалась заинтересованность в материальной выгоде и социальном продвижении.

То, что немцы обращались с военнопленными вопреки принятым международным конвенциям, а также то, что по возвращении из плена в СССР ожидали проверки и репрессии, думается, определяло выбор. Данное обстоятельство представило «Мею», «Карпову», «Сомову», «Судареву» самим думать о собственном выживании. Потеряв возможность защиты со стороны своего государства, они освободили себя

от обязанностей по отношению к нему. Распорядились этой «свободой выбора» по своему личному усмотрению, однако карателями не стали. Работа преподавателем в разведшколе абвера для них была только приемлемой альтернативой выживания в условиях плена. Данная стратегия, действительно, помогла им пережить войну. Однако позднее наказания за принятый выбор не избежал никто.

Источники и литература

1. *Ковалёв Б.Н.* Коллаборационизм в России в 1941–1945 гг.: типы и формы. Великий Новгород, 2009.

2. *Макарова Е.А.* Полтавская разведшкола абвера: качество и источники комплектования агентурных кадров // Великая Отечественная война в истории и памяти народов Юга России: события, участники, символы: материалы IV Всерос. науч. конф. с международным участием, посвященной 80-летию освобождения Дона и Донбасса (г. Ростов-на-Дону, 5–8 июля 2023 г.) / отв. ред. акад. Г.Г. Матишов. Ростов-на-Дону, 2023. С. 156–165.

3. *Макарова Е.А.* Полтавская разведшкола абвера: функционирование и основное направления деятельности // Великая Отечественная война в истории и памяти народов Юга России: события, участники, символы: материалы V Всерос. науч. конф. с международным участием (г. Ростов-на-Дону, 30–31 мая 2024 г.) / отв. ред. акад. Г.Г. Матишов. Ростов-на-Дону, 2024. С. 342–350.

4. Сборник справочных материалов об органах германской разведки, действовавших против СССР в период Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. М., 1952.

5. *Семиряга М.И.* Коллаборационизм. Природа, типология и проявления в годы Второй мировой войны. М., 2000.

6. Центральный архив Федеральной службы безопасности РФ (далее – ЦА ФСБ). АУД № Р-16492.

7. ЦА ФСБ. АУД № Р-48451.

8. ЦА ФСБ. АУД № Р-48506.

9. National Archives and Records Administration. T-314. R-488.

10. Politisches Archiv Auswaertiges Amt. R-60764. Akten v. Schubert. Bd. 4.

Т.Ю. Людоровская

УЩЕРБ, ПРИЧИНЕННЫЙ МИРНЫМ ГРАЖДАНАМ В Г. АРТЁМОВСКЕ СТАЛИНСКОЙ ОБЛАСТИ В 1941–1943 гг.

Колоссальным и трагическим был ущерб, причиненный мирным советским гражданам Донбасса в годы Великой Отечественной войны.

Регион находился в оккупации с октября 1941 г. по сентябрь 1943 г. Оккупационные власти проводили массовые расстрелы коммунистов, советских активистов, партизан и членов их семей, что привело к масштабным человеческим жертвам, разрушениям и страданиям. Огромное количество жителей было принудительно вывезено на работы в Германию, где многие погибли от непосильного труда, голода и болезней.

Тема ущерба, причиненного мирным советским гражданам Донбасса в годы Великой Отечественной войны, остается крайне актуальной и в наши дни, несмотря на прошедшие десятилетия. Эта актуальность обусловлена несколькими ключевыми факторами: во-первых, важно помнить о масштабах трагедии, которую пережило мирное население Донбасса в годы войны, сохранение исторической правды помогает противостоять попыткам фальсификации истории и героизации нацизма; во-вторых, важно чтить память погибших мирных граждан и проявлять уважение к тем, кто пережил войну и оккупацию; в-третьих, изучение причин и последствий войны помогает предотвратить повторение подобных трагедий в будущем.

В настоящее время проводятся исследования, направленные на изучение ущерба, причиненного мирным гражданам Донбасса в годы Великой Отечественной войны. Реализуются проекты, посвященные увековечению памяти жертв войны и оказанию помощи ветеранам и пострадавшим от войны.

Данная работа посвящена изучению ущерба, причиненного мирному населению г. Артёмовска Сталинской области (в настоящее время – Донецкая Народная Республика) в 1941–1943 гг. Изучение такого опыта в годы Великой Отечественной войны позволяет лучше понимать проблемы, с которыми сталкиваются мирные жители в современных зонах конфликтов и гуманитарных кризисов.

Источниковедческой базой исследования стали материалы Государственного архива Российской Федерации, в частности, фонд Р-7021, опись 72, дело 30 «Акт о злодеяниях немецко-фашистских захватчиков в гор. Артёмовске и гор. Часов-Яр» и дело 3 «Акты о злодеяниях немецко-фашистских захватчиков, причиненных мирным советским гражданам и военнопленным в гор. Артёмовске, Сталинская область», охватывающие период с 31 октября 1941 г. до 5–6 сентября 1943 г. Некоторые статистические данные вводятся в научный оборот впервые.

31 октября 1941 г. фашистские захватчики ворвались в Артёмовск. Свое вступление они ознаменовали разрушением памятника Артёму, расположенному на центральной площади города, а также сожжением Дворца культуры им. Ленина и повешением десяти лучших, ни в чем не виновных граждан.

Дальнейшая их деятельность была направлена на разорение города и его ценностей, а также на уничтожение населения. Фашистские захватчики превратили в конюшни лучшие здания города.

После вступления в Артёмовск гитлеровцы произвели массовые облавы, аресты и казни советских граждан, которые не прекращались все 22 месяца фашистского пребывания в городе. За время оккупации в Артёмовске гитлеровцы замучили и убили до 5 тыс. человек [1: 1].

Немцы полностью разрушили водопровод, все 17 заводов города, электростанцию мощностью 2700 кВт, оборудованную двумя паротурбинами, электроподстанцию с силовыми трансформаторами 3200 кВт. Общая годовая электровыработка электроэнергии составляла 2 133 800 кВт/ч и обеспечивала электроэнергией все заводы и фабрики, а также весь город освещением.

На территории электростанции имелись цеха (электромеханическая мастерская, слесарно-токарный цех, кузнечный цех), паровозное депо и культурно-бытовые сооружения. Оборудование электростанции и цехов при бегстве немецких оккупантов было вывезено, а здание взорвано и сожжено.

Таким же образом был уничтожен водопровод, взорваны и уничтожены насосная станция со всем механическим оборудованием, трансформаторный киоск с полным оборудованием и канализационные сооружения. Население г. Артёмовска оставлено без света и воды. Размер убытков по электростанции и водопроводу составил 8 968 219 руб.

Метизный завод «Победа труда» был построен в 1904 г. и реконструирован в 1940 г. Завод был оборудован новейшими станками, выпускал метизные изделия главным образом для обеспечения угольной промышленности, транспорта и строительства на сумму 8–9 млн руб. в год. Рабочих было 825 человек, инженерно-технических работников – 70 человек. При заводе имелись культурно-бытовые учреждения: детский сад с полным оборудованием, клуб на 1 тыс. мест со всем оборудованием, кино, библиотека, стадион на 2 тыс. зрителей и четырехэтажный жилой дом.

Имущество и оборудование завода было вывезено оккупантами при бегстве, а здания взорваны и сожжены. Многие работники завода были арестованы и замучены:

1. Клименко Петр Севостьянович – мастер, член партии.
2. Бутенко Семен Николаевич – печник.
3. Олейников Александр Иванович – мастер.
4. Мангулов Неземедин Салниирович – проволочник.
5. Григорович Николай Львович – начальник отдела кадров.
6. Ткалич Федор Тихонович – техник-контролер.
7. Шнема Иван Иванович – председатель завкома.

Ущерб, принесенный заводу, оценивается в 28 807 051 руб. [2: 4].

Лучшую часть города оккупационные власти при отступлении превратили в груды развалин и пепла.

Керамико-трубный завод был построен и оборудован в Артёмовске в 1906 г. Продукция, выпускаемая заводом (канализационные и дренажные трубы), шла для нужд городского хозяйства. Производительность завода – 10 тыс. т канализационных труб. На заводе имелось хорошо оборудованное общежитие для рабочих, столовая, клуб со сценой.

В период оккупации оборудование, аппаратура и транспортные средства были разграблены, сооружения данного завода немецкие оккупанты разрушали, приводили в негодность, а при бегстве взорвали и сожгли завод.

Стекольный завод был построен в 1928 г., затем был реконструирован и оснащен новейшими машинами. При заводе были культурно-бытовые сооружения: клуб на 300 человек, библиотека, столовая на 900 человек. Количество рабочих – 860 человек, в том числе инженеров – 25 человек. Оборудование завода вывезено при бегстве немцев, здания взорваны и сожжены. Убытки выражаются в сумме 2 848 600 руб.

Только пяти предприятиям нанесены убытки в сумме 44 034 870 руб. Оккупанты превратили в груды развалин и ряд других заводов: пять алебастровых, два кирпичных, два литейных, кожевенный, моторо-ремонтный, хлебозавод и автотракторные мастерские. Разрушены шесть фабрик: обувная, галантерейная, швейная, макаронная и др.; две мельницы и метеорологическая станция.

Виновниками этих злодеяний являлись командование 24-го технического батальона: обер-лейтенант Шюцце, фельдфебель Шергес, унтерофицеры Шаркис, Зельцберг, Линк, ефрейтор Альберт Шифер, представители немецкого командования – советник Шмок, советник Герд и капитан Гергард.

Город с его жилыми благоустроенными трех- и пятиэтажными домами, торговыми предприятиями немецкие оккупанты превратили в груды развалин и пепла, уничтожили путем взрыва и поджогов 1272 жилых домов, оставили население города без крова, воды и света [1: 12].

Гитлеровцы взорвали и сожгли культурно-бытовые учреждения: поликлиники больницы, учебные заведения, клубы и Дворец культуры им. Ленина. Он представлял из себя фундаментальное трехэтажное здание, в котором располагался зрительный зал на 1200 мест, центральная городская библиотека с 57 600 экземпляров книг, парткабинет, два музея (исторический и краеведческий), дом санитарии и гигиены, клуб металлистов. Летний театр, рассчитанный на 1500 зрителей, был разобран немцами на дрова. Были вырублены и уничтожены сады и парки.

Учебные заведения Артёмовска размещались в специально построенных и прекрасно оборудованных зданиях, имевших кабинеты, снабженные новыми приборами и пособиями, а детские дома и сады были оборудованы как твердой, так и мягкой мебелью.

Артёмовский учительский институт находился в двухэтажном кирпичном здании из трех корпусов и имел 11 хорошо оборудованных кабинетов: физический, математический, зоологический, биологический, химический, географический, геологический, педагогический, исторический, военный и физкультурный. Это здание фашистами было превращено в конюшню, затем разбиралось на дрова, а потом было взорвано и сожжено.

Хорошие здания имели школы им. Орджоникидзе, Тимирязева, Кирова, Чкалова, Артёма, им. 20-летия Октября и др. Все они были полностью уничтожены, их имущество разграблено фашистами. Уничтожены (взорваны и сожжены) 28 зданий учебных учреждений: два института, семь средних, три неполные и четыре начальные школы, четыре техникума, пять школ фабрично-заводского обучения, две школы для глухонемых, школа для слепых. Уничтожены 20 детских учреждений: 17 детских садов и три детдома.

Общая стоимость материального ущерба, причиненного фашистскими захватчиками системе народного образования Артёмовска, составила 21 770 474 руб. Гитлеровцы замучили учителей Александру Афанасьевну Колпакову, Прокофия Дмитриевича Зинченко, Ирину Григорьевну Подольскую, Нину Григорьевну Бельскую.

Оккупировав Артёмовск, немцы в каждую область работы города поставили своего «особого руководителя» – зондерфюрера.

Особый руководитель по делам здравоохранения в Артёмовске доктор Тюмер первые шаги своей деятельности ознаменовал тем, что поставил часовых у дверей лазарета, чтобы городские жители не могли носить пищу раненым красноармейцам, умиравшим от голода. Вторым актом деятельности доктора Тюмера было уничтожение ряда врачей. Среди них врач Клавдия Ивановна Ведь, хирург Сара Михайловна Шапиро и ряд работников среднего медперсонала. В течение последующих 22 месяцев доктор Тюмер, а потом и его преемники руководили последовательным расхищением лечебных учреждений, закончившимся 2–4 сентября 1943 г. сплошными пожарами и взрывами. Взрывом была уничтожена рабочая поликлиника – двухэтажное здание, построенное в 1929 г. Она насчитывала 36 врачебных кабинетов и имела возможность обслуживать ежедневно 2 тыс. больных. Рентгенкабинет, рентгенолечение, светолечение, водолечение, массаж, стационар для туберкулезных больных, детская консультация и консультация для женщин, зуботехническая протезная мастерская, станция скорой помощи со специальными машинами – всё

это было уничтожено оккупантами, обращено в груды битого стекла и кирпича.

Подобно рабочей поликлинике, разрушены 1-я и 2-я городские больницы, венерологическая лечебница, пастеровская станция и психоизолятор, районная амбулатория, восемь медпунктов, морг, санитарная медстанция, средняя медшкола, детская больница, детский туберкулезный санаторий, 11 детских яслей и дом грудного ребенка. Комиссия по учету материального ущерба, причиненного гитлеровцами, установила, что стоимость расхищенных и разрушенных лечебных учреждений в Артёмовске составляет 10 059 тыс. руб.

Население осталось без света, воды, культурного обслуживания, медицинской помощи, в значительной части без крова. Более 3 тыс. человек фашисты насильно увезли в Германию на каторгу.

Все эти злодеяния были совершены в Артёмовске с октября 1941 г. по начало сентября 1943 г. по прямым указаниям коменданта города майора фон Цоббел, а потом по указаниям сотрудников областного хозяйственного командования Шмока и Герда и капитана Гергарда.

Нельзя не учитывать и психологический ущерб, нанесенный мирным гражданам города. Война оставила глубокие психологические травмы у людей, переживших оккупацию, голод, террор и потерю близких. Война также подорвала веру в будущее и оставила чувство неопределенности и тревоги. В условиях оккупации и борьбы за выживание происходила деформация моральных ценностей, рост жестокости и эгоизма.

Оценить точный ущерб, причиненный мирным гражданам Донбасса в годы Великой Отечественной войны, крайне сложно. По различным оценкам, количество жертв среди гражданского населения Донбасса составляет сотни тысяч человек. Экономический ущерб оценивается в миллиарды рублей в ценах того времени.

Ущерб, причиненный мирным гражданам Донбасса в годы Великой Отечественной войны, был огромным и невосполнимым. Память о жертвах войны должна служить предостережением от повторения подобных трагедий.

Память о жертвах Великой Отечественной войны в Донбассе свято хранится. Во многих городах и поселках установлены памятники и мемориалы, посвященные погибшим мирным гражданам. Проводятся мероприятия, направленные на увековечение памяти о жертвах войны и сохранение исторической правды. Важно формировать у граждан чувство ответственности за судьбу своей страны и готовность защищать ее интересы. Опыт возрождения экономики Донбасса после войны может быть полезным для восстановления регионов, пострадавших от современных конфликтов.

Источники и литература

1. Государственный архив Российской Федерации (далее – ГАРФ). Ф. Р-7021. Оп. 72. Д. 3.
2. ГАРФ. Ф. Р-7021. Оп. 72. Д. 30.

Д.В. Кузнецов

ОТКРЫТЫЕ СУДЕБНЫЕ ПРОЦЕССЫ НАД ПОСОБНИКАМИ НАЦИСТОВ, ПРИЧАСТНЫХ К ГЕНОЦИДУ МИРНОГО НАСЕЛЕНИЯ НА ОККУПИРОВАННЫХ ТЕРРИТОРИЯХ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ, СОСТОЯВШИЕСЯ НА ЮГЕ РОССИИ В 1945–1991 гг.

Во время Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. и в послевоенные годы в СССР важнейшее значение приобрела деятельность, связанная с поиском, установлением, выявлением и привлечением к уголовной ответственности скрывавшихся от правосудия вставших на путь коллаборационизма лиц из числа пособников нацистов, причастных к совершению военных преступлений в отношении мирных советских граждан [9]. В СССР эта беспрецедентная по своей масштабности и длительности работа, ключевую роль в которой играли сотрудники органов государственной безопасности, началась еще в годы войны и не прекращалась фактически до 1991 г.

Первоначально работа по выявлению и привлечению к ответственности скрывавшихся от правосудия военных преступников из числа коллаборационистов проводилась по мере освобождения территорий, оказавшихся в оккупации. Благодаря деятельности функционировавших в составе РККА военных трибуналов военных округов, фронтов, флотов, армий, корпусов, дивизий, гарнизонов, к ответственности, начиная с 1942–1943 гг., были привлечены тысячи пособников нацистов. Многие из них были причастны к военным преступлениям, совершённым во время немецко-фашистской оккупации, преимущественно массовым убийствам мирных советских граждан.

Наряду с этим с 1942–1943 гг. на освобожденных территориях состоялись фактически первые открытые судебные процессы над теми гражданами СССР, которые, будучи пособниками нацистов, были причастны к совершению военных преступлений. Крупнейшими и получившими наибольшую известность открытыми судебными процессами, которые состоялись в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг., над пособниками нацистов из числа граждан СССР были Краснодарский (14–

17 июля 1943 г.) [13] и Харьковский (15–18 декабря 1943 г.) [12]. В период между ними 15–18 августа 1943 г. в г. Краснодоне Ворошиловградской области Украинской ССР состоялся судебный процесс над пособниками немецко-фашистских оккупантов – группой коллаборационистов, принимавших участие в военных преступлениях на территории Краснодона, обвинявшихся, в частности, в расправе над членами молодежной антифашистской подпольной организации «Молодая гвардия» [5: 146–160].

С 1944–1945 гг. работа по выявлению и привлечению к ответственности скрывавшихся от правосудия военных преступников из числа коллаборационистов продолжилась и проводилась в отношении граждан СССР, которые были репатриированы на родину после окончания военных действий в Европе.

После Великой Отечественной войны в СССР работу по выявлению и привлечению к ответственности скрывавшихся от правосудия военных преступников из числа коллаборационистов целенаправленно осуществляли органы государственной безопасности. В первую очередь этим занимались региональные управления МГБ/КГБ СССР, оперативные сотрудники которых проводили расследования по многочисленным уголовным делам, открытым в связи с установлением фактов совершения нацистами и их пособниками военных преступлений, в том числе имеющих отношение к геноциду мирного населения на оккупированных территориях в годы войны.

По мере того как достигались определенные успехи в этой работе, в СССР были проведены судебные процессы, которые получили гораздо меньшую известность, чем, к примеру, судебные процессы в рамках «советского Нюрнберга» (1943–1949 гг.). К сожалению, в силу целого ряда объективных причин сколько-нибудь точные данные об общем количестве судебных процессов, состоявшихся в 1947–1960 гг., отсутствуют. Преимущественно это были закрытые судебные процессы, информация о которых в настоящее время носит ограниченный характер. Более того, материалы этих судебных процессов, проходивших в закрытом порядке, по большей части всё еще не обнародованы.

Имеется также информация о ряде открытых судебных процессов, которые состоялись в 1956–1960 гг. и получили освещение в периодической печати СССР. Такие процессы прошли в том числе на Юге России:

– в Краснодаре в 1959 г. – над Н. Оленченко, В. Зубом, В. Кругловым, А. Василенко, А. Михельсоном, В. Дубогреем, бывшими сотрудниками ГФП-312 [11];

– в Ростове-на-Дону в 1959 г. – над И.А. Семизоровым, И.П. Бондаревым, М.Д. Денисовым, Ф.П. Гордиенко, А.В. Меренковым, бывшими членами айнзацкоманды 6 (зондеркоманды СД Ц6) [15: 89].

Во всех случаях подсудимые обвинялись в изменнической и карательной деятельности, в участии в массовых убийствах мирных граждан, в том числе женщин, стариков, детей. Практически все подсудимые были приговорены к высшей мере наказания – смертной казни, некоторые – к заключению в исправительно-трудовых лагерях сроком на 25 лет.

С 1961 г. в РСФСР, а также в Белоруссии, на Украине, в Прибалтике, в Закавказье и других местах состоялись десятки, возможно, сотни открытых судебных процессов над пособниками нацистов, причастных к геноциду мирного населения на оккупированных территориях в годы Великой Отечественной войны. Они освещались в советских СМИ, в первую очередь в периодической печати (газетах и журналах), вследствие чего информация о них имеет значительный объем.

По словам заместителя директора Института государства и права Российской академии наук А.Г. Звягинцева, к 1980-м гг. были осуждены 17 175 нацистских преступников: «Всего по состоянию на 1987 год, когда я работал уже в Прокуратуре СССР в Москве, за преступления против мирных граждан во время войны и оккупации было осуждено более 17 тысяч человек. Второе место после СССР по числу осужденных нацистов и их пособников занимала Чехословакия» [14].

Согласно подсчетам М.И. Семиряги, автора фундаментального исследования «Коллаборационизм. Природа, типология и проявления в годы Второй мировой войны», в течение 1981–1986 гг. в СССР были проведены судебные процессы над 60 бывшими фашистскими карателями [9: 781]. На эту же цифру в 60 человек, в отношении которых были проведены судебные процессы в 1980-е гг., в 1986 г. в интервью газете «Известия» указал директор Института государства и права Академии наук СССР академик В.Н. Кудрявцев: «Подавляющее большинство гитлеровцев и их пособников, схваченных на территории СССР, понесли наказание в первые послевоенные годы. Советские следственные органы по сей день продолжают работу по розыску и разоблачению отдельных карателей, которым удалось спрятаться. Только за последние годы судебные процессы проведены над 60 карателями» [3]. Полная статистика по таким открытым судебным процессов отсутствует. Впрочем, и материалы этих открытых судебных процессов всё еще недоступны.

Характерной чертой судебных процессов, состоявшихся начиная с 1961 г., является то, что к уголовной ответственности привлекали многих из тех, кто уже отсидел часть срока и был амнистирован в 1955 г., а также в последующие годы. Однако расследования преступлений усиленно проводились в разных местах СССР. В результате многих из уже отбывших ранее наказание преступников привлекали к уголовной ответственности,

как указывалось в документах, «по вновь открывшимся обстоятельствам». Примечательно также и то, что после 1945 г., как правило, США отказывали СССР в выдаче лиц, подозревавшихся в совершении военных преступлений. Некоторые из них проживали в ФРГ и в других странах Западной Европы.

Наибольшую известность из открытых судебных процессов, состоявшихся на Юге России, получил судебный процесс над девятью членами зондеркоманды 10-а, который проходил в Краснодаре 22–24 октября 1963 г. За деятельность в качестве карателей и личное участие в массовом уничтожении мирного населения к ответственности были привлечены А.К. Вейх, В.М. Скрипкин, М.Т. Еськов, А.У. Сухов, В.Д. Сургуладзе, Н.П. Жирухин, Е.А. Буглак, У.Т. Дзампаев, Н.С. Псарёв. Все они были арестованы в конце 1962 г. – начале 1963 г. Управлением КГБ СССР по Краснодарскому краю в разных городах СССР и предстали перед судом военного трибунала Северо-Кавказского военного округа [11: 165]. Практически все обвиняемые были приговорены к высшей мере наказания – смертной казни (расстрелу). Один из обвиняемых (У.Т. Дзампаев) был приговорен к лишению свободы сроком 15 лет с содержанием в исправительно-трудовой колонии строгого режима. Приговор военного трибунала Северо-Кавказского военного округа во главе с председательствующим на заседании В.И. Малыхиным, вынесенный карателям, восприняли с большим одобрением как справедливый не только присутствовавшие в зале, но и жители Кубани, да и всей страны. 25 октября 1963 г. на страницах газеты «Правда» вышел небольшой очерк «Возмездие», автором которого был корреспондент В. Яхневич, присутствовавший на процессе [16]. Потрясающие очерки писателя Л.В. Гинзбурга позволяют читателю погрузиться в атмосферу событий, которые происходили в Краснодаре в 1963 г., и составить представление о судебном процессе по делу членов зондеркоманды 10-а [2].

Краснодарский процесс 1963 г. неопровержимо доказал участие в массовых казнях мирных жителей СССР и Польши немецких офицеров зондеркоманды 10-а, в первую очередь оберштурмбанфюрера СС К. Кристмана, а также его подчиненных: Герца, Тринборна, Керера, Пельца, Орта, которые лично затаскивали людей в душегубки, пытали, убивали. Во многом благодаря материалам краснодарского процесса 1963 г. в 1965 г. в Западной Германии были предприняты попытки привлечь К. Кристмана к уголовной ответственности, но ему долгое время удавалось избежать правосудия [10].

На Юге России состоялись и другие открытые судебные процессы, на которых перед судом предстали военные преступники из числа коллаборационистов, в том числе:

– в Новороссийске в 1961 г. – над шестью коллаборационистами (Долженко, Максимов, Мохонь, Остапченко, Птицын, Украинский), служивших во вспомогательной полиции [7];

– в Пятигорске в 1961 г. – над одним коллаборационистом (Колесников), служившим во вспомогательной полиции [1: 27];

– в Ставрополе в 1961 г. – над одним коллаборационистом (Райх), служившим во вспомогательной полиции [1: 287–335];

– в Краснодаре в 1962 г. – над девятью коллаборационистами (Ихно (Иваненко) и др.), служившими в Радомской команде СС [11];

– в Ставрополе в 1964 г. – над одним коллаборационистом (Суслин), служившим во вспомогательной полиции [1: 335–364];

– в Краснодаре в 1965 г. – над шестью коллаборационистами (Беляков, Зайцев, Матвиенко, Никифоров, Поденок, Тихновский), служившими «вахманами», то есть охранниками в концентрационных лагерях [11];

– в Минеральных Водах в 1966 г. – над шестью коллаборационистами (Божко, Габ, Гришан, Завадский, Науменко, Тарасов), служившими во вспомогательной полиции [4];

– в Краснодаре в 1967 г. – над 13 коллаборационистами (Алещенко, Гаджиев, Георгадзе, Джабурия, Керер, Куртанидзе, Мамедов, Меликов, Мустафаев, Сулейманов, Тамоян, Чедья, Элизбарашаили), служившими в составе айнзацгруппы D [11];

– в Ставрополе в 1968 г. – над шестью коллаборационистами (Доронин, Куликов, Лебедев, Лиженин, Спицын, Терещенко), служившими во вспомогательной полиции [8];

– в Ростове-на-Дону в 1968 г. – над четырьмя коллаборационистами (Гагулов, Гогуа, Казарян, Цогоев), служившими в составе оперативной команды службы безопасности СД-Ц6 [15: 102];

– в Ростове-на-Дону в 1969 г. – над четырьмя коллаборационистами (Абасов, Джериев, Зейтуньян, Иванов-Иванидзе), служившими в составе оперативной команды службы безопасности СД-Ц6 [15: 102];

– в Пятигорске в 1972 г. – над 10 коллаборационистами (Бердников, Грищенко, Лозовой, Новиков, Пузак, Сергеев, Титов, Циось, Шевченко, Шиянов), служившими во вспомогательной полиции [6];

– в Краснодаре в 1974 г. – над одним коллаборационистом (Цинаридзе), служившим в составе айнзацгруппы D [11];

– в Ростове-на-Дону в 1976 г. – над четырьмя коллаборационистами (Кураян, Минтуев, Сидаков, Фарниев), служившими в составе оперативной команды службы безопасности СД-Ц6 [15: 102];

– в Ростове-на-Дону в 1978 г. – над восемью коллаборационистами (Авакян, Алиев, Гаджиев, Дулаев, Ильясов, Керимов, Магамадов, Татаров), служившими в составе оперативной команды службы безопасности СД-Ц6 [15: 102].

Все подсудимые, принимая участие в изменнической и карательной деятельности, были причастны к геноциду мирного населения на оккупированных территориях в годы Великой Отечественной войны, обвинялись в совершении преступления, предусмотренного ст. 64 п. «а» УК РСФСР. Большинство обвиняемых было приговорено к высшей мере наказания, то есть смертной казни. Некоторые были осуждены на 15 или 10 лет лишения свободы в исправительно-трудовой колонии строгого режима.

Открытые судебные процессы над пособниками нацистов, проходившие начиная с 1961 г. в РСФСР, получили широкое освещение в региональных периодических изданиях, а также в центральной прессе. В газетах «Правда», «Известия» можно встретить многочисленные публикации на эту тему, в том числе очерки «Из зала суда», в которых рассказывалось о личности подсудимых, преступлениях, совершенных ими во время Великой Отечественной войны, ходе судебных процессов, их результатах. Нередкими были отклики представителей советской общественности, которые также размещались на страницах периодических изданий.

Судебные процессы, которые состоялись в СССР, в том числе в южном регионе, в послевоенные годы и продолжались до 1991 г., сыграли свою роль в наказании лиц, виновных в совершении военных преступлений. Многие из пособников нацистов, находившиеся на службе в административных органах, военных и военизированных формированиях, полицейских структурах, органах разведки и контрразведки, подразделениях службы безопасности, в том числе в составе айнзатцгрупп, зондеркоманд, имели непосредственную причастность к карательной деятельности по отношению к мирному населению на оккупированной территории и понесли заслуженное наказание.

Источники и литература

1. Без срока давности: преступления нацистов и их пособников против мирного населения на оккупированной территории РСФСР в годы Великой Отечественной войны. Ставропольский край: сборник архивных документов / отв. ред. Н.И. Любимова. М., 2020.

2. *Гинзбург Л.В.* Бездна. М., 1967.

3. Интервью «Известий». Нюрнберг: уроки и заповеди // Известия. 1986. 4 февраля.

4. *Линец С.И.* Судебный процесс 1966 года в Минеральных Водах по делу пособников немецких оккупантов: особенности подготовки и проведения // Гуманитарные и юридические исследования. 2018. № 1. С. 75–85.

5. Неотвратимое возмездие: по материалам судебных процессов над изменниками Родины, фашистскими палачами и агентами империалистических разведок. 2-е изд., доп. М., 1979.

6. *Попутько А.Л.* Пять месяцев в аду. URL: http://lib.kmv.ru/projects/litPyat/writers/poputko.htm (дата обращения: 23.02.2025).

7. Правда. 1961. № 270 (15760). 26 сентября.

8. Правда. 1968. № 135 (18182). 14 мая.

9. *Семиряга М.И.* Коллаборационизм: Природа, типология и проявления в годы Второй мировой войны. М., 2000.

10. *Сидорчик А.* Дело Курта Кристмана. Как Германия пожалела убийцу советских детей // Аргументы и факты. 2024. 28 февраля. URL: https://aif.ru/society/history/delo_kurta_kristmana_kak_germaniya_pozhalela_ubiycu_sovetskih_detey (дата обращения: 23.02.2025).

11. *Степаненко С.Г.* Судебные процессы над военными преступниками и их пособниками как акт реализации норм международного гуманитарного права (на материалах краснодарских судебных процессов 1943–1974 гг.) // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2010. № 1 (5). С. 161–165.

12. Судебный процесс о зверствах немецко-фашистских захватчиков на территории гор. Харькова и Харьковской области в период их временной оккупации. М., 1943.

13. Судебный процесс по делу о зверствах немецко-фашистских захватчиков и их пособников на территории гор. Краснодара и Краснодарского края в период их временной оккупации. М., 1943.

14. ФСБ обнародовала материалы приговора нацистам, вынесенного 75 лет назад в Киеве // Российское историческое общество. 2021. 28 января. URL: https://historyrussia.org/sobytiya/fsb-obnarodovala-materialy-prigovora-natsistam-vynesennogo-75-let-nazad-v-kieve.html (дата обращения: 23.02.2025).

15. *Щеблыкин А.П.* Возмездие // Чекисты Дона. Ростов-на-Дону, 1980. С. 89–104.

16. *Яхневич В.* Возмездие // Правда. 1963. № 298 (16519). 25 октября.

Раздел 6. Великая Отечественная война в пространстве памяти и культуры

В.Н. Бадмаев

ВЕЛИКАЯ ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ВОЙНА: ИСТОРИЧЕСКАЯ ПАМЯТЬ И ФИЛОСОФСКИЙ ДИСКУРС[1]

Великая Отечественная война 1941–1945 гг. оказала огромное влияние на всю мировую историю XX в. Ее ход и итоги продолжают оставаться в центре научных и общественных дискуссий и по сей день. Более того, следует отметить, что величие, значимость, общечеловеческая ценность Великой Победы с каждым прошедшим после войны годом получают, пожалуй, все более детальную и потому объективную и масштабную оценку. Это связано не только с тем фактом, что открываются новые архивные и исторические материалы, но и с тем, что современная изменяющаяся глобальная социально-политическая реальность, сопровождающаяся новыми экзистенциальными вызовами и угрозами человечеству, показывает всю хрупкость мира, заставляет по-новому понимать и оценивать исторические уроки прошлого, в том числе и событий Великой Отечественной войны, когда была одержана победа над фашизмом. Ялтинско-Потсдамская система международных отношений 1945 г., признанная и принятая всем мировым сообществом, на многие годы определила основы послевоенного мироустройства.

События прошлых лет по прошествии времени, по мере ухода из жизни их непосредственных участников и свидетелей теряют свою живую яркость. Это естественный процесс. Вместе с тем исторический континуум продолжает сохраняться в актуально-бытийном пространстве социума не только в виде музейных коллекций артефактов прошлого, но и в форме исторической памяти, аккумулирующей человеческий опыт и сохраняющей социально-культурные традиции. Историческая память прямо и непосредственно включена в современную жизнь, проявляясь в исторических нарративах, коммеморативных практиках, когда те или иные исторические события как бы всплывают в сознании общества. И в этом плане историческая память обладает особой актуальностью,

[1] Публикация подготовлена в рамках реализации ГЗ ЮНЦ РАН на 2025 г., № гос. рег. 125011200146-5.

вневременностью, непреходящей значимостью. Историческая память выступает своего рода ценностной системой координат, морально-нравственной шкалой в оценке настоящего и определении перспектив будущего.

Этическое измерение исторической памяти содержит в себе морально-нравственные императивы верности «героическому» прошлому. Историческое сознание, как отмечал А.В. Гулыга, это не только знание о прошлом, но и его личностно-субъективное переживание. Это не просто умение перечислить факты и объяснить их, но и способность увидеть в них часть своей жизни, что-то личное, значительное, близкое, ценное. «Ценностный подход к прошлому позволяет в полной мере проявиться практическому (воспитательному) значению истории» [2: 32]. Действительно, поскольку историческая память предполагает сознательное обращение к прошлому, со всеми его плюсами и минусами, негативным и позитивным содержанием, то следует принимать во внимание и аксиологические аспекты научно-философского осмысления истории. Говоря словами Марка Блока, историк должен не судить, но понимать прошлое. В этом и состоит извлечение нравственных уроков из прошлого.

Особенно это касается такого сложного явления, как войны в истории человечества, которые с их поражениями и победами, героями и предателями, с человеческими потерями всегда имеют многоплановый характер. Здесь не должно быть поверхностного подхода. «Война сложна, темна и густа, как непроходимый лес. Она не похожа на ее описания, она и проще, и сложнее. Ее чувствуют, но не всегда понимают ее участники. Ее понимают, но не чувствуют позднейшие исследователи», – писал в 1943 г. Илья Эренбург [6: 230]. Эренбурга называют автором первого в советской литературе и публицистике употребления словосочетания «День Победы». Оно появилось 12 декабря 1941 г., в начале контрнаступления под Москвой, в его статье «Судьба Победы».

Исследование Великой Отечественной войны требует особого методологического подхода, сочетающего в себе как собственно научно-объективный инструментарий исторического анализа, так и философский, ценностно-аксиологический взгляд, обращенный к глубинным уровням исторического сознания.

Как отмечает Е.С. Сенявская, «ретроспективный образ войны становится, с одной стороны, фактом исторической памяти народа, а с другой стороны – предметом профессионального анализа разными специалистами (историками, военными, идеологами и политиками)» [9: 53]. К сожалению, всё более частыми становятся негативные практики фальсификации и переписывания истории Второй мировой войны, героизации нацистских преступников, преуменьшения роли СССР и Красной армии

в победе над фашизмом. На эти опасные вызовы и угрозы исторической памяти должен быть дан соответствующий, научно фундированный, философски отрефлексированный, аксиологически конституированный ответ.

Важно различать «“историю” как результат научно-исторических познаний в виде прогрессивно совершенствующегося комплекса фактографически обоснованных и рационально аргументированных исторических знаний – и “историю” как историческую память народа, населяющего страну» [5: 24].

Историческую память можно охарактеризовать как систему культурно-антропологически и социально-исторически обусловленных представлений и образов о прошлом, сформировавшихся и бытующих в общественном сознании. Причем исторической памяти свойственно не столько логико-рациональное, сколько субъективно-эмоциональное восприятие событий прошлого, что принципиально отличает ее от научно-исторической картины мира. Историческая память избирательна, субъективна, ценностно и эмоционально окрашена. В этом плане «онтологический статус исторической памяти схож с онтологическим статусом реалий, обозначаемых как “национальная традиция”, “национальный менталитет” и т.п.» [5: 25].

Но если представить историческую память как комплекс идей, ценностей, чувств, то возникает вопрос: как возможно ее объективное исследование, какой инструментарий применим к ее анализу? Эвристически перспективным представляется обращение к социально-философскому, философско-историческому, философско-культурологическому исследованию, осмыслению и истолкованию исторической памяти, конечно же, в строгом соотношении и с опорой на документально-исторические и эмпирические факты и материалы. Особое место в этом плане принадлежит методам и подходам социологических исследований.

Обратимся в этой связи к результатам социологических мониторингов относительно памяти о Великой Отечественной войне в российском обществе.

Так, Всероссийский центр изучения общественного мнения (далее – ВЦИОМ) 19 апреля 2023 г. представил данные опроса россиян «Чтобы помнили!». Публикация была приурочена ко Дню памяти о геноциде советского народа нацистами и их пособниками в годы Великой Отечественной войны [11].

Напомним, что 19 апреля 1943 г. был издан указ Президиума Верховного Совета СССР № 39 «О мерах наказания для немецко-фашистских злодеев, виновных в убийствах и истязаниях советского гражданского населения и пленных красноармейцев, для шпионов, изменников Родины из числа советских граждан и для их пособников».

По данным указанного опроса ВЦИОМ, 98 % россиян настаивают на необходимости сохранения памяти о событиях Великой Отечественной войны. Данная точка зрения объединила российских граждан из различных социально-демографических, возрастных групп, независимо от их доходов, уровня образования, места проживания. Таким образом, историческая память о Великой Отечественной войне выступила общим морально-нравственным знаменателем, объединившим современное российское общество.

О преступлениях нацистов и их пособников против мирного населения в годы Великой Отечественной войны знают девять из десяти россиян (90 %), примерно такой же процент ответивших считают важным сохранение памяти об этих трагических событиях (89 %).

Каждый пятый молодой человек в возрасте 18–24 лет ничего не знает о геноциде советского народа. В этой возрастной группе чаще звучат мнения о том, что нет необходимости в будущем сохранять память о преступлениях нацистов, что является тревожным сигналом для нашего общества.

7 мая 2024 г. ВЦИОМ опубликовал результаты опроса россиян «9 мая и память о Великой войне», приуроченного к годовщине Великой Победы [1].

Данные опроса показали, что большая часть россиян (61 %) определяет 9 Мая как самый важный для себя праздник. Начиная с 2018 г. именно День Победы возглавляет рейтинг важных для россиян праздников. Однако в последние годы значимость этой даты снижается, на что указывают следующие социологические показатели (2018, 2020 гг. – по 71 %, 2021 г. – 69 %, 2022 г. – 67 %, 2023 г. — 65 %).

Девять из десяти россиян говорят внутри своей семьи о Великой Отечественной войне, и в последние годы данный показатель вырос (2018 г. – 81 %, 2024 г. – 89 %). Вместе с тем таких разговоров практически не бывает в семье у каждого десятого (2018 г. – 19 %).

Каждый второй (45 %, +6 процентных пунктов к 2023 г.) также много знает о родственниках – участниках Великой Отечественной войны из рассказов своих близких, семейных архивов, писем, фотографий. Как показывают социологические исследования, за последние 20 лет данный вариант в ответах превалирует, что свидетельствует о сохранении семейных традиций устных рассказов о родственниках – участниках войны.

Каждый третий россиянин (33 %) знает лишь о самом факте участия своих родных в войне 1941–1945 гг., но более точные подробности ему неизвестны, доля этой группы с 2004 г. менялась незначительно (31–38 %). Большую часть этой группы респондентов составляют представители молодого поколения россиян – зумеры (41 %) и младшие миллениалы (45 %)

(зумеры (поколение Z) родились в период 1997–2010 гг.; миллениалы (поколение Y) родились в период 1981–1996 гг.).

Великая Отечественная война остается сокровенно-сакральным событием в жизни и памяти людей, где воедино сплелись общенародные и личные (каждой семьи!) человеческие ценности.

Обращаясь к философскому подходу при анализе событий Великой Отечественной войны, рассмотрим такие философские категории, как «память», «правда», «победа». Данная категориально-логическая связка может послужить в качестве методологического инструментария социально-философского анализа исторических событий Великой Отечественной войны.

Память. Память, по определению Д.С. Лихачева, это «одно из важнейших свойств бытия, любого бытия: материального, духовного, человеческого...» [3: 167]. Благодаря памяти события прошлого включаются «в настоящее, а будущее как бы предугадывается настоящим, соединенным с прошедшим. Память – преодоление времени, преодоление смерти» [3: 168]. Память связана с человеческой культурой. Более того, «культура человечества – это активная память человечества, активно же введенная в современность» [3: 170–171]. Лихачев делает вывод о важности сохранения памяти: «Хранить память, беречь память – это наш нравственный долг перед самими собой и перед потомками» [3: 173]. В этом плане можно говорить о культуре исторической памяти.

Память как социально-исторический, культурный феномен предполагает ценностно-символическую реконструкцию прошлого в настоящем. Ценностно-аксиологическая реконструкция событий Великой Отечественной войны способствует формированию патриотического сознания и исторической памяти, укреплению единства и идентичности российского общества. Бытийная значимость памяти актуализируется в периоды переоценки векторов развития общества, поскольку позволяет глубже понять ценность прошлого, смысл настоящего и экзистенциальную значимость будущего.

Правда. Правда играет важнейшую роль в системе ценностных ориентаций российского народа, выступая высшим легитимирующим началом. Философема «правда» нашла отражение в трудах многих русских философов.

Так, Н.К. Михайловский отмечал: «Кажется, только по-русски истина и справедливость называются одним и тем же словом и как бы сливаются в одно великое целое… Правда-истина, разлученная с правдой-справедливостью, правда теоретического неба, отрезанная от правды практической земли, всегда оскорбляла меня, а не только не удовлетворяла. И наоборот, благородная житейская практика, самые высокие нравственные

и общественные идеалы представлялись мне всегда обидно-бессильными, если они отворачивались от истины, от науки» [4: 74].

Схожий аксиологический подход мы встречаем у С.Л. Франка: «“Правда”, с одной стороны, означает истину в смысле теоретически адекватного образа действительности, а с другой — “нравственную правоту”, нравственные основания жизни, ту самую духовную сущность бытия, посредством которой оно становится внутренне единым, освящается и спасается… Русский мыслитель, от простого богомольца до Достоевского, Толстого и Владимира Соловьева, всегда ищет “правду”; он хочет не только понять мир и жизнь, а стремится постичь главный религиозно-нравственный принцип мироздания, чтобы преобразить мир, очиститься и спастись» [10: 152]. Правда является онтологической сущностью, сущностным основанием человеческого бытия, отражает его предельные основания. Правда, понимаемая как нравственно должный, правый, праведный феномен, ориентированный на соответствие подлинной реальности бытия, выступает морально-нравственным основанием для предотвращения всяких попыток фальсификации исторических событий, итогов, значения Победы в Великой Отечественной войне. Любое умаление ее роли, значения и смысла противоречит истине, ее «нравственной правоте».

Победа. Победа выступает важнейшим консолидирующим фактором в жизни российского общества, имеющим глубинные морально-нравственные и духовные основания.

Еще А.С. Пушкин, обращаясь к событиям Отечественной войны 1812 г., в 10-й главе «Евгения Онегина» писал: «Гроза двенадцатого года / Настала – кто тут нам помог? / Остервенение народа, / Барклай, зима иль русский бог? / Но бог помог…» [7: 178]. Здесь Пушкин имел в виду не сколько религиозно-православную составляющую победы, сколько, прежде всего, духовную, морально-нравственную сторону: защита родного Отечества объединила всё российское общество того времени. Неслучайно Л.Н. Толстой в романе «Война и мир» назвал Бородинское сражение нравственной победой русского народа.

Российский писатель, участник Великой Отечественной войны Даниил Гранин после своего известного выступления в бундестаге ФРГ 27 января 2014 г. – в Международный день памяти жертв Холокоста – написал о состоявшемся у него разговоре с экс-канцлером Германии Гельмутом Шмидтом: «Я хотел его спровоцировать или подтолкнуть к тому, чтобы он сказал: “Мы проиграли войну не только потому, что вы были, может быть, на каком-то этапе сильнее, но потому, что мы вели несправедливую войну, мы были нацисты, верили Гитлеру, в расовую теорию, которая на самом деле не могла победить”» [8: 178]. С нашей же стороны это была «война священная», «война народная».

Победа выступает как правда бытия, основывается на «нравственной правоте», в этом состоит ее бытийная ценность. Само человеческое бытие является правдой и победой. В этом контексте глубинный философский смысл Великой Победы заключается в Победе Бытия Человека и Мира.

Источники и литература

1. 9 мая и память о Великой войне // Всероссийский центр изучения общественного мнения. URL: https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/9-maja-i-pamjat-o-velikoi-voine (дата обращения: 07.03.2025).

2. *Гулыга А.В.* Искусство истории. М., 1980.

3. *Лихачев Д.С.* Письма о добром. М., 2006.

4. *Лосский Н.О.* История русской философии. М., 1994.

5. *Малинкин А.Н.* Историческая память о Великой Отечественной войне: эпистемологические и генеалогические аспекты // Социологические исследования. 2020. № 5. С. 23–34.

6. Публицистика периода Великой Отечественной войны и первых послевоенных лет / сост. Ю.Н. Афанасьева. М., 1985.

7. *Пушкин А.С.* Собрание сочинений: в 10 т. Т. 4. М., 1981.

8. Семь минут оваций. О чем говорил Даниил Гранин в бундестаге? // Литературная газета. 2022. 22 июня. № 25 (6839). URL: https://lgz.ru/article/sem-minut-ovatsiy/ (дата обращения: 07.03.2025).

9. *Сенявская Е.С.* Психология войны в XX веке: исторический опыт России. М., 1999.

10. *Франк С.Л.* Сущность и ведущие мотивы русской философии // пер. с нем. А. Власкина и А. Ермичева // *Франк С.Л.* Русское мировоззрение. СПб., 1996. С. 149–160.

11. Чтобы помнили! // Всероссийский центр изучения общественного мнения. URL: https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/chtoby-pomnili (дата обращения: 07.03.2025).

В.С. Христофоров

ВЕЛИКАЯ ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ВОЙНА: МЕМОРИАЛИЗАЦИЯ КАК ПРОЦЕСС СОХРАНЕНИЯ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ

Историческая память, по мнению ряда экспертов, превратилась в область мифотворчества, приобретающего особую интенсивность в периоды национальных кризисов. Содержание коллективной памяти постоянно меняется в соответствии с социальным контекстом и практическими приоритетами, происходит постоянное переформатирование

образа прошлого так, чтобы он отвечал актуальным запросам сегодняшнего дня [10: 15].

В идеальном случае память просвещает нас о прошлом, однако в некоторых случаях происходит обратное: память маскирует негативные события в национальной истории, приукрашивает ее, о чем пишет А.М. Эткинд и другие авторы, занимающиеся исследованиями исторической памяти (*memory studies*) – коллективными представлениями об истории Второй мировой войны [16: V–VIII].

В современных исследованиях делается вывод, с которым согласен и автор, о том, что Великая Отечественная война занимает особое место в памяти многих россиян и стала «центральным элементом новой смысловой схемы отечественного прошлого», а ее образ стал опорной конструкцией современной идентичности российских граждан [4: 17, 26; 6: 172].

Цель нашей статьи – рассмотреть сюжеты коллективной памяти о Великой Отечественной войне, связанные с коммеморативными объектами и практиками – памятниками[1] и ритуалами.

Научная значимость изучения данной темы в методологической рамке *memory studies* позволяет изучить процесс формирования культурной и исторической памяти, обретения новых традиций и ритуалов, рассмотреть взаимодействие различных слоев населения в процессе формирования и трансляции этих нарративов. Всё это поможет нам конструировать коллективную идентичность различных общественных групп и политических движений, выраженную в нарративах о войне.

Наша исследовательская гипотеза состоит в том, что на формирование нарратива о Великой Отечественной войне серьезное влияние оказывает ее медийный образ высоконравственного защитника Отечества, этос могущества, а также мессианский архетип – советского воина-спасителя, идущего на жертвы ради освобождения своей страны и европейских стран от нацизма. Основные цели достигаются формированием традиций отмечания наиболее значимых событий Великой Отечественной войны, широким вовлечением религиозных акторов, улучшением имиджа советского воина-освободителя. В результате в нарративе о Великой Отечественной войне остается место только для триумфальной повестки и абсолютизации ценности служения Отечеству.

Современная историография [7–11] позволяет использовать широкую базу для понимания методологии исследований исторической памяти, в том числе о Великой Отечественной войне. Научные исследования, проведенные в первой четверти XXI в., помогают нам уточнить современную

[1] Под памятниками мы будем понимать как отдельные памятники, так и мемориалы, обелиски, памятные доски, памятные знаки, памятные камни.

терминологию, а также методологию изучения политики памяти, понять механизм взаимодействия мнемонических акторов[1].

Роль исторической памяти о Великой Отечественной войне в российской символической политике неоднократно рассматривалась различными авторами, которые отмечали тенденцию трансформации памяти: от образа безымянного массового подвига в сторону героизации отдельной, индивидуальной истории [1: 67]. О тесной связи мемориального законодательства, сохранения героической памяти о войне с политическими установками различных правящих режимов писали О.Ю. Малинова, Н.Е. Копосов, Дж. Федор, Т. Журченко и др. [4: 17, 26; 8; 17; 18].

Исследователи отмечают, что региональные коммеморативные повестки тесно увязаны с мероприятиями общероссийского уровня, при этом важное место уделяется координации мероприятий с акцентом на Великую Отечественную войну, которые проводятся при широкой государственной поддержке, а также анализу перечня мемориальных сооружений, динамики их создания и содержащихся в них смыслов [5: 266]. Так, в самостоятельном разделе статьи В.В. Лапина и А.Б. Матисовой, названном «Силовые структуры в граните и бронзе», проанализированы тенденции появления, виды памятников сотрудникам МВД, пограничных служб и НКВД [3: 401–403]. Выводы авторов о коммеморативной повестке силовых структур представляют интерес для компаративного анализа, однако в них содержатся данные до 2021 г. и практически нет упоминаний о советских разведывательных и контрразведывательных службах. Тем не менее исследования вопросов исторической памяти о советских спецслужбах в годы Великой Отечественной войны, корпоративной этике спецслужб предпринимались и российскими, и зарубежными авторами [2; 12–15; 19].

По мнению исследователей, в России в первой четверти XXI в. существенно увеличилось количество монументальных символических сооружений. Они различаются по размерам, тематике и заложенным в них смыслам, при этом нет стройной системы их учета и регистрации, что затрудняет определение статуса таких сооружений [3: 401].

Как показывает анализ документов, до начала 1960-х гг. мемориализация Великой Отечественной войны сводилась в основном к установке памятников на братских могилах или местах захоронений героев войны.

Парад в честь Дня Победы прошел на Красной площади лишь 9 мая 1965 г. – через 20 лет после окончания Великой Отечественной войны.

[1] Под мнемоническими акторами мы понимаем общественно-политические силы, заинтересованные в определенной интерпретации прошлого, которая могла бы способствовать завоеванию и удержанию реальной и/или символической власти.

С середины 1960-х гг. мемориализация войны и победы стала играть центральную роль в советской политике памяти, став неотъемлемой частью государственной политики. С этого времени началось активное возведение памятников и мемориальных композиций, а Великая Отечественная война стала новой мифологией советского общества, требовавшей своего пантеона героев и сложной системы ритуалов и мемориальных пространств, большинство из которых были изобретены и изготовлены в течение 1960–1970-х гг. Среди них – Вечный огонь, гигантские мемориальные комплексы (Волгоград, 1959–1967 гг.; Ленинград, 1965–1975 гг.; Брест, 1971 г.; Курск, 1983 г. и т.д.) и многочисленные памятники в различных регионах, обычно возводимые в центральной части города.

Мемориалы, посвященные Великой Отечественной войне, сооружавшиеся со второй половины 1960-х гг., были четко вписаны в советскую городскую среду: они стали местом проведения разнообразных личных и организованных государством гражданских ритуалов, начиная с официальных церемоний посвящения в пионеры и заканчивая возложением цветов молодоженами.

География распространения памятных мест, как правило, коррелирует с рядом факторов: с интенсивностью боевых действий (наибольшее количество памятников установлено на территории Центрального, Северо-Западного, Северо-Кавказского, Южного федеральных округов), с наличием знаковых персонажей или событий, связанных с конкретной местностью, а также с общественной активностью, уровнем публичности деятельности ветеранских и общественных организаций в регионах.

Обратим внимание, что до конца XX в. при возведении мемориалов и установке памятников практически не упоминалось о подвигах советских разведчиков и контрразведчиков. Историческая память о них и историческая справедливость в разных регионах будет восстановлена спустя много десятилетий.

Так, для увековечения подвига жителей Ленинграда и его героических защитников в 1960–1980-х гг. был создан комплекс мемориальных сооружений «Зеленый пояс Славы» на рубежах Битвы за Ленинград 1941–1944 гг., в состав которого входит и монумент «Разорванное кольцо» на берегу Ладожского озера. Скульптура в виде двух согнутых железобетонных арок символизирует кольцо, в котором оказался Ленинград, а разрыв между арками означает Дорогу жизни. Однако мы не встретим упоминаний о военных контрразведчиках, которые обеспечивали безопасность работы Дороги жизни, вместе с военнослужащими Красной армии защищали Ленинград. До конца 1990-х гг. не было принято отдельно указывать на роль советских разведчиков и контрразведчиков в обеспечении победы в различных больших и малых боевых операциях и стратегических

сражениях. Лишь в сентябре 2023 г. в Ленинградской области был установлен памятный камень «Чекистам ленинградских партизанских бригад. 1941–1944 гг.»

Мемориальный комплекс «Курская дуга», расположенный вдоль пр. Победы г. Курска, был открыт к 55-летию Курской битвы 5 июля 1998 г. 23 августа 2023 г. в Поныровском районе Курской области состоялось открытие мемориального комплекса «Курская битва», воздвигнутого в честь 80-летия победы в Курской битве.

В связи с 25-летием со дня освобождения в Ростове-на-Дону в 1968 г. началась массовая установка мемориальных досок и сооружение памятных мемориалов [6: 174–175]. Однако мемориал в честь воинов-чекистов (бойцов 9-й дивизии войск НКВД), погибших в годы Великой Отечественной войны, в Ростове-на-Дону открыли лишь 8 мая 2021 г. За период с 22 по 25 июля 1942 г. в ходе ожесточенных сражений погибло более 4 тыс. солдат и офицеров дивизии НКВД, а попавшие в плен советские воины были расстреляны немецкими захватчиками.

Еще один мемориал – памятник военным контрразведчикам, погибшим во время Великой Отечественной войны, – в Ростове-на-Дону торжественно открыли в преддверии Дня Победы, 5 мая 2022 г. В боях за Ростов погибли около 200 тыс. советских солдат и командиров, среди которых и 74 советских военных контрразведчика, погибших и пропавших без вести в 1941–1943 гг. при обороне и освобождении г. Ростова-на-Дону и Ростовской области.

Увековечение памяти о воинской и партизанской славе велось и ведется в тех местах, где в военные годы активно действовали партизанские отряды, на территориях Брянской и Орловской областей.

Так, в 1966 г. к 23-й годовщине освобождения на пл. Партизан г. Брянска был сооружен памятник Воинской и партизанской славы. В 1969 г. в г. Белые Берега Брянской области открылся мемориальный комплекс «Партизанская поляна». И лишь в сентябре 2021 г. в с. Белоголовль Жуковского района Брянской области открыли памятник воинам-чекистам, участвовавшим в организации партизанского движения. В декабре 2022 г. в мемориальном комплексе «Партизанская поляна» Брянской области был открыт бюст одному из создателей партизанских отрядов специального назначения генерал-лейтенанту П.А. Судоплатову.

17 декабря 1967 г. в д. Хлуднево Думиничского района Калужской области для увековечения памяти погибших 22 чекистов-лыжников Отдельной мотострелковой бригады особого назначения НКВД СССР был открыт монументальный обелиск Боевой славы.

30 июня 2018 г. на территории Юхновского района Калужской области состоялось открытие памятного знака сводному разведывательно-

диверсионному отряду «Особые» НКВД СССР, бойцы которого погибли, выполняя задание в тылу противника.

В XXI в. Русская православная церковь (далее – РПЦ) является крупнейшим актором в области политики памяти, тесно сотрудничающим с властью, но имеющим собственную повестку, самостоятельность и многообразие мнемонических позиций. При этом бесспорным является факт усиления политических позиций церкви, которое в том числе выразилось в ее возросшем присутствии в символическом пространстве.

Новая, оформившаяся в начале 2000-х гг., концепция обеспечения безопасности, неотъемлемой частью которой является духовная безопасность, нашла свое зримое воплощение в симфонии монументальных практик. Стремление государства и церкви подпитаться символической властью друг друга, усилить легитимность собственных позиций хорошо прослеживается в процессе создания памятников и связанных с ними ритуалах.

Церемонии открытия памятных мест, как правило, сопровождаются богослужением и освящением объекта. Священнослужители РПЦ являются неотъемлемыми акторами ритуалов открытия памятников, гостями праздников и публичных мероприятий, проводимых ветеранскими организациями. Военнослужащие и ветераны в дни крупных религиозных праздников и 9 мая регулярно посещают храмы.

Наиболее зримым воплощением подобного симбиоза, тесно связанным с сохранением памяти о Великой Отечественной войне, является продолжающийся с 2009 г. благотворительный проект «Молчаливое эхо войны», включающий в себя поисковые работы и возведение мемориальных православных часовен. Программа реализуется региональной общественной организацией «Ветераны военной контрразведки» (председатель совета – К. Яхиен). В местах массовой гибели и захоронений погибших и пропавших без вести ведутся поисковые работы, устанавливаются имена погибших, ведется розыск их родственников, осуществляется перезахоронение останков на воинских кладбищах. Работой по поиску и захоронению погибших на общественных началах занимаются многочисленные поисковые отряды.

В местах гибели бойцов устанавливаются часовни-мемориалы, выполненные из белого (реже – черного) мрамора (проект скульптора Бориса Матвеева, 2008–2009 гг.). Часовня классической формы, высотой более 5 м, изнутри украшена Георгиевским крестом. Крест опирается на постамент в виде георгиевской ленты. Проект получил благословение патриарха Кирилла, одобрен в Троице-Сергиевой лавре, где было подтверждено его соответствие церковным канонам. После открытия часовни передаются в дар местному православному приходу.

К настоящему моменту возведены часовни в различных регионах: в д. Жидилов Бор Псковской области (2009), г. Ельня Смоленской области (2010), пос. Невская Дубровка (Невский пятачок) Ленинградской области (2011), в Волгограде на площади Чекистов (2012), Калининграде (2013 г.), Севастополе (2014), Волоколамске (2015), Хабаровске (2015), Североморске (2016), пос. Поныри Курской области (2019), Пензе (2022) и др.

На открытии часовен, как правило, присутствуют губернаторы и другие высокопоставленные лица региона. Освящение часовен проводят архиереи (митрополиты или епископы) соответствующих епархий.

Подведем итог. Мемориализация Великой Отечественной войны и победы в ней советского народа стала играть центральную роль в советской политике памяти с середины 1960-х гг., став неотъемлемой частью государственной политики. С этого периода активно возводились памятники и мемориальные композиции.

Мемориалы, посвященные Великой Отечественной войне, были четко вписаны в советскую городскую среду: они превратились в места проведения разнообразных ритуалов: личных и организованных государством.

Памятники сотрудникам разведки и контрразведки в советский период практически не сооружались: их роль особо не подчеркивалась – память о них была частью общего государственного нарратива. Органы госбезопасности и внутренних дел в роли «боевого отряда партии» не могли себе позволить особо акцентировать внимание на потерях в своих рядах. Закрытость и специфическая культура секретности также ограничивали возможности для публичного обсуждения роли советских спецслужб в событиях Великой Отечественной войны.

Постепенная консолидация и оформление государственной исторической политики в начале 2000-х гг. вызвали к жизни новый виток интереса к истории Великой Отечественной войны. В полифонии современных повествований о войне государственных и общественных организаций появились многочисленные места памяти, мемориалы, подчеркивающие вклад советских органов безопасности и внутренних дел в борьбу с фашизмом. Чем выше поднимался градус дискуссии об исключительном вкладе государства в Победу, фактически оттеснившей на периферию советский нарратив о «победе советского народа над фашизмом», тем более частыми стали мемориальные акции и установка монументальных сооружений.

Источники и литература

1. *Бешкинская В.С., Миллер А.И.* Страдания, подвиг тыла и общая ответственность за войну // Россия в глобальной политике. 2020. Т. 18. № 5 (105). С. 60–88.

2. *Гусева Ю.Н., Христофоров В.С.* Мемориализация роли спецслужб в военных конфликтах XX в.: нарративы и акторы // Уральский исторический вестник. 2025. № 1 (86). С. 99–108.

3. *Лапин В.В., Матисова А.Б.* Памятники России как индикатор исторической политики: 1991–2021 гг. Региональное измерение // Политика памяти в России – региональное измерение / под ред. А.И. Миллера, О.Ю. Малиновой, Д.В. Ефременко. М., 2023. С. 401–443.

4. *Малинова О.Ю.* Великая Отечественная война как символический ресурс: эволюция отображения в официальной риторике 2000–2010 гг. // Россия и современный мир: проблемы, мнения, дискуссии, события. 2015. № 2 (87). С. 6–29.

5. *Малинова О.Ю.* Политика памяти на Урале и в Западной Сибири (на примерах Пермского края, Свердловской, Томской, Новосибирской областей и Алтайского края) // Политика памяти в России – региональное измерение / под ред. А.И. Миллера, О.Ю. Малиновой, Д.В. Ефременко. М., 2023. С. 231–266.

6. *Медведев М.В.* Мемориализация и музеефикация событий Великой Отечественной войны в западных районах Ростовской области как фактор сохранения исторической памяти // Труды ЮНЦ РАН. Т. IX. Ростов-на-Дону, 2021. С. 172–182.

7. Методологические вопросы изучения политики памяти: сборник научных трудов / отв. ред. А.И. Миллер, Д.В. Ефременко. М.; СПб., 2018.

8. Политика памяти в России – региональное измерение / под ред. А.И. Миллера, О.Ю. Малиновой, Д.В. Ефременко. М., 2023.

9. Политика памяти в современной России и странах Восточной Европы: акторы, институты, нарративы / под ред. А.И. Миллера, Д.В. Ефременко. СПб., 2020.

10. Прошлое для настоящего: История-память и нарративы национальной идентичности / под общ. ред. Л.П. Репиной. М., 2020.

11. Символические аспекты политики памяти в современной России и Восточной Европе: сборник статей / под ред. В.В. Лапина, А.И. Миллера. СПб., 2021.

12. *Федор Дж.* Традиции чекистов от Ленина до Путина: культ государственной безопасности. СПб., 2012.

13. *Христофоров В.С.* Военнопленные Великой Отечественной войны: в «плену» исторической памяти // Вторая мировая и Великая Отечественная: к 75-летию окончания: материалы международной научной конференции (Москва, 28–30 сентября 2020 г.). М., 2021. С. 191–198.

14. *Христофоров В.С.* Советская контрразведка в годы Великой Отечественной войны (1941–1945): историческая память и вопросы мемориализации // Битва за Крым в документах органов государственной

безопасности: материалы по истории спецслужб на территории Крыма в период Великой Отечественной войны. Документы. Симферополь, 2020. С. 34–41.

15. *Христофоров В.С.* Советские военнопленные периода Великой Отечественной войны (1941–1945): проблемы сохранения исторической памяти, поиска и оцифровки архивных документов // Труды Института российской истории. Вып. 17. М., 2023. С. 162–189.

16. *Etkind A.* Foreword // War and Memory in Russia, Ukraine and Belarus / ed. by J. Fedor et al. London, 2017. P. V–X.

17. *Hosaka S.* The KGB and Glasnost: A Contradiction in Terms? // Demokratizatsiya: The Journal of Post-Soviet Democratization. 2023. Vol. 31. No. 1. P. 57–90.

18. *Koposov N.* Memory Laws, Memory Wars: The Politics of the Past in Europe and Russia. Cambridge, 2018.

19. *Miles S.* The Problems of Perestroika: The KGB and Mikhail Gorbachev's Reforms // Slavic Review. 2021. Vol. 80. No. 4. P. 816–838.

Е.М. Малышева

ТРАНСФОРМАЦИЯ ПОЛИТИКИ ПАМЯТИ О РОЛИ СОВЕТСКИХ ВООРУЖЕННЫХ СИЛ В ОСВОБОЖДЕНИИ ЕВРОПЫ ОТ НАЦИСТСКОЙ ОККУПАЦИИ: НАША ПАМЯТЬ «БЕЗ СРОКА ДАВНОСТИ»

События Великой Отечественной войны нашли отражение в различных формах исторической памяти и мемориальной культуре. Одной из наиболее обсуждаемых в историографии и средствах массовой информации тем стала роль Красной армии в освобождении Европы. В средствах массовой информации ряда европейских стран эта тема подвергается искажению и становится целью информационных атак неонацистов на Россию из-за рубежа. Память о победе народов СССР над Третьим рейхом является важнейшим уроком для ответа на современные глобальные вызовы человечеству. Историческая память о вкладе Советского Союза в победу над нацистской Германией является основой общероссийской идентичности и единения многонационального социума.

Против России развернута информационная война, оружием которой стали фальсификация истории и попытка изменить у современного читателя отношение к оценкам событий военного периода. Возникает необходимость защитить нашу историю, блокировать все попытки исказить факты в угоду антироссийской повестки дня. Это касается в том числе темы отображения в европейской историографии и средствах массовой

информации роли Красной армии в освобождении от нацистской оккупации стран и народов Европы. Пятый том 12-томного фундаментального энциклопедического издания «Великая Отечественная война 1941–1945 годов» посвящен раскрытию интернациональной миссии Советского Союза и РККА в освобождении народов стран Европы и Азии от нацистской оккупации, вкладу СССР в разгром гитлеровцев на Западе и Востоке Евразии и в установлении послевоенного мира [4]. Показательна отрицательная оценка исторической памяти о событиях, связанных с освободительной миссией советских вооруженных сил в Европе, которая началась с Польши. Представляется необходимым в ответ на антироссийскую риторику польского руководства напомнить о событиях 80-летней давности, когда в ходе Варшавско-Познанской наступательной операции 21 января 1945 г. от германской оккупации была освобождена Варшава. Освобождая страны Европы, Красная армия заплатила высокую цену – погибло более 1,5 млн солдат и офицеров. При этом только в боях за освобождение Польши Советский Союз потерял убитыми и ранеными свыше 600 тыс. красноармейцев [5: 326]. В этом контексте представляется циничной политика борьбы с памятниками, открыто начавшаяся с 2016 г. с растиражированной в СМИ информации о планах демонтажа и сноса свыше 500 мемориалов и монументов советским воинам-освободителям, погибшим на территории Польши [3].

Эта идея нашла реализаторов в современной Польше, которая больше всех пострадала от нацистского геноцида в период оккупации. На ее территории до основания были разрушены жилые кварталы, промышленные предприятия, инфраструктура. Г.К. Жуков об освобожденной Варшаве вспоминал, что «город был мертв» [1]. Печально знаменитыми стали символы нацистских преступлений: немецкие концлагеря и лагеря смерти. Узников размещенных на территории Польши концлагерей, таких как Освенцим (Аушвиц), Майданек, Белжец, Треблинка, Собибор и многих других, освобождала Красная армия.

Однако в контексте развернувшейся информационной войны современные польские власти предпочитают забыть тот факт, что именно Советский Союз еще до окончания войны, во время освобождения Европы, стал оказывать помощь братскому народу Польши в послевоенном восстановлении. Уже через неделю после освобождения польской территории от оккупации был организован Объединенный штаб для восстановления Варшавы. В Нижней Силезии и Опольщине было обнаружено и разминировано 15 тыс. минных полей, что было только третьей частью всей заминированной территории Польши. По опубликованным сведениям, совместными действиями советских и польских саперов было обезврежено свыше 15 млн мин различных типов, собрано и уничтожено

более 68 млн снарядов и авиабомб, разминировано около 2 тыс. важных государственных объектов и почти 200 тыс. км шоссейных дорог [8: 287]. Освобождение Варшавы и ее восстановление – это подвиг, который явил миру гуманизм советских людей и их солидарность со славянскими братскими народами, исторически связанными с Россией. Однако ныне Польша, как ряд других освобожденных Красной армией стран Европы, пытается забыть об этом военном и трудовом подвиге советских людей.

Усердствует в забвении памяти о подвиге советских воинов-освободителей польский Институт национальной памяти – организация, изначально созданная для расследования немецких преступлений против польских граждан в период нацистской оккупации с 1939 по 1944 гг. С 1949 по 1984 г. комиссия по расследованию преступлений против польского народа носила название «Главная комиссия по исследованию гитлеровских преступлений в Польше» [10]. Позже название организации было изменено на менее провокационное по отношению к Германии – «Главная комиссия по исследованию преступлений против польского народа». 8 декабря 1998 г. в Варшаве был принят закон «Об Институте национальной памяти – Комиссии по расследованию преступлений против польского народа». Институт национальной памяти – государственная комиссия «по расследованию *нацистских и коммунистических* (курсив наш. – *Е. М.*) преступлений против польских граждан, совершенных в период с 8 ноября 1917 по 31 июля 1990 года» [13] – занимается сбором документов и управлением документами органов государственной безопасности Польши, Третьего рейха и СССР. Основу деятельности этого органа составляет так называемая «теория двух оккупаций» – нацистской и советской [13]. Однако официальная статистика свидетельствует о фактах настоящего геноцида в отношении польского народа исключительно со стороны нацистской Германии. За период оккупации немецкими оккупационными властями было уничтожено свыше 6 млн граждан Польши, что составляло пятую часть от всего населения страны.

В 2018 г. в закон были внесены поправки, которые расширяют полномочия Института национальной памяти, включая в сферу его деятельности расследование преступлений украинских националистов и запрет «пропаганды бандеровской идеологии». В новой редакции закона как уголовное преступление квалифицируется использование выражения «польские лагеря смерти», а также высказывание суждения о причастности поляков к военным преступлениям. Преступными признаются «действия, совершенные украинскими националистами в хронологически период 1925–1950 годов, заключающиеся в применении насилия, террора или других форм нарушения прав человека против индивидов или групп людей, а особенно – против польского населения» [13].

Оспорить роль и освободительную миссию Красной армии в Европе не позволяют исторические реалии, нашедшие отражение в историографии, причем не только советской и российской. В 1971 г. опубликован сборник документов и материалов, в котором раскрывается политика СССР в отношении порабощенных Третьим рейхом народов европейских стран, а также роль Советского Союза в освобождении Европы от фашистской оккупации. К лету 1944 г. на восточном фронте против Красной армии воевало 4,3 млн человек в 228 дивизиях и 23 бригадах. На западноевропейском фронте англо-американским войскам противостояли от 56 до 75 дивизий вермахта – в несколько раз меньше, чем на советско-германском фронте. Советские вооруженные силы, разгромив части вермахта весной 1945 г., освободили Восточную Пруссию, Померанию, Силезию и вышли на Одер и Нейсе: до Берлина оставалось 60 км. Около 7 млн советских воинов непосредственно участвовали в освобождении 11 европейских стран общей площадью в 1 млн км^2 с населением в 113 млн человек. 69 тыс. советских воинов погибло при освобождении Румынии, более 140 тыс. – в ходе боевых действий в Венгрии, свыше 26 тыс. – на австрийской земле, 600 тыс. – в Польше, 140 тыс. – в Чехословакии, 8 тыс. – в Югославии, около 4 тыс. – на территории Норвегии, Дании и Болгарии. На территории самой Германии погибло 102 тыс. советских военнослужащих. Эта статистика продолжает уточняться: всего на полях сражений в Европе погибло более 1 млн советских солдат и офицеров, а общие потери Красной армии вместе с ранеными и пропавшими без вести составили свыше 3,9 млн человек [7: 320–390].

Наблюдаемая трансформация исторической памяти народов Европы в отношении роли СССР во Второй мировой войне обусловлена не в последнюю очередь резко отрицательными оценками современной России и ее международной политики в связи с началом специальной военной операции. А ведь в 1943–1944 гг. наши союзники давали положительную оценку роли советских вооруженных сил в противостоянии с нацистской Германией. Президент США Франклин Рузвельт и премьер-министр Великобритании Уинстон Черчилль позитивно оценивали роль СССР в разгроме Германии, признавали факт его решающего вклада в победу. Так, Черчиллю принадлежит оценка, что именно русские армии обескровили Германию: «Ни одно правительство не устояло бы перед такими страшными жестокими ранами, которые нанес Гитлер России. Но Советы не только выстояли и оправились от этих ран, но и нанесли германской армии удар такой мощи, какой не могла бы нанести ей ни одна другая армия в мире... Чудовищная машина фашистской власти была сломлена превосходством Русского маневра, русской доблести, советской военной науки и прекрасным руководством советских генералов» [12].

Сегодня на Западе прилагаются беспрецедентные усилия не только по дискредитации освободительной миссии Красной армии, но и по тотальному пересмотру предпосылок и итогов Второй мировой войны. Так, в 2019 г. по инициативе представителей прибалтийских государств Европарламентом, а конкретнее – правительствами государств, чьи представители в составе добровольческих подразделений воевали на стороне Третьего рейха, была принята декларация, согласно которой ответственность за развязывание Второй мировой войны возлагается в равной степени на СССР и нацистскую Германию [6].

Стремление выстоять и победить агрессора составляло духовную основу морального единения советского социума. Оно стало могучим побудительным мотивом к сплочению и героической борьбе с врагом всех народов СССР. Исторические реалии того периода отразились в устоявшейся социально-нравственной аксиоме: мы – великий народ, победивший фашизм. В системе ценностей российских граждан начала XXI в. Великая Победа не только теряет своего значения, но и приобретает особую значимость, о чем свидетельствуют социологические исследования.

Так, по результатам опросов, проведенных Всероссийским центром изучения общественного мнения в 2024 г., 75 % россиян считают самым важным событием в истории России Победу в Великой Отечественной войне. Наблюдается тенденция роста доли российских граждан, придерживающихся подобного мнения: в 2020 г. она составляла 60 % [2]. В январе 2025 г., открывая заседание российского организационного комитета «Победа», президент В.В. Путин отметил: «В мае мы будем отмечать 80-летие Великой Победы. Ее значимость в судьбе России, в характере и ценностях всего нашего народа поистине колоссальна. В знак нашей немеркнущей памяти о событиях Великой Отечественной войны и о грандиозной Победе над нацизмом, как символ неразрывной преемственности поколений 2025-й год объявлен в России Годом защитника Отечества» [9].

В целях сохранения и защиты традиционных российских духовно-нравственных ценностей, культуры и исторической памяти, а также реализации общественно значимых проектов и инициатив, указом президента России В.В. Путина в 2023 г. создан Центр национальной памяти, его руководителем назначена Е.П. Малышева [11]. Нельзя не согласиться с тем, что историческая память о Великой Отечественной войне является одной из базовых основ национальной консолидации современного российского общества. В этом контексте важно не только сохранять историческую память, но также противодействовать искажению и прямой фальсификации исторических фактов о событиях военной поры.

Источники и литература

1. 80 лет назад Красная Армия освободила Варшаву. URL: https://rvio.histrf.ru/activities/news/80-let-nazad-krasnaya-armiya-osvobodila-varshavu (дата обращения: 22.02.2025).

2. Большинство россиян считают Великую Победу самым важным событием в истории России. URL: https://gor.press/articles/society/bolshinstvo-rossiyan-schitayut-velikuyu-pobedu-samym-vazhnym-sobytiem-v-istorii-rossii/ (дата обращения: 22.02.2025).

3. В Польше снесут 500 памятников, построенных «в благодарность СССР». URL: https://www.vesti.ru/article/1555034 (дата обращения: 16.02.2025).

4. Великая Отечественная война 1941–1945 годов: в 12 т. Т. 5. Победный финал. Завершающие операции Великой Отечественной войны в Европе. Война с Японией. М., 2013.

5. Гриф секретности снят. Потери Вооруженных Сил СССР в войнах, боевых действиях и военных конфликтах. Статистическое исследование / под общ. ред. Г.Ф. Кривошеева. М., 1993.

6. Как Европарламент возложил ответственность за Вторую мировую на Германию и СССР. URL: https://lv.baltnews.com/Russia_West/20190920/1023388611/Kak-Evroparlament-vozlozhil-otvetstvennost-za-Vtoruyu-mirovuyu-na-Germaniyu-i-SSSR.html (дата обращения: 22.02.2025).

7. Освободительная миссия Советских Вооруженных Сил во второй мировой войне / под общ. ред. и с предисл. Маршала Сов. Союза А.А. Гречко. М., 1971.

8. *Поплавский С.Г.* Товарищи в борьбе. 2-е изд., испр. и доп. М. 1974.

9. Путин назвал колоссальной значимость Победы в Великой Отечественной войне. URL: https://regnum.ru/news/3941503 (дата обращения: 22.02.2025).

10. Треблинка: документы и документальные снимки из архивов Главной комиссии по расследованию гитлеровских преступлений в Польше и Еврейского исторического института в Варшаве / исторические тексты, документы и снимки Я. Гумковского и А. Рутковского; предисл. С. Познаньского; граф. обработка Т. Бавич; снимки памятника Е. Коссаковского. Варшава, 1961.

11. Указ Президента Российской Федерации от 02.11.2023 г. № 817 «О создании автономной некоммерческой организации «Национальный центр исторической памяти при Президенте Российской Федерации». URL: http://www.kremlin.ru/acts/bank/49912 (дата обращения: 20.02.2025).

12. Черчилль, Рузвельт и мир о победе русского народа над фашизмом. URL: https://monocler.ru/cherchill-ruzvelt-i-mir-o-pobede-russkogo-naroda-nad-fashizmom/ (дата обращения: 06.03.2025).

13. Что за закон «Об Институте национальной памяти» и зачем он Польше? URL: https://aif.ru/politics/world/chto_za_zakon_ob_institute_nacionalnoy_pamyati_i_zachem_on_polshe?ysclid=m7gd75ecwc404611742 (дата обращения: 22.02.2025).

Б.У. Серазетдинов

КОММЕМОРАТИВНЫЕ ПРАКТИКИ КАК ИНСТРУМЕНТ СОХРАНЕНИЯ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ О ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ

В настоящее время в военно-патриотическом воспитании граждан России важное место занимает коммеморация (от лат. memorialis – памятный) – сохранение в общественном сознании памяти о значимых событиях прошлого; совокупность публичных актов их «вспоминания» и (пере)осмысления в современном контексте.

Коммеморация – это процесс памятования через актуализацию событий, образов и персоналий прошлого в контексте современных воззрений и потребностей; кроме этого, коммеморация является формой культурной памяти и передачи традиций.

Сохранение памяти о значимых событиях прошлого – один из инструментов воспитания уважительного и бережного отношения к истории своей страны и ее соседей, народа и этнической группы, семьи и рода. В исторической, философской, политологической, социологической литературе можно найти целый спектр понятий, так или иначе относящихся к страницам истории: «историческая память», «историческая политика», «культурная память», «места памяти», «историческая правда» и т.д.

Посредством коммеморации человек вводит прошлое в культуру настоящего, протягивает связующую нить между двумя историческими периодами. С точки зрения доктора культурологии А.С. Святославского, коммеморация – это «сознательный социальный акт передачи нравственно, эстетически, мировоззренчески или технологически значимой информации (или актуализации ее) путем увековечения определенных лиц и событий, то есть введения образов прошлого в пласт современной культуры» [8: 4].

О.А. Малинова и В.Н. Ефремова под коммеморацией исторических фигур или событий понимают совокупность публичных актов их «вспоминания» и (пере)осмысления в современном контексте. Они отмечают, что «коммеморация может иметь разную смысловую модальность: она не обязательно является актом торжества, предполагающим отмечание/празднование – она также может служить актом скорби/почитания памяти мертвых» [5: 118].

Множество видов коммеморации, формирующих общие представления о тех или иных событиях и стимулирующих участников к их повторному символическому переживанию, не только оживляет и подтверждает старые воспоминания о прошлом, но также способствует их изменению и в конечном счете наполнению прошлых событий новым (иногда противоположным) смыслом, особенно при насущной необходимости соответствовать меняющимся потребностям и задачам социума. Профессор Центра еврейской жизни в Университете Рутгерса Яель Зерубель писала: «Каждое действие, направленное на поддержание памяти о прошлом, каждый "акт коммеморации" воссоздает какой-то один отрезок этого прошлого, и потому такая память фрагментарна по своей природе. И всё же все действия, взятые вместе, слагаются в общую повествовательную конструкцию, или схему повествования, которая упорядочивает и приводит в систему коллективную память. Под этим термином я понимаю общие представления об истории, основную "сюжетную линию", которая определяется всей культурой данного социума и формирует у его членов единое понимание их прошлого» [3: 7].

Таким образом, под коммеморацией мы будем понимать не просто увековечение памяти о событиях прошлого, но способы, с помощью которых укрепляется и передается память о прошлом, посредством чего происходит актуализация смыслов и ценностей прошлого для настоящего времени.

Мне хотелось бы использовать классификацию И.С. Огоновской [7], которая выделила следующие виды коммеморативных практик, представленных в советском пространстве:

1) Поминальная коммеморация. В календаре Русской православной церкви существуют два дня поминовения павших воинов: Димитровская и Покровская субботы. В настоящее время эта форма сохраняется как в эти дни церковного календаря, так и в государственные праздники – День Победы (9 мая), День памяти и скорби (22 июня), День памяти о россиянах, исполнявших служебный долг за пределами Отечества (15 февраля) [7: 237].

2) Храмосозидательская коммеморация. В постсоветский период была возрождена традиция строительства храмов в память о защитниках Отечества и побед над внешним врагом, существовавшая в нашей стране со времен Древней Руси. На месте танкового сражения на Прохоровском поле построен мемориальный комплекс «Курская дуга» с храмом в честь Святых Апостолов Петра и Павла и храмом-звонницей во имя Святого Георгия Победоносца (1992–1995), на Поклонной горе в Москве возведен храм Георгия Победоносца (1995), в Санкт-Петербурге – храм во имя Святого Георгия Победоносца (2003), на Мамаевом кургане в Волгограде –

храм во имя Всех Святых (2005). В 2020 г. в парке «Патриот» освящен Патриарший собор во имя Воскресения Христова – Главный храм Вооруженных сил Российской Федерации [7: 238]. 3 марта 2023 г., в день 80-летия освобождения Ржева от немецко-фашистских захватчиков, у Ржевского мемориала Советскому солдату (2020) состоялась закладка храма в честь Всех Святых, который будет построен в память о солдатах и офицерах, погибших в годы Великой Отечественной войны.

3) Топонимическая коммеморация. Память о военных событиях в географических названиях – привычное для России явление. На карте современной России есть несколько астионимов (названий городов), связанных с именами полководцев и военачальников. Это г. Багратионовск в Калининградской области, г. Суворов в Тульской области и г. Жуков в Калужской области. По решению депутатов городской думы Волгограда девять раз в году городу возвращается имя «Сталинград» [7: 238]: 2 февраля – в день разгрома немецко-фашистской армии в Сталинградской битве, 23 февраля – в День защитника Отечества, 8 мая – в день присвоения звания города-героя, 9 мая – в День Победы, 22 июня – в День памяти и скорби, 23 августа – в день памяти жертв бомбардировки Сталинграда, 3 сентября – в дату окончания Второй мировой войны, 19 ноября – в день начала контрнаступления под Сталинградом, 9 декабря – в День Героев Отечества. А в Париже с 1946 г. существует свой «Сталинград» (фр. *Stalingrad*) – станция Парижского метрополитена на границе 10-го и 19-го округов города на пересечении линий 2, 5 и 7. Расположена она на площади Сталинград, названной, в свою очередь, в честь Сталинградской битвы.

4) Реконструктивная коммеморация. К данному виду коммеморации можно отнести мероприятия клубов исторической реконструкции – фестивали исторической реконструкции, исторические игры, выставки оружия определенной исторической эпохи и т.д. Примером реконструктивной коммеморации может быть спектакль-реконструкция «Да судимы будете», поставленный в декабре 2017 г. Новгородским музеем-заповедником в новгородском Кремле на средства президентского гранта. Отметим также военно-историческую реконструкцию «1941. Бой на безымянной высоте» (5 мая 2018 г.); военно-исторический фестиваль «Покровский рубеж», проходивший 11–12 июня 2018 г. [7: 239]. Содержательная часть сценария мероприятия, показавшая события лета 1941 г. в Белоруссии через занятие частями вермахта белорусской деревни и уничтожение пленных красноармейцев и местных жителей, позволила наглядно продемонстрировать зрителям, за что сражалась Красная армия, кто был ее врагом и почему война получила название Отечественной.

5) Номинативно-организационная коммеморация (увековечение памяти имен конкретных людей – участников Великой Отечественной войны в наименованиях учреждений и памятных табличках). Отдельные прецеденты подобной практики имели место и раньше, но они касались наиболее ярких образов героев, активно используемых в советской печати. Так, уже в 1944 г. школа № 201 Москвы постановлением Совета народных комиссаров РСФСР получила почетное имя своей выпускницы Зои Космодемьянской, в 1956 г. указ Президиума Верховного Совета СССР присвоил этой школе имена Зои и Александра Космодемьянских. Но наиболее активное увековечение в школах имен выпускников – героев и участников Великой Отечественной войны – начинается в начале 1960-х гг., когда (еще один важный показатель) руководителями школ начинают становиться сами участники войны.

В настоящее время (с 2014 г.) действует федеральный проект «Имя героя – школе». Основная цель проекта – через механизм присвоения российским школам имен выдающихся соотечественников развивать у учащихся интерес к более глубокому изучению истории и культуры своей страны, формировать у них высокие моральные ориентиры на основе выдающихся поступков конкретных людей, развивать у них мнение о России как стране героев. Так, в Удмуртской Республике к патриотическому проекту Общероссийского народного фронта «Имя героя – школе» присоединилась школа № 10 из Глазова. В 2020 г. ей было присвоено имя Героя России Антона Ушакова, погибшего при исполнении боевой задачи в Чеченской Республике 21 марта 1995 г. [4]. В том же году было принято решение о присвоении школе с. Панкрушиха Алтайского края им. Героя Советского Союза, участника Великой Отечественной войны Дмитрия Алексеевича Бакурова [6].

6) Художественная коммеморация (художественные произведения). Тема Великой Отечественной войны отражена в литературе, живописи скульптуре, театральном искусстве, кинематографе, а также в интернет-пространстве. И.В. Грибан и О.Н. Грибан в статье «Великое прошлое в виртуальном настоящем: веб-ресурсы как инструмент сохранения памяти о Великой Отечественной войне» пишут, что «для большинства представителей молодого поколения россиян Великая Отечественная становится событием, память о котором носит весьма абстрактный характер и формируется не столько на основе общения с носителями личных воспоминаний, сколько при помощи компьютерных игр, видеохроник и фильмов, далеко не всегда высокого качества» [1: 33]. И.В. Грибан и К.А. Антропов отмечают, что «одним из важнейших инструментов формирования исторических представлений становится кинематограф, на эмоциональном уровне воздействующий одновременно на большое количество зрителей

и за счет зрелищности и современных спецэффектов оказывающий подчас гораздо большее воздействие, чем уроки истории в школе, посещение музеев или книги» [2: 328]. Например, большой интерес общественности и активные дискуссии в СМИ (прежде всего в блогосфере) вызвал вышедший в широкий прокат 24 ноября 2016 г. фильм «28 панфиловцев» о легендарном подвиге при обороне Москвы. Режиссеры фильма Ким Дружинин и Андрей Шальопа достаточно убедительно и эмоционально донесли до зрителей мысль о том, что подвиг 28 панфиловцев – это на самом деле лишь один ставший легендарным сюжет, символически воплощающий в себе подвиг всех защитников Москвы, о котором надо знать и помнить потомкам. Добились они и зрительского сопереживания, и гордости за то, что у нас такие герои есть. В фильме заложен и определенный межкультурный посыл: бойцы разных национальностей в одном окопе сражаются за общую Родину.

С 2016 по 2021 г., помимо «28 панфиловцев», вышли на экраны и вызвали наибольший интерес у российских зрителей фильмы: «Несокрушимый» (2018 г., реж. К. Максимов); «Танки» (2018 г., реж. К. Дружинин); «Рубеж» (2018 г., реж. Д. Тюрин); «Т-34» (2019 г., реж. А. Сидоров); «Девятаев» (2021 г., реж. Т. Бекмамбетов, С. Трофимов) [2: 329].

Героико-патриотическая тема – ведущая тема театрального искусства в годы Великой Отечественной войны. В репертуарах театров (не только майских) и сегодня сохранились спектакли о войне – сохранились не *на память* как рудимент или сувенир из прошлого, но *для памяти*. Музыкальные и драматические, мрачные и лиричные, разные по настроению и форме, но схожие в одном – спектакли о войне антивоенны, они за мир. Так, например, в основе спектакля «Прокляты и убиты» (МХТ им. А.П. Чехова) Виктора Рыжакова – последний роман Виктора Астафьева. Сюжет не вымышленный, пережитый. Окопная правда 1942 г. – рассказ о судьбах молодых бойцов, впервые взявших в руки оружие, о выстрелах и расстрелах военной поры.

Современные художники смотрят на тему несколько иначе. Безусловно, одни из них продолжают «классическую», советскую линию, расширяя ее в плане изображения военной техники. Другие же в иносказательной манере пытаются переосмыслить человеческие потери, принесенные войной. Бережное, трепетное, новаторское, на грани магического реализма, размышление, где краски приглушены, а ярким вспышкам огня противопоставлен полумрак полузабвения. В таких постановках большое внимание уделяется связи поколений, ее надорванности и невосполнимости, незаживляемости этой рваной раны. В качестве примера можно привести творчество доцента кафедры живописи и композиции Института им. И.Е. Репина (Санкт-Петербург) Игоря Михайловича Кравцова

(1964–2010) и его последнюю работу «Последний салют». Художником запечатлена встреча ветеранов Великой Отечественной войны, провожающих в последний путь своего однополчанина. Напротив них безмолвно стоят молодые бойцы Красной армии – их павшие боевые товарищи, встречающие того самого фронтовика, который, оставив на стуле свой пиджак с наградами, теперь уходит в вечность. Нет слез, а только грусть, огромная печаль от потерь и пережитого на войне. Я думаю, те, кто увидит последнюю, одну из самых тяжелых и талантливых картин Игоря Михайловича, не останутся равнодушными.

7) Музейно-выставочная коммеморация (экспозиции в школьных музеях, посвященные участникам и событиям Великой Отечественной войны). В 2025 г. проводится Всероссийский конкурс музеев общеобразовательных организаций «Знать, чтобы помнить!», организованный партией «Единая Россия» в рамках реализации партийного проекта «Историческая Память». Конкурс направлен на поддержку и развитие музейного дела в общеобразовательных учреждениях, сохранение исторической памяти и воспитание патриотизма у подрастающего поколения. В 2024 г. участниками конкурса стали 1400 музеев школ и вузов из 81 региона, имеющих экспозиции, посвященные землякам – участникам специальной военной операции. Впервые в конкурсе приняли участие 50 высших учебных заведений. Победителями федерального этапа стали 90 музеев [9]. Экспозиции, посвященные военным коммеморациям, в школьных, вузовских музеях вписываются в символическую политику нашей страны.

К сожалению, из-за регламентации объема статьи мы не можем рассмотреть и другие виды коммеморации. Но в период серьезной идеологической войны все коммеморативные практики важны и актуальны и вовлечение общества, молодого поколения в эти практики необходимо.

Источники и литература

1. *Грибан И.В., Грибан О.Н.* Актуальное прошлое: веб-ресурсы как инструмент сохранения исторической памяти о Великой Отечественной войне // Преподавание истории в школе. 2016. № 1. С. 33–37.

2. *Грибан И.В., Антропов К.А.* Кино и память: Великая Отечественная война в зеркале современного российского кинематографа // Запад, Восток и Россия: вопросы всеобщей истории. 2020. Вып. 23. Историческая память: генезис и проблемы преемственности. С. 327–341.

3. *Зерабель Я.* Динамика коллективной памяти // Империя и нация в зеркале исторической памяти: сборник статей / сост. А. Семенов, И. Герасимов, М. Мольгинер. М., 2011. С. 2–13.

4. Имя Героя России Антона Ушакова присвоено школе № 10 г. Глазова Удмуртской Республики // Патриотические проекты ОНФ. URL.: https://

imena.onf.ru/news/respublika-udmurtiya/imya-geroya-rossii-antona-ushakova-prisvoeno-shkole-no-10-g-glazova (дата обращения: 07.03.2025).

5. *Малинова О.Ю., Ефремова В.Н.* Коммеморации исторических событий и государственные праздники как инструменты символической политики // Историческая память и российская идентичность / под ред. В.А. Тишкова, Е.А. Пивневой. М., 2018. С. 115–132.

6. МКОУ «Панкрушихинская СОШ имени Героя Советского Союза Д.А. Бакурова» // Патриотические проекты ОНФ. URL.: https://imena.onf.ru/placements/altayskiy-kray/mkou-pankrushihinskaya-sosh-imeni-geroya-sovetskogo-soyuza-da-bakurova (дата обращения: 07.03.2025).

7. *Огоновская И.С.* Коммеморативные практики как инструмент сохранения памяти о военной истории России // Одна на всех трагедия и одна Победа: международная научно-практическая конференция к 80-летию начала Великой Отечественной войны, Оренбург, 28–29 мая 2021 г.: сборник научных статей / науч. ред. Р.Р. Хисамутдинова. Оренбург, 2021. С. 237–241.

8. *Святославский А.В.* Среда обитания как среда памяти: к истории отечественной мемориальной культуры: автореф. дис. ... д-ра культурологии. М., 2011.

9. Сергей Кравцов рассказал о мероприятиях для школьников в честь 80-летия Великой Победы // Министерство просвещения Российской Федерации. Официальный сайт. 2025. 31 января. URL: https://edu.gov.ru/press/9380/sergey-kravcov-rasskazal-o-meropriyatiyah-dlya-shkolnikov-v-chest-80-letiya-velikoy-pobedy/ (дата обращения: 07.03.2025).

Я.В. Комар

ИСТОРИЧЕСКАЯ ПАМЯТЬ В ЦИФРОВУЮ ЭПОХУ: ТЕХНОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ СОХРАНЕНИЯ НАСЛЕДИЯ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

Проблематика технологического воздействия на процессы формирования и трансляции коллективной исторической памяти о событиях Великой Отечественной войны представляет значительный научный интерес в контексте современных социокультурных трансформаций. Актуальность данной исследовательской области обусловлена комплексом взаимосвязанных факторов: необходимостью разработки эффективных механизмов сохранения исторического наследия в цифровую эпоху, трансформацией информационной доступности архивных материалов и модификацией процессов конструирования национально-государственной идентичности в условиях технологических инноваций.

С каждым годом всё меньше остается ветеранов Великой Отечественной войны, что делает сохранение их опыта и воспоминаний крайне важным. Также современная молодежь предпочитает получать информацию через интернет, а не в традиционных библиотеках и музеях. К тому же в условиях информационных войн сохранение исторической правды и борьба с дезинформацией приобретают особую значимость. Новые технологии могут как помочь в этом процессе, так и создать новые проблемы с контролем качества информации, что требует разработки эффективных стратегий для обеспечения достоверности и надежности исторических данных. Основной исследовательской интенцией данной работы является комплексный анализ функциональной роли инновационных технологий в процессах конструирования и диссеминации исторической памяти о Великой Отечественной войне, а также экспликация их воздействия на общественное сознание и национальную идентичность. Методологическая стратегия исследования предполагает реализацию следующих задач: критический анализ эпистемологического статуса проблемы в современном научном дискурсе; концептуализацию феномена исторической памяти в технологическом контексте; исследование функциональных характеристик сетевых ресурсов как репозиториев исторической информации, включая цифровые архивные комплексы и социальные медиа; выявление конструктивных и деструктивных аспектов влияния глобальной информационной инфраструктуры на процессы мемориализации исторического опыта [1].

Новые технологии, включая цифровые архивы, социальные сети и интерактивные веб-ресурсы, играют значительную роль в сохранении и распространении исторической памяти. Основные формы новых технологий, связанных темой с Великой Отечественной войны, следующие:

Цифровые архивы. Создание цифровых архивов, таких как проекты «Мемориал», «Подвиг народа», «Я помню», позволяет получить доступ к огромному количеству документов и информации о Великой Отечественной войне. Это делает историческую память более доступной для широкой аудитории, особенно для молодежи, которая предпочитает получать информацию через интернет. Институциональная поддержка и финансовое обеспечение мемориальных цифровых проектов демонстрирует дуалистическую структуру, включающую как государственные инициативы, так и негосударственные источники финансирования. Репрезентативным примером частной инициативы в данной сфере является цифровой фотоархив «Военный альбом» (waralbum.ru), представляющий собой систематизированный репозиторий визуальных материалов периода Второй мировой и Великой Отечественной войны (1939–1945 гг.) [2].

Интерактивные ресурсы. Веб-сайты и приложения, такие как «Память народа» (pamyat-naroda.ru), «Бессмертный полк» (moypolk.ru) (реализует проект «Запиши деда в полк»), предлагают интерактивные возможности, позволяя пользователям участвовать в развитии ресурса и наполнении его контентом. Это способствует более активному вовлечению молодежи в процесс сохранения исторической памяти. Всероссийский проект «Наша общая победа» (41-45.su, в настоящее время недоступен) реализовал инновационную модель формирования цифрового видеоархива мемуарных свидетельств ветеранов Великой Отечественной войны на основе принципов распределенного участия интернет-пользователей, что демонстрирует эффективность краудсорсинговых технологий в сохранении исторической памяти. Сюда же относятся интернет-энциклопедии, такие как «Википедия», где с темой Великой Отечественной войны связано около 1 тыс. статей. В процессе размещения аудиовизуального контента исторической направленности пользователи преимущественно используют многофункциональные цифровые платформы YouTube и RuTube, обеспечивающие хостинг разнообразных форматов: от профессиональных кинематографических и документальных произведений о военном периоде до любительских видеоматериалов различной жанровой принадлежности.

Социальные сети и онлайн-платформы. Социальные сети и онлайн-платформы позволяют быстро распространять информацию и создавать сообщества, посвященные исторической памяти. Согласно аналитическим данным исследовательской компании MediaScope, осуществляющей регулярный мониторинг активности российских пользователей в интернет-пространстве, по состоянию на январь 2025 г. социальная сеть «ВКонтакте» занимает четвертую позицию в рейтинге посещаемости на территории Российской Федерации, уступая лишь таким цифровым платформам, как «Яндекс», Google, и коммуникационному сервису WhatsApp. Информация о Великой Отечественной войне носит как визуальный, так и текстовый характер, распространяется как на личных персональных страницах, так и в тематических группах [4].

Онлайн-платформа «Календарь победы» (pobeda.elar.ru) представляет собой структурированный комплекс тематических информационных вестников, включающих детализированные описания военных операций, репринты материалов фронтовой периодики, мемуарные свидетельства участников боевых действий и иные исторические источники. Интернет-ресурс «Моя победа» (moyapobeda.ru, в настоящее время недоступен) реализовал функцию противодействия фальсификационным интерпретациям истории Великой Отечественной войны [3].

Виртуальные музеи и выставки. Виртуальные музеи и выставки, такие как музей-заповедник «Сталинградская битва», предоставляют

уникальную возможность посетить музей удаленно, что расширяет доступ к исторической информации и культурным ценностям.

Информационные каналы. «Телеграм» первоначально являлся многофункциональным мессенджером, который позволял пользователям обмениваться сообщениями, фотографиями, видеоконтентом. В последующем в «Телеграм» добавилась возможность создания телеграм-канала – инструмента, который позволяет его владельцу размещать контент, например, фотографии, видео и текстовые сообщения, и общаться в комментариях с другими пользователями «Телеграм». В современном медиапространстве функционирует комплекс специализированных информационных каналов, основной функциональной задачей которых является систематическая диссеминация контента, посвященного событиям Великой Отечественной войны, что способствует поддержанию устойчивого присутствия военно-исторической тематики в информационном поле.

Платформа «Яндекс.Дзен» функционирует как многофункциональная система для создания и потребления разнообразного мультимедийного контента (текстового, визуального, аудиального) по широкому спектру тематических направлений, среди которых значительной популярностью пользуются блоги, специализирующиеся на освещении различных аспектов истории Великой Отечественной войны.

Современные технологические решения способствуют генерации и визуализации исторических репрезентаций в разнообразных форматах: плакатной графики, схематических изображений, фотографического материала, цифровых открыток, распространяемых посредством мессенджеров и содержащих различные формы исторического знания. В процессе создания данного контента пользователи руководствуются собственными историческими, социальными и политическими представлениями о ключевых периодах и событиях отечественной истории. События Великой Отечественной войны не являются исключением, более того, именно данный исторический период становится объектом наиболее интенсивного производства любительского контента исторической направленности. В видеоиграх сейчас также активно используется тема войны, сражений, полководцев, например, «Мир танков», «В тылу врага», «Партизаны 1941», Hearts of Iron, Warthunder, Luftrausers, Bomber Crew, Unity of Command: Stalingrad Campaign, Heroes of Card War, Hell Let Loose, Day of Infamy и т.д. [5].

Наметим основные проблемы и перспективы использования новых технологий в сохранении памяти о событиях Великой Отечественной войны:

– Качество информации. Одной из основных проблем является сложность контроля качества информации, представленной в интернете. Это может привести к распространению дезинформации и искажению исторических фактов.

– Доступность и охват. Новые технологии позволяют охватить большую аудиторию, но также создают неравенство в доступе к информации для тех, кто не имеет возможности пользоваться интернетом.

– Перспективы развития. В будущем можно ожидать дальнейшего развития интерактивных технологий и создания новых форматов для сохранения и распространения исторической памяти.

Инновационные технологические решения создают беспрецедентные возможности для сохранения и трансляции исторической памяти о Великой Отечественной войне, однако их эффективное использование требует имплементации ответственного подхода к обеспечению качественных параметров и верификации транслируемой исторической информации.

Проведенное исследование влияния технологических факторов на процессы формирования и распространения исторической памяти о Великой Отечественной войне позволяет сформулировать ряд концептуально значимых выводов, имеющих теоретическую и практическую релевантность для дальнейшего развития данного научного направления. Цифровизация исторического наследия представляет собой многоаспектный процесс, трансформирующий традиционные механизмы сохранения и трансляции коллективной памяти.

Анализ цифровых архивов и информационных ресурсов, таких как «Мемориал», «Подвиг народа» и «Я помню», демонстрирует значительное расширение доступности исторических материалов для широкой аудитории. Особую значимость приобретает тот факт, что данные проекты функционируют как при государственной поддержке, так и на основе частных инициатив, что свидетельствует о многоуровневом характере сохранения исторической памяти в современном информационном пространстве.

Интерактивные ресурсы, в частности «Память народа» и «Бессмертный полк», формируют новую парадигму взаимодействия с историческим материалом, основанную на принципах партисипативности и пользовательского контента. Данный подход способствует не только пассивному потреблению информации, но и активному вовлечению граждан, особенно молодого поколения, в процессы конструирования и поддержания исторической памяти.

Социальные сети и онлайн-платформы становятся доминирующими каналами распространения исторической информации, что обусловливает необходимость разработки методологических подходов к анализу и верификации циркулирующего в них контента.

Таким образом, технологические инновации существенно модифицируют процессы формирования и трансляции исторической памяти о Великой Отечественной войне, создавая как новые возможности для ее сохранения и популяризации, так и определенные риски, связанные

с достоверностью и контекстуализацией исторической информации. Данная проблематика требует дальнейшего междисциплинарного изучения с привлечением методологического инструментария исторической науки, социологии, культурологии и информационных технологий.

Источники и литература

1. *Артамонов Д.С., Тихонова С.В.* История и историческая память о Великой Отечественной войне в коммуникативных практиках цифрового общества // Российская школа связей с общественностью. 2020. № 17. С. 29–43.

2. *Грибан И.В., Грибан О.Н.* Актуальное прошлое: веб-ресурсы как инструмент сохранения исторической памяти о Великой Отечественной войне // Преподавание истории в школе. 2016. № 1. С. 33–37.

3. *Грибан И.В., Грибан О.Н.* Историческая память в эпоху цифровизации: новые возможности и проблемы сохранения // Интерпретационное насилие над исторической памятью и формирование культуры политического мышления: материалы международной научно-практической конференции, Витебск, 29 октября 2021 г. Витебск, 2021. С. 55–60.

4. *Коробицына Л.В.* Память о Великой Отечественной войне в интернет-пространстве российских социальных сетей // История: факты и символы. 2022. № 2 (31). С. 108–114.

5. *Griban I.V., Griban O.N.* Playing with the Past: Computer Games as a Tool for Historical Memory Transformation of the Events of the World War II // International Scientific Conference “Digitalization of Education: History, Trends and Prospects” (DETP 2020): Proceedings of the International Scientific Conference “Digitalization of Education: History, Trends and Prospects” (DETP 2020), April 23–24, 2020, Yekaterinburg. Vol. 437. Yekaterinburg, 2020. P. 232–237.

Е.М. Горюшина

ВЕЛИКАЯ ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ВОЙНА В ПОЛИТИКЕ ПАМЯТИ НА ПОСТСОВЕТСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ ЮЖНОГО КАВКАЗА

Политика памяти на постсоветском пространстве может быть рассмотрена с точки зрения институционального поля в рамках Содружества Независимых Государств (далее – СНГ) – международной организации, созданной странами бывшего СССР и объединившей 11 государств с целью сотрудничества в политической, экономической, экологической, гуманитарной и культурной областях. Главы государств-участников СНГ (из региона Южного Кавказа в СНГ входят только Азербайджан и Армения)

8 июня 2024 г. приняли обращение к народам этой организации и международному сообществу в связи с 80-летием Победы в Великой Отечественной войне [14]. В документе отмечается, что именно народы «наших стран внесли решающий вклад в разгром Третьего рейха, поработившего почти всю Европу. Залогом успеха были нерушимая дружба и высокий патриотизм» [14]. Также была подчеркнута важность бережного сохранения памяти и правды о войне и совместной борьбы с фальсификацией истории и героизацией нацизма.

Теоретико-методологической основой исследования выступает теория коллективной памяти в рамках постструктурализма, которая позволяет рассмотреть воспроизводимое прошлое о Великой Отечественной войне в условиях распада СССР и трансформации общества на постсоветском пространстве. В этом случае память рассматривается в качестве движущей силы, гарантирующей преемственность поколений и одновременно ключевую роль Москвы в продвижении нарратива о Победе 1945 г. Постструктурализм обеспечивает такое понимание коллективной памяти [18: 126], при котором она становится результатом взаимодействия и диалогического процесса (разновидность обмена между индивидами и коллективом).

Цель исследования – углубить знание о роли и месте Великой Отечественной войны в политике памяти южнокавказских государств с учетом коммеморативных событий по случаю 80-летия Победы. При этом важно учитывать, что эта юбилейная дата чрезвычайно важна не только для поддержания официального нарратива России на внешнеполитическом контуре, но и для обеспечения устойчивости господствующего политического режима.

Анализ профильной литературы показывает, что с середины 1960-х гг. инструментальная роль годовщин ключевых событий Великой Отечественной войны активно эксплуатировалась советской властью. Российские историки в 2023 г. писали, что «такие годовщины окончательно закрепились в мемориальном календаре и служили консолидации и мобилизации советского общества, способствовали концентрации символических ресурсов у центральных и в некоторых случаях региональных властей (например, случай Сталинграда/Волгограда), а также использовались для укрепления позитивного образа СССР за рубежом» [10: 95].

В том же русле рассуждают американские ученые Дацин Ян и Майка Мочизуки из Университета Джорджа Вашингтона в работе «Память, идентичность и памятные мероприятия о Второй мировой войне…» [20]. На примере Азиатско-Тихоокеанского региона авторы задаются актуальными для этой статьи вопросами. Почему некоторые правительства и общества придают большое значение тому или иному юбилейному году,

а другие – нет? Что движет организацией тщательно продуманных юбилейных мероприятий в отдельных странах? Какую цель они преследуют для внутренней и для международной аудитории? Авторы поставили под сомнение доминирующую практику передачи памяти о событиях 1939–1945 гг. (в случае книги – Второй мировой войны), которая фокусируется на письменной форме воспоминаний (в том числе учебники). Они полагают, что наиболее эффективными становятся ритуальные и перформативные элементы празднования годовщин этой войны, но самыми эффективными выступают всё еще традиционные для политического анализа заявления представителей элиты.

К ритуальным и перформативным элементам 80-летия Победы следует отнести ряд периферийных мероприятий и коммеморативных проектов, призванных усилить официальный нарратив Москвы. Например, проект «Волонтеры Победы» реализуется с 2015 г. как средство объединения «сотен тысяч добровольцев, сохраняющих историческую память в России и за рубежом» [11]. В Калининграде в апреле 2025 г. в рамках проекта «Внуки Победы. Калининград» состоялись памятные и праздничные мероприятия, приуроченные к 80-летней годовщине штурма Кёнигсберга, призванные подчеркнуть важность знания и почитания молодыми людьми своей истории [7]. Сегодня официальный российский нарратив о Великой Отечественной войне поддерживается региональными властями, которые также выполняют функцию институтов его продвижения за пределами страны.

Азербайджан. В частности, в Азербайджане в честь 80-летия Победы в Великой Отечественной войне в Баку должна открыться документально-архивная выставка (это было подтверждено губернатором Свердловской области Е.В. Куйвашевым и послом Азербайджана в РФ Р.С. Мустафаевым [4]). В ее подготовке участвовали историки Урала, а экспозицию посвятят вкладу Азербайджана в победу в войне [6]. Причем в азербайджанских источниках ритуальные и перформативные элементы празднования сфокусированы на национальном контексте: «На выставке будут представлены уникальные документы, собранные уральскими историками и архивистами, которые иллюстрируют ключевую роль Азербайджана в победе». Эта роль заключается в том, что «Азербайджан стал основным поставщиком топлива и жизненно важных ресурсов для Красной Армии. В годы войны Азербайджан поставлял более 70 процентов всей добываемой в СССР нефти, 80 процентов бензина и более 90 процентов моторных масел, необходимых для военных действий» [16]. Выставка является составляющей частью проекта «Историческая память народов России и Азербайджана», посвященного 80-летию Победы.

В центре проекта вновь будет рассказ о боевом пути 77-й горно-стрелковой дивизии, поскольку в апреле 2024 г. в Русском доме в Баку

состоялось открытие выставки «История великого подвига», посвященной 80-летию освобождения Крыма в годы Великой Отечественной войны. Прошедшая выставка также была посвящена 77-й стрелковой дивизии, созданной в Азербайджане. В 1974 г. по инициативе первого секретаря ЦК Компартии Азербайджана Гейдара Алиева был установлен мемориальный комплекс на месте боев у подножия Сапун-горы, у шоссе Севастополь – Ялта. Скульптором монумента стал азербайджанский художник Омар Эльдаров [1]. 77-й горно-стрелковая (затем – стрелковая) дивизия была сформирована в Азербайджане, а после победы дислоцировалась в Свердловской области. Предстоящая экспозиция должна заработать на площадке, рекомендованной азербайджанской стороной, однако, дополнительная информация на момент публикации данной статьи отсутствует.

Наряду с материальным вкладом Баку в нарративе о Великой Отечественной войне важным элементом становится национальная виктимизация, выраженная во внимании к потерям. Около 640 тыс. человек из республики были призваны в армию, что составляет почти пятую часть населения. В их число входили 10 тыс. женщин и 40 тыс. добровольцев. Более 300 тыс. азербайджанских солдат и офицеров погибли на фронтах [16].

Несмотря на проводимые экспозиции и встречи с представителями региональной власти России, главной в политике памяти современного Азербайджана остается другая патриотическая война [8] – нагорно-карабахский конфликт (который зафиксирован в официальном нарративе Азербайджана как 30-летний армяно-азербайджанский конфликт). В связи с этим важно указать, что на официальном сайте президента Азербайджана совмещены контексты двух войн: «9 мая 2022 г. по случаю 77 лет со дня исторической победы над фашизмом во Второй мировой войне (так указано в англоязычной версии, а в русскоязычной и азербайджаноязычной – «Победы над фашизмом». – *Е. Г.*) Президент Азербайджанской Республики, Победоносный Верховный Главнокомандующий Ильхам Алиев посетил могилу дважды Героя Советского Союза, генерал-майора танковых войск Ази Асланова, возложил цветы к его памятнику и почтил память всех азербайджанцев, погибших во время войны» [17].

После Второй карабахской войны в национальном мемориальном календаре Азербайджана закрепляется дата (27 сентября) – День памяти погибших, а Ильхама Алиева начинают именовать «Победоносный Верховный Главнокомандующий». Военные действия, начавшиеся 27 сентября и завершившиеся 10 ноября 2020 г., вошли в современную историю Азербайджана как Отечественная война [9].

Азербайджанский президент принял приглашение В.В. Путина посетить торжественные мероприятия в честь 80-летия Победы в Великой

Отечественной войне в Москве, однако позже отменил визит. Последний раз И. Алиев присутствовал на параде Победы в Москве 9 мая в 2015 г. [2].

Армения. Учитывая противоречивые взаимоотношения России и Армении в последнее время, важно обозначить, что в 2015 г. на правительственном уровне была создана комиссия по празднованию 70-летия победы в Великой Отечественной войне [13]. В тот период политика памяти Армении во многом дублировала российские ритуальные и перформативные элементы празднования этого юбилея: памятные мероприятия проводились в течение всего года; 9 мая к Вечному огню и могиле Неизвестного солдата в Ереванском парке Победы возлагались цветы; военнослужащие принимали участие в параде; состоялся юбилейный концерт, за которым последовал праздничный фейерверк из семидесяти снарядов. Кроме того, делегация армянских ветеранов войны отправилась в Москву для участия в праздничных мероприятиях на Красной площади. В течение 2015 г. были проведены различные академические конференции, опубликованы научные статьи (на армянском и русском языках), а также организованы праздничные выставки в музее «Майр Айастан» («Мать Армения»). На страновом уровне демонстрировались фильмы о Великой Отечественной войне.

В 2020 г. Армения делала акцент на национальной виктимизации, выраженной во внимании к потерям. Так, 25 апреля на официальном сайте Организации Договора о коллективной безопасности (в 2025 г. Ереван воздержался от подписания документа, предусматривающего финансирование ОДКБ) была опубликована статья Министерства иностранных дел, посвященная роли Армении и армянского народа в Великой Отечественной войне: «Каждый пятый армянин ушел на фронт...» [15]. В статье приводится подробное описание шести армянских национальных дивизий, пять из которых были сформированы после начала боевых действий.

В 2021 г. официальные представители России (посол России в Армении С.П. Копыркин), напротив, подчеркивали потери, которая понесла Армянская ССР: «Если брать пропорционально населению, то потери огромны: 600 тысяч человек воевали, 300 тысяч пали, более 100 героев, маршалов, адмиралов Советского Союза» [19]. В тот период основное внимание уделялось сакральности памяти о войне в Армении и России, что выполняло политическую функцию объединения двух государств («нас многое объединяет – духовно и исторически» [19]), а также общему количеству потерь («в ходе войны советский народ потерял 28 млн человек» [19]).

В 2025 г. премьер-министр Армении Н.В. Пашинян подтвердил, что принял приглашение В.В. Путина участвовать в торжествах 9 мая в Москве, посвященных 80-летию Победы в Великой Отечественной войне.

Как и в случае с Азербайджаном, этот визит необходимо рассматривать не только в контексте политики памяти, но в большей степени – в контексте международных отношений и дрейфа Армении в сторону ЕС.

Грузия. В ранее опубликованных работах автора этой статьи уже поднимался вопрос о том, каким образом трансформировалась память о Великой Отечественной войне в постсоветской Грузии [3].

В период правления М.Н. Саакашвили (2004–2013) разрушается традиционная историческая память о Великой Отечественной войне, которая постепенно превращалась из регионального сегмента памяти бывшего СССР в сегмент общеевропейской исторической памяти о Второй мировой войне. Символичным стало уничтожение 19 декабря 2009 г. Мемориала воинской славы в г. Кутаиси по инициативе М.Н. Саакашвили.

При этом центральным перформативным полем памяти всё еще выступает празднование Дня Победы в Тбилиси, на котором пророссийски (местная версия «Бессмертного полка») и антироссийски настроенные грузины ежегодно борются за то, как вспоминать войну. Ритуализация коммеморативных маршей 9 мая в Грузии выражена не только тем, что в последнее время география «Бессмертного полка» расширилась (в 2023 г. память павших почтили в 11 городах страны), но самой точкой в мемориальном пространстве Грузии. До недавнего времени это был парк Ваке в г. Тбилиси, где находится Могила Неизвестного Солдата, созданная по задумке архитектора Н. Николова.

Мемориальный объект посвящен сотням тысяч грузинских солдат, служивших в Красной армии и погибших во время Великой Отечественной войны. Памятник был официально открыт генеральным секретарем ЦК КПСС Л.И. Брежневым и первым секретарем ЦК Компартии Грузии Э.А. Шеварднадзе в рамках бриллиантового юбилея республики в 1981 г. Здесь горит Вечный огонь, к которому ведут платановая, ореховая и дубовая аллеи.

Также на территории парка Ваке вокруг Могилы Неизвестного Солдата располагался скульптурный комплекс «Реквием», выполненный в 1981–1985 гг. архитектором Г. Очиаури. Композиция была посвящена воинам, погибшим в Великой Отечественной войне. Но на самом деле скульптуры изображали средневековых воинов, символизировавших всех погибших в войнах за всю историю Грузии. В 2009 г. скульптуры сидящих воинов были перенесены к подножию Горийской крепости в связи с политикой десоветизации М.Н. Саакашвили.

Если в 2023 г. члены движения «Бессмертный полк» собрались в трех точках Тбилиси (парк Ваке, парк Киквидзе и мемориальное кладбище Кукия), то в 2024 г. маршрут был изменен. Собравшиеся прошли от памятника Герою Советского Союза Мелитону Кантарии, водрузившему Знамя

Победы над Рейхстагом в 1945 г., до памятника Герою Советского Союза Порфирию Чанчибадзе.

Как правило, подобные коммеморативные акции в Грузии устойчиво воспринимаются в качестве проявления «мягкой силы» со стороны России. При этом символика шествия запрещена законом Грузии – «Хартией свободы», единогласно принятой в парламенте в 2011 г. [5]. Рестрикция использования, сводимая до полного запрета советской символики, на законодательном уровне привела к отвержению памяти о Великой Отечественной войне как событии, относящемся к периоду СССР (следовательно, подпадающему под запрет). Следствием решений «Хартии свободы» также стала кампания по переименованию различных объектов советского периода, поскольку закон не допускает использования в географических названиях имен советских и коммунистических деятелей, а также иных отсылок к коммунистической идеологии. В результате мемориальное пространство Грузии подверглось значительным изменениям, а память о Великой Отечественной войне с помощью политических инструментов трансформировалась в память о Второй мировой войне в целях углубления ассоциации с Европейским Союзом.

Несмотря на то, что представители руководства Грузии не присутствовали на Параде победы 9 мая 2025 г., в Тбилиси обновляют Центральный парк ветеранов [12]. В этот день там запланированы торжественные мероприятия.

Краткий обзор роли и места Великой Отечественной войны в политике памяти в странах Южного Кавказа продемонстрировал тесную взаимосвязь памяти и международных отношений, а также определил различные ритуальные и перформативные элементы 80-летия ряда мероприятий и коммеморативных проектов.

Источники и литература

1. В Баку открылась выставка к 80-летию освобождения Крыма в годы ВОВ // Ритм Евразии. 2024. 10 апреля. URL: https://www.ritmeurasia.ru/news--2024-04-10--v-baku-otkrylas-vystavka-k-80-letiju-osvobozhdenija-kryma-v-gody-vov-72633 (дата обращения: 11.03.2025).

2. *Гасымов Н.* Приведет ли визит Ильхама Алиева в Москву 9 мая к концу кризиса // Ведомости. 2025. 17 марта. URL: https://www.vedomosti.ru/politics/articles/2025/03/17/1098300-privedet-li-vizit-ilhama-alieva-v-moskvu-k-kontsu-krizisa (дата обращения: 11.03.2025).

3. *Горюшина Е.М.* Трансформация исторической памяти о Второй Мировой / Великой Отечественной войне в современной Грузии // Великая Отечественная война в истории и памяти народов Юга России: события, участники, символы: материалы Всероссийской научной конференции,

посвященной 75-летию Победы в Великой Отечественной войне. Ростов-на-Дону, 2020. С. 602–606.

4. Евгений Куйвашев и Рахман Мустафаев договорились о проведении выставки уральских архивистов в Азербайджане // Официальный сайт правительства Свердловской области. 2024. 24 декабря. URL: https://midural.ru/news/akcent/document264105 (дата обращения: 11.03.2025).

5. Закон Грузии. «Хартия свободы» // Законодательный вестник Грузии. 2013. 25 декабря. URL: https://matsne.gov.ge/ru/document/download/1381526/4/ru/pdf (дата обращения: 11.03.2025).

6. К юбилею Победы в Баку откроется выставка, подготовленная уральскими специалистами // Информационный портал фонда «Русский мир». 2024. 24 декабря. URL: https://russkiymir.ru/news/331848/ (дата обращения: 11.03.2025).

7. Международный слет «Внуки Победы. Калиниград». URL: https://may9.ru/events/meropriyatie-priurocheno-k-80-letney-godovshchine-provedeniya-vostochno-prusskoy-nastupatelnoy-opera/ (дата обращения: 11.03.2025).

8. Отечественная война // Президент Азербайджанской Республики Ильхам Алиев. URL: https://president.az/ru/pages/view/azerbaijan/karabakh2 (дата обращения: 11.03.2025).

9. Память крови // Министерство обороны Азербайджанской Республики. URL: https://mod.gov.az/ru/krovavaya-pamyat-450/ (дата обращения: 11.03.2025).

10. *Попов А.Д., Пивоваров Н.Ю., Сак К.В.* Ритмы прошлого: первые годовщины Великой Отечественной войны в советской политике памяти (1945–1965) // Российская история. 2023. № 3. С. 95–114.

11. Пресс-конференция о подготовке волонтерского корпуса к 80-летию Победы // РИА Новости. 2025. 23 января. URL: https://ria.ru/20250123/pobeda-1995082066.html (дата обращения: 11.03.2025).

12. *Робакидзе М.* Тбилиси готовится к 80-летию Победы. В городе обновляют Центральный парк ветеранов // Межгосударственная телерадиокомпания «Мир». 2025. 29 марта. URL: https://ge.mir24.tv/news/16629574/tbilisi-gotovitsya-k-9-maya.-centralnyj-park-veteranov-obnovili-k-80-letiyu-pobedy (дата обращения: 11.03.2025).

13. Armenia to celebrate victory in Great Patriotic War at a high level – government // Arka News Agency. 2015. 30 марта. URL: https://arka.am/en/news/politics/armenia_to_celebrate_victory_in_great_patriotic_war_at_a_high_level_government/ (дата обращения: 11.03.2025).

14. CIS adopts address in connection with 80th anniversary of Great Patriotic War outbreak // Information Analysis Portal of the Union State. 2024. 8 June. URL: https://soyuz.by/en/geopolitics/cis-adopts-address-in-connection-with-80th-anniversary-of-great-patriotic-war-outbreak (дата обращения: 11.03.2025).

15. Every fifth Armenian left for the frontline... “In the victory over fascism, the Armenians, from private to marshal, immortalized their names with non fading glory of brave warriors” // Ministry of Foreign Affairs of the Republic of Armenia. 2020. 29 апреля. URL: https://www.mfa.am/en/interviews-articles-and-comments/2020/04/29/every-fifth-armenian-left-for-the-frontline-“in-the-victory-over-fascism-the-armenians-from-private/10235 (дата обращения: 11.03.2025).

16. *Guliyeva V.* Baku to host exhibition marking anniversary of victory in Great Patriotic War // Caliber.az. 2024. 24 декабря. URL: https://caliber.az/en/post/baku-to-host-exhibition-marking-80th-anniversary-of-victory-in-great-patriotic-war (дата обращения: 11.03.2025).

17. İlham Əliyev faşizm üzərində Qələbə uğrunda həlak olan Azərbaycan övladlarının xatirəsini ehtiramla anıb // Azərbaycan Respublikasının Prezidenti İlham Əliyev. 2022. 9 May. URL: https://president.az/az/articles/view/55966 (дата обращения: 11.03.2025).

18. *Klein K.L.* On the Emergence of Memory in Historical Discourse // Representations. 2000. Vol. 69. No. 1. P. 127–150.

19. Russia envoy: Armenian people’s contribution is invaluable in Great Patriotic War victory // News.am. 2021. 22 июня. URL: https://news.am/eng/news/650303.html (дата обращения: 11.03.2025).

20. *Yang D., Mochizuki M. et al.* Memory, Identity, and Commemorations of World War II: Anniversary Politics in Asia Pacific. London, 2018.

Г.Д. Гриценко

МЕМОРИАЛЬНАЯ КУЛЬТУРА СЕВЕРОКАВКАЗСКОГО СООБЩЕСТВА КАК ИНСТРУМЕНТ ОБЕСПЕЧЕНИЯ СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ КОНСОЛИДАЦИИ РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА (на примере Республики Ингушетии)[1]

Внутренняя и внешняя политика Российской Федерации в современных условиях требует серьезной социально-политической консолидации российского полиэтничного общества. Специальная военная операция, которую ведет Российская Федерация на Украине, придает такой консолидации особую значимость. Одним из важных способов укрепления

[1] Публикация подготовлена в рамках Программы фундаментальных и прикладных исследований РАН «Этнокультурное многообразие российского общества и укрепление общероссийской идентичности на 2023–2025 гг.» (№ государственной регистрации проекта 123111700015-8).

единства и солидарности российского социума является мемориальная культура как процесс и результат освоения прошлого обществом и формирование на этой основе коллективной идентичности, системы ценностей и форм поведения [12: 34]. В последнее время органы власти и институты гражданского общества стали уделять существенное внимание формированию и развитию такой культуры. Основными формами деятельности, реализуемыми в рамках мемориальной культуры, по мнению А.В. Святославского, являются коммеморация и реконструкция. Коммеморация выступает государственной политикой по сохранению в коллективной памяти знаковых событий и персон, реконструкция – инструментом воссоздания и/или реновации мемориальных объектов [9: 90–101].

В ряде республик Северного Кавказа, в частности в Ингушетии, складывается позитивный опыт формирования мемориальной культуры, направленный на консолидацию республиканского социума.

Ингушетия вошла в общероссийский проект «неЗабытые», реализуемый продюсерским центром Insight People. Основная идея проекта – через разные человеческие истории рассказать о дружбе народов, о героях, переживших страшные события времен Великой Отечественной войны. Главная его особенность в том, что съемки проводились в разных уголках страны (в Москве, Омске, Старом Осколе, Владивостоке, Томске, Улан-Удэ, Вологде, Пензе и Ленинградской области) и реализовывались усилиями региональных центров и блогеров: «В каждом регионе есть свои герои и истории, которые заслуживают внимания, а судьбы людей, описываемые в фильме, неразрывно связаны с историей России. Отечественный кинематограф полон разноплановых рассказов о Второй мировой войне». Проект «неЗабытые» активно поддержали государственные архивы, администрации городов, поисковые отряды, муниципальные библиотеки, батальоны народного ополчения. В горном Джейрахском районе в с. Бишт Ингушетии продюсерский центр провел к 9 мая 2023 г. съемки короткометражной истории «неЗабытые». Об этом рассказал руководитель регионального отделения Рашид Хамхоев. По сюжету истории в Ингушетии русский ветеран с внуком пришел на могилу к павшему боевому товарищу, чтобы отдать ему дань памяти. С 8 мая 2023 г. в регионах, как и в Ингушетии, прошли показы этих фильмов [2].

В систему мемориальной культуры, направленной на консолидацию полиэтничного российского общества, входят и выставки, которые проводятся в республике с целью освещения подлинной истории Великой Отечественной войны. Такие мероприятия служат цели воспитания патриотов, способных отстаивать независимость своей большой Родины –

России. Так, жители и гости Ингушетии в первые майские дни 2023 г. могли ознакомиться с выставкой «Без срока давности. Хабаровский процесс», проходившей в Мемориальном комплексе жертвам политических репрессий Ингушетии. Представленные на выставке документы и фотографии свидетельствуют о зверствах японских милитаристов на захваченных территориях в период Второй мировой войны. В рамках проекта состоялся также кинолекторий, на котором зрителям были представлены документальные фильмы «Фальсификация истории Великой Отечественной войны: информационная война против России», «Международный военный трибунал в Нюнберге» и «Хабаровский процесс» [4].

Стоит сказать о выставке «Освобождение Европы…», которая прошла в Мемориальном комплексе жертвам репрессий г. Назрань в апреле – мае 2023 г. Выставка давала возможность увидеть и осмыслить героический подвиг тех, кто внес неоценимый вклад в Великую Победу и освобождение Европы от гитлеровского ига – солдат и офицеров Красной армии, бойцов Сопротивления в оккупированных странах, заключенных концлагерей, воинов армий стран антигитлеровской коалиции. Недавно рассекреченные документы из государственных и ведомственных архивов (Архива внешней политики Российской Федерации, Центрального архива Министерства обороны РФ, Центрального архива ФСБ России, Российского государственного архива социально-политической истории, Государственного архива Российской Федерации, Российского государственного архива кинофотодокументов), а также материалы из фондов Музея политической истории России раскрывают исторические факты об освобождении Европы [3].

На формирование мемориальной культуры как средства консолидации общества направлена деятельность Республиканского детского технопарка Ингушетии «Кванториум». Его воспитанники Даниэль Чапанов, Раяна Тибоева, Элиза Богатырева создали «Карту Победы» и заняли со своим проектом 3-е место на Всероссийском творческом конкурсе «Карта Победы». За основу работы были взяты события Малгобекской оборонительной операции Северной группы войск Закавказского фронта в период Великой Отечественной войны. Разобраться в ходе одного из решающих сражений Битвы за Кавказ школьникам помогли сотрудники Ингушского государственного музея краеведения им. Т.Х. Мальсагова, к которым они обратились за помощью [7].

Уникальным примером сохранения памяти о героях Битвы за Кавказ стала историческая реконструкция сражения за Малгобек, которое происходило в Малгобекском районе в ходе Малгобекской оборонительной операции войск Закавказского фронта осенью и зимой 1942 г. [5].

Примером укрепления мемориальной культуры в ингушском обществе является межрегиональный патриотический проект «Ингушетия – Родина Героев», цель которого – увековечение памяти ингушей, проявивших себя на государственном, политическом и общественном поприще и удостоенных не только наград за ратные и трудовые подвиги, но и других высоких званий. Проект продолжает поисковую работу, результаты которой уже отражены в Мемориале Славы на Аллее Победы в Назрани [6].

Достойным продолжением данного проекта может считаться серия статей, которые в 2024 г. были опубликованы на страницах еженедельной республиканской газеты «Ингушетия» в разделе «Память» и в которых рассказывается о вкладе ингушей в развитие и укрепление Российского государства в разные периоды (около 20 публикаций). Это повествование о легендарном разведчике Абдуле Цороеве, о котором бывший командир отделения разведки партизан-медведевец М. Кабашов писал: «За стойкость, храбрость, способность преодолевать физическую и душевную боль партизаны называли Цороева “железным парнем”» [10]. Здесь же рассказывается и о событиях недавнего прошлого. Например, приведена история жизни и подвига подполковника оперативно-розыскного управления службы по защите конституционного строя и борьбе с терроризмом ФСБ России А.М. Калиматова (погиб в 2007 г.), жизнь которого – пример беззаветного служения Родине, жизнь человека, сознательно посвятившего себя борьбе за порядок и справедливость [11]. И, безусловно, в этом ряду стоят повествования о героях СВО. В качестве примера приведем сообщение о присвоении звания Героя Россия 28-летнему командиру штурмового отряда 60-й отдельной мотострелковой бригады 5-й общевойсковой армии Восточного военного округа капитану Султану Адамовичу Хашагульгову, погибшему при выполнении боевой задачи в лесополосе «Клевер» в районе с. Старомайорское в Донецкой Народной Республике [8].

Безусловно, в мемориальной политике существуют серьезные проблемы, осложняющие процесс солидаризации ингушского социума как неотъемлемой части российского общества [1]. Это и преобладание информационном поле региона исторической травмы, и существование противоречий в понимании общего прошлого, и крайне незначительное число гражданско-патриотических мероприятий для республиканской молодежи, и недостаточная информированность молодого поколения о проводимой работе по формированию мемориальной культуры.

В заключение важно отметить, что успешность формирования мемориальной культуры на Северном Кавказе как объединяющей силы социума непосредственно зависит от синтеза науки, общества

и государства при разработке и проведении ресурсно-обеспеченной и социально-ориентированной политики консолидации общества.

Источники и литература

1. *Барахоева Л.Р.* Проблемы и тенденции развития научно-технического потенциала в Северо-Кавказском федеральном округе // Вестник Ингушского научно-исследовательского института гуманитарных наук им. Ч.Э. Ахриева. 2024. № 1. С. 116–133.

2. В горах Ингушетии прошли съемки короткометражной истории ко Дню Победы // Интернет-газета «Ингушетия/ГIалгIайче». 2023. 19 апреля. URL: https://gazetaingush.ru/news/v-gorah-ingushetii-proshli-semki-korotkometrazhnoy-istori-ko-dnyu-pobedy (дата обращения: 15.02.2025).

3. *Газдиев А.* В Ингушетии открылась выставка «Освобождение Европы...» // Общенациональная газета Республики Ингушетия «Сердало». 2023. 9 мая. URL: https://serdalo.ru/v-ingushetii-otkrylas-vystavka-osvobozhdenie-evropy (дата обращения: 15.02.2025).

4. *Газдиев А.* В Ингушетии проходит выставка «Без срока давности» // Общенациональная газета Республики Ингушетия «Сердало». 2023. 3 мая. URL: https://serdalo.ru/v-ingushetii-prokhodit-vystavka-bez-sroka-davnosti (дата обращения: 15.02.2025).

5. *Газдиев А.* Живая память о войне // Общенациональная газета Республики Ингушетия «Сердало». 2023. 27 ноября. URL: https://serdalo.ru/material/v-ingusetii-provedut-istoriceskuyu-rekonstrukciyu-srazeniya-za-malgobek (дата обращения: 15.02.2025).

6. *Газдиев А.* Родина Героев. В Ингушетии стартовал патриотический проект с участием газеты «Сердало» // Общенациональная газета Республики Ингушетия «Сердало». 2024. 24 января. URL: https://serdalo.ru/material/v-ingusetii-startoval-patrioticeskii-proekt-s-ucastiem-gazety-serdalo (дата обращения: 15.02.2025).

7. *Газдиев А.* Школьники Ингушетии стали победителями Всероссийского конкурса «Карта Победы» // Общенациональная газета Республики Ингушетия «Сердало». 2023. 9 мая. URL: https://serdalo.ru/shkolniki-ingushetii-stali-pobeditelyami-vserossiyskogo-konkursa-karta-pobedy (дата обращения: 15.02.2025).

8. *Плиев Х.* Четвертый участник СВО из Ингушетии посмертно удостоен звания Героя России // Интернет-газета «Ингушетия/ГIалгIайче». 2024. 30 ноября. URL: https://gazetaingush.ru/chetvertyy-uchastnik-svo-iz-ingushetii-posmertno-udostoen-zvaniya-geroya-rossii (дата обращения: 15.02.2025).

9. *Святославский А.В.* История России в зеркале памяти: механизмы формирования исторических образов. М., 2013.

10. *Цороев П.* Абдула Цороев – легендарный разведчик, человек без страха и упрека // Еженедельная республиканская общественно-политическая газета «Ингушетия». 2024. 22 августа. № 32. URL: https://gazetaingush.ru/newspaper-subscribe/get-pdf/68635 (дата обращения: 15.02.2025).

11. *Цороев П.* Его памяти посвящаются уроки мужества // Еженедельная республиканская общественно-политическая газета «Ингушетия». 2024. 19 сентября. № 36 (4396). URL: https://gazetaingush.ru/newspaper-subscribe/get-pdf/69031 (дата обращения: 15.02.2025).

12. *Ярычев Н.У.* Мемориальная культура: от категории к феномену // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2022. № 5 (109). С. 32–39.

М.Б. Долгиева, И.А. Тибоев

СОХРАНЕНИЕ ПАМЯТИ О ГЕРОЯХ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ КАК КЛЮЧЕВОЙ АСПЕКТ ПАТРИОТИЧЕСКОГО ВОСПИТАНИЯ (на примере Республики Ингушетии)

Память о Великой Отечественной войне занимает важное место в сознании российского общества. Эта война не только определила будущее государства, но и оставила тяжелый след в судьбах миллионов людей, затронув каждую семью.

Великая Отечественная война принесла не только страдания и разрушения, но и оставила глубокую память о тех, кто отдал свои жизни за свободу. Эта память живет в сердцах родных и близких, и даже те, кто не смог посетить могилы своих героев, стремятся создать в своих городах, сёлах и деревнях места, где можно было бы отдать дань уважения павшим. В ответ на эту потребность по всей стране начали возводиться монументы, увековечивающие память о погибших бойцах.

События Великой Отечественной войны нашли отражение в литературе, кино, музыке и изобразительном искусстве. Музеи и тематические выставки служат хранилищами этих сведений. Имена героев, отдавших жизнь за Родину, присваиваются улицам, площадям и учебным заведениям, а также воинским частям. Ключевую роль в сохранении памяти о войне играют монументы, являющиеся материальным воплощением благодарности и уважения к тем, кто сражался за нашу свободу. Сохранение исторической памяти является важной задачей, которая реализуется в том числе через создание и сохранение памятников.

Исследование истории родной страны на основе достоверных источников помогает сохранить память о героических подвигах наших предков

и способствует формированию исторической памяти как совокупности «транслируемой из поколения в поколение определенной информации о событиях прошлого. История помогает воссоздать истинную картину событий того времени» [1: 7].

В данной статье речь пойдет о таких памятниках и мемориальных комплексах, посвященных событиям Великой Отечественной войны и напоминающих нам о героизме наших соотечественников в борьбе против гитлеровцев, на территории Республики Ингушетии.

Одним из ключевых эпизодов Великой Отечественной войны стала Битва за Кавказ 1942–1943 гг. и в частности Моздок-Малгобекская операция 1942 г. Для вермахта захват нефтяных месторождений в районе Малгобека имел стратегическое значение. Этот город защищали представители всех народов, в их числе были ингуши.

В 1954 г. в «Большой советской энциклопедии» была представлена информация об этой значимой операции. В статье были обозначены ключевые моменты боевых действий: «Во время этих сражений немецко-фашистское командование столкнулось с трудностями в наращивании резервов для своей кавказской группировки, так как все силы были необходимы для борьбы под Сталинградом, где враг продолжал пытаться захватить город. В то же время противник не мог ослабить свои позиции на Кавказе, чтобы направить подкрепления в Сталинград, поскольку он был сдержан активной обороной советских войск на протяжении всего тысячекилометрового фронта. В ходе Малгобекской оборонительной операции войска Закавказского фронта, проявляя мужество и упорство, не только сорвали планы врага по захвату Кавказа, но и предотвратили переброску сил с этого направления в Сталинград. Это стало одним из важнейших факторов, способствующих последующему полному разгрому немецко-фашистских войск в Сталинградской битве» [8].

Некоторые исследователи утверждают, что успех в Малгобекской операции способствовал победе советских войск в Сталинградской битве [8]. Бои в этом районе были крайне ожесточенными и сопровождались значительными потерями. На территории, где проходили сражения, расположено множество братских могил, где покоятся защитники Малгобекского укрепрайона.

В Малгобеке находятся памятники, которые служат напоминанием о героизме и самопожертвовании солдат и граждан, защищавших свою родину в годы Великой Отечественной войны: обелиск на братской могиле, который посвящен воинам 89-й и 337-й стрелковых дивизий, обелиск на могиле полковника П.И. Петренко, обелиск на братской могиле защитников Малгобека, стела в память о подвиге воинов 337-й стрелковой дивизии, обелиск на месте гибели Володи Мордвинова, обелиск «Могила

неизвестного солдата», обелиск «Буровой № 13», обелиск на братской могиле Старого Малгобека, памятная стела «Город воинской славы», монумент «Воину-освободителю» и другие [2; 3]. Каждый из этих памятников имеет свою уникальную историю и отражает подвиги тех, кто сражался против фашизма.

Эти монументы не только сохраняют память о героизме и самопожертвовании бойцов Красной армии, но и служат важным напоминанием для будущих поколений о значении мира и единства. Каждый из них рассказывает свою историю, и их присутствие в городе помогает сохранить связь с прошлым.

В сердце Малгобека возвышается памятник, посвященный воинам 52-й отдельной гвардейской танковой бригады, как символ глубокого уважения и памяти о героях, которые сражались в годы Великой Отечественной войны. Сформированная в 1941 г., эта бригада стала важным участником освобождения родной земли от фашистских захватчиков. В ходе ожесточенных боев за Малгобек солдаты 52-й танковой бригады продемонстрировали невероятное мужество и героизм. Имена майоров Филиппова и Долинского, полковника Рубанюка, лейтенантов Петрова, Никольского и Артемова, а также красноармейца Б. Ажуманова навсегда вписаны в летопись города [6].

На мощном бетонном постаменте, облицованном мрамором, установлен танк ИС-3, олицетворяющий силу и решимость советских войск. На мраморной плите, расположенной на лицевой стороне памятника, высечены слова: «Воинам 5-й Отдельной гвардейской танковой бригады Защитникам города Малгобек, 1942–1943 гг.» [6].

Этот памятный знак был впервые установлен в 1985 г. в с. Сагопши Малгобекского района. В апреле 2007 г. он был реконструирован и перенесен на важный перекресток между г. Малгобек и с. Сагопши. В 2013 г. постамент был обновлен, облицован новой плитой, а вокруг него появилась невысокая железная ограда. Памятник продолжает вдохновлять будущие поколения, служа напоминанием о героических подвигах тех, кто сражался за мир и свободу нашей страны [6].

В 1950 г. в Старом Малгобеке на пл. Чкалова был возведен памятник, посвященный жертвам Великой Отечественной войны. Спустя 37 лет этот памятник был перенесен и установлен на центральной площади города, которая сегодня называется городским сквером Воинской славы [7].

Композиция памятника включает статую советского солдата в плащ-палатке, возвышающуюся на высоком постаменте. В правой руке воин держит автомат, а в левой – щит. На лицевой стороне постамента закреплена мраморная плита с надписью: «Малгобекчанам, павшим в боях за Родину». У подножия памятника горит Вечный огонь, а по обеим

сторонам от него на гранитных плитах высечены имена малгобекчан, которые погибли на фронтах Великой Отечественной войны [7].

В октябре 1942 г. бойцы 337-й стрелковой дивизии навсегда вписали свои имена в историю, проявив невероятное мужество во время оборонительной операции в Малгобеке. 9 октября дивизия прибыла в этот стратегически важный район и до конца декабря стойко удерживала свои позиции. Солдаты и командиры проявили массовый героизм, став непреодолимой преградой для врага. Их самоотверженность и готовность сражаться за Родину принесли высокие правительственные награды более чем 60 бойцам. Однако эти победы были достигнуты ценой огромных жертв: многие солдаты и офицеры получили ранения, а тысячи воинов навсегда остались лежать на земле Малгобека и склонах Терского хребта. Вечная им слава!

В 1978 г. в Малгобеке была установлена памятная стела, посвященная героическому пути воинов 337-й стрелковой дивизии. Этот проект был реализован студентами Ставропольского сельскохозяйственного института при поддержке местных защитников. Стела высотой около 3 м изготовлена из бетона и мраморной крошки. На ее барельефе выгравированы слова «1942 год. 337-я стрелковая дивизия» и изображение лавровой веточки. Боковые стороны обелиска украшены пятиконечной звездой и цифрами 337 [3].

На выступе постамента высечен текст: «Здесь, у стен Малгобека, в октябре-декабре 1942 г. 337-я с.д. остановила бронированные полчища фашистов, рвавшихся вглубь Кавказа». С левой стороны на выступе можно прочитать: «Героическим солдатам 337-й стрелковой дивизии от благодарных студентов Ставропольского сельскохозяйственного института. Август 1978 г.». Справа расположена надпись: «Павшим солдатам 337-й стрелковой дивизии от ветеранов дивизии» [3].

Строительство Мемориала памяти и славы в Назрани было начато в 1996 г., когда был открыт комплекс из девяти башен, скрепленных колючей проволокой, символизирующих девять народов, депортированных в годы Великой Отечественной войны [5].

С 2010 г. на прилегающей к башням территории стали возводить памятники, символизирующие историю нашего народа с периода вхождения Ингушетии в состав Российского государства. Один из таких периодов связан с участием уроженцев Ингушетии в Великой Отечественной войне. Ключевым элементом мемориального комплекса является стела. На 12 мраморных плитах увековечены имена ингушей, участвовавших в Великой Отечественной войне и проявивших мужество и героизм на ее фронтах. Среди них – Герои Советского Союза и Герои Российской Федерации, получившие эти звания, защищая Родину от врагов [5].

Брестскую крепость защищали представители разных народов СССР, среди которых были ингуши и чеченцы. Мемориал жертвам политических репрессий в Назрани включает в себя памятник защитнику Брестской крепости Уматгирею Барханоеву [5].

Мемориал «Оружие победы» расположен на территории артиллерийской бригады Южного военного округа в ст. Троицкой. Его строительство заняло четыре месяца. Эскизы памятника были разработаны военнослужащими бригады, в частности рядовыми Кириллом Самарцевым и Андреем Аскиркиным [4]. Все элементы мемориальной композиции создавались совместными усилиями всей артиллерийской бригады.

Увековечение памяти об участниках Великой Отечественной войны в Республике Ингушетия играет важную роль в патриотическом воспитании подрастающего поколения. Памятники и мемориалы, возведенные в честь героев, служат материальными символами благодарности и уважения, а также вдохновляют на осознание значимости исторических событий и ценности мира.

История, запечатленная в памятниках, помогает нам глубже понять прошлое, оценить его влияние на настоящее и формировать светлое будущее. Мемориалы, такие как стела в честь воинов 337-й стрелковой дивизии и памятник защитнику Брестской крепости, свидетельствуют о героизме и самоотверженности наших соотечественников, объединяя разные народы в общем стремлении к свободе и справедливости.

Таким образом, сохранение памяти о Великой Отечественной войне становится не только данью уважения к тем, кто отдал свои жизни за Родину, но и важным элементом формирования патриотизма и гражданской ответственности среди молодежи. Память о войне продолжает жить в сердцах людей, и ее значимость будет передаваться из поколения в поколение, укрепляя нашу идентичность и единство.

Источники и литература

1. *Абашева Я.В.* О вопросе истинных героев штурма Рейхстага // Великая Отечественная война в исторической памяти поколений: изучение, интерпретация, уроки прошлого. Материалы Всероссийской научно-практической студенческой конференции, приуроченной к 80-летию освобождения Брянщины / Брянск, 13–15 сентября 2023 г.; отв. ред. А.А. Рытиков, В.Ф. Блохин, О.В. Тишина. Брянск, 2023. С. 6–10.

2. Информант: Дзейтов Беслан Исраилович, 1964 г.р., г. Малгобек.

3. Малгобек – Город воинской славы. URL: https://malgobek.gosuslugi.ru/o-munitsipalnom-obrazovanii/istoriya/ (дата обращения: 14.02.2025).

4. Мемориал «Оружие победы». URL: https://vk.com/album-169366122_270090756 (дата обращения: 14.02.2025).

5. Мемориал памяти и славы в Назрани: ничто не забыто. URL: https://club-voshod.com/info/pohodnoe_info/dostoprimechatelnosti/ingushetia/memorial_pamyati_i_slavy_v_nazrani/ (дата обращения: 14.02.2025).

6. Памятник воинам 52-й отдельной Гвардейской танковой бригады. URL: https://imena.onf.ru/placements/respublika-ingushetiya/pamyatnik-voinam-52-y-otdelnoy-gvardeyskoy-tankovoy-brigady (дата обращения: 14.02.2025).

7. Памятник погибшим малгобекчанам в годы Великой Отечественной войны. URL: https://goru.travel/place/pamyatnik-pogibshim-malgobekchanam-v-gody-velikoy-otechestvennoy-voyny (дата обращения: 14.02.2025).

8. *Яндиева Т.* Малгобек столь же важен в истории ВОВ, как и Сталинград // Ингушетия. 2007. 18 октября. № 130. URL: https://www.ingushetia.ru/news/008068/ (дата обращения: 14.02.2025).

Ж.М. Аппаева

НАЛЬЧИК. ПАМЯТЬ О ВОЙНЕ

Фашистская оккупация Кабардино-Балкарской АССР продлилась сравнительно недолго: с 3 ноября 1942 г. по 11 января 1943 г., но она оставила страшный след на облике городов и сёл республики и, конечно, в душах очевидцев. Как и все граждане многонациональной Советской страны, жители нашей республики в грозный час испытаний Великой Отечественной войны поднялись на защиту Родины. Война для жителей Кабардино-Балкарии началась не с боевых действий на территории республики, а с всеобщего призыва на фронт в июне 1941 г. и закончилась так же, как и для всех граждан Советского Союза, в 1945 г. [8].

Преступления фашистов во время Великой Отечественной войны привели к огромным человеческим и материальным потерям. С самого начала германской агрессии народ понимал, что надо не только разбить врага и защитить свою землю, но и сохранить на века память о подвигах тех, кто не пощадил свою жизнь ради спасения Отчизны. Неудивительно, что с тех пор патриотическая тема стала в стране одной из главных. Погибшим в войне посвящено множество памятников, каждый из которых обладает большим миротворческим потенциалом. Причем в любом монументе акцентированным является именно этическое содержание образа, поскольку победа в войне – это возвращение к миру, общечеловеческим моральным и культурным ценностям.

Уже на следующий год после окончания войны, 29 мая 1946 г., Совет Министров СССР принял постановление № 1136 «О проектировании

и сооружении бюстов дважды Героев Советского Союза, памятников и монументов». Немаловажную роль в деле возведения монументальных сооружений, посвященных победе в Великой Отечественной войне, сыграла записка министра обороны СССР Маршала Советского Союза Г.К. Жукова, которую он направил в ЦК КПСС 14 июня 1955 г., о необходимости сооружения памятников в честь Победы [5]. 24 января 1957 г. вышло постановление Президиума ЦК КПСС «О сооружении памятников и монументов в ознаменование побед советского народа и его вооруженных сил в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.» [7: 9], давшее мощный толчок к реализации этого плана. Близко к сердцу восприняли этот документ и художники, поскольку каждый из них пережил тяготы военного лихолетья независимо от того, был ли он на фронте или в тылу. В первую очередь это касалось скульпторов-монументалистов.

Не остались в стороне от увековечения памяти героев Великой Отечественной войны и кабардино-балкарские ваятели. Они стали авторами интересных образцов мемориальной пластики и даже целых ансамблей, возведенных не только в городах, но и в селах республики. Жителям Кабардино-Балкарии пришлось на себе испытать зверства фашистов, потому в географию войны местные художники непременно включают и территорию нашей республики. Не было у нас ни одного населенного пункта, из которого не были бы мобилизованы на фронт его жители, потому вполне понятно стремление сельчан или горожан установить у себя памятник погибшим: скромный обелиск, стелу, типовой памятник или оригинальный мемориал, выполненный маститым ваятелем.

К военной тематике обращались не только художники-фронтовики, ее продолжают следующие поколения живописцев, графиков, скульпторов, которые берутся за кисть, резец или перо, чтобы в своих произведениях рассказать о ратных подвигах героев Великой Отечественной войны и преступлениях врагов. Немало среди них и таких, кто знает о войне лишь из книг, кино или произведений изобразительного искусства, что, однако же, не мешает им создавать прочувствованные, глубокие по содержанию полотна, графические листы или скульптуры, в которых реалистично, убедительно отражен пафос всенародной борьбы с фашизмом. Активно эту тему разрабатывали и кабардино-балкарские скульпторы-монументалисты, для которых она послужила сильным катализатором творческих поисков. Эта работа продолжается и сегодня. В своих произведениях они стремились показать разные аспекты трагического периода истории своего Отечества. Каждый из ваятелей десятки раз обращался к теме войны в попытке найти нестандартное решение этой хорошо разработанной темы, которая по-прежнему остается актуальной и неисчерпанной. В лучших произведениях кабардино-балкарских художников явственно

ощущается дыхание войны. Свою работу над памятником скульптор, как правило, начинает с изучения исторических событий, которые стремится пропустить через себя, осмыслить и глубоко пережить для того, чтобы через монумент транслировать социальную память, связанную с трагической эпохой [1–4].

Памятники, посвященные героям и жертвам войны, в разные годы появились в столице Кабардино-Балкарии – Нальчике. Первым в хронологическом порядке (1947 г.) возник Мемориальный комплекс Славы на территории городского парка (ныне – Атажукинский сад), на братской могиле защитников Кабардино-Балкарии. Его облик неоднократно менялся на протяжении нескольких десятилетий и еще не сформировался окончательно. Сегодня он объединяет ряд памятников, посвященных событиям, происходившим в наиболее драматические периоды истории Кабардино-Балкарии. Эти объекты устанавливались в разные годы, и к их созданию причастны несколько архитекторов: П. Казанчев, Ж. Ионнисян, Р. Гокадзе, Л. Литвинова, А. Кузнецов [6]. Центральное место в комплексе принадлежит обелиску Славы, к которому ведет главная аллея. За ним установлены мраморные плиты с мартирологом имен погибших советских солдат и партизан в годы Великой Отечественной войны (архитектор Ж. Ионнисян), справа – стела с именами жителей Кабардино-Балкарии – Героев Советского Союза и кавалеров трех орденов Славы. Позже ансамбль дополнила чаша с Вечным огнем, которой придана форма пятиконечной советской звезды (архитектор Р. Гокадзе). Авторы сумели искусно объединить архитектурные формы с природным ландшафтом, со стихией Вечного огня, музыкой реквиема композитора Мухадина Балова, звучащей из-под земли, словно плач матери-земли по погибшим героям. Малые архитектурные формы – светильники, скамейки, декоративное замощение, цветники и зеленые насаждения – удачно дополнили ансамбль.

Первые профессиональные скульпторы из числа местных уроженцев вернулись в республику в 1950-х гг., после окончания художественных училищ в Саратове и Ростове-на-Дону, однако полноценно разрабатывать тему войны они начали в 1960–1970-х гг., поскольку руководство республики сначала не спешило доверять им столь ответственные заказы. Для их выполнения обычно приглашались признанные мастера из Москвы. В эти годы в Нальчик переехали и несколько русских скульпторов, которые пополнили ряды местного Союза художников и активно включились в разработку темы Великой Отечественной войны. Благоприятный социально-политический климат и общественная атмосфера, сложившиеся в республике в 1960–1970-е гг., оказали позитивное влияние на развитие монументального искусства Кабардино-Балкарии. Особый интерес к нему проявляли также и местные власти.

Этот период отмечен особыми успехами кабардино-балкарской монументальной пластики. Произошло серьезное изменение памятных ландшафтов: территорию республики украсил ряд замечательных монументов, выполненных талантливыми авторами, такими как Фёдор Калмыков, Александр Дурнев, Заурбек Озов, Всеволод Славников, Михаил Тхакумашев, Хамзат Крымшамхалов, Гид Бжеумыхов.

Интересные монументы появились, в частности, и в столице Кабардино-Балкарии. В одном из микрорайонов Нальчика в 1968 г. был торжественно открыт памятник погибшим в Великой Отечественной войне (скульптор Хамзат Крымшамхалов, архитектор Малик Гузиев). «Пока нам жить дано, мы помним вас», – эти слова Кайсына Кулиева, прозвучавшие как клятва, замечательно иллюстрируют отношение горожан к своим землякам, погибшим на фронтах Великой Отечественной войны. Центральное место в ансамбле отведено монументу «Защитник Отечества», который благодаря таланту и композиционному чутью ваятеля чрезвычайно выразителен и четко организован. Герой, изваянный Х. Крымшамхаловым, изображен в момент предельной концентрации силы и воли, когда он обрушивает свой карающий меч на врага, прекрасно понимая, что от его смелости и храбрости зависят жизнь и судьба его близких. Этот простой и правдивый образ не лишен в то же время и черт героизма и возвышенности. Экспрессия художественного языка и форсированная ритмика линий передают высокий пафос ситуации. Оригинальное продолжение этой темы мы видим в разработке второй темы ансамбля – семейной. Бурка и меч воина создают как бы укрытие для семьи и служат для матери и ребенка надежной защитой. Композиция проникнута глубокой мыслью о несокрушимой стойкости советских людей перед врагом. Персонажи Крымшамхалова утрачивают индивидуальные черты и обретают обобщенный характер. Чрезвычайно удачной стала и архитектурная часть ансамбля, представляющая собой объемные формы в виде стилизованных балкарских башен, соединенных в единую цепь и образующих полумесяц.

Привлекает внимание еще одна неординарная работа Хамзата Крымшамхалова – памятник-бюст Герою Советского Союза легендарному летчику Алиму Байсултанову, погибшему в 1943 г. при обороне Ленинграда. Бюст был установлен у главного входа нальчикской средней школы № 19 в 1980 г. [6]. Портретируя своего героя, скульптор создает героический образ воздушного аса. Творение автора, исполненное высокого гражданского содержания, выполнено в классическом, торжественно-парадном стиле.

Еще один нальчикский памятник, авторами которого также стали архитекторы, был установлен в одном из городских скверов, у главного

входа в Кабардино-Балкарский государственный университет (далее – КБГУ), в 1975 г. Он посвящен студентам, преподавателям и сотрудникам тогда еще Кабардино-Балкарского пединститута, погибшим в годы Великой Отечественной войны (авторы проекта – П.П. Казанчев, Ф.А. Яббаров, Л.М. Карданов, М.Х. Орквасов, М.А. Ахматов). В центре ансамбля – вертикально стоящий «горящий» факел – главный элемент архитектурной композиции, символизирующий жизнь, сохраненную для будущих поколений ценой гибели огромного числа защитников Отечества. Центральная часть комплекса тематически и композиционно связана с несколькими отдельно стоящими архитектурными элементами. На трех раскрытых книгах запечатлены имена погибших. Архитектурный элемент с надписью «Памяти павших будем достойны» составляет с другими стелами целостную и законченную композицию. С помощью комбинации простых геометрических фигур авторы создают собственные знаки художественного языка. Архитектурная композиция из различных изобразительных и неизобразительных элементов приобретает глубокий символический смысл и образность и передает общую торжественно-траурную обстановку.

В 1981 г. архитектурно-пространственная среда Нальчика обогатилась еще одним памятником: в сквере 400-летия присоединения Кабарды к России была воздвигнута величественная арка в память о нальчанах, погибших в годы Великой Отечественной войны (архитекторы В.Х. Асанов и В.А. Чурилов, скульптор Б.М. Шанибов) [6]. Арку украсили накладные чеканные барельефы, на одном из которых мы видим уходящих на фронт ополченцев, а на другом – провожающих их матерей и жен. Суровая, лаконичная манера скульптора подчеркивает огромную мобилизующую силу композиций и придает им символическое звучание. Годы – 1941–1945 – и надпись «Светлая память павшим» дают возможность безошибочно определить тему монумента.

По инициативе медицинских работников Нальчикской городской клинической больницы № 1 в 1985 г. была увековечена память их коллег, погибших в годы Великой Отечественной годы, а также врачей – мирных жителей, расстрелянных прямо на территории больницы. Архитектор памятника — В.Н. Надеждин [6]. Средства на монумент были собраны сотрудниками медучреждения. Это пример того, как в нашей стране сохраняют память о тех, кто ради победы пожертвовал жизнью. Мемориал дает возможность ощутить ауру этого места и чувство благодарности к погибшим.

Главная идея открытого в 1975 г. мемориала, посвященного памяти кенженцев – жителей одного из пригородов столицы республики, погибших в годы Великой Отечественной войны (скульптор С.И. Катони, архитектор Ю.С. Логоватовский), – сила духа и преданность Родине советских

солдат в дни самых тяжелых испытаний, выпавших на долю нашей страны [6]. В архитектурно-скульптурный ансамбль органично вошли статуя скорбящей женщины, стела с барельефным фризом и именами погибших в войне кенженцев, архитектурный элемент в форме врат, ведущих к бессмертию, и чаша Вечного огня. В барельефной композиции перед нами разворачивается битва с врагами. Охваченные высоким патриотическим чувством, бойцы кавалерийской дивизии яростно обрушиваются на покусившихся на их землю захватчиков. Ваятель успешно справился с задачей передачи жестов, поз, внутреннего состояния воинов, сумев создать обобщенные образы советских солдат, взявших оружие в свои руки во имя торжества добра над злом. Вторая тема ансамбля – память по погибшим, которую скульптор воплотил в образе скорбящей горянки, застывшей в горе перед вратами, в проеме которых силуэтно вырисовывается фигура горца в бурке и папахе, символизирующего погибших в войне, как бы ушедших по ту сторону жизни. Несомненно, большую роль в создании торжественно-траурного настроения играет и плакучая ива, в тени которой расположен комплекс.

В 1987 г. на фоне медицинского колледжа КБГУ был установлен памятный знак медицинским работникам – преподавателям и выпускникам Нальчикского медучилища, погибшим в годы Великой Отечественной войны, выполненный ваятелем А.М. Денисенко и архитектором К.К. Кадымовым [6]. Несмотря на небольшие размеры, он обладает мощной аурой. Произведение состоит из трех разновеликих частей. На левом барельефе запечатлен идущий в бой солдат. Он полон уверенного спокойствия, достоинства и воинской доблести. На правом рельефе изображена медсестра, склонившаяся над раненым бойцом. В ее образе убедительно подчеркнута человечность советских людей, которая не только не ослабла в военное лихолетье, но, наоборот, значительно укрепилась. На третьей – горизонтальной – плите высечены имена погибших медиков.

Старый контекст микрорайона «Стрелка» в Нальчике значительно изменился после того, как в 2007 г. здесь была возведена триумфальная арка в честь 450-летия вхождения Кабарды в Россию, а в 2005 г. реконструирован установленный в 1969 г. конный монумент, посвященный памяти бойцов 115-й кавалерийской дивизии (скульптор М.Т. Тхакумашев, художник О.А. Вуколов, архитектор В.В. Макаров) [6], о чем красноречиво свидетельствует надпись: «115-ой кавалерийской дивизии от благодарной Кабардино-Балкарии». Скульптура, представляющая собой мужественного кавказца-кавалериста с обнаженной саблей в руке, символизирует героизм советских воинов, которые, не щадя жизни, защищали страну от фашистов. Михаил Тхакумашев сумел создать не только убедительное изображение кавалериста, который, жертвуя собой, выполняет

свой воинский долг, но и выразительный образ горячего коня. Традиционная черкеска, папаха – это не просто маркировка национальной идентичности. С помощью этих атрибутов скульптор решает и пластические задачи. Большую роль в общем впечатлении от монумента играет строгая линия силуэта всадника и коня, которая четко читается на фоне окружающего пространства.

Обратим внимание еще на один образец монументального искусства, установленный в Нальчике. В преддверии празднования 62-й годовщины Победы в Великой Отечественной войне перед творческой группой (Ю.С. Логоватовский, В.Л. Техин и Г.Ж. Темирканов) стояла сложная задача – создать архитектурно-скульптурную композицию, которая бы органично вписалась в контекст специально отведенной для этого территории в микрорайоне «Дубки» и притом носила жизнеутверждающий, триумфальный характер. Нужный проект был выполнен в кратчайшие сроки, и в 2007 г. жители микрорайона обрели здесь не только мемориал (стелу Победы), но и зону отдыха. В решение поставленной задачи положены строгие конструктивные принципы. Главный элемент композиции – 15-метровая величественная колонна – покоится на ступенчатой основе и удерживает вокруг себя большое пространство. Лицевую грань пьедестала украшает надпись «Слава воинам – победителям в Великой Отечественной войне 1941–1945».

Элементы благоустройства и ландшафтной архитектуры благотворно воздействуют на отдыхающих здесь горожан. Они имеют возможность посидеть на скамейках, погулять по площади, пообщаться с другими людьми. В общем, это то место, которое дарит жителям столицы тепло и уют, эстетически обогащает их.

В послевоенные годы в республике, как и по всему Советскому Союзу, практически не осталось ни одного населенного пункта, где бы не был установлен памятник погибшим в Великой Отечественной войне: стела, обелиск, отдельно стоящая статуя или военно-мемориальный комплекс. Поскольку потребность в сохранении памяти погибших в войне в стране была огромной, но не было достаточного количества скульпторов, способных создать нужное количество оригинальных памятников, в сёлах и городах советской страны стали устанавливать типовые образцы мемориалов. Обычно это воинские памятники – одиночные статуи солдат. К примеру, в Нальчике типовые воинские памятники установлены на территориях средних школ № 9 и 16, санатория им. Б. Калмыкова.

Одновременно памятники служат делу патриотического воспитания подрастающего поколения. И хотя война уходит всё дальше и дальше в прошлое, парадоксальным образом интерес к ней у россиян не только не уменьшается, а наоборот, усиливается. Повышенное внимание

к участникам войны и истории страны времен Великой Отечественной войны и сегодня играет огромную роль в популяризации этой темы.

Источники и литература

1. *Аппаева Ж.М.* Изобразительное и декоративно-прикладное искусство Кабардино-Балкарии: в 2 ч. Нальчик, 2007.

2. *Аппаева Ж.М.* Монументальная скульптура Кабардино-Балкарии. Нальчик, 2015.

3. *Аппаева Ж.М.* Рисунок времени: статьи, очерки, эссе. Нальчик, 1996.

4. *Воронов Н.В.* Советская монументальная скульптура, 1960–1980. М., 1984.

5. Записка Г.К. Жукова в ЦК КПСС о необходимости сооружения памятников в честь победы советского народа в Великой Отечественной войне // Музей Победы. URL: https://victorymuseum.ru/page/qrcode/pamyatniki-parka-pobedy/zapiska-zhukova-o-neobkhodimosti-sooruzheniya-pamyatnikov-v-chest-pobedy-14-iyunya-1955-goda/ (дата обращения: 19.03.2025).

6. Паспорт муниципального образования. Городской округ Нальчик. Кабардино-Балкарская Республика // Нальчик. Официальный сайт городского округа Нальчик Кабардино-Балкарской Республики. URL: https://admnalchik.ru/wp-content/uploads/2024/04/pasport-2023.pdf (дата обращения: 03.04.2025).

7. Российский государственный архив новейшей истории. Ф. 3. Оп. 14. Д. 92.

8. *Хакуашев Е.Т.* Кабардино-Балкарская АССР в годы Великой Отечественной войны. Нальчик, 1978.

В.Ю. Мартыненко

РОЛЬ АРХИВОВ В СОХРАНЕНИИ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ О ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ (опыт Центра хранения архивных документов в городе Шахты Ростовской области)

В мае 2025 г. наша страна празднует 80-летие со дня Победы в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. – войне, ставшей самой масштабной трагедией XX в., унесшей миллионы жизней, принесшей запредельные тяготы лишений, но при этом круто повернувшей ход мировой истории. Всё меньше и меньше остается фронтовиков, живых свидетелей грозных лет; почти не осталось тех, кто своим трудом ковал Победу в тылу, уходят и дети войны. А фашизм вновь поднял голову, пытаясь не только очернить прошлое, но и уничтожить настоящее и будущее России. В связи с этим

так важно сохранить память о военных годах. В поручении президента Российской Федерации от 15 января 2020 г. № ПР-113 сказано: «обеспечить создание комплекса архивных документов, кино- и фотоматериалов, посвященных Второй мировой войне». И архивы делают для этого всё возможное, потому что сохранение исторической памяти поддерживает единство поколений и преемственность традиций нашего народа. Сохранение памяти о войне для будущих поколений – это важнейшая задача в работе Центра хранения архивных документов в городе Шахты Ростовской области (далее – ЦХАД).

Документальные комплексы периода Великой Отечественной войны, без преувеличения, имеются во всех государственных и муниципальных архивах Ростовской области. Формироваться они начали непосредственно в ходе войны, но в каждом архиве отличаются по объему и разнообразию.

В период Великой Отечественной войны документы, находящиеся на хранении в Шахтинском филиале Государственного архива Ростовской области, были эвакуированы. Но, несмотря на эвакуацию, значительная часть документов не сохранилась. Практически утрачены документы также ряда управлений, отделов, учреждений, организаций, которые не только до начала войны, но и даже в период эвакуации архива в Омскую область, не были переданы на хранение. Сведения об их деятельности лишь частично восполняются за счет материалов из фондов Государственного архива Ростовской области и Центра документации новейшей истории Ростовской области. Нет в шахтинском архиве и документального комплекса, относящегося непосредственно к периоду оккупации города. Имеющиеся документы относятся уже к периоду после освобождения г. Шахты от немецко-фашистских захватчиков, и содержание значительной их части посвящено восстановлению народного хозяйства в послеоккупационный и послевоенный периоды.

Документы ЦХАД, относящиеся к периоду Великой Отечественной войны, представляют собой несколько групп:

1) 107 фондов документов постоянного срока хранения (3257 ед. хр.). Их материалы отражают вклад трудящихся города в победу над фашистской Германией, ратный подвиг сынов и дочерей, помощь тружеников тыла фронту, материалы о сборах средств на вооружение, теплых вещей и подарков для фронта, работе военных отделов и т.п.

Интересен фонд районных и городских военных комиссариатов Ростовской области, в котором 173 ед. хр. за период 1942–1946 гг., так как он включает в себя военно-экономические справки районов, переписку с войсковыми частями, облвоенкоматом о погибших за Родину, о присвоении воинских званий, об увольнении офицерского состава в запас

и списки офицерского состава запаса, описание боевых подвигов, информационные сообщения облвоенкомата о раскрытии и ликвидации бандитских групп, письма украинского штаба партизанского движения в горвоенкомат о розыске бывших партизан, переписку о ходе мобилизации и направлении в штрафные роты. В фонде имеются и документы по личному составу: списки военнослужащих, дезертировавших из войсковых частей, списки военных руководителей школ района, списки офицерского состава, уволенного из рядов Красной армии по ранению и болезни, данные о прохождении военной службы и награждениях, списки лиц, имеющих правительственные награды, списки военнослужащих – участников обороны Кавказа и Сталинграда, список военнослужащих, умерших в плену в Германии, и списки репатриированных. В этом фонде оказались даже списки участников обороны Севастополя и списки призывников, дезертировавших с завода № 91 Сталинграда.

История войны представлена также в документах фонда производственного объединения «Ростовуголь». Это документы интернированных граждан, а также военнопленных немецкой и других западных армий, привлеченных на строительство жилых объектов и восстановление предприятий угольной промышленности.

В фонде Шахтинского городского исполнительного комитета Совета депутатов трудящихся (горисполком) имеются списки эвакуированных семей, а также сведения о репатриированных гражданах, опросные листы репатриированных граждан по возвращении на Родину из Германии.

2) 116 фондов документов по личному составу (5524 ед. хр.). В последние годы они были переведены на постоянное хранение. Содержат информацию о работниках учреждений и предприятий в период 1943–1945 гг.: списки, сведения о приеме на работу, переводе, увольнении, расчетные ведомости начисления заработной платы, личные карточки формы Т-2, алфавитные книги, личные дела.

Имеются и материалы, относящиеся непосредственно к периоду оккупации: документы ортскомендатур, полиции в фондах «Паспортный стол Морозовской станицы Ростовской области», «Полицейское управление Раздорского района Ростовской области», «Полицейское управление г. Морозовска Ростовской области», «Тарасовское районное управление Ростовской области», «Шептуховская волостная управа Чертковского района Ростовской области», «Раздорская районная сельскохозяйственная управа Ростовской области», «Раздорское районное отделение народного комиссариата внутренних дел», «Немецкая комендатура г. Талы Воронежской области». Несмотря на кажущуюся похожесть имеющихся в них документов, в каждом имеются очень информативные материалы, отражающие проведение оккупантами своей политики на занятых

территориях: об изъятии продуктов у населения, дела по обвинению в ложных показаниях, списки граждан, имеющих право получить надел приусадебной земли, заявления и переписка с военнопленными, учетные карточки биржи труда, сметы расходов на содержание разного рода инспекций, списки населения по хуторам, работавшего во время немецкой оккупации, и мужского населения, списки населения, прибывшего на постоянное жительство, программы обучения школьников, ведомости выплат заработной платы трудящимся.

В фонде плановой комиссии находятся акты расследования злодеяний фашистов в период оккупации г. Шахты и справки о нанесенном материальном ущербе, списки коммунистов и комсомольцев, а также расстрелянных и угнанных в Германию [1: 23–26].

Информацию об участниках Великой Отечественной войны, их награждении, работе по восстановлению промышленности можно получить, ознакомившись и непосредственно с группами личных дел ряда фондов. Листки по учету кадров, автобиографии и характеристики содержат бесценные на сегодняшний день сведения о нахождении на оккупированной территории, награждениях орденами и медалями, участии в боевых действиях. Наиболее информативны в этом отношении фонды производственных объединений «Ростовуголь», «Ростовшахтострой», городской больницы им. В.И. Ленина, Шахтинского педагогического института.

Существенно дополняют документы архива фонды личного происхождения участников Великой Отечественной войны или тружеников тыла. Среди них особый интерес представляют воспоминания, наградные документы и фотографии из личных фондов первого руководителя шахтинской милиции Рожкова Александра Федоровича; почетного гражданина г. Шахты, председателя шахтинского горисполкома Ковалева Виктора Ивановича; кандидата медицинских наук, главного врача Ростовского областного противосиликозного диспансера Пиктушанской Фриды Юрьевны; заслуженного врача РСФСР Тихомировой Зинаиды Павловны; заслуженных работников культуры РСФСР Винокуровой Валентины Иосифовны и Шавановой Валентины Александровны. За последние несколько лет архив пополнился фондами участников Великой Отечественной войны: педагога Белоусовой Екатерины Алексеевны; заслуженного шахтера РСФСР, полного кавалера знака «Шахтерская слава» Колесникова Романа Николаевича; военного фельдшера Рясной Прасковьи Сергеевны; заместителя председателя горисполкома Рябинского Петра Филипповича; заслуженного работника культуры РСФСР Соловьева Владимира Васильевича; семейной династии врачей Маслинковых-Лебедевых; Синтюревой Валентины Константиновны и Яицкого Александра Петровича; педагога, краеведа Шатрова Сергея Федоровича.

К сожалению, боевых приказов, фронтовых писем, записных книжек, карт, схем, фронтовых газет нет среди документов фондов личного происхождения фронтовиков.

Много ярких воспоминаний периода военного детства имеется в фондах личного происхождения ветерана труда Российской Федерации, партийного и руководящего работника Дикарева Игоря Александровича; преподавателя Шахтинского филиала Новочеркасского политехнического института, кандидата технических наук Бочарова Валерия Митрофановича; заместителя председателя Шахтинского городского Совета народных депутатов, председателя Шахтинского отделения Союза советских обществ дружбы, ветерана труда Деминой Валентины Николаевны; ветерана труда Российской Федерации, партийного и руководящего работника, преподавателя, члена Общественной палаты г. Шахты, почетного гражданина г. Шахты Теплинского Ивана Петровича; заслуженного учителя Мартыненко Людмилы Александровны; заслуженного деятеля культуры Перегуда Веры Дмитриевны.

Говоря о воспоминаниях, нельзя не учитывать тот факт, что все они записаны постфактум, по памяти. В ряде случаев они зафиксированы уже даже не от непосредственных свидетелей или участников войны, а со слов их родственников. У архивистов нет возможности подтвердить их достоверность какими-либо другими сведениями. И тем не менее они ценны. Бывает, что материалы фондов личного происхождения фронтовиков архивисты ЦХАД пытаются дополнить сведениями электронных баз данных Центрального архива Министерства обороны РФ и его филиала в Гатчине, которые были объединены на портале документов Второй мировой войны «Память народа». К сожалению, и это не всегда удается, несмотря на большое количество выложенных на портале наградных документов и карт боевого пути.

Следует отметить, что в ЦХАД, кроме документов на бумажной основе периода Великой Отечественной войны, имеются фотодокументы (988 ед. хр.), а в научно-справочной библиотеке – подшивки газет, журналы, книги и брошюры по краеведению, другие виды печатных изданий. Наибольшую ценность представляют газета «Красный шахтер» за 1941, 1942, 1943 (электронный вариант), 1944 и 1945 гг., а также издания по истории г. Шахты и Ростовской области, в том числе и периода Великой Отечественной войны, которые не только не были переизданы, но и считаются в настоящее время редкими. В фондах научно-справочной библиотеки имеются подборки печатной информации о жителях г. Шахты – участниках Великой Отечественной войны, вкладе жителей города в общую победу над врагом, периоде оккупации, собранные архивистами еще в период работы Шахтинского филиала Государственного архива Ростовской

области. Среди них копия рукописи шахтинского краеведа, преподавателя горного техникума А. Зеленского «Непокоренные земляки», которая так и не была издана автором. Еще одна копия этой рукописи находится в Шахтинском городском краеведческом музее. Подлинник утрачен, так как автора уже давно нет в живых.

Особое место в работе ЦХАД занимает поисковая, исследовательская работа архивистов. Выявленные документы и сведения уникальны по своему содержанию. Собирается информация в различных видах и форматах: рукописные воспоминания жителей города, ветеранов войны и труда, детей войны, копии документов из личных семейных архивов: фотографии, открытки, статьи из газет, наградные удостоверения. Устные рассказы фиксируются в виде аудиозаписи или письменного рассказа. Поисковая деятельность архива получила широкий отклик среди жителей Шахт, архивисты увидели их готовность и желание делиться воспоминаниями. Ряд собранных материалов лег в основу коллекции документов участников Великой Отечественной войны – уроженцев и жителей г. Шахты. Вполне понятно, что абсолютной полноты сведений достичь уже никогда не удастся. Но архивисты ЦХАД делают все возможное, чтобы сберечь имеющиеся и собрать новые воспоминания, документы тех, кто еще с нами, или то, что еще не выброшено родственниками. Бывает, что фондодержатели не готовы расстаться с подлинниками документов своих родственников, но тогда есть возможность принять на государственное хранение копии. В юбилейном 2025 г. архивисты ЦХАД запланировали дополнить эту коллекцию сведениями о своих родственниках-фронтовиках. По крупицам собирается богатейший материал периода Великой Отечественной войны, открываются новые, ранее неизвестные имена жителей города, приближавших Победу. Имена этих людей, переживших страшные лишения, прошедших через горнило фронтов, видевших смерть близких, но при этом сохранивших жизнелюбие, милосердие, глубокую порядочность, должны служить ценностными ориентирами, необходимыми каждому человеку и, прежде всего, представителям молодого поколения.

ЦХАД прикладывает много усилий для популяризации архивных документов и уже много лет участвует в реализации государственных программ «Патриотическое воспитание граждан Российской Федерации на 2016–2020 гг.» и «Патриотическое воспитание граждан Российской Федерации на 2021–2025 гг.».

Начиная с 2004 г. (год создания ЦХАД) по настоящее время было проведено 2908 информационных мероприятий, в которых приняло участие 168 246 человек. Из них мероприятий по сохранению памяти о Великой Отечественной войне – 1192 (25 173 участника) [2: 39; 3: 3; 4: 9; 5: 82; 6: 53; 7: 55; 8: 34; 9: 22; 10: 30; 11: 25; 12: 22; 13: 43]. Только уроков мужества

с начала 2004 г. было проведено 490, в которых приняли участие более 7560 учащихся школ города [2: 39; 3: 3; 4: 9; 5: 82; 6: 53; 7: 55; 8: 34; 9: 22; 10: 30; 11: 25; 12: 22; 13: 43].

Главная задача совместной работы архивистов и преподавателей учебных заведений заключается не только в популяризации материалов по героическому прошлому земляков, но и в формировании высоких нравственных и моральных ориентиров у современной молодежи. Во многих школах возобновлена работа по сбору краеведческого материала, совершенно забытая в последние десятилетия. Старшеклассники средней общеобразовательной школы № 27 г. Шахты в последние годы активно работают с ЦХАД по сбору материалов, относящихся к периоду оккупации, и установлению личностей людей, сброшенных врагами в ствол шахты им. Л.Б. Красина. В 2020 г. совместными усилиями школы, архива и научной общественности была издана коллективная монография «Забвению не подлежит… Город Шахты Ростовской области в период Великой Отечественной войны и немецко-фашистской оккупации». В 2023 г. архивисты ЦХАД вошли в состав жюри конкурса журналистских и литературно-творческих работ школьников г. Шахты «Победа ковалась в тылу». Впоследствии работы были приняты ЦХАД на государственное хранение. В 2024 г. архивисты вошли в состав жюри Фестиваля медиаэкскурсий «Краеведы донских степей и терриконов».

Результаты деятельности ЦХАД в реализации историко-краеведческих проектов дают возможность узнать и сохранить для будущих поколений информацию о судьбах людей и событиях, из которых складывается история города, региона, страны. В процессе работы ЦХАД выявляет заинтересованных лиц, вовлекает молодежь в поисковую работу, организует, совместно с другими учреждениями, встречи поколений, повышает историческую и краеведческую грамотность жителей города, что поможет каждому осознать себя неотъемлемой частью нашей огромной страны.

Источники и литература

1. Центр хранения архивных документов в городе Шахты Ростовской области (далее – ЦХАД). Ф. Р-1044.Оп. 1. Д. 69.
2. ЦХАД. Ф. Р-1164. Оп. 1. Д. 11.
3. ЦХАД. Ф. Р-1164. Оп. 1. Д. 22.
4. ЦХАД. Ф. Р-1164. Оп. 1. Д. 34.
5. ЦХАД. Ф. Р-1164. Оп. 1. Д. 47.
6. ЦХАД. Ф. Р-1164. Оп. 1. Д. 61.
7. ЦХАД. Ф. Р-1164. Оп. 1. Д. 75.
8. ЦХАД. Ф. Р-1164. Оп. 1. Д. 131.
9. ЦХАД. Ф. Р-1164. Оп. 1. Д. 150.

10. ЦХАД. Ф. Р-1164. Оп. 1. Д. 169.
11. ЦХАД. Ф. Р-1164. Оп. 1. Д. 187.
12. ЦХАД. Ф. Р-1164. Оп. 1. Д. 205.
13. ЦХАД. Ф. Р-1164. Оп. 1. Д. 229.

Н.Г. Судоргин

ОБЪЕКТЫ НАСЛЕДИЯ И ИСТОРИЧЕСКИЕ ЛАНДШАФТЫ РОСТОВА-НА-ДОНУ КАК ФОРМА ВОСПРОИЗВОДСТВА ПАМЯТИ О ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ

При рассмотрении темы исторической памяти о Великой Отечественной войне в Ростове-на-Дону самому городу в целом как объекту материального наследия и связанным с этим аспектам не всегда уделяется достаточного внимания. И это несмотря на то, то в официальном гимне города – песне «Ростов-город, Ростов-Дон» – в качестве одной из основных звучит тема «улицы Садовой».

С учетом несомненной значимости описаний событий и биографий людей для целостного понимания истории города, целесообразно изучение и самого городского пространства с комплексом расположенных в нем объектов. В данной работе акцент сделан именно на отраженных в этом пространстве материальных основах исторической памяти о событиях периода Великой Отечественной войны в Ростове-на-Дону.

В рассматриваем контексте городская среда понимается как пространство в целом и как совокупность ее отдельных элементов: зданий, улиц, площадей, ландшафтов, включающих сухопутный рельеф с возвышенностями, низинами и оврагами, реки с их долинами, водно-болотные территории, родники, каждый из которых в свою очередь также может выступать как место исторической памяти [16].

Как же извлечь исторические контексты более чем 80-летней давности из современного урбанизированного пространства? Для осуществления такого рода исследований эффективны подходы, применяемые геоархеологией для изучения исторических ландшафтов [18]. О том, что такой подход может оказаться вполне продуктивным применительно и к пространствам в Ростовской области, свидетельствуют известные примеры изучения Ливенцовского археологического комплекса, античного Танаиса, Семикаракорского городища, до настоящего времени сохранившихся в виде, близком к тому, в каком его покидали жители в древности.

В отношении пространства Ростова-на-Дону также возможно проведение такого рода исследований. Можно сопоставлять аэрофотоснимки периода войны [10–12] с современными космическими снимками,

наблюдая сохраняющиеся и изменяющие элементы городской территории, осуществлять мысленное или компьютерное реконструирование объектов и ситуаций, производить количественные измерения. Более того, физически перемещаясь по городу, можно при определенных точках восприятия и освещении увидеть те места, где будто совсем недавно завершились исторические сражения.

Архивные документы, фотографии и кинохроника позволяют оценить масштабы разрушения городской среды, которая до сих сохраняет следы войны [6]. Однако относительно недолгая продолжительность городских боев ограничила и степень изменений уличной сети, что позволило провести восстановительные работы без значительной перепланировки и с опорой на сохранившиеся в городской застройке объекты и их фрагменты. Благодаря этому, значительным усилиям архитекторов [9] и жителей города наблюдается преемственность современной и довоенной застройки. В современных условиях объективные процессы интеграции старой и новой архитектуры во многом продолжают определять развитие исторических территорий города и неравнодушное отношение жителей к историческому наследию.

Опираясь на имеющиеся данные об объектах наследия [14], собственные данные о городском пространстве и опыт проведения экскурсий и публичных мероприятий, автор предлагает следующую классификацию городских пространств как мест исторической памяти о событиях периода Великой Отечественной войны.

В первую группу входят крупные мемориальные комплексы, посвященные происходившим в этих местах событиями. К ним относятся мемориальные комплексы «Кумженская роща», «Памяти жертв фашизма» и расположенный в относительной близости от черты города «Артиллерийский курган», имеющие статус объектов культурного наследия [15].

Во вторую группу можно включить улицы и площади, по которым имеется значительное количество архивных текстовых, фото- и кинодокументов, книг, публикаций в периодических изданиях. Среди представленных в наибольшем числе свидетельств и задействованных в наиболее значительных событиях можно указать площади Советов, Соборную, Театральную и Привокзальную, проспекты Будённовский, Ворошиловский, Кировский, ул. Большую Садовую, набережную р. Дон.

К третьей группе отнесем сохранившиеся исторические здания, фигурирующие в исторических материалах о войне. Среди большого количества таких объектов выделим: здания городской думы, Дома Советов, штаба Южного военного округа, корпусов Южного федерального университета, Ростовского государственного экономического университета (РИНХ), Ростовского государственного университета путей сообщения,

театра им. М. Горького, Центрального универмага, комплекс зданий Центрального рынка, комплекс зданий бывшего Управления Народного комиссариата внутренних дел по Ростовской области, здания в стиле авангард / конструктивизм вдоль пр. Будённовского, ростовского отделения Банка России, здания бывших гостиниц «Дон», «Южная», гостиниц «Московская» и «Ростов» (сейчас Marins Park Hotel Rostov), бывший Дворец пионеров, склады вдоль ул. Береговой.

Следующая группа включает ландшафтные объекты. Здесь выделим реки Дон, Мёртвый Донец, Темерник, донские острова, мосты и места нахождения мостов и переправ, где происходили операции по форсированию водных преград, оборона берегов, Зелёного острова и донской дельты, борьба за плацдармы, сохранение или разрушение мостов. Сюда также включены железные дороги и участки некоторых автодорог, места, где находились укрепления, позиции ПВО и других видов артиллерии, стрелковых подразделений. Анализ исторических материалов и наблюдения автора показывают, что основные места и траектории перемещения армейских сил и средств сохранили свои логистические особенности до настоящего времени. Сохранились и некоторые отдельно расположенные оборонительные сооружения, а также здания, где находились встроенные в них и прилегающие оборонительные сооружения. Среди других объектов в этой группе также можно указать на сохранившиеся в городе противотанковые пирамидки и бетонный элемент дота, а также остатки противотанковых рвов.

В 2015 г. на основе представленных подходов к пространственной реконструкции автором была организована передвижная фотовыставка «Сражения за Ростов в 1941–1943 гг.», где демонстрировались фотографии ключевых эпизодов Великой Отечественной войны в Ростове-на-Дону.

Еще одним видом объектов являются мемориализированные локусы, связанные гибелью людей в периоды сражений за город и оккупаций. Здесь выделим места и сохранившиеся здания, где содержались военнопленные и арестованные лица. К таким объектам можно отнести здания Ростовской тюрьмы на пр. Кировском (ныне следственный изолятор), помещения и территорию бывшего Ростовского артиллерийского училища, лагеря для военнопленных на ул. Тоннельной (ныне – Исправительная колония – 2) [5], территории Змиёвской балки [3; 17], питомника Ботанического сада Южного федерального университета [13] и зоопарка [3], а также возможные места сбора евреев [4].

Обратим внимание и на разрушенные и впоследствии восстановленные объекты: здание общежития речного училища на пр. Будённовском, восстановленное с уменьшением количества этажей, колокольня кафедрального собора, железнодорожный мост в устье р. Темерник, мост через Темерник в районе пос. Каменка, Дворец культуры железнодорожников.

Близки к этой группе разрушенные, но не восстановленные объекты, отсутствие которых заметно и в современном городском пространстве. В их числе укажем бывший кинотеатр «Колизей» на углу пр. Ворошиловского и ул. Большой Садовой, здания, находившиеся на территории скверов на пересечении пр. Будённовского и ул. Большой Садовой, Ростовский областной краеведческий музей. При этом ввиду недостаточной осведомленности современных жителей и даже некоторых специалистов о деталях послевоенной реконструкции города вокруг таких мест часто формируются не всегда исторически достоверные нарративы.

Следует указать и на существенное (около 15 м) отступление фасадов новых зданий от «красной линии» вдоль западной стороны пр. Будённовского от пл. Комсомольской до ул. Текучёва [2], где, согласно историческим фотоматериалам, 23 июля 1942 г. происходили интенсивные бои с применением артиллерии.

Материалами, связывающими события войны и историческое наследие города, являются акты Ростовской областной комиссии по учету зверств и ущерба, причиненного немецко-фашистскими оккупантами гражданам, колхозам, государственным предприятиям, учреждениям и организация [7; 8] и акт, подписанный группой граждан города [6], где приводятся данные о характере и размерах нанесенного ущерба, а также проектная документация по послевоенному восстановлению города [9]. По оценкам автора, основанным на аэрофотосъемке 1943 г., доля разрушенных зданий на участке, ограниченном пр. Будённовским и улицами Большой Садовой, Социалистической и пер. Островским, составляет около 90 % [12].

Интересным источником сведений о событиях войны в городе, по наблюдениям автора, могут быть и неоднородности кирпичной кладки, проявляющиеся при снятии штукатурки старых зданий, которые не могли бы возникнуть при их первоначальной постройке и, вероятно, служат признаком повреждения в ходе сражений, а также следы от пуль, попаданий снарядов, взрывов бомб, в том числе в виде трещин в стенах.

Среди объектов, обеспечивающих воспроизводство исторической памяти, необходимо указать и на различные монументы и памятники. При этом место их установки не всегда совпадает с местом, где происходили события, которым они посвящены. В данную группу можно включить и объекты, расположенные на местах захоронений или вблизи от них, такие как мемориал на пл. Карла Маркса, памятники возле Донской государственной публичной библиотеки и на Братском кладбище [1].

В рамках представленного подхода автором разработан и реализован ряд тематических познавательных экскурсионных маршрутов и экскурсий на объектах, в том числе «Сражения за Ростов 1941–1943»,

«Памятники и мемориалы», «Архитектура центра Ростова-на-Дону: эпохи, события, люди».

Таким образом, пространство современного Ростова-на-Дону может быть самостоятельным объектом исследования, а также служить непосредственной основой и инструментом для сохранения исторической памяти о Великой Отечественной войне. Преемственность городского пространства является достаточно мощным фактором для естественного, неосознаваемого сохранения и воспроизводства исторической памяти, что наблюдается, в частности, в виде значительного количества разнообразных познавательных экскурсий исторической направленности, которые заметно преобладают над чисто архитектурными и обзорными. При этом методика освещения событий при проведении пешеходных экскурсий может быть эффективно реализована благодаря вышеуказанной преемственности городского пространства. Сложный и динамичный характер исторических событий, происходивших в городском пространстве Ростова-на-Дону, многообразие объектов создают возможности для разработки различных вариантов нарративов даже для одних и тех же мест.

Источники и литература

1. *Беленький Г.Л., Редьков Н.Н.* Памятники монументального искусства города Ростова-на-Дону. Ростов-на-Дону, 2016.

2. Геоинформационный портал. Публичная кадастровая карта. URL: https://nspd.gov.ru/map?thematic=PKK (дата обращения: 03.03.2025).

3. Государственный архив Ростовской области (далее – ГАРО). Ф. Р-1886. Оп. 1. Д. 10а

4. ГАРО. Ф. Р-1886. Оп. 1. Д. 13.

5. ГАРО. Ф. Р-1886. Оп. 1. Д. 14.

6. ГАРО. Ф. Р-3613. Оп. 1. Д. 19.

7. ГАРО. Ф. Р-3613. Оп. 1. Д. 69.

8. ГАРО. Ф. Р-3613. Оп. 1. Д. 144.

9. ГАРО. Ф. Р-4112. Оп. 1. Д. 1

10. Немецкая аэрофотосъемка Ростова-на-Дону сразу после его захвата фашистами в июле 1942 года. URL: http://www.etomesto.ru/map-rostov-na-donu_1942-aero/ (дата обращения: 04.03.2025).

11. Немецкая аэрофотосъемка Ростова-на-Дону сразу после его освобождения советскими войсками в феврале 1943 года. URL: http://www.etomesto.ru/map-rostov-na-donu_1943-3-aero (дата обращения: 04.03.2025).

12. Немецкая аэрофотосъемка Ростова-на-Дону через 3 месяца после отступления немецких войск. URL: http://www.etomesto.ru/map-rostov-na-donu_1943-5-aero (дата обращения: 04.03.2025).

13. Постановление Комитета по охране объектов культурного наследия Ростовской области от 08.12.2020 № 20/01-01/5024 «О включении объекта, обладающего признаками объекта культурного наследия, расположенного по адресу: Ростовская область, г. Ростов-на-Дону, между Змиевским проездом, ул. Доватора и ул. Заречной, в перечень выявленных объектов культурного наследия и об утверждении границ его территории». URL: https://pravo.donland.ru/doc/view/id/Постановление_20_01-01_5024_15122020_23982/ (дата обращения: 04.03.2025).

14. Постановление Правительства Ростовской области от 25.12.2023 № 964 «Об установлении объединенной зоны охраны объектов культурного наследия исторической части города Ростов-на-Дону и утверждении требований к градостроительным регламентам в границах территорий данных зон». URL: https://www.donland.ru/documents/18790/ (дата обращения: 04.03.2025).

15. Сведения из Единого государственного реестра объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) народов Российской Федерации. URL: https://opendata.mkrf.ru/opendata/7705851331-egrkn/ (дата обращения: 03.03.2025).

16. *Судоргин Н.Г.* Комплексная музеефикация территорий – цель и средство территориального развития. Маршрут «Миусская стрела» // Глобальный мир: многополярность, антикризисные императивы, институты: материалы V Международной научно-практической конференции (Ростов-на-Дону, 22–24 мая 2014 г.): в 3 т. Т. 3. Ростов-на-Дону, 2014. С. 379–384.

17. *Судоргин Н.Г., Шпагин С.А., Горохов В.М.* Проблемы и перспективы музеефикации событий 1942 г. в Ростове-на-Дону // Великая Отечественная война в истории и памяти народов Юга России: события, участники, символы: материалы II Всероссийской научной конференции, приуроченной к 80-летию начала Великой Отечественной войны (Ростов-на-Дону, 23–24 сентября 2021 г.) / отв. ред. акад. Г.Г. Матишов: в 2 ч. Ч. 2. Ростов-на-Дону, 2021. С 335–340.

18. *Фаган Б.М., ДеКорс К.Р.* Археология. В начале / пер. с англ. Н.Ю. Струкова. М., 2007.

И.Л. Жеребцов, Т.Е. Гончарова

ПИСАТЕЛЬ АНАТОЛИЙ ЗНАМЕНСКИЙ О ВРАЖЕСКОМ ДЕСАНТЕ 1943 г. В КОМИ АССР

Писатель Анатолий Дмитриевич Знаменский – личность на Юге (да и не только на Юге) России известная: лауреат Государственной премии

РСФСР им. Максима Горького и международной премии им. Михаила Шолохова в области литературы и искусства, автор двухтомного романа «Красные дни» и десятков других художественных и публицистических книг. Его биография и литературное творчество достаточно хорошо изучены [1; 3; 5; 15; 19 и др.]. В настоящей публикации речь пойдет о начале его творческого пути, о первом романе писателя, в котором отразилась жизнь еще не Юга, а Севера России, в том числе и события военного времени. В этом произведении А.Д. Знаменского впервые в открытой печати содержалось упоминание о вражеском десанте в Коми АССР в 1943 г. (правда, выведенные в романе события 1943 г. практически ни в чем не совпадали с реальными, но ведь то было художественное произведение, а не историческое исследование).

Прежде всего следует сказать о том, как А.Д. Знаменский оказался на Севере, где и узнал о десанте. Родился он 1 мая 1923 г. в казачьей семье в х. Ежовском (Ежовке) ст. Слащевской (в современном Алексеевском районе Волгоградской области). Его отец во время Гражданской войны воевал в отряде будущего командарма 2-й конной армии Ф.К. Миронова (отсюда и интерес А.Д. Знаменского к Ф.К. Миронову, событиям Гражданской войны и судьбам казачества), в 1936 г. был репрессирован, освободился в 1939 г. В старших классах А.Д. Знаменский увлекся литературным творчеством и журналистикой – написал фантастическую повесть, вел дневник, издавал с одноклассниками рукописный журнал. В журнале и дневнике содержались «крамольные» мысли и рисунки. Как вспоминал сам А.Д. Знаменский, «юные души молчаливо бунтовали и искали ответов у взрослых, которые почему-то отмалчивались»; не получив ответов, школьники легкомысленно решили самостоятельно «разобраться в происходящем, чтобы в будущем организоваться и начать борьбу с произволом» [12].

17 апреля 1940 г. десятиклассник А.Д. Знаменский был арестован. По рассказам людей, позднее хорошо знавших писателя, поводом для ареста стали «неосторожное слово, превратно понятое сверхбдительным директором школы» ст. Кумылженской, где тогда жили Знаменские [16], «неосторожные вопросы», заданные школьником на встрече докладчику из обкома ВКП(б) [18], и конкретно вопрос: «Будет ли общественная борьба при коммунизме?» [7]. А.Е. Рекемчук со ссылкой на самого А.Д. Знаменского писал в своих воспоминаниях, что того «арестовали перед войной то ли за то, что читал запретное (говорит, что за “Десять дней, которые потрясли мир”, за Джона Рида), то ли высказывался слишком круто, как нынче» [17: 62]. Обнаруженная в дневнике и журнале «крамола» усугубила ситуацию. А.Д. Знаменского приговорили к шестилетнему заключению в исправительно-трудовом лагере и отправили в Коми АССР.

В Коми АССР А.Д. Знаменский вначале работал в совхозе «Ухта», который должен был снабжать продовольствием заключенных Ухтпечлага, трудился на лесоповале, раскорчевке, добыче торфа, из-за истощения попал в лагерную больницу, где его выходили (помог не только врач, но и больничный паек). Затем благодаря грамотности и хорошему почерку его назначили помощником нормировщика в лагерную контору. Однако вскоре А.Д. Знаменского направили на прокладку трассы Ухта – Крутая и строительство сажевого завода, затем была работа десятником на каменном карьере близ Северо-Печорской железной дороги, обустройстве нефтешахт на Яреге и второй очереди Ухтинского нефтеперегонного завода [4]. Работать приходилось так, что «трещал крестьянский пуп» [13].

А.Д. Знаменский не раз говорил: «Свои университеты я прошел на Севере, в Коми»; «там я общался с умным народом – с академиками, композиторами, писателями»; «вообще дураков в лагеря не сажали» [13]. Многие из тех, кого А.Д. Знаменский встретил в лагерях, стали прототипами героев его первых журналистских и литературных опытов [13]. «Моими университетами был лагерь. Там мне помогли во всем разобраться. Там всё четко знают» [13].

Когда А.Д. Знаменский отбыл примерно половину своего срока, как раз и случилась высадка вражеской диверсионной группы на берег Печоры. О короткой истории этого десанта, который должен был взорвать железнодорожный мост через Печору (на Северо-Печорской железной дороге) и вызвать бунт среди заключенных в местных лагерях, уже говорилось в ряде публикаций [1; 2; 14 и др.].

Напомним основное. В ночь с 5 на 6 июня 1943 г. вылетевшие из Норвегии два самолета «Кондор» сбросили 12 десантников, хорошо вооруженных и одетых в форму войск НКВД. Диверсанты (выходцы из разных регионов СССР, в том числе один из Коми АССР) застрелили командира группы и решили сдаться. Утром 8 июня два участника десанта пришли на ближайшую ферму, где под охраной трех стрелков работали 60 заключенных, сдали оружие, сообщили о своей высадке, об убийстве руководителя и о намерении всех диверсантов сдаться. В тот же день остальные десантники сдались прибывшему к их лагерю отряду из 10 стрелков; при этом в случайной перестрелке был убит один из десантников. После проведенного следствия все участники десанта были отправлены на фронт [8]. История о вражеском десанте и в военные, и в первые послевоенные годы не разглашалась, но о ней всё же было известно немалому кругу лиц, включая и заключенных. Узнал о ней и А.Д. Знаменский.

По истечении шестилетнего срока А.Д. Знаменского в 1946 г. выпустили из лагеря, но он, как сам рассказывал позднее, «был освобожден “с прикреплением к производству”, без права ухода с должности инженера

по нормированию, что являлось по сути скрытой ссылкой, поселением навечно в Коми АССР» [11]. «Малость обустроившись с жильем и работой в управлении нефтеразведочного треста» пос. Войвож, А.Д. Знаменский стал привыкать к относительно более свободной жизни – при том, что, по его словам, «паспорт мой был выдан "согласно статье 39-й Положения о паспортах", а с такой пометкой в паспорте мне запрещалось появляться не только в Москве и Ленинграде, но и во всех областных центрах страны, а также в Сочи и Ялте» [10]. В биографических справках о писателе, издававшихся в доперестроечный период, об этих годах деликатно повествовалось так: «После окончания средней школы, с 1940 по 1958 гг., А. Знаменский работал на новостройках Коми АССР разнорабочим, десятником каменного карьера, старшим нормировщиком строительно-монтажного управления, начальником отдела труда и зарплаты в нефтеразведке» [6: 108].

Работая в Войвоже, А.Д. Знаменский начал заниматься литературной работой – по его словам, «уже через полгода начал большую повесть о героическом труде нефтяников Севера в период воины с фашистами» [10]. В это произведение (вылившееся из повести в роман) автор включил и историю с вражеским десантом (наверное, правильнее сказать – фантазию по мотивам истории десанта), хотя связанные с десантом события происходили почти в 300 км от мест обитания А.Д. Знаменского.

Первоначально роман должен был называться «Далеко от фронта». Но, вспоминал А.Д .Знаменский, «вышедший в 1948 году и нашумевший роман В. Ажаева "Далеко от Москвы" тут же заставил меня поискать новое название, и поскольку речь у меня шла о геологической разведке нефти, точно вылилось длиннющее, идеологически выверенное словосочетание "Неиссякаемый пласт"» [10]. Лагеря и заключенные в романе по цензурным соображениям напрямую не упоминались. В 1949 г. А.Д. Знаменский завершил свой роман и отправил его на литературную консультацию в Ленинградское отделение Союза советских писателей.

По словам А.Д. Знаменского, результат рецензирования превзошел все его ожидания: рукопись романа одобрили Эльмар Грин (А.В. Якимов), удостоенный в 1947 г. Сталинской премии первой степени за повесть «Ветер с юга», и В.А. Кочетов, журналист, занявшийся после войны литературной деятельностью (будущий автор романа «Журбины» и секретарь Ленинградского отделения Союза писателей). «Кочетов свою рецензию начал с недвусмысленной фразы: "А. Знаменский написал замечательную книгу"» [10]. Много позже А.Д. Знаменский самокритично признавал: «Обе эти рецензии были даны с большими авансами автору-провинциалу: в рукописи, кроме удачных зарисовок с натуры, было достаточно и "провальных" мест дешевой риторики, и растянутых описаний природы Севера, и морализаторства» [10].

Некоторое время спустя А.Д. Знаменский получил предложение напечатать роман в Петрозаводске – в ежемесячном журнале «На рубеже» (позднее – «Север»). Автор согласился, отправился в Петрозаводск, где его «мягко пожурили… за "бытовизм" и, не говоря худого слова, тут же положили… на стол ножницы и дали пузырек с клеем: требовалось убрать» некоторые фрагменты текста; автор «послушно и безропотно обкорнал собственную рукопись» [10]. В том же году журнал опубликовал первую часть романа «Неистощимый пласт», в которой действие происходит в годы Великой Отечественной войны, в 1952 г. – вторую часть, посвященную послевоенным событиям.

В 1956 г. «Неиссякаемый пласт» вышел отдельной книгой в Сыктывкаре (498 с., тираж 15 тыс. экземпляров); при подготовке к изданию А.Д. Знаменский восстановил вырезанные при журнальной публикации фрагменты (в книге временем создания романа указаны 1948–1954 гг.) [9]. Редактором книги был А.Е. Рекемчук, обложку оформил известный коми художник М.П. Безносов. Ведущий коми литературовед того времени А.А. Вежев в газете «Красное знамя» в 1956 г. откликнулся на выход романа в целом положительной рецензией «Роман о пробужденной тайге», однако отметил, что «автор недостаточно продумал композицию романа. Вторая часть его логически в сюжетном плане не совсем соответствует первой части». Больше А.Д. Знаменский никогда «Неиссякаемый пласт» не переиздавал. Вторая часть забылась, а первую часть он переработал в роман «Иван-чай», изданный в 1963 г. в журнале «Урал», а в 1964 г. вышедший в одной книге вместе с «Ухтинской прорвой» как дилогия [11] и затем не раз переиздававшийся. В «Иван-чае» время и место действия романа обозначено более определенно: лето 1941 г., верхняя Печора и Тиманский кряж (в «Неиссякаемом пласте» – «На дальнем севере, куда не достигали ни залпы орудий, ни зловещие отблески пожаров» [9: 3]). Сцены с ликвидацией вражеского десанта изложены в обеих редакциях романа сходным образом (хотя и не полностью идентично). В частности, в «Иван-чае» добавлена сцена похорон погибших.

В Войвоже А.Д. Знаменский встретился со своей будущей женой Ниной Сергеевной. В. Ротов со слов самого Знаменского писал об этом: «Познакомились, когда он был еще в опале. В местах его спецпоселения, в Вой-Воже. Она работала вольнонаемной в конторе. На его предложение руки и сердца откликнулась сразу, без колебаний. Потому что он ей нравился и как человек и из солидарности по одинаковой судьбе: за ее родителями тянулся шлейф репрессированных. Родители в свое время имели богатую пасеку, жили доходно, а потому подлежали раскулачиванию. По этой причине семья оказалась сначала в Башкирии, а потом и в Вой-Воже» [13].

В 1950-х гг. А.Д. Знаменский работал над вторым романом «Ухтинская прорва», посвященном истории нефтеразработок на Ухте в начале XX в., участвовал в литературном объединении при газете «Ухта», которое в 1955 г. организовал и возглавил журналист, известный впоследствии писатель А.Е. Рекемчук. В своих воспоминаниях он упомянул, что А.Д. Знаменский посещал его литобъединение [17: 65].

Роман «Ухтинская прорва» был завершен к 1957 г. – году, когда писателя реабилитировали «за отсутствием состава преступления». В том же году А.Д. Знаменского приняли в Союз писателей СССР – главным образом, именно на основании рукописи этого романа («Неиссякаемый пласт» был намного слабее). Получив окончательную свободу, А.Д. Знаменский перешел на работу в редакцию районной газеты «Ухта», заведовал отделом промышленности. В 1958 г. в Коми книжном издательстве был опубликован роман «Ухтинская прорва». В том же году А.Д. Знаменский уехал из Ухты в Москву, где поступил на Высшие литературные курсы при Литературном институте им. А.М. Горького, познакомился с известными писателями.

Из Москвы А.Д. Знаменский уехал на Кубань (Хадыженск, Горячий Ключ, Краснодар), опубликовал серию книг. На север он больше не приезжал, но в 1963 г. написал повесть «Обжалованию не подлежит», рукопись которой отправил в несколько московских журналов. В «Новом мире» и «Юности» повести, действие которой происходит в северных лагерях, дали одобрительные оценки, но не опубликовали. В. Астафьев писал Знаменскому, что эта повесть «может, самая важная в твоей жизни, хотя ты того и знать не мог» [7: 139]. Вышла повесть только в 1993 г. в «Роман-газете» под названием «Без покаяния». Это был последний отклик А.Д. Знаменского на «северный» период своей жизни. Писатель скончался в Краснодаре 3 марта 1997 г.

Источники и литература

1. *Азаров О.И.* «Посылаю отряд для ликвидации…» // Служим Отечеству. Органы государственной безопасности Республики Коми. Сыктывкар, 1998. С. 113–122.

2. *Ануфриев А., Захаров В.* Вражеский десант на Печоре // Книга Памяти Республики Коми. Сыктывкар, 1996. Т. 4. С. 379–385.

3. *Берлизов Е.М.* Анатолий Знаменский. Краснодар, 1973.

4. *Владимиров Е.* Анатолий Знаменский. Летописец казачества и освоения Севера // Регион. 2023. № 5. С. 40.

5. *Дюжев Ю.* Приговорен к переделке // Север. 1990. № 7. С. 133–142.

6. *Дюжев Ю.* Строгая память // Север. 1983. № 4. С. 108–114.

7. *Елагин В.* Трагедия эпохи – трагедия таланта // Кубань. 1993. № 3–4. С. 79–83.

8. *Жеребцов И.Л.* Десант немецких диверсантов в Коми АССР 1943 г. в художественной, научной литературе и документах // Великая Отечественная война в истории и памяти народов Юга России: события, участники, символы: материалы IV Всероссийской научной конференции с международным участием, посвященной 80-летию освобождения Дона и Донбасса (г. Ростов-на-Дону, 5–8 июля 2023 г.) / отв. ред. акад. Г.Г. Матишов. Ростов-на-Дону, 2023. С. 116–125.

9. *Знаменский А.Д.* Неиссякаемый пласт. Сыктывкар, 1956.

10. *Знаменский А.Д.* Слово и мысль – в резервации, или монолог в наморднике… // Литературная Кубань. 1997. № 2. С. 3–4.

11. *Знаменский А.Д.* Ухтинская прорва. Иван-чай. М., 1964.

12. *Знаменский А.Д.* Хождение за правдой. Страницы воспоминаний. Краснодар, 1991.

13. И в засуху бессмертники цветут... К 80-летию писателя Анатолия Знаменского. Воспоминания / сост. и ред. В. Ротов. Краснодар, 2003.

14. *Пашинина В.С.* Печорский десант. Сыктывкар, 2004.

15. Писатели Кубани: биобиблиографический справочник / сост. Л.А. Гуменюк, К.В. Зверев. Краснодар, 1980.

16. *Придиус П.* Неиссякаемый пласт. К 65-летию кубанского писателя Анатолия Знаменского // Советская Кубань. 1988. 30 апреля.

17. *Рекемчук А.Е.* Пир в Одессе после холеры. М., 2003.

18. *Старков Н.* Судьба казака-летописца. URL: https://slavakubani.ru/content/detail.php?ID=1703 (дата обращения: 04.03.2025).

19. *Шевелева И.* Отблески красных дней // Наш современник. 1989. № 10. С. 176–178.

Л.И. Мосейчук, Е.В. Шкут

ВОСПОМИНАНИЯ О ВОЙНЕ БЕЛОРУССКОГО АРХИТЕКТОРА ЕВГЕНИЯ КОНСТАНТИНОВИЧА ДЯТЛОВА (по документам Белорусского государственного архива научно-технической документации)

В Белорусском государственном архиве научно-технической документации (далее – БГАНТД) хранятся личные фонды многих архитекторов – участников Великой Отечественной войны. В данной работе будет рассмотрен фонд № 158 «Дятлов Евгений Константинович, белорусский советский архитектор, заслуженный архитектор БССР».

Фонд Е.К. Дятлова содержит 182 единицы хранения, которые включают рукописи его воспоминаний, биографические материалы, документы общественной и государственной деятельности, многочисленные творческие

материалы (эскизные проекты, рисунки). Особый интерес представляют документы, содержащие сведения о его участии в партизанском движении.

Евгений Константинович Дятлов родился 17 мая 1923 г. в д. Бобы Пуховичского района Минской области. В июне 1941 г. окончил среднюю школу № 20 г. Минска. Его школьный выпускной вечер состоялся 21 июня. Он мечтал стать художником, но вместо кисти и карандаша 18-летнему пареньку пришлось взять в руки винтовку. Уже осенью 1941 г. он оказался в партизанском отряде «Пламя», впоследствии преобразованном в бригаду. Отряд дислоцировался в Пуховичском районе Минской области. Подрыв и уничтожение вражеских эшелонов, разрушение шоссейных дорог, мостов и переправ – вот далеко не полный перечень боевых действий партизан бригады.

Евгений Константинович был непосредственным участником таких диверсионных операций, как «Рельсовая война» (3 августа – 15 сентября 1943 г.), «Концерт» (19 сентября – конец октября 1943 г.), «Багратион» (23 июня – 29 августа 1944 г.), в ходе которых были полностью выведены из строя наиболее важные железнодорожные пути, частично парализованы вражеские перевозки по всем дорогам Белорусской ССР. Вот как об этом вспоминал сам архитектор: «Ночь. Идет снег. Подходим к железнодорожному перегону Пуховичи – Талька. Пересекаем по льду р. Свислочь в районе д. Орешковичи, выходим к железнодорожному полотну.

В ночное время немецкие поезда начали ходить очень медленно и спустить под откос эшелон было практически невозможно… Поэтому было решено заложить взрывчатку в трех местах: под паровозом, посередине состава и в хвосте поезда» [1: 5].

Сложность заключалась в расчете длины состава, поэтому так важно было взаимодействие партизан и подпольщиков, через которых в отряд поступали необходимые сведения. Е.К. Дятлов с двумя товарищами должен был подорвать паровоз. Как отмечал сам партизан, «это было непростое дело, поскольку заряд взрывался выдергиванием чеки взрывателя веревкой 150 метров. На это требовалось время разбега для натягивания этой веревки с таким расчетом, чтобы взрыв произошел обязательно под паровозом» [1: 5]. Диверсия удалась, эшелон, груженный боеприпасами, был уничтожен.

Перед операцией «Багратион» бригада «Пламя» в полном составе вышла к железной дороге Минск – Осиповичи. Когда показался эшелон с танками и техникой, в ход вступили минометы и бронебойные ружья. Также партизаны уничтожили блокпосты противника. Таких диверсий в биографии архитектора было десять [2: 3]. Не всегда всё проходило успешно, случалось и терять товарищей, и вступать в бой с немецкими отрядами.

Со второй половины 1942 г. и до лета 1944 г. под контролем партизанских формирований находился и 20-километровый участок автомобильной дороги Минск – Бобруйск (от Пуховичей до д. Лапичи). Мост, который находился в этом районе в месте впадения р. Болочанка в р. Свислочь, из-за активных действий партизан бригады «Пламя» восстановить на долгий срок немцы не могли. Это затрудняло перемещение немецко-фашистских войск по оккупированной территории, и дорога практически не использовалась. Поэтому в д. Болочанку, находившуюся недалеко от моста, прислали большой немецкий отряд, который должен был обеспечить его охрану.

Командование партизанского отряда приняло решение выбить немцев из деревни и взять ее под свой контроль. Евгений Константинович вспоминал, что зимой 1942 г. в результате продолжительного боя «со значительно превосходящими силами немецкого гарнизона, расположившегося в д. Болочанка», партизанам удалось занять деревню. Но уже через восемь дней они вынуждены были отступить. На протяжении двух лет деревня переходила из рук в руки, но мост больше чем на несколько недель не восстанавливался [1: 13].

На самой дороге, на контролируемом партизанами участке, устраивались завалы из деревьев. Позже, когда лес по сторонам шоссе был вырублен немцами, партизаны выкапывали рвы поперек дороги [5: 2].

Деревня Болочанка была полностью разрушена. После войны она не восстанавливалась, и на ее месте сейчас поле.

Летом 1943 г. в бригаду «Пламя» с «Большой земли» вместе с оружием, боеприпасами и медикаментами была доставлена небольшая типография [1: 1]. С этого момента в бригаде начали выпускать газеты, печатные листки, обращения, отрядные журналы. В статьях и заметках не только освещалась боевая жизнь, но и печатались бытовые заметки, рассказы и даже повести. Все рассказы сопровождались иллюстрациями. Как правило, это были портреты отличившихся партизан, тематические картинки. Рисовали простыми карандашами, тушью или обычными фиолетовыми чернилами. Обязательно был раздел юмора и сатиры. Каждое подразделение старалось оформить и выпустить свою стенгазету или боевой листок. Выпускались они в одном экземпляре, читались организованно по подразделениям, а затем хранились как исторический материал у командира бригады [1: 1 об.].

В оформлении и издании одного из таких журналов участвовал и Е.К. Дятлов. Журнал назывался «Народный мститель» [1: 1 об.]. Впоследствии, вспоминая о годах войны, Евгений Константинович рассказывал о значимости печатного слова для бойцов партизанских отрядов. По его словам, самым любимым разделом в газете был сатирический.

Его особенно ждали: удачные шутки быстро расходились, а их авторов угощали махоркой [1: 15 об.].

В редкие минуты отдыха Евгений Константинович старался запечатлеть партизанский быт, рисовал портреты друзей. Эти зарисовки сохранились и стали историческими документами – свидетельствами боевых событий и будничной жизни партизан.

В фонде № 158 хранится целая серия рисунков Е.К. Дятлова, посвященных партизанскому движению, которые являются важным источником для исследования истории Сопротивления [3: 129].

Пережил будущий архитектор не одну «блокаду», во время которой приходилось, бросив всё, уходить глухими тропами через болота и речушки, спасая гражданское население и спасаясь самому.

В мае 1944 г. немецко-фашистские захватчики провели последнюю карательную операцию. Силами двух пехотных дивизий и одной танковой бригады начали уничтожать деревни и сёла. Большинство мирного населения смогло укрыться в лесах и болотах, но, к сожалению, не все.

Как вспоминал Е.К. Дятлов, их отряд во время майской блокады 1944 г., «интенсивно передвигаясь по территории Пуховичского и Червенского районов, смог уйти от преследования крупных сил противника. Когда мы проходили недалеко от д. Очижа (Червенский район, Минская обл.) комиссар боевого отделения М. Корнейчик, зная, что там находятся его жена и двое детей, бросился туда на их поиски. Вместе с ним был и я. Деревня была сожжена и разрушена. <…> На окраине еще дымился сгоревший сарай с остатками человеческих тел… Погибло 180 человек, в основном женщин, детей и стариков» [1: 16 об.]. Даже по прошествии многих лет у Евгения Константиновича наворачивались на глаза слезы, когда он рассказывал об этой трагедии. После войны д. Очижа была восстановлена. Сейчас в ней проживает 331 человек.

2 июля 1944 г. бригада «Пламя» под командованием полковника Евгения Филипских совместно с бойцами 1-го гвардейского Донского танкового корпуса 2-го Белорусского фронта участвовала в освобождении г. Марьина Горка и Пуховичского района Минской области. В их числе был и Евгений Константинович.

После освобождения территории Белорусской ССР от немецко-фашистских захватчиков Е.К. Дятлова направили учиться в Московский архитектурный институт, который он окончил с отличием в 1950 г. по специальности «архитектор». В 1950–1965 гг. жил в г. Алма-Ате, работал в институте «Казгорстройпроект», был главным архитектором города (1961–1965). В 1951 г. был принят в члены Союза архитекторов СССР.

В Минск зодчий вернулся осенью 1965 г. По его проектам были построены ресторан «Свитязь», универсам «Рига», разработаны проекты

детальной планировки и застройки жилых микрорайонов «Восток», «Серебрянка» и др. С 1965 по 1970 г. он руководил мастерской генплана проектного института «Минскпроект», в 1970–1974 гг. был главным архитектором Минска, в 1974–1979 гг. – главным архитектором проектного института «Белгипроторг», в 1979–1983 гг. – главным архитектором проектного института «Минскпроект».

Е.К. Дятлов активно участвовал и непосредственно руководил проектом обоснования строительства метрополитена в Минске (1966–1974), работал над корректурой генерального плана города на 1980 г. [4: 3].

В 1988 г. Е.К. Дятлову присвоено звание «Заслуженный архитектор БССР». Ряд его архитектурных проектов были отмечены премиями всесоюзных и республиканских конкурсов.

Умер Евгений Константинович 11 марта 2003 г.

Обращение к документам личного фонда Е.К. Дятлова, в частности к его воспоминаниям, позволило детально проследить его участие в партизанском движении в годы Великой Отечественной войны, а также расширить представление о деятельности партизанских отрядов и их вкладе в борьбу с оккупантами. Кроме того, воспоминания архитектора, хранящиеся в БГАНТД, открывают уникальную возможность для более глубокого и всестороннего изучения повседневной жизни людей на оккупированных территориях.

Источники и литература

1. Белорусский государственный архив научно-технической документации. (далее – БГАНТД). Ф. 158. Оп. 1. Д. 25.
2. БГАНТД. Ф. 158. Оп. 1. Д. 26.
3. БГАНТД. Ф. 158. Оп. 1. Д. 33.
4. БГАНТД. Ф. 158. Оп. 1. Д. 41.
5. БГАНТД. Ф. 158. Оп. 1. Д. 43.

Д.П. Жарикова

«МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ» И ЕЕ КОМИССАР: ПОДВИГ, ПОДЛОГ И БОРЬБА ЗА ИСТОРИЧЕСКУЮ ПРАВДУ

Прошедший 2024 г. ознаменован юбилейной датой: 9 сентября исполнилось ровно 100 лет со дня рождения комиссара краснодонской подпольной комсомольской организации «Молодая гвардия» Виктора Иосифовича Третьякевича. Виктор родился в с. Ясенки Воронежской губернии (в настоящее время – Горшеченского района Курской области). Оставшиеся в живых товарищи В.И. Третьякевича по подполью долгие годы вели

борьбу за восстановление справедливости по отношению к своему комиссару. В этой борьбе они проявляли настойчивость и упорство, встречая сопротивление со стороны луганских партийных функционеров, не заинтересованных в широком распространении вскрывшихся фактов, разоблачая фальсификацию истории краснодонского подполья и подмену главного героя этой истории. Но вплоть до вхождения Луганской Народной Республики в состав Российской Федерации в 2022 г. на земле Донбасса память В.И. Третьякевича так и не была увековечена: ни в Краснодоне, ни в Луганске ему не было установлено ни одного памятника.

Между тем в середине 1960-х гг. партийное руководство Курской области нашло в себе мужество поддержать инициативу боевых товарищей героического комсорга. 9 мая 1965 г. в с. Ясенки был торжественно открыт первый памятник комиссару краснодонских молодогвардейцев [18: 34]. На торжественном митинге присутствовали молодогвардейцы Василий Левашов, Георгий Арутюнянц, Радий Юркин, первая учительница Виктора Ольга Викторовна Лящук, его мама Анна Иосифовна, братья Михаил и Владимир [22]. На следующий день вышел указ Президиума Верховного Совета СССР о посмертном награждении 22 активных участников подпольной организации «Молодая гвардия» древнего русского города Льгова, находящегося на территории Курской области [10: 3].

Немецко-фашистские оккупанты пришли на Курскую землю раньше, чем на Ворошиловградчину, и льговская «Молодая гвардия» была создана еще осенью 1941 г. В нее входили три подпольные группы, в общей сложности более 50 человек. Большинство составляли комсомольцы, несколько молодых коммунистов и три пионера: Вася Коростелев, Вася Ромашов и Павлик Грудинкин, сын организатора льговской «Молодой гвардии» – машиниста Владимира Ильича Грудинкина. После его гибели в январе 1942 г. подполье возглавил Сергей Аниканов. Организация успешно действовала почти целый год, до августа 1942 г. Льговские молодогвардейцы успели сделать достаточно для того, чтобы местные жители сохранили память об их смелых антифашистских акциях. Уцелел даже экземпляр листовки льговских подпольщиков, позволивший восстановить память о совершенном подвиге. Ведь преодолеть негласную пропагандистскую установку о том, что «Молодая гвардия» может быть только одна, краснодонская, стоило немалого труда, несмотря на ее очевидный абсурд: комсомольские подпольные организации и группы с таким популярным у советской молодежи названием возникали во время оккупации независимо друг от друга в совершенно разных местах [10].

Льговских молодогвардейцев, земляков комиссара молодогвардейцев краснодонских, можно смело назвать их предшественниками. В августе 1942 г. льговское подполье было разгромлено. 19 сентября 1942 г.

в Рыльской тюрьме льговские молодогвардейцы были расстреляны [10: 3]. А 28 сентября в маленьком шахтерском городке Краснодоне была создана новая «Молодая гвардия». Словно краснодонские ребята приняли эстафету у героев Льгова.

Произошло это практически сразу после возвращения в Краснодон из Ворошиловграда (в настоящее время – Луганск) члена Ворошиловградского подпольного горкома комсомола и связного обкома В.И. Третьякевича. Именно он как комсомольский активист сумел сплотить вокруг себя первые подпольные группы молодежи, которые начали складываться в шахтерском городке и окрестных поселках [20: 52–53]. Краснодонская «Молодая гвардия» просуществовала всего три месяца, была разгромлена, а вскоре оказалась прославлена, как ни одна другая подпольная организация. Только в официальной версии ее истории отсутствовал главный герой истории реальной. Правда о нем и его подвиге оставалась недосказанной до недавнего времени.

Обратимся к фактам. После двух недель пыток В.И. Третьякевич был сброшен в шурф шахты № 5 в ночь с 15 на 16 января 1943 г. [17: 74 об.]. После освобождения Краснодона советскими войсками тела извлекали из шурфа в течение нескольких дней.

Но вскоре организатор антифашистского сопротивления оказался оклеветан: его обвиняли в том, что он, «как член подпольной организации, при пытках в застенках гестапо выдал ряд своих товарищей по работе» [19: 10]. В итоге имя В.И. Третьякевича было вычеркнуто из списков участников организации. Благодаря упорной борьбе своих уцелевших товарищей и показаниям представших перед советским судом бывших полицаев Виктор всё же был реабилитирован в 1959 г., а в 1960 г. награжден орденом Отечественной войны I степени посмертно [4: 76]. И, наконец, справедливость была восстановлена, когда указом президента Российской Федерации В.В. Путина 22 сентября 2022 г. В.И. Третьякевичу было посмертно присвоено звание Героя России [23]. Ни его родители, ни братья, ни товарищи молодогвардейцы не дожили до этого дня.

Особенно важно сказать несколько слов о семье, воспитавшей героя. Виктор был младшим сыном Иосифа Кузьмича и Анны Иосифовны Третьякевичей. Его отец, участник двух войн (Русско-японской и Первой мировой), перебрался с семьей в Ясенки из голодной Москвы еще до окончания Гражданской войны, и, будучи грамотным человеком, пользовался уважением у соседей за свою порядочность и скромность. Он был избран председателем местного комитета крестьянской бедноты. В Ясенках его старший сын Михаил стал одним из организаторов и активистов местной комсомольской ячейки, здесь пошли в школу их средний сын Володя и младший Витя. А в 1932 г. вслед за Михаилом, уехавшим работать

на шахту, семья Третьякевичей перебралась в Донбасс и поселилась в шахтерском пос. Сорокино, который через 7 лет в 1939 г. получил название Краснодон и статус города. В 1939 г. В. Третьякевича избрали комсоргом школы, и с тех пор он был членом райкома комсомола. В 1940 г. он выступал на II областной отчетно-выборной комсомольской конференции со смелой речью, которую поддержали его товарищи [7].

Когда началась война, Виктору еще не было и 17 лет. Он окончил только девять классов, но рвался на фронт и упрашивал старшего брата Михаила, работавшего в то время в Ворошиловградском горкоме партии, помочь ему в этом. Но Михаил сумел уговорить Виктора эвакуироваться. Старший брат хотел отправить его к своей жене. Однако, по словам самого Виктора, доехав до Куйбышева, он услышал о разгроме фашистов под Москвой и решил вернуться. К тому времени, когда он добрался до Ворошиловграда, где теперь жили его родители, прошла уже половина учебного года. Тем не менее Виктор не только хорошо окончил 10-й класс, но и с прежней добросовестностью выполнял общественную работу: он снова был комсоргом, выпускал школьную стенгазету. Всё это известно из воспоминаний М.И. Третьякевича и других членов семьи, учителей и одноклассников Виктора [2].

В. Третьякевич – один из тех комсомольских активистов, кто заранее готовился к подпольной работе в оккупации. Он стал связным отряда И.М. Яковенко, комиссаром которого был его брат М.И. Третьякевич. Виктор проявил себя смелым и дисциплинированным бойцом, успешно участвовал в боевых операциях. Но отряд был обнаружен и разгромлен, не просуществовав и двух месяцев [2]. После недолгого пребывания Виктора в Ворошиловграде и работы в Ворошиловградском подполье квартира, где он жил со своими родителями, оказалась под наблюдением полиции. По инициативе Виктора семья поспешно перебралась в Краснодон.

То, что, хорошо зная активную молодежь по всей округе, именно Виктор собрал в начале осени 1942 г. отдельные группы настроенных на борьбу с оккупантами юных патриотов в единую организацию, не случайность. На первом же собрании штаба он был избран комиссаром (политическим руководителем). И сам факт, что именно Виктор дважды оказался мишенью вражеской информационной диверсии, красноречиво говорит о его настоящей роли в организации, которая, к сожалению, стала известна оккупантам и их пособникам до его ареста.

Ведь первая клевета на Виктора была запущена через связных некого «деда Данилы», выдававшего себя за командира партизанского отряда и сообщившего, что якобы Третьякевич – предатель, повинный в гибели отряда Яковенко. Слух был вброшен в организацию через 16-летнего Олега Кошевого, которого, играя на его подростковых амбициях, вражеские

агенты использовали для раскола организации. Воспользовавшись посеянным кратковременным замешательством молодых подпольщиков, «дед Данило» передал приказ отобрать самых надежных членов организации для ухода из Краснодона и вступления в его отряд. Но прежде Кошевой должен был передать «деду Даниле» список их фамилий, вскоре после чего начались аресты с последующим разгромом «Молодой гвардии». И. Земнухов быстро понял грозившую опасность и во всём признался В. Третьякевичу. Последнее собрание штаба «Молодой гвардии», на котором обсуждалось сложившееся положение, проходило, как и многие другие встречи руководителей организации, в доме у Виктора на Овражной улице. Всё это известно из показаний и воспоминаний членов штаба В. Левашова [1] и Г. Арутюнянца [20: 38–42], сестёр О. и Н. Иванцовых [26], а также И. Туркенича [17: 81–93]. Также известно о стойком поведении В. Третьякевича в застенках краснодонской полиции, о котором свидетельствовали матери В. Борц и О. Иванцовой, отец В. Левашова, содержавшиеся в камерах в качестве заложников [15]. Они утверждали, что подлым оговором палачи отомстили комиссару молодогвардейцев за его стойкость: Виктор отказывался признавать в своих схваченных товарищах членов организации.

Множество людей в Краснодоне не поверили в пущенный слух о предательстве Виктора и не могли смириться с оговором. Так, сестра Героя Советского Союза Сергея Тюленина Надежда после выхода романа А.А. Фадеева написала письмо И.В. Сталину [16: 112–114], в котором не побоялась задать неудобные вопросы, а мать, Александра Васильевна Тюленина, через много лет обратилась к Л.И. Брежневу с еще более откровенным и смелым письмом по поводу совершенного исторического подлога [13]. После реабилитации В. Третьякевича, в 1960-х гг., в воспоминаниях о нем друзей, одноклассников, оставшихся в живых товарищей по борьбе, школьных учителей не было недостатка, и они публиковались в советской печати, звучали на торжественных встречах, приуроченных к памятным датам.

Активную роль в возвращении В. Третьякевичу доброго имени сыграл корреспондент газеты «Комсомольская правда» К.П. Костенко. Он первым из советских журналистов написал о Викторе летом 1959 г. три большие статьи, а позже, получив доступ к архивам, документальную повесть «Это было в Краснодоне», вступив тем самым в бой за историческую справедливость. Артиллерист, участник освобождения Праги, удостоенный ордена Александра Невского, К.П. Костенко сделал всё, что мог, чтобы вернуть не только доброе имя, но и украденные заслуги настоящему герою [6].

Как же получилось, что книга А.А. Фадеева, в ответ на письма возмущенных краснодонцев заявлявшего свое право на вымысел и вроде бы

не претендовавшего на историческую достоверность, подменила собой реальную историю? Ответ содержится в докладной записке инструктора ЦК ВЛКСМ В.А. Ванина секретарю ЦК ВЛКСМ А.Н. Шелепину от 25 мая 1956 г. [19: 9–18]. Как и многие другие архивные документы по «Молодой гвардии», она десятки лет оставалась под грифом «секретно» и впервые была опубликована в сборнике документов и материалов «"Молодая гвардия" (г. Краснодон) – художественный образ и историческая реальность» в 2003 г. [11: 166–174].

Докладная записка, с одной стороны, отражает результаты впервые честно проведенного расследования с опросами многих на тот момент еще живых свидетелей, позволившего сделать однозначный вывод о том, что комиссаром «Молодой гвардии» был В. Третьякевич и что версия о его предательстве ничем не подтверждается. С другой стороны, в документе высказано соображение, что, поскольку роман А.А. Фадеева издается миллионными тиражами, обнародование правды «может нанести вред патриотическому воспитанию молодежи», а значит, не следует «предавать огласке новые факты, противоречащие роману "Молодая гвардия" о деятельности молодогвардейцев» [11: 172]. Именно такая тактика была избрана на десятки лет: даже после реабилитации В. Третьякевича фадеевская «Молодая гвардия», содержащая в себе след вражеской информационной диверсии против настоящего комиссара краснодонского подполья, продолжала тиражироваться и оставалась в школьной программе, а каждая попытка окончательно восстановить справедливость наталкивалась на яростное сопротивление. И это неудивительно. Ведь у истоков фальсификации истории «Молодой гвардии» стоял А. Торицын, возглавлявший комиссию по расследованию обстоятельств гибели организации в 1943 г. О том, как было проведено это расследование, можно судить по докладной записке инструктора ЦК ВЛКСМ Н.Н. Князева секретарю ЦК ВЛКСМ О.П. Мишаковой о хранении документов организации «Молодая гвардия» в ЦК ВЛКСМ от 24 мая 1946 г. [11: 119–121]. В записке констатируется факт правки текстов одних архивных документов и утраты других. Причастен к историческому подлогу и А. Шелепин, подписавший, в частности, характеристику на И.А. Земнухова [11: 87–89], в которой содержится ложь о том, что тот якобы во время допроса плюнул в лицо «предателя» Третьякевича. Фадеевский роман писался во многом со слов Елены Кошевой, приписавшей заслуги настоящего комиссара «Молодой гвардии» своему сыну. На ее квартире до А.А. Фадеева жил А. Торицын.

Между тем В. Третьякевич – далеко не единственный обвиненный в предательстве руководитель подпольной организации. Точно так же был оклеветан и 22-летний комиссар партийно-комсомольского подполья г. Свердловска Ворошиловградской области Игорь Бабарицкий.

Оккупанты прикрыли таким образом настоящего предателя Глеба Кривошеева, назначенного командиром партизанского отряда, но ставшего провокатором. После оккупации он выдавал себя за организатора свердловского подполья и даже несколько лет возглавлял городской исполком. Кривошеев позаботился о том, чтобы замести следы своего преступления, уничтожив документы о свердловском подполье, чей подвиг так и не получил заслуженного признания. В 1948 г. Кривошеев всё же был разоблачен и осужден. А вот Бабарицкого, замученного и сброшенного в ствол шахты после того, как на его глазах истребили всю его семью, реабилитировать удалось только в 1990-е гг. [25].

Советский писатель П.И. Цупко, земляк И.П. Бабарицкого, до войны знакомый с ним лично, посвятил 30 лет своей жизни изучению героической трагедии свердловского подполья и написал о нем роман на документальной основе «Шахтерская кровь». Опубликовать его автору так и не удалось [21]. Поводом для отказа служило отсутствие архивных данных по истории свердловского подполья. Однако в Свердловском краеведческом музее память о подвиге земляков сохраняется [14]. Коренные жители города знают и о том, что А.А. Фадеев по дороге в Краснодон сначала приехал в Свердловск, где произошла такая же трагедия, и принялся собирать факты о свердловском подполье, которыми впоследствии воспользовался, приписав их краснодонским молодогвардейцам. Особенно много почерпнул А.А. Фадеев из общения с Иваном Романченко, младшим братом одного из руководителей свердловского подполья Григория Романченко. Когда роман «Молодая гвардия» был написан и автор приехал в Краснодон, И. Романченко публично задал ему вопрос о причине столь произвольного использования писателем полученной в Свердловске информации. «Не твоего ума дело!» – ответил А.А. Фадеев. И.И. Романченко некоторое время пришлось скрываться в Новошахтинске под чужим именем, чтобы избежать ареста [5]. Сегодня свердловские краеведы уверенно говорят, что разгром подполья начался после попытки свердловчан освободить арестованных молодогвардейцев, совершив нападение на здание краснодонской полиции в ночь с 16 на 17 января 1943 г. [9].

Книга Генриха Гофмана «Герои Таганрога» [3; 27] послужила скорейшей реабилитации еще одного оклеветанного организатора подпольного сопротивления — Василия Афонова. Фадеевская «Молодая гвардия», содержащая искаженный образ героя Виктора Третьякевича, представленного под именем предателя Евгения Стаховича, сыграла противоположную роль: она закрепила вражеский оговор и исторический подлог, совершённый отдельными представителями номенклатуры ради своих карьерных интересов. Включение этой книги в школьную программу выглядит как новая, уже третья казнь комиссара «Молодой гвардии» и как

искусственное восстановление препятствия на пути к распространению правды о подвиге настоящего героя.

Документы, освещающие реальную историю краснодонского подполья, находятся в открытом доступе. Осенью 2023 г. Российский государственный архив социально-политической истории (далее – РГАСПИ) к 80-летию освобождения Донбасса провел выставку «Молодая гвардия», материалы которой размещены на его сайте [12]. Навязывание современному поколению пропагандистского мифа, искажающего реальную историю, несовместимо с курсом на борьбу с фальсификацией истории, поддержанным президентом РФ В.В. Путиным [24]. В романе «Сага о Викторе Третьякевиче» впервые в художественной форме отражены давно известные историкам обстоятельства разгрома «Молодой гвардии» [8]. Теперь существует художественное произведение, отражающее реальную историю краснодонского подполья через судьбу его настоящего комиссара.

Источники и литература

1. Беседа с Левашовым Василием Ивановичем, участником «Молодой гвардии» // Молодая гвардия: героям Краснодона посвящается… URL: http://www.molodguard.ru/doc34.htm (дата обращения: 10.04.2025).

2. Виктор Третьякевич // Молодая гвардия: героям Краснодона посвящается… URL: https://www.molodguard.ru/guardian0.htm (дата обращения: 10.04.2025).

3. *Гофман Г.Б.* Герои Таганрога: повесть. Ростов-на-Дону, 1988.

4. Государственный архив Российской Федерации. Ф. Р-7523. Оп. 77. Д. 131.

5. *Дмитриевский А.* Попал в переплет: Фадеев украл историю подвигов молодогвардейцев? // Версия. 2012. 23 января. URL: https://versia.ru/fadeev-ukral-istoriyu-podvigov-molodogvardejcev (дата обращения: 10.04.2025).

6. *Дюнин В.* Ким Костенко: это было в Краснодоне // Родина. 2018. № 9. 30 августа. URL: https://rodina-history.ru/2018/08/30/rodina-kim-kostenko-eto-bylo-v-krasnodone.html (дата обращения: 10.04.2025).

7. *Емельяненков А.* Комиссару «Молодой гвардии» Виктору Третьякевичу посмертно присвоено звание Героя России // Родина. 2022. 22 сентября. URL: https://rodina-history.ru/2022/09/22/komissar-molodoj-gvardii-viktor-tretiakevich-stal-geroem-rossii-posmertno.html (дата обращения: 10.04.2025).

8. *Жарова М.-И.* Сага о Викторе Третьякевиче. М., 2023.

9. *Заверуха И.* Обзор прессы. «Восточный экспресс»: Свердловск в период оккупации немецко-фашистских войск // Официальный сайт Администрации Свердловского муниципального округа Луганской Народной

Республики. 2022. 16 февраля. URL: http://admsvk.ru/news/33784.html (дата обращения: 10.04.2025).

10. *Масленников С.* Льговская республика. Воронеж, 1972.

11. «Молодая гвардия» (г. Краснодон) – художественный вымысел и историческая реальность: сборник документов и материалов / отв. сост. Н.К. Петрова. М., 2003.

12. «Молодая гвардия»: к 80-летию освобождения Донбасса от немецко-фашистской оккупации // Российский государственный архив социально-политической истории. URL: https://rgaspi.kaisa.ru/youngguard/object/884093857 (дата обращения: 10.04.2025).

13. Первому секретарю ЦК КПСС тов. Брежневу Л.И. от Тюлениной Александры Васильевны // Молодая гвардия: героям Краснодона посвящается… URL: https://www.molodguard.ru/doc200.htm (дата обращения: 10.04.2025).

14. Полевые материалы автора. Респондент В.А. Клок, записан в г. Свердловске Должанского района Луганской Народной Республики 4 августа 2024 г.

15. Рассказ матери Валерии Борц, Борц Марии Андреевны // Молодая гвардия: героям Краснодона посвящается… URL: https://www.molodguard.ru/doc29.htm (дата обращения: 10.04.2025).

16. РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 896.

17. РГАСПИ. Ф. М-1. Оп. 53. Д. 331.

18. РГАСПИ. Ф. М-1. Оп. 53. Д. 334а.

19. РГАСПИ. Ф. М-1. Оп. 53. Д. 342.

20. РГАСПИ. Ф. М-1. Оп. 53. Д. 343.

21. *Романченко И.И.* Две трагедии свердловского подполья // Голос Донбасса. 2010. № 11. 25 марта. С. 12.

22. *Самарина Е.М.* Оглядываясь на прошлое // Молодая гвардия: героям Краснодона посвящается… URL: https://www.molodguard.ru/book6.htm (дата обращения: 10.04.2025).

23. Указ Президента Российской Федерации от 22 сентября 2022 г. № 655 «О присвоении звания Героя Российской Федерации Третьякевичу В.И.» // Законодательство России. URL: http://ips.pravo.gov.ru/?docbody=&link_id=2&nd=603371101&intelsearch= (дата обращения: 10.04.2025).

24. Указ Президента Российской Федерации от 8 мая 2024 г. № 314 «Об утверждении Основ государственной политики Российской Федерации в области исторического просвещения» // Президент России. URL: http://www.kremlin.ru/acts/bank/50534 (дата обращения: 11.04.2024).

25. *Цупко П.И.* Свердловская трагедия («в оккупации»): в 2 ч. [Б. м.], 1997.

26. Черновой вариант записи беседы с проф. Мултых Г.М. 17.05.1992 г. в г. Киеве. Записал В.Ф. Семистяга, правки провел Г.М. Мултых // Молодая гвардия: героям Краснодона посвящается… URL: http://www.molodguard.ru/doc197.htm (дата обращения: 10.04.2025).

27. *Чумаченко Г.С.* Василий Афонов. Долгий путь к признанию // Значение сражений 1941–1943 гг. на юге России в Победе в Великой Отечественной войне: материалы Всероссийской научной конференции (Ростов-на-Дону, 3–6 июня 2015 г.) / отв. ред. Г.Г. Матишов. Ростов-на-Дону, 2015. С. 439–445.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Алимова Бермет Мырзабековна, канд. ист. наук (Кыргызский национальный университет им. Жусупа Баласагына, г. Бишкек)

Аманжолова Дина Ахметжановна, д-р ист. наук (Институт российской истории Российской академии наук, г. Москва)

Аппаева Жаухар Мустафаевна (Кабардино-Балкарское отделение ООО «Ассоциация искусствоведов РФ», г. Нальчик)

Бабаджанов Хасан Бахтиёрович, PhD (Государственный музей «Слава», г. Ташкент)

Бадмаев Валерий Николаевич, д-р филос. наук (ЮНЦ РАН, г. Ростов-на-Дону)

Баранов Андрей Владимирович, д-р ист. наук, д-р полит. наук (Кубанский государственный университет, г. Краснодар)

Батырбаева Шайыргуль Джолдошовна, д-р ист. наук (Кыргызский национальный университет им. Жусупа Баласагына, г. Бишкек)

Беляевская Ирина Юрьевна (Администрация города Зверево)

Бесплеменнова Наталья Геннадиевна (Центр документации новейшей истории Волгоградской области, г. Волгоград)

Боголюбов Александр Александрович, д-р гуман. наук в области новейшей истории (независимый исследователь, г. Пятигорск)

Бурлуцкая Юлия Юрьевна (Архивная служба Луганской Народной Республики, г. Луганск)

Вагабова Эсмира Рагим гызы, д-р философии по истории (Институт истории и этнологии им. А.А. Бакиханова Национальной академии наук Азербайджана, г. Баку)

Валуйскова Ольга Владимировна (Центр документации новейшей истории Ростовской области, г. Ростов-на-Дону)

Венков Андрей Вадимович, д-р ист. наук (ЮНЦ РАН, г. Ростов-на-Дону)

Вычеров Дмитрий Александрович, канд. ист. наук (Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого, г. Санкт-Петербург)

Головина Евгения Леонидовна (Волгоградский государственный университет; Центр документации новейшей истории Волгоградской области, г. Волгоград)

Гоманенко Олеся Александровна, канд. ист. наук (Волгоградский государственный университет, г. Волгоград)

Гончарова Татьяна Евгеньевна (Федеральный исследовательский центр «Коми научный центр Уральского отделения Российской академии наук», г. Сыктывкар)

Горюшина Евгения Михайловна, канд. полит. наук (Центр комплексных европейских и международных исследований НИУ ВШЭ, Институт мировой военной экономики и стратегии НИУ ВШЭ, Институт Китая и современной Азии Российской академии наук, г. Москва)

Греков Николай Владимирович, д-р ист. наук (Омская гуманитарная академия, г. Омск)

Грибачева Анастасия Павловна (Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого, г. Санкт-Петербург)

Грибков Иван Владимирович, канд. ист. наук (Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, г. Москва)

Гриценко Галина Дмитриевна, д-р филос. наук (ЮНЦ РАН, г. Ростов-на-Дону)

Долгиева Марем Белановна, канд. ист. наук (Ингушский государственный университет, Ингушский научно-исследовательский институт гуманитарных наук им. Ч.Э. Ахриева, г. Магас)

Епифанов Александр Егорович, д-р юрид. наук (Академия управления Министерства внутренних дел России, г. Москва)

Жарикова Дарья Павловна (независимый исследователь, г. Санкт-Петербург)

Жеребцов Игорь Любомирович, д-р ист. наук (Федеральный исследовательский центр «Коми научный центр Уральского отделения Российской академии наук», г. Сыктывкар)

Жумалиева Сайкал Чубаковна, канд. ист. наук (Кыргызский национальный университет им. Жусупа Баласагына, г. Бишкек)

Заблотский Александр Николаевич (Таганрогский авиационный научно-технический комплекс им. Г.М. Бериева, г. Таганрог)

Заболотский Иван Анатольевич (Музей Великой Отечественной войны «Самбекские высоты», с. Самбек)

Иванов Вячеслав Александрович, канд. ист. наук (Крымский университет культуры, искусств и туризма, г. Симферополь)

Инюшев Константин Сергеевич (ЮНЦ РАН; Южный федеральный университет, г. Ростов-на-Дону)

Кальниченко Владислав Николаевич (Раздорский этнографический музей-заповедник, ст. Раздорская)

Камынин Евгений Вячеславович (Южный федеральный университет, г. Ростов-на-Дону)

Киселёв Илья Викторович, канд. ист. наук (Краснодарское высшее военное авиационное училище летчиков им. А.К. Серова, г. Краснодар)

Комар Яна Владимировна, канд. ист. наук (Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации (Краснодарский филиал), г. Краснодар)

Комиссарова Елена Васильевна, канд. ист. наук (Волгоградский государственный медицинский университет, г. Волгоград)

Кондратенко Борис Борисович, канд. ист. наук (Институт истории, археологии и этнографии Дальневосточного отделения Российской академии наук; Россий-

ский государственный исторический архив Дальнего Востока, г. Владивосток)

Кохановский Евгений Леонидович (Белорусская государственная академия авиации, г. Минск)

Красноженова Елена Евгеньевна, д-р ист. наук (Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого, г. Санкт-Петербург)

Кринко Евгений Фёдорович, д-р ист. наук (ЮНЦ РАН, Южный федеральный университет, г. Ростов-на-Дону)

Кузнецов Дмитрий Владиславович, канд. ист. наук (Благовещенский государственный педагогический университет, г. Благовещенск)

Лаврентьев Алексей Игоревич (Региональное отделение общероссийского общественно-государственного движения детей и молодежи «Движение Первых» Херсонской области, г. Геническ)

Лагойко Аннастасия Геннадьевна (Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого, г. Санкт-Петербург)

Лазаревич Даяна, PhD Candidate in Philology (Институт политических исследований, г. Белград)

Ларинцев Роман Иванович (Техникум судостроения и машиностроения, г. Северодвинск)

Линец Сергей Иванович, д-р ист. наук (ЮНЦ РАН, г. Ростов-на-Дону)

Логинов Данил Романович (Средняя общеобразовательная школа № 84, г. Краснодар)

Лойко Александр Иванович, д-р филос. наук (Белорусский национальный технический университет, г. Минск)

Лопатина Алёна Игоревна (Южный федеральный университет, г. Ростов-на-Дону)

Лысенко Ирина Альбертовна, канд. экон. наук (Центр документации новейшей истории Волгоградской области; Центр по изучению Сталинградской битвы, г. Волгоград)

Лысенко Марк Ростиславович (ЮНЦ РАН, г. Ростов-на-Дону)

Любимова Наталья Ивановна (Государственный архив новейшей истории Ставропольского края, г. Ставрополь)

Людоровская Татьяна Юрьевна, канд. ист. наук (Донецкий государственный университет, г. Донецк)

Макарова Елена Александровна, канд. ист. наук (независимый исследователь, г. Ставрополь)

Малышева Елена Михайловна, д-р ист. наук (Адыгейский государственный университет, г. Майкоп)

Маркова Светлана Васильевна, канд. ист. наук (Воронежский государственный медицинский университет им. Н.Н. Бурденко, г. Воронеж)

Мартыненко Виктория Юрьевна, канд. ист. наук (Центр хранения архивных документов в городе Шахты Ростовской области, г. Шахты)

Маслова Татьяна Фёдоровна, д-р соц. наук (Ставропольский государственный педагогический институт, г. Ставрополь)

Матиев Тимур Хусенович, д-р ист. наук (Ингушский государственный университет, г. Магас)

Матишов Геннадий Григорьевич, академик Российской академии наук (заместитель президента Российской академии наук, г. Москва, научный руководитель ЮНЦ РАН, г. Ростов-на-Дону)

Медвенский Николай Игоревич (Абхазский институт гуманитарных исследований им. Д.И. Гулиа, г. Сухум)

Мерзляков Михаил Петрович (Раздорский этнографический музей-заповедник, ст. Раздорская)

Милютин Александр Анатольевич (независимый исследователь, г. Москва)

Мосейчук Людмила Ивановна, канд. ист. наук (Белорусский национальный технологический университет, г. Минск)

Нагиева Мадина Курбанисмаиловна, канд. ист. наук (Институт истории, археологии и этнографии Дагестанского федерального исследовательского центра Российской академии наук, г. Махачкала)

Носенко Елена Владимировна, канд. ист. наук (Луганский государственный университет им. Владимира Даля, г. Луганск)

Орехова Светлана Евгеньевна, канд. ист. наук (Мариупольский государственный университет им. А.И. Куинджи, г. Мариуполь)

Орозахунова Замира Жумабековна (Кыргызский национальный университет им. Жусупа Баласагына, г. Бишкек)

Очир-Горяева Валентина Николаевна, канд. ист. наук (Калмыцкий научный центр Российской академии наук, г. Элиста)

Очиров Уташ Борисович, д-р ист. наук (Калмыцкий научный центр Российской академии наук, г. Элиста)

Печалов Анастас Константинович, канд. ист. наук (Ставропольский институт кооперации (филиал) Белгородского университета кооперации, экономики и права, г. Ставрополь)

Печалова Лариса Викторовна, д-р ист. наук (Ставропольский институт кооперации (филиал) Белгородского университета кооперации, экономики и права, г. Ставрополь)

Попов Андрей Георгиевич (индивидуальный предприниматель Попов Андрей Георгиевич, ст. Вешенская)

Попова Антонина Анатольевна (Филиал № 14 Ростовской-на-Дону городской централизованной библиотечной системы (Библиотека им. А.В. Калинина), г. Ростов-на-Дону)

Приходько Сергей Александрович (Новозыбковский краеведческий музей, г. Новозыбков)

Прищепа Александр Сергеевич канд. ист. наук (Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого; Государственный мемориальный музей обороны и блокады Ленинграда «Институт истории обороны и блокады Ленинграда», г. Санкт-Петербург)

Рахманзаде Шамиль Фазиль оглу, д-р философии по истории (Институт истории и этнологии им. А.А. Бакиханова Национальной академии наук Азербайджана, г. Баку)

Рогачев Владимир Владимирович (Государственный архив Республики Крым, г. Симферополь)

Савченко Анастасия Сергеевна (Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского, г. Симферополь)

Саламбиева Аминат Вахаевна (Чеченский государственный университет им. А.А. Кадырова, г. Грозный)

Седакова Елизавета Николаевна (Таганрогский институт им А.П. Чехова, филиал Ростовского государственного экономического университета (РИНХ), г. Таганрог)

Серазетдинов Борис Уразбекович, канд. ист. наук (Институт российской истории Российской академии наук, г. Москва)

Сивков Михаил Сергеевич (Центр документации новейшей истории Краснодарского края, г. Краснодар)

Сидоров Сергей Григорьевич, д-р ист. наук (Волгоградский государственный университет, г. Волгоград)

Симонов Владимир Владимирович (Восточно-Крымский центр военно-исторических исследований, г. Керчь)

Скорик Александр Павлович, д-р ист. наук, д-р филос. наук (Южно-Российский государственный политехнический университет (НПИ) им. М.И. Платова, г. Новочеркасск)

Сорокина Марина Юрьевна, канд. ист. наук (Дом русского зарубежья им. Александра Солженицына, г. Москва)

Судоргин Николай Геннадьевич, канд. хим. наук (Региональный общественный фонд содействия социально-экономическому развитию «Танаис», г. Ростов-на-Дону)

Татаринов Игорь Евгеньевич, канд. ист. наук (Луганский государственный университет им. Владимира Даля, г. Луганск)

Тибоев Илез Алиевич (Ингушский государственный университет, г. Магас)

Ханжиев Владимир Вартанович (Центр документации новейшей истории Ростовской области, г. Ростов-на-Дону)

Хатуев Ислам Заутдинович, канд. ист. наук (Чеченский государственный университет им. А.А. Кадырова, г. Грозный)

Хилькевич Виктория Владимировна (Российский государственный гуманитарный университет, г. Москва; Армавирский лингвистический соци-

альный институт, г. Армавир)

Христофоров Василий Степанович, д-р юрид. наук (Институт российской истории Российской академии наук, г. Москва)

Хришкевич Татьяна Георгиевна, канд. ист. наук (Псковский государственный университет, г. Псков)

Хубулова Светлана Алексеевна, д-р ист. наук (Северо-Кавказский институт – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации в г. Пятигорске; Ставропольский государственный педагогический институт (филиал в г. Ессентуки))

Шкут Екатерина Васильевна (Белорусский государственный архив научно-технической документации, г. Минск)

Шпрингер Ольга Александровна (независимый исследователь, г. Новокузнецк)

Щербанов Владимир Кириллович (Центр социологических и маркетинговых исследований «СИМИ»; «Поисковое движение России», г. Ростов-на-Дону)

Эралиев Салайдин Нуралиевич, канд. ист. наук (Кыргызский национальный университет им. Жусупа Баласагына, г. Бишкек)

Якунин Вадим Николаевич, д-р ист. наук (Московский художественно-промышленный институт, г. Москва)

Яхутль Юрий Асланбиевич, д-р ист. наук (Кубанский государственный университет, г. Краснодар)

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие (академик *Г.Г. Матишов)* 5

Раздел 1. Новые подходы, оценки и источники в изучении Великой Отечественной войны 7

Баранов А.В. Современная сербская историография Второй мировой войны как канал формирования исторической памяти 7

Киселёв И.В. Комплекс источников о работе политических органов Красной армии в условиях Битвы за Кавказ 1942–1943 гг. 14

Епифанов А.Е. Из истории боевой деятельности медико-санитарной службы местной противовоздушной обороны НКВД СССР в годы Великой Отечественной войны.....19

Лысенко И.А. Центр по изучению Сталинградской битвы: к десятилетию основания научной организации.....27

Бурлуцкая Ю.Ю. Великая Отечественная война в фондах и коллекциях документов Архивной службы Луганской Народной Республики 33

Татаринов И.Е. Карательные структуры, полевые и местные комендатуры немецко-фашистских оккупационных властей на территории Ворошиловградской области в 1942–1943 гг. 39

Любимова Н.И. О подготовке рукописи сборника документов «Труд, равный ратному подвигу...», посвященного 80-й годовщине Победы в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. 46

Сивков М.С. Трудовой фронт и военно-патриотические инициативы кубанцев в годы Великой Отечественной войны (по материалам Центра документации новейшей истории Краснодарского края) 53

Комиссарова Е.В. Военная повседневность сталинградцев: личные грани общей судьбы в документах государственного и личного происхождения.....56

Беляевская И.Ю. Страницы истории (по материалам архива Зверевского районного совета депутатов трудящихся) 64

Седакова Е.Н. Итальянские исторические сайты памяти об участии военных подразделений Италии в войне против СССР в 1941–1943 гг.: анализ и информационная ценность.....70

Иванов В.А., Рогачев В.В. Переписка первого секретаря Керченского горкома ВКП(б) Н.А. Сироты с участниками партизанского движения в Аджимушкайских каменоломнях как источник по истории движения Сопротивления в 1941–1944 гг. 76

Орехова С.Е. Письма угнанных граждан Донбасса как источник изучения событий Великой Отечественной войны 82

Хилькевич В.В. Письма врача Людмилы Назаревич как источник о холокосте в Ростове-на-Дону 89

Камынин Е.В. Преступная деятельность западноукраинских националистов в военное и послевоенное время в восприятии советского офицера (по материалам дневниковых записей командира огневого взвода Е.В. Бондарева)..... 97

Очир-Горяева В.Н. Проблемы реконструкции военных биографий военнослужащих 110-й Калмыцкой кавдивизии на примере команды № 7 призванных Малодербетовским районным военкоматом 101

Раздел 2. Боевые действия на южном фланге советско-германского противостояния 109

Кринко Е.Ф. На пути к общей Победе: Красная армия и население Нижнего Дона и Донбасса 109

Лойко А.И. Начальный этап Великой Отечественной войны: оборонительные бои Красной армии на территории Беларуси 115

Лысенко М.Р. Оборона Донбасса в 1941 г. Причины отступления и бои в глубине промзоны..... 117

Милютин А.А. Бои в районе Спас-Деменска 4–6 октября 1941 г. 123

Заболотский И.А. На защите донского неба. Осень 1941 г. 135

Инюшев К.С. Истребительные батальоны Ростовской области в начальный период Великой Отечественной войны: особенности организации и направления деятельности..... 141

Симонов В.В. Еще раз о численности гарнизона Центральных Аджимушкайских каменоломен 146

Щербанов В.К. Локализация окружений частей Красной армии на южном фасе советско-германского фронта в 1942 г. (на материалах Ростовской области)..... 154

Лазаревич Д. Попытка Гитлера украсть кавказскую нефть (1942–1943 гг.): нападение на Кавказ и Сталинград..... 160

Попов А.Г. Сталинградская битва. Пять забытых дней 165

Очиров У.Б. К вопросу о потерях 110-й Калмыцкой кавалерийской дивизии в боях на Дону в июле 1942 г..... 191

Матиев Т.Х. Особенности наступательных действий вермахта на начальном этапе Малгобекской оборонительной операции: оперативно-тактический аспект.....179

Заблотский А.Н., Ларинцев Р.И. Войсковая разведка Красной армии в Битве за Кавказ.....186

Кохановский Е.Л. Деятельность гражданских авиаторов на Юге России в 1942–1943 гг. 191

Кондратенко Б.Б. Военно-стратегическая обстановка на дальневосточных рубежах СССР в годы Второй мировой войны 1939–1945 гг. 194

Раздел 3. Власть и общество в 1941–1945 гг. Военная экономика, культурная и религиозная жизнь..... 201

Аманжолова Д.А. О социокультурных факторах консолидации общества в условиях Великой Отечественной войны 201

Хубулова С.А., Саламбиева А.В. Общественные инициативы населения Владикавказа по оказанию помощи армии.....208

Алимова Б.М. Кыргызстан перед вызовом войны: первые дни Великой Отечественной войны 217

Линец С.И. Мобилизационные патриотические действия жителей Ставропольского края в первые месяцы Великой Отечественной войны (июнь – декабрь 1941 г.) 223

Орозахунова З.Ж. Совет народных комиссаров Киргизской ССР в годы Великой Отечественной войны: преодоление вызовов и превращение республики в надежный тыл..... 231

Грибачева А.П. Пищевая промышленность блокадного Ленинграда 1942 г. 238

Сидоров С.Г. Борьба за урожай: Сталинградская машинно-тракторная станция в 1941–1942 гг. 245

Мерзляков М.П. Донское виноделие и виноградарство в Раздорском районе Ростовской области в 1942–1943 гг. 252

Красноженова Е.Е. Особенности производственной деятельности предприятий ленинградской промышленности в 1943 г.....257

Логинов Д.Р. Ленд-лиз и советская авиационная промышленность в 1941–1945 гг. 262

Гоманенко О.А. Деятельность профсоюзной организации речного флота в годы Великой Отечественной войны (на примере Верхней Волги).... 267

Печалова Л.В., Печалов А.К. Кооперативные предприятия инвалидов в восстановлении экономики Ставропольского края и решении проблем обеспечения населения 271

Боголюбов А.А. Экономическая, социальная и культурная жизнь Пятигорска через год после освобождения от немецко-фашистской оккупации 278

Хатуев И.З. Участие представителей чеченской интеллигенции в патриотическом воспитании населения в период Великой Отечественной войны 283

Эралиев С.Н., Жумалиева С.Ч. Изменения в социокультурной жизни Кыргызстана в годы Великой Отечественной войны 288

Вагабова Э.Р. О вкладе деятелей азербайджанского музыкального и театрального искусства в Победу в Великой Отечественной войне.. 295

Кальниченко В.Н. Возрождение религиозной жизни на Нижнем Дону в 1942–1945 гг..... 304

Якунин В.Н. Куйбышевская епархия в годы Великой Отечественной войны и первые послевоенные годы (1941–1952 гг.)..... 310

Раздел 4. Человек на войне. Фронтовая повседневность..... 316

Скорик А.П. Фрагменты исторической памяти о 12-й гвардейской Донской казачьей кавалерийской дивизии 316

Бесплеменнова Н.Г. История одного подвига: о зенитчице М.Ф. Барсуковой (по материалам Центра документации новейшей истории Волгоградской области) 324

Валуйскова О.В. Ростовский ополченец Григорий Репин: жизнь, подвиг, память 330

Медвенский Н.И. Майор Иван Иванович Аршава – герой обороны Кавказа 336

Приходько С.А. Повороты судьбы генерала Павла Александровича Абросимова (к 105-летию начала службы героя в Рабоче-крестьянской Красной армии) 344

Бабаджанов Х.Б. Женщина Востока на войне..... 351

Лопатина А.И. Повседневность советских госпиталей в годы Великой Отечественной войны..... 355

Рахманзаде Ш.Ф. Из истории эвакуации граждан Белорусской ССР в Азербайджанскую ССР в годы Великой Отечественной Войны..... 361

Батырбаева Ш.Д. Эвакуация детей в Киргизию в годы Великой Отечественной войны: организация, вызовы и гуманитарная миссия 367

Вычеров Д.А. Будни рабочих-подростков на заводе «Электросила» в условиях блокады 375

Маркова С.В. Повседневность студентов и преподавателей Воронежского медицинского института в годы Великой Отечественной войны 378

Лагойко А.Г. , *Прищепа А.С.* Адаптация, инновации, сопротивление: Ленинградский политехнический институт в годы блокады 385

Носенко Е.В. Первомайск в годы Великой Отечественной войны 392

Венков А.В. В преддверии оккупации: самоснабжение городов Ростовской области в период безвластия 397

Головина Е.Л. Опыт борьбы с инфекционными заболеваниями в военное время (на материалах Всесоюзного противочумного совещания 1944 г.) 403

Нагиева М.К. Деятельность дагестанского учительства в годы Великой Отечественной войны 409

Тибоев И.А. Повседневность советских детей в годы Великой Отечественной войны (по материалам периодической печати Чечено-Ингушетии) 415

Раздел 5. Оккупационный режим, коллаборационизм и сопротивление противнику 420

Лаврентьев А.И. Истребительная политика нацистов на территории УССР, коллаборационизм и сопротивление: история и последствия 420

Савченко А.С. Нацистская карательная политика в период оккупации Крыма (1941–1944 гг.) 425

Грибков И.В. Румыния за Днестром: этноколониальные планы Румынии на территории Юга России (1941–1943 гг.) 431

Греков Н.В. Материалы фронтовых органов Смерш о положении населения оккупированных областей Юга России 436

Попова А.А. «И я не услышу выстрела…»: гражданский подвиг Елены Ширман 439

Яхутль Ю.А. К вопросу о причастности советских граждан к преступлениям, совершенным Тайной полевой полицией ГФП-312 в период временной оккупации южных регионов СССР (1942–1944 гг.) 446

Хришкевич Т.Г. Состояние медицинской помощи населению Пскова в период немецкой оккупации (1941–1944 гг.) 451

Шпрингер О.А. «Миллеровская яма»: был ли в г. Миллерово Дулаг 125? К вопросу о независимых источниках информации..... 457

Ханжиев В.В. Деятельность партизанских групп в Ростовской и Сталинградской областях в 1942–1943 гг. (по документам Центра документации новейшей истории Ростовской области)..... 462

Сорокина М.Ю. Из Югославии в СССР: к вопросу о репатриации русских эмигрантов – участников движения Сопротивления в годы Второй мировой войны (семья Мартино)..... 467

Маслова Т.Ф. Социальные диспозиции педагогов в условиях немецкой оккупации: исследовательские подходы и результаты 476

Макарова Е.А. Стратегия выживания: преподаватель разведшколы Абвера 480

Людоровская Т.Ю. Ущерб, причиненный мирным гражданам в г. Артёмовске Сталинской области в 1941–1943 гг. 487

Кузнецов Д.В. Открытые судебные процессы 1945–1991 гг. на Северном Кавказе над пособниками нацистов, причастных к геноциду мирного населения на оккупированных территориях в годы Великой Отечественной войны..... 493

Раздел 6. Великая Отечественная война в пространстве памяти и культуры 500

Бадмаев В.Н. Великая Отечественная война: историческая память и философский дискурс 500

Христофоров В.С. Великая Отечественная война: мемориализация как процесс сохранения исторической памяти..... 506

Малышева Е.М. Трансформация политики памяти о роли советских вооруженных сил в освобождении Европы от нацистской оккупации: наша память «без срока давности» 514

Серазетдинов Б.У. Коммеморативные практики как инструмент сохранения исторической памяти о Великой Отечественной войне 520

Комар Я.В. Историческая память в цифровую эпоху: технологические аспекты сохранения наследия Великой Отечественной войны 526

Горюшина Е.М. Великая Отечественная война в политике памяти на постсоветском пространстве Южного Кавказа..... 531

Гриценко Г.Д. Мемориальная культура северокавказского сообщества как инструмент обеспечения социально-политической консолидации российского общества (на примере Республики Ингушетии) 539

Долгиева М.Б., Тибоев А.Е. Сохранение памяти о героях Великой Отечественной войны как ключевой аспект патриотического воспитания (на примере Республики Ингушетии) 544

Аппаева Ж.М. Нальчик. Память о войне 549

Мартыненко В.Ю. Роль архивов в сохранении исторической памяти о Великой Отечественной войне (опыт Центра хранения архивных документов в городе Шахты Ростовской области) 556

Судоргин Н.Г. Объекты наследия и исторические ландшафты Ростова-на-Дону как форма воспроизводства памяти о Великой Отечественной войне 563

Жеребцов И.Л., Гончарова Т.Е. Писатель Анатолий Знаменский о вражеском десанте 1943 г. в Коми АССР 568

Мосейчук Л.И., Шкут Е.В. Воспоминания о войне белорусского архитектора Евгения Константиновича Дятлова (по документам Белорусского государственного архива научно-технической документации) 574

Жарикова Д.П. «Молодая гвардия» и ее комиссар: подвиг, подлог и борьба за историческую правду 578

Сведения об авторах 588

TABLE OF CONTENTS

Foreword *(*Academician RAS *Matishov, G.G.*).....5

Chapter 1. New approaches to, assessments of and sources for the study of the Great Patriotic War.....7

Baranov, A.V. Contemporary Serbian historiography of World War II as a channel for forming historical memory.....7

Kiselev, I.V. Complex of sources on the activities of political bodies of the Red Army during the Battle for the Caucasus (1942–1943).....14

Epifanov, A.E. From the history of combat activities of the Medical and Sanitary Service of the Local Air Defense of the NKVD of the USSR during the Great Patriotic War.....19

Lysenko, I.A. The Centre for the Study of the Battle of Stalingrad: on the 10th anniversary of scientific organization.....27

Burlutskaya, Yu.Yu. The Great Patriotic War in the archives and document collections of the Archival Service of the Lugansk People's Republic.....33

Tatarinov, I.E. Repressive structures, field and local commandant's offices of the German-Fascist occupation authorities in Voroshilovgrad Region (1942–1943).....39

Lyubimova, N.I. On the preparation of the manuscript for the documentary collection *The Labor Equal to the Feat of Arms...* dedicated to the 80th anniversary of the Victory in the Great Patriotic War (1941–1945).....46

Sivkov, M.S. Labour front and military-patriotic initiatives of the Kuban Region residents during the Great Patriotic War (based on materials from the Centre for the Documentation of Contemporary History of the Krasnodar Territory (*Krai*)).....53

Komissarova, E.V. Wartime everyday life of Stalingrad residents: personal aspects of the common fate in state and private documents.....56

Belyaevskaya, I.Yu. Pages of history (based on materials from the Archive of the Zverevo District Council of Workers' Deputies).....64

Sedakova, E.N. Italian historical memorial websites on the participation of the Italian military units in the War against the USSR (1941–1943): analysis and informational value.....70

Ivanov, V.A., Rogachev, V.V. Correspondence of the first secretary of the Kerch City Committee of the VKP(b) N.A. Sirota with participants of the Partisan Movement in the Adzhimushkai Quarries as a source on the history of the Resistance Movement (1941–1944).....76

Orekhova, S.E. Letters of citizens abducted from the Donbass as a source for studying the events of the Great Patriotic War.....82

Khilkevich, V.V. Letters of physician Lyudmila Nazarevich as a source on the Holocaust in Rostov-on-Don 89

Kamynin, E.V. Criminal activities of Western Ukrainian nationalists during and after the Great Patriotic War as perceived by a Soviet officer (based on diary entries of E.V. Bondarev, Firing Platoon Commander)..... 97

Ochir-Goryaeva, V.N. Problems of reconstructing wartime biographies of soldiers of the 110th Kalmyk Cavalry Division (the case of Squad No. 7 enlisted by the Maloderberovskiy District Military Comissariat)..... 101

Chapter 2. Hostilities on the southern flank of the Soviet-German confrontation 109

Krinko, E.F. On the way to the common victory: the Red Army and the population of the Lower Don and Donbass..... 109

Loyko, A.I. Initial stage of the Great Patriotic War: defensive battles of the Red Army in Belarus 115

Lysenko, M.R. Defence of the Donbass in 1941: reasons for retreat and hostilities within the industrial zone 117

Milyutin, A.A. Battles in the area of Spas-Demensk (October 4–6, 1941)..... 123

Zabolotskiy, I.A. Defending the sky over the Don (Autumn 1941) 135

Inyushev, K.S. Extermination battalions of Rostov Region in the initial period of the Great Patriotic War: specific features of organization and operational directions..... 141

Simonov, V.V. Revisiting the issue of the garrison strength of the Central Adzhimushkai Quarries..... 146

Shcherbanov, V.K. Encirclement of the Red Army units in the southern sector of the Soviet-German Front in 1942: locating the operational encirclement areas in Rostov Region 154

Lazarevich, D. Hitler's attempt to take over the Caucasus oil reserves (1942–1943): the attack on the Caucasus and Stalingrad..... 160

Popov, A.G. The Battle of Stalingrad: five forgotten days..... 165

Ochirov, U.B. On the losses of the 110th Kalmyk Cavalry Division in the Don battles of July 1942 171

Matiev, T.Kh. Specific features of offensive actions by the Wehrmacht during the initial phase of the Malgobek Defensive Operation: an operational-tactical aspect 179

Zablotskiy, A.N., Larintsev, R.I. Military intelligence of the Red Army during the Battle for the Caucasus 186
Kokhanovskiy, E.L. Activities of civilian aviators in the South of Russia in 1942–1943 191
Kondratenko, B.B. Military-strategic situation on the Far Eastern borders of the USSR during World War II (1939–1945) 194

Chapter 3. Authority and society in 1941–1945. Wartime economy, cultural and religious life 201
Amanzholova, D.A. On the socio-cultural factors of social consolidation during the Great Patriotic War 201
Khubulova, S.A., Salambieva, A.V. Public initiatives by the rezidents of Vladikavkaz to aid the Red Army 208
Alimova, B.M. Kyrgyzstan facing the challenge of war: the first days of the Great Patriotic War 217
Linets, S.I. Patriotic mobilization efforts of the population of the Stavropol Territory (*Krai*) in the first months of the Great Patriotic War (June–December 1941) 223
Orozakhunova, Z.Zh. The Council of People's Commissars of the Kirghiz SSR during the Great Patriotic War: overcoming challenges and transforming the republic into a reliable rear 231
Gribacheva, A.P. Food industry in blockaded Leningrad in 1942 238
Sidorov, S.G. Struggle for the harvest: Stalingrad Machine and Tractor Station in 1941–1942 245
Merzlyakov, M.P. The Don Region winemaking and viticulture in Razdorskiy District of Rostov Region in 1942–1943 252
Krasnozhenova, E.E. Specific features of production activities of Leningrad industrial enterprises in 1943 257
Loginov, D.R. Lend-lease and the Soviet aviation industry in 1941–1945 262
Gomanenko, O.A. Activities of the Trade Union Organization of the River Fleet during the Great Patriotic War (the case of the Upper Volga Region) 267
Pechalova, L.V., Pechalov, A.K. Cooperative enterprises of disabled people in the recovery of the Stavropol Territory (*Krai*) economy and solving population needs 271
Bogolyubov, A.A. Economic, social, and cultural life of Pyatigorsk one year after the liberation from the German-Fascist occupation 278

Khatuev, I.Z. Participation of the Chechen intelligentsia in patriotic education during the Great Patriotic War 283
Eraliev, S.N., Zhumalieva, S.Ch. Changes in the socio-cultural life of Kyrgyzstan during the Great Patriotic War 288
Vagabova, E.R. On the contribution of representatives of the Azerbaijani music and theatre to the Victory in the Great Patriotic War 295
Kal'nichenko, V.N. Revival of religious life in the Lower Don Region (1942–1945) 304
Yakunin, V.N. The Kuibyshev Diocese during the Great Patriotic War and the early postwar years (1941–1952) 310

Chapter 4. Man at war. Frontline everyday life 316
Skorik, A.P. Fragments of historical memory about the 12th Guards Don Cossack Cavalry Division 316
Besplemennova, N.G. The story of a heroic deed: the final feat of arms of anti-aircraft gunner M.F. Barsukova (based on documents from the Centre for Contemporary Documentation of Volgograd Region) 324
Valuiskova, O.V. Rostov militiaman Grigoriy Repin: life, heroic deed, and memory 330
Medvenskiy, N.I. Major Ivan Ivanovich Arshava as a hero of the defence of the Caucasus 336
Prikhod'ko, S.A. Twists of fate of General Pavel Aleksandrovich Abrosimov (on the 105th anniversary of the hero's service in the Workers' and Peasants' Red Army) 344
Babadzhanov, Kh.B. Woman of the East at war 351
Lopatina, A.I. Everyday life in the Soviet hospitals during the Great Patriotic War 355
Rakhmanzade, Sh.F. Excerpt from the history of evacuation of the citizens of the Byelorussian SSR to the Azerbaijani SSR during the Great Patriotic War 361
Batyrbaeva, Sh.D. Evacuation of children to Kyrgyzstan during the Great Patriotic War: organization, challenges, and humanitarian mission 367
Vycherov, D.A. Daily life of teenage workers at the *Elektrosila* Plant under the Blockade conditions 375
Markova, S.V. Everyday life of students and the faculty members of Voronezh Medical Institute during the Great Patriotic War 378

Lagoyko, A.G., Prishchepa, A.S. Adaptation, innovation, and resistance: Leningrad Polytechnic Institute during the Blockade 385
Nosenko, E.V. Pervomaisk during the Great Patriotic War..... 392
Venkov, A.V. On the eve of occupation: self-provision of populations in the Rostov Region cities during the power vacuum 397
Golovina, E.L. Experience in combatting infectious diseases during the wartime (based on materials of the All-Union Plague Prevention Conference of 1944) 403
Nagieva, M.K. Activities of the teachers of Dagestan during the Great Patriotic War 409
Tiboev, I.A. Everyday life of the Soviet children during the Great Patriotic War (based on periodicals from Checheno-Ingushetia) 415

Chapter 5. Occupation regime, collaborationism, and resistance to the enemy 420
Lavrentiev, A.I. Extermination policy of the Nazis in the territory of the Ukrainian SSR, collaborationism, and resistance: history and consequences..... 420
Savchenko, A.S. Nazi punitive policy during the occupation of the Crimea (1941–1944)..... 425
Gribkov, I.V. Romania beyond the Dniester: ethnocolonial plans of Romania in the South of Russia (1941–1943) 431
Grekov, N.V. Materials from the *Smersh* agencies on the situation of populations in the occupied regions of the South of Russia..... 436
Popova, A.A. '*And I shall not hear the shot…*': the civic heroism of Elena Shirman..... 439
Yakhutl', Yu.A. On the involvement of the Soviet citizens in crimes committed by the Secret Field Police GPF-312 during the temporary occupation of the southern regions of the USSR (1942–1944)..... 446
Khrishkevich, T.G. State of medical care for the population of Pskov during the German occupation (1941–1944)..... 451
Springer, O.A. 'Millerovo Pit': was there *Dulag 125* in Millerovo? On the independent sources of information 457
Khanzhiev, V.V. Activities of partisan groups in Rostov and Stalingrad regions in 1942–1943 (based on materials from the Centre for Contemporary Documentation of Rostov Region) 462

Sorokina, M.Yu. From Yugoslavia to the USSR: on the repatriation of Russian emigrants – participants in the Resistance Movement during World War II (the case of the Martino family) 467
Maslova, T.F. Social dispositions of the teachers under the German occupation: research approaches and results 476
Makarova, E.A. Survival strategy: an instructor at the Abwehr Training School 480
Ludorovskaya, T.Yu. Damage inflicted on civilians in Artemovsk, Stalino Region in 1941–1943 487
Kuznetsov, D.V. Open court trials (1945–1991) in the Northern Caucasus on the Nazi collaborators involved in the genocide of civilians on the occupied territories during the Great Patriotic War 493

Chapter 6. The Great Patriotic War in the space of memory and culture 500
Badmaev, V.N. The Great Patriotic War: historical memory and philosophical discourse 500
Khristoforov, V.S. The Great Patriotic War: memorialization as a process of preserving historical memory 506
Malysheva, E.M. Transformation of the policy of memory regarding the role of the Soviet Armed Forces in the liberation of Europe from the Nazi occupation: our Memory 'without a statute of limitations' 514
Serazetdinov, B.U. Commemorative practices as a tool for preserving historical memory of the Great Patriotic War 520
Komar, Ya.V. Historical memory in the digital epoch: technological aspects of preserving the heritage and legacy of the Great Patriotic War 526
Goryushina, E.M. The Great Patriotic War in the memory policy of Transcaucasia 531
Gritsenko, G.D. Memorial culture of the Northern Caucasus community as a tool for ensuring the socio-political consolidation of the Russian society (the case of the Republic of Ingushetia) 539
Dolgieva, M.B., Tiboev, A.E. Preserving the memory of heroes of the Great Patriotic War as the key aspect of patriotic education (the case of the Republic of Ingushetia) 544
Appaeva, Zh.M. Nalchik. Memory of the war 549
Martynenko, V.Yu. Role of archives in preserving historical memory of the Great Patriotic War (practices of the Centre for the Storage of Archival Documents in Shakhty, Rostov Region) 556

Sudorgin, N.G. Heritage sites and historical landscapes of Rostov-on-Don as a form of reproducing the memory of the Great Patriotic War..... 563
Zherebtsov, I.L., Goncharova, T.E. Writer Anatoliy Znamenskiy on the enemy landing of 1943 in the Komi ASSR 568
Moseychuk, L.I., Shkut, E.V. Memories of the War by Belorussian architect Evgeniy K. Dyatlov (based on documents from the Belarusian State Archives of Scientific and Technical Documentation) 574
Zharikova, D.P. The Young Guard (1942–1943) and its commissar: heroism, forgery, and the struggle for historical truth 578

Information about the authors 588

Научное издание

ВЕЛИКАЯ ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ВОЙНА В ИСТОРИИ И ПАМЯТИ НАРОДОВ ЮГА РОССИИ: СОБЫТИЯ, УЧАСТНИКИ, СИМВОЛЫ

Материалы VI Всероссийской научной конференции с международным участием, посвященной 80-летию Победы в Великой Отечественной войне (г. Ростов-на-Дону, 4–7 июня 2025 г.)

Технические редакторы: А.С. Бабаева, Ю.В. Безуглова
Корректоры: Н.А. Власкина, Т.Е. Гревцова
Редактор текста на английском языке Р.Г. Михалюк
Оригинал-макет Я.Ю. Яковлева
Обложка: А.В. Коржов, Я.Ю. Яковлева

Подписано в печать 20.05.2025
Формат 60 × 84 $^{1}/_{16}$. Гарнитура Roboto Condensed
Бумага офсетная. Печать офсетная
Усл. печ. л. 35,84. Тираж 200 экз.
Заказ № 174

Издательство ЮНЦ РАН
344006, г. Ростов-на-Дону, пр. Чехова, 41
Тел. (863) 250-98-21

Отпечатано в ООО «Альтаир»
344064, г. Ростов-на-Дону, ул. Вавилова, 55
Тел. 8 (958) 544-59-27, e-mail: oooaltair_office@mail.ru